

9444

БОГОПИСЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛЬ

№ 3

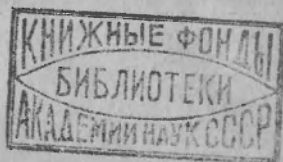
Л. Мил. nr 438

42494

МАРТЪ

33359

1916

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. И. БУНИНЪ. Стихотворенія : Святой Прокопій. Князь Всеславъ	5
II. М. ГОРЬКІЙ. Въ людяхъ.	7
III. К. ВОЛГИНЪ. Нянька.	30
IV. Н. ШКЛЯРЪ. У истоковъ сердца.	41
V. Г. ГНЪСИНЪ. Воспоминанія бродячаго пѣвца. . .	56
VI. С. ГУБЕРЪ. Стихотворенія	83
VII. М. ГОЛЬДШМИДТЪ. Еврей. пер. М. БЛАГОВѢЩЕНСКОЙ. . .	84
VIII. Я. СЕДЕРБЕРГЪ. Китаецъ. пер. Б. ЛЕОНТЬЕВОЙ . . .	118
IX. С. ЛАГЕРЛЕФЪ. Солнечное затменіе. Пер. Б. ЛЕОНТЬ- ЕВОЙ	123
X. Н. ОЛЛЕРЪ. Природа. Пер. З. ЖУРАВСКОЙ.	128
XI. М. ГАРРИ. На рисовыхъ поляхъ. Пер. Л. КИМБЕРГЪ. . .	132
XII. С. ДУБНОВА-ЭРЛИХЪ. Стихотвореніе: Мать.	137
XIII. А. БОГДАНОВЪ. Міровые кризисы, мирные и военные. . .	139
XIV. Л. МАРТОВЪ. Кантъ съ Гинденбургомъ, Марксъ съ Кантомъ	164
XV. М. ГОРЬКІЙ. Письма къ читателю.	171
XVI. НИК. СУХАНОВЪ. Интересы Россіи въ міровой войнѣ. . .	178
XVII. М. ПАВЛОВИЧЪ. Двѣ династіи.	198
XVIII. Л. Н. ТОЛСТОЙ. Письма.	219
XIX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. В. ВОЛГИНЪ. Кризисъ въ Китаѣ. — А. ЛОЗОВСКІЙ. Конгрессъ фран- цузской социалистической партіи. — Р. ГРИ- ГОРЬЕВЪ. Итальянскій клерикализмъ и война.	224
XX. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО. ВЯЧ. ПОЛОНСКІЙ. Замѣтки о молодыхъ. — АРС. О музыкальной культурѣ.	253

XXI.	ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. ЛѢТОПИСЕЦЪ. Что же дальше? М. АЛ-РОВЪ. Недосѣвъ и сельскіе хозяева. А. БѢЛЬСКІЙ. О внѣшкольномъ образованіи. А. ВИЛЬСКІЙ. Церковныя дѣла.	271
XXII.	ОТЪ РЕДАКЦІИ. О традиціяхъ	307
XXIII.	В. ТЕМНЫЙ. Религія и государственность. (Письмо въ редакцію.)	310
XXIV.	ПО РОССИИ. СТ. ВОЛЬСКІЙ. Письмо изъ провинціи	320
XXV.	БИБЛЮГРАФІЯ. НИК. СУХАНОВЪ. „Самозащита“ Марксистскій сборникъ — А. ПИНКЕВИЧЪ. „Внутренняя секретація“. — А. СЕРЕБРОВЪ. „Гюлистанъ“. Альманахъ. — Н. ВЕНГРОВЪ. Софія Парнокъ. „Стихотворенія“. — Д. ВЫГОДСКІЙ. Владиміръ Пруссакъ. „Цвѣты на свалкѣ“. — Р. АРСКІЙ. Р. Григорьевъ. „Недавнее“. — МИХ. ЛЕВИДОВЪ. Г. Чулковъ. „Сережа Нестровъ“. — АД. Б. 24-й альманахъ „Шиповникъ“. — В. БАЗАРОВЪ. Эмиль Верхарнъ. „Окровенная Бельгія“. — Е. Р. Екатерина Экъ. „Письма матери“ Е. Кричевская. „Письма о материнствѣ“. — А. ПИНКЕВИЧЪ. Н. И. Гаврилова и М. И. Стахорская. „Дневникъ матери“. — Т. ГН. Г. Цыперовичъ. „Синдикаты и тресты“. — Т. ЗБ. Вивъ. „Трудъ и здоровье рабочихъ“. — М. ПЕТРОВЪ. Л. Я. Гуревичъ. „Обзоръ дѣятельности городскихъ попечительствъ за первый годъ войны 1914—1915“ г. — М. ПЕТРОВЪ. М. Г. Диканскій. „О русскихъ курортахъ“. — М. ПЕТРОВЪ. Календарь „Справочникъ Городскаго Дѣятеля на 1916 г.“ — М. ПЕТРОВЪ. Календарь „Справочникъ Земскаго Дѣятеля на 1916 г.“ —	335
XXVI.	ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. ШОХОРЪ-ТРОЦКАГО.	362
XXVII.	КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ	363
XXVIII.	ОБЪЯВЛЕНІЯ	365

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція, изъ уваженія къ труду наборщиковъ, проситъ гг. авторовъ представлять рукописи переписанными на пишущей машинѣ, или совершенно четко перомъ.

На отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи — по четвергамъ съ 4 до 6 час.

Пріемъ секретаря — по понедѣльникамъ и четвергамъ съ 2 до 5 час.

СВЯТОЙ ПРОКОПІЙ.

Бысть нѣкая зима
Всѣхъ зимъ иныхъ лютѣйша паче.
Бысть нетерпимый мразъ и бурный вѣтръ,
И снѣгъ спаде на землю превеликій,
И храмины засыпа, и не токмо
Въ путьхъ, но и во градъ померзаху
Скоты и челоуѣцы безъ числа,
И птицы мертвы падаху на кровли.
Бысть въ оны дни:
Святый своимъ наготствующимъ тѣломъ
Отъ той зимы безмѣрно пострада.
Единожды онъ ночью приде
Ко храминамъ убогихъ и хотъ
Согрѣтися у нихъ; но ощутивше
Приходъ его, инѣи затворяху
Дверь крѣпко передъ нимъ, инѣи же его
Бѣяху и кричаще: — Прочь отсюду,
Отыди прочь, Юроде! — Онъ въ уголь
Псовъ обрѣте на снѣгъ и солому,
И ляже посреде ихъ, но бѣгоша
Тѣ пси его. И возвратися паки
Святый въ притворъ церковный и съде,
Согнулся и трясъся и отчаявъ
Спасенія себѣ. — Благословенно
Господне имя! Пси и челоуѣцы —
Единое въ свирѣпствѣ и умѣ.

Ив. Бунинъ.

КНЯЗЬ ВСЕСЛАВЪ.

*Князь Всеславъ въ желъзы былъ закованъ,
Въ яму брошенъ братскою рукой:
Князю былъ жестокой уготованъ
Жребій по жестокости людской.*

*Русь его, призвавъ къ великой чести,
Въ Кіевъ изъ темницы извела.
Да не въ часъ онъ стѣлъ на княжемъ мѣстѣ, —
Лишь копьемъ дотронулся Стола.*

*Что-жъ теперь, — дорогами глухими,
Воровскими въ Полоцкъ убѣжавъ, —
Что теперь, вдали отъ міра, въ схимѣ,
Вспоминаетъ темный князь Всеславъ?*

*Только звонъ твой утренній, Софія,
Голосъ твой серебряный! — Долга
Ночь зимою въ Полоцкъ; другіе
Избы въ немъ, и церкви, и снѣга.*

*Далеко до свѣта, чуть стѣрѣютъ
Мерзлыя окошечки... Но вотъ
Слышитъ онъ сквозь сонъ — зовутъ и мѣютъ
Звоны райскихъ, ангельскихъ высотъ.*

*Въ Полоцкъ звонятъ, а онъ иное
Слышитъ въ тонкой грезѣ... Что года,
Что позоръ, темница! Неземное
Сердцемъ онъ запомнилъ навсегда!*

Ив. Бунинъ.

Перепечатка воспрещается. Право
на переводъ принадлежитъ автору.

ВЪ ЛЮДЯХЪ.

Продолженіе.*

V.

Весною я все-таки убѣждалъ: — пошелъ утромъ въ лавочку за хлѣбомъ къ чаю, а лавочникъ, продолжая при мнѣ ссору съ женой, ударилъ ее по лбу гирей, она выбѣжала на улицу и тамъ упала; тотчасъ собрались люди, женщину посадили въ пролетку, повезли ее въ больницу, я побѣждалъ за извозчикомъ, а потомъ незамѣтно для себя, очутился на набережной Волги, съ двугривеннымъ въ рукѣ.

Ласково сіялъ весенній день, Волга разлилась широко, на землѣ было шумно, просторно, — а я жилъ до этого дня, точно мышенокъ въ погребѣ. И я рѣшилъ, что не вернусь къ хозяйкамъ и не пойду къ бабушкѣ въ Кунавино, я не сдержалъ слова, было стыдно видѣть ее, а дѣдъ сталъ бы злорадствовать надо мной.

Дня два, три я шлялся по набережной, питаюсь около добродушныхъ крючниковъ, ночуя съ ними на пристаняхъ; потомъ одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ:

— Ты, мальчишко, зря треплешься тутъ, вижу я! Иди-ко на «Добрый», тамъ посудника надо...

Я пошелъ; высокій, бородатый буфетчикъ, въ черной шелковой шапочкѣ безъ козырька, посмотрѣлъ на меня сквозь очки мутными глазами и тихо сказалъ:

— Два рубля въ мѣсяцъ. Паспортъ.

Паспорта у меня не было, буфетчикъ подумалъ и предложилъ:

— Мать приведи.

Я бросился къ бабушкѣ, она отнеслась къ моему поступку одобрительно, уговорила дѣда сходить въ ремесленную управу за паспортомъ для меня, а сама пошла со мною на пароходъ.

— Хорошо, — сказалъ буфетчикъ, взглянувъ на насъ. — Идемъ.

* См. „Лѣтопись“ №№ 1, 2 за 1916 г.

Привель меня на корму парохода, гдѣ за столикомъ сидѣлъ, распивая чай и одновременно курия толстую папиросу, огромный поварь въ бѣлой курткѣ, въ бѣломъ колпакѣ. Буфетчикъ толкнулъ меня къ нему.

— Посудникъ.

И тотчасъ пошелъ прочь, а поварь, фыркнувъ, оцетинилъ черные усы и сказалъ вслѣдъ ему:

— Нанимаете всякаго бѣса, або дешевле . . .

Сердито вскинулъ большую голову въ черныхъ, коротко остриженныхъ волосахъ, вытаращилъ темные глаза, напрягся, надулся и закричалъ зычно:

— Кто ты такой?

Мнѣ очень не понравился этотъ человѣкъ, — весь въ бѣломъ, онъ все-таки казался чумазымъ, на пальцахъ у него росла шерсть, изъ большихъ ушей торчали волосы.

— Я хочу ѣсть, — сказала я ему.

Онъ мигнулъ, и вдругъ его свирѣпое лицо измѣнилось отъ широкой улыбки, толстая, каленая щеки волною отошли къ ушамъ, открывъ большіе лошадиные зубы, усы мягко опустились — онъ сталъ похожъ на толстую добрую бабу.

Выплеснувъ за бортъ чай изъ своего стакана, налилъ свѣжаго, подвинулъ мнѣ непечатую французскую булку, большой кусокъ колбасы.

— Лопай! Отецъ-мать есть? Воровать умѣешь? Ну, не бойся, здѣсь всѣ воры — научать!

Говорилъ онъ точно лаялъ. Его огромное, досиня выбритое лицо было покрыто — около носа — сплошной сѣтью красныхъ жилокъ, пухлый багровый носъ опускался на усы, нижняя губа тяжело и брезгливо отвисла, въ углу рта приклеилась, дымясь, папираса. Онъ, видимо, только что пришелъ изъ бани — отъ него пахло березовымъ вѣникомъ и перцовкой, на вискахъ и на шеѣ блестѣлъ обильный потъ.

Когда я напился чаю, онъ сунулъ мнѣ рублевую бумажку.

— Ступай, купи себѣ два фартука съ нагрудниками. Стой, — я самъ куплю!

Поправилъ колпакъ и пошелъ, тяжело покачиваясь, щупая ногами палубу, точно медвѣдь.

. . . Ночь, ярко свѣтитъ луна, убѣгая отъ парохода влѣво, въ луга. Старенькій рыжій пароходъ, съ бѣлой полосой на трубѣ, не торопясь и неровно шлепаетъ плицами по серебряной водѣ. встрѣчу ему тихонько плывутъ темные берега, положивъ на воду тѣни, надъ ними красно свѣтятся окна избъ, въ селѣ поютъ —

дѣвки водятъ хороводъ, и припѣвъ — «ай-люли» звучитъ, какъ аллилуйя...

За пароходомъ на длинномъ буксирѣ тянется баржа, тоже рыжая; она прикрыта по палубѣ желѣзной клѣткой, въ клѣткѣ — арестанты, осужденные на поселение и въ каторгу. На носу баржи, какъ свѣча, блеститъ штыкъ часового; мелкія звѣзды въ синемъ небѣ тоже горятъ, какъ свѣчи. На баржѣ тихо, ее богато облилъ лунный свѣтъ, за черной сѣткой желѣзной рѣшетки смутно видны круглыя сѣрыя пятна, — это арестанты смотрятъ на Волгу. Всхлипываетъ вода, не то плачетъ, не то смѣется робко. Все вокругъ какое-то церковное и масломъ пахнетъ такъ же крѣпко, какъ въ церкви.

Смотрю на баржу и вспоминаю раннее дѣтство, путь изъ Астрахани въ Нижній, желѣзное лицо матери и бабушку, чело­вѣка, который ввелъ меня въ эту интересную, хотя и трудную жизнь, — въ люди. А когда я вспоминаю бабушку, все дурное, обидное уходитъ отъ меня, измѣняется, все становится интереснѣе, пріятнѣе, люди — лучше и милѣй...

Меня почти до слезъ волнуетъ красота ночи, волнуетъ эта баржа — она похожа на гробъ и такая лишняя на просторѣ широко разлившейся рѣки, въ задумчивой тишинѣ теплой ночи. Неровная линия берега, то поднимаясь, то опускаясь, пріятно тревожитъ сердце, — мнѣ хочется быть добрымъ, нужнымъ для людей.

Люди на пароходѣ нашемъ — особенные, всѣ они — старые и молодые, мужчины и женщины — кажутся мнѣ одинаковыми. Нашъ пароходъ идетъ медленно, дѣловые люди садятся на почтовые, а къ намъ собираются все какіе-то тихіе бездѣльники. Съ утра до вечера они пьютъ, ѣдятъ и пачкаютъ множество посуды, ножей, вилокъ, ложекъ; моя работа — мыть посуду, чистить вилки и ножи, я занимаюсь этимъ съ шести часовъ утра и почти вплоть до полуночи. Днемъ, между двумя и шести часами, и вечеромъ, отъ десяти до полуночи, работы у меня меньше, въ это время пассажиры, отдыхая отъ ѣды, только пьютъ чай, пиво, водку. Въ эти часы свободна вся буфетная прислуга — мое начальство. За столомъ около отвода пьютъ чай поваръ Смурый, его помощникъ Яковъ Иванычъ, кухонный посудникъ — Максимъ и офицантъ для палубныхъ пассажировъ Сергѣй, горбунъ, со скуластымъ лицомъ, изрытымъ оспой, съ масляными глазами. Яковъ Иванычъ рассказываетъ разныя мерзости, посмѣиваясь рыдающимъ смѣш­комъ, показывая зеленые гнилые зубы. Сергѣй растягиваетъ до ушей свой лягушечій ротъ, хмурый Максимъ молчитъ, глядя на нихъ строгими глазами неуловимаго цвѣта.

— Аз-зіаты! Мор-рдва, — изрѣдка гулкимъ голосомъ произноситъ старшій поварь.

Эти люди не нравятся мнѣ. Толстый, лысенькій Яковъ Ивановичъ говоритъ только о женщинахъ и всегда — грязно. Лицо у него пустое, въ сизыхъ пятнахъ, на одной щекѣ бородавка съ кустикомъ рыжихъ волосъ, онъ ихъ закручиваетъ въ иголку. Когда на пароходъ является податливая, разбитная пассажирка, онъ ходитъ около нея какъ-то особенно робко и пугливо, точно нищи, говоритъ съ нею слащаво и жалобно, на губахъ у него появляется мыльная пѣна, онъ то и дѣло слизываетъ ее быстрымъ движениемъ поганого языка. Мнѣ почему-то кажется, что вотъ такими жирненькими должны быть палачи.

— Бабу надо умѣть накалить, — учить онъ Сергѣя и Максима, они слушаютъ его внимательно и надуваются, краснѣютъ.

— Азіаты, — брезгливо бухаетъ Смурый, тяжело встаетъ и командуетъ мнѣ: — Пѣшкѡвъ — маршъ!

Въ каютѣ у себя, онъ суетъ мнѣ книжку въ кожаномъ переплетѣ и ложится на койку, у стѣны ледника.

— Читай!

Я сажусь на ящикъ макаронъ и добросовѣстно читаю.

— «Умбракуль, распещренный звѣздами, значить удобное сообщеніе съ небомъ, которое имѣютъ они освобожденіемъ себя отъ профановъ и пороковъ»...

Смурый, закуривъ папироску, фыркаетъ дымомъ и ворчитъ:

— Верблюды! Написали...

— «Оголѣніе лѣвой груди означаетъ невинность сердца»...

— У кого — оголѣніе?

— Не сказано.

— То значитъ — у бабъ... Э, распутники.

Онъ закрываетъ глаза и лежитъ, закинувъ руки за голову, папироса чуть дымится, прилѣпившись къ углу губъ, онъ поправляетъ ее языкомъ, затягивается такъ, что въ груди у него что-то свиститъ, и огромное лицо тонетъ въ облакѣ дыма. Иногда мнѣ кажется, что онъ уснулъ, я перестаю читать и разглядываю проклятую книгу — надоѣла она мнѣ до тошноты.

Но онъ хрипитъ:

— Читай!

— «Венерабль отвѣчаетъ: посмотри, любезный мой фреръ Сюверьянь»...

— Сѣверьянь...

— Налечатано — Сюверьянь...

— Ну? Вотъ чертовщина! Тамъ въ концѣ стихами написано, катай оттуда...

Я катаю:

— «Профаны, любопытствующіе знать наши дѣла —

Никогда слабыя ваши очи не узрятъ оныхъ.

Вы и того не узнаете, какъ поють фреры».

— Стой, — говоритъ Смурый, — да это жъ не стихи! Дай книгу...

Онъ сердито перелистываетъ толстыя, синія страницы и суетъ книгу подъ тюфякъ.

— Возьми другую...

На мое горе у него въ черномъ сундукѣ, окованномъ желѣзомъ, много книгъ — тутъ «Омировы наставленія», «Мемори артиллерійскія», «Письма лорда Седенгали», «О клопъ насѣкомомъ зловредномъ, а также объ уничтоженіи онаго, съ приложеніемъ совѣтовъ противъ сопутствующихъ ему»; были книги безъ начала и конца. Иногда поваръ заставлялъ меня перебирать эти книги, называть всѣ титулы ихъ, я читалъ, а онъ сердито ворчалъ:

— Сочиняють, ракали... Какъ по зубамъ бьютъ, а за что — нельзя понять. Гервасій! А — на чорта онъ мнѣ сдался, Гервасій этотъ? Умбакулъ...

Странныя слова, незнакомыя имена надоѣдливо запоминались, щекотали языкъ, хотѣлось ежеминутно повторять ихъ — можетъ быть въ звукахъ откроется смыслъ? А за окномъ неустанно пѣла и плескала вода. Хорошо бы уйти на корму, тамъ, среди ящиковъ товара собираются матросы, кочегары, обыгрываютъ пассажировъ въ карты, поють пѣсни, рассказываютъ интересныя исторіи. Хорошо сидѣть съ ними и, слушая простое, понятное, смотрѣть на берега Камы, на сосны, вытянутыя, какъ мѣдныя струны, на луга, гдѣ отъ половодья остались маленькія озера и лежатъ, какъ куски разбитаго зеркала, отражая синее небо. Нашъ пароходъ отъединенъ отъ земли, убѣгаетъ прочь отъ нея, а съ берега, въ тишинѣ уставшаго дня, доносится звонъ невидимой колокольни, напоминая о селахъ, о людяхъ. На волнѣ качается лодка рыбака, похожая на краюху хлѣба; вотъ на берегу явилась деревенька, куча мальчишекъ полощется въ рѣкѣ, по желтой лентѣ песка идетъ мужикъ въ красной рубахѣ. Издали, съ рѣки, все кажется пріятнымъ, все — точно игрушечное, забавно мелко и пестро. Хочется крикнуть на берегъ какія-то ласковыя, добрыя слова — на берегъ и на баржу.

Эта рыжая баржа очень занимала меня, я цѣлый часъ могъ, не отрываясь, смотрѣть, какъ она роетъ тупымъ носомъ мутную

воду. Пароходъ тащилъ ее, точно свинью; ослабѣвая, буксиръ хлесталъ по водѣ, потомъ снова натягивался, фроня обильныя капли и дергалъ баржу за носъ. Мнѣ очень хотѣлось видѣть лица людей, звѣрями сидѣвшихъ въ желѣзной клѣткѣ. Въ Перми, когда ихъ сводили на берегъ, я пробирался по сходнямъ баржи, мимо меня шли десятки сѣрыхъ человѣчковъ, гулко топая ногами, звякая кольцами кандаловъ, согнувшись подъ тяжестью котомокъ; шли женщины и мужчины, старые и молодые, красивые и уродливые, но всѣмъ такіе же, какъ всѣ люди, только иначе одѣтые и обезображенные бритьемъ. Конечно, это — разбойники, но бабушка такъ много говорила хорошаго о разбойникахъ.

Смурый, болѣе другихъ похожій на свирѣпаго разбойника, угрюмо поглядывая на баржу, ворчалъ:

— Избави Боже такой судьбины!

Какъ-то разъ я спросилъ его:

— Почему это — вы стряпаете, а другіе убиваютъ, грабятъ?

— Я не стряпаю, а готовлю, стряпаютъ — бабы, — сказалъ онъ усмѣхаясь, подумавъ, прибавилъ: — разница межъ лодьми — въ глупости. Одинъ — умнѣе, другой — меньше, третій — совсѣмъ дуракъ. А чтобы поумнѣть, надо читать правильныя книги, черную магію и — что тамъ еще? Всѣ книги надо читать, тогда найдешь правильныя...

Онъ постоянно внушалъ мнѣ:

— Ты — читай! Не поймешь книгу, — семь разъ прочитай, семь не поймешь — прочитай двѣнадцать...

Со всѣми на пароходѣ, не исключая и молчаливаго буфетчика, Смурый говорилъ отрывисто, брезгливо распуская нижнюю губу, оцетинивъ усы, — точно камнями швырялъ въ людей. Ко мнѣ онъ относился мягко и внимательно, но въ этомъ вниманіи было что-то, пугавшее меня немножко; иногда поваръ казался мнѣ полоумнымъ, какъ сестра бабушки.

Иногда онъ говорилъ мнѣ:

— Подожди читать...

И долго лежитъ, закрывъ глаза, посапывая носомъ; колышется его большой животъ, шевелятся сложенные на груди, точно у покойника, обожженные, волосатые пальцы рукъ, — вяжутъ невидимыми спяцами невидимый чулокъ.

И вдругъ начнетъ ворчать:

— Да. Вотъ тебѣ — разумъ, иди и живи! А разума скупое дано и не ровно. Коли бы всѣ были одинаково разумны, а то — нѣтъ... Одинъ понимаетъ, другой — не понимаетъ, и есть такіе, что вовсе ужъ не хотятъ понять, а!

Спотыкаясь на словахъ, онъ рассказываетъ исторіи изъ своей солдатской жизни — смысла этихъ исторіи я не могъ уловить, онъ казались мнѣ неинтересными, да и рассказывалъ онъ не съ начала, а что на память приходило.

— Призываетъ того солдата полковой командиръ, спрашиваетъ: что тебѣ говорилъ поручикъ? Такъ онъ отвѣчаетъ все какъ было, — солдатъ обязанъ отвѣчать правду. А поручикъ посмотрѣлъ на него, какъ на стѣну, и отвернулся, опустилъ голову. Да...

Поваръ сердится, дышитъ дымомъ и ворчитъ:

— Развѣ же я знаю, что можно говорить, чего нельзя? Тогда поручика засудили въ крѣпость, а матушка его говоритъ... а, Боже мой! Я же не ученый ничему...

Жарко. Все вокругъ тихонько трясется, гудитъ, за желѣзной стѣнкой каюты плещетъ водой и бухаетъ колесо парохода, мимо иллюминатора широкой полосой течетъ рѣка, вдали видна полоска лугового берега, маячатъ деревья. Слухъ привыкъ ко всѣмъ звукамъ, кажется, что вокругъ тихо, хотя на носу парохода матросъ заунывно воетъ:

— Се-емь, се-емь...

Не хочется принимать участія ни въ чемъ, не хочется слушать, работать, только бы сидѣть гдѣ-либо въ тѣни, гдѣ нѣтъ жирнаго, горячаго запаха кухни, сидѣть и смотрѣть полусонно, какъ скользить по водѣ эта тихонькая, уставшая жизнь.

— Читай, — сердито приказываетъ поваръ.

Его боятся даже классные официанты, да и смиренный, скупой на слова буфетчикъ, похожій на судака, тоже, видимо, боится Смугаго.

— Эй, ты, свинья! — кричитъ онъ на буфетную прислугу. — Поди сюда, воръ! Азіяты... Умбракуль...

Матросы и кочегары относятся къ нему почтительно, заискивающе, — онъ давалъ имъ вываренное бульонное мясо, спрашивалъ о деревнѣ, о семьяхъ. Мясляные и копченые кочегары-бѣлоруссы считались на пароходѣ низшими людьми, ихъ звали однимъ именемъ — ягуты, и дразнили:

— Ягу, бягу, на берягу...

Когда Смугый слышалъ это, онъ, ощетинаясь, налившись кровью, оралъ кочегару:

— Ты что позволяешь смѣяться надъ собой, лыковая харя? Бей кацапа въ морду!

Какъ-то разъ боцманъ, красивый и злой мужикъ, сказалъ ему:

— Ягутъ да хохоль — одна вѣра!

Поварь схватилъ его за шиворотъ, за поясъ, поднялъ на воздухъ и началъ трясти, спрашивая:

— Хошь — расшибу?

Ссорились часто, иногда до драки, но Смурога не били, онъ обладалъ нечеловѣческой силой, а кромѣ этого, съ нимъ часто и ласково бесѣдовала жена капитана: высокая, дородная женщина съ мужскимъ лицомъ и гладко, какъ у мальчика, остриженными волосами.

Онъ жестоко пилъ водку, но никогда не пьянѣлъ. Начинать пить съ утра, выпивая бутылку въ четыре приема, и вплоть до вечера сосалъ пиво. Лицо у него постепенно бурѣло, темные глаза изумленно расширялись.

Бывало, вечеромъ, сядетъ онъ на отводѣ, огромный, бѣлый и часами сидитъ молча, хмуро глядя въ текучую даль. Въ этотъ часъ всѣ особенно боялись его, а я — жалѣлъ.

Выходилъ изъ кухни Яковъ Иванычъ, потный, раскаленный; стоялъ, почесывая голый черепъ и, махнувъ рукою, скрывался, или говорилъ издали:

— Стерлядь уснула...

— Ну, въ солянку...

— А если уху закажутъ или — паровую?

— Готовъ. Сожрутъ.

Иногда я рѣшался подойти къ нему, онъ тяжело передвигалъ глаза на меня.

— Что?

— Ничего.

— Добре...

Я, все-таки, спросилъ его въ одинъ изъ такихъ часовъ:

— Зачѣмъ вы пугаете всѣхъ, вѣдь вы — добрый?

Противъ ожиданія, онъ не разсердился.

— Это я только къ тебѣ добрый.

Но тотчасъ же добавилъ, простодушно и задумчиво:

— А, пожалуй, вѣрно, я — ко всѣмъ добрый. Только не показываю этого, нельзя это показывать людямъ, а то они — замордуютъ. На добраго всякій лѣзетъ, какъ бы на кочку въ болотѣ... И затопчутъ. Иди, принеси пива...

Выпивъ бутылку, стаканъ за стаканомъ, онъ обсосалъ усы и сказалъ:

— Будь ты, птица, побольше, то я бы многому тебя научилъ. Мнѣ есть что сказать человѣку, я не дуракъ... Ты читай книги,

въ нихъ должно быть все, что надо. Это не пустяки, книги! Хочешь пива?

— Я не люблю.

— Добре. И не пей. Пьянство — это горе. Водка — чортово дѣло. Будь я богатый, — погналь бы я тебя учиться. Неученый человекъ — быкъ, его хоть въ ярмо, хоть на мясо, а онъ только хвостомъ мотаете...

Капитанша дала ему томъ Гоголя, я прочиталь «Страшную месть», мнѣ это очень понравилось, но Смурый сердито крикнуль:

— Ерунда, сказка! Я знаю, — есть другія книги...

Отняль у меня книгу, принесь отъ капитанши другую и угрюмо приказаль:

— Читай Тараса... какъ его? Найди. Она говоритъ — хорошо... Кому — хорошо? Ей хорошо, а мнѣ — може — и нехорошо? Волосы остригла себѣ, на! А что жъ — уши не остригла?

Когда Тарасъ вызваль Остапа драться, поваръ густо засмѣялся.

— Это — такъ! А что жъ? Ты — ученъ, а я — силенъ! Что печатають! Верблюды...

Онъ слушалъ внимательно, но часто ворчалъ:

— А, ерунда! Нельзя же человека разрубить съ плеча до сидѣнья, нельзя! И на пику нельзя поднять — переломится пика! Я жъ самъ солдатъ...

Измѣна Андря вызвала у него отвращение.

— Подлое чадо, а? Изъ-за бабы! Тыфу...

Но когда Тарасъ пристрѣлилъ сына, поваръ, спустивъ ноги съ койки, уперся въ нее руками, согнулся и заплакаль, — медленно потекли по щекамъ слезы, капая на палубу, онъ сопѣль и бормоталь:

— А, Боже мой... Боже мой...

И вдругъ заораль на меня:

— Да читай же, чортова кость!

Онъ снова заплакаль и — еще сильнѣе и горше, когда Остапъ передъ смертью крикнуль: «Батько. Слышишь ли ты?»

— Все погбло, — всхлипываль Смурый, — все, а! Уже — конецъ? Эхъ, проклятое дѣло! А — были люди, Тарасъ этотъ — а? Да-а, это — люди...

Взяль у меня изъ рукъ книгу и внимательно разсмотрѣль ее, окапавъ переплетъ слезами.

— Хорошая книга! Просто — праздник!

Потомъ мы читали «Ивангоэ» — Смурому очень понравился Ричардъ Плантагенетъ.

— Это настоящий король! — внушительно говорилъ онъ. Мнѣ книга показалась скучной.

Вообще, мы не сходились во вкусахъ, меня очень увлекала «Повѣсть о Томасѣ Ионесѣ» — старинный переводъ «Исторіи Тома Джонса, найденыша», а Смурый ворчалъ:

— Хлупость! Что мнѣ до него, до Томаса? На что онъ мнѣ сдася? Должны быть инья книги...

Однажды я сказалъ ему, что мнѣ извѣстно—есть другія книги, подпольныя, запрещенныя; ихъ можно читать только ночью, въ подвалахъ.

Онъ вытаращилъ глаза, оцетинился.

— Ш-шо такое? Шо ты врешь?

— Я — не вру, меня про нихъ попъ на исповѣди спрашивалъ, а до того я самъ видѣлъ, какъ ихъ читають и плачуть...

Поваръ, угрюмо глядя въ лицо мнѣ, спросилъ:

— Кто — плачетъ?

— Барыня, которая слушала. А другая — убѣжала даже со страху...

— Проснись, бредишь, — сказалъ Смурый, медленно прикрывая глаза, а помолчавъ — забормоталъ:

— Конечно, — гдѣ-нибудь есть... что-нибудь — скрытое. Не быть его — не можетъ... Не таковы мои годы, да и характеръ мой тожъ... Ну, а однакожъ...

Онъ могъ говорить столь краснорѣчиво цѣлый часъ.

Незамѣтно для себя, я привыкъ читать и бралъ книгу съ удовольствіемъ, то, о чемъ рассказывали книги, пріятно отличалось отъ жизни, — она становилась все тяжелѣе.

Смурый, тоже увлекаясь чтеніемъ все больше, часто отрывалъ меня отъ работы.

— Пѣшковъ, иди читать.

— У меня немытой посуды много.

— Максимъ вымоетъ.

Онъ грубо гналъ старшаго посудника на мою работу, тотъ со зла билъ стаканы, а буфетчикъ смиренно предупреждалъ меня:

— Ссажу съ парохода.

Однажды Максимъ нарочно положилъ въ тазъ съ грязной водой и спитымъ чаемъ нѣсколько стакановъ, а я выплеснулъ воду за бортъ и стаканы полетѣли туда же.

— Это моя вина! — сказала Смурый буфетчику. — Запишите мнѣ.

Буфетная прислуга стала смотрѣть на меня исподлобья, мнѣ говорили:

— Эй, ты, книгочей! Ты за что деньги получаешь?

И старались дать мнѣ работы возможно больше, зря пачкая посуду. Я понималъ, что все это плохо кончится для меня и не ошибся.

Подъ вечеръ, съ какой-то маленькой пристани къ намъ на пароходъ сѣла краснорожая баба съ дѣвицей въ желтомъ платкѣ и розовой новой кофтѣ. Обѣ онѣ были выпивши, баба улыбалась, кланялась всѣмъ и говорила на ѓ, точно дьяконъ:

— Простите, родные, выпила я немножко! Судили меня, оправдали, вотъ я на радостяхъ и выпила...

Дѣвушка тоже смѣялась, глядя на людей мутными глазами, и толкала бабу.

— А ты — иди, чумовая, иди, знай...

Онѣ помѣстились около рубки втораго класса, противъ каюты, гдѣ спалъ Яковъ Ивановичъ и Сергѣй. Баба скоро куда-то исчезла, а къ дѣвущкѣ подсѣлъ Сергѣй, жадно растягивая лягушечии ротъ.

Ночью, когда я, кончивъ работу, ложился спать на столѣ, Сергѣй подошелъ ко мнѣ и схватилъ за руку.

— Иди, мы тебя женимъ...

Онъ былъ пьянъ. Я попытался вырвать руку, но онъ ударилъ меня.

— Иди-и!

Подбѣжалъ Максимъ, тоже пьяный, и вдвоемъ они потащили меня по палубѣ къ своей каютѣ, мимо спящихъ пассажировъ. Но у дверей каюты стоялъ Смурый, въ двери, держась за косяки — Яковъ Иванычъ, а дѣвица колотила его по спинѣ кулаками и пьянымъ голосомъ кричала:

— Пуститя...

Смурый выдернулъ меня изъ рукъ Сергѣя и Максима, схватилъ ихъ за волосы и, стукнувъ головами, отшвырнулъ, они оба упали.

— Азятъ! — сказалъ онъ Якову, захлопнувъ дверь на носъ ему, и загудѣлъ, толкая меня:

— Ступай прочь!

Я убѣжалъ на корму. Ночь была облачная, рѣка — черная; за кормою кипѣли двѣ сѣрыя дорожки, расходясь къ невидимымъ берегамъ, между этихъ дорожекъ тащилась баржа. То справа,

то слѣва являются красныя пятна огней и, ничего не освѣтивъ, исчезаютъ за неожиданными поворотами берега; послѣ нихъ становится еще болѣе темно и обидно.

Пришелъ поварь, сѣлъ рядомъ со мною, вздохнулъ тяжело и закурилъ папиросу.

— Они тебя къ этой тащили? Этъ, поганцы! Я же слышалъ, какъ они посягали...

— Вы отняли ее у нихъ?

— Ее? — Онъ грубо обругалъ дѣвицу и продолжалъ тяжело лымъ голосомъ:

— Тутъ всѣ гады. Пароходишко этотъ — хуже деревни. Въ деревнѣ жилъ?

— Нѣтъ.

— Деревня — насквозь бѣда! Особенно — зимой...

Бросивъ окурокъ за бортъ, онъ помолчалъ и заговорилъ снова:

— Пропадешь ты въ свиномъ стадѣ, жалко мнѣ тебя, кутенокъ. И всѣхъ жалко. Иной разъ не знаю, что сдѣлалъ бы... даже на колѣни бы всталъ и спросилъ: что жъ вы дѣлаете, сукины сыны, а? Что вы, слѣпые? Верблюды...

Пароходъ протяжно загудѣлъ, буксиръ шлепнулся въ воду; въ густой темнотѣ закачался огонь фонаря, указывая, гдѣ пристань, изъ тьмы спускались еще огни.

— Пьяный Боръ, — ворчалъ поварь. — И рѣка есть — Пьяная. Былъ капитанармусъ — Пьянковъ. И писарь — Запивохинъ... Да еще капитанъ Непей-Пиво... Пойду на берегъ...

Крупныя камскія бабы и дѣвки таскали съ берега дрова на длинныхъ носилкахъ. Изгибаясь подъ лямками, упруго пританцовывая, пара за парой онѣ шли къ трюму кочегарни и сбрасывали полсажени полѣньевъ въ черную яму, звонко выкрикивая:

— Трушша!

Когда онѣ шли съ дровами, матросы хватили ихъ за груди, за ноги, бабы визжали, плевали на мужиковъ, возвращаясь назадъ, онѣ оборонялись отъ щипковъ и толчковъ ударами носилокъ. Я видѣлъ это десятки разъ — каждый рейсъ, на всѣхъ пристаняхъ, гдѣ грузили дрова, было то же самое.

Мнѣ казалось, что я — старый, живу на этомъ пароходѣ много лѣтъ и знаю все, что можетъ случиться на немъ завтра, черезъ недѣлю, осенью, въ будущемъ году.

Уже свѣтало. На песчаномъ обрывѣ выше пристани обозначился мощный сосновый лѣсъ. Въ гору, къ лѣсу, шли бабы, смѣ-

ялись и пѣли, подвывая; вооруженныя длинными носилками, онѣ были похожи на солдатъ.

Хотѣлось плакать, слезы кипѣли въ груди, сердце точно варилося въ нихъ; это было больно.

Но плакать — стыдно, и я сталъ помогать матросу Бляхину мыть палубу.

Это былъ незамѣтный человѣчекъ, Бляхинъ. Весь какой-то линючий, блеклый, онъ все прятался по угламъ, поблескивая отсюда маленькими глазками.

— По-настоящему прозвище мнѣ не Бляхинъ, а ... Потому, видишь ты, — мать у меня была распутной жизни. Сестра есть, такъ — и сестра тоже. Такая, стало быть, назначена судьба обѣимъ имъ. Судьба, братаня, всѣмъ намъ — якорь. Ты бь пошелъ, анъ — погоди ...

И теперь, шаркая шваброй по палубѣ, онъ говорилъ мнѣ тихонько:

— Видалъ, какъ бабовъ забираютъ? То-то вотъ! И сырое полѣно долго поджигать — загорится! Не люблю я этого, братаня, не уважаю. И родись я бабой — утопился бы въ черномъ омутѣ, вотъ тебѣ Христось Святой порукой! ... И такъ воли нѣтъ никому, а тутъ еще — зажигаютъ! Скопцы-то, я те скажу, не дуракъ народъ. Про скопцовъ — слыхаль? Умный народъ, очень правильно догадался: напрочь всѣ мелкия вещи, да и — служи Богу, чисто ...

Мимо насъ прошла по лужамъ капитанша, высоко подбирая юбки; она всегда вставала рано. Высокая, стройная, и такое простое, ясное лицо у нея ... Захотѣлось побѣждать за нею и просить всей душой:

— Скажите мнѣ что-нибудь, скажите! ...

Пароходъ медленно отвалилъ отъ пристани, а Бляхинъ сказалъ, крестясь:

— Поѣхали ...

VI.

Въ Сарапулѣ Максимъ ушелъ съ парохода — ушелъ молча, ни съ кѣмъ не простясь, серьезный и спокойный. За нимъ, усмѣхаясь, сошла веселая баба, а за нею — дѣвица, измятая, съ опухшими глазами. Сергѣй же долго стоялъ на колѣняхъ передъ каютой капитана, цѣловалъ филенку двери, стучался въ нее лбомъ и зывалъ:

— Простите меня — я не виноватъ! Это — Максимка ...

Матросы, буфетная прислуга, даже нѣкоторые пассажиры знали, что онъ вретъ, но поощрительно совѣтовали:

— Валяй, валяй — простить!

Капитанъ гналъ его прочь, даже толкнулъ ногой, такъ что Сергѣй опрокинулся, но, все-таки, простилъ. И Сергѣй тотчасъ же забѣгалъ по палубѣ, разнося подносы съ посудой для чая, по собачьимъ искательно заглядывая людямъ въ глаза.

На мѣсто Максима взяли съ берега вятскаго солдатика, костляваго, съ маленькой головкой и рыжими глазами. Помощникъ повара тотчасъ послалъ его рѣзать куръ — солдатикъ зарѣзалъ пару, а остальныхъ распустилъ по палубѣ, пассажиры начали ловить ихъ, три курицы перелетѣли за бортъ. Тогда солдатикъ сѣлъ на дрова около кухни и горько заплакалъ.

— Ты что, дуракъ? — изумленно спросилъ его Смурый. — Развѣ солдаты плачутъ?

— Я — нестроевой роты, — тихонько сказалъ солдатъ.

Это погубило его, — черезъ полчаса всѣ люди на пароходѣ хохотали надъ нимъ; подойдутъ вплотъ къ нему, уставятся глазами прямо въ лицо, спросятъ:

— Этоть?

И затрясутся въ судорогахъ обиднаго, нелѣпаго смѣха.

Солдатъ сначала не видѣлъ людей, не слышалъ смѣха; собирая слезы съ лица рукавомъ ситцевой старенькой рубахи, онъ словно пряталъ ихъ въ рукавъ. Но скоро его рыжіе глазки гнѣвно разгорѣлись, и онъ заговорилъ вятской сорочьей скороговоркой:

— Што вылупили шары-те на меня? Ой, да чтобъ васъ разорвало на кусочки...

Это еще болѣе развеселило публику, солдата начали тыкать пальцами, дергать за рубаху, за фартукъ, играя съ нимъ, точно съ козломъ, и такъ травили его до обѣда, а пообѣдавъ, кто-то надѣлъ на ручку деревянной ложки кусокъ выжатаго лимона и привязалъ за спиной солдата къ тесемкамъ его фартука; — солдатъ идетъ, ложка болтается сзади него, всѣ хохочутъ, а онъ — суетится, какъ пойманный мышенокъ, не понимая, что вызываетъ смѣхъ?

Смурый слѣдитъ за нимъ молча, серьезно, лицо у повара сдѣлалось бабимъ.

Мнѣ стало жалко солдата, я спросилъ повара:

— Можно сказать ему про ложку?

Онъ молча кивнулъ головой.

Когда я объяснилъ солдату надъ чѣмъ смѣются, онъ быстро нащупалъ ложку, оторвалъ ее, бросилъ на полъ, раздавилъ ногой

и — вцѣпился въ мои волосы обѣими руками; мы начали драться, къ великому удовольствію публики, тотчасъ окружившей насъ.

Смурый расшвырялъ зрителей, рознялъ насъ и, натрепавъ уши сначала мнѣ, схватилъ за ухо солдата. Когда публика увидала, какъ этотъ маленькій человѣкъ трясеть головой и танцуетъ подъ рукою повара, она неистово заорала, засвистала, затопала ногами, раскалываясь отъ хохота.

— Ура, гарнизонъ! Дай повару головой въ брюхо!

Эта дикая радость стада людей возбуждала у меня желаніе броситься на нихъ и колотить по грязнымъ башкамъ полѣномъ.

Смурый выпустилъ солдата и, спрятавъ руки за спину, пошелъ на публику кабаномъ, оцетинившись, страшно оскаливъ зубы.

— По мѣстамъ — маршъ! Аз-зіята...

Солдатъ снова бросился на меня, но Смурый одной рукой схватилъ его въ охапку, снесъ на отводъ и началъ качать воду, поливая голову солдата, повертывая его тщедушное тѣло, точно куклу изъ тряпокъ.

Прибѣжали матросы, боцманъ, помощникъ капитана, снова собралась толпа людей; на голову выше всѣхъ стоялъ буфетчикъ, тихій и нѣмой, какъ всегда.

Солдатъ, присѣвъ на дрова около кухни, дрожащими руками снялъ сапоги и началъ отжимать онучи, но онѣ были сухи, а съ его жиденькихъ волосъ капала вода, это снова размѣшило публику.

— Все едино, — сказалъ солдатъ тонко и высоко: — убью мальчишку!

Придерживая меня за плечо, Смурый что-то говорилъ помощнику капитана, матросы разгоняли публику, и, когда всѣ разошлись, поваръ спросилъ солдата:

— Что же съ тобой дѣлать?

Тотъ промолчалъ, глядя на меня дикими глазами и весь странно дергаясь.

— Смир-рно, кликуша! — сказалъ Смурый.

Солдатъ отвѣтилъ:

— Дудочки, это тебѣ не въ ротъ.

Я видѣлъ, что поваръ сконфузился, его надутыя щеки дрябло опустились, онъ плюнулъ и пошелъ прочь, уводя меня съ собою; ошалѣвшій, я шагаль за нимъ и все оглядывался на солдата, а Смурый недоумѣнно бормоталь:

— Этъ, цаца какая, а? Извольте вамъ...

Насъ догналь Сергѣй и почему-то шопотомъ сказалъ:

— Онъ зарѣзаться хочетъ!

— Гдѣ? — рявкнулъ Смурый и побѣжалъ.

Солдатъ стоялъ въ двери каюты для прислуги, съ большимъ ножомъ въ рукахъ, — этимъ ножомъ отрубали головы курамъ, кололи дрова на растопку, онъ былъ тупой и выщербленъ, какъ пила. Передъ каютой стояла публика, разглядывая маленькаго смѣшнаго человѣчка, съ мокрой головой; курносое лицо его дрожало, какъ студень, ротъ устало открылся, губы прыгали. Онъ мычалъ:

— Мучители... му-учители...

Вскочивъ на что-то, я смотрѣлъ черезъ головы людей въ ихъ лица — люди улыбались, хихикали, говорили другъ другу:

— Гляди, гляди...

Когда онъ сталъ сухонькой дѣтской ручкой заправлять въ штаны выбившуюся рубаху, благообразный мужчина рядомъ со мною сказалъ, вздохнувъ:

— Умирать собрался, а штаны поправляетъ...

Публика засмѣялась громче. Было ясно: никто не вѣритъ, что солдатъ можетъ зарѣзаться, не вѣрилъ и я, а Смурый, мелькомъ взглянувъ на него, сталъ толкать людей своимъ животомъ, приговаривая:

— Пошелъ прочь, дуракъ!

Онъ называлъ дуракомъ многихъ сразу — подойдетъ къ цѣлой кучкѣ людей и кричитъ на нихъ:

— По мѣстамъ, дуракъ!

Это было тоже смѣшно, однако, казалось вѣрнымъ: сегодня съ утра всѣ люди — одинъ большой дуракъ.

Разогнавъ публику, онъ подошелъ къ солдату, протянулъ руку.

— Дай сюда ножъ...

— Все едино, — сказалъ солдатъ, протягивая ножъ остриемъ, поваръ сунулъ ножъ мнѣ и толкнулъ солдата въ каюту.

— Лягъ и спи! Ты — что такой, а?

Солдатъ молча сѣлъ на койку.

— Онъ тебѣ ѣсть принесетъ и водки, — пьешь водку?

— Немножко пью...

— Ты, смотри, не трогай его — это не онъ посмѣялся надъ тобой, слышишь? Я говорю — не онъ...

— А зачѣмъ меня мучили? — тихонько спросилъ солдатъ.

Смурый не сразу и утрюмо отозвался:

— Ну, а я — знаю?

Идя со мною въ кухню, онъ бормоталъ:

— Н-на... дѣйствительно, привязались къ убогому! Видишь — какъ? То-то! Люди, братъ, могутъ съ ума свести, могутъ... Привяжутся, какъ клопы, и — шабашъ! Даже куда тамъ — клопы! Злѣе клоповъ...

Когда я принесъ солдату хлѣба, мяса и водки, онъ сидѣлъ на койкѣ, покачивался взадъ и впередъ и плакалъ тихонько, всхлипывая, какъ баба. Поставивъ тарелку на столикъ, я сказалъ:

— Ъшь...

— Затвори дверь.

— Темно будетъ.

— Затвори, а то они опять прилѣзутъ...

Я ушелъ. Солдатъ былъ неприятенъ мнѣ, онъ не возбуждалъ состраданія и жалости у меня. Это было неловко — бабушка многократно поучала меня:

— Людей надо жалѣть, всѣ несчастны, всѣмъ трудно...

— Отнесъ? — спросилъ меня поваръ. — Ну, что онъ тамъ?

— Плачетъ.

— Этъ... мѣшокъ! Какой онъ солдатъ?

— Мнѣ его не жалко.

— Ну? Что такое?

— Людей надо жалѣть...

Смурый взялъ меня за руку, подтянулъ къ себѣ и внушительно сказалъ:

— Насильно не пожалѣешь, а врать не годится — понялъ? Ты не привыкай кисели разводить, знай самъ себя...

И, оттолкнувъ, прибавилъ угрюмо:

— Не мѣсто тебѣ здѣсь! На, покури...

Я былъ глубоко взволнованъ, весь измятъ поведениемъ пассажировъ, чувствуя нѣчто невыразимо оскорбительное и подавляющее въ томъ, какъ они травили солдата, какъ радостно хохотали, когда Смурый трепалъ его за ухо. Какъ могло нравиться имъ все это противное, жалкое, что тутъ смѣшило ихъ столь радостно?

Вотъ они снова разсѣлись, разлеглись подъ низкимъ тендомъ; пьютъ, жуютъ, играютъ въ карты, мирно и солидно бесѣдуя, смотря на рѣку — точно это не они свистѣли и улюлюкали часъ тому назадъ. Всѣ они такіе же тихіе, лѣживые, какъ всегда; съ утра до вечера, они медленно толкуются на пароходѣ, какъ мошки или пылинки въ лучахъ солнца. Вотъ десятокъ людей, толкаясь у сходень и крестясь, уходитъ съ парохода на пристань, а съ пристани прямо на нихъ лѣзутъ еще такіе-же люди,

такъ же согнули спины подъ тяжестью котомокъ и сундуковъ, такъ же одѣты...

Эта постоянная смѣна людей ничего не измѣняетъ въ жизни парохода, — новые пассажиры будутъ говорить о томъ же, о чемъ говорили ушедшіе: о землѣ, о работѣ, о Богѣ, о бабахъ и тѣми же словами.

— Положено Господомъ Богомъ терпѣть и — терпи, человекъ! Ничего не подѣлаешь, такая наша судьба...

Эти слова скучно слушать, и они раздражаютъ: я не терплю грязи, я не хочу терпѣть злое, несправедливое, обидное отношеніе ко мнѣ; я твердо знаю, чувствую, что не заслужилъ такого отношенія. И солдатъ не заслужилъ. Можетъ быть — онъ самъ хочетъ быть смѣшнымъ...

Прогнали съ парохода Максима — это былъ серьезный, добрый парень, а Сергѣя, человекъ подлаго — оставили. Все это — не такъ. А почему эти люди, способные затравить человекъ, довести его почти до безумія, всегда покорно подчиняются сердитымъ окрикамъ матросовъ, безобидно выслушиваютъ ругательства?

— Чего навалились на бортъ? — кричитъ боцманъ, прищуривъ красивые, но злые глаза. — Пароходъ накренили, разойдись, черти драповые...

Черти смиренно переваливаются на другой бортъ, а оттуда ихъ снова гонять, какъ барановъ.

— А, окаянные...

Жаркими ночами, подъ раскаленнымъ за день желѣзнымъ тентомъ — душно; пассажиры тараканами расползаются по всей палубѣ, ложатся, гдѣ попало; передъ пристанью матросы будятъ ихъ пинками.

— Эй, чего растянулись на дорогѣ! Пошли прочь, на мѣста...

Они встаютъ и сонно двигаются туда, куда ихъ толкаютъ.

Матросы такіе же, какъ они, только иначе одѣты, но командуютъ ими, какъ полицейскіе.

Тихое, робкое и грустно покорное замѣтно въ людяхъ прежде всего, и такъ странно, страшно, когда сквозь эту кору покорности вдругъ прорвется жестокое, бессмысленное и почти всегда не веселое озорство. Мнѣ кажется, что люди не знаютъ, куда ихъ везутъ, имъ все равно, гдѣ ихъ высадятъ съ парохода. Гдѣ бы они ни сошли на берегъ — посидѣвъ на немъ недолго, они снова придутъ на этотъ или другой пароходъ, снова куда-то по-

ѣдутъ. Всѣ они какіе-то заплутавшіеся, безродные, вся земля чужая для нихъ. И всѣ они — до безумія трусливы.

Однажды за полночь что-то лопнуло въ машинѣ, выстрѣливъ, какъ изъ пушки. Палуба сразу заволоклась бѣлымъ облакомъ пара, онъ густо поднимался изъ машиннаго трюма, курился во всѣхъ щеляхъ; кто-то невидимый кричалъ оглушительно:

— Гаврило, сурикъ, войлокъ . . .

Я спалъ около машиннаго трюма, на столѣ, на которомъ мыль посуду, и когда проснулся отъ выстрѣла и сотрясенія, на палубѣ было тихо, въ машинѣ горячо шипѣлъ паръ, часто стучали молотки. Но черезъ минуту, всѣ палубные пассажиры разногласно завыли, заорали и — сразу стало жутко.

Въ бѣломъ туманѣ — онъ быстро рѣдѣлъ — метались, сшибая другъ друга съ ногъ, простоволосыя бабы, встрепанные мужики съ круглыми рыбьими глазами, всѣ тащили куда-то узлы, мѣшки, сундуки, спотыкаясь и падая, призывая Бога, Николу Угодника, били другъ друга; это было очень страшно, но, въ то же время, интересно, я бѣгалъ за людьми и все смотрѣлъ — что они дѣлаютъ?

Первый разъ я видѣлъ ночную тревогу и какъ-то сразу понялъ, что люди дѣлали ее по ошибкѣ — пароходъ шель, не замедляя движенія, за правымъ бортомъ, очень близко, горѣли костры косарей, ночь была свѣтлая, высоко стояла полная луна.

А люди носились по палубѣ все быстрѣе, выскочили классные пассажиры, кто-то прыгнулъ за бортъ, за нимъ — другой, и еще; двое мужиковъ и монахъ отбивали полѣньями скамью, привинченную къ палубѣ; съ кормы бросили въ воду большую клѣтку съ курами, среди палубы, около лѣстницы на капитанскомъ мостикѣ стоялъ на колѣняхъ мужикъ и, кланяясь бѣжавшимъ мимо него, вылъ волкомъ:

— Православные — грѣшенъ . . .

— Лодку, дьяволы, — кричалъ толстый баринъ, въ однихъ брюкахъ, безъ рубашки, и билъ себя въ грудь кулакомъ.

Бѣгали матросы, хватая людей за шиворотъ, колотили ихъ по головамъ, бросали на палубу. Тяжело ходилъ Смурый, въ пальто, надѣтомъ на ночное бѣлье, и гулкимъ голосомъ уговаривалъ всѣхъ:

— Да — постыдитесь! Чего вы — рехнулись? Пароходъ же стоитъ, всталъ, ну! Вотъ — берегъ! Дураковъ, что попрыгали въ воду, косари переловили, повытаскали, вонъ они — видите, двѣ лодки?

А людей третьяго класса онъ билъ кулаками по головамъ, сверху внизъ, и они мѣшками, молча валились на палубу.

Еще суматоха не утихла, какъ на Смураго налетѣла дама въ тальмѣ, со столовой ложкой въ рукѣ и, размахивая ложкой подь носомъ у него, закричала:

— Какъ ты смѣешь?

Мокрый господинъ, удерживая ее, обсасывалъ усы и съ досадою говорилъ:

— Оставь его, болвана...

Смурый, разводя руками, сконфуженно мигалъ и спрашивалъ меня:

— Что такое, а? За что она меня? Здравствуйте! Да я жъ ее въ первый разъ вижу!...

А какой-то мужичекъ, сморкаясь кровью, вскрикивалъ:

— Ну — люди? Ну, разбойники!...

За лѣто я дважды видѣлъ панику на пароходѣ, и оба раза она была вызвана не прямой опасностью, а страхомъ передъ возможностью ея. Третій разъ пассажиры поймали двухъ воровъ — одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ странникомъ, — били ихъ почти цѣлый часъ потихоньку отъ матросовъ, а когда матросы отняли воровъ, публика стала ругать ихъ:

— Воръ вора кроетъ, извѣстно!

— Сами вы жулье, вотъ и мирволите жуликамъ...

Жулики были забиты до безчувствія, они не могли стоять на ногахъ, когда ихъ сдавали полици на какой-то пристани...

И много было такого, что, горячо волнуя, не позволяло понять людей — злые они или добрые? Смирные или озорники? И почему именно такъ жестоко, жадно злы, такъ постыдно смиренны?

Я спрашивалъ объ этомъ повара, но онъ, окружая лицо свое дымомъ папирасы, говорилъ нерѣдко, съ досадою:

— Эхъ — что тебя щекотитъ! Люди, ну, и — люди... Одинъ — умный, другой — дуракъ. Ты читай книжки, а не бормочи. Въ книжкахъ, когда онѣ правильныя, должно быть все сказано...

Церковныхъ книгъ и житій онъ не любилъ.

— Ну, это для поповъ, для поповыхъ сыновъ...

Мнѣ захотѣлось сдѣлать ему пріятное — подарить книгу. Въ Казани, на пристани я купилъ за пятакъ «Преданіе о томъ, какъ солдатъ спасъ Петра Великаго», но въ тотъ часъ поваръ былъ пьянъ, сердитъ, я не рѣшился отдать ему подарокъ и сначала самъ прочиталъ «Преданіе». Оно мнѣ очень понравилось, —

все такъ просто, понятно, интересно и кратко. Я былъ увѣренъ, что эта книга доставитъ удовольствіе моему учителю.

Но когда я поднесъ ему книгу, онъ молча смялъ ее ладонями въ круглый комъ и швырнулъ за бортъ.

— Вотъ какъ твою книгу, дурень! — сказалъ онъ угрюмо. — Я жъ тебя учу, какъ собаку, а ты все хочешь дичь жрать, а?

Топнулъ ногой и заоралъ:

— Это — какая книга? Я глупости всѣ ужъ читаль! Что въ ней написано — правда? Ну, говори!

— Не знаю.

— Такъ я — знаю! Когда человѣку отрубить голову, онъ упадетъ съ лѣстницы внизъ и другіе ужъ не полѣзутъ на сѣноваль — солдаты не дураки! Они бы подождли сѣно и — шабашъ! Поняль?

— Поняль.

— То-то жъ! Я знаю про царя Петра — этого съ нимъ не было! Пошелъ прочь...

Я понимать, что поваръ — правъ, но книжка, все-таки, нравилась мнѣ; купивъ еще разъ «Преданіе», я прочиталь его вторично и — съ удивленіемъ убѣдился, что книжка, дѣйствительно, плохая. Это смутило меня, и сталъ относиться къ повару еще болѣе внимательно и довѣрчиво, а онъ, почему-то, все чаще, съ большей досадой говорилъ:

— Эхъ, какъ бы надо учить тебя! Не мѣсто тебѣ здѣсь...

Я тоже чувствовалъ — не мѣсто. Сергѣй относился ко мнѣ отвратительно, я нѣсколько разъ замѣчалъ, что онъ таскаетъ у меня со стола чайные приборы и подаетъ ихъ пассажирамъ потихоньку отъ буфетчика. Я зналъ, что это считается воровствомъ, — Смурый не однажды предупреждалъ меня:

— Смотри, не давай официантамъ чайной посуды со своего стола!

Было и еще много плохого для меня, часто мнѣ хотѣлось убѣжать съ парохода на первой же пристани, уйти въ лѣсъ. Но удерживалъ Смурый, онъ относился ко мнѣ все мягче, и меня страшно плѣняло непрерывное движеніе парохода. Было неприятно, когда онъ останавливался у пристани, и я все ждалъ — вотъ случится что-то и мы поплывемъ изъ Камы въ Бѣлую, въ Вятку, а то — по Волгѣ, я увижу новые берега, города, новыхъ людей.

Но этого не случилось — моя жизнь на пароходѣ оборвалась неожиданно и постыдно для меня. Вечеромъ, когда мы ѣхали изъ Казани къ Нижнему, буфетчикъ позвалъ меня къ себѣ, я во-

шелъ, онъ притворилъ дверь за мною и сказалъ Смурому, который угрюмо сидѣлъ на ковровой табуреткѣ:

— Вотъ.

Смурый грубо спросилъ меня:

— Ты даешь Сережкѣ приборы?

— Онъ самъ беретъ, когда я не вижу.

Буфетчикъ тихонько сказалъ:

— Не видитъ, — а знаетъ.

Смурый ударилъ себя по колѣну кулакомъ, потомъ почесалъ колѣно, говоря:

— Пойдите, успѣете...

И задумался. Я смотрѣлъ на буфетчика, онъ — на меня, но казалось, что за очками у него нѣтъ глазъ.

Онъ жилъ тихо, ходилъ безшумно, говорилъ пониженнымъ голосомъ. Иногда его выцвѣтшая борода и пустые глаза вывалились откуда-то изъ-за угла и тотчасъ исчезали. Передъ сномъ онъ долго стоялъ въ буфетѣ на колѣняхъ у образа съ неугасимой лампадой, — я видѣлъ его сквозь глазокъ двери, похожий на червоннаго туза, но — мнѣ не удалось видѣть, какъ молится буфетчикъ, онъ просто стоялъ и смотрѣлъ на икону и лампаду, вздыхая, поглаживая бороду.

Помолчавъ, Смурый спросилъ:

— Сережка давалъ тебѣ денегъ?

— Нѣтъ.

— Никогда?

— Никогда.

— Онъ не совретъ, — сказалъ Смурый буфетчику, а тотъ негромко отвѣтилъ:

— Все равно. Пожалуйста.

— Идемъ, — крикнулъ мнѣ поваръ, подошелъ къ моему столу и легонько щелкнулъ меня пальцемъ въ темя.

— Дуракъ! И я — дуракъ! Мнѣ надо было слѣдить за тобой...

Въ Нижнемъ буфетчикъ разсчиталъ меня — я получила около восьми рублей — первыя крупныя деньги, заработанныя мною.

Смурый, прощаясь со мною, угрюмо говорилъ:

— Н-ну, вотъ... Теперь гляди въ оба, понимаешь? Ротъ разбѣвать нельзя...

Онъ сунулъ мнѣ въ руку пестрый, бисерный кисетъ.

— На-ко, вотъ тебѣ! Это хорошее рукодѣлье, это мнѣ крестница вышила... Ну, прощай! Читай книги — это самое лучшее!

Взялъ меня подъ мышки, приподнял, поцѣловаль и крѣпко поставилъ на палубу пристани. Мнѣ было жалко и его, и себя; я едва не заревѣль, глядя, какъ онъ возвращается на пароходъ, расталкивая крючниковъ, большой, тяжелый, одинокій...

Сколько потомъ встрѣтилъ я подобныхъ ему добрыхъ, одинокихъ, отломившихся отъ жизни людей...

М. Горькій.

(Продолжение слѣдуетъ.)

НЯНЬКА.

Цуть забрезжило и до солнечнаго восхода оставалось добрыхъ часа полтора, а Ермилка сквозь сладкій утренній сонъ чувствовалъ, какъ его теребять материны руки.

— Вставай, Ермилка, вставай... Будя спать-то...

Ермилка только было собрался сказать матери: — отстань, чего пристала, — но во время придержалъ языкъ и притворился, что ничего не слышитъ. Глубоко вздохнулъ, перевернулся на другой бокъ и задышалъ покойно и ровно...

— Ишь вѣдь дрыхнетъ, не добудисься...

Ермилка радостно захрапѣлъ.

— Отстанеть, — подумалъ онъ, погружаясь въ липкій туманъ сна.

Но мать не отстала. Не успѣлъ онъ, какъ слѣдуетъ, забыться, а материны руки тутъ, какъ тутъ. Шарятъ подъ мышками, норовя приподнять Ермилкино податливое тѣло, а голосъ настойчиво жужжитъ въ уши:

— Ермилка, а Ермилка, встанешь, что ли, а то водой окачу...

Ермилко зябко съежился и разомкнулъ тяжелыя вѣки, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ въ рукахъ матери ковша съ водой. Но такъ трудно было продрать глаза, точно рѣсницы свело клеемъ.

— Слышишь, иду за водой...

Мать отошла, а Ермилка моментально заснулъ, но какъ-то диковинно. Спалъ, какъ мертвый, а кто-то въ самомъ маленькомъ кусочкѣ его головы бодрствовалъ, чутко слѣдя за шагами матери. Слышалъ, какъ звякнуло ведро въ сѣняхъ, хлопнулъ въ воду жестяной ковшъ, считалъ приближающіеся шаги и, когда мать подошла совсѣмъ близко, Ермилка, по совѣту таинственнаго друга въ его головѣ, внезапно сѣлъ на постели, широко раскрылъ глаза и недовольно буркнулъ:

— Не озоруй, мамка, видишь — встаю...

— Ну вотъ. Ухожу я на жнитво, а Сеньку тебѣ оставляю. Будетъ плакать, такъ ты возьми крендель, на полкѣ лежить, нажуй съ сахаромъ, заверни соску и дай Сенькѣ.

— Все равно пицать будетъ, — угрюмо возразилъ Ермилка, сочно позѣвывая.

— А ты слушай, что тебѣ говорятъ.

— Ну, слушаю . . .

— Да изъ дому никуда, мотри, не уходи. Обмочится Сенька, али что, вынь его изъ зыбки и пеленку перемѣни.

— Знаю, не маленькii.

— За домомъ смотри. Спичками не балуйся, а то узнаю—убью.

— Ладно, — равнодушно согласился Ермилка.

— Ну, вотъ, домовничай, хозяйничай, а въ обѣдъ я приду домой Сеньку покормить. Слышалъ?

— Иди, знай, не сумлѣвайся.

— Баловаться будешь, али что — шкуру спущу, — пообѣщала мать, выходя изъ избы.

Убѣдившись, что мать, дѣйствительно, ушла, Ермилка повалился на постель и немедленно зсануль. Спаль онъ хорошо, крѣпко, и сонъ ему подходящii приснился. Сидитъ Ермилка на берегу озера, въ растворѣ камышей и карасей удить. Карась клюетъ на славу, и чуть только Ермилка успѣетъ насадить вьющагося червяка и забросить удочку, а карась уже вцѣпилъ въ нее широкимъ удобнымъ ртомъ, тащи, знай. Добротный такой, полный карась, какихъ попы любятъ. Золотомъ и серебромъ отливаешь на солнцѣ, любо смотрѣть. Знай, снимай съ удочки, да на куканъ насаживай. Радостно Ермилкѣ отъ такого улова, одно только неприятно — солнце печетъ, да подъ ухомъ невидимый комарикъ попискиваетъ. Ужъ Ермилка и головой трясеть, ушами шевелить, плечами уши третъ, а проклятый комаръ не унимается, звенить и звенить, ужалить собирается. Наконецъ, Ермилку зло взяло на комара, поднялъ онъ руку, прицѣлился, да какъ хватить себѣ по носу — и проснулся.

Смотрить, а его, дѣйствительно, солнышко черезъ окошко жарить, ажъ вспотѣлъ весь, а вмѣсто комара Сенька въ зыбкѣ верещить.

— Маленькii, а какъ звенить, паршивецъ, — сказалъ Ермилка по адресу Сеньки.

— Эй, замолчь тамъ, а то я те взбутетѣню! — крикнулъ онъ, жмурясь отъ солнца.

Но Сенька не замолкъ, а почуявъ живого человѣка, взялъ ногой выше.

Ермилка потеръ глаза кулакомъ, лѣниво поднялся и подошелъ къ Сенькѣ.

— Звенишь, чортово отродье? И чего тебѣ нужно? Спаль бы да спаль себѣ и другихъ не тревожилъ.

Сенька, увидѣвъ Ермилку сразу притихъ, съ довольнымъ видомъ протянулъ къ нему ручонки и даже заулыбался.

— Смѣешься, стервецъ, на руки захотѣлъ. А этого вотъ не хочешь? — и Ермилка щелкнулъ Сеньку по носу.

Сенька внезапно сморщился отъ неожиданной ласки, собрался въ комочекъ, подпрыгнулъ всѣмъ тѣльцемъ и выпустилъ изъ горла такую пронзительную ноту, что у Ермилки мурашки побѣжали по кожѣ.

— Экъ его дернуло! — съ восхищеніемъ произнесъ онъ.

— Теперь на полчаса завель, не остановишь . . . — И рѣшивъ, что его вмѣшательство больше ни къ чему не приведетъ, Ермилка подошелъ къ окну и началъ съ интересомъ смотрѣть на улицу.

Подъ окномъ стоялъ сосѣдній теленокъ и съ мрачной настойчивостью жевалъ свѣсившійся изъ окна рукавъ Ермилкиной рубахи. Ермилка взялъ валяющуюся на лавкѣ скалку и ткнулъ ею въ лобъ теленка. Тотъ выпустилъ изо рта разжеванный рукавъ, мотнулъ головой и отступилъ на одинъ шагъ назадъ. Ермилка молча запустилъ въ него скалкой, теленокъ подпрыгнулъ и убѣжалъ на середину улицы. Посмотрѣлъ оттуда на Ермилку и, удивившись, что тотъ не проявляетъ больше ничѣмъ своихъ намѣреній, принялся пухлыми сочными губами щипать уличный жилистый подорожникъ, искоса поглядывая въ сторону Ермилки.

Но Ермилка уже забылъ о немъ и съ величайшимъ вниманіемъ смотрѣлъ на сосѣдній заборъ, около котораго мирно прыгали три воробья, а вдоль забора безшумно, точно клокъ дыма, ползла сѣрая кошка. Ея почти неуловимыя для глаза медленныя передвиженія до того приковали вниманіе Ермилки, какъ будто не кошка, а онъ, самъ скользкимъ неуклоннымъ ползкомъ приближался къ воробьямъ. Онъ весь собрался въ волнистый упругій комокъ, голова его медленно углублялась между плечъ, дыханіе стало осторожнымъ и рѣдкимъ, а глаза загорѣлись жуткой хищной искоркой. Наконецъ, кошка отскочила летучимъ броскомъ отъ земли и быстрымъ облакомъ упала на воробьевъ. Два изъ нихъ улетѣли, а третій пискнулъ и сейчасъ же изъ его перекушеннаго горла упала на траву рубиновая на солнцѣ капля крови.

— Ловко, шельма! . . . — бурно вздохнулъ Ермилка, и на его лицѣ взошла яркая восхищенная улыбка.

Въ это время на дворѣ раздалось громкое тревожное кудахтанье курицы. Ермилка всполошился — ужъ не коршунъ ли цыплятъ выглядываетъ... Онъ быстро выскочилъ въ окно и началъ щупать зоркими глазами небо. Дѣйствительно, его глаза сейчасъ же отыскали высоко въ небѣ широкими кругами парящаго коршуна, а по двору бѣгала перепуганная насѣдка, отчаянными криками созывая къ себѣ цыплятъ. Ермилка загналъ ее въ сарайчикъ, пересчиталъ цыплятъ, заперъ дверь и показалъ коршуну кукишъ.

— На-кось, выкуси. У меня, братъ, не полакомишься, нѣ-еть... — И сталъ смотрѣть за полетами воздушнаго хищника.

— И какъ онъ видитъ цыплятъ съ такой высоты, — удивлялся Ермилка.

— Аришка! — крикнулъ онъ дѣвочкѣ, возившейся на со-сѣднемъ дворѣ.

— Ишто-о? ... — отозвался тоненькii голосокъ.

— Загони своихъ цыплятъ куда-нибудь, а то коршунъ летаетъ.

— Идѣ? ...

— Идѣ!... — передразнилъ ее Ермилка. — Знамо — на небѣ, а не на прудѣ... Дура...

— Чичась, — отвѣтила Аришка. — Кышъ, кышъ, проклятая, кы-ышъ!... — разсыпался битымъ стекломъ ея голосокъ за плетнемъ. Раздалось пронзительное циканье цыплятъ и кудахтанье перепуганной Аришкой курицы.

Посмотрѣвъ еще нѣсколько минутъ за полетомъ коршуна, Ермилка вспомнилъ о Сенькѣ.

— Угомонился, поди, пойтить посмотрѣть...

Онъ еще разъ взглянулъ на небо, поднялъ какой-то черепокъ, валявшiйся подъ ногами, разсѣяннo осмотрѣлъ дворъ и увидѣлъ въ углу, за сломаннымъ колесомъ облизывавшуюся кошку. Такъ же разсѣяннo запустилъ въ нее поднятымъ черепкомъ, но промахнулся и вошелъ въ избу.

Сенька по всей видимости уже усталъ отъ крика и только сиротливо и беспомощно всхлипывалъ, сотрясаясь всѣмъ своимъ хрупкимъ тѣльцемъ.

— Отзвонилъ, братъ? — участливо обратился къ нему Ермилка и потрепалъ по мокрой и вспухшей отъ слезъ щекѣ.

— Погодь маленько, я тебѣ сейчасъ жратву приготовлю. Полопаешь и спать, нечего зѣнки-то зря паялить...

Ермилка досталъ сухой крендель, кусочекъ сахару, откуси-силъ того и другого и началъ жевать, приготовляя соску изъ гряз-

наго кусочка марли, чтобы положить въ нее нажеванное, какъ это дѣлала мать.

Но только онъ приготовился продѣлать это, какъ разжеванный крендель неожиданно для Ермилки скользнулъ ему въ горло, а потомъ въ пищеводъ.

— Вотъ такъ оказія, — изумился Ермилка. — Проглотнулъ я твою пищу. Ну, ничего, погодь, я сейчасъ нажую еще, — успокоилъ онъ Сеньку, который увидѣвъ привычныя приготовления и движенія, предшествующія его кормленію, совсѣмъ успокоился, довольно шевелилъ губами и пристально смотрѣлъ на Ермилку своими большими кроткими глазами.

Ермилка повторилъ все сначала. Такъ же откусилъ кусочекъ кренделя и немножечко сахару, тщательно разжевалъ и, вспомнивъ внезапно о коршунѣ, проглотилъ опять. На него нахлынули воспоминанія, онъ совершенно забылъ о Сенькѣ и задумчиво съѣлъ и крендель, и сахаръ. И только, когда Сенька, утомившись ожиданіемъ и видя, что его брательникъ только жуесть да глотаесть, а ему ничего не даетъ, обидчиво заплакалъ, Ермилка очнулся отъ своихъ думъ и виновато посмотрѣлъ на Сеньку.

— Фюить, братъ,, твой крендель . . . весь вышелъ . . .

Ермилка даже руками развелъ въ доказательство, что отъ кренделя не осталось никакого слѣда.

— Съѣлъ я твой крендель, понимаешь? Пусто, — помахалъ онъ передъ Сенькинымъ носомъ отрывкомъ марли.

Но Сеньку это нисколько не убѣдило, онъ продолжалъ плакать, назойливо и требовательно, съ каждой секундой повышая свой крикъ.

Ермилкѣ стало жалко Сеньку. Онъ отковырнулъ отъ краюхи черного хлѣба мякишъ, помялъ его въ рукахъ, придавъ ему продолговатую форму съ острымъ концомъ и сунулъ въ ротъ Сенькѣ. Тотъ жадно схватилъ ручонками этотъ конусокъ изъ мякиша и принялся его сосать мягкимъ, какъ у карася, беззубымъ ртомъ.

— Соси, милый, соси, — поощрялъ его старанія Ермилка и отрѣзалъ себѣ тоже ломоть хлѣба.

— Видишь, я тоже хлѣбъ жую, — показалъ онъ Сенькѣ отрѣзанный ломоть. Посыпалъ его густо солью и началъ ѣсть. Послѣ кренделя съ сахаромъ хлѣбъ съ солью показался Ермилкѣ совсѣмъ невкуснымъ, но все же онъ его старательно съѣлъ и отрѣзалъ еще кусокъ. Но уже не сталъ ѣсть, не хотѣлось. Онъ осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ критическимъ взглядомъ, сунулъ въ карманъ штановъ и вышелъ на дворъ.

У воротъ стоялъ Петька Пасконовъ, большеголовый мальчишка съ непомятно вздутымъ животомъ, на годъ моложе Ермилки. Ермилка подошелъ къ нему и ткнулъ кулакомъ въ животъ:

— Подбери брюхо-то, а то потеряешь...

— А ты не дерись, чо-ортъ... — огрызнулся Петька.

— Да развѣ я дерусь? Я только сказалъ — убери брюхо, — повторилъ Ермилка, снова тыча кулакомъ въ Петькинъ животъ.

— Не дерись, — говорю, а то въ морду получишь...

— Кто, я?

— Ты-ы...

— Ахъ ты, мизгирь проклятый. Грозить вздумалъ? Да я тебя такъ раскудеярю... Ахъ, ты!... — Ермилка даже словъ подходящихъ не нашель отъ гнѣва и ударилъ Петьку кулакомъ по виску.

— Измытарю, гада...

Петька взревѣлъ густымъ баскомъ, отбѣжавъ въ сторону, схватилъ камень и запустилъ имъ въ Ермилку. Камень попалъ въ ногу, въ самое колѣно. Ермилка даже присѣлъ и, не въ силахъ вымолвить ни одного слова отъ нестерпимой боли, сжалъ зубы, свекрая отъ злости глазами, показалъ Петькѣ кулакъ: — за мной, моль, не пропадетъ. Отдамъ съ лихвой.

Петька, пользуясь замѣшательствомъ Ермилки, скрылся за избой.

Когда боль немного стихла, Ермилка, прихрамывая, бросился на розыски Петьки. Но того и слѣдъ простылъ. Сколько Ермилка ни шарилъ злыми глазами по двору, онъ никакъ не могъ открыть затаившагося Петьки и только камень, шлепнувшійся около, доказалъ, что Петька не дремлетъ. Спрятался и слѣдитъ изъ-засады за каждымъ движеніемъ Ермилки, улучая моментъ, чтобы запустить въ него камнемъ.

Ермилка презрительно плюнулъ на упавшій около него камень и крикнулъ:

— Слушай, Петька! Этотъ камень я тебѣ не забуду. Такъ и знай. Гдѣ встрѣчу, тамъ и моську раскрою...

Въ отвѣтъ мимо Ермилкина уха просвистѣлъ новый камень, брошенный невидимой рукой.

Ермилка спокойно, не поворачивая головы, пошелъ прочь отъ Петькина двора, мечтая о томъ, какъ онъ будетъ «учить» Петьку, когда судьба пошлетъ ему его въ руки.

— Разнесчастнѣй ты человекъ. И что только тебѣ будетъ, — искренно сокрушался Ермилка о Петькиной участи.

— Аришка, загнала насѣдку-то? — подошелъ онъ къ Аришкѣ, сидѣвшей у заваленки и обряжавшей въ тряпье какое-то подобіе куклы.

— Загнала...

— Та-акъ, — неопредѣленно протянулъ Ермилка.

— А что ты дѣлаешь? — скучая, спросилъ онъ.

— Аль не видишь, Машутку обряжаю, — отвѣтила Аришка, любовно обвертывая куклу въ лиловую тряпку.

— Это ты эту кикимору Машуткой называешь? — спросилъ Ермилка, вырывая изъ рукъ Аришки куклу и съ негодованіемъ швыряя ее въ сторону.

— О-ой, не тронь! — взвизгнула Аришка. Быстро подняла куклу и порывисто прижала ее къ груди.

— Не плачь, Марусенька, не плачь, — начала она успокаивать на смерть перепуганную куклу.

— И что это у васъ, у бабъ, за любовь къ этой дряни? — удивлялся Ермилка. — По-моему, какъ родился, такъ и тащи его скорѣй въ прудъ топить... Котятъ и щенковъ топятъ же...

— Ой-ой! — заорала Аришка и судорожно прижала къ груди куклу.

— Чего орешь опять? — спросилъ ее Ермилка.

— Да-а... Ты мою Маньку утопить хочешь.

— Я? Топить? ... Въ мусоръ бросить — бросилъ бы, а топить — стану я.

— А самъ говорилъ, какъ только родится, такъ и топить.

— Такъ это я про ребятъ.

— Вре-ешь? .. — недовѣрчиво тянетъ Аришка, и въ ея глазахъ вмѣстѣ со слезами блеститъ еще испугъ.

— Да пусть у меня руки отсохнутъ, коли вру. Пусть меня Илья пророкъ громомъ по затылку жмякнетъ... — забожился Ермилка и въ доказательство своего полного миролюбія онъ нагнулся и плюнулъ въ то мѣсто, которое должно было изображать собою лицо Маньки:

— Тьфу!.. Вотъ видишь... а ты выдумала — топить...

— А ты не плюйся...

— Ничего, не облупится, небось... Давай, Аришка, играть въ лошадки, — предложилъ Ермилка.

— А я не умѣю...

— Я тебя выучу. Вотъ, держи одинъ конецъ зубами и бѣги, а я буду править, — протянулъ Ермилка конецъ снятаго съ себя пояса.

Аришка раскрыла ротъ, взяла имъ протянутый конецъ пояса и судорожно сжала зубами.

— Нно, проклятая! — чмокнулъ Ермилка губами и другимъ концомъ пояса ударила Аришку по плечу. Аришка еще крѣпче стиснула зубы и затрусилась по улицѣ.

— Нно, подлая, нно!.. А ты вскачь пускайся, вскачь!.. — кричалъ изступленно Ермилка. — Да ржи, чортова кукла! Ржать нужно, ржать, холера на твою голову, и ногами брыкать. Вотъ такъ...

Ермилка изогнулся, скосилъ на бокъ голову и лягнулъ Аришку въ бокъ. Аришка не удержалась на ногахъ и клюнула носомъ землю, да такъ и осталась лежать неподвижнымъ пластомъ.

— Вставай, дохлая, подымайся! Да ржи, ржи!.. — неистовствовалъ Ермилка.

Но Аришка и не думала подыматься. Она лежала на землѣ и молча всхлипывала.

— Ну, чего еще тамъ? Чего тебѣ надоть, дуреха? — досадливо спросилъ Ермилка.

— Чай, больно... — проговорила, наконецъ, Аришка.

— Чего больно-то?

— Бо-окъ...

— Который?

— Вотъ этотъ... — показала Аришка на лѣвый бокъ.

— Зачѣмъ?

— А зачѣмъ ты ногами по нему? больно...

— Такъ я только къ примѣру.

— Не хочу...

— Чего не хочешь?

— Ногами брыкать...

— Ну и не надо, песь съ тобой. Ты только вставай, скачи и ржи. Громче ржи. И-и-го-го-го!.. — восторженно залился Ермилка.

— И ржать не хочу... — упрямо заявила Аришка.

— А чего же ты хочешь? Такъ какая же изъ тебя тогда лошадь будетъ? Скакать только, такъ это и теленокъ можетъ. А вѣдь ты лошадь, не теленокъ, кобылка молодая... — урезонивалъ ее Ермилка.

— И лошадыю не хочу...

— Ну, чортъ съ тобой. Давай тогда въ разбойники играть...

— А бить будешь? — спросила Аришка.

— А какъ же? А ежели ты слушаться не будешь, тогда что — въ зубы тебѣ смотрѣть? Буду бить, не сумлѣвайся... вставай, знай... — успокоилъ ее Ермилка; считая, очевидно, что обѣщаніемъ бить онъ лучше всего соблазнить Аришку къ игрѣ въ разбойники.

Но Аришка такъ же флегматично отказалась и отъ игры въ разбойники.

— Ну тогда придумай сама, во что играть будемъ, — не сдавался Ермилка, и волчкомъ закружился на одной ногѣ...

— Давай играть въ куклы... — робко предложила Аришка.

— Что?.. — Ермилка даже споткнулся отъ такого предложенія и упалъ рядомъ съ Аришкой.

— Въ куклы?.. А это вотъ видала? — поднесъ онъ кулакъ къ Аришкину носу, и его глаза сверкнули гнѣвомъ.

— Ну, въ жениха и невѣсту...

— Въ мужа и жену... — рѣшилъ Ермилка. И сейчасъ же, вообразивъ себя мужемъ, строго проговорилъ:

— Арина...

— Что-о? — весело отозвалась Аришка, моментально вскочивъ съ земли, и ея лицо засіяло блаженствомъ. Откуда-то сразу появилась вкрадчивость въ голосъ и угодливость любящей женщины.

— Обѣдъ готовъ? — такъ же сурово спросилъ Ермилка.

— Чичась, Ермилъ Степанычъ, чичась... — еще веселѣе отозвалась Аришка.

И куда дѣвалась ея вялость и неповоротливость. Аришка какимъ-то неизъяснимымъ чудомъ превратилась въ домовитую хлопотливую хозяйку, у которой «горить» въ рукахъ дѣло. Откуда-то появились щепочки, палочки и черепки, изображавше собою посуду, ножи и ложки, и все это было ловко и быстро разложено передъ Ермилкой. Ермилка потянулъ воздухъ носомъ, и на его лицѣ отразилось удовольствіе.

— Опять щи?

— Щи не плохи, Ермилъ Степанычъ. Другіе и этого не имѣютъ, за счастье почитаютъ...

— Ладно, заткнись... — обрѣзала ее Ермилка и молча принялся хлебать палочкой щи.

— А зачѣмъ тараканъ во щахъ? — грозно спросилъ онъ, бросая въ гнѣвъ палочку, которой хлебаль щи.

— Много ихъ развелось больно, развѣ удержишь? — начала, было, Аришка...

— А ежели я тебя по рожѣ вотъ смажу, тогда что?.. — передразнилъ ее Ермилка.

— Воля твоя, а только отъ таракана не уберешься, онъ вездѣ ходитъ. Съ потолка упаль и...

— Замолчь, говорю!.. — прикрикнулъ Ермилка.

Аришка притихла и ласково предложила:

— Можетъ, кашки поѣшь съ маслицемъ? Каша у меня удалась нонче. Пышная каша...

— Давай...

— Чичась... — обрадовалась Аришка и зашебетала, зататорила, хлопотливо бѣгая вокругъ Ермилки.

— Каша хорошая... Положь-ка еще... — одобрилъ кашу Ермилка.

— Ужъ я знала, что каша тебѣ пондравится... Дай, думаю, сварю кашу, мой Ермилъ большой охотникъ до нея. Вотъ и сварила... Еще положить?

— Будя... сытъ...

— А то положу...

— Сказаль будя, ну, значить и будя, — снова сурово оборвалъ Аришку Ермилка. — Квасу подай...

— Чичась подамъ и кваску... — Аришка побѣжала куда-то въ сторону.

Ермилка развалился на травѣ въ блаженномъ ожиданіи кваса. Его охватило благодушіе, въ головѣ бродили пріятныя мысли.

— Принесетъ квасу — пырну ей кулакомъ въ харю. Пусть чувствуетъ, какой у ей мужъ есть, — размечтался Ермилка. Но его мечты внезапно рухнули. Изъ избы долетѣлъ голосъ матери:

— Ермилка-а! Чтобъ тебя черти задавили... Такъ ты за ребенкомъ смотришь? Ребенокъ чуть не задохся, а ему и горя мало... Иди-ка сюда, щенокъ, иди!..

Ермилка вскочилъ, какъ ошпаренный.

— Изобьетъ мамка, это ужъ какъ Богъ святъ... За Сеньку она не спуститъ, — подумаль онъ, увидя идущую къ нему мать съ посинѣвшимъ отъ крика Сенькой на рукахъ.

Ермилка, не дожидаясь ея прихода, задалъ стрекача по направлению Яра, въ которомъ росъ частый тальникъ, переплетенный колючими стеблями ежевики. Мать бросилась за нимъ.

— Ну, и злая она теперь, — думаль онъ, подбѣгая къ самому Яру. — Теперь дня три и домой не кажись...

Добѣжавъ до Яра, Ермилка юркнулъ въ кустарникъ и облегченно вздохнулъ, чувствуя себя тамъ въ полной безопасности.

— Лучше вернись сейчасъ, — услышалъ онъ наверху голосъ матери. — Не вернешья — Богомъ клянусь, хуже будетъ...

— Ладно, — думалъ Ермилка, срывая кисть крупной бархатной ежевики и отправляя ее въ ротъ. — Жди тамъ денька черезъ три...

— Голодомъ заморю, — грозила мать.

— Не заморишь... — думалъ Ермилка, глотая ягоды и нащупывая въ карманѣ штановъ большой кусокъ хлѣба.

Наконецъ, мать, поругавшись еще немного, ушла домой. А Ермилка спустился съ дерева, гдѣ онъ разорилъ гнѣздо, выпилъ три свѣжихъ яйца горлинки и, насвистывая, снова полѣзъ въ веселую чашу кустарника.

Кирилль Волгинъ.

У ИСТОКОВЪ СЕРДЦА.

Девятилѣтній Колька, внукъ старой Рѣдчихи, стоялъ на перелазѣ и смотрѣлъ на огородъ. Вчера только Одарка и Поля кончили копать гряды, и огородъ былъ весь черный съ зелеными островками, на которыхъ стояли еще безлистья, но уже зацвѣтавшія яблони.

На нѣкоторыхъ грядкахъ была уже посажена разсада и на двойныхъ листочкахъ, торчавшихъ изъ земли на тоненькихъ ножкахъ, еще блестѣли капельки утренней росы.

Съ перелаза Колька влѣзъ на изгородь, отдѣлявшую дворъ отъ огорода, постоялъ на ней, поднялъ руки и прыгнулъ прямо въ глубокую борозду между черными грядками. Колѣнки его уперлись въ мягкую землю и за сапоги, надѣтые на босую ногу, посыпались холодные комочки. Колька обтеръ съ шаршавыхъ колѣнокъ черную землю, скинулъ сапогъ и, стоя на одной ногѣ, вытрясъ изъ него землю, но не устоялъ въ узкой глубокой бороздѣ, и сѣлъ на обочину гряды. Потомъ вытрясъ другой сапогъ, посидѣлъ на холодной землѣ и пошелъ по глубокой бороздѣ къ яблонѣ, разставивъ руки и отталкиваясь то отъ одной, то отъ другой гряды.

Добравшись до яблони, Колька легъ въ траву. Сквозь черный узоръ вѣтокъ дрожало весеннее небо. Раздвигая толстыя набухшія почки, распускались бѣлые цвѣты, а по корявому стволу яблони, надъ самой Колькиной головой, выгибая спину петелькой, ползъ зеленый червякъ, останавливался и покачивался въ воздухѣ, будто осматривалъ дорогу. Колька далъ ему уползти подальше и, приподнявшись, сбиль его щелчкомъ; потомъ повернулся къ солнцу, зажмурилъ глаза и сталъ смотрѣть, какъ дрожатъ, переплетаются и вспыхиваютъ въ глазахъ чудесныя золотыя нитки.

За огородомъ шли кусты красной и черной смородины, крыжовника и еще голыя заросли малины. Зимой кусты пропадали, и изъ окошекъ, и со двора ихъ совсѣмъ не было видно. Теперь они уже начинали круглиться по-лѣтнему, на сѣрыхъ вѣткахъ

пробивались зеленые пучки смолистых листьевъ. Тутъ пахло черносмородиннымъ листомъ и еще какой-то травой, которой пахли праздничныя бабушкины платья.

Дальше къ оврагу шелъ садъ. Бѣлѣлъ въ травѣ уже опавшій цвѣтъ вишни, а отъ сырой, крѣпко утопанной и зацвѣтшей рыжимъ мхомъ дорожки шелъ свой, совсѣмъ особенный запахъ, который зимой иногда снился Колькѣ во снѣ. Внизу за оврагомъ розовѣли въ золотомъ дыму сады, бѣлѣли вишенники и яблони, а за садами, въ струящейся весенней дали остро сверкаль разливъ Днѣпра.

Колька стоялъ у оврага и думалъ о Днѣпрѣ, о разливѣ, о томъ, что въ воскресенье пойдетъ къ тетенькѣ и дѣдъ Ефимъ повезетъ его на душегубкѣ по сверкающимъ на солнцѣ заливному лугамъ, на которые нельзя смотрѣть, не прищуривъ глазъ, по затопленнымъ огородамъ, и будетъ видна зеленая трава на днѣ и всколыхнетъ ее зашедшая изъ «старика» огромная щука, а дѣдъ Ефимъ только покосится на нее и скажетъ:

— Ершь твою маковку! На рупь съ полтиной. А?...

А Колька, зная цѣну на рыбу, спокойно и дѣловито отвѣтитъ:

— А и на два — къ торгу поспѣть.

Подплывуть къ огородамъ, остановятся у залитой изгороди, и дѣдъ Ефимъ, вынувъ изъ широкихъ штановъ исписанную бумагу и горсть махорки, станетъ крутить здоровый «крючокъ», а Колька запрокинется назадъ, будетъ смотрѣть кверху и вбокъ, въ сторону «старика», и будетъ только солнце, вода, да голубой, давно знакомый, сладковатый дѣдовскій дымокъ...

Колька зашуршалъ прошлогоднимъ листомъ и, обрываясь по сырому и рыхлому склону, сталъ спускаться внизъ.

Въ оврагѣ росли старыя березы. Одна была подсѣчена внизу и въ щель вставленъ деревянный желобокъ. Подъ нимъ на мокрой веревкѣ висѣлъ кувшинъ. По краямъ и въ глубинѣ насѣчки скопилась желтая плѣсень, подъ желобкомъ почернѣло и сочился густой липкій сокъ. Мухи и букашки ползали по плѣсени и по желобу. Кругомъ гудѣли пчелы. Колька заглянулъ въ кувшинъ. Тамъ плавали сухіе листья, кусочки коры, мухи и, распластавъ крылья, лежала бѣлая бабочка. Колька наклонилъ кувшинъ, смель рукою все, что лежало сверху, и сталъ пить холодный сладковатый сокъ.

И вдругъ вспомнилъ про вчерашнее, и полѣзъ изъ оврага. И широкія радостныя мысли о Днѣпрѣ, о лодкѣ, о дѣдушкѣ Ефимѣ

пропали и сразу налетѣли другія, тревожныя, острыя, и сразу всѣ, до тѣсноты.

Колька карабкался кверху, цѣплялся за крѣпкую прошлогоднюю траву и думалъ объ улицѣ, о Сонькѣ и объ «этихъ», и о матери, о томъ, что теперь будетъ, не хотѣлось встрѣчи съ матерью и непремѣнно надо было дожидаться, когда изъ города со службы пойдетъ на Дубровку Жуковъ и услышать, что онъ скажетъ и про Соньку, и про «этихъ» съ Дубровки, и тогда уже все рѣшить.

«Эти», съ Дубровки, появились въ Зеленомъ переулкѣ, гдѣ стоялъ Рѣдчихинъ домъ, совсѣмъ недавно. Появились онѣ какъ-то въ сумеркахъ, въ тотъ часъ, когда все казалось Колькѣ необыкновеннымъ, появились вдвоемъ, снизу, съ Дубровки, но одѣты были по-городски. Замѣтивъ со двора два необыкновенныхъ зонтика, синій и красный, Колька выскочилъ на улицу, услышалъ особенный запахъ, какъ на бульварѣ, и увидѣлъ ихъ. Шли одна за другой, обѣ высоко поднявъ юбки, вторая, поменьше, съ палифроской во рту.

Не только Колька, но и весь Зеленый переулокъ замѣтилъ ихъ сразу, въ этотъ же вечеръ и всѣ заволновались.

Вечеромъ Колька слышалъ, какъ отецъ и мать тихо говорили о нихъ въ кухнѣ, а когда вошли въ комнату, замолчали. Когда Колька легъ спать, но не спалъ, а ждалъ, когда опять заговорятъ о нихъ, пришелъ Федоръ Ивановичъ «Мамочка», приходившій только по праздникамъ и плясавшій съ Колькой русскую съ платочкомъ, и говорилъ, что этихъ безобразій онъ не допустить, что у него дочка невѣста, и что онъ пойдетъ къ полицеймейстеру просить, чтобы ихъ выселили въ городъ, на старое мѣсто. На слѣдующій день заходилъ на дворъ утромъ старый жандармъ Марченко, сидѣлъ на завалинкѣ, курилъ трубку, называлъ ихъ тварями и сердито сплевывалъ при этомъ, такъ что серьга въ ухѣ покачивалась.

Но больше всего всполошилась сосѣдская Праксѣда. Затнавъ свиней вечеромъ, она стала передъ домомъ съ ушатою помоевъ и, какъ только «эти» показались съ Дубровки, закричала:

— Не пуцу! Шкуры барабанныя . . .

Тѣ кинулись къ оврагу и прошли низомъ по тропинкѣ.

На слѣдующій день Колька сидѣлъ на завалинкѣ на улицѣ, вытянувъ ноги черезъ весь тротуаръ и ждалъ. Онѣ показались, но сошли съ тротуара и прошли по другой сторонѣ переулка, у Гомоновой пустыри.

Однако, ни Колька, ни Праксѣда не успокоились. На завтра

Колька сидѣлъ на крышѣ сарая съ комками сухой грязи и сторожилъ. Но Пракседа подстерегла раньше, и вывалила через заборъ на одинъ изъ зонтиковъ цѣлую лопату свѣжаго навозу. Онѣ съ криками вернулись назадъ, а Колька недовольно слѣзъ съ крыши.

Послѣ этого онѣ стали ходить низомъ, черезъ оврагъ, гдѣ паслись свиньи. Но и тамъ онѣ иногда сталкивались съ Пракседой, загонявшей въ сумеркахъ свиней, и тогда всѣмъ была слышна ея ругань.

Кромѣ этихъ двухъ, ходившихъ вмѣстѣ, появилась еще и третья, ходившая отдѣльно и совсѣмъ на нихъ непохожая. Показывалась она въ переулкѣ не только вечеромъ, но и утромъ, всегда въ простомъ платьѣ и ситцевомъ платкѣ, низко опущенномъ надъ блѣднымъ лицомъ. Была она похожа на обыкновенную бабу съ Завалья, въ родѣ Адарки или Поли, и только высокіе каблуки и запахъ, какъ на бульварѣ, дѣлали ее на нихъ непохожей. Вечеромъ она ходила подъ зонтикомъ и въ модномъ платьѣ, но Колькѣ казалось, что взяла она его у тѣхъ, другихъ. Ее никто не трогалъ. И Колька почему-то сразу рѣшилъ, что, хотя она тоже «такая», но не такая, какъ тѣ, а другая, особенная.

Однажды поздно, около дома жандарма раздались страшные крики. На крикъ выскочилъ дровосѣкъ Филиппъ и жандармъ, который собственными руками, какъ рассказывалъ онъ утромъ сосѣдямъ, «пресѣкъ безобразіе» и передалъ «неизвѣстнаго» Филиппу, а тотъ спустилъ его въ оврагъ. У воротъ жандармова дома осталась избитая «тварь», назвавшая себя Сонькой. Такъ узнали ея имя. Пракседа дала ей пить, и по приказу жандарма Филиппъ сходилъ за извозчикомъ и отвезъ ее въ больницу. О ней жалѣли, говорили, что была она честная и что бросилъ ее писарь Константиновъ, котораго перевели на Кавказъ. Черезъ недѣлю она появилась похорошѣвшая. Въ переулкѣ встрѣтили ее молча, но безъ сочувствія.

Измѣнился къ ней и Колька. И даже какъ бы ждало Колькино сердце первой возможности избавить ее отъ того томнаго, непонятнаго ему, но искавшаго выхода чувства, которое вызывали въ немъ «эти», съ Дубровки. Чувство это онъ сразу перенесъ на «неизвѣстнаго», который избилъ ее, и на писаря Константинова, и думалъ, что, появивъ кто-нибудь изъ нихъ въ Зеленомъ переулкѣ, онъ запустилъ бы съ крыши кирпичемъ въ голову.

Вечеромъ, того же дня, когда вернулась изъ больницы Сонька, Колька пошелъ ночевать къ тетенькѣ, куда уходилъ всегда, когда

случилось что-нибудь важное, и, читая на ночь молитву о живыхъ, вспомнилъ и о Сонькѣ.

Помянувъ послѣдняго, раба Божьяго Алексѣя — нищаго со скрюченными пальцами, который приходилъ по субботамъ въ домъ Рѣдчихи похлебать вчерашняго супцу и рассказывалъ Колькѣ про разбойниковъ и про клады, Колька хотѣлъ прибавить: «и рабу Божию Софью», но подумалъ, и назвать ее «рабой Божьей» не рѣшился, а сказалъ просто: «и Соньку».

Такъ она со своимъ милостивымъ, похорошѣвшимъ лицомъ и застѣнчивой улыбкой, въ сѣломъ низко опущенномъ платочкѣ стала въ Колькиныхъ мысляхъ въ сторонѣ отъ тѣхъ двухъ, — свѣтлая и милая.

Но послѣ вчерашняго, Колька не зналъ, что дѣлать. Помочь могъ только Жуковъ, и Колька рѣшилъ, что ляжетъ на крышу сарая и будетъ ждать Жукова. И не думалъ, какъ спросить объ этомъ Жукова, но зналъ, что такъ должно быть, и видѣлъ, какъ Жуковъ остановится, подтянетъ хромую ногу, обопрется на палку, посмотритъ прищурившись, и все пойметъ и скажетъ...

Телеграфистъ Жуковъ появился въ переулкѣ въ прошломъ году. Ходилъ онъ прихрамывая, приволакивая ногу и опираясь на суковатую палку, и отъ этого шагъ былъ значителенъ.

Колькѣ всегда казалось, что Жуковъ не просто идетъ, какъ всѣ, а къ чему-то подходитъ, вотъ шагнетъ еще нѣсколько разъ и что-то сдѣлаетъ, непременно сдѣлаетъ или скажетъ. Жуковъ проходилъ, и Колька думалъ: значить, въ слѣдующій разъ скажетъ, потому долго смотрѣлъ Жукову вслѣдъ.

Однажды Жуковъ обернулся и, замѣтивъ Колькинъ пытливый взглядъ, необыкновенно благородно приподнял фуражку и сказалъ:

— Не стѣсняйтесь.

На завтра Колька сторожилъ Жукова у калитки, въ шапкѣ, и заранѣе думалъ, какъ онъ, такъ же, какъ Жуковъ, благородно сниметъ шапку и молча раскланяется.

Познакомившись, Жуковъ и Колька вели при встрѣчахъ короткіе и всегда вполне серьезные разговоры. Колькѣ это нравилось. И о чемъ бы ни говорилъ Жуковъ, выходило на-двое, было такъ, какъ будто надо было сразу посмотреть въ разныя стороны, и Колька сразу не понималъ.

Жуковъ останавливался, снималъ фуражку съ желтымъ кантомъ и молніями и, проведя по лбу сложеннымъ въ квадратикъ носовымъ платкомъ, замѣчалъ:

— Необыкновенная жара, а между тѣмъ прохладный вѣтеръ.

Замѣчалъ дыру на Колькиной рубахѣ и говорилъ:

— Не интересуетесь вашей внѣшностью — похвально, а между тѣмъ — небрежность.

Послѣ такихъ короткихъ разговоровъ Колька всегда долго думалъ, ему казалось, что это необыкновенно умно, сказать такъ, чтобы было на-двое: и такъ и не такъ, и очень хотѣлось и самому говорить такъ, но было и страшно отъ такихъ двойныхъ мыслей.

Какъ-то Жуковъ замѣтилъ у Кольки книжку: «Битва русскихъ съ кабардинцами», посмотрѣлъ ее внимательно, перелисталъ и сказалъ:

— Слогъ, нѣтъ словъ, легкій. Однако, пустое времяпровождение. — И прищурившись, прибавилъ:

— Есть, дѣйствительно, книги... И можно будетъ дать...

И время отъ времени сталъ приносить Колькѣ пахучія старыя книжки въ червивыхъ переплетахъ. Колька читалъ ихъ тетенькѣ по вечерамъ. Такъ Колька прочелъ: «Арабскія сказки въ четырехъ частяхъ», «Состояние души грѣшника, допускающаго діаволу утвердиться въ сердцѣ своемъ», съ рисунками, «Двѣнадцать писемъ съ того свѣта въ стихахъ», книжка, отъ которой тетенька плакала. Читалось не легко и не все было понятно, но все было таинственно, страшно, необыкновенно.

О книжкахъ не говорили. Но получая новую, Колька смотрѣлъ на Жукова и зналъ, что онъ уже знаетъ все, что въ ней написано, все, что написано и въ тѣхъ другихъ, которыхъ можетъ и не дать. А Жуковъ, отдавая книжку, щурился, соображалъ и осторожно, съ разстановкой замѣчалъ:

— Еще есть книга, очень старинная. Можно бы и дать... однако, не сейчасъ.

Колька видѣлъ, что куда-то осторожно ведетъ его Жуковъ, зная все напередъ, но все же боясь ошибиться. Было страшно, но и очень интересно.

Больше всего поразилъ Жуковъ Кольку, когда однажды въ сумеркахъ остановился и, вынувъ изъ кармана небольшую штучку, непоходившую ни на что, что видѣлъ Колька, поставилъ ее на завалинку и сталъ на ней что-то выстукивать. Выстукавъ съ большимъ вниманіемъ, съ полузакрытыми глазами все, что было нужно, Жуковъ сказалъ:

— Простое движеніе руки, а между тѣмъ государственная тайна.

Потомъ спряталъ штучку въ карманъ и ушелъ, выросши въ Колькиномъ сознаниі до огромныхъ размѣровъ.

Когда появились въ переулкѣ «эти», съ Дубровки, Колька ждалъ, что скажетъ о нихъ Жуковъ. Теперь, послѣ вчерашняго уже нельзя было больше ждать. То, что случилось вчера, требовало отвѣта, а отвѣтить могъ только Жуковъ.

Вчера утромъ Колька стоялъ у воротъ и ждалъ. Сонька появилась изъ-подъ горы одна. Колька стоялъ въ калиткѣ, держалъ въ карманѣ яблоко и, когда она подошла, неожиданно протянулъ его Сонькѣ. Сонька оглянулась, яблоко не взяла, но быстро обняла Кольку и стала цѣловать въ щеки, въ глаза, въ шею и въ голову.

Колька рванулся, толкнулъ калитку и вскочилъ во дворъ. Передъ нимъ стояла мать, собравшаяся на рынокъ. И по лицу матери Колька понялъ, что случилось что-то необыкновенное.

Мать выскочила на улицу, Колька высунулся въ калитку и замеръ.

Догнавъ Соньку, мать крикнула:

— Тварь! Какъ ты смѣешь! — И подняла руку.

Сонька прижалась къ забору и закрыла руками лицо. Мать опустила руку, вернулась къ Колькѣ, схватила его за руку, толкнула во дворъ, заперла калитку на засовъ, трясла Кольку и задыхаясь кричала:

— Какъ ты смѣешь съ ними разговаривать?

Колька, пытаясь объяснить что-то, что уже терялось и для него самого, сказалъ:

— Это Сонька.

Мать не поняла, и только прибавила:

— Съ погаными...

Колька стоялъ передъ этой неожиданной лаской Соньки и страшнымъ гнѣвомъ матери и не могъ вмѣстить всего въ своей душѣ. И въ первый разъ въ душѣ было на-двое, по-жуковски, и отъ этого очень страшно.

Рано утромъ, когда Колька еще спалъ, въ «городъ», на службу, уходилъ отецъ, Федоръ Иванычъ «Мамочка», жандармъ Марченко. Туда ходилъ за товаромъ съ огромными корзинами лавочникъ Залманъ съ женой Фрейдой. Спѣшилъ, шлепая худыми опорками, съ парой штиблетъ въ узелкѣ, высокии, вихрястый сапожникъ Максимъ, говорившій быстро и невнятно, какъ индюкъ, и читавшій по покойникамъ. Позже всѣхъ уходилъ на рынокъ съ маленькимъ тупымъ топоромъ за поясомъ огромный сѣдой дровосѣкъ Филиппъ.

Теперь Филиппъ уже возвращался обратно, по обыкновенію раньше всѣхъ, и водоноска Матрена, жившая лѣтомъ вмѣстѣ съ нимъ въ развалинахъ на Гомоновой пустыри, медленно подымалась съ полными ведрами съ криницы изъ оврага и уже издали кричала ему:

— Нароботался, арештантъ! Холера тебѣ на кишки...

За Филиппомъ показались Залманъ и Фрейда. Высокій, худой Залманъ шелъ впереди съ двумя огромными корзинами, за нимъ съ корзинами поменьше переваливалась Фрейда, запрокинувшись назадъ, съ большимъ животомъ, приподымавшимъ юбку надъ толстыми бѣлыми чулками.

Они зашли во дворъ. Колькѣ было видно, какъ Фрейда, опустивъ корзины, сѣла на завалинку, широко разставивъ ноги, и вытирала фартукомъ потъ, а Залманъ молча выкладывалъ на завалинку изъ корзины кульки съ крупой, сахаромъ, чай, баранки, бѣлый хлѣбъ. Сейчасъ на дворъ выйдетъ мать. Колька опустилъ голову, чтобы не увидѣли его со двора. Какъ всегда, мать беретъ изъ корзины засаленную книжку, смотреть.

— Опять на копейку прибавила, Фрейда?

Фрейда подымается съ завалинки.

— Что? Фрейда вамъ прибавила? Можетъ Залманъ вамъ прибавилъ? Симкинъ прибавилъ, чтобъ ему Богъ хворобы прибавилъ, такъ и Фрейда прибавила.

Успокоившись, мать спрашиваетъ:

— Которымъ ходишь, Фрейда?

Фрейда подымаетъ полузакрытые усталые глаза и говоритъ медленно, раздвигая въ улыбку опущенныя губы:

— Давай Богъ здоровья. Такъ уже шестымъ.

Мать уходитъ, уносить кульки.

Показалась Адарья. Значить, уже не рано. Значить, скоро.

Прошла Алейница, носившая постное масло. Колька пропустилъ ее и ждетъ. Но тонко думается: Рождество. Пришла Алейница въ гости, принесла колоду масляныхъ картъ, играютъ съ Колькой въ пьяницу. Алейница рассказываетъ про Ивашку. Тонко-тонко, жалостно поетъ Ивашка съ вербы:

— Гуси, гуси, лебеди, скиньте мнѣ по перушку...

И сразу пропали и Ивашка, и гуси, и Алейница. Неожиданно, какъ всегда, на горѣ показался Жуковъ.

Ни о чемъ больше не думалъ и ничего не видѣлъ Колька, только ждалъ. Жуковъ приближался. Колька слѣзъ съ крыши и стоялъ у калитки.

Жуковъ остановился, подтянулъ ногу и, приподнявъ фуражку, протянулъ Колькѣ книжку въ старомъ переплетѣ.

— Получите общанное. «Панъ Твардовскій, или чловѣкъ, продавшій душу свою сатанѣ»...

Жуковъ прищурился, разгадывая Колькины свившіяся въ клубокъ мысли. Колькино сердце стучало. А рядомъ съ нимъ, не то въ немъ отдавалось: продавшій душу свою сатанѣ...

И какъ разъ показалась съ Дубровки Сонька и, увидѣвъ ихъ, свернула на тропинку въ оврагъ...

— Какъ тѣ... — мгновенно пронеслось въ Колькиныхъ мысляхъ.

Опять выглянуло сквозь мысли вчерашнее страшное материно лицо и будто мать толкнула ее туда, въ оврагъ.

Колька смотрѣлъ на нее, на Жукова, на старую страшную книжку, связывалъ взглядомъ и Соньку, и Жукова, и книжку.

И Жуковъ размоталъ клубокъ Колькиныхъ мыслей. Поглядѣлъ въ оврагъ и отвѣтилъ:

— Такъ же продали душу свою сатанѣ. Однако, жертвы плотоядныхъ инстинктовъ.

Какъ вчера, но уже въ послѣдній разъ защищая Соньку и свѣтлое мѣсто для нея въ своихъ мысляхъ, Колька спросилъ неожиданно громко:

— А Сонька?

Жуковъ прищурился и помедливъ отвѣтилъ:

— Для этой еще возможно спасеніе.

И благородно приподнявъ фуражку, двинулся дальше.

Колька стоялъ съ книжкой въ рукахъ. Напуганное свѣтлое трепетало въ немъ, какъ пламя страстной свѣчи въ рукахъ у матери. Уже не такимъ гнѣвнымъ казалось материно лицо. Сонька отводила руки отъ лица, и пугливо косилась.

Колька подбѣжалъ къ оврагу, думая еще увидѣть ее на тропинкѣ, но она уже исчезла въ кустахъ.

Колька сѣлъ на завалинку, раскрылъ книжку и прочелъ:

«Быль вечерни часъ, но ночь еще медлила опустить на землю мрачныя свои крылья, когда по дорогѣ къ Кракову показался всадникъ, сердито понукавшій покрытаго пѣной чернаго коня»...

Колька закрылъ книжку. Что-то еще неясное уже слагалось въ душѣ. Надо было дожидаться вечера и идти съ книжкой къ тетенькѣ.

* * *

Было еще свѣтло, когда Колька спускался къ Дубровкѣ. Послѣ тихаго Зеленаго переулка съ садами и огородами, внизу на Дубровкѣ сразу было людно, тѣсно, крикливо, пыльно, пахло вареной рыбой, у рѣчки было черно отъ дѣтскихъ головъ, подъ мостомъ стучали вальки прачекъ.

У лавки Залмана толпился народъ, кричала Фрейда. Дровосѣкъ Филиппъ стоялъ на ступенькахъ лавки съ булкой въ рукахъ и, улучивъ минуту, когда Фрейда вышла изъ лавки въ хату, запустилъ булку на самое дно селечной бочки, въ ржавую гущу. Но Фрейда замѣтила, тащила его изъ лавки за рукавъ и кричала:

— Арештантъ! Чтобъ тебѣ выхворать! Сегодня онъ макаетъ, завтра онъ макаетъ. Когда ты будешь деньги платить?

Въ шумѣ и суетѣ затаились мысли о Сонькѣ, уступали мѣсто крикливой назойливой Дубровкѣ, но, затаившись, ждали.

По нагорью, прилипши къ горѣ и почти падая другъ на друга, тѣснились крохотные, покривившиеся, подпертые спереди бревнами и досками еврейскіе дома. И не было на Дубровкѣ ни травы, ни цвѣтовъ, ни деревьевъ. Только у моста стояли двѣ старыя дуплистыя ивы, выжженные внутри. Каждую весну выбивало изъ нихъ нѣсколько длинныхъ гибкихъ вѣтокъ, но лѣтомъ и ихъ кто-то обламывалъ.

И земля на Дубровкѣ была особенная, твердая, сухая, изъ нея глядѣли рѣчные камешки, стекла, черепки, сухой соръ и была она похожа больше на сѣрый пепель, который мать вытряхивала изъ самовара, чѣмъ на сырую пахучую землю въ огородѣ и въ саду.

Когда Колька, бывая у тетеньки, читалъ ей изъ Ветхаго Завѣта о пустынь Аравійской, по которой странствовали евреи, то всегда думалъ, что земля въ пустынь Аравійской такая же, какъ на Дубровкѣ, и нѣтъ на ней ни травы, ни деревьевъ.

Возвращаясь домой, несъ Колька цѣлые пучки сирени, жасмину и тѣхъ особенныхъ цвѣтовъ, которые цѣлое лѣто не переводились въ тетенькиномъ палисадникѣ. У спуска на Дубровку за нимъ увязывались дубровскія дѣти, хватали цвѣты, какъ голодныя, нюхали жадно, такъ что отъ цвѣтка ничего не оставалось и до самаго переулка бѣжали за Колькой и кричали:

— Краски! Краски! Паничъ, дайте краски! . .

Въ оврагѣ передъ самымъ Завальемъ жила сумасшедшая, всегда носившая у груди, какъ ребенка, рваное грязное тряпье. Колька боялся ее и быстро миновалъ оврагъ.

* * *

Поднявшись въ гору, Колька вошелъ въ тихое, все въ садахъ Завалье. Смеркалось. Розовѣли за изгородями еще прозрачныя сады. Дымилось курево, плыли по низу межъ стволами сизые призраки, а надъ зацвѣтавшими яблонями въ тихомъ, окрѣпшемъ къ вечеру воздухѣ подымались тонкіе, золотые на закатѣ дымки. Колька посмотрѣлъ на похолодѣвшее небо — загорались звѣзды.

Сразу налетѣли затаившіяся мысли о Сонькѣ, а съ ними переплелись, какъ вѣтви въ садахъ, тѣ мысли, что приходили всегда со звѣздами. Колька шелъ тихо, вглядываясь въ то, чего не видно днемъ, думалъ по вечернему.

Сейчасъ только видѣлъ Филиппа у Залмановой лавки, но зналъ, что теперъ Филиппъ — другой, ходитъ по Гомоновой пустыри и смотритъ въ землю, сторожитъ кладъ, что зарылъ на пустыри старый Гомонъ еще до француза, ждетъ, когда кладъ покажется изъ земли. А выходитъ онъ только черезъ сто лѣтъ. И уже скоро...

Въ этотъ часъ прошлой весной дѣлъ Ефимъ гналъ челнъ съ рыбой къ городу. Прибился къ челну утопый. Глянулъ дѣдъ — плыветъ утопый лицомъ къверху, на звѣзды смотритъ. Хоть и много прошло тому годовъ, а узналъ дѣдъ чаровника «ажъ съ подъ Чернигова», того самаго, что напустилъ «сухмень» на листъ лѣтъ тридцать тому назадъ, когда еще молодымъ дѣдъ снималъ сады по Днѣпру. Трясла дѣда трясовица, но онъ запѣлъ громко, «какъ на крилосѣ», тропарь Николаю Угоднику. И чаровникъ отбился.

Колька прибавилъ шагу, покосился на темнѣвшую чашу уходившихъ назадъ стволовъ, на голубоватые призраки, что плыли за ними... И будто ѣдетъ тамъ черный конь, а на немъ страшный всадникъ. Уже замѣтилъ онъ Кольку. Идетъ Колька — и онъ ѣдетъ, остановится — и онъ ждетъ. Уже близко онъ, слышенъ далекий топотъ... Обгонитъ его Колька — спасетъ Сонькину душу, не обгонитъ — погибнетъ Сонькина душа...

Колька бѣжалъ по крѣпко убитой тропинкѣ у изгороди, кругами бѣжали деревья въ садахъ, летѣлъ за нимъ страшный всадникъ...

Колька остановился только тогда, когда прохнула за нимъ тяжелая тетенькина калитка и огромный лохматый Шарикъ кинулся навстрѣчу.

Обрадовался Шарикъ, присѣлъ, и Шарикъ мигомъ облизалъ глаза и губы теплымъ слюнявымъ языкомъ.

Глянулъ, сидя рядомъ съ Шарикомъ, на темное, пустое За-
валье, прислушался — нѣтъ никого, только гремитъ водовозъ, къ
Днѣпру за водой ѣдетъ...

Колька вошелъ въ сѣнцы, постоялъ. Проѣхалъ водовозъ.
Тихо, темно въ сѣнцахъ, пахнетъ полынью и мятой, что виситъ
пучками на стѣнѣ.

Выглянулъ изъ сѣнецъ на дворъ. Садъ поблѣлъ на по-
темнѣвшемъ небѣ. Золотые дымки погасли, стали сѣрыми. Тихо
на темномъ дворѣ, только корова за стѣною жуетъ жвачку и,
отрыгнувъ, тяжело дышитъ, и голубѣютъ въ черномъ палисадникѣ
подснѣжники, будто кладъ, выходящій изъ земли.

Прошелъ длинныя сѣнцы и вошелъ въ пахучія тетенькины
комнаты.

* * *

Чай пили съ медомъ. Колька читалъ тетенькѣ «Пана Твар-
довскаго». Ломоть хлѣба, густо намазанный медомъ, Колька дер-
жалъ въ одной рукѣ, «Пана Твардовскаго» въ другой, заложивъ
пальцемъ мѣсто, на которомъ остановился. Смотрѣлъ на синий,
обгорѣвшій у стекла абажуръ, и сердце его взволнованно билось.

Уже рассказалъ панъ Твардовскій сыну, какъ Жуковъ Коль-
кѣ, о роковой тайнѣ. Побывалъ Колька съ Яномъ у святого
отшельника. «Изголовье ему — острый камень»...

Три дня и три noci стоялъ на молитвѣ Янъ, а рядомъ съ нимъ
Колька. А Сонька, прижавшись къ острому камню, пугливо ко-
сила изъ-подъ опущеннаго низко платка...

Увидѣлъ Колька страшный, возвращенный сатаню свитокъ:
чернѣютъ на немъ написанныя кровью слова.

А Жуковъ стоитъ рядомъ и щурится, и Колька знаетъ, что
самое страшное еще впереди...

Опять надо звать сатану... Разговоръ съ нимъ, на кото-
ромъ остановился Колька, очень страшный и неизвѣстно, чѣмъ
все кончится...

Колька торопился, глоталъ сладкій свѣже испеченный хлѣбъ,
не разжевавъ какъ слѣдуетъ, сухая корочка царапала въ горлѣ
и тамъ, не то отъ большихъ глотковъ, не то отъ волнения ёкало.
Допивъ стаканъ, Колька облизалъ пальцы, слизалъ медъ со ска-
терти, отъ которой пахло мыломъ, и больше не попросилъ, а рас-
крылъ книжку и посмотрѣлъ на тетеньку.

Тетенька сидѣла по другую сторону стола, за лампой, сухонь-
кое лицо ея съ желтѣющимъ отъ лампы лбомъ въ тонкихъ мор-
щинкахъ, съ очками на двухъ тесемочкахъ, было строго, но спо-

койно. Она пила чай медленно, перекладывая въ беззубомъ рту намокшую корочку съ одной стороны на другую и прихлебывая изъ стакана рыжую бурду, въ которой мочила хлѣбъ. Хлебнувъ раза два, подымала голову и продолжала вязать бѣлый шерстяной чулокъ. Тогда Колька не видѣлъ ее изъ-за синяго абажура, видѣлъ только знакомыя сухія руки, которыя двигались у самой лампы.

Глядя на тетеньку, Колька успокоился и, шмыгнувъ носомъ, чтобы скрыть волненье, началъ:

«Тогда панъ Твардовскій, обуреваемый въ умѣ своемъ жаждою сокровеннаго, поклонился ему и сказалъ: — Господинъ Сатана, приношу вамъ мою низкую благодарность и готовъ сдѣлать все, что вамъ угодно» . . .

Но тутъ тетенька, положивъ чулокъ у лампы, встала, взяла изъ Колькиныхъ рукъ книжку и, подойдя къ дивану, сунула ее за зеркало; потомъ вернулась, подлила изъ самовара воды въ бурую кашницу отъ размокшаго хлѣба въ своемъ стаканѣ и, усѣвшись, стала вязать.

Колька смотрѣлъ на нее и ждалъ, что тетенька заговорить, догадывался, что она скажетъ. Но она молчала. И Колькѣ стало очень страшно.

Колька подобралъ ноги и покосился влѣво отъ тетеньки на открытую дверь въ кухню. Тамъ было темно, чернѣло подпечье. Еще лѣвѣе была дверь въ темную боковушку, и тамъ было страшно. Колька косился дальше и дошелъ до зеркала, за которое тетенька спрятала книжку. Правая сторона зеркала была совсѣмъ черная, и оттуда торчалъ уголокъ книжки. Тутъ было особенно страшно. Колька подумалъ, что, если сказать, даже совсѣмъ тихо: — господинъ Сатана, — то онъ непременно появится изъ-за зеркала, и перевелъ глаза влѣво, къ лампадкѣ.

Свѣтъ отъ лампадки золотилъ лѣвую сторону зеркала. И вся комната раздѣлилась на двѣ части: большую — страшную, отъ двери въ кухню до уголка книжки за зеркаломъ и поменьше — спокойную, отъ другого края зеркала до двери въ кухню. Въ серединѣ этой части, какъ разъ за Колькою, горѣла лампадка.

Колька повернулся на стулѣ на колѣнкахъ и сталъ глядѣть на лампадку и на Святую Троицу за ней.

Богъ-Отецъ смотрѣлъ чуть вкось, какъ всегда, прямо на Кольку, и желтое лицо его свѣтилось. Колька успокоился подъ этимъ знакомымъ взглядомъ и, посмотрѣвъ на зеркало, громко прошепталъ:

— Господинъ Сатана . . .

Тетенька сказала:

— Не надо повторять. Грѣхъ.

Колька понялъ, почему тетенька спрятала книжку. Онъ и самъ такъ же думалъ, и отвѣтилъ спокойно:

— Я знаю, тетенька. Я больше не буду.

И сейчасъ же еще разъ прошепталъ:

— Господи́нь Сатана . . .

Стало не страшно. Колька опустилъ ноги и поболталъ ими подь стуломъ.

* * *

Передъ сномъ молились. Рядомъ съ тетенькой, около стула стоялъ на колѣнкахъ Колька и смотрѣлъ на икону. Сами, одна за другой, шептались молитвы. Колька не думалъ о нихъ. Прошепталъ: — «Но избави насъ отъ лукаваго», поклонился, сказалъ — аминь, — уперся руками въ полъ и, думая о лукавомъ, смотрѣлъ вбокъ подь руку на черное подпечье, потомъ поднялся, сѣлъ на ноги, зашепталъ дальше и сталъ смотрѣть на Николая Угодника.

Большой Николай Угодникъ въ серебряной ризѣ стоялъ внизу, совсѣмъ близко, на покрытомъ вязаной скатертью угольникѣ, на которомъ горѣла лампадка. Въ одной рукѣ у него было Евангеліе, другую онъ сложилъ для благословенія и держалъ высоко и строго. Смотрѣлъ онъ прямо въ кухню, и Колька нѣсколько разъ посмотрѣлъ на него и на подпечье.

Надъ Николаемъ Угодникомъ за верхней лампадкой висѣла большая Троица. Богъ-Отецъ и Сынъ Божій держали корону надъ Божьей Матерью, а вверху летѣлъ Святой Духъ. Божья Матерь была радостная и, опустивъ глаза, смотрѣла внизъ на покрытый бѣлой скатертью угольникъ. Колька поглядѣлъ на ея опущенныя рѣсницы, и подвинулся на колѣнкахъ впередъ. Сами шептались молитвы до «Ангела Хранителя». Тутъ, какъ всегда, мелькнуло, что у тетеньки, отъ того, что она молится долго и не смотритъ по сторонамъ, Ангель-Хранитель маленькій, только головка и крылышки, какъ на Святыхъ Вратахъ, и сталъ думать, какой Ангель-Хранитель у Соньки. Но видѣлъ только Соньку, будто ждетъ она въ темныхъ сѣнцахъ, а постучать боится. А Ангела ея не видно . . . А у Кольки — съ бѣлыми крыльями, и стоитъ всегда сзади. Покосившись на тетеньку, Колька быстро наклонился и ткнулъ подь руку. Темнѣла кухня, свѣтлая дорога шла до дверей въ сѣнцы . . .

Далеко, за садомъ увидѣлъ Сонькина Ангела — огромный,

выше тетенькина дома, въ рукѣ кадило и вѣется кверху надъ садомъ золотой дымокъ...

Молился «о здравии» и сквозь уже наплывавшую сонную радость прошепталъ:

— И рабу Божью Соньку...

Улыбалась Сонька, улыбалась мать... Жуковъ стоялъ у завалянки и выстукивалъ кому-то про самую важную государственную тайну...

Въ сладкихъ туманныхъ волнахъ наплывавшаго сна разрѣшилось все, что волновало цѣлый день...

Еще разъ, но уже смутно и безсильно всколыхнулась тревога и все затопила радость, безъ словъ, безъ образовъ...

* * *

Тетенька поднялась и съ тѣмъ же спокойнымъ и строгимъ лицомъ, не переставая шептать молитвы, принесла изъ спальни и положила на диванъ большую подушку, подняла спящаго на полу у стула Кольку и положила на диванъ подъ зеркаломъ. Потомъ, разстегнувъ клѣтчатую шерстяную рубашку, сняла сапоги, посыпалась высохшая за день земля, перекрестила и опять опустилась на колѣни у Колькинаго изголовья.

Переживъ длинный день, Колька крѣпко спалъ. Надъ головой свѣтилась лампадка, рядомъ стояла на молитвѣ тетенька, а изъ-за темнаго края зеркала выглядывала страшная, еще недочитанная до конца Жуковская книжка.

Н. Шкляръ.

ВОСПОМИНАНІЯ БРОДЯЧАГО ПѢВЦА.

I.

Съ гитарой до Болоньи.

Когда я вспоминаю о моемъ первомъ путешествіи въ Италію, самымъ страннымъ мнѣ кажется та простая случайность, которая толкнула меня впередъ, и затѣмъ, — непрестанно рядъ за рядомъ, — открывала предо мной все новыя и новыя картины, все ярче, все пышнѣе и красочнѣй.

Гитара, купленная моею случайной спутницей, осталась мнѣ въ наслѣдство и лежала на столѣ въ то время, какъ я дѣлалъ послѣднія вычисления о возможности или невозможности дальнѣйшаго путешествія.

Эта плохонькая дешевая гитара, вмѣстѣ съ пустымъ кошелькомъ и круговымъ билетомъ до Неаполя и обратно въ Миланъ, подсказала мнѣ дальнѣйшую работу.

Слѣдующимъ утромъ я сѣлъ въ самый ранній поѣздъ на Верону, съ тѣмъ, чтобы, переходя изъ купе въ купе, пѣть все, что только придетъ въ голову: русскія, французскія, итальянскія пѣсни, свои собственныя мелодіи, словомъ — все, что только знаю, — зарабатывая, такимъ образомъ, въ поѣздѣ и по пути осматривая города. Самое дорогое — билетъ у меня уже имѣлся, а на обѣдъ и ночевку не такъ уже много требовалось. Я и раньше присматривался къ этимъ вагоннымъ пѣвцамъ и замѣтилъ, что имъ не только давали деньги, но почти всегда угощали виномъ и яйцами, чѣмъ придется...

Такъ я и поступилъ, — это оказалось совсѣмъ не страшно и даже вполне удобнымъ. На вокзалѣ въ Венеціи я спокойно вошелъ въ вагонъ третьяго класса — общій, похожій на наши дачные вагоны. Едва поѣздъ отошелъ и сѣрые домики Венеціи скрылись за водяными далями, я сталъ настраивать гитару. Со мной заго-

ворили. Слегка конфузясь и своего положения и сквернаго языка, я разговорился. Меня окружили, забросали вопросами. Узнавъ, что я иностранецъ, да еще русскій, — они стали особенно милы и любезны, а когда я запѣлъ, то весь вагонъ перекочевалъ въ наше отдѣленіе и слушалъ внимательно и чутко, не стѣсняясь выражать свое одобреніе среди пѣнія.

Мой репертуаръ былъ небогатъ. Я едва успѣлъ пропѣть только что вошедшее у насъ въ моду — «Солнце всходитъ и заходитъ», «На старомъ курганѣ», «Выхожу одинъ я на дорогу», — какъ, несмотря на непонятность языка, окружающіе восторженно зааплодировали; и когда я рѣшился снять шляпу и протянуть ее, то не нашлось ни одного, кто бы не положилъ въ нее монету. Теперь мы уже разговорились, какъ старые знакомые; кто-то угостилъ меня терпкимъ, но холоднымъ краснымъ виномъ; бутылка пошла въ круговую; такъ незамѣтно пролетѣли полчаса, и поѣздъ остановился въ Падуѣ.

Я вышелъ на платформу, сопровождаемый напутствіями и пожеланіями:

— Такъ ты иди прямо къ Гаспаротто! — кричалъ мнѣ толстый давно не бритый крестьянинъ, дымя своей трубкой: — и скажи, что это я, — соломенщикъ Антонио изъ Флоренци тебя послалъ. А когда къ намъ попадешь — обязательно приходи!

Я долго еще раскланивался съ ними, благодарилъ, — и только, когда поѣздъ уже скрылся за желтыми зданіями, — пошелъ въ городъ.

Черезъ полчаса я уже сидѣлъ на улицѣ Канционе у любезнаго трактирщика Гаспаротто, и мы вмѣстѣ обдумывали, куда бы мнѣ отправиться, чтобы заработать и побольше и поскорѣе:

— Хе! Да какъ же это я сразу не подумалъ! — воскликнулъ вдругъ маленькій вертлявый хозяинъ съ сѣдыми бровями и длиннымъ шрамомъ черезъ всю правую щеку — печальный слѣдъ веселой юности въ Калабріи.

— Садись въ трамвай и ѣзжай на Прато делле Валле. Тамъ поднимись въ овальный садикъ, — и пой! Тамъ всегда, даже утромъ, бываетъ народъ, а особенно сегодня, когда такъ много солнца! Иди, иди, братъ! А на обратномъ пути забѣги ко мнѣ!

Подсчитавъ свой вагонный заработокъ, я съ удовольствіемъ отмѣтилъ, что полчаса мнѣ дали около двухъ франковъ.

Это бодряще подѣйствовало на мое настроеніе и, обмѣнявъ у любезнаго хозяина мѣдъ на серебро, я отправился на площадь... Погода была чудесная. Узенькія улочки стариннаго города уютно разбѣгались, трѣя на солнцѣ свои маленькіе свѣтлые домики.

Не оглядываясь, не ища публики, я сѣлъ въ центрѣ прелестнаго садика, окруженнаго каналомъ, — и запѣлъ по-французки сначала «Вертера», потомъ популярныя и легкія мелодіи Массене и Гуно.

Опустивъ голову, съ закрытыми глазами, невольно вслушиваясь въ собственный голосъ, такъ непривычно звучащій на открытомъ воздухѣ, — я почувствовалъ на рукахъ ласкающее солнце, и мнѣ пѣлось какъ-то особенно легко и приятно. Когда я поднялъ глаза, вокругъ меня уже столпились дѣти и взрослые, бѣдные и богатые — и тогда, мгновенно просвѣтлѣвъ, — я спѣлъ имъ по-французски любимѣйшую итальянскую пѣсню «O sole mio», — тогда еще не запѣтую такъ, какъ теперь... Это распрогало ихъ. Въ черную шляпу, скатившуюся на песокъ къ моимъ ногамъ, полетѣли монеты — и не только мѣдь, но и серебро.

Одна дама, проходившая съ дѣвочкой черезъ садъ, заслушалась, замечталась, и вдругъ подойдя ко мнѣ, не бросила, а положила возлѣ меня на скамьѣ — цѣлый франкъ, что, конечно, не побудило другихъ сдѣлать то же самое, но вызвало и по моему адресу и по адресу этой дамы возгласы одобренія.

Спѣвъ еще какой-то маленькій романсъ, уже не помню что, я раскланялся, поблагодарилъ и, положивъ возлѣ себя шляпу и гитару, — закурилъ папиросу. Окружающіе поняли, что сеансъ оконченъ, и стали расходиться.

Черезъ часъ я уже гулялъ по городу, осматривая его галереи и церкви... На душѣ было радостно и свѣтло.

Зайдя къ Гаспаротто, я поблагодарилъ его за удачный совѣтъ и, крѣпко пожавъ морщинистую руку, — отправился на вокзалъ.

Въ часъ дня я сѣлъ въ переполненный поѣздъ, но на этотъ разъ не пѣлъ. Что-то подсказало мнѣ не то проваль, не то просто неудачу, — и я, вѣря своему предчувствію, — спокойно прислонился къ двери, — и такъ доѣхалъ до Виченцы...

Вотъ на рѣдкость чудесный городокъ! Находясь у подножья зеленой горной цѣпи, омываемая двумя, почти соприкасающимися въ центрѣ города рѣками, — Виченца вся полна какой-то улыбки и весенняго говора!

Приѣхавъ въ обѣденный часъ, я прошелъ по главнымъ улицамъ мимо ряда красивыхъ палаццо къ площади «Синьоровъ»; здѣсь почтенный хозяинъ кафе «Гарибальди», — одинаково любезный и разговорчивый, — далъ мнѣ мѣсто въ центрѣ кафе, обѣщая уплатить за два часа пять франковъ, кромѣ того, конечно, что дадутъ мнѣ сами гости.

Навсегда я останусь благодаренъ Виченцѣ за ея пріемъ. Милые, изящные итальянцы и итальянки приходили, пили кофе, шоколадъ, холодные напитки, и, стуча въ ритмъ ложечками, тросточками и ногами, когда я пѣлъ знакомыя вещи, внимательно слушая новое для нихъ, — они всѣ бросали деньги въ мою шляпу, когда во время десятиминутныхъ паузъ, я проходилъ между рядами столиковъ.

Какой-то сѣдой красивый старикъ, положивъ мнѣ франкъ, спросилъ меня громко, — откуда я родомъ.

Такъ же громко, не смущаясь, я отвѣтилъ, что я русскій студентъ и теперь зарабатываю деньги, чтобы имѣть возможность повидать всю Италию. Это признание вызвало общій восторгъ. Когда я, стоя возлѣ старика, по желанію публики, — спѣлъ русскія пѣсни, — мнѣ отвѣтили аплодисментами и хорошимъ гонораромъ, который почему-то рѣшилъ собрать самъ хозяинъ, — и преподнесъ мнѣ въ концѣ моего пѣнія.

Я искренно былъ растроганъ, и, не умѣя сказать этого по-итальянски, — бормоталъ что-то на смѣшанномъ языкѣ; я опомнился только черезъ четверть часа, когда хозяинъ пригласилъ меня пообѣдать съ нимъ.

Мы пили вино, болтали о Россіи и много смѣялись надъ забавными анекдотами, которыми дѣлился съ нами одинъ изъ посѣтителей... Я не все понималъ, но на душѣ было радостно; и я весело смѣялся, чувствуя, какъ вино кружитъ мнѣ голову, какъ мысли, нестройно разбѣгаясь, заволакивались въ какія-то розовыя ткани...

Въ восемь часовъ вечера я пріѣхалъ въ Верону, гдѣ остановился на берегу рѣки Адидже, въ Альберго «С.-Лоренцо».

* * *

Взглянувъ въ окно, я залюбовался красивымъ видомъ на рѣку и раскинутый за нею городъ, блистающіи вечерними огнями.

Но голодъ потянулъ меня внизъ, въ небольшую трактирню; разговорившись съ хозяиномъ и кое-къмъ изъ гостей, мы отправились всей компаніей къ Бастіону св. Тосканы. Приютившись въ маленькомъ грязномъ трактирѣ, мы пѣли пѣсни, играли въ «мора», а главное — встрѣтились со старымъ аккомпаниаторомъ, побывавшимъ когда-то въ Одессѣ съ итальянской труппой. Онъ съ трудомъ коверкалъ нѣсколько русскихъ фразъ, но моимъ спутникамъ казалось, что мы можемъ свободно говорить по-русски, и они радовались, что смогли доставить мнѣ такое рѣдкое удовольствіе.

Тѣмъ не менѣе, для лучшаго пониманія другъ друга, мы сейчасъ же перешли на итальянскій. Въ результатѣ нашей бесѣды, — его большая любовь къ Россіи и русскимъ, въ связи со скверными дѣлами въ настоящій моментъ, — опустошила мой кошелекъ на пять франковъ, которые выпросилъ у меня старикъ. Но онъ былъ такой милый и забавный, что я съ удовольствіемъ подѣлился съ нимъ. Вернулись мы домой очень поздно, но въ хорошемъ настроеніи, взаимно благодарные за приятное знакомство и весело проведенное время.

Утромъ хозяинъ пригласилъ меня позавтракать съ нимъ, и, по его совѣту, я пошелъ распѣвать по улицамъ. Сначала мнѣ это показалось и страннымъ и неудобнымъ, но такъ какъ меня никто не прогонялъ, а въ одномъ изъ переулковъ я увидалъ кларнетиста, который раздѣлывалъ со всевозможными руладами арии Вердиевскихъ оперъ, — то и я уже не смущался.

Я остановился около самой арены древняго цирка, куда шло не мало народу, но здѣсь я «напѣлъ» не много; отсюда я двинулся къ блестящей мраморной площади Эрбе, и тутъ примостился возлѣ гостиницы «Scala Mazzanti»... Но и здѣсь работалось скверно. Тогда я разсердился и пошелъ къ вокзалу.

Въ часъ дня я выѣхалъ по направленію къ Мантуѣ... Публики въ вагонѣ было немного, но народъ все славный...

Когда я запѣлъ по-русски, — всѣ насторожились, потомъ подсѣли ближе, — и началась знакомая картина... Пѣсня за пѣсней вызывали все большіе восторги у экспансивныхъ слушателей. Посыпались ко мнѣ и деньги и угощенья... Тогда я рѣшилъ переходить изъ вагона въ вагонъ, при чемъ часть слушателей по своему желанію слѣдовала за мной, становясь, такимъ образомъ, моими безкорыстными пропагандистами.

Шли долгіе часы. Уже проѣхали и Мантую и Гонзаго, а я, наловчившись перелѣзать на ходу изъ купе въ купе по маленькимъ наружнымъ ступенькамъ, уже перешелъ во вторые классы, и здѣсь распѣвалъ французскіе романсы и шансонетки... Когда мы проѣхали Модену, я уже добрался до послѣдняго вагона, и остановился въ немъ. Три съ половиной часа почти непрерывнаго пѣнія и выпивки утомили горло. Я чувствовалъ необыкновенную усталость, — но зато около двадцати франковъ прибавилось къ моему бюджету. А впереди еще предстоялъ цѣлый вечеръ работы для того, чтобы весь слѣдующій день провести въ спокойной прогулкѣ по Болоньѣ.

Приѣхавъ туда въ послѣобѣденный часъ, я отправился въ излюбленный туземцами и иностранцами «Садъ Маргариты». Въ

Chalet играла музыка, я подошелъ туда и предложилъ свои услуги. Мнѣ дали сейчасъ же бесплатный дебютъ, и, когда выяснилось, что я понравился и публикѣ и дирижеру, я выхлопоталъ себѣ до восьми часовъ вечера пятнадцать франковъ.

Время шло быстро. Смѣняя музыкантовъ, а подчасъ и вмѣстѣ съ ними, я пѣлъ все, что только зналъ, и тутъ же выучилъ нѣсколько новыхъ пьесъ.

Когда садъ закрылся, дирижеръ повезъ меня въ огромный ресторанъ Эдемъ, одинъ изъ лучшихъ въ Итали; здѣсь, по его проекции, я распѣвалъ на широкой террасѣ, выходящей къ круглому горному саду Монтаньола, по которому массой прогуливалась городская публика, слушала и переходила къ намъ.

Передо мной сливались въ одно — и небо, и городъ, и многотысячная толпа — пестрая и живая, змѣившаяся среди зеленого сада...

Мягко отвѣчалъ моему голосу тихій аккомпаниментъ пианино, за которымъ сидѣлъ талантливый дирижеръ — мой неожиданный и милый покровитель.

Съ наступленіемъ ночи, меня перевели во внутреннюю залу, и здѣсь я продолжалъ пѣть до двѣнадцати... Блескъ электрическихъ люстръ, звоны бокаловъ и посуды на мраморныхъ столикахъ, свѣтлые костюмы — заволакивали розоватымъ облакомъ и мысль мою, и мечты мои. Новое поприще, новыя впечатлѣнія раскрывали передо мной невѣдомый миръ — свободный праздничной жизни...

Послѣ полуночи, получивъ изрядную сумму отъ гостей и, конечно, главнымъ образомъ, отъ хозяина, — я простился со всѣми ими, и нашелъ себѣ комнату въ небольшой гостиницѣ «Фоссати».

Здѣсь я сытно поужиналъ въ полной тишинѣ и одиночествѣ.

За окномъ въ саду гостиницы какіе-то запоздалые гости звенѣли стаканами... Не закрывая окна, подъ говоръ и шумъ гостей, я быстро уснулъ; и помню, что снились мнѣ какія-то гигантскія лѣстницы, освѣщенныя тысячами люстръ, и вели онѣ куда-то далеко-далеко въ небо, откуда доносился ко мнѣ чей-то властный и ласково-призывный голосъ...

II.

Съ гитарой до Рима.

Выѣхавъ вечернимъ поѣздомъ изъ Болоньи и присматриваясь къ сосѣдской публикѣ, я убѣдился, что блондинка, разглагольствующая на какомъ-то смѣшанномъ языкѣ о Толстомъ и Шопен-

гауэръ — была русской. Я сидѣлъ въ углу и невольно улыбнулся, когда мою соотечественницу окружили пылкіе и юркіе итальянцы, сбивая ее съ толку юмористическими замѣчаніями и разбивая всѣ ея философскіе выводы неожиданными вставками, въ родѣ любезности:

— Синьорина, вы такъ прелестны, что я готовъ увѣровать во всѣ принципы Толстого, чтобы угодить вамъ!

— О, синьорина весьма начитана, — улыбувшись, сказалъ молодой, но уже залоснившійся отъ жиру патеръ, — когда бы наши дѣвушки знали Толстого и Шопенгауэра, онѣ бы ничего не прибавили къ своей красотѣ, а намъ отправили бы жизнь!

Бесѣда въ этомъ духѣ продолжалась такъ долго, что я спокойно уснулъ подъ шелестящій говоръ и убаюкивающее раскачиваніе поѣзда.

Проснувшись, я услышалъ тѣ же голоса, но только теперь съ Толстого перескочили на Боккачю, и щекотливыя декамероновскія темы вызвали почти недвусмысленныя замѣчанія присутствующихъ, чего, по незнанію языка, не понимала прелестная блондинка.

Тогда, немножко боясь возможныхъ послѣдствій ея легкомыслия, я тихо сказалъ по-русски:

— Мадемуазель, будьте осторожныѣ. Вагонныя бесѣды и знакомства не всегда кончаются благополучно. По замѣчаніямъ, которыя я слышу кругомъ, — васъ цѣнять нелестно!

Къ моему удивленію, изъ угла, гдѣ сидѣла молчаливая дама въ сѣрой вуали, раздалось неожиданное подкрѣпленіе:

— Я тоже уже давно хочу сказать барышнѣ, что изъ любви къ Россіи не слѣдуетъ дѣлать русскую женщину какимъ-то посмѣшищемъ!

Тонъ былъ не изъ пріятныхъ, а молчаніе, воцарившееся кругомъ по поводу прозвучавшей непонятной рѣчи, явно направленной противъ разговорчивой дѣвицы и ея собесѣдниковъ, — это молчаніе тоже было не изъ пріятныхъ.

— Что говорятъ они? — спросилъ, наконецъ, жгучи сицилианецъ, недружелюбно посматривая въ нашу сторону. Но смущенная дѣвушка только пробормотала что-то непонятное, вродѣ того, что мы не совсѣмъ согласны съ тѣмъ, что она говоритъ. Бесѣда длилась еще минутъ десять безъ ея участія, а потомъ всѣ умолкли и разошлись по угламъ.

Дѣвушка разговорилась со мной и просила не покидать ее сейчасъ во Флоренціи, такъ какъ она не знаетъ точно, гдѣ живутъ ея знакомые, а взять ночью фіакръ она боится. Къ нашей

бесѣдѣ присоединилась и дама въ сѣрой вуали, вставлявшая рѣдкія, но удивительно топорныя замѣчанія. Разговорившись втроемъ, мы рѣшили, въ виду общности направленія и поздняго приѣзда, устроиться гдѣ-нибудь вмѣстѣ.

Около полуночи мы были во Флоренціи. Къ моему удовольствію, вся наша случайная группа путешествовала по заграничному — почти безъ вещей. У меня былъ горный мѣшокъ и гитара, у барышни желтая коробка, у дамы саквояжъ. Мы представились другъ другу и вышли изъ вокзала на улицу. Было темно и сыро, и не было видно ни фіакра, ни носильщика. Мы уже хотѣли вернуться въ зданіе вокзала, когда изъ-за тусклаго фонаря вышелъ какой-то человѣкъ въ соломенной шляпѣ и спросилъ — не угодно ли намъ комнаты на ночь. Я отвѣтилъ, что именно это намъ и нужно. Онъ взялъ изъ рукъ г-жи Г. ея саквояжъ, я взялъ коробку m-elle Люси, и мы побрели по пустыннымъ улицамъ, вслѣдъ за нашимъ проводникомъ.

Я не зналъ хорошо ни плана города, ни его обычаевъ, но съ самаго начала мнѣ не понравились и дорога, ведущая возлѣ самыхъ желѣзнодорожныхъ рельсъ по какимъ-то темнымъ закоулкамъ, и ухватки нашего гида, безпокойно озирающагося на каждомъ перекресткѣ.

— Чтобы намъ не попасться въ скверную исторію, — сказала я дамамъ, — разрѣшите мнѣ дать вамъ нѣсколько совѣтовъ!

— А что такое? Развѣ намъ что-нибудь прозить? — тревожно спросила г-жа Г.

— Нѣтъ, мнѣ только не нравится это блужданіе чортъ знаетъ гдѣ!

Въ это время мы остановились у большого желтоватого дома. Проводникъ, вмѣсто того, чтобы позвонить, издалъ какой-то сигнальный свистъ, поднявъ голову кверху. Черезъ минуту я замѣтилъ, что одна изъ жалюзей въ пятомъ этажѣ пріоткрылась, — и всё. Потомъ гидъ открылъ дверь, зажегъ восковую свѣчу, и мы стали подниматься по длинной и грязной лѣстницѣ. Внутренно я уже сожалѣлъ, что допустилъ такую ошибку въ отношеніи себя и дамъ, пойдя за первымъ встрѣчнымъ, — но, стараясь сохранить хладнокровіе, я сказалъ дамамъ:

— Мы потребуемъ, чтобы наши комнаты были рядомъ. Боюсь, что мы въ скверномъ мѣстѣ, и намъ надо быть насторожѣ.

— Боже мой, вы меня пугаете! Я сейчасъ же пойду назадъ! — чуть не крикнула сѣрая дама.

— Но куда же вы пойдете? — замѣтно вздрогнувъ, спросила

дѣвушка, — ужь лучше намъ быть всѣмъ на мѣстѣ! Можетъ быть, ничего страшнаго и нѣтъ.

Когда мы взошли на послѣдній этажъ, дверь уже была отперта, и едва она захлопнулась за нами, какъ ощущение западни охватило меня.

Въ первыхъ же двухъ комнатахъ на полу лежали спящія полуодѣтыя фигуры.

— Что это значить? — спросилъ я съ угрозой проводника, — куда вы привели насъ?

— Не извольте беспокоиться! — смиренно отвѣчалъ гидъ, — здѣсь ночуютъ болѣе бѣдные, которые не могутъ заплатить больше, чѣмъ нѣсколько сольдовъ!

И введя насъ въ маленькій коридоръ, онъ открылъ передъ нами двери двухъ сосѣднихъ комнатъ. Одна была совсѣмъ маленькая, которую я оставилъ за собой, и гдѣ помѣщались только кровать да небольшой столикъ; другая была въ два окна съ гигантской кроватью у стѣны, примыкающей къ моей комнатѣ, чернымъ шкапомъ, какъ бы припаяннымъ къ другой стѣнѣ, и разной мелкой бесполезной мебелью. Проводникъ вышелъ, пожелавъ намъ спокойной ночи, и мы остались втроемъ. Сейчасъ же разыгралась курьезная сцена.

— Какъ же мы размѣстимся? — воскликнула сѣрая дама, которая оказалась стриженной русачкой. — Какъ же мы размѣстимся? — Здѣсь нѣтъ ни другой кровати, ни дивана. Что же мы вдвоемъ ляжемъ, что ли? Я не стану даже раздѣваться въ присутствіи посторонняго человѣка, а ужь тѣмъ болѣе спать вмѣстѣ.

— Простите меня, — сконфуженно отвѣтила дѣвушка, — но мнѣ кажется, что въ данный моментъ эти разсужденія и привычки неумѣстны! Я сама не любительница общихъ комнатъ, но...

— Вы не любительница, а я принципиально считаю недопустимымъ!

Споры эти доносились ко мнѣ изъ ихъ комнаты въ то время, какъ я изслѣдывалъ свою. По старой привычкѣ, я заглянулъ подъ кровать и первое же открытіе повергло меня въ изумленіе. Стѣна имѣла продолговатую щель во всю длину кровати — пальца въ два толщиной. Когда я, просунувъ палецъ, попробовалъ потянуть къ себѣ, — то стѣна, оказавшаяся въ этой части простой деревянной перегородкой на шарнирахъ, — послушно и легко приподнялась, и я увидѣлъ ноги моихъ спутницъ, голоса которыхъ, нервные и злые, раздавались совсѣмъ близко. Я выльзъ обратно, громко прошелся по коридору и постучался къ нимъ. Меня впустили;

я положилъ свой мѣшокъ и питару возлѣ саквояжа г-жи Г. и объявилъ имъ о своемъ открытіи, которое показывало, что мы находимся въ трущобѣ, гдѣ можно ждать форменнаго нападенія.

Обѣ дамы заволновались, но зато это сразу прекратило споры объ общей комнатѣ, и я взялъ на себя роль сыщика. Плотнo прикрывъ двери, я понялъ, что въ этой комнатѣ есть только одна подозрительная вещь — именно, шкафъ. Я подошелъ къ нему и хотѣлъ открыть его, но онъ былъ запертъ и ключа не было. Я попробовалъ сдвинуть его, но не смогъ; очевидно, онъ былъ прикрѣпленъ къ стѣнѣ или полу; я постучалъ въ него, — по отзвуку было слышно, что онъ пустой.

Тогда я условился, что спать мы ни въ коемъ случаѣ не будемъ, но обязательно дѣлаемъ видъ, что спимъ, т. е. будемъ легко похрапывать. Затѣмъ я отдалъ щепетильной дамѣ свой ножъ на всякій случай и предложилъ имъ держать около себя тѣ полотнца, которыя намъ полагались. Самъ я долженъ былъ лечь подъ кровать.

Условившись обо всемъ и съ прустью взглянувъ на улицу, я увидѣлъ, что и мѣсто это пустынно, и этажъ высокій, и вообще дѣла наши плохи. Давъ распоряженія моимъ дамамъ, я преувеличенно громко простился съ ними, и пошелъ въ свою комнату. Одновременно щелкнули замки въ обѣихъ комнатахъ, и понемногу наступила тишина. Нѣкоторое время доносились до меня обрывки разговоровъ, потомъ все утихло, — тогда я подползъ подъ кровать и перебрался по ту сторону стѣны; передавъ шопотомъ, что я нахожусь на мѣстѣ, — я вынулъ револьверъ и приготовился къ тому, что, по моему, было неминуемымъ, т. е. къ покушенію, если не на жизнь нашу, то, во всякомъ случаѣ, на нашъ багажъ.

Я нарочно поставилъ саквояжъ и коробку въ цетрѣ комнаты, такъ что свѣтъ луны падалъ на нихъ. Прошло около часа, когда сверху раздался негодующій шепотъ г-жи Г.

— Какой вздоръ! Вы только напугали насъ и испортили и безъ того безотрадную ночь!

— Молчите! — прошипѣлъ я, — и продолжайте храпѣть! Вы сейчасъ увидите, правъ я или нѣтъ!

Моя увѣренность была не безосновательна. Чутко прислушиваясь, я уже нѣсколько разъ замѣчалъ какой-то шорохъ въ шкафу. Теперь не прошло и десяти минутъ, какъ дверь шкафа слегка приоткрылась, и въ ней показалась сначала голова, а потомъ и все туловище челоуѣка, полуодѣтаго, съ ножомъ въ рукѣ. Прислушиваясь къ движенію въ комнатѣ, онъ пристально глядѣлъ на кровать . . . Даже до меня доносилось оттуда тяжелое дыханіе до-

статочно испуганной дѣвушки, которая, конечно, уже увидѣла бандита и трепетала за свою жизнь.

Наконецъ, разбойникъ успокоился; выльзши изъ шкафа, онъ проскользнулъ къ саквоюжу и, быстро работая какимъ-то инструментомъ, безшумно вскрывалъ замокъ. Въ тотъ моментъ, когда онъ наклонился, чтобы раскрыть его, я выползъ, — и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ оглянуться, я изо всей силы ударилъ его кулакомъ по виску.

— Ко мнѣ! Сюда! — чуть ли не крикнулъ я, когда бандитъ свалился.

Въ мгновение m-elle Люси была уже около меня и закручивала ему за спиною руки полотенцемъ; то же самое болѣе медлительная г-жа Г. продѣлывала съ его ногами. Ротъ ему заткнули платкомъ.

Первымъ движеніемъ моимъ послѣ этого было — къ шкафу; открывъ его, я увидѣлъ, что ведетъ онъ въ какой-то темный коридоръ, а въ дверцѣ его торчалъ маленькій ключикъ и совсѣмъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ виденъ обыкновенный замокъ. На всякій случай, я его вынулъ, а потомъ прихлопнулъ дверцу, такъ что она автоматически закрылась. Слѣдующимъ движеніемъ я бросился къ окну. Раскрывъ его, я нѣсколько минутъ тревожно слѣдилъ за покоемъ улицы; наконецъ, услышалъ тяжелый топотъ. Уже свѣтало, и это проѣзжалъ въ сторонѣ послѣдній ночной патруль. Тогда я высунулся въ окно, и сталъ оглашать улицу криками:

— На помощь! На помощь!

А между тѣмъ, бандитъ очнулся и дѣлалъ попытки выплунуть платокъ и сбросить съ себя навалившихся женщинъ; тогда я соскочилъ съ окна, приставилъ къ его виску револьверъ и сказалъ шопотомъ: — если двинешься — убью!

Смѣнивъ дѣвушку, я остался около него, а m-elle Люси, высунувшись въ окно, продолжала взывать о помощи. Уже сбѣгались люди, и въ то время, какъ карабинеры стучались въ дверь на улицу, — проснулись остальные жители нашей трущобы и стали напирать на нашу дверь.

— Скорѣе! Скорѣе! — крикнула въ послѣдній разъ дѣвушка и, въ то время, какъ г-жа Г. насѣла на связаннаго бандита, мы бросились къ дверямъ, за которыми раздавались проклятія, брань и угрозы. Тогда я громко крикнулъ:

— Синьоры, — первый, кто сюда сунется — будетъ убитъ.

И для того, чтобы отвадить ихъ отъ желанія проникнуть къ намъ, я пролѣзъ подъ кроватью въ свою комнату, гдѣ дверь уже

трещала подь напоромъ, и выстрѣлили. Пуля пробила тонкое дерево и, очевидно, кого-то задѣла, такъ какъ раздался крикъ, и оттуда отскочили. Въ то же время къ намъ донеслись прохоть выбиваемыхъ дверей, лязгъ оружія и шумъ борьбы. Я вернулся къ дамамъ; мы поняли, что карабинеры уже здѣсь, и я только ждалъ приглашенія, чтобъ повернуть ключъ. Черезъ минуту раздался властный голосъ:

— Отоприте! Полиція!

Я отперъ, шесть человѣкъ карабинеровъ вошли въ комнату и бросились на помощь къ дамамъ. Лицо г-жи Г. было почти дикимъ; казалось, она приросла къ охраняемому ею бандиту. Ее съ трудомъ оттянули отъ него и успокоили. Не лучше было и со мной и съ m-elle Люси. Помню, что прежде чѣмъ разсказалъ всю исторію, я нѣсколько минутъ былъ словно въ столбнякѣ. Потомъ всѣ успокоились; я показалъ карабинерамъ все занятное устройство этой квартиры, передалъ имъ ключикъ отъ шкапа и, написавшись подь составленнымъ протоколомъ, въ пять часовъ утра удалился со спутницами и багажемъ къ вокзалу, гдѣ мы рѣшили отдохнуть...

Было семь часовъ съ минутами, когда насъ разбудилъ какой-то сторожъ и спросилъ, имѣемъ ли мы билеты, такъ какъ эта комната только для пассажировъ. Пришлось уйти, и на этотъ разъ — проститься. Г-жа Г. уѣхала въ отель, m-elle Люси отправилась на поиски своихъ знакомыхъ, а я удалился въ сторону зеленѣющаго парка Кашине, — и здѣсь на берегу Арно крѣпко и сладко уснулъ...

Въ 11 я проснулся, умылся тутъ же у рѣки и побрелъ въ городъ по музеямъ и церквамъ. Проходя мимо большой площади и увидя передъ рестораномъ «Гамбринусъ» музыкальный помостъ, я разговорился съ лакеями и хозяиномъ, мнѣ предложили «на всякій случай» заглянуть сюда вечеромъ и переговорить съ дирижеромъ.

До четырехъ часовъ я былъ въ городѣ, потомъ поѣхалъ въ Фіезоле. Здѣсь, на закатѣ, усѣвшись на площадкѣ возлѣ монастыря Санъ-Франческо, — я запѣлъ для себя самого. Никого кругомъ не было. Руины Фіезоле и сокровищницы Флоренці обогатили меня многими мыслями и глубокими настроеніями. И мнѣ пѣлось радостно, молодо и свѣтло.

Вернувшись въ городъ, я отправился къ ресторану, гдѣ уже собиралась публика, и слышно было издали, какъ музыканты настраивали инструменты.

— А вотъ и онъ! — раздалось около меня, — ну, синьоръ, вотъ переговорите съ маэстро, — и мы обсудимъ!

Я подошелъ ближе и вѣжливо поздоровался съ дирижеромъ. Маэстро усѣлся на стулѣ, перебросилъ ногу за ногу и нѣсколько фатоватымъ голосомъ сталъ допрашивать меня. Молодой, небольшого роста, блѣдный, съ напускной серьезностью, онъ казался особенно маленькимъ рядомъ съ толстымъ краснощекимымъ хозяиномъ — очевидно, нѣмцемъ.

— Вы кто? Полякъ, русскій?

Почему-то мнѣ показалось болѣе интереснымъ превратиться въ представителя дальняго сѣвера, и я отвѣтилъ съ достоинствомъ:

— Я норвежець.

— Норвежець? — переспросилъ маэстро и, закуривъ сигару, медленно протянулъ: — ну, и что же вы умѣете дѣлать?

— Пѣть народныя пѣсни!

— О, это большое искусство! — насмѣшливо процѣдилъ маэстро: — что же, оно очень процвѣтаетъ въ Норвегии?

— Да, почти какъ здѣсь! — холодно отвѣтилъ я, и не скрывая насмѣшки, прибавилъ: — Тамъ такъ же много народныхъ пѣвцовъ, какъ здѣсь дирижеровъ!

Лакеи размѣялись, хозяинъ состроилъ хитрую мину, а маэстро вспыхнулъ и лаконически спросилъ: — Ваши условія?

— Въ зависимости отъ работы!

— Выступая черезъ каждые полчаса съ 8 до 11, при этомъ исполняя не менѣе трехъ номеровъ, — сколько вы желаете получить?

— Пятнадцать франковъ!

— Глупости! Съ васъ хватитъ и десяти! Идите къ музыкантамъ и прорепетируйте!

— Глупости! — отвѣтилъ я ему въ тонъ: — или вы дадите пятнадцать, или идите къ чорту со своей скупостью! . . . Я не настолько бѣденъ, чтобы нуждаться въ вашей милостыни!

Маэстро посмотрѣлъ на меня и, подмигнувъ мнѣ, размѣялся и прошепталъ:

— Я вижу, что вы такой же норвежець, какъ я китаецъ. Неправда ли, вѣдь вы — французъ?

Я пожалъ плечами и пошелъ къ музыкантамъ. Разговорились, распѣлись и черезъ полчаса мы уже вмѣстѣ концертнровали на шумной площади. Субботній вечеръ собралъ много публики; ресторанъ работалъ во всю и къ 12 часамъ, послѣ сытнаго ужина, которымъ угощалъ хозяинъ всѣхъ музыкантовъ, я пошелъ по направлению къ маленькому отелю «Адриатика», гдѣ рѣшилъ остановиться.

Проводить меня пошешь какой-то болтливый человѣкъ, во время ужина подсѣвшій къ намъ.

— Простите, — спросилъ онъ, когда мы уже повернули съ площади въ улицу Брунелески, — вы какъ? Случайно пѣли въ «Гамбринусъ», или у васъ контрактъ?

— О, нѣтъ, совершенно случайно!

— Тогда позвольте представиться. Я парикмахеръ при театрѣ «Альгамбра». Если вы хотите, я рекомендую васъ, и вы у насъ можете недурно устроиться. Мы какъ разъ нуждаемся въ хорошемъ пѣвцѣ, который бы могъ исполнять на разныхъ языкахъ. Ну, вы, конечно, понимаете — то въ одномъ гримѣ, то въ другомъ.

— То-есть какъ же такъ: одинъ и тотъ же человѣкъ въ разныхъ гримахъ и костюмахъ?

— Ну, и съ разными фамиліями, конечно! — осторожно прибавилъ цирюльникъ.

Мы дошли до площади Марія Новелла и распростились.

— Значить, если надумаете, то приходите завтра ко мнѣ, на Бордо ди Кроче, къ десяти!

Когда я легъ въ постель, у меня уже было готовое, определенное рѣшеніе пойти въ Альгамбра, сторговаться и, не говоря, что я здѣсь лишь проѣздомъ, требовать повечерней расплаты.

* * *

Въ 10 часовъ я былъ у цирюльника, который встрѣтилъ меня тепло, какъ стараго знакомаго, и вмѣстѣ со мной сейчасъ же отправился въ театръ, вѣрнѣе, въ кафэ-шантанъ, находящійся поблизости.

Здѣсь мнѣ предложили тѣ же вопросы, что и вчера. Но тутъ я назвалъ себя уже русскимъ, якобы знающимъ сѣверные языки. Около получаса дирижеръ, цирюльникъ и я — спорили, горячились и убѣждали другъ друга по поводу гонорара, пока не согласились, что, выступая три раза въ недѣлю по два сеанса въ вечеръ — одинъ разъ, какъ артистъ «Скандинавской оперы», а другой разъ, какъ русскій «лирникъ», — я получаю двадцать франковъ за выходъ и, кромѣ того, авансомъ 35 на обмундировку.

Выпили мы по стакану Кіанти и сейчасъ же начали репетицію. Все шло благополучно. Грита и Синдинга я пѣлъ по-нѣмецки — подъ рояль, а русскія пѣсни подъ цитру, на которой блѣдный высокій юноша виртуозно подбиралъ любой аккомпаниментъ.

Затѣмъ, до самаго вечера бродилъ по городу, пилъ кофе на пиацеттѣ Микель-Анжело, разѣзжалъ въ экипажѣ по Via le dei

Colli, любуясь однимъ изъ лучшихъ итальянскихъ видовъ — панорамой улыбающейся нѣжной Флоренціи.

Въ 8 часовъ я вернулся въ театръ и невольно расхохотался, прочтя на свѣже-отпечатанной афишѣ объявление, что во второмъ отдѣленіи знаменитый артистъ «Скандинавской» оперы Signe Grieg споетъ лучшіе національные романсы, и что въ третьемъ отдѣленіи «старый русский лирникъ Грегоръ» исполнитъ народныя пѣсни.

Войдя за кулисы, я встрѣтился съ цирюльникомъ, познакомился съ актерскимъ персоналомъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ и я, исполняли двойную роль. Разобравшись въ гардеробѣ театра, я примѣрилъ нѣсколько фраговъ, изъ которыхъ одинъ приходился совсѣмъ впору и былъ одѣтъ для второго отдѣленія. Цирюльникъ Беппо завилъ меня и устроилъ роскошную шевелюру. Въ такомъ видѣ я вышелъ въ 10 часовъ вечера на небольшую сцену «Альгамбра», и пѣлъ «скандинавовъ». Романсы понравились, но такъ какъ это было серьезно, то публикѣ веселаго театра показалось скучнымъ, это чувствовалось даже въ преувеличенномъ вниманіи. Вернувшись за кулисы, я сталъ переодѣваться. Для меня приготовили нѣчто похожее на зипунъ; лицо, при помощи парика и тресса, превратилось въ добродушно-стариковское, и, заунывно распѣвая и безъ того тоскливыя пѣсни, я увѣрялъ себя, что именно такъ поютъ лирники, которыхъ я никогда не слыхалъ и смѣшивалъ со «слѣпцами».

Наступилъ выходъ. Медленно шагая, переступивъ порогъ сцены, я поклонился въ поясъ публикѣ, что, очевидно, ее заинтересовало; сѣвъ на полъ, поджавъ подъ себя ноги, я взялъ нѣсколько аккордовъ на цитрѣ. Потомъ я запѣлъ «Ноченьку» уныло и скорбно, старческимъ голосомъ, перебирая пальцами струны, въ то время, какъ въ оркестрѣ цитристъ тихо сопровождалъ. Этотъ номеръ вызвалъ громкія рукоплесканія и повтореніе. Такъ было со всѣми тремя пѣснями. Я былъ доволенъ своимъ успѣхомъ и даже почти рѣшилъ остаться здѣсь еще на двѣ на три гастроли. Но какъ разъ по окончаніи спектакля, когда я обратился къ администратору за условленнымъ гонораромъ, я совершенно неожиданно наткнулся на непріятность. Администраторъ заявилъ, что онъ не можетъ выдать мнѣ денегъ раньше, чѣмъ я пропою три раза, т. е. не ранѣе, какъ черезъ недѣлю. Я сталъ оспаривать, браниться. Въ концѣ концовъ, вспомнивъ, что у меня находятся 35 франковъ на обмундировку, о которыхъ онъ въ этотъ моментъ забылъ, — я рѣшилъ не возвращать ихъ и уѣхать.

Видя, что я ухожу, г-нъ Лючини, администраторъ, и дирижеръ Кіавари почти одновременно воскликнули:

— Значитъ, вы согласны?

Но я ничего не отвѣтилъ и вышелъ на улицу. Меня догналъ цирюльникъ, и мы вмѣстѣ отправились перекусить въ вокзальный буфетъ. Я рѣшительно отказался продолжать бесѣду о случившемся, и мы разговорились о театрѣ вообще. Беппо разсказалъ мнѣ, между прочимъ, о комической труппѣ, которая гостила здѣсь дней десять назадъ и потомъ уѣхала въ Римъ. Онъ разсказывалъ о томъ, какъ они ставили какія-то старинныя пьесы, но затрагивали въ нихъ современныя темы, многое остроумно осмѣивая и вышучивая...

— Это искусство! — говорилъ повеселѣвшій Беппо, — выходя на сцену, болтать съ публикой, и еще не зная, что она скажетъ ему, имѣть всегда готовые и ядовитые отвѣты... Это искусство! И какіе молодцы! Когда они были здѣсь, то узнали, что нашъ знаменитый профессоръ-хирургъ Энрико Бурги, женатый на злой и глупой женщинѣ, получилъ отъ одного богатаго пациента, которому онъ удачно ампутировалъ ногу, пять тысячъ лиръ, и подарилъ ихъ дочери, чтобы она могла уѣхать въ Парижъ и поступить на курсы... Такъ вотъ они изобразили доктора на сценѣ такъ:

«Профессоръ сидитъ на берегу Арно и горько плачетъ: «Ахъ, почему я не отрѣзалъ ему и вторую ногу? Я бы имѣлъ возможность отправить въ Парижъ и мою жену!»

Мы оба посмѣялись забавной шуткѣ импровизаторовъ и вскорѣ простились.

— Ну, значитъ, до завтра! — воскликнулъ Беппо, уходя.

— Нѣтъ, навсегда! Я иду сейчасъ за вещами и уѣзжаю.

— Но, позвольте. Вѣдь вы же еще не получили вашихъ двадцати франковъ! — съ удивленіемъ воскликнулъ цирюльникъ.

— Но вы забыли, голубчикъ, что тридцать пять на обмундировку остались у меня, — отвѣтилъ я любезно Беппо.

Тотъ расхохотался и хлопнулъ меня по плечу.

— *Accidente*, ха-ха!.. Теперь я понимаю, почему вы такъ спокойно ушли, не пообѣщавъ ему ни въ ухо, ни въ шею!

Я пошелъ въ отель, взялъ вещи, оставилъ деньги за комнату у портье, и уѣхалъ съ послѣднимъ поѣздомъ.

Между прочимъ, меня постепенно начала одолѣвать назойливая мысль — не прекратить ли свое пѣніе и не попробовать ли прожить дня три-четыре въ Римѣ, насмотрѣться вдоволь и вернуться обратно въ Швейцарію. Но едва я очутился на пло-

щади Римскаго вокзала противъ грандіозныхъ остатковъ Термъ Дюклитіана, гдѣ помѣщается музей, — почувствовалъ, что возвращаться мнѣ еще рано, необходимо заработать такую сумму, чтобы пробраться еще южнѣе, если не до Сицилии, то хоть въ Неаполь, и потомъ на обратномъ пути, уже не работая — спокойно осмотрѣть всѣ города отъ Неаполя до Милана.

Осмотрѣвъ музеи Національный и Капитолинскіи, около Форума, который я разглядывалъ сверху, — я встрѣтилъ маленькую дѣвочку съ цвѣтами. Ее звали Пиппа, ей было восемь лѣтъ. Я купилъ у нея первыхъ свѣжихъ фіалокъ и, такъ какъ она продолжала стоять около и, какъ и я, смотрѣла внизъ на бѣлѣющій и сверкающій на солнцѣ мраморъ, — то мы насъ завязалась бесѣда. Когда я спросилъ, гдѣ ея папа и мама, она повела меня въ еврейскій кварталъ, гдѣ у ея родителей была овощная лавочка. Я привелъ къ нимъ дѣвочку и спросилъ, не позволяютъ ли они ихъ Пиппѣ сопровождать меня, пока я буду пѣть по ресторанамъ. Они сначала отказались, не зная, можно ли мнѣ довѣрить ребенка, но разговорившись, очевидно, убѣдились въ моей искренности и безопасности, — и отпустили ее. Условленный заработокъ 2 франка я отдалъ имъ сейчасъ же, и мы вышли съ Пиппой на улицу. Она запаслась цвѣтами, распустила свои густые черные волосы и, доврчиво взявъ меня за руку, пошла со мной.

Было близко къ закату. Въ этотъ часъ многіе римляне любятъ подниматься на Джаниколе, самый высокій изъ окружающихъ холмовъ; здѣсь, возлѣ прекраснаго памятника Гарибальди, публика отдыхаетъ, гуляя среди густой зелени, близъ пышныхъ садовъ.

Когда мы пришли туда, народу было немного, и всѣ сосредоточились у памятника. Я сѣлъ на одну изъ угловыхъ скамеекъ и запѣлъ. Теперь я зналъ уже не мало итальянскихъ пѣсенъ и, чувствуя на себѣ волну ароматной солнечной весны, пѣлъ все страстнѣй; люди слушали меня, — иногда, поднимая глаза, я видѣлъ, какъ дѣвочка проходила съ моей шляпой мимо всѣхъ этихъ людей, и они бросали ей монеты. И ласковая хорошенькая Пиппа, словно понимая и чувствуя благодарность, вынимала изъ своей корзиночки по два, по три цвѣтка и давала ихъ тѣмъ, кто бросалъ ей деньги.

Когда стало темнѣть, мы спустились по извиистой дорогѣ къ площади св. Петра, обошли длинную колоннаду, и подойдя къ ресторану «Еурогеа», я попросилъ разрѣшенія присѣсть около и спѣть. Здѣсь, въ этомъ скученномъ кварталѣ, мимо насъ проходили самые разнообразныя люди — туристы, бѣдняки и монахи.

И никто не слушал даромъ; каждый считалъ своимъ долгомъ положить монету... Вотъ остановился возлѣ насъ высокій старикъ-монахъ.

— На какомъ языкѣ вы поете? — спросилъ онъ меня, когда я пропѣлъ любимую «Ноченьку».

— На русскомъ, отецъ!

— Боже, сколько грусти, сколько тоски въ этомъ пѣніи и въ этомъ народѣ! — тихо сказалъ старикъ и бросилъ въ шляпу большую серебряную монету. Онъ уже хотѣлъ идти, когда дѣвочка, еврейская дѣвочка, остановила его:

— Подожди... минуточку.

И связавъ нѣсколько пучковъ фіалокъ, она преподнесла ихъ старику. Онъ наклонился къ дѣвочкѣ, погладилъ ее по головкѣ и спросилъ меня:

— Давно она съ вами?

— Нѣтъ, отецъ, только съ сегодняшняго дня!

— Да благословить васъ Богъ! — сказалъ старикъ и, вынувъ изъ кармана двѣ маленькихъ кредитки, онъ одну бросилъ въ шляпу, а другую въ корзинку Пиппѣ и быстрыми шагами удалился.

Дѣвочка подбѣжала ко мнѣ и шепнула мнѣ на ухо:

— Какой добрый старикъ! Смотри, онъ и мнѣ далъ!

— Вижу, вижу, сагіпа!..

Мы простились съ публикой и пошли дальше. Перешли мостъ возлѣ мрачнаго замка св. Ангела. Бродили вдоль берега Тибра, завернули на широкую улицу, которая привела насъ къ главной артерии города — Корсо Умберто. Не зная, куда идти, мы вошли въ боковую улочку, и здѣсь насъ приковалъ къ себѣ ресторанъ «Конкордія». Насъ впустили; пройдя черезъ залъ, мы усѣлись въ углу, и опять я запѣлъ прежнія пѣсни. Здѣсь насъ хорошо слушали, но совсѣмъ спокойно. Потомъ я узналъ, что здѣсь было много торговцевъ, коммерсантовъ, которымъ было не до меня... Но все-таки Пиппа вернулась съ тяжелой шляпой, а хозяинъ любезно обмѣнялъ мѣдный и серебряный сборъ на бумажки.

Вышли мы изъ ресторана часовъ въ девять, — я уже хотѣлъ отвести дѣвочку домой, когда, проходя мимо ресторана Санъ-Карло, рѣшилъ сдѣлать послѣдній сеансъ тутъ, а потомъ пойти переночевать гдѣ-нибудь.

Насъ приняли въ Санъ-Карло тепло и любезно. Пиппа пошла сначала сама съ цвѣтами; потомъ я запѣлъ свой обычный репертуаръ. Здѣсь были артисты, художники, богатая молодежь, и

платили они немало. Русскія пѣсни особенно понравились, и нѣкоторыя изъ нихъ я биссировалъ. Публика смѣнялась. Отдыхая съ полчаса я ужиналъ самъ и кормилъ мою маленькую дѣвочку. Разсчитавшись съ хозяиномъ, я улыбнулся и сказалъ:

— Ну, въ послѣдній разъ, и на отдыхъ!

— Такъ, такъ, — отвѣтилъ хозяинъ, и засуетился между столиками. Для конца я запѣлъ изъ Массенэ, изъ Масканы, и, наконецъ, неаполитанскія пѣсни. Особенно одна изъ нихъ, которую еще мало знали, вызвала одобрение публики и, когда я вмѣстѣ съ дѣвочкой, проходилъ между столиковъ, аплодисменты сопровождали меня. Вотъ Пиппа подошла къ столу, за который недавно усѣлись два высокихъ молодыхъ человѣка, изящно одѣтыхъ, очевидно, изъ хорошаго круга. Одинъ изъ нихъ сталъ рыться въ портмоне и, когда Пиппа подошла къ столу, онъ хотѣлъ бросить ей франкъ; но едва его рука шевельнулась, какъ собесѣдникъ остановилъ эту руку, и я услышалъ русскую рѣчь:

— Да что ты дѣлаешь, право? Всякой бродячей сволочи кидаешь франкъ...

Кровь бросилась мнѣ въ лицо, и когда непонимающая дѣвочка протянула ручку, господинъ крикнулъ:

— Via! (Прочь.)

И, обернувшись къ сосѣду, воскликнулъ:

— Брось ему два сольда и пошли его къ...

И тутъ раздалась грубая площадная брань. Дѣвочка, испугавшаяся крика, прижалась ко мнѣ, а я сжималъ въ рукахъ гитару и чувствовалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ ударю по головѣ этого негодяя.

Вѣроятно, на моемъ лицѣ ясно отражалось мое состояние, потому что со всѣхъ сторонъ раздалась отрывистые крики:

— Что случилось? Что сказалъ этотъ господинъ?

Тогда я обернулся къ молодымъ людямъ и громко сказалъ по-русски:

— Вы очень любезны, милостивый государь. Но берегитесь! Въ Италіи бродячая сволочь — пѣвцы — въ гораздо большей чести, чѣмъ та аристократическая сволочь, которая еще не научилась вести себя прилично!

И, схвативъ гитару за грифъ, я взмахнулъ ею, но во время опомнися и взволнованно отвѣтилъ публикѣ, поднявшейся съ мѣстъ и угрожающе толпившейся кругомъ:

— Господа, дѣло очень просто. Я встрѣтилъ своихъ соотечественниковъ, у которыхъ не нашлось ничего, кромѣ самой циничной брани для меня, и грубаго окрика этому ребенку.

Едва я произнесъ послѣднее слово, какъ десятки голосовъ закричали:

— Вонъ, вонъ отсюда! Долой эти свинья рыла!

Раздался топотъ, шумъ раздвигаемыхъ стульевъ, и въ одно мгновение эту пару окружили лакеи, подали имъ шляпы и молчаливо указывали на дверь. Оба джентльмена, закусивъ губы, поднялись со своихъ мѣстъ, блѣдные и испуганные. Первый изъ нихъ вынулъ портмонэ, чтобы расплатиться, но хозяинъ преувеличенно раскланялся и, не позволивъ лакеямъ подать счетъ, иронически воскликнулъ:

— О, не тревожьтесь, пожалуйста. Зрѣлище, которое вы доставили намъ, стоитъ гораздо дороже моего вина. Не надѣясь съ вами встрѣтиться, — честь имѣю кланяться!

Апплодисменты отвѣтили хозяину, и жизнь ресторана вошла въ свою колею. Черезъ нѣсколько минутъ мы съ Пиппой вышли, и я привелъ ее домой. Добрые бѣдные евреи ни за что не хотѣли отпустить меня, и заставили переночевать въ ихъ тѣсной комнаткѣ. Сквозь сонъ я слышалъ, какъ дѣвочка рассказывала о добромъ монахѣ. Вдругъ ко мнѣ донесся крикъ:

— Какъ? Ты кушала?.. Что же ты кушала? Развѣ ты не знаешь, что трѣфное — это грѣхъ?!

Я разслышалъ и отвѣтилъ просто и спокойно:

— Не безпокойтесь, старикъ. Хотя я и не зналъ, что вы такъ набожны, но я, на всякій случай, накормилъ ее только яичницей и молокомъ!

— Спасибо, спасибо. Вы хорошо поступили! — сказалъ старикъ, войдя ко мнѣ и пожимая руку.

Я крѣпко заснулъ; но въ головѣ моей неотвязно вертѣлась мысль, что надо бросить это бродячее ремесло, такъ какъ даже одинъ разъ нарваться на такой случай, какъ сегодня, слишкомъ тяжело и обидно.

Утромъ я простился съ ними и, такъ какъ день былъ очень теплый, я пошелъ на Форумъ, и тамъ, около маленькой колонки близъ Атріума Весты, — я расположился на отдыхъ.

III.

Чудо св. Яннуарія.

Это было въ воскресенье 2 мая. Еще не было пяти часовъ, когда старикъ Джіакомо разбудилъ меня и всю нашу компанію. Вчера былъ уловный день, мы хорошо поработали сѣтью и весь вечеръ прогуляли.

Дочка моего хозяина и друга — Мелитта, его племянница Реджина, самъ Джиакомо, я, да еще двое молодыхъ рыбаковъ — рыжий Чезаре и хромой Андрео рѣшили во что бы то ни стало пробраться въ соборъ заранѣе, чтобы своими глазами увидѣть чудо св. Яннуарія.

— Эй ты, лежебокъ! — услышалъ я надъ собой звонкій голосъ Мелитты, — проспичь чудо, такъ за все лѣто ни одного тунца не поймашь!

— Да, да! — раздалось въ дверяхъ, — подымайся, Грегорио! — и оба молодца вошли въ комнату, дружно здороваясь съ хозяйевами.

Видя, что всѣ уже на ногахъ, я накинулъ на себя куртку, вышелъ изъ-за перегородки и, сойдя на берегъ, быстро раздѣвшись, бросился въ море. Вода была тихая, прохладная. Освѣжившись, я почувствовалъ, какъ кровь заиграла въ рукахъ и ногахъ; прищурившись, я взглянулъ на спокойную гладь залива, усыпаннаго блестящими на солнцѣ парусами. Со всѣхъ сторонъ съѣзжались богомольцы.

Оглянувшись, я увидѣлъ мягкіе солнечные блики на зеленомъ склонѣ Позилиппо. Уже проснулись густые сады прибрежныхъ виль, затрепетали пини, пальмы и бѣлыя оливки. Заблесталъ тихимъ зеленымъ ковромъ съ бѣлою вышивкой Неаполь, и въ далекой синевѣ задымился Везувій.

Погода была чудесная. Тепло, легкій, свѣжій вѣтерокъ. И ближнія горы, и далекій Капри скрывались въ голубоватой дымкѣ.

Пока дѣвушки готовили завтракъ и раскладывали по пакетамъ провизию, — мы оснастили маленькій баркасъ и приготовились въ путь.

Наконецъ, всѣ въ сборѣ. Мужчины сѣли на весла, а дѣвушки сплетали изъ цвѣтовъ живой крестъ.

Огибая городъ, мы видѣли, какъ выростали толпы на набережной Караччиоло, заполняли садъ городской виллы и по крутымъ улочкамъ поднимались вверхъ. Намъ нужно было поставить лодку въ знакомомъ мѣстѣ. Обогнувъ овальный заливъ дель-Ово и длинныя косы торговыхъ моловъ, мы подѣхали къ устью рѣчки Себетто, и здѣсь у берега прикрѣпили свой баркасъ. Теперь мы находились въ центрѣ рыбачьяго Неаполя, и по крохотнымъ переулкамъ, среди толпы голыхъ ребятишекъ поднимались къ широкой улицѣ.

Со всѣхъ сторонъ сползались люди въ пестрыхъ костюмахъ, желтыхъ шляпахъ, красныхъ поясахъ: взлохмаченные, кричащіе,

одни пѣшкомъ, другіе въ своеобразныхъ крытыхъ повозкахъ, увѣшанныхъ бубенчиками.

У дверей домовъ съ бѣлыми балкончиками, со спущенными синими шторами, домовъ, обвѣшанныхъ мокрымъ бѣльемъ, у раскрытыхъ дверей — уже стояли горячія жаровни, и толстыя женщины возились надъ макаронами и рыбой... Проскальзывали лотки съ фруктами и зеленью; съ долгимъ блеяньемъ пробѣгали дойныя козочки; и свѣжій запахъ пищи смѣшивался съ вѣчнымъ зловоніемъ грязныхъ узкихъ улицъ. Изъ оконъ выглядывали знакомыя лица.

— Добрый день, господа! — крикнулъ намъ слесарь Джулио, недавно похоронившій старую и злую жену. — Вы что? Къ святому Яннуарию? А я съ тѣхъ поръ, какъ Лючія померла, и не молюсь больше. Боюсь прогнѣвать Господа!.. Вѣдь, о большемъ счастьѣ я и мечтать не смѣлъ!

Всѣ мы искренно расхохотались, такъ какъ помнили, что эта фурія Лючія не только не пускала его никуда, но иногда, для острастки, угощала глупаго добряка пощечинами.

Но вотъ изъ-за угла, возлѣ церкви Кармино, выскочила цѣлая гвардія мальчишекъ съ корзинками, въ которыхъ виднѣлись четки, статуэтки святого и тутъ же бутылочки съ газовой водой.

— Святой изъ воска — пять сольдовъ. Святыя четки — десять сольдовъ. *Acqua gazzoza! Acqua d'arancia!*

Мы завернули на площадь Рынка, гдѣ уже стояли будки съ книжками, лотки съ лимонами и апельсинами, лотки съ рыбой и овощами.

Въ углу, около прелестной свѣтлой церкви «святого Креста» толпа окружила человѣка, продающаго картинки съ жизнеописаніемъ Яннуарія.

— Казнь святого — двадцать центезимовъ! Избавленіе отъ чумы — двадцать центезимовъ. Точная фотографія святого — пятьдесятъ центезимовъ!

Крики толпы, крики продавцовъ и визгъ ребятишекъ сливаются въ безумный гулъ. Доносятся споры и ругань:

— *Porca Madonna!* Да что я родиль тебѣ твоего святого, что отдамъ его задаромъ! Мнѣ онъ самому обошелся по три сольда за штуку!

— Чудо святого Яннуарія — двадцать центезимовъ!

— Лимоны, лимоны, свѣжіе лимоны! — выкрикивалъ дѣтскій голосокъ.

— Помогите больному, безногому! Да поможетъ вамъ свя-

той Яннуаріи! — И быстро вприпрыжку догоняя проходящихъ, «безногий» хватаетъ налету брошенные сольди.

Наконецъ, мы вышли на широкую площадь и по главной улицѣ, запруженной многотысячной толпой, направились къ собору. Подвигаться приходилось медленно. Тутъ и тамъ показывались длинныя процессіи — однѣ съ крестоносцемъ во главѣ, другія несли большія посеребряныя статуи святого.

Отовсюду доносились тягучіе псалмы и пѣсни, посвященныя св. Яннуарію. Масса народу, преимущественно, женщины, дѣти и увѣчные, — причитывая, распѣвая, спѣшили помолиться о благополучномъ лѣтѣ.

Но вотъ мы добрались до перекрестной улочки и по ней, въ обходъ толпѣ, кинулись къ храму. Но на широкой улицѣ Трибуналовъ намъ пересѣкли дорогу — толпища, идущія изъ окрестныхъ деревень. Они несли на себѣ всякія эмблемы любви и благодарности: восковыя руки и ноги, сердца изъ зелени, сердца изъ тѣста. Все это — подношенія святому въ благодарность за исцѣленіе отъ болѣзни, за удачный годъ, за крѣпкихъ здоровыхъ дѣтей...

— Кайтесь, кайтесь! — кричалъ съ какого-то возвышенія толстый неуклюжій иезуитъ, въ бѣломъ парадномъ облаченіи, отирая потный лобъ краснымъ платкомъ, и собирая деньги въ большую кружку.

— Кайтесь! Близокъ часъ великаго чуда! Судьба Италіи въ вашихъ рукахъ! Кайтесь! Жертвуйте на святую церковь, и да спасетъ васъ св. Яннуаріи!

И толпа бросала деньги хитрому монаху, а онъ продолжалъ свою проповѣдь въ томъ же духѣ...

Наконецъ, съ большимъ трудомъ мы пробрались къ боковымъ дверямъ собора и устремились къ паперти... Наши дѣвицы возмущались тѣмъ, что въ толкотнѣ имъ испортили ихъ крестъ изъ цвѣтовъ, Чезаре и Андрео поддразнивали ихъ, а Джіакомо, снявъ шляпу, тяжело переводилъ дыханіе.

Изъ церкви доносились крики, вопли и взвизгиванія женщинъ и дѣтей... Уже здѣсь въ дверяхъ — многие стояли на колѣняхъ, еще болѣе затрудняя проходъ.

Едва мы двинулись впередъ, какъ раздались крики протеста и возмущенія:

— Эй, эй! Куда прешь?.. Чего впередъ суетесь?.. Тутъ и раньше васъ пришли!..

Я уже готовъ былъ поддаться назадъ, но старый Джіакомо властно повелъ насъ за собой.

— Вотъ еще глупости! — воскликнулъ онъ, — и сами не двинутся, и другимъ мѣшаютъ! Вздоръ!.. Валяй, ребята!..

И дѣятельно работая локтями, мы пробивали себѣ дорогу.

Вдогонку раздавались самыя разнообразныя восклицанія:

— Поклонитесь отъ меня св. Яннуарию! — вопила какая-то старуха.

— Помолитесь о моей дочкѣ Катеринѣ! — кричала другая.

— Чтобъ тебѣ св. Яннуари такъ ноги переломаль, какъ ты меня придавилъ, проклятый! — визжала какая-то отвратительная женщина, которую мы притиснули къ стѣнѣ.

Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мы протолкнулись въ самую церковь и изъ свѣта и воздуха окунулись въ душный полумракъ, — въ это время, — послѣдній въ нашей цѣпи — рыжий Чезаре сцѣпился съ длиннымъ тощимъ капуциномъ, опоясаннымъ бѣлой кокосовой веревкой. Монахъ, не желая пропустить насъ впередъ, сбиль съ Чезаре шляпу, къ которой былъ приколотъ только что купленный восковой святой. Маленькая фигурка, и такъ уже таявшая отъ жары и солнца, упала и въ мигъ была раздавлена напиравшей толпой. Но Чезаре не могъ успокоиться, пока не сорвалъ съ груди монаха такую же фигурку. Одной рукой толкнувъ монаха къ стѣнѣ, онъ другой — сильнымъ ударомъ прилѣпилъ фигурку къ его спинѣ.

— На, тебѣ, святого въ спину! — крикнулъ Чезаре, присоединяясь къ намъ.

— О, Санто Дженнаро! Помоги мнѣ плюнуть на эту рыжую собаку! — завопилъ монахъ...

И долго-долго позади насъ раздавалась ругань.

Мы вошли въ церковь, вѣрнѣе, втиснулись въ нее. Всѣ капеллы были открыты и заполнены народомъ. Но центромъ, конечно, была капелла святого, къ которому мы пробирались, буквально перелѣзая черезъ тѣла и головы.

Тутъ уже почти никто не двигался. Стоя на колѣняхъ, лежа чуть ли не другъ на другѣ, — плакали и стонали молящіеся. Отъ времени до времени, между звуками органа и хора, раздавались возгласы:

— О, Санто Дженнаро, помилуй насъ!

И о чемъ только ни просили святого?.. И о томъ, чтобы прошла болѣзнь, и о томъ, чтобы родился мальчикъ, а не дѣвочка, чтобы вѣтеръ пригналъ побольше рыбы, чтобы у козы прибавилось молока...

Мы продолжали продвигаться среди стонувъ и молитвъ. Но вотъ передъ нами заблистали огни Капеллы Сокровищъ, напол-

ненной массой серебряныхъ и позолоченныхъ статуэтокъ и бюстовъ святого. Большая рѣшетчатая бронзовая дверь, открыта. И чудесная капелла изъ мрамора, порфира, серебра и золота, засверкала передъ нами. Освѣщеніе было грандіознымъ. Все утлопало въ огняхъ.

Въ ту минуту, когда мы добрались до балюстрады, окружающей престолъ, — оказалось, что дальше продвинуться нельзя, ибо первыя мѣста заняты иностранцами и, конечно, за большія деньги. Мы пробовали протиснуться еще, но наткнулись на сердитыхъ нѣмцевъ, которые, указывая на зеленые билетки, коверкая языкъ, чуть ли не кричали:

— Mio posto . . . pagato . . .

Но мы и безъ того знали, что эти мѣста оплачены, такъ какъ каждое чудо увеличиваетъ доходъ церковныхъ служителей на нѣсколько сотъ франковъ.

Мы не протестовали, и, протолкнувшись къ самой балюстрадѣ, стали на колѣни, главнымъ образомъ, ради отдыха.

Семья Джіакомо и его друзья, какъ и всѣ морскіе люди, были суевѣрны, но не религіозны . . . Вода, вѣтеръ, солнце, — не канонизированные христіанской религіей, — вотъ ихъ настоящіе святыя . . . А Яннуаріи, Францискъ и даже Святая Троица, — это для тѣхъ, кто отъ земли, кто нуждается въ защитѣ земныхъ боговъ...

Наступило девять часовъ. Священники, прелаты, наполнявшие центръ капеллы, загнусадили скороговоркой «Credo», подхваченное всѣмъ народомъ. Кардиналъ въ фіолетовой мантии, стоявшій спиной къ молящимся, положилъ передъ собой на подушечкѣ два хрустальныхъ флакончика, заключающихъ сухую кровь святого, и повернулся къ намъ лицомъ . . . Вся толпа замерла . . .

Кардиналъ приподнял флакончики кверху, и помѣстилъ ихъ противъ свѣта . . . Но ничего въ нихъ не измѣнилось, и, продолжая держать ихъ въ рукахъ, кардиналъ сталъ усиленно молиться.

Тишина прерывалась плачемъ и выкриками молящихся. Моментами становилось жутко отъ этой тишины, рядомъ съ пестрыми яркими облаченіями прелатовъ, епископовъ и самого кардинала, рядомъ со сверкающей золотомъ капеллой . . .

Прошло еще полчаса, и еще полчаса . . . Но чуда не произошло . . . Сухая кровь не оживала, и великій моментъ, когда на свѣту становится видимымъ движеніе красной жидкости, этотъ желанный моментъ не наступалъ.

Прошли еще нѣсколько минутъ . . . Лицо кардинала было мертвенно-блѣднымъ . . . Его волненіе передавалось окружаю-

щимъ... Вдругъ, сзади стали раздаваться сначала ропотъ, потомъ громкіе возгласы, и, наконецъ, злобные крики:

— Санто Дженнaro, помилуй насъ!... Развѣ мы скверно молились?...

— Онъ разгнѣванъ... Онъ не хочетъ чуда!

— Какъ?!... Кто сказалъ: онъ не хочетъ?... Онъ долженъ хотѣть!...

Голоса стали взволнованный... Толпа поднялась съ колѣнъ и стала напирать на передніе ряды, на насъ, на балюстраду...

Дикіе угрожающіе возгласы въ сторону кардинала участились:

— Эй, padre, будетъ чудо или нѣтъ?

— Эй, ты!... Намъ надоѣло ждать!... Дѣлай чудо!...

— Смотри, какъ бы съ твоей головой не случилось чуда!...

На всю жизнь останется въ красной шапкѣ!...

Раздались смѣшки и глухое гоготанье...

Вдругъ ясный гулкій голосъ кардинала отчетливо воскликнулъ:

— Мы согрѣшили передъ святымъ Яннуариемъ... Кайтесь, ибо кровь мученика не оживаетъ, такъ какъ святой отвернулся отъ насъ!

Взрывъ негодованія отвѣтилъ ему воплями и криками:

— Что онъ сказалъ?... Онъ отвернулся?... Ха-ха!...

Такъ тѣфу на него!...

— Porco Santo!... Проклятье ему!... Бей его, бей его!...

— Обманщикъ!... Предатель!... Онъ нашлетъ на насъ несчастья!... Онъ смѣется надъ нами!... Долой его, долой!...

И, въ то время, какъ кардиналъ и прелаты продолжали молиться, черезъ всю церковь, среди неописуемаго гвалта, полетѣли сломанныя восковыя фигурки...

Служителя старались отгнѣснить толпу отъ алтаря къ выходнымъ дверямъ, и, какъ только удалось освободить капеллу, изгнавъ въ томъ числѣ и насъ и иностранцевъ, бронзовая дверь капеллы закрылась...

Съ трудомъ выдерживая напоръ колышущейся изъ стороны въ сторону толпы, смѣшавшись въ одну кучу, мы старались лишь о томъ, чтобы не растерять въ суматохѣ другъ друга...

Поминутно въ лицо попадали куски воска и дерева, которымъ возбѣщенные неаполитанцы забрасывали капеллу и статуи святого...

Прошло еще около часа, прежде чѣмъ намъ удалось выбраться изъ храма...

На улицѣ толпа бѣсновалась... Ключья бумаги, остатки картинъ, воскъ, дерево, гипсъ — все это заполняло кишачую народомъ площадь...

Толпа подвигалась къ морю... Среди проклятій, ругани и криковъ, уже раздавались веселыя разгульныя пѣсни.

Молодежь, неся на рукахъ обломки статуй, облѣпленныхъ грязью и навозомъ, съ гиканьемъ и пѣніемъ, спускалась по Соборной улицѣ къ порту, чтобы утопить обманщика-святого...

.....
Когда черезъ два часа мы, въ своемъ уютномъ баркасѣ, огибали городъ, по дорогѣ къ дому, — заливъ словно покрылся грязной густою плѣсенью...

Это плавали остатки изображенія любимаго святого, который сегодня не сумѣлъ оправдать возложенныхъ на него надеждъ, и этимъ возмущилъ противъ себя весь свой многолюдный приходъ...

— Смотрите, смотрите! — вдругъ воскликнулъ Джіакомо. — Святой оживаетъ!

Мы посмотрѣли въ сторону и разсмѣялись... Тамъ прыгала по поверхности воды желтая головка... Какая-то шаловливая рыбка, можетъ быть, отъ голода, а, можетъ, для забавы, дергала снизу разбитую святую игрушку...

Григорій Гнѣсинъ.

* * *

У васъ слова, большія и ничтожныя,
 Но все слова — не больше, какъ слова...
 Чтobъ скрыть, какъ невозможно невозможное,
 Въ слова вы души рядите тревожныя,
 Какъ проститутокъ въ кружева.
 Чѣмъ звонче слово, тѣмъ оно обманнѣе.
 Какія чуда словомъ рождены?
 Мы говоримъ, чтobъ заглушать молчаніе...
 Отъ звонкихъ словъ всегда хожу въ туманъ я...
 О свѣжій воздухъ тишины!
 Два чуда жизнь мнѣ сдѣлали желанною:
 Когда нашель я ту, кого искаль;
 Когда вошелъ я въ братство необманное
 Паломниковъ, въ страну обѣтованную...
 И оба раза я молчалъ.

* * *

Всѣ прощены... И всяческую плотъ
 Въ раю пріемлетъ плоти всей Создатель.
 Всѣ прощены? Насильникъ и предатель
 Тобою также прощены, Господь?!
 Прощенье всѣмъ? И мнѣ, и палачу?
 Вотъ я въ раю, и вотъ со мной Іуда?
 Карай мой грѣхъ, гони меня отсюда:
 Съ Іудой я блаженства не хочу!..

Семенъ Губеръ.

Е В Р Е Й.

РОМАНЪ

М. ГОЛЬДШМИДТА.

Продолжене *.

ХІІІ.

Леви и Якобъ продолжали видаться другъ съ другомъ, но оба избѣгали какихъ бы то ни было разговоровъ на болѣзную тему. Уже по одному только наружному виду Якоба Леви догадывался о томъ, чѣмъ кончилась его попытка найти выходъ изъ своего тяжелаго душевнаго состоянія. А такъ какъ Леви не могъ уже больше дать Якобу никакого совѣта, то онъ и старался не касаться его личной жизни. Тотъ, съ своей стороны, самъ страшился заглянуть въ самую глубину своего положенія.

Однажды въ ясный день въ концѣ юля Леви вызвался проводить за городъ Якоба, который шелъ на дачу Фангель. Нѣкоторое время они шли молча, Леви смотрѣлъ на гуляющихъ, пѣшеходовъ, верховыхъ и проѣзжающихъ въ экипажахъ и прислушивался къ тому, какъ гуляющіе торгуются съ кучерами. Наконецъ онъ обернулся къ Якобу и замѣтилъ:

— Вы прескучный сегодня... хотя за послѣднее время вы всегда такой. А что за славный парень вы были въ прошломъ году! Тогда можно было смѣло надѣяться, что изъ васъ выйдетъ хороший медикъ... Нѣтъ, вы посмотрите-ка на нихъ!...

Еврейская семья, состоящая изъ нѣсколькихъ человѣкъ, сѣла въ большую четырехмѣстную коляску, а такъ какъ они заняли только половину экипажа, то и стали терпѣливо поджидать, не найдутся ли еще желающіе сѣсть въ эту коляску и такимъ образомъ принять участіе въ расходахъ по проѣзду. Въ ожиданіи пассажировъ они весело болтали, а отецъ семейства время отъ времени покрикивалъ на дѣтей, боясь, что они вывалятся изъ экипажа.

На нихъ-то Леви и указалъ Якобу. Онъ сказалъ со смѣхомъ:

* См. „Лѣтѣпись“ № 1, 2, за 1916 г.

— Право, мнѣ хочется остановиться и посмотрѣть, чѣмъ все это кончится. Я почти увѣренъ, что какъ только кучеръ сойдетъ съ козелъ, отецъ начнетъ бормотать хадерехъ*.

Когда Якобъ увидалъ еврейскую семью, мысли его приняли другое направленіе, и онъ сказалъ со вздохомъ:

— Черезъ недѣлю моя старшая двоюродная сестра выходитъ замужъ.

— Мнѣ кажется, что вамъ нечего изъ-за этого вздыхать. Вѣдь вы уже пристроены, — замѣтилъ Леви.

— Да, но мнѣ очень хотѣлось бы быть на свадьбѣ, — проговорилъ Якобъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Такъ идите!

— Неудобно. Они не пригласили мою невѣсту.

— Не можете же вы ожидать, чтобы ваше обрученіе съ христіанской дѣвушкой официально признавалось евреями! — воскликнулъ Леви. — Это называется требовать и жаренымъ, и варенымъ!

— Ну, я былъ бы счастливъ, если бы у меня было хоть что-нибудь одно.

— Нѣтъ, это прямо нестерпимо! Вѣчно вы вѣшаете голову! Послушайте, голубчикъ, пора этому положить конецъ! Возьмите вы себя въ руки и поговорите съ вашей невѣстой! Вѣдь въ концѣ концовъ она только женщина!

— Только женщина! Если бы вы знали, сколько несчастья способна навлечь одна женщина!

— Что? Ваша невѣста навлекаетъ на васъ несчастья? Неужели же ваша любовь дошла до этого? О, великій богъ Амуръ!

— Ахъ, нѣтъ, тетка!

— Тетка? Это еще что за тетка? Съ которыхъ это поръ она свалилась на вашу горемычную голову? А я то думалъ, что Небо наградило васъ вполне добропорядочной семьей безъ тетокъ и тому подобныхъ зловредныхъ придатковъ.

— Тетка эта — жена деревенскаго священника. Вы себѣ представить не можете, до чего доходитъ ея юдофобство!

— Жена деревенскаго священника! Ну, съ меня этого вполне достаточно. Кажется, нѣтъ на свѣтѣ болѣе нетерпимыхъ людей, они хуже турокъ и самихъ священниковъ. Вѣдь такая жена священника ведетъ большое хозяйство, она привыкла принимать лепту во всѣхъ видахъ, и никогда она не видала, чтобы хоть одинъ еврей принесъ ей гуся или даже цыпленка! Какое же мнѣние должна себѣ составить о евреяхъ такая женщина!

— Ну, а въ какомъ же родѣ ваша жена священника? — спросилъ онъ, видя, что Якобъ молчитъ.

— Она заставила меня раскаться въ моемъ желаніи услы-

* Молитва о благополучномъ путешествіи.

шать когда-нибудь въ этомъ домѣ напоминаніе о томъ, что я еврей. Помните, я вамъ говорилъ? Я бросилъ вызовъ судьбѣ и теперь наказанъ за это. Она, кажется, ни о чемъ другомъ и не говоритъ. Можно подумать, что она задалась твердымъ намѣреніемъ во что бы то ни стало выкурить меня изъ дому.

— Жаль, что она не появилась до вашего обрученія.

— Почему?

— Какъ почему? Сами же вы говорите, что она хочетъ выкурить васъ изъ дому.

— Ахъ, бросьте шутки, Леви!

— Но вѣдь уѣдетъ же она когда-нибудь? Или она вдова и хочетъ въ столицѣ проѣхать свою пенсію?

— Нѣтъ, ея мужъ получилъ мѣсто здѣсь въ городѣ и пріѣдетъ сюда послѣ того, какъ продастъ съ аукціона свой скарбъ. Но что изъ того, что онъ сюда пріѣдетъ и у нея будетъ свой домъ? Она, конечно, будетъ неразлучна съ семьей своей сестры.

— Въ такомъ случаѣ рѣшиться на крайнюю мѣру, попытайтесь вытѣснить ее изъ дому.

— Невозможно. Она владѣетъ всѣмъ и всѣми въ этомъ домѣ. Если бы я вздумалъ вытѣснить ее, я скорѣе вытѣснилъ бы самого себя изъ этой семьи. Съ тѣхъ поръ, какъ она появилась, для меня пытка бывать въ домѣ Фангель.

— Знаете что, Бендиксенъ, — сказалъ Леви послѣ минутнаго молчанія, — женитесь скорѣе и отберите отъ нихъ дѣвочку. И чѣмъ раньше вы это сдѣлаете, тѣмъ лучше.

— Да, но для этого я долженъ получить разрѣшеніе семьи, а пока я не сдамъ всѣхъ экзаменовъ и не приобрѣту практики, разрѣшеніе это мнѣ не будетъ дано. Въ особенности, при томъ настроеніи, которое царитъ у нихъ въ настоящее время.

— Но вѣдь у васъ есть состояніе. Зачѣмъ вамъ практика?

— Я имѣю ровно столько, сколько мнѣ надо самому для прожитія. Что это было бы за супружество, если бы я не могъ устроить для своей жены пріятнаго и безопаснаго существованія? А вѣдь моя невѣста выросла въ богатствѣ.

— Но ея отецъ богатъ...

— И вы думаете, что я допустилъ бы, чтобы мою жену содержалъ ея отецъ? Воображаю, какъ попало бы тогда отъ нихъ всѣмъ евреямъ! Кромѣ того, не надо забывать, что ея отецъ купецъ, а купца никогда нельзя назвать богатымъ. Приданое, выданное моей невѣстѣ за разъ, я еще могъ бы принять, но ежегодную поддержку — никогда. Это поставило бы меня въ еще большую зависимость отъ нихъ. Нѣтъ, повѣрьте, я достаточно обдумалъ все это. Въ сущности, я ни о чемъ другомъ и не думаю.

— Хорошо. Но я знаю, что вашъ отецъ достаточно богатъ.

— Леви! Вы, конечно, говорите это не серьезно. Какъ могъ бы я брать отъ отца деньги на содержаніе христіанки!

— Ну, знаете, въ такомъ случаѣ вамъ остается только креститься. По правдѣ сказать, это самое простое и логичное. Если вы дѣйствительно любите вашу невѣсту, то вамъ ровно ничего не будетъ стоить креститься ради нея.

— Нѣтъ, Леви, такія теоретическія разсужденія способны привести меня въ ярость! Вашу теорію я могу побить сейчасъ же другой, настолько же неосновательной теоріей: порядочный человекъ не мѣняетъ своей вѣры ради земныхъ благъ. Но вѣдь вы и сами понимаете, что я ни въ какомъ случаѣ не могу креститься. Въ настоящее время евреи стали мнѣ ближе, чѣмъ когда-либо... Случалось иногда, что я живо представлялъ себѣ, будто я уже крестился, и вы не знаете, какую муку я испытывалъ, если мнѣ приходилось встрѣчать на улицѣ еврея! Для меня бывало невыразимымъ облегченіемъ, когда я говорилъ себѣ: но вѣдь ты еще не крещень.

— Такъ я занесу васъ въ списокъ неизлѣчимыхъ, — сказала Леви. — Прощайте, я долженъ возвратиться въ городъ.

— Пройдите со мной еще немного, Леви. У меня такъ нехорошо на душѣ.

— Бѣдняга! — сказала Леви. — Какъ мнѣ хотѣлось бы переселить васъ вмѣстѣ съ вашей невѣстой на необитаемый островъ, гдѣ вы могли бы жить въ райскомъ покоѣ вдаль отъ всего свѣта.

— Да, если бы только возможно было такое разрѣшеніе вопроса! Если бы я могъ собрать всѣ свои муки и сомнѣнія, чтобы вступить съ ними въ бой, поставивъ на карту все, даже жизнь, и затѣмъ отогнать ихъ навсегда! Это было бы лучше, чѣмъ терпѣть медленную пытку. Правду говоритъ пословица, что долго придется ждать смерти, когда тебѣ на горло наступитъ гусь... А на меня наступаютъ, какъ на змѣю какую-то, и я не смѣю даже жалить... О, до чего я ненавижу эту женщину! Если бы мысль о моей невѣстѣ не заставляла меня владѣть собой, я давно убилъ бы эту ужасную женщину!

— Да, Бендиксенъ, ваше положеніе не изъ пріятныхъ. У васъ больной зубъ и вамъ хотѣлось бы выдернуть его, но у васъ не хватаетъ мужества на эту операцію. А между тѣмъ передъ вами альтернатива: или вы креститесь, или вы расходитесь съ вашей невѣстой.

— Вотъ въ томъ-то и состоитъ все мое несчастье, что передо мною альтернатива и я не могу ни на что рѣшиться! — воскликнулъ Якобъ съ отчаяніемъ. — Развѣ легче человѣку, стоящему между огнемъ и водой и кричащему о помощи, когда ему совѣтуютъ прыгнуть или въ огонь, или въ воду?

— Милый мой, въ такомъ случаѣ, бѣгите! Бѣгите и отъ воды, и отъ огня!

— Нѣтъ, сегодня отъ васъ не дождешься толку, — сказала Якобъ.

— Господи, да чего же вы отъ меня хотите? Скажите лучше, что съ вашей щепетильностью и предрасудками дѣйствительно толку не добьетесь. Ей-Богу, я съ радостью бросился бы ради васъ и въ огонь и въ воду, будьте увѣрены въ этомъ. Но я не представляю себѣ, чтобы это могло принести вамъ хоть какую-нибудь пользу. Если же я дѣйствительно могу помочь вамъ чѣмъ-нибудь, такъ скажите, и я къ вашимъ услугамъ, приказывайте! Если вы сейчасъ не можете отвѣтить мнѣ на это, то обратитесь ко мнѣ, когда угодно, вы знаете мой адресъ. Прощайте! Кланяйтесь отъ меня женѣ священника!

Направляясь въ городъ, Леви говорилъ самому себѣ: «Ну, кажется, я привелъ этого несчастнаго въ такое состояніе, что онъ устроитъ какую-нибудь глупость. Но умнѣе устроить величайшую глупость, чѣмъ тянуть эту канитель».

Однако, Якобъ не устроилъ въ этотъ вечеръ никакой глупости. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ дачѣ, его возбужденіе все падало, и, наконецъ, имъ снова овладѣло прежнее тупое недовольство.

Тора радостно встрѣтила его, но когда она замѣтила его блѣдность — слѣдствіе долгой ходьбы, жары и нервнаго возбужденія — она подумала, что онъ боленъ, и бросилась въ домъ за лѣкарствомъ. Его болѣзненный видъ привелъ въ волненіе также и прочихъ членовъ семьи. Всѣ окружили его и спрашивали, что съ нимъ. Когда Тора принесла лѣкарство, тетка вырвала отъ нея пузырекъ и сама отсчитала въ рюмку капли. Якобъ вдругъ почувствовалъ себя такъ хорошо, какъ уже давно не чувствовалъ. Онъ такъ не привыкъ къ вниманію и ласкѣ, что при этихъ доказательствахъ искренняго чувства къ нему, онъ забылъ все свое раздраженіе и понялъ, что могъ бы полюбить всѣхъ этихъ людей. Когда онъ немного спустя возвратился съ Торой изъ сада послѣ маленькой прогулки, онъ точно переродился. Въ первый разъ онъ замѣтилъ, какъ красиво покрываетъ стѣны дома дикій виноградъ, а накрытый на верандѣ чайный столъ показался ему необыкновенно уютнымъ и привлекательнымъ, точно онъ никогда его раньше не видалъ.

Тетя Матильда встрѣтила его въ дверяхъ.

— Слава Богу, — сказала она, — видъ у васъ прекрасный! Я такъ испугалась за васъ, думала, что вы тутъ и умрете. А мы-то, несчастные, не знали бы даже, какъ васъ хоронить!

Милен громко засмѣялась и вышла изъ комнаты.

Перемиріе кончилось.

Якобъ почувствовалъ нѣчто вродѣ стыда за то, что онъ хотъ на мгновеніе растрогался. Онъ упрекалъ себя въ слабости, въ томъ, что поддавался непреодолимой потребности въ покоѣ и мирѣ и потому обрадовался вниманію, которое проявили по отношенію къ нему.

«Я притворился слабымъ, чтобы только наслаждаться ихъ участіемъ и нѣжностью», думалъ онъ. «И какъ жестоко они унизили меня! Теперь я понимаю, какимъ образомъ мой народъ былъ доведенъ до такого угнетеннаго состоянія, что онъ въ отвратительномъ раболѣпіи лизалъ руку, которая его била!»

XIV.

Мнѣ, наконецъ, надоѣло все это! — сказалъ однажды за обѣдомъ отецъ Тора. — Я хочу имѣть покой въ домѣ... Бѣдняжка, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Торѣ и нѣжно глядя ее по щекѣ, — не очень-то веселая у тебя пора обрученія.

Тора заплакала.

— Такъ этого нельзя оставлять — продолжалъ онъ съ раздраженіемъ, — надо принять какія-нибудь мѣры. Я думалъ, что все наладится, когда мы переѣдемъ сюда, а между тѣмъ все осталось по-старому. Если поведение Бендиксена заслуживаетъ порицанія, то я сдѣлаю ему серьезное внушеніе. Если же онъ терпитъ какую-нибудь несправедливость, то я впредь буду держать его стору. Въ домѣ долженъ быть, наконецъ, покой!

Тутъ заговорила тетка:

— Этого можно добиться только двумя способами: или Бендиксенъ крестится, или же мы всѣ дѣлаемся евреями.

Господинъ Фангель покраснѣлъ до корней волосъ, но онъ заставилъ себя сказать спокойно:

— Отъ души желаю, дорогая невѣстка, чтобы вы не раскаялись въ томъ, что принимаете такое горячее участіе въ этомъ дѣлѣ. Но, если вы ничего не имѣете противъ этого, то я беру на себя самого рѣшеніе вопросовъ, касающихся моей семьи.

Сказавъ это, онъ всталъ и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Съ минуту тетя Матильда молчала. Потомъ она обратилась къ сестрѣ и сказала:

— Другими словами, меня попросили оставить домъ? Вотъ до чего уже дошло, онъ поселяетъ рознь въ семьѣ!... Одно только я должна сказать тебѣ, Тора, — крикнула она вдругъ, вскакивая со стула и отодвигая его съ такой силой, что онъ упалъ, — одно только скажу тебѣ, Тора: я не позволю твоему жениху выгонять меня изъ этого дома! Я остаюсь. Я останусь здѣсь до тѣхъ поръ, пока твой отецъ и твой женихъ не вышвырнутъ меня за дверь! Тогда выходи себѣ замужъ за еврея, сколько твоей душѣ угодно! А моя совѣсть спокойна, я сдѣлала все, что было въ моихъ силахъ!

Наступило гробовое молчаніе. Тетя Матильда рыдала, закрывъ глаза платкомъ. Остальные сидѣли съ опущенными глазами и каждый думалъ свои думы.

— Вонъ онъ идетъ! — сказала Милле, указывая въ окно.

— Тора, выйди и прими его... лучше, чтобы онъ сюда не входилъ, — сказала фру Фангель, подходя къ сестрѣ.

Якобъ не приходилъ дня два. Но, наконецъ, тоска по Торѣ пересилила въ немъ страхъ передъ новой встрѣчей съ остальными членами семьи и притупила неприязненное чувство по отношенію къ нимъ. Кромѣ того, его привело сюда какое-то тревожное чувство, его мучила совѣсть, точно онъ измѣнилъ Торѣ, принявъ приглашеніе на еврейскую свадьбу, которая должна была состояться въ этотъ вечеръ. Съ той самой минуты, какъ шаммосъ * передалъ ему лично приглашеніе на свадьбу въ установленной формулѣ: «Иръ зейдъ гепрейтъ цу деръ хруппо ундъ цу демъ эссенъ» **, его охватило какое-то безотчетное чувство, напоминавшее тоску по родинѣ. Онъ старался успокоить свою совѣсть и говорилъ самому себѣ: «Вѣдь я не мѣшаю Торѣ ходить въ христіанскую церковь, а кромѣ того, у нея есть семья. А что у меня?»

Однако, совѣсть все-таки мучила его.

Несмотря на твердое рѣшеніе поговорить объ этомъ съ Торой, онъ не могъ заставить себя сразу навести разговоръ на это. Она шла молча возлѣ него, и онъ тоже молчалъ, такъ какъ отъ волненія не могъ найти никакой темы для бесѣды. Наконецъ, онъ собрался съ духомъ и сказалъ:

— Сегодня вечеромъ въ домѣ моего дяди свадьба. Его дочь выходитъ замужъ.

— Вотъ какъ, — замѣтила она. — Ты, конечно, приглашенъ?

— Да, — отвѣтилъ онъ, и на мгновеніе его сердце болѣзненно сжалось, когда онъ понялъ, что она не допускала и мысли о томъ, что и она могла бы быть приглашена. Значитъ, она проводила грань между нимъ и собою и считала это въ порядкѣ вещей. — Да, я приглашенъ.

— И ты пойдешь?

— Да, я собирался... хотя...

— Иди непременно, мой другъ! — подхватила она живо. — И повеселись хорошенько.

Ему стало больно отъ ея спокойнаго покорнаго тона. Онъ былъ такъ благодаренъ ей за то, что она такъ искренно желаетъ ему повеселиться, что и ему захотѣлось хоть чѣмъ-нибудь порадовать ее и доставить ей удовольствіе.

Они вышли изъ лѣса на берегъ, откуда открывался широкій видъ на проливъ. Тутъ они сѣли на дерновую скамью.

Солнце осыпало своими горячими лучами спокойную поверхность моря, когорое, словно вѣрный песъ, лежало у ногъ живописнаго берега. Вдоль берега почти незамѣтно скользили суда, сверкая на солнцѣ бѣлыми парусами. Противоположный берегъ

* Служитель изъ синагоги.

** Васъ приглашаютъ на бракосочетаніе и на трапезу.

едва виднѣлся, покрытый синеватой дымкой. Подъ деревьями царила прохлада, не слышно было ни звука, только изрѣдка изъ лѣса доносились отдѣльные птичьи голоса, казалось, будто и онѣ наслаждались тишиной и покоемъ и не были расположены къ долгимъ бесѣдамъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія Якобъ воскликнулъ:

— До чего неестественными и изломанными представляются отношенія людей другъ къ другу, когда отдаешься созерцанію природы! Изъ-за какихъ пустяковъ люди борются другъ съ другомъ и портятъ другъ другу жизнь, а вѣдь они могли бы быть такъ счастливы! Съ какой сострадательной улыбкой должна смотрѣть на насъ великая природа. Вотъ сейчасъ съ моихъ глазъ точно спала пелена, я вдругъ съ горечью почувствовалъ, насколько виновать я самъ въ томъ, что между мною и твоими родными установились такія непріязненные отношенія, Тора! Я пойду къ тетѣ и протяну ей руку! Если она скажетъ мнѣ хоть одно ласковое слово, я съ радостью откажусь отъ свадьбы и останусь съ вами. Я хочу принадлежать только вамъ!

— Ты дѣйствительно хочешь сдѣлать это ради меня? — воскликнула Тора.

— Да, дорогая, и ради себя также! Я такъ счастливъ въ это мгновеніе, для меня стало все вдругъ такъ ясно. Это недостойное малодушие съ моей стороны, что я до сихъ поръ боялся проявить слабость и сдѣлать уступку.

— О, слава Богу! Тогда все наладится! У насъ постоянно говорятъ, что все будетъ хорошо, если ты только...

— Если я только?

— ...Если ты перейдешь въ нашу вѣру.

Говорятъ, что человѣкъ, котораго поражаетъ смертельный ударъ, на мгновеніе сохраняетъ спокойное выраженіе лица и потомъ уже падаетъ, точно мысль о смерти настолько велика, что ее нельзя объять въ первое же мгновеніе. Якобъ повернулся къ Торѣ, какъ бы удивленный ея словами, съ его лица не успѣла еще сойти счастливая улыбка, но въ слѣдующее же мгновеніе оно покрылось смертельной блѣдностью. Онъ всталъ и медленно пошелъ съ Торой назадъ черезъ лѣсъ и садъ.

— Ты сердисься? — спросила она дрожащимъ голосомъ.

— Ахъ, нѣтъ! — отвѣтилъ онъ почти безсознательно, продолжая идти впередъ.

Онъ не замѣтилъ, что они вошли на веранду, гдѣ сидѣли гости — среди нихъ и лейтенантъ Энгбергъ — пока его не привели въ себя громкіе голоса. Тогда онъ быстро попрощался. Тора успѣла только сказать заглушеннымъ отъ волненія голосомъ:

— Завтра въ полдень я буду въ городѣ... мнѣ надо кое-что купить... хочешь зайти за мной?

Якобъ отвѣтилъ «да» и вышелъ изъ дому.

Отходя на нѣкоторое разстояніе, онъ остановился и прислонился головой къ дереву.

— Такъ червь все-таки подточилъ растение, которое я взростилъ любовью и подъ сѣнью котораго я искалъ покоя... Но она не виновата, другіе отравили ея уши... О, если бы только можно было вырвать ее отъ нихъ!... Я такъ безгранично люблю ее...

— Я разстался съ ней такъ неласково, — продолжалъ онъ, снова направляясь впередъ. — Но какъ я увижусь съ ней въ слѣдующій разъ... О, Боже, Ты наложилъ на меня Свою десницу тяжело, но справедливо!

Тора прошла за нимъ нѣсколько шаговъ. Потомъ она остановилась, посмотрѣла ему въ слѣдъ, горько улыбнулась и разразилась слезами. Однако, немного спустя она тщательно вытерла глаза, чтобы незамѣтны были слѣды слезъ, и присоединилась къ обществу на верандѣ.

* * *

Въ убранной по праздничному гостиной Маркуса собрались мужчины для минхо (вечерняя молитва), которую обыкновенно произносятъ передъ вѣнчаніемъ. Женщины были въ другой комнатѣ, онѣ были заняты невѣстой.

Все было готово, вѣнчаніе должно было начаться, но Маркусъ еще разъ повторялъ своей женѣ всѣ правила, которыя необходимо соблюдать при вѣнчаніи.

— Волосы у нея расчесаны? Серебряная цѣпь надѣта на нее? А покрывало плотно обвязано вокругъ головы, такъ что ее не узнають? — спрашивалъ онъ озабоченно, отведя жену въ уголь.

— Все въ порядкѣ, — отвѣтила она, теряя терпѣніе. — Дѣло все за тобой, начинай минхо.

— Дорогая жена, твоя беззаботность пугаетъ меня. Лишь бы только не произошло какой-нибудь ошибки! Не забывай, что не каждый день приходится выдавать замужъ дочь.

Въ это мгновеніе жена слегка подтолкнула его и глазами указала на дверь.

— Якобъ! Племянникъ! — воскликнулъ удивленный Маркусъ, поворачиваясь къ двери. — Вотъ видишь, — сказалъ онъ женѣ, — развѣ я не говорилъ? Нѣтъ, въ глубинѣ души онъ все-таки еврей!

— Какой у него болѣзненный видъ! — замѣтила она.

— Бѣдняга! Вѣроятно, ему не очень-то сладко живется среди гоевъ! Говорю тебѣ, съ его стороны было бы гораздо благо-разумнѣе влюбиться въ нашу Маріану.

— Маркусъ, солнце уже садится! Тебѣ еще что-нибудь надо отъ меня?

— Ну, во имя Господа! Если случится какое-нибудь упущеніе, то во всемъ будешь виноватъ ты!...

Онъ подошелъ къ Якобу, поздоровался съ нимъ и далъ знакъ, чтобы начинали молитву.

Мужчины покрыли головы, повернулись къ востоку и низко склонились передъ невидимымъ божествомъ. Въ комнатѣ наступила глубокая тишина, слышно было только, какъ мужчины бормотали молитвы и благословенія. Заходящее солнце бросало въ окна багровые лучи, окрашивая стекла въ цвѣта радуги, какъ въ церкви, и обливая мягкимъ свѣтомъ молящихся.

По окончаніи минхо шоймеръ * жениха пошелъ въ комнату, гдѣ собрались женщины, онъ передалъ подарки жениха невѣстѣ: пару чулокъ, двѣ пары башмаковъ, шелковый платокъ и молитвенникъ. Послѣ этого невѣста послала жениху подарки: мѣшокъ для храненія тефилимъ, таллисъ и полотняный халатъ, въ которомъ евреи молятся въ судный день и въ которомъ ихъ хоронятъ.

Но вотъ раздались трубные звуки, и дверь въ залъ растворилась. Мужчины вошли попарно вслѣдъ за женихомъ и поставили его подъ балдахинъ. Послѣ этого въ залъ вошли процессіей женщины съ невѣстой. Подъ звуки торжественнаго марша онѣ три раза обвели невѣсту вокругъ балдахина и затѣмъ поставили рядомъ съ женихомъ.

Раввинъ всталъ подъ балдахинъ, прочелъ молитву и благословилъ Бога, узаконившаго бракосочетаніе. Женихъ надѣлъ на палецъ невѣсты кольцо, которое было тотчасъ же обмотано кусочкомъ шелка, такъ какъ его можно видѣть только на другой день послѣ свадьбы. Внесли рюмку вина, раввинъ благословилъ его и далъ отпить невѣстѣ и жениху. Послѣ этого рюмку положили подъ ногу жениха, и онъ раздавилъ ее въ знакъ того, что теперь настолько же невозможно разъединить супруговъ, насколько невозможно больше соединить осколки рюмки.

Тишина нарушилась сразу громкими радостными поздравленіями и фанфарой. Члены породнившихся семей обнимали другъ друга и молодыхъ. Всѣ смѣшались въ общую группу счастливыхъ, радостныхъ людей.

За веселымъ ужиномъ Якобъ сидѣлъ противъ младшей двоюродной сестры, которую онъ училъ, когда она была еще дѣвочкой. У нея было блѣдное изящное лицо, и она смотрѣла на него своими большими черными глазами съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ участіемъ, точно она хотѣла прочесть въ его чертахъ слѣды того счастья, которое ему давала христіанская дѣвушка. Утомительная ходьба и пережитое волненіе окончательно истощили силы Якоба. Его тѣло находилось въ такомъ состояніи, когда чувства проявляются очень вяло, когда глаза видятъ все въ туманѣ, а звуки доходятъ до слуха заглушенными. Веселье и радость, которыя онъ видѣлъ вокругъ себя, молодая дѣвушка съ умными глазами, устре-

* Другъ который охраняетъ жениха.

мленными на него съ выраженіемъ глубокаго участія, — все представлялось ему какимъ-то призрачнымъ, словно волшебная картина, которую развѣтывалъ передъ нимъ его добрый ангелъ, чтобы показать ему, какую участь онъ ему готовилъ. Ему стало казаться, что радостные крики и разговоры все больше и больше удаляются отъ него, что молодую дѣвушку заволакиваетъ туманомъ, изъ котораго подъ конецъ выглядывала только пара черныхъ глазъ, навѣки прощавшихся съ нимъ. Онъ вдругъ зашатался и ухватился за край стола, чтобы не упасть со стула.

Когда онъ снова пришелъ въ себя, онъ увидалъ, что все общество столпилось вокругъ него. Всѣ спѣшили выразить ему самое искреннее участіе. Едва удерживаясь отъ слезъ, онъ поблагодарилъ евреевъ за ихъ любовь и ласку и поспѣшилъ уйти, чтобы не нарушать ихъ радости.

* * *

Онъ вышелъ на улицу и остановился, вдыхая въ себя тихій прохладный ночной воздухъ. Онъ чувствовалъ себя разбитымъ и какимъ-то бездомнымъ. Мысли его нигдѣ не находили себѣ отдыха. Онъ думалъ о томъ, къ кому бы ему пойти, но на комъ бы онъ ни остановился, всѣ вызывали въ немъ только непріязненное чувство. Наконецъ, онъ вспомнилъ Леви и на душѣ у него стало легче. Онъ повернулся и пошелъ въ родовспомогательное заведеніе, гдѣ жилъ его другъ.

Когда онъ подходилъ къ комнатѣ Леви, до него донесся оттуда громкій разговоръ. На минуту онъ остановился, но услышавъ голосъ друга, онъ вошелъ къ нему.

Посреди большой комнаты стоялъ столъ съ бутылкой пива и стаканомъ съ отбитымъ краемъ; въ одномъ концѣ стола сидѣлъ хозяинъ съ длинной трубкой, двое изъ гостей стояли у окна спиною къ улицѣ, а остальные лежали и сидѣли на кровати, только двое сидѣли на стульяхъ.

Несмотря на эти небрежныя позы, лица всѣхъ были оживлены и даже возбуждены, словно случилось нѣчто необыкновенное и интересное.

— А вотъ и Бендиксенъ! — крикнулъ одинъ изъ студентовъ. — Вотъ это хорошая новость для него!

— Бендиксенъ! — крикнулъ Кѣнигъ, приподнимаясь на кровати, — ты слышалъ поразительную новость? Во Франціи революція! Карла X изгнали! Да здравствуетъ республика! . . . Нѣтъ, вы только посмотрите на него, онъ стоитъ, какъ истуканъ!

Кто-то крикнулъ:

— Грѣндаль предлагаетъ, чтобы родовспомогательное заведеніе in cogroge отправилось во Францію и тамъ вступило въ ряды республиканской арміи.

— Да, — сказала Грёндаль, — мнѣ надоѣла вся эта канитель здѣсь. Если бы время отъ времени какой-нибудь каторжникъ не пырлялъ широкимъ острымъ ножомъ сторожей, то такъ никогда бы и не пришлось увидѣть настоящей войны. Тамъ, — другое дѣло. Да тамъ можно и самому рубить и пырять или стрѣлять, и вообще готовить раны, какія самъ хочешь. Я предполагаю, что теперь русскіе пойдутъ войной на французовъ, ну, а лучше пациентовъ, чѣмъ русскіе я не знаю. Русскому можно трепанировать черепъ, вытащить у него половину мозговъ изъ головы, а черезъ нѣсколько времени онъ уже на ногахъ, точно ничего и не случилось. Около года тому назадъ въ городской больницѣ намъ попался русскій матросъ, которому разбила голову упавшая на него шлюпка. Когда я принялся за него, то это былъ просто мѣшокъ съ костями. А три мѣсяца спустя я увидалъ его на рыночной площади, гдѣ онъ уже дрался съ крестьяниномъ изъ-за какого-то огурца.

— Ахъ, какое счастье было бы попасть въ Парижъ! — сказала одинъ изъ студентовъ. — Воображаю, какъ тамъ теперь кипитъ жизнь. Я представляю себѣ, что тамъ весь день гремятъ воинственные марши и бьютъ въ набатъ на колокольняхъ.

— Ну, а намъ приходится примириться съ тѣмъ, что у насъ есть, — сказалъ Грёндель. — Я предлагаю немедленно же отправиться маршемъ въ Амаиенбургъ.

— Я должна попросить доктора спуститься внизъ, тамъ новая пациентка, — сказала вошедшая ученица.

— Иду сейчасъ, — отвѣтилъ Грёндаль, надѣвая туфли.

— Мнѣ тоже интересно посмотрѣть на новую пациентку, — сказалъ одинъ изъ студентовъ, выходя изъ комнаты.

Другіе послѣдовали за нимъ, и вскорѣ Леви остался вдвоемъ съ Якобомъ.

— Пожалуй, лучше зажечь свѣчу, — сказалъ Леви. — Какъ быстро убываютъ дни! Мѣсяцъ тому назадъ въ десять часовъ было еще совсѣмъ свѣтло. Ну вотъ, теперь мы можемъ видѣть, что говоримъ... Но что съ вами? У васъ такой гордый и рѣшительный видъ. А впрочемъ, это вамъ идетъ! Давно уже не видалъ я у васъ такого лица.

— Это происходитъ оттого, быть можетъ, что я, наконецъ, захотѣлъ чего-нибудь опредѣленнаго! Леви, я отправляюсь во Францію.

— Во Францію! — воскликнулъ Леви.

— Да, я не могу больше оставаться здѣсь, мнѣ необходимо куда-нибудь уѣхать отсюда!

— Но что случилось?

— Ничего особеннаго, но только сегодня и она дала мнѣ понять, что я еврей, и потребовала, чтобы я крестился.

— Такъ что же, вы расходитесь съ ней?

— Ахъ, нѣтъ, Леви! Я хорошо знаю, что она тутъ не при чемъ! Тѣ, другіе, не оставляютъ ее въ покоѣ. А меня они такъ

замучили, что у меня въ глазахъ иногда ходятъ красные круги. Я отправлюсь во Францію, я завоюю себѣ тамъ положеніе и потомъ возьму ее туда. Тамъ я могу, по крайней мѣрѣ, жить спокойно... Тамъ у всѣхъ черные волосы и черные глаза.

— А что скажете на это ваша невѣста?

— Если она любитъ меня, то подождетъ...

— А если она не будетъ ждать васъ?

— Въ такомъ случаѣ, это будетъ означать, что она не любитъ меня, а тогда все равно ничего не вышло бы хорошаго, если бы я даже и остался.

— Бендиксенъ! Пойдемте въ воскресенье прогуляться по лѣсу, тогда мы подробнѣе поговорили бы объ этомъ.

— Леви, я говорю совершенно серьезно. Если только это будетъ возможно, то я уѣду завтра же.

— Хорошо. Завтра вечеромъ я приду къ вамъ и узнаю, уѣхали ли вы.

— Леви! Вы мой искренній другъ, такъ неужели же вы совѣтуете мнѣ остаться здѣсь и изойти отъ горя?

— Я никому ничего не совѣтую. Быть можетъ, я сдѣлалъ бы на вашемъ мѣстѣ то же самое... а, можетъ быть, и нѣтъ... право, не знаю. А пока я представляю себѣ дѣло такъ: когда вы сообщите вашей невѣстѣ, что уѣзжаете, она расплачется, а потомъ между вами произойдетъ трогательная сцена примиренія, а въ воскресенье вы пойдете въ лѣсъ, хотя, быть можетъ, и не со мной.

— Ну, а я даю вамъ честное слово въ томъ, что уѣду!

— Тише! Какъ хорошо, что ни одинъ христіанинъ васъ не слышитъ. Вѣдь вы сами знаете, что это выходитъ довольно смѣшно, когда еврей говоритъ о честномъ словѣ... Но ничего не подѣлаешь, милый мой: если вы, дѣйствительно, собираетесь уѣхать... то, по крайней мѣрѣ, васъ на пароходъ проводить вѣрный другъ. А въ этотъ послѣдній вечеръ, дорогой Бендиксенъ, я хочу выпить съ тобой на «ты»!

XV.

На другой день Якобъ проснулся съ чувствомъ тяжести въ груди. Рѣшеніе, принятое имъ наканунѣ вечеромъ, давило его. Но когда онъ подумалъ о томъ, что можетъ отказаться отъ своего намѣренія, то вздохнулъ легче. Однако, едва онъ сталъ углубляться въ свое положеніе, какъ понялъ, что у него нѣтъ другого выхода.

Долго ходилъ онъ взадъ и впередъ по комнатѣ, обдумывая все самымъ тщательнымъ образомъ. Результатомъ этого было то, что онъ пошелъ и взялъ заграничный паспортъ, прежде чѣмъ отправиться къ Торѣ. Часто люди принимаютъ такія энергичныя

мѣры, чтобы набраться мужества, когда чувствуютъ, что слабѣютъ.

* * *

Наканунѣ вечеромъ лейтенантъ Энгбергъ обратилъ внимание на Тору и Якоба, когда они вошли на веранду, и на то, какъ они разстались. Онъ нашель, что теперъ наступилъ благоприятный моментъ сдѣлать нѣкоторую попытку. Онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, на что именно онъ надѣется, но ему казалось, что какая-нибудь перемѣна въ отношеніи къ нему Торы должна теперъ произойти.

Вообще, люди далеко не такіе злые, какъ это кажется по ихъ дѣламъ, иначе невозможно было бы ходить по улицамъ безъ оружія. Когда, на примѣръ, одинъ человѣкъ хочетъ отнять у другого его невѣсту, то онъ вовсе не думаетъ о томъ, что собирается совершить грабежъ, онъ только говоритъ самому себѣ: «Бѣдная дѣвочка, она такъ несчастна съ этимъ грубымъ человѣкомъ, онъ не понимаетъ ее и не цѣнитъ. Со мной она будетъ гораздо счастливѣе. А онъ какъ-нибудь утѣшится, и, во всякомъ случаѣ, онъ будетъ наказанъ за дѣло».

Лейтенантъ Энгбергъ дождался, когда Тора пріѣхала съ отцомъ въ городъ. Немного спустя онъ расчиталъ, что отецъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, и тогда онъ вошелъ въ домъ.

Тора ждала Якоба. Она была очень удручена и не знала, какъ встрѣтится съ Якобомъ послѣ послѣдняго свиданія.

Въ дверь гостиной раздался стукъ и вошелъ лейтенантъ, почтительно кланяясь. При видѣ его, Тора почувствовала нѣкоторое облегченіе. Она обрадовалась, что это еще не Якобъ, что неприятная минута встрѣчи отдалена. Быть можетъ, эта радость сказала въ ея тонѣ, когда она воскликнула:

— Ахъ, это вы, лейтенантъ Энгбергъ!

Лейтенантъ объяснилъ ея радостный тонъ въ свою пользу и отвѣтилъ:

— Я зналъ, что вы будете въ городѣ днемъ, а потому я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи придти справиться о вашемъ здоровьѣ. Вчера, когда я уходилъ отъ васъ, у васъ былъ такой болѣзненный видъ.

Быть можетъ, за это печальное время, наполненное всякими неприятностями, любовь Торы нѣсколько остыла, или же эта любовь временами дремала въ ея сердцѣ. Возможно и то, что ее пронуль участливый тонъ лейтенанта. Какъ бы то ни было, но вмѣсто того, чтобы вызвать въ гостиную отца, она сказала:

— Я каждую минуту жду своего жениха. Онъ удивится, увидя васъ здѣсь.

«О, значитъ она не хочетъ остаться со мной наединѣ только

изъ страха, что женихъ застанеть ее со мной», подумалъ лейтенантъ.

Онъ отвѣтилъ:

— Я слышалъ вчера, что вы назначили ему придти за вами въ двѣнадцать часовъ, а теперъ всего только половина двѣнадцатаго. Во всякомъ случаѣ я пришелъ къ вамъ по такому дѣлу, что господинъ Бендиксенъ могъ бы смѣло присутствовать здѣсь. Я хотѣлъ только выразить вамъ мое соболѣзнованіе по поводу того, что вы себя нехорошо чувствовали вчера. Надѣюсь, что это легкое недомоганіе, которое быстро пройдетъ, благодаря заботливости и вниманію вашего жениха.

При этихъ словахъ глаза Торы невольно наполнились слезами. Она поднесла платокъ къ глазамъ, а другой рукой сдѣлала знакъ Энгбергу, чтобы онъ ушелъ. Лейтенантъ Энгбергъ взялъ ее руку и поцѣловалъ.

Въ этотъ моментъ въ дверяхъ появился Якобъ.

Всѣ трое застыли на мгновеніе. Лейтенантъ опомнился первый.

Онъ взялъ свою шляпу, и съ легкимъ поклономъ прошелъ мимо Якоба въ дверь. Якобъ отступилъ на шагъ, дверь затворилась и онъ остался съ лейтенантомъ въ передней.

— Подождите минутку, господинъ лейтенантъ, — сказала Якобъ, идя за нимъ. Что вамъ надо было въ этомъ домѣ?

— Когда хозяинъ дома потребуеть отъ меня отчетъ въ этомъ, то я отвѣчу ему, — проговорилъ Энгбергъ, продолжая идти.

Якобъ положилъ руку на его плечо и сказалъ:

— Но, можетъ быть, вы захотите дать мнѣ отчетъ въ вашемъ визитѣ къ моей невѣстѣ... пожалуйста, не торопитесь такъ, господинъ лейтенантъ.

— Ну, что же, — отвѣтилъ лейтенантъ, обращиваясь къ Якобу и съ насмѣшкой глядя на него: — Я старался по мѣрѣ силъ и возможности утѣшить бѣдную молодую дѣвушку, которая имѣла несчастье связать свою судьбу съ медвѣдемъ.

Якобъ дрожалъ отъ гнѣва, но онъ настолько еще сохранилъ присутствіе духа, что проговорилъ довольно спокойнымъ голосомъ:

— Позвольте сказать вамъ, господинъ лейтенантъ, что вы безчестный человѣкъ. Я готовъ сейчасъ же дать вамъ удовлетвореніе.

Лейтенантъ отступилъ на одинъ шагъ, сдѣлалъ глубокій поклонъ и отвѣтилъ:

— Очень вамъ благодаренъ за честь, но въ качествѣ офицера... вы это, конечно, понимаете... драться на дуэли съ евреемъ...

Едва было произнесено послѣднее слово, какъ тяжелая рука схватила лейтенанта за шиворотъ и швырнула его черезъ всю комнату къ двери. Лейтенантъ всталъ и сдѣлалъ движеніе, какъ бы

желая вступить въ борьбу и оставить мѣсто за собой, но лицо Якоба выражало такую смертельную ненависть и въ глазахъ его было столько безумнаго гнѣва, что лейтенантъ быстро вышелъ за дверь и исчезъ.

Съ минуту Якобъ стоялъ неподвижно, стараясь овладѣть собой. Онъ прислушивался. Ему казалось, что если только Тора была невиновна въ этомъ сновидѣннн, то она выйдетъ къ нему, и онъ вѣрилъ, что она ни въ чемъ не виновата, но всѣ внѣшнія обстоятельства были противъ нея и она должна была бы объясниться, сдѣлать первый шагъ...

Между тѣмъ, Тора сидѣла въ гостиной почти безъ чувствъ отъ стыда и страха и ждала, чтобы онъ отворилъ дверь...

Онъ подождалъ еще нѣсколько мгновений — она не приходила.

Онъ отворилъ дверь въ сѣни, съ силой захлопнулъ ее за собой и сталъ медленно спускаться съ лѣстницы. На каждой ступенькѣ онъ останавливался и ждалъ, что она его позоветъ.

У выходной двери онъ остановился еще разъ. Не было слышно ни звука, большое здание точно вымерло. Якобъ пожалѣлъ о томъ, что ушелъ, онъ хотѣлъ уже возвратиться, но въ немъ заговорило самолюбие, и онъ пошелъ впередъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ онъ ходилъ у себя въ комнатѣ взадъ и впередъ, прислушиваясь къ каждому шуму въ передней и ожидая, что отъ Торы придетъ посланный. Наконецъ, кто-то подошелъ къ его двери, постучалъ и вошелъ — это былъ Леви.

— Проигралъ! Изъ твоего путешествія ничего не выйдетъ! — крикнулъ Леви въ дверяхъ.

— Это мы еще посмотримъ, — отвѣтилъ Якобъ.

— Знаешь, я подумалъ объ этомъ. Не успѣешь ты уѣхать, какъ она напишетъ тебѣ, ея родные сдадутся, и все пойдетъ по старому.

«Да, пусть она напишетъ», подумалъ Якобъ про себя. «Она напишетъ мнѣ и извинится, все еще исправится именно благодаря тому, что я уѣзжаю».

И онъ отвѣтилъ еще болѣе увѣреннымъ тономъ:

— Да, мы еще посмотримъ, уѣду я или нѣтъ.

— Ну, какъ бы то ни было, но я прощаюсь съ тобой только на восемь дней. Терпѣть не могу разставаться надолго. Мы просто скажемъ другъ другу: «до скораго свиданія».

— Прикажете отнести ваши вещи? Уже пора, — сказалъ носильщикъ, входя въ комнату.

* * *

Распростившись съ Леви, Якобъ остался одинъ въ каютѣ. Онъ какимъ-то отсутствующимъ взоромъ осматривался по сторонамъ,

и вдругъ онъ замѣтилъ, что пароходъ отчалилъ. Казалось, будто онъ только въ это мгновеніе понялъ и почувствовалъ, что разлучился съ Торой. Съ болью въ сердцѣ бросился онъ на палубу, точно хотѣлъ выпрыгнуть на сушу, но пароходъ успѣлъ уже далеко отойти отъ берега.

Когда онъ убѣдился въ томъ, что для него нѣтъ уже больше никакой возможности вернуться обратно, онъ вдругъ почувствовалъ нѣчто вродѣ успокоенія. Обширная, спокойная поверхность воды, на которой вырисовывалась только борозда, оставляемая пароходомъ, подѣйствовала на него умиротворяющимъ образомъ, — ему казалось, что сама судьба прорѣзаетъ эту борозду — такъ было суждено!

Пароходъ скользилъ легко и увѣренно мимо другихъ большихъ судовъ; вскорѣ повѣяло свѣжимъ морскимъ вѣтромъ. Одинъ изъ пассажировъ закурилъ сигару съ такимъ наслажденіемъ, точно ничего болѣе важнаго на свѣтѣ не существовало. На мгновеніе изъ-за тучъ показалось солнце и освѣтило исчезающій вдали городъ и зеленые берега залива. Красивый широкой видъ оживилъ Якоба, кровь стала быстрѣе переливать въ его жилахъ, онъ вдругъ почувствовалъ себя свободнымъ, и на сердцѣ у него стало легко, внутренно онъ воскликнулъ: «Только не падать духомъ! Вѣдь я отправляюсь въ широкий свѣтъ, чтобы бороться за свою будущность. Многіе позавидовали бы мнѣ теперь!»

Онъ написалъ Торѣ письмо:

«Это письмо я пишу на морѣ, моя дорогая! Здѣсь такъ свѣжо и воздухъ такой животворящій, что горе и заботы становятся легче и въ душѣ нарождается надежда на счастье и свѣтлое будущее. Здѣсь я могу сказать тебѣ, чего у меня никогда не хватало духу произнести тамъ, на берегу. Здѣсь у меня хватаетъ мужества заговорить съ тобой о томъ, что я еврей. Да, милая Тора, я еврей, и ты знаешь это, ты знала это прежде чѣмъ полюбила меня. Это не преступленіе, хотя съ точки зрѣнія многихъ людей это и недостатокъ. И я долженъ признаться тебѣ, что мнѣ всегда казалось, что всѣ люди замѣчаютъ этотъ недостатокъ. Ты не можешь себѣ представить, съ какимъ страхомъ и чувствомъ униженія я всегда думалъ объ этомъ, и я увѣренъ, что благодаря этому возникало много недоразумѣній. Ты не знаешь также и того, какъ неразрывно я связанъ съ еврействомъ, какъ одна только мысль отречься отъ еврейства заставляетъ меня страдать и терзаться. А между тѣмъ, въ сущности, я все-таки отказался отъ него. Не религія привязываетъ меня къ нему — вѣдь твой Богъ тотъ же, что и мой — а мое дѣтство, воспоминаніе о моихъ родныхъ, моихъ родителейъ, безчисленное множество прекрасныхъ впечатлѣній юныхъ лѣтъ. Я не могу отказаться отъ нихъ, вырвать ихъ изъ своего сердца, это было то же самое, какъ если бы я выгналъ свою мать изъ дома и обрекъ ее на нищенство. Но,

неправда ли, вѣдь ты вѣришь, что я могу совмѣстить въ своемъ сердцѣ любовь къ этимъ воспоминаніямъ и любовь къ тебѣ?

Когда я пришелъ къ тебѣ въ послѣдній разъ, то я приходилъ для того, чтобы попроситься съ тобой надолго. Я уѣзжаю во Францію. Такъ или иначе, но я хочу добиться прочнаго положенія и не пожалѣю ни силъ, ни стараній, чтобы создать для себя новую родину и новый домъ, въ которомъ мы могли бы жить съ тобой въ покоѣ и тишинѣ, и гдѣ никто не ставилъ бы намъ на видъ разницу въ нашемъ происхожденіи, въ нашей вѣрѣ и не поселялъ бы между нами раздора. Согласна ли ты подождать до тѣхъ поръ, пока ты не узнаешь о моей смерти или моей удачѣ? Скажи, моя безгранично любимая Тора, согласна ли ты?

Произошла отвратительная сцена во время нашего послѣдняго свиданія. Во мнѣ она оставила только сожалѣніе о томъ, что я погорячился. Тебя я ни въ чемъ не обвиняю, но я думаю, что я долженъ былъ уѣхать, и ты это понимаешь. Постарайся только забыть все тѣ, что произошло, когда я былъ у васъ въ послѣдній разъ. Вѣрь только одному: я знаю, что душа моя погибнетъ, если я потеряю тебя. Когда я думаю о чемъ-нибудь свѣтломъ или о будущемъ счастьѣ, то мысли эти всегда связаны съ тобой, какъ мысли человѣка о свѣтѣ и теплѣ всегда связаны съ солнцемъ.

Прости мнѣ все, въ чемъ я могъ провиниться передъ тобой! Прости и сохрани твою любовь ко мнѣ, моя Тора! О, твое имя было для меня съ дѣтскихъ лѣтъ именемъ Божьихъ заповѣдей, и Самъ Богъ предназначилъ мнѣ любить тебя!

Покажи это письмо твоему отцу и порадуй меня отвѣтомъ! Напиши скорѣе . . . о, какое будетъ счастье получить отъ тебя письмо! Я жду этого съ такимъ же трепетомъ, какъ ждалъ твоего отвѣта на мою любовь!

Когда-то мой отецъ, стоя надъ моей колыбелью, попросилъ Бога взять отъ него все счастье, предназначенное на его долю, и даровать его мнѣ. Теперь я передаю это благословеніе, полученное мною въ наслѣдство отъ отца, тебѣ. Отъ всего сердца я хочу, чтобы все то счастье, которое выпало на мою долю, перешло на тебя. Вѣрь, что эти слова имѣютъ силу, хотя ты и не знаешь этого. Да благословитъ тебя Богъ, моя дорогая!»

Часть третья.

I.

Дилижансъ миновалъ заставу и вѣхалъ въ Парижъ.

Якобъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на улицы и бульвары, онъ видѣлъ гуляющихъ, дѣловыхъ людей, ломовиковъ, милиціонеровъ-гвардейцевъ, но революціонеровъ нигдѣ не было видно. Магазины были открыты, покупатели входили и выходили, взводъ національ-

ной гвардии прошелъ съ барабаномъ и трехцвѣтнымъ флагомъ на карауль, но люди проходили мимо, не обращая на него никакого вниманія.

Послѣ того, какъ Якобъ устроился въ гостиницѣ, онъ вышелъ на улицу, чтобы разыскать, наконецъ, гдѣ-нибудь революцію. Но ее нигдѣ не было видно. Тутъ и тамъ виднѣлись кучки камней, которые употреблялись для баррикадъ, но каменщики были уже за работой и замаскивали взрытыя мѣста на улицахъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ увидѣлъ домъ, поврежденный ядромъ, но и домъ тоже уже исправляли.

Якобъ разыскивалъ французскій народъ, эту великую націю, которая только что на этихъ улицахъ опрокинула тронъ, но онъ видѣлъ только мирныхъ прохожихъ, какъ и въ Копенгагенѣ, они спокойно гуляли. И для этихъ прохожихъ онъ самъ былъ также простымъ прохожимъ. Никто не обращалъ на него вниманія, никто и не подозрѣвалъ, что онъ поставилъ на карту счастье всей своей жизни и поспѣшилъ сюда, чтобы бороться за свое будущее.

Онъ пошелъ въ военное министерство, чтобы записаться въ офицеры или унтеръ-офицеры и поступить въ ряды войскъ, сражающихся въ Алжирѣ, — но въ качествѣ иностранца онъ не имѣлъ права быть даже простымъ солдатомъ!

Разочарованный въ своихъ ожиданіяхъ, онъ все чаще, все мучительнѣе думалъ о Даніи и о тѣхъ, кого онъ тамъ покинулъ. Онъ рассчитывалъ, что скоро можетъ получить письмо оттуда. Вѣдь Леви зналъ, куда онъ уѣхалъ, и навѣрное сообщилъ объ этомъ Вильгельму Фангелю. Письмо, конечно, будетъ адресовано въ датское посольство.

Онъ пошелъ въ посольство, но секретарь сказалъ ему очень вѣжливо, что на его имя нѣтъ никакихъ писемъ. На сердцѣ у Якоба стало еще тяжелѣе.

Ему пришла уже въ голову мысль вернуться въ Данію, но его остановила перспектива оказаться въ роли мальчика, который зарвался и потомъ опомнился... Къ тому, же онъ все-таки ожидалъ письма, а письмо могло придти на другой день послѣ его отъѣзда... Нѣтъ, онъ былъ обреченъ на то, чтобы оставаться въ полномъ одиночествѣ, безъ знакомыхъ, друзей, рекомендацій, лицомъ къ лицу съ самимъ собой, съ своими разбитыми надеждами, своей убійственной тоской и горькими воспоминаніями.

Въ полномъ одиночествѣ бродилъ онъ среди суетящихся людей. Случалось, что по вечерамъ въ своей комнатѣ онъ вдругъ невольно громко заговаривалъ съ самимъ собой, и тогда онъ пугался своего голоса, котораго не слыхалъ ни разу за весь день.

Тяжело было одному въ пустынѣ, но еще тяжелѣе оставаться одинокимъ въ большомъ, населенномъ, грохочущемъ городѣ. Это

то же самое, что стоять голодному передъ столомъ, заставленнымъ яствами, и смотрѣть, какъ другіе ѣдятъ и веселятся...

Однажды Якобъ шелъ по улицѣ Монторгейль, гдѣ незадолго передъ тѣмъ, генералы Карла X принуждены были сложить оружіе подъ градомъ пуль и булыжниковъ, которыми ихъ осыпали мужчины, женщины и дѣти, и гдѣ камни съ баррикадъ не были еще убраны и лежали кучами. Якобъ обратилъ вниманіе на шумъ, доносившійся съ того мѣста, гдѣ улица круто поднималась вверхъ и пересѣкалась двумя другими улицами. Мысль, что, быть можетъ, снова вспыхнула революція, пробудила въ немъ живой интересъ, и онъ быстро пошелъ по направленію къ группѣ, собравшейся у перекрестка. Онъ увидалъ перевернутую карету, на землѣ валялся кучеръ, котораго блузники яростно осыпали ударами. Сосѣдъ Якоба рассказалъ ему, что произошло. Когда на улицѣ появилась карета съ кучеромъ, разукрашеннымъ галунами, то кучка блузниковъ стала насмѣхаться надъ аристократами, развѣзжающими въ каретахъ, и рабочіе заставили кучера направить экипажъ на остатки баррикадъ и проѣхать по нимъ. Кучеръ обругалъ блузниковъ канальями, и этого было достаточно для того, чтобы его стащили съ козелъ. Испуганныя лошади дернули въ сторону, и карета опрокинулась.

Якобу показалось, что онъ слышитъ заглушенные крики изъ кареты. Онъ подбѣжалъ къ ней и съ трудомъ растворилъ дверцы. Тамъ онъ увидалъ двухъ дамъ въ самомъ плачевномъ состояннн, лежащихъ другъ на другѣ и тщетно старающихся какъ-нибудь подняться. Возмущенный Якобъ крикнулъ блузникамъ:

— Неужели вы хотите издѣваться надъ беззащитными женщинами!

Одной изъ прекрасныхъ чертъ французскаго народа является его врожденное рыцарство. Эту черту часто проявляютъ французы самыхъ низшихъ слоевъ. Блузники тотчасъ же бросились къ каретѣ и поставили ее на колеса. Кучеру они дали на прощанье еще одинъ пинокъ, а затѣмъ позволили ему взобраться на козлы. Передъ дамами, сидѣвшими въ каретѣ, они разсыпались въ извиненіяхъ, но тѣ не могли придти въ себя отъ испуга и не успокоились до тѣхъ поръ, пока Якобъ не согласился проводить ихъ до дома.

Когда карета тронулась въ путь, дамы нѣсколько успокоились и младшая изъ нихъ стала изливаться въ благодарностяхъ ихъ спасителю. Съ болтливостью истой парижанки она не давала Якобу вставить ни одного слова.

— Вы спасли насъ, Богъ знаетъ, отъ какого несчастья! Вы явились къ намъ, какъ ангелъ съ небесъ!... Что за ужасные люди! Вы обратили вниманіе на одного изъ нихъ? Что за глаза у него!... Но борода у него была красивая, если бы только она не была такая всклокоченная... Какое счастье, что вы выручили

насъ изъ опасности!... Но во всемъ виновать баронъ Декампъ!... Онъ ужъ слишкомъ заботится обо мнѣ! Онъ не хочетъ, чтобы я въ это беспокойное время ходила пѣшкомъ въ театръ и изъ театра... Я, видите ли, актриса, на первыхъ роляхъ въ театрѣ Водевиль... А этотъ милый баронъ настоящий старый дуракъ!... Онъ ухаживаетъ за мной... Онъ прислалъ мнѣ свою карету, и я воспользовалась ей... *voilà tout!*

Сказавъ это, она метнула на Якоба взглядомъ своихъ черныхъ глазъ.

— Леони! — проговорила съ упрекомъ пожилая дама.

— Что же тутъ такого? — воскликнула Леони. — Это мое искреннее мнѣніе, и я не разъ говорила барону Декампу въ глаза, что онъ старый дуракъ. Нѣтъ, вы представьте себѣ, *monsieur*, ему уже за пятьдесятъ лѣтъ, а онъ носить парикъ!... Но это еще не такъ важно... А вотъ за то, что онъ вздумалъ дать мнѣ свою карету, я на него сердита... Этого я ему никогда не прощу... Вотъ здѣсь я живу, *monsieur*, улица Пуассоньеръ 3... Моя фамилія Куртуа... *Demoiselle* Куртуа... Прошу васъ посѣтить меня... Завтра же днемъ... я этого требую... До свиданія, мой рыцарь!

II.

О какое наслаждение такъ нестись! Посмотри, какъ мелькають мимо насъ дома!... А вонъ несчастныя лошади, впряженныя въ омнибусъ, стараются изо всѣхъ силъ перегнать насъ! А *demain*, милыя лошадки!... Берегись... осторожнѣе... Слава Богу, прошло благополучно!... Ты великолѣпно правишь!

— Эй, пошевеливайся, французская лошадь! Вотъ такъ! Несись хоть подъ самыя небеса! Скорѣй! Скорѣй!

— Эй, — крикнула Леони, громко смѣясь и хватая Якоба за руку. — Но куда мы, собственно, ѣдемъ? — спросила она, когда они попали въ вереницу другихъ экипажей и должны были поѣхать нѣсколько тише.

— Право не знаю! По мнѣ, хоть на край свѣта! Если бы у лошадей были крылья, то мы могли бы подняться къ небесамъ, къ солнцу, какъ Фаэтонъ... Ты знаешь легенду о Фаэтонѣ, который упалъ на землю?

— Ахъ, и ты слышала о томъ, какъ погибъ этотъ прекрасный фаэтонъ? Да, ты себѣ представить не можешь, какъ мнѣ его жалко! Они ворвались къ графу во дворъ, выгнали фаэтонъ изъ сарая и взгромоздили его на баррикаду. Ну, въ него попали ядро и расщепило его на тысячу кусочковъ... Ай!...

— Что случилось?

— Ты замѣтилъ маленькаго господина въ свѣтломъ пальто? Это *monsieur* Артуръ, тотъ, который сочиняетъ музыку для моихъ

испанскихъ Болеро... Ну, смотри, какъ бы онъ не вызвалъ тебя на дуэль за то, что ты катаешься со мной!

— А развѣ съ нимъ ты никогда не катаешься?

— Да вѣдь онъ шепелявить! А кромѣ того, онъ курить... И онъ ухаживаетъ за Полиной... А, теперь я знаю, куда мы поѣдемъ! Въ Сень-Жермень! Тамъ сегодня Полина со своимъ любовникомъ!... Бѣдняжка, она стала такой серьезной съ тѣхъ поръ, какъ познакомилась съ нимъ. Они восхищаются природой и искусствами, и, мнѣ кажется, что они были даже въ церкви. Но, разумѣется, она вознаграждаетъ себя, когда его нѣтъ возлѣ нея... Я представлю тебя ему... Ахъ, да, какъ тебя зовутъ?

— Бендиксень.

— Бен... Бенниг... у тебя развѣ нѣтъ другого имени?... Знаешь, что, вѣдь, въ сущности, мы ужасно быстро познакомились. Я видѣла тебя только одинъ разъ... и уже... Молчи, молчи! Я знаю, что ты хочешь сказать... Ахъ, какая божественная мысль мнѣ пришла въ голову!... Я сдѣлаю изъ тебя князя!... Полина ужасно важничаетъ, потому что ея любовникъ сынъ директора театра. Ну, а я удивлю, поражу, убью ихъ княземъ!

— Вотъ этотъ замокъ и есть Сень-Жермень?

— Да. Вонъ посмотри на тотъ маленькій павильонъ, — онъ выстроенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ подъ открытымъ небомъ родился Людовикъ XIV. Да, да, въ сущности, всѣ мы люди, всѣ — и короли, и простые смертные... А вонъ и Полина со своимъ возлюбленнымъ... Стой! Здѣсь мы сойдемъ.

Онъ вышелъ изъ экипажа первый, чтобы помочь ей. Она встала и протягивала то одну ногу, то другую, точно боялась упасть. Онъ устремилъ на нее страстный взглядъ: — Прыгай ко мнѣ въ объятія!

— Ну, въ такомъ случаѣ, берегись!... Гопъ!... Ай, ты задушишь меня! — крикнула она и укусила его въ щеку.

Къ нимъ приближалась другая пара. Леони приняла серьезный и торжественный видъ и сказала:

— Князь, позвольте мнѣ представить васъ моей подругѣ, мадемуазель Полинѣ, и ея кузену, господину Альберту. Мадемуазель, господинъ Альбертъ — его свѣтлость князь Бен... простите, князь, мой языкъ опять отказывается выговорить ваше имя.

— Бендиксень.

— Князь де-Бен-дик-сеннъ... Нѣтъ, что за варварскія имена у этихъ русскихъ князей!... Онъ несмѣтно богатъ, — шепнула она Полинѣ, на лицѣ которой, какъ и на лицѣ господина Альберта, было написано глубокое почтеніе.

— Князь, — обратилась Леони къ Якобу, — разрѣшите спросить, что вы предпочитаете — драгунскую лошадь или мула?... Вы, конечно, знаете, князь, что мы, молодья парижанки, всегда катаемся верхомъ по парку.

— Это какъ вамъ угодно, мадемуазель!

Они пошли къ павильону, у котораго отдавали внаймы лошадей и муловъ. Увидя, что Леони и Якобъ сѣли на муловъ, Полина сказала Альберту:

— Послушай, разъ князь де-Бенедить... или какъ его тамъ... разъ онъ снисходитъ до того, что ѣздитъ верхомъ на мулѣ, то и ты можешь послѣдовать его примѣру.

— Я не умѣю ѣздить верхомъ, — отвѣтилъ Альбертъ недовольнымъ тономъ.

— Неужели же ты хочешь пропустить удобный случай поближе познакомиться съ такой важной особой?

— Я не честолюбивъ.

— Ну, а я честолюбива! — воскликнула Полина со слезами на глазахъ. — Довольно! Больше я не хочу плясать подъ твою дудку! Сегодня ты поѣдешь верхомъ, или между нами все кончено!

— Полина, я не узнаю тебя! Неужели это моя тихая, благоразумная Полина?..

— Я вовсе не благоразумная! Я вовсе не тихая! Я хочу кататься на мулѣ! Будешь ты кататься или нѣтъ?

— Двухъ муловъ! — приказалъ сторожу господинъ Альбертъ, тяжело вздохнувъ.

Между тѣмъ Леони и Якобъ успѣли уже ускакать далеко въ паркъ. Они разогнали муловъ и тѣ неслись въ карьеръ. Вскорѣ Леони выронила носовой платокъ, потомъ легкій шарфъ, потомъ у нея съ головы свалилась шляпа. Тутъ она начала кричать:

— Останови мула, останови!.. О, никогда больше я не буду ѣздить верхомъ!.. Спаси меня!.. О... Я погибаю!..

Леони упала съ мула и покатилась по травѣ. Испуганный Якобъ на всемъ скаку остановилъ своего мула, спрыгнулъ съ сѣдла и бросился къ Леони. Она спокойно сидѣла въ травѣ и встрѣтила его заразительнымъ хохотомъ.

— Правда, я ловко спрыгнула?.. Такъ я всегда дѣлаю, когда мнѣ надоѣстъ ѣзда, — сказала она.

Подоспѣла къ мѣсту катастрофы и Полина со своимъ кузеномъ. Господинъ Альбертъ спрыгнулъ съ сѣдла и началъ озабоченно спрашивать Леони, не ушиблась ли она. Вмѣсто отвѣта Леони взяла подъ руки обоихъ кавалеровъ, мулы были предоставлены самимъ себѣ, а Полина верхомъ предводительствовала отступающимъ отрядомъ.

Когда всѣ благополучно усѣлись въ экипажи, Леони заявила:

— Теперь поѣдемте обратно въ Парижъ и будемъ ужинать у Филиппа. Ни у кого нѣтъ такой великолѣпной нормандской камбалы. Къ этому мы возьмемъ красный «Эрмитажъ» въ 6 франковъ бутылка — онъ густой, какъ масло. А послѣ ужина мы проводимъ Полину и ея кузена домой, а ты... вы, князь, будете такъ любезны и проводите меня домой.

III.

Мнѣ кажется, что баронъ Декампъ не очень-то долюбиваетъ меня.

Эти слова были сказаны въ маленькомъ элегантномъ будуарѣ. Все въ этой комнатѣ было миниатюрное, элегантное и изящное, точно нарочно предназначенное для изящной женщины. Повсюду стояли драгоценныя бездѣлушки и произведения искусства.

Леони сидѣла у окна и рассматривала только что принесенное новое платье. Якобъ сидѣлъ невдалекѣ и перелистывалъ альбомъ съ гравюрами.

При его словахъ Леони быстро подняла голову и воскликнула со смѣхомъ:

— Ахъ, онъ очарователенъ! И какую ты невинность изъ себя строишь! Да вѣдь баронъ Декампъ влюбленъ въ меня и ухаживаетъ за мной, милый мой! Ну, а тебѣ отдаютъ предпочтене — такъ какъ же ему не быть кислымъ?

— Право, мнѣ очень жаль бѣднаго барона. Я очень бы желала, чтобы онъ былъ лѣтъ на двадцать моложе, — сказала Якобъ.

Леони снова расхохоталась.

— Ахъ, какъ онъ мило насмѣхается надъ бѣднымъ барономъ... Ты великолѣпенъ! Тебѣ слѣдовало бы быть актеромъ.

— Но я говорю совершенно серьезно, — сказала Якобъ, вставая съ кресла.

Съ лица Леони вдругъ исчезла улыбка, съ минуту она пылливо смотрѣла на Якоба, а потомъ проговорила нѣжно, почти умоляюще:

— Но вѣдь я еще не надоѣла тебѣ?... А впрочемъ, за послѣдніе дни ты былъ такой мрачный и задумчивый, я ни разу не видала на твоемъ лицѣ улыбки, которой ты въ первые дни такъ щедро награждалъ меня за мою любовь... Что я сдѣлала? Ты не любишь меня больше?

— Леони, я никогда не любилъ тебя, — отвѣтилъ Якобъ.

При этихъ словахъ Леони снова оживилась, весело хлопнула въ ладоши и воскликнула:

— О, да онъ просто кокетничаетъ, мой милый, очаровательный любовникъ! Онъ оригинальничаетъ! Другіе увѣряютъ бѣдную молодую дѣвушку, что будутъ любить ее вѣчно, а онъ говоритъ, что никогда не любилъ ее... О, это божественно!

— Леони, — продолжалъ Якобъ, — постарайся хоть разъ найти въ своей душѣ струну, которая звучала бы болѣе глубокими тонами. Я не обманывалъ тебя и все-таки я никогда не любилъ тебя. Мое сердце принадлежитъ всецѣло одной... одной дѣвушкѣ на сѣверѣ, и въ немъ никогда уже не найдется мѣста для другой женщины. Несчастныя обстоятельства разлучили насъ, и я ушелъ

отъ нея, теперь я одинокъ и покинутъ. Къ тебѣ я пришелъ измученный до смерти, въ твоихъ объятяхъ я искалъ забвенія, старался утопить послѣднее воспоминаніе о той, которую я люблю. Но воспоминанія стали лишь сильнѣе послѣ нѣсколькихъ дней сна, такъ какъ мнѣ удалось только усыпить ихъ, и теперь они осилили меня, а съ ними пришло и раскаянье... о, я кажусь самому себѣ преступникомъ!

— Бѣдный мальчикъ! — сказала Леони съ насмѣшкой. — Я соблазнила тебя, а потому я протяну тебѣ руку передъ алтаремъ, чтобы возстановить твою честь.

— Я такъ и думалъ, что ты не поймешь меня, — замѣтилъ Якобъ.

Она воскликнула гнѣвно:

— Ты обманулъ меня! Неправда и то, что ты недавно въ Парижѣ. Ты даже притворялся, что плохо говоришь по-французски, но теперь, когда ты забылся, оказалось, что ты говоришь, какъ французъ.

— Чувство, исходящее изъ глубины души, — отвѣтилъ Якобъ, — легко находить подходящія слова. Чувства дѣлаютъ краснорѣчивымъ самага простаго человѣка.

Леони молчала.

— Когда я былъ одинокъ въ этомъ большомъ городѣ, — продолжалъ онъ, — ты гостеприимно раскрыла предо мной двери твоего дома. Когда ни одному человѣку не было никакого дѣла до меня, ты приняла меня въ свои объятія, и я отдохнулъ на твоей груди. Ты не спрашивала меня ни о родинѣ, ни о происхожденіи, ни о вѣрѣ... И хотя я не могу любить тебя, я всегда буду благодаренъ тебѣ.

Леони подошла къ нему, она внимательно всматривалась въ него, словно начала понимать его. Наконецъ, она сказала:

— Ты страдаешь, мой бѣдный другъ? Люди были жестоки съ тобой! Только я была милосердна и пригрѣла страдающаго.

— Да, я страдаю, — сказалъ онъ, проводя рукой по лбу.

— Останься у меня, — крикнула она. — Забудь тѣхъ, кто оттолкнулъ тебя! Останься у меня... я буду принадлежать только тебѣ... я не буду больше принимать никакихъ подарковъ отъ барона Декампа... я брошу театръ, я буду работать для тебя, ухаживать за тобой, ласкать тебя... Останься у меня!

— Если бы ты только могла понять, какъ безгранично благодаренъ я тебѣ. Но это невозможно, я долженъ уйти отъ тебя! Лучше я буду опять бродить одинокій по этимъ улицамъ, чѣмъ...

Леони истощила весь запасъ своего краснорѣчія. Она прошла черезъ цѣлую гамму волненій. Она сѣла и заплакала.

Якобъ подошелъ къ ней и проговорилъ тихо:

— Я все сказалъ, я ухожу. Прощай, Леони! Смотри на меня, какъ на гостя, котораго ты приняла и которому ты подарила го-

раздо больше, чѣмъ обыкновенно даютъ гостю — свою любовь. Я уйду... Придетъ другой гость, которому ты окажешь милосердіе...

Онъ сказалъ это отъ чистаго сердца и не замѣтилъ, сколько злой насмѣшки было въ этихъ словахъ.

— Кто? — спросила она, поднимая мокрое отъ слезъ лицо и глядя на него. — Ужъ не старый ли, толстый баронъ Декампъ? Я не хочу и слышать о немъ!... Я ненавижу его!... О, останься у меня! — воскликнула она, и видя, что онъ собирается уйти, она бросилась къ нему и обвилась вокругъ его шеи руками.

Онъ нѣжно высвободился изъ ея объятій, позвалъ горничную и вышелъ.

Углубленный въ свои мысли и удрученный, онъ машинально шагалъ по улицамъ. Тоска и печаль, словно старые знакомые, снова овладѣли имъ и поселились въ его сердцѣ, какъ въ старомъ насиженномъ мѣстѣ. Съ каждымъ шагомъ въ немъ воскресали новыя и новыя воспоминанія. И, хотя они причиняли ему боль, онъ принималъ ихъ съ любовью, словно хотѣлъ загладить свое временное легкомысліе.

Онъ не сознавалъ, куда направляется, пока не очутился у Пале-Рояля. Онъ вошелъ въ садъ, гдѣ играли дѣти и гуляли пожилые люди, радуясь солнцу.

Вдругъ онъ натолкнулся на господина, и когда онъ, пробудясь отъ своихъ мыслей, извинился передъ нимъ, то увидалъ, что это баронъ Декампъ въ обществѣ другого пожилого господина. Съ минуту онъ стоялъ передъ барономъ, Леони казалось ему уже далекимъ воспоминаніемъ, и баронъ напомнилъ ему о ней.

— Пожалуйста! — воскликнулъ баронъ, сердито дернувъ ногой. Онъ хотѣлъ уже, было, продолжать свой путь, но когда замѣтилъ разстроенное лицо Якоба, въ немъ проснулась приятная надежда. Онъ остановился и сказалъ:

— Но что съ вами? У васъ такой видъ, будто вамъ измѣнила ваша любовница.

— Да, но это не такъ, — отвѣтилъ Якобъ, пытаясь улыбнуться.

— Такъ вамъ не нравится Парижъ?

— Ахъ, Парижъ!.. Я былъ бы счастливъ уѣхать отсюда!

— Вы хотите отправиться путешествовать? — спросилъ баронъ оживляясь.

— Я очень хотѣлъ бы уѣхать куда-нибудь подальше, если бы только это было возможно.

— Не могу ли я быть вамъ полезенъ?

— И очень даже, баронъ, — воскликнулъ Якобъ, у котораго внезапно блеснула одна мысль. — Вы влиятельный человѣкъ, баронъ, вы депутатъ, устройте меня офицеромъ въ Алжиръ...

— Когда вы хотите уѣхать? — спросилъ баронъ.

— Черезъ часъ послѣ того, какъ получу назначеніе.

— Вы получите его черезъ двадцать четыре часа. Вотъ вамъ моя рука въ этомъ!.. Но теперь вы должны пообѣдать со мной и моимъ другомъ... Графъ Планхоль — господинъ Бендиксенъ... Прошу, пойдѣмъ къ Вефуру.

Съ этими словами онъ взялъ подъ руку Якоба и, весь сияя, вошелъ съ нимъ въ ресторанъ.

IV.

На Средиземномъ морѣ бушевала буря. Фрегатъ швыряло въ волнахъ, словно мячъ. Кто повѣрилъ бы, что здѣсь могло быть такъ холодно, на этомъ морѣ, обрамленномъ финиковыми пальмами, тропическими растеніями и апельсиновыми рощами.

Подъ утро, на двѣнадцатый день послѣ выхода изъ французскаго порта, фрегатъ бросилъ якорь на алжирскомъ рейдѣ. Нѣкоторые изъ пассажировъ разбуженные матросами, работавшими у вѣрота, вышли на палубу.

Въ сѣромъ разсвѣтѣ берегъ казался гигантскимъ бѣлымъ призракомъ, поднявшимся со дна темно-синяго моря. Направо отъ корабля сильно выдвигалась въ море высокая скала, на ея вершинѣ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга горѣли два фонаря на высокихъ мачтахъ. Между ними яркимъ пятномъ на темномъ небѣ выдѣлялась кроваво-красная луна. Казалось, будто она подвѣшена на невидимой нити между мачтами, и будто такъ именно и должно быть въ Африкѣ, этой сказочной странѣ. Время отъ времени съ берега доносились порывы вѣтра, то рѣзкаго и холоднаго, то нѣжнаго и ласкающаго, несущаго ароматы невѣдомыхъ деревьевъ и цвѣтовъ.

Когда совсѣмъ разсвѣло, гавань оживилась, и фрегатъ на буксирѣ былъ подведенъ къ берегу. Солнце ярко освѣщало своими багровыми лучами бѣлый городъ, террасами спускавшійся съ горъ къ берегу, развалины крѣпости и отдаленныя горныя вершины. На берегу суетилась пестрая толпа, мужчины въ бѣлыхъ тюрбанахъ, или красныхъ фескахъ, евреи въ черныхъ таларахъ, съ длинными всклокоченными бородами и болтливые французы. Тутъ же въ сторонѣ сидѣлъ на своемъ коврикѣ одинокій турокъ, покуривалъ трубку и безучастно смотрѣлъ на новоприбывшій корабль.

— Ну, вотъ я и въ Алжирѣ, — сказалъ Якобъ, сходя на берегъ. — Теперь это моя родина!

* * *

Якобъ ожидалъ, что какъ только онъ очутится въ Африкѣ, онъ сейчасъ же пойдетъ навстрѣчу врагу и сразится съ нимъ. А между тѣмъ оказалось, что его прикомандировали къ гарнизону.

Маленькая случайность, черта, равнодушно проведенная секретаремъ военнаго министра — и онъ очутился въ полку, расположенномъ въ городѣ. Когда Якобъ убѣдился въ этой новой неудачѣ, онъ палъ духомъ, точно счастье окончательно повернулось къ нему спиной.

Французскіе офицеры смотрѣли на него недоброжелательно, какъ на чужого, который попалъ къ нимъ, благодаря протекции. Они хотѣли сперва видѣть доказательства его храбрости и благородства, прежде чѣмъ приблизиться къ нему. Единственный офицеръ въ полку, встрѣтившій его дружелюбно, былъ полякъ, по имени Юсинскій. Это былъ молодой человѣкъ съ блѣднымъ, печальнымъ лицомъ, но статный и сильный, лучший наѣздникъ въ полку. Онъ часто бывалъ съ Якобомъ, и любилъ разговаривать съ нимъ о Польшѣ.

— Мы, поляки, служимъ Франціи безкорыстно во всѣхъ ея войнахъ, — сказалъ онъ однажды. — Мы точно маленькіе савояры, которые идутъ въ Парижъ и тамъ отдаются въ рабство, чтобы поддерживать своихъ бѣдныхъ родителей. Но мы не можемъ даже отправить въ нашу отчизну плодовъ нашего рабства. Когда смерть поражаетъ насъ на полѣ битвы, мы только бросаемъ на Францію умоляющій взглядъ, прося не забывать Польшу.

Въ другой разъ онъ сказалъ:

— Вы рѣдко увидите, чтобы полякъ былъ веселъ. Непрестанныя національныя страданія начинаются у насъ еще во чревѣ матери. Они налагаютъ печать на нашу душу, которая уже никогда не можетъ больше оправиться... О, вы не знаете, что значитъ не имѣть отечества! Черезъ сто лѣтъ, быть можетъ, мы, поляки, уподобимся евреямъ, разсѣянными по всему свѣту и живущимъ мечтой о святой землѣ, въ которую ихъ долженъ когда-нибудь привести обратно Мессія.

Якобъ ничего не отвѣтилъ на это, и Юсинскій заговорилъ о жизни въ Алжирѣ и объ убійственно-скучной гарнизонной службѣ.

— Да, меня также не удовлетворяетъ эта жизнь, — сказалъ Якобъ. — Я направлялся сюда съ горячей жаждой дѣятельности. Мнѣ такъ хотѣлось окунуться въ боевую жизнь, полную сильныхъ впечатлѣній, а между тѣмъ меня обрекли на сонливое существованіе, о какомъ я до сихъ поръ и понятія не имѣлъ. Когда я свободенъ отъ службы, я сплю, чтобы не думать, и чѣмъ больше я сплю, тѣмъ больше мнѣ хочется спать.

— Если бы можно было отправиться на охоту въ горы! — воскликнулъ Юсинскій. — Здѣсь великолѣпная охота, но рискуешь, вмѣсто того, чтобы принести какую-нибудь дичину въ своемъ ягдташѣ, остаться самому безъ головы, которую унесетъ бедуинъ въ своемъ мѣшкѣ. Стоитъ ли такую страну завоевывать!

Однажды ночью въ городѣ поднялась тревога. Гарнизонъ бросился къ постамъ. Люди и скотъ вперемежку вбѣгали въ во-

рота крѣпости, спѣша укрыться. Арабы сдѣлали набѣгъ на равнину, грабя, убивая и распространяя панику до самыхъ стѣнъ города.

Небольшой отрядъ вышелъ изъ города, чтобы проучить врага. Но врагъ исчезъ такъ же быстро, какъ и появился, оставляя позади себя дымящіяся развалины и обезглавленные трупы, указывавшіе путь, по которому онъ прошелъ. Французскій отрядъ шель форсированнымъ маршемъ, нагоняя врага.

Съ горъ спустились дикіе кабилы на помощь своимъ единовѣрцамъ, а пустыня послала бедуиновъ въ бѣлыхъ развѣвующихся бурнусахъ. Ободренный этой помощью, врагъ сдѣлалъ попытку сопротивляться, и весь день происходили небольшія стычки между передовыми отрядами французовъ и отдѣльными кучками бедуиновъ. На слѣдующій день предстояла настоящая битва.

Во французскомъ лагерѣ все было въ движеніи. Всѣхъ охватило нервное возбужденіе отъ сознанія близости врага и ожиданія предстоящаго сраженія. Солдаты сидѣли или лежали вокругъ большихъ костровъ, которые были разведены для защиты отъ рѣзкаго ночного вѣтра, дувшаго съ Атласа. Нѣкоторые пили и веселились, другіе тихо разговаривали съ товарищами о прекрасной Франціи и близкихъ, оставленныхъ на родинѣ. Нѣкоторые, въ особенности, молодые солдаты, громко и возбужденно болтали о всякой всячинѣ; они были въ лихорадочномъ напряженіи, какое охватываетъ игроковъ передъ развязкой. Старые солдаты, не разъ уже побывавше въ огнѣ, говорили о непріятелѣ и его боевыхъ приемахъ и давали молодымъ товарищамъ полезныя совѣты.

Офицеры ходили по лагерю, весело и оживленно разговаривая, словно они гуляли по парижскимъ бульварамъ, будто война касалась не ихъ, а только простыхъ солдатъ. Но солдаты хорошо знали, что на слѣдующій день ихъ офицеры пойдутъ первые противъ врага.

Мало-по-малу все затихло, солдаты завернулись въ свои сѣрня шинели и растянулись на землѣ у потухающихъ костровъ. Въ лагерѣ раздавались только окрики часовыхъ съ наружныхъ постовъ, да изрѣдка доносился вой шакаловъ. Время отъ времени воздухъ прорѣзали заглушенные дикіе крики бедуиновъ, напоминашіе о томъ, что врагъ бодрствуетъ.

— Вы бывали раньше въ огнѣ? — спросилъ Юсинскій, зайдя въ палатку Якоба.

— Нѣтъ. Я вотъ сейчасъ какъ разъ думалъ о томъ, что, какъ это ни странно, я никогда не слыхалъ настоящей канонады, а между тѣмъ, мнѣ кажется, что для меня это нѣчто знакомое... Какъ бы то ни было, но я надѣюсь, что не проявлю малодушія. Вѣдь я съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ этого мгновения.

Въ палатку вошелъ денщикъ:

— Генераль получилъ депеши, — сказалъ онъ, — а также мѣшокъ съ почтой. Вотъ письмо господину лейтенанту.

— По всей вѣроятности это письмо отъ какой-нибудь красавицы изъ Парижа,—замѣтилъ съ лукавой улыбкой Юсинскій.—Я оставляю васъ.

Письмо было запечатано черной печатью и носило слѣды безконечныхъ странствій. Письмо было отъ Бенямина, приказчика отца. Послѣ безконечнаго вступленія онъ сообщалъ о смерти отца. Затѣмъ слѣдовалъ подробный отчетъ о дѣлахъ и о томъ, куда помѣщенъ капиталъ.

Смерть близкаго человѣка всегда вызываетъ укору совѣсти. Передъ Якобомъ вдругъ ярко встало все то горе, которое онъ причинилъ отцу, всѣ воспоминанія дѣтства воскресли и развернулись передъ нимъ, какъ живыя, и выступила картина его молодой, но неудачной жизни. Мысленно онъ перенесся къ смертному ложу отца, вспомнилъ мать... Онъ увидаль ея образъ, блѣдный и кроткій. Онъ представилъ себѣ отца, умирающаго одиноко, безъ близкихъ! Онъ, навѣрное, съ тоской искалъ потухающимъ взоромъ своего единственнаго сына и, быть можетъ, его послѣднюю мыслью была мучительная увѣренность въ томъ, что этотъ сынъ не прочтетъ даже кадиша, когда онъ будетъ лежать въ могилѣ.

— Нѣтъ, я прочту за него кадишъ, — воскликнулъ Якобъ, давая волю слезамъ. — Пусть всѣ слышатъ, что я еврей. Да, я еврей...

И онъ началъ, тремко и горячо читать заупокойную молитву: «Исгадалъ веискадойшъ шмей рабо»*.

— Я прочту за тебя еще разъ кадишъ, отецъ, — сказала онъ, окончивъ молитву. И онъ снова такъ же горячо произнесъ еврейскую молитву, прося Бога благословить умершаго.

Однако, молитва не облегчила сердца Якоба, какъ и слезы. Невозможно было помолиться заразъ обо всемъ, а оплакивать приходилось всю жизнь. И впереди не было ни одной свѣтлой точки, на которой можно было бы построить надежды. Въ эту минуту ему казалось, что, если бы даже христіанская дѣвушка и осталась ему вѣрна, то его любовь все-таки не принесла бы ему счастья, потому что она преступна.

Такъ провелъ онъ ночь. Утро застало его измученнымъ нравственно и физически, кровь лихорадочно переливалась въ его жилахъ.

Раздался барабанный бой, и все въ лагерьъ пришло въ движеніе. Якобъ машинально сѣлъ на лошадь, подведенную денщикомъ къ его палаткѣ. Онъ равнодушно смотрѣлъ на синѣвшія вдали вершины горъ, освѣщенныя утренними лучами, и безъ страха, но также и безъ воинственнаго вдохновенія, прислушивался къ дикимъ крикамъ и сигналамъ враговъ.

* Да будетъ благословенно имя Господне.

Полкъ двинулся на обширную равнину, вдали показались ряды бедуиновъ, которые подъ прикрытіемъ траншей и кустарника намѣревались остановить французскую конницу ружейными залпами. Все больше и больше головъ поднималось изъ траншей. Наконецъ на равнинѣ замелькали бедуины. Ихъ бѣлые бурнусы особенно рѣзко выдѣлялись вокругъ темныхъ лицъ и черныхъ бородъ. Вотъ первые ряды бедуиновъ двинулись въ наступленіе. Якобъ остановилъ свою лошадь, пораженный однимъ воспоминаніемъ: вотъ такъ же стояли евреи въ синагогѣ въ судный день, одѣтые во все бѣлое, въ такихъ же бѣлыхъ балахонахъ ихъ хоронягъ. Ему показалось, что среди этихъ бѣлыхъ фигуръ находился его отецъ въ бѣломъ саванѣ и всѣ святые евреи, возставшіе изъ могилъ... Раздался сигналъ къ наступленію. Съ Якобомъ случилось что-то странное: если бы даже дѣло шло о спасеніи его души, онъ не могъ бы заставить себя стрѣлять въ эти бѣлыя фигуры. Вокругъ него раздавался барабанный бой, щелкали ружья и пистолеты, его солдаты справа и слѣва пронеслись мимо него впередъ и смѣшались въ общей кучѣ сражающихся. Онъ стоялъ неподвижно.

Наконецъ, онъ какъ бы пришелъ въ сознаніе и съ ужасомъ подумалъ о томъ, что скажутъ его товарищи о его поведеніи. Онъ изо всѣхъ силъ прищипорилъ лошадь и понесся впередъ, не думая ни о смерти, ни объ умирающихъ, не видя ни друзей, ни враговъ, нагоняя свой полкъ. Но слабый непріятель былъ уже обращенъ въ бѣгство и бесполезное преслѣдованіе его было прекращено.

Якобъ не могъ не замѣтить, что глубоко палъ во мнѣніи товарищей. До сихъ поръ ему оказывали настолько уваженія, насколько слѣдуетъ оказывать офицеру. Теперь же ему открыто показывали презрѣніе. Правда, въ словахъ оно не проявлялось, но онъ такъ привыкъ въ глазахъ людей читать молчаливое презрѣніе, что не могъ ошибиться.

Вечеромъ, когда отрядъ снова расположился лагеремъ, Якобъ ходилъ взадъ и впередъ невдалекѣ отъ палатокъ, гдѣ не было ни души. Онъ былъ подавленъ, чувствовалъ себя обезчещеннымъ въ глазахъ людей, хотя передъ своей совѣстью онъ былъ чистъ. Тщетно старался онъ найти какое-нибудь средство оправдаться въ глазахъ другихъ. Не найдя никакого выхода, онъ пришелъ въ отчаяніе и разсердился на самого себя и на весь свѣтъ.

«Какъ хорошо, что они не знаютъ, что я еврей! — подумалъ онъ: — иначе говорили бы: «еврей Бендиксенъ трусь». Теперь я могу утѣшаться хоть тѣмъ, что про меня просто говорятъ: «лейтенантъ Бендиксенъ трусь».

Навстрѣчу ему попался французскій офицеръ, но онъ прошелъ мимо, какъ бы не замѣтивъ Якоба. Кровь бросилась Якобу въ голову, и все его озлобленіе сосредоточилось на одномъ этомъ человѣкѣ.

— Вы какъ будто не замѣчаете меня, господинъ де-Терри? — крикнулъ Якобъ.

Офицеръ остановился, обернулся и отвѣтилъ съ видомъ величайшаго изумленія:

— А, господинъ Беннигсенъ! Вы совершенно правы — я не замѣтилъ васъ. Право, можно подумать, что вы обладаете способностью дѣлаться невидимымъ.

— Какъ я долженъ понять это? — спросилъ Якобъ дрожащими губами.

— Такъ, какъ вамъ это будетъ угодно, — отвѣтилъ офицеръ съ самой вѣжливой улыбкой.

— Въ такомъ случаѣ разрѣшите тотчасъ же послать къ вамъ одного изъ моихъ друзей.

— Господинъ Беннигсенъ! Я весь къ вашимъ услугамъ!

Якобъ разыскалъ польскаго офицера. Тотъ вначалѣ какъ будто хотѣлъ избѣгнуть бесѣды съ нимъ. Но когда онъ узналъ, что рѣчь идетъ о дуэли, лицо его прояснѣло и онъ выразилъ полную готовность быть секундантомъ Якоба.

Въ назначенный день оба противника стояли другъ противъ друга. Надо было спѣшить, не было разговоровъ ни объ извиненіи, ни о примиреніи. Секунданты роздали пистолеты, по знаку поляка оба должны были стрѣлять.

Сигналь былъ данъ. Пуля де-Терри просвистѣла у самой головы Якоба. Выстрѣлъ Якоба поразилъ противника въ сердце. Тотъ нелѣпо раза два перевернулся и упалъ на землю.

Вечеромъ Якобъ ждалъ у себя въ палаткѣ неизбѣжныхъ послѣдствій дуэли. Его охватила тупая покорность, его точно подхватило сильнымъ потокомъ, противъ котораго бессмысленно было бы бороться.

Въ палатку быстро вошелъ Юсинскій.

— Хорошая новость! — крикнулъ онъ. — Патруль нашелъ бѣднягу де-Терри, но безъ головы. Какой-то кабилъ заслужилъ пастръ, благодаря вашему выстрѣлу. Въ лагерь всѣ увѣрены, что де-Терри зашелъ слишкомъ далеко и палъ отъ руки врага. Мы избѣгли военного суда.

V.

Вы ведете жизнь настоящаго отшельника, — сказала Юсинскій, пріѣхавъ однажды къ Якобу на маленькій передовой постъ, которымъ тотъ командовалъ.

Якобъ отвѣтилъ ему только улыбкой.

— Я хорошо понимаю, что жизнь среди офицеровъ стала для васъ невыносимой, — продолжалъ Юсинскій. — Я, право, боялся, что въ концѣ концовъ вы вызовете на дуэль половину офицерскаго состава, а другая половина должна будетъ выступить въ роли

секундантовъ. Не сердитесь на меня за то, что я вспоминаю объ этой исторіи. Что касается меня, то я ни минуты не сомнѣваюсь въ вашей храбрости. Когда вы стояли передъ Терри, можно было подумать, что вы всю жизнь приучались стоять подъ дуломъ пистолета. Да и для того, чтобы преднамѣренно стараться попасть на такой постъ, какъ этотъ, требуется не мало мужества.

— Дорогой Іосинскій, вы слишкомъ хорошаго мнѣнія обо мнѣ. Не мужество говоритъ во мнѣ въ данномъ случаѣ, а простое равнодушіе ко всему на свѣтѣ. Говорятъ, что страдающіе морской болѣзнью остаются совершенно равнодушны, когда имъ сообщаютъ, что корабль тонетъ... Кромѣ того, долженъ вамъ откровенно сказать, что я былъ бы не прочь отличиться и заслужить почести, но у меня нѣтъ никакого подъема въ борьбѣ съ этимъ дикимъ и храбрымъ племенемъ, которое борется за свою свободу. Я представляюсь самому себѣ какимъ-то наемникомъ, который убиваетъ, если и не за деньги, то во всякомъ случаѣ за извѣстное вознагражденіе. Развѣ это не убійство, если даже убиваешь въ открытомъ бою, но когда борешься не за правое дѣло?

— Смотрите, не вздумайте перейти на сторону бедуиновъ! — сказалъ Іосинскій со смѣхомъ.

— О, нѣтъ, мы европейцы, слишкомъ связаны другъ съ другомъ цивилизаціей. А французовъ я люблю — на разстояніи. Вообще всегда легче любить какой-нибудь народъ въ его массѣ, чѣмъ въ лицѣ отдѣльныхъ людей.

— Ну, противъ этого можно много возразить! Что касается меня, то я люблю каждаго поляка, котораго я встрѣчаю. Онъ представляется мнѣ частью моей родины. Недавно, когда я гулялъ по улицамъ Алжира, я поднялъ пуговицу съ польскаго мундира. Мнѣ было жалко видѣть ее, валяющуюся въ пыли.

— Это потому, что ваша родина страдаетъ. Да и не удивительно, что вы питаете такое святое чувство къ ней — вѣдь симпатію къ ней раздѣляютъ всѣ европейцы. Всѣ понимаютъ эту борьбу благороднаго народа за независимость и человѣческія права. Подъ знаменами этого народа во мнѣ не было бы раздвоенія чувствъ — я спокойно пошелъ бы на непріятеля... Что касается меня, я привыкъ любить Польшу.

Іосинскій всталъ. Глаза его сверкали.

— А что, если знамя этого народа снова развернуто? Что, если Польша призвала своихъ сыновъ и всѣхъ, кто ее любитъ, подъ свои знамена? — воскликнулъ онъ.

— Дай Богъ, чтобы это было такъ! — сказалъ Якобъ.

— Это уже случилось! Вотъ полученныя мною извѣстія: «Въ Польшѣ возстаніе»!

— Ура! — крикнулъ Якобъ.

Іосинскій провелъ рукой по глазамъ и сказалъ:

— Мы вдвоемъ ликуемъ здѣсь въ пустынь. Но вы правы: я увѣренъ, что въ данный моментъ ликуеть половина Европы... Ну, что же, хотите сражаться за нашу Польшу?

— Да, Иосинскій, я слѣдую за вами...

— Почему вы не договорили? Въ васъ возникли какія-нибудь сомнѣнія?

— Нѣтъ, я только подумалъ о томъ, что ко мнѣ сюда можетъ придти письмо изъ дома.

— Такъ напишите, чтобы вамъ адресовали письма въ Варшаву, а не въ Алжиръ. Или тутъ есть что-нибудь другое?..

— Нѣтъ, у меня промелькнула одна мысль... Но въ это мгновение блѣднѣетъ все другое. Мои личныя заботы кажутся мнѣ маленькими и ничтожными въ сравненіи съ дѣломъ Польши.

— Въ такомъ случаѣ поступайте, какъ я — выходите въ отставку! Времени терять нельзя. Мы уѣдемъ, если бы даже намъ пришлось дезертировать... Лишь бы насъ не подстерегъ гдѣ-нибудь арабъ... Мой другъ, не думайте обо мнѣ дурно, если вы даже увидите, что съ этой минуты я буду бояться за свою жизнь, пока не уѣду изъ Алжира.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Переводъ съ датскаго

М. П. Благовѣщенской.

КИТАЕЦЪ.

РАЗСКАЗЪ !

ЯЛМАРА СЕДЕРБЕРГА.

... Я проснулся ночью и долго не могъ уснуть. Въ комнатѣ былъ полумракъ, — ночь лѣтняя. Лунныя ленты молочнаго цвѣта смѣшивались съ тѣнями, блѣдно-сѣроватыми, какъ зола. Свѣтъ отражался узкими полосками въ зеркалѣ и на стѣнѣ, искрами и крапинками въ треугольникахъ жердочекъ мѣдной висячей лампы.

Окно было открыто настежь. Я слышалъ съ улицы голоса и сдержанный смѣхъ. Между рѣшетками жалюзи, — днемъ онѣ зеленаго цвѣта, а теперь сѣровато-черныя, — поблескивала красноватая звѣздочка. Я думалъ, что это былъ Марсъ. Существуетъ много красноватыхъ звѣздъ, но на особенно темномъ небѣ могла свѣтить такъ ярко лишь одна планета — Марсъ.

Я лежалъ, и разныя мысли и воспоминанія роились въ моей головѣ; нѣкоторыя были печальны, большинство капризно и безцѣнно. Въ моихъ ушахъ звенѣла мелодія, которую я ненавиждѣлъ. И я подумалъ: «Ясно, что не отъ нашей воли зависить, какая мелодія западаетъ въ нашу душу, — вѣдь можетъ не появиться никакой. Не зависить также и отъ моей воли, какая мысль появится у меня, — вѣдь можетъ не явиться и никакой. А воля моя, зависить ли она отъ меня самого? Это послѣднее — меньше всего. Я хочу многого, чего не долженъ былъ бы желать»...

«Ахъ, если бъ я могъ уснуть!»

Звѣзда все еще блистала краснымъ, матовымъ свѣтомъ на сѣроватомъ небосклонѣ. Мнѣ вспомнились слова:

„Люди жизнь свою проходятъ
Вѣчно одинокими;
И идутъ они, какъ звѣзды,
Не встрѣчая другъ друга“.

Откуда эти строки? А-а, вспомнилъ! Это китайское стихотвореніе Ли-тай-пэ, «безсмертнаго, любившаго выпивать». Онъ любилъ пить рисовую водку изъ фарфоровой чашечки и заглядывалъ въ нее слишкомъ усердно, что и было причиной его смерти; однажды, послѣ многихъ опорожненныхъ чашечекъ, возвращаясь ночью на свою яхту, онъ споткнулся на подмосткахъ и утонулъ въ Желтой рѣкѣ.

Знавалъ ли я когда-либо китайца? Да, въ одномъ изъ большихъ рестораноу у насъ, въ Стокгольмѣ, среди другихъ официантовъ былъ китаецъ. Богъ его знаетъ, какимъ образомъ попалъ онъ къ намъ. Естественно, что онъ говорилъ по-англійски, но онъ зналъ и датскій языкъ. Онъ былъ очень худошавъ. Цвѣтъ лица его — блѣдно-смуглый; красивые, кроткіе и умные глаза съ дѣтскимъ выраженіемъ. Ротъ обрамляла цѣлая сѣть мелкихъ старческихъ морщинъ и складокъ, которыя такъ характерны для древнихъ расъ Дальняго Востока.

Это было вскорѣ послѣ битвы при Мукденѣ. Я хотѣлъ задать ему вопросомъ: «Вы — японецъ?». Онъ отвѣтилъ мягкимъ, подавленнымъ голосомъ: «Родился я въ Китаѣ, а жилъ въ Санхаѣ». Санхай это — Шанхай.

Я наблюдалъ въ то время, когда онъ прислуживалъ компании изъ нѣсколькихъ членовъ нашего парламента. Китаецъ этотъ выгодно выдѣлялся, по сравнению съ ними, своимъ изяществомъ; я внутренно хохоталъ, глядя на ихъ слонообразныя тѣла, грубыя, одутловатыя лица и словно саломъ подернутые безцвѣтные глаза. При этомъ я вспомнилъ, какъ мнѣ еще въ школѣ пришлось заучивать, что идеалъ человѣческой красоты олицетворяется германской расою. А вѣдь эти государственные мужи были представителями вышеназванной расы.

Гости любили маленькаго китайца. Онъ былъ предметомъ общаго интереса и получалъ хорошіе куши на чай. Когда это замѣтили его товарищи-арійцы, — лица ихъ стали желтѣе, чѣмъ у самого желтаго, и они смотрѣли на китайца болѣе косо, чѣмъ онъ на нихъ; а одинъ изъ лакеевъ, видимо, понимавшій больше другихъ въ расовомъ различіи и расовой ненависти, стоялъ всегда гдѣ-нибудь въ углу и сжималъ подъ салфеткою свои кулаки, точно упражняясь въ боксѣ...

„Люди жизнь свою проходятъ
Вѣчно одинокими“...

Я лежалъ съ закрытыми глазами, надѣясь, такимъ образомъ, скорѣе заснуть, но легкое дуновение вѣтра заставило меня открыть глаза. Это влетѣла въ комнату ночная бабочка и металась, ища выхода. Затѣмъ все стихло; она вылетѣла вонъ. За окномъ были слышны неуверенные шаги подвыпившаго человѣка. А звѣздочка все мерцала и мерцала...

Я сталъ думать объ извѣстномъ снимкѣ Марса, съ его удивительною сѣтью прямыхъ, какъ натянутая нитка, оросительныхъ каналовъ или полосъ растительности.

И я зналъ, что эти прямыя линии были доказательствомъ обитаемости вышеназванной планеты. Спектральный анализъ показываетъ, что она состоитъ приблизительно изъ того же вещества, какъ и наша земля; а это вещество не образуетъ въ своихъ есте-

ственныхъ расщелинахъ, трещинахъ и контурахъ совершенно прямыхъ линий на большомъ пространствѣ. Ни рѣки, ни берега, ни горные хребты, ни одна естественная полоса растительности не даетъ совершенно прямой линии. Прямые линии — искусственнаго происхожденія. Это исправленный капризь природы. Что это за созданія, орошающія свои поля такими прямыми, какъ шнуръ, каналами? Можетъ быть, они знаютъ о нашемъ земномъ шарѣ больше, чѣмъ мы объ ихъ планетѣ? Тамъ, у нихъ, можетъ быть, въ этотъ часъ слагаются пѣсни, дающія волю ихъ душѣ, пѣсни, которыя были уже извѣстны китайскому пѣвцу тысячу лѣтъ тому назадъ, и, быть можетъ, ихъ мозгъ переработалъ десятки тысячъ лѣтъ тому назадъ мысли, которыя въ настоящее время считаются у насъ новыми и опасными? Ясно, что тамъ, такъ же, какъ и здѣсь, одна изъ животныхъ формъ взяла власть надъ другими, чтобы имѣть возможность наложить печать своей воли на тотъ маленькій клочекъ земли.

Имѣетъ ли это существо форму человѣка? Или это, можетъ быть, исполинскіе муравьи съ сильными социальными инстинктами, съ замѣчательными инженерными способностями, но безъ малѣйшей склонности къ философіи? Живетъ ли это поколѣние и въ настоящее время, или оно, быть можетъ, уже вымерло давно, оставивъ, какъ бы на память своего недолгаго пребыванія, темную сѣть воды или растительности на красныхъ пескахъ Марса?

Безполезные вопросы... Вотъ, если бы заснуть!..

... Когда я увидѣлъ маленькаго китайца во второй разъ въ ресторанѣ, тамъ была ночь дикаго разгула. Насъ было нѣсколько человѣкъ, писателей и людей, принадлежащихъ къ міру художниковъ. Нашъ извѣстный Маркель былъ тамъ же, но онъ былъ пьянъ. Этотъ старый студентъ изъ Упсалы философствовалъ съ китайцемъ. Вообразите себѣ философію такого, основательно подвыпившаго, студента въ разговорѣ съ официантомъ-китайцемъ!

— Вы, маленькій китайченокъ, что вы, собственно, думаете о смерти?

Видно было, что китаецъ озадаченъ такимъ страннымъ вопросомъ, да еще при такихъ обстоятельствахъ. Говорить о смерти съ чужестранцемъ — въ высшей степени неприлично. Этотъ чужеземецъ пьянъ, но и въ трезвомъ состояннн онъ чловѣкъ прубоватый. Лицо китайца старалось тщательно скрыть всѣ эти мысли. Было ясно, что онъ хотѣлъ избѣгнуть отвѣта.

Но Маркель повторилъ вопросъ:

— Ты, маленькнн китайченокъ, — чтобъ тебя взяли дьяволы и драконы! — не получишь на чай, если не отвѣтишь мнѣ, что ты думаешь о смерти!

Китаецъ очень любезно улынулся. Онъ подумалъ, прежде чѣмъ отвѣтить. По лицу его было видно, что онъ твердо рѣшилъ не говорить того, что онъ думалъ, а сказать что-нибудь болѣе под-

ходящее людямъ и мѣсту. И поэтому онъ, въ концѣ концовъ, отвѣтилъ то же, что императоръ Фу-Тсе одному изъ учениковъ на подобный же вопросъ, который онъ, официантъ, заучилъ еще маленькимъ мальчикомъ въ школѣ, въ Шанхаѣ:

— Намъ еще неизвѣстно, что такое жизнь, — что же я могу сказать о смерти?!

Онъ, улыбаясь вѣжливо, отвѣтилъ на такомъ датскомъ языкѣ, который всего скорѣе приближался къ шведскому. Онъ сказалъ все это скороговоркой, словно урокъ катехизиса, какъ, вѣроятно, и было въ дѣйствительности.

Мы смотрѣли другъ на друга съ изумлениемъ. Маркель забился отъ восторга. Онъ хотѣлъ обнять этого китайца. Онъ забилъ при этомъ о всѣхъ своихъ титулахъ, выразилъ даже желаніе взять его компаньономъ въ предполагаемую поѣздку въ Восточную Азію. Послѣ этого онъ вытащилъ нѣсколько ассигнацій изъ кармана брюкъ и попробовалъ было вручить ихъ китайцу, но тотъ съ поклонами и улыбками ретировался, и ассигнации упали на полъ. Мы собирались уходить. Въ снѣгахъ подошелъ къ намъ китаецъ, принесъ аккуратно сложенные ассигнации, оставивъ ихъ одному изъ насъ. Маркель былъ уже на улицѣ, гдѣ въ рѣзкомъ разговорѣ съ извозчикомъ снова успѣлъ забыть о своемъ положеніи, титулахъ и обо всемъ прочемъ.

На улицѣ былъ слышенъ шорохъ метель, а красивая красная звѣздочка мерцала уже блѣднымъ свѣтомъ.

Опять я мучился въ догадкахъ: какой формы могла быть фигура властелина маленькой красной звѣздочки? Людьюми такими же, какъ мы, они быть не могутъ, вслѣдствіе недопустимости столь фантастической одинаковости однородныхъ существъ въ безграничной вселенной. Я пробовалъ представить ихъ себѣ необыкновенно остроумными слонами, надѣленными, можетъ быть, крыльями. Я представлялъ ихъ даже исполинскими птицами съ ясно выраженными способностями къ художественной дѣятельности, но вспомнилъ, что у птицъ все должно быть легкое, а главнымъ образомъ — мозгъ, и что имъ, какъ существамъ, одареннымъ крыльями, несвойственно утруждать свой легкій мозгъ какими-нибудь изобрѣтеніями; имъ необходима легкость для перемѣщенія въ пространствѣ.

Нѣтъ, къ землѣ привязанными, словно завязшими въ дюнахъ и алчущими вырваться изъ нихъ, мучимыми тысячью необходимыхъ, тяжелыхъ естественныхъ потребностей, — такими должны быть существа какъ здѣсь, такъ и тамъ.

Ахъ, если бы заснуть!

... Еще разъ пришлось свидѣться съ маленькимъ китайцемъ. Это было въ раннюю лѣтнюю предобѣденную пору въ Стремъ-паркѣ. Я забрался туда, чтобы имѣть возможность предаться одиночеству и спокойствію подъ старыми деревьями. Я ушелъ туда

отъ адскаго шума, царившаго на улицахъ и рынкѣ. Я читалъ книгу, а для утоленія жажды выдавливалъ въ стаканъ воды сокъ изъ лимоновъ.

Тамъ никого не было, кромѣ меня и китайца. Онъ стоялъ, наклонившись надъ перилами, и смотрѣлъ внизъ, въ стремительный потокъ. Я сидѣлъ невдалекѣ отъ него за столикомъ, но замѣтилъ китайца лишь тогда, когда онъ повернулся и поклонился мнѣ. Я отвѣтилъ на его поклонъ. Теперь, безъ ливреи, въ своемъ собственномъ поношенномъ платьѣ, въ немилосердно-яркомъ освѣщеніи солнца, онъ мнѣ показался такимъ бѣднымъ и больнымъ. Онъ стоялъ такъ близко отъ меня, что я нашель нужнымъ перекинуться словомъ.

— Вамъ нравится эта мѣстность? — спросилъ я.

Онъ немного подумалъ, точно нуждался во времени, чтобы понять вопросъ, и отвѣтилъ:

— Какъ странно!

Медленно онъ прошелъ мимо меня, остановился немного поодаль и опять всталъ у периль, смотря внизъ, въ потокъ.

День спустя я опять входилъ въ ресторанъ, — китайца не было.

— Куда дѣвался китаецъ? — спросилъ я швейцара, стоявшаго въ дверяхъ кафе.

Это былъ молодой, хорошо откормленный человекъ, съ округленными движеніями локтей, важный, словно державшій въ рукахъ жезлъ гофмейстера.

— Китаецъ покончилъ съ собой! — отвѣтилъ онъ.

И прибавилъ не то свысока, не то оправдываясь:

— Здѣсь ему было не мѣсто!

...Звѣздочка поблекла и скрылась. Молочный фургончикъ побрякивалъ по улицѣ.

Ахъ, если бы заснуть!..

Переводъ со шведскаго

Б. К. Леонтьевой.

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ.

РАЗСКАЗЪ

СЕЛЪМЪ ЛАГЕРЛЕФЪ.

Стине изъ Бюросена, Лина изъ Фогельсонгена, Лильмюрская Кайса, Маія изъ Стурхейда, Беда изъ Финнмеркретъ и Эллинъ, новая хозяйка старой солдатской казармы, да еще двѣ или три бабы, жили въ дальнемъ приходѣ близъ Стурхейда, по тракту, гдѣ почва была такая тощая, холмистая, что никто изъ владѣльцевъ болѣе состоятельныхъ дворовъ не нашель стоящимъ дѣлать заявки на эти земли.

У одной изъ выше названныхъ женщинъ избушка стояла на оголенномъ утесѣ скалы, другая поставила свою хижину на самомъ краю торфяного болота, у третьей изба стояла на крутомъ холмѣ, и стоило большого труда добраться къ ней. Иныя, наоборотъ, жили въ такой близости горы Стурхейда, что она лишала ихъ не только солнца, но и свѣта, начиная съ осенней ярмарки вплоть до самага Благовѣщенія.

Всѣ эти женщины воздѣлали около своихъ избъ по небольшому картофельному полю. Это было достигнуто съ величайшими усилиями, ибо, если правда, что подъ горой земля разнородна, то настолько же вѣрно и то, что ее было трудно сдѣлать плодородною.

Нѣкоторымъ изъ этихъ женщинъ пришлось такъ много выбрать изъ почвы камней, что камнями можно было бы замостить большую господскую усадьбу; другія, чтобъ осушить поле, выкопали рвы такой глубины, какъ могилы, третьи должны были таскать мѣшками землю на голые бока горы Стурхейда. Тѣмъ же, которымъ попала лучшая земля, пришлось бороться съ чертополохомъ и лебедой, — эти плевелы росли въ такомъ изобиліи, словно думали, что земля существуетъ единственно для нихъ.

И всѣ женщины жили одиноко. Нѣкоторыя изъ нихъ были замужемъ, но мужья ушли въ отхожіе промыслы. Взрослыя дѣти другихъ — уѣхали въ Америку. Двѣ или три женщины имѣли малолѣтнихъ дѣтей, но тѣ ходили въ школу, матери маленькихъ дѣтей были слишкомъ заняты и развлеченія доставить не могли,

а всѣ эти женщины нуждались въ какомъ-либо развлеченіи, хотя бы во встрѣчахъ гдѣ-нибудь, чтобы выпить кофейку. Желали онѣ встрѣчи не потому, что жили согласно между собою, и не потому, что чувствовали особенную привязанность другъ къ другу. Но нѣкоторымъ изъ нихъ было любопытно знать, что думали другія, что они намѣрены были дѣлать. На женщинъ, сидѣвшихъ подъ Стурхейдомъ, порою нападало уныніе; имъ было необходимо поболтать съ другими людьми. Инымъ нужно было дать свободу душѣ своей, поразсказать о послѣднемъ полученномъ изъ Америки письмѣ. Другія были шутливы, любили поболтать, имъ нужно было использовать даръ шутки, даръ слова, великій даръ Господень. Устроить кофейное пиршество дѣло не трудное. Кофейники и чашки имѣли всѣ, сливокъ можно было достать; печенія тоже можно привезти на фермерскихъ лошадакахъ отъ пекаря городского общества, а можно довольствоваться и домашнимъ свѣже испеченнымъ ржанымъ караваемъ. Да что и говорить, нѣтъ ничего легче, какъ устроить пиръ. А вотъ, что трудно, такъ это — найти предлогъ для пира!

Ибо всѣ, какъ Стина изъ Бюросена и Лина изъ Фогельсонгена, какъ Лильмюрская Кайса и Маія изъ Стурхейда, Беда изъ Финнмеркрета и новая хозяйка старой солдатской казармы — всѣ были согласны, что безъ серьезнаго повода въ будній день приглашать на кофе никакъ нельзя. Если злоупотреблять дорогимъ временемъ, то можно вѣдь приобрести дурную славу.

Всѣ онѣ были согласны и въ томъ, что устраивать пиршество въ воскресный день тоже не слѣдуетъ. Къ нѣкоторымъ на праздники являлись мужья, мѣшали дѣти. Другія хотѣли использовать свою свободу, чтобы идти въ храмъ Божій, инныя имѣли намѣреніе посѣтить родственниковъ, а тѣ просто желали тихаго покоя и права сидѣть одиноко въ своей хижинѣ, чтобы по-настоящему чувствовать праздникъ.

Большинство приглашало на кофе въ дни своихъ именинъ, тѣ, имена которыхъ были упомянуты въ альманахѣ, устраивали пиршества въ именины своихъ мужей. Другія, имѣвшія дѣтей, могли приурочивать приглашенія къ случаю появления перваго зуба, или когда дѣти начинали ходить. Тѣмъ же изъ нихъ, которые получали денежныя письма изъ Америки, это служило хорошимъ поводомъ. Нерѣдко предлогомъ пира являлось одѣяло, которое нужно было наспѣхъ связать въ компаніи, чтобы подарить пріѣхавшему въ гости родственнику.

Въ сущности, поводовъ было не очень ужъ мало, однако, въ 1912 г. случилось, что одна изъ старухъ никакъ не могла найти предлога. Она знала, что очередь пригласить сосѣдокъ была за нею и она охотно исполнила бы свой долгъ, но ни къ чему не могла приурочить приглашеніе.

Справить свои именины — нельзя было — ее звали Беда, а въ альманахъ это имя не значилось; родныхъ она похоронила, замѣнить себя было не къмъ. Беда была такъ стара, что никому и въ голову не приходило, чтобы она нуждалась въ новомъ одѣялѣ, а писемъ она ни отъ кого не получала и никто ее не посѣщаль. Владѣла она одной живой душой, любившей ее, это была кошка. За эту привязанность она воздавала кошкѣ сторицей, но не могла же она устраивать пирь въ честь кошки?

Подыскивая предлогъ, она читала и перечитывала отъ доски до доски альманахъ, думая, что въ немъ обряцетъ добрый совѣтъ. Уже нѣсколько разъ она откладывала книжку, не находя въ ней ничего, но затѣмъ снова начинала читать, предчувствуя, что помощь явится все-таки изъ альманаха.

Когда она въ шестой разъ читала книжку, взоръ ея остановился на солнечныхъ и лунныхъ затменияхъ и вотъ бросилось въ глаза ей, что 17-го апрѣля будетъ солнечное затмение, оно начнется въ такое-то время, а кончится тогда-то. Она читала это уже не однажды, не придавая ожидаемому событію никакого значенія, но теперь ей сразу стало ясно, какъ день, что именно къ этому событію и слѣдуетъ ей приурочить приглашеніе на кофе.

Но, подумавъ объ этомъ минуту, она отогнала соблазнительную мысль, боясь, что всѣ осмѣютъ ее, Беду.

Но и въ послѣдующіе дни она не разъ возвращалась къ этой идеѣ и отгоняла ее, что не мѣшало идеѣ постоянно укрѣпляться въ головѣ и сердцѣ старухи, и, наконецъ, Беда начала находить, что идея не такъ ужъ глупа. «Ибо, — думала Беда, — кто же у меня болѣе вѣрный другъ, кого я люблю больше солнца?»

Хижинка ея была поставлена такъ, что къ ней не попадало ни одного солнечнаго луча въ продолженіе всей зимы, и она считала дни, когда солнышко весною снова покажется у нея. Солнце было единственнымъ, къ чему она тянулась, единственнымъ, что было ей всегда пріятно, солнце было такимъ ласковымъ къ ней. Бедѣ всегда не доставало солнца, оно никогда не было лишнимъ. Она чувствовала себя старой и была стара. Когда она смотрѣла на себя въ зеркало, ей казалось, что она такъ блѣдна и безцвѣтна, что напоминала выбѣленный на солнцѣ холстъ, и руки ея дрожали, словно ее трясла лихорадка. Только тогда, когда она стояла на мѣстѣ, гдѣ солнце ярко освѣщало ее, она чувствовала себя человекомъ, а не живымъ трупомъ.

Чѣмъ больше она обдумывала дѣло, тѣмъ яснѣе становилось, что нѣтъ у нея другого дня въ году, нѣтъ другого существа, въ честь котораго она желала бы устроить пирь.

И вотъ, семнадцатаго апрѣля, въ день и часъ солнечнаго затмения, когда часы пробили двѣнадцать, всѣ бабы Стурхейда, — Стине и Лина, Кайса и Маія и прочія, сидѣли за кофе у Беды въ

Финнмеркретѣ. Онѣ пили кофе въ накладку, разсуждая о всевозможныхъ вещахъ, между прочимъ и о томъ, почему, по какой причинѣ Беда устроила это пиршество?

А солнечное затменіе развивалось своимъ законнымъ, природой предусмотрѣннымъ порядкомъ, чѣмъ собравшіяся очень мало интересовались. Только юдинъ моментъ, когда затменіе достигло своего высшаго пункта, когда небо приняло свинцовый оттѣнокъ и все въ природѣ словно заволокло чѣмъ-то сѣрымъ, когда пронесся, завывая, зловѣщій вѣтеръ, напоминавшій день страшнаго суда, съ его плачемъ, стономъ и воплями, только въ тотъ моментъ старухи почувствовали невольный страхъ. Но послѣ новой чашки кофе, все прошло, какъ не бывало.

Когда затменіе кончилось и солнце, побѣдивъ испытаніе, снова гордо вспыхнуло на небесахъ, всѣ старухи должны были согласиться, что такимъ яркимъ и прекраснымъ солнце не бывало даже весною, и тотчасъ онѣ замѣтили, какъ старая Беда ушла къ окошку и стояла тамъ, молитвенно сложивъ руки.

Глядя на косогоръ, освѣщенный солнцемъ, старуха запѣла:

Ты, ясное солнышко, снова взошло.
Благодарю тебя, мой Создатель!
Въ сознаниі силы и возрожденія надеждъ,
Я голосъ радости и восторга возвышаю!

Она стояла тамъ у окна худенькая, почти прозрачная, солнечные лучи играли вокругъ нея, словно желая подѣлиться съ нею жизнью и силою.

Когда она кончила пѣніе, то повернулась къ гостямъ и, какъ бы извиняясь, сказала:

— Вотъ смотрите, лучшаго друга, какъ солнце, у меня нѣтъ во всемъ мірѣ и поэтому я приурочила пиршество ко дню солнечнаго затменія! Солнца, одного лишь солнца я жажду, и поэтому я хотѣла, чтобы мы всѣ собрались къ тому времени, когда оно выйдетъ изъ тьмы!

Теперь только сосѣдки поняли ея мысль и были такъ тронуты, что начали говорить все хорошее, что знали о солнцѣ.

— Да, — говорили онѣ, — солнце одинаково относится къ богатымъ и бѣднымъ; весною оно одѣваетъ всю землю такъ красиво въ зеленые цвѣта; въ зимній день солнце, забрасывая свои лучи въ горницу, все равно что посылаетъ охапку дровъ для печки, и онѣ не знаютъ, какъ можно было бы жить, если бы солнца не было!

Когда гости уходили съ пиршества къ своимъ маленькимъ хижинамъ и небольшимъ картофельнымъ полямъ, онѣ всѣ были очень спокойны и довольны. Онѣ чувствовали себя богаче и надеждъ у нихъ было больше, потому что мысли ихъ были напра-

влены къ солнцу; онѣ поняли теперь, какого добраго, вѣрнаго друга имѣли въ немъ.

Я знаю, что солнечное затменіе вносить въ жизнь людей много страховъ, тревогъ, но никогда мнѣ не приходилось слышать, чтобы кто-либо, кромѣ Беды въ Финнмеркретѣ, устроилъ пиршество въ честь этого событія.

Переводъ со шведскаго

Б. К. Леонтьевой.

П Р И Р О Д А .

РАЗСКАЗЪ

НАРЦИССА ОЛЛЕРЪ.

Элои былъ въ отчаяннн. День-деньской онъ только и зналъ, что переходилъ отъ кровати къ окну и обратно. И весь день у него передъ глазами было одно и то же: — Тюйесь, жена его, вытянутая на постели, изсохшая и неподвижная, словно колода; а за окномъ — бобы, роняющіе увядшіе, желтые листья, съ обвислыми стручками, вялыми и тонкими, словно ихъ сварили.

Богъ ты мой, вотъ горе! Уже три недѣли, какъ Тюйесь лежитъ съ закрытыми глазами, не шевелясь, и только все не то хрипитъ, не то икаетъ — тоненькимъ, такимъ хрипящимъ звукомъ, точно пила поскрипываетъ—этотъ звукъ намозолилъ всѣмъ домашнимъ уши. То огнемъ горитъ, то ледяная станеть, и до сихъ поръ не знаютъ, будетъ она жить, или умереть. И никогда не угадаешь утромъ, что съ нею будетъ вечеромъ. Такое съ ней стряслось, что прямо страхъ беретъ.

— И, вѣдь, кого только ни звали! — говорилъ себѣ Элои: — ни докторъ, ни ветеринаръ, ни господинъ кюрэ, ни костоправъ изъ Борьеса понять не могутъ, что съ ней за болѣзнь такая. Какъ только ее ни лѣчили: пиявки прикладывали, кровь пускали, горчишники, компрессы, микстуры, крестъ, молитва — ничего не помогаетъ. Видно, ужъ не избыть бѣды — надо ждать смерти.

Элои такъ же увѣренъ былъ въ томъ, что онъ скоро станеть вдовцомъ, какъ въ томъ, что онъ и самъ когда-нибудь умереть. Съ утра до ночи и всѣ ночи напролетъ мозгъ его сверлилъ этотъ ужасный хрипъ; все время видѣлъ онъ раскрытый ротъ, чернѣй и суше высохшаго отпечатка копыта козы на землѣ, глаза въ темныхъ кругахъ, лицо цвѣта гнилого яблока, — лицо, въ которомъ ничего ужъ не осталось отъ прежняго лица Тюйесь.

Съ лица больной онъ переводилъ взглядъ на ея тѣло, съ раздвинутыми ногами, вдавленными въ матрацъ, такое маленькое, изсохшее — кожа да кости. До чего извелась баба! — тѣню стала самой себя. А какая была здоровая, красивая! . . .

— Ик . . . Ик . . . Ик . . .

— Что съ тобой? Гдѣ у тебя болитъ? Хочешь принять лѣкарства?

И, взявъ маленькій порро *, онъ принялся вливать въ черныя, пересохшія губы тонкую струйку жидкости, распространявшей сильный запахъ ээира, до тѣхъ поръ пока больная, выбившись изъ силъ, не начала выплевывать лѣкарства, чтобъ не захлебнуться. Глаза ея раскрылись, огромные, настойчиво просившіе, чтобы ее оставили въ покоѣ. Элои, испугавшись, приподнял голову жены, обтеръ ей губы, слегка похлопалъ больную по плечу; потомъ, успокоившись, пнулъ ногой кошку, залѣзавшую подъ кровать, прогналъ курицу, клювомъ и лапами пытавшуюся отворить дверь, и снова подошелъ къ окну.

— Господи! — бормоталъ онъ. — Горе-то какое! Бобовъ давно никто не поливаетъ — они совсѣмъ засохнуть. И сейчасъ они совсѣмъ вялые и желтые, словно ихъ морозомъхватило. А, вѣдь, какая прелесть были грядки — любо посмотреть. Но стоитъ ихъ хорошенько полить, — опять зазеленѣютъ не хуже, чѣмъ у сосѣда. И вода есть. Нынче какъ разъ суббота, моя очередь брать воду; а Розета и батракъ, какъ на зло, уѣхали на рынокъ — нельзя было не ѣхать. Тюйесь хуже, и докторъ не велитъ отходить отъ нея: она, говоритъ, каждую минуту можетъ кончиться. А по-моему, она какая вчера была, такая и сегодня — болѣзнь ни съ мѣста, ни взадъ, ни впередъ... Завтра уже не добудешь воды, очередь моя — минуетъ... Ахъ ты, Господи, горе-то такое! Еще недѣля и, если бобы не поливать, они пропадутъ совсѣмъ. Дыни и томаты тоже... Расходамъ нѣтъ конца: и докторъ, и ветеринаръ, и костоправъ — всѣмъ давай денегъ, а откуда же я ихъ возьму, когда у меня на глазахъ пропадаетъ отъ засухи весь мой огородъ: дыни, и томаты, и бобы... Если все это пропадетъ, у меня не будетъ денегъ не только на лѣченіе жены, но даже на сѣмена и на удобрение для будущаго года. Элои! такъ ты и будешь стоять, сложа руки и глядѣть, какъ погибаетъ твое добро? Для Тюйесь нѣтъ уже такого средства, чтобъ помогло ей; а вотъ для огорода ты знаешь средство — и вѣрное... Только пойти за нимъ нельзя... Господи! Да вѣдь очередь-то пройдетъ, завтра уже не достанешь воды!... — воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ, поднимая къ небу прищуренные глаза, словно ища въ немъ утѣшенія, или надежды.

Десять грядъ длинныхъ и широкихъ, словно выстроившіеся на смотръ полки, тянулись за окномъ, вдоль берега рѣки. Всѣ эти гряды были его собственностью; онъ такъ гордился ими, и какъ же горько было его крестьянскому сердцу теперь глядѣть на нихъ — такія жалкія, увядшія, осеннія, когда кругомъ все наливается и зеленѣетъ. А у него осыпается листь и каждый стебель клонить

* Графинчикъ съ двумя кранами.

голову къ землѣ, унылый и заброшенный. Сердце крестьянина рвалось на части отъ этого зрѣлища. Когда онъ сравнивалъ свое несчастье съ удачею сосѣдей, со дна его души поднималась жгучая зависть. Зеленъ-то, зеленъ-то какая яркая тамъ, у сосѣдей — изумрудъ! . . .

— Ик . . . ик — икала больная.

Элои въ отчаяніи повернулся къ ней.

— Ну, что съ тобой опять? Гдѣ у тебя болитъ? Потерпи немного. Хочешь — дамъ лѣкарства?

Но, когда онъ поднесъ порро къ губамъ своей жены, Тюйесь испуганно содрогнулась.

— Тюйесь, маленькая моя, что съ тобой?

Сердце Элои смягчилось. Ему стало жалко жены. Она была подругой его жизни. Съ какими радужными надеждами онъ велъ ее къ алтарю! Она родила ему не мало дѣтей, изъ нихъ осталось теперь одна только младшая дочь, Розета, утѣха его старости. вмѣстѣ съ Тюйесь они оплакивали умершихъ дѣтей; вмѣстѣ съ ней они тридцать лѣтъ дружно трудились.

Минуты двѣ онъ нѣжно и испуганно глядѣлъ на жену; она лежала съ опущенными вѣками, тяжело дыша, вытянутая и недвижимая, какъ кусокъ дерева. Хрипъ ея, вначалѣ слабый, словно далекій и прерывистый, теперь перешелъ въ непрерывный стонъ. Орбиты глазъ темнѣли; холодный потъ выступилъ на губахъ, на вискахъ, на лбу. Носъ побѣлѣлъ и заострился. Что это — она кончается? . . .

— Господи Боже! Вотъ такъ исторія! Я одинъ дома и даже съ сосѣднихъ фермъ всѣ уѣхали на рынокъ!

Онъ тревожно вглядывался въ даль, черезъ открытое окно, — какъ нужно ему было въ эту минуту присутствіе другого человѣка!

Желтое, ослѣпительно яркое солнце жгло сѣрую равнину, испещренную пятнами оливковыхъ рощъ. Кругомъ было безмолвіе; природа спала; только шумъ рѣки и порою крикъ птицы нарушали тишину. Не щелкнетъ бичъ, не звякнетъ колокольчикъ, не скрипнетъ дверь, не слышно человѣческаго голоса; только рѣка шумитъ, безъ отдыха, унося съ собою соки, украденные у вянущихъ бобовъ, и отъ этого шума тишина кажется еще глубже.

Шумъ воды, насмѣшливый и вмѣстѣ жалобный, надрывалъ сердце крестьянина.

Задумчивый, унылый, Элои опустилсѣ на стулъ у изголовья кровати. Время шло, и часъ за часомъ уносили жизнь его жены и жизнь его растеній, не принося съ собою ни утѣшенія, ни надежды. Глубоко огорченный, заливаясь слезами, Элои поднялся и сказалъ женѣ:

— Слушай, Тюйесь, ты уходишь въ другую жизнь, смиренно, какъ и подобаетъ доброй христіанкѣ. Розета и батракъ уѣхали на рынокъ. Сегодня моя очередь брать воду — я ужъ двѣ оче-

реди пропустилъ. Если я и сегодня не полью грядъ, онѣ погибнутъ, но растенія еще можно оживить... а для тебя и докторъ не сумѣлъ найти лѣкарства...

Больная печально открыла глаза и нашла въ себѣ силу слегка кивнуть головой въ знакъ согласія.

— Я хочу сказать... — продолжалъ Элои, даваясь слезами:— я хочу сказать, что... ты понимаешь? Да, да... вотъ именно... между смертью и надеждой... ты сама вѣдь всегда такъ радѣла о домѣ... такая была всегда разсудительная... ахъ, не умѣю я сказать!...

Но несчастная женщина, собравъ остатки силъ, взяла руку мужа, едва ощутимо и пожимая ее, снова открыла глаза и, разсудительная, какъ всегда, взглядомъ поощрила его продолжать.

— Я хочу сказать... ты — прости меня...

Тюйесь снова кивнула головой.

— Господь Богъ, видать, ужъ скоро приберетъ тебя...

— Да... да...

— Чтобы предстать передъ Нимъ... надо одѣть тебя... не правда ли?

— Да, да.

— Я хочу сказать... ты всегда была такая разсудительная... ты сама понимаешь... Я хочу сказать... что, если бъ я сейчасъ одѣлъ тебя?... А потомъ бы пошелъ полить бобы?... огородъ былъ бы спасенъ...

Почти погасшій взоръ умирающей вспыхнулъ на мигъ — такъ должны были свѣтиться глаза мучениковъ, готовыхъ пріять мученическій вѣнецъ — и голова ея въ послѣдній разъ наклонилась въ знакъ согласія.

— Да, да...

Тогда Элои, кулакомъ утирая глаза, открылъ всѣ ящики комода и, подбодряемый шумомъ рѣки, катившей свои волны подъ окномъ, принялся обмывать и облекать въ смертный саванъ свою еще живую жену.

Перев. З. Журавской.

ВЪ РИСОВЫХЪ ПОЛЯХЪ.

АННАМИТСКОЕ СКАЗАНІЕ.

МИРИАМЪ ГАРРИ.

Повсюду, насколько глазъ хватаетъ, тянулись молодья, рисовыя поля, точно безконечная, самотканная зеленая скатерть. Тамъ, гдѣ рисъ еще не пересаживали, зелень была блѣдная, дальше, сквозь рѣдкіе стебельки просвѣчивала вода — точно сатинъ съ зелеными крапинками; а на горизонтѣ, курчавые колосики напоминали изумрудный китайскій крепъ, особой, дорогой выдѣлки. И отъ всей этой молодой зелени, печальная земля аннамитская, черная, илистая, истощенная старостью, возрождалась: необычной свѣжестью вѣяло отъ нея, и ярка была ея улыбка небу.

Въ Тау-Докъ рисовыя поля еще свѣжѣе, еще болѣе цвѣтущи, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ то время, какъ старики и старухи отдыхали въ соломенныхъ шалашахъ отъ утомительной работы пересадки риса, юноши и дѣвушки ходили стеречь поля: крестьяне боялись, какъ бы не нагрянули воры, что вырываютъ рисъ на корню, какъ бы не потоптали полей буйволы, или не напали птицы; но, главнымъ образомъ, боялись дьявола и злыхъ духовъ, населяющихъ болота и воздухъ.

Чтобы бороться съ враждебной силой злыхъ духовъ, строили черезъ каждые сто «локтей» сторожки изъ бамбука — узкое и высокое сооруженіе, оканчивавшееся открытой площадкой, на которую взбирались по веревочной лѣстницѣ. Тамъ, въ продолженіе шести недѣль, до самой жатвы, находились караульщики. Они брали съ собою все, что имъ нужно было на это время: немного рису, чаю, сушеной рыбы, а также постель: бамбуковую цыновку и фарфоровую «подушку». Вѣдь, разъ взобравшись на вышку, уже нельзя слѣзть оттуда вплоть до начала жатвы: во-первыхъ, потому, что потопчешь молодые побѣги риса, а, во-вторыхъ, потому, что у аннамитовъ въ обычаѣ приучать себя къ уединенію и выносливости. Часто бываетъ, что обрученныхъ, дабы испытать ихъ добродѣтель, посылаютъ каждого на отдѣльную вышку; и если, придя смѣнить ихъ, не находятъ ни одного слѣда ногъ на илистой почвѣ, ни одного помятаго стебелька, то имена столь добродѣтель-

ныхъ людей заносятся на почетную доску въ пагодѣ, и деревня справляетъ ихъ свадьбу на общественный счетъ.

* * *

Тхи-Тэмъ и Нэи знали другъ друга еще дѣтьми. Они вмѣстѣ пасли буйволовъ, въ этомъ году ей исполнялось 16 лѣтъ, а ему 18, и потому предъ алтаремъ предковъ торжественно возвѣстили ихъ досточтимымъ душамъ, что тотчасъ послѣ уборки риса состоится свадьба молодыхъ людей.

У Тхи-Тэмъ замерло сердце, когда она взобралась на свою вышку. Нэи было позволено отнести туда ея нехитрые пожитки. Они нѣжно потерлись носами, вдыхая запахъ своей шафрановой кожи. Потомъ юноша ушелъ на вышку, за сто шаговъ отъ невѣсты.

Первый разъ въ жизни Тхи-Тэмъ стерегла поле, и первый разъ ей предстояло разстаться съ Нэи на шесть недѣль.

Печально смотрѣла она вслѣдъ жениху: вотъ онъ хлюпаетъ босыми ногами по затопленнымъ полямъ; вотъ достигъ бамбуковой сторожки; взобрался на площадку... Подъ своей конической шапкой онъ походить издали на стройный грибокъ. О! Какъ было бы прекрасно сторожить вмѣстѣ! Вмѣстѣ любоваться на поля!...

Чтобы немного разсѣять свою печаль, дѣвушка занялась хозяйствомъ: она привела въ порядокъ маленькую переносную печь, заботливо разставила крохотныя блюдца и чайныя чашки, величиною съ наперстокъ, разложила тонкія, какъ вязальные спицы, лакированныя деревянныя палочки, которыми аннамиты ѣдятъ рисъ, зернышко по зернышку. Потомъ распаковала крошечный алтарь и поставила на немъ сдѣланную изъ сердцевины лотоса статуэтку богини Луны — покровительницы влюбленныхъ. Успокоенная немного, она выпила молоко кокосоваго орѣха, заботливо открытаго Нэи, и съѣла бананъ съ того дерева, которое они когда-то вмѣстѣ посадили.

Когда наступила ночь, она зажгла фонарикъ изъ рыбаго пузыря, повѣсивъ его на длинномъ бамбуковомъ шестѣ, далеко уходящемъ въ темное небо. На другое древко она привязала корзиночку съ раззолоченной бумагой и пирожными изъ рисовой муки. Это — приношеніе дьяволу и его нечистой рати, дабы умилоствитъ и отвратить его гнѣвъ отъ ея хрупкаго существа и отъ охраняемыхъ ею рисовыхъ ростковъ. Вдали, надъ полями, мерцалъ другой такой же огонекъ, но онъ то поднимался, то опускался, выдѣлывая замысловатые поклоны — это женихъ посылалъ ей привѣтствія. Она отвѣчала ему тѣмъ же.

Затѣмъ, прочитавъ «чинъ-чинъ» своей богинѣ, горько вздохнувъ, Тхи-Тэмъ легла на цыновку и вскорѣ уснула, опершись затылкомъ о фарфоровую подушку, чтобы не измять своей чрезы-

чайно замысловатой прически, которую она могла возобновить лишь по возвращении в деревню.

Но вскорѣ она проснулась: подъ сваями ея сторожки раздавались странные, смущавшие ея душу, звуки. Въ полѣ шумѣла вода; все необозримое пространство колыхалось; что-то прыгало, ползало, завывало, наполняя воздухъ нестройнымъ, болотистымъ шумомъ. Въ воздухѣ витали черныя тѣни; лягушка-воль зловѣще квакала; раззолоченныя бумажки разлетѣлись въ стороны — значить, дьяволь отвергнулъ жертвоприношеніе! Вся дрожа, маленькая, бѣдная Тхи-Тэмъ ожидала, что вотъ-вотъ онъ набросится на нее. О, какъ она была одинока среди болота, надъ которымъ проносилось чье-то таинственное дыханіе, заключавшее въ себѣ мириады скрытыхъ жизней!

Но вдругъ раздалась дивная музыка. Нѣжные, слабые, отрывистые звуки невыразимой лаской наполнили все существо Тхи-Тэмъ. Она тотчасъ же узнала любовную пѣсню Нэи, небесные звуки его бамбуковой свирѣли, которые она такъ любила слушать каждый вечеръ, отходя ко сну въ родномъ шалашѣ.

И тотчасъ же молодая дѣвушка успокоилась; она поднялась, подошла къ краю площадки и заглянула внизъ: болотистая равнина блестѣла подъ луной, какъ огромное блюдо изъ нефрита; а тамъ, вдали фонарь ея жениха походилъ на пламенное сердце, тихо горѣвшее въ серебристомъ полумракѣ.

Она присѣла на корточки, порывисто схвативъ свою трехструнную, гробообразную лютню, и въ то время, какъ изъ-подъ пальцевъ ея рукъ лились высокія ноты, басъ такъ и рыдалъ подъ ударами большого пальца лѣвой ноги.

Такъ каждую ночь Тхи-Тэмъ и Нэи изливали въ музыкѣ нѣжные чувства, таившіяся въ ихъ душахъ. Днемъ, чтобы пугать буйволовъ и птицъ, они запускали змѣй, которые всегда стремились приблизиться другъ къ другу, и часто, переплетаясь хвостами и сорвавшись со своихъ нитей, вмѣстѣ, какъ бы обнявшись, падали на изумрудный коверъ риса.

Но вотъ, въ началѣ второго мѣсяца, невыразимая тоска овладѣла душой Тхи-Тэмъ. Она перестала ѣсть, почти не спала, а ночью, несмотря на нѣжные звуки свирѣли милаго Нэи, непонятный страхъ и ужасныя предчувствія не давали ей покоя. Она отчетливо слышала адскую возню, которую подымалъ дьяволь со своими присными вокругъ ея одинокой сторожки; иногда злыя силы задѣвали ея тѣло своими крыльями. Внизу, у основанія вышки зловѣще шептались темные духи. Все необъятное, черное рисовое поле подъ чернымъ свинцовымъ небомъ казалось ей заколдованнымъ, проклятымъ болотомъ, а вышка Нэи — фантастической птицей, которая такъ и пожирала ее своимъ огненнымъ глазомъ.

— О, Нэи, Нэи! — плакала она, хватаясь за голову и ломая руки.

Несмотря на свой страх, ей хотѣлось порой броситься внизъ и бѣжать, бѣжать по илистому полю, туда, куда призывала нѣжная свирѣль.

Но гордость истой дочери Аннама удерживала ее въ ея воздушной тюрьмѣ.

Что скажутъ старѣйшины деревни, увидѣвъ слѣды ея ногъ и потоптанный рисъ? Ея имя не будетъ красоваться въ пагодѣ.

Всю ночь ее была жестокая, болотная лихорадка, которая то жалитъ своими жгучими поцѣлуями, то сжимаетъ въ ледяныхъ объятіяхъ.

На слѣдующій день у нея едва хватило силы запустить свой змѣй; но онъ жалко болтался изъ стороны въ сторону, не пугая даже птицъ, и не могъ угнаться за мощнымъ полетомъ змѣя Нэи. А ночью, въ отвѣтъ на призывную мелодію свирѣли, она съ трудомъ могла большимъ пальцемъ ноги извлечь изъ своей лютни нѣсколько басовыхъ жалобныхъ нотъ.

На слѣдующее утро она не могла подняться съ постели; а съ наступленіемъ сумерекъ до слуха ея донеслось зловѣщее кваканье чудовищной лягушки-вола.

Сосчитавъ по пальцамъ число отдѣльныхъ криковъ, она почувствовала, что это предсмертное предзнаменованіе. Дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу: умереть, не увидавшись съ Нэи, не насладившись хоть еще одинъ только разъ волшебнымъ ароматомъ его шафранной кожи! . . . Но вдругъ она почувствовала странную легкость, какъ будто какая-то тяжесть спала съ нея; ей казалось, что она улетаетъ отъ самой себя въ невѣдомые края, откуда доносится чудесная музыка, гдѣ прозрачный воздухъ весь залитъ мягкимъ свѣтомъ, луна медленно катится по небу, покровительница влюбленныхъ радостно улыбается ей.

Но вотъ луна, такая блѣдная, круглая и далекая, начинаетъ приближаться, постепенно удлиняясь; у нея вырастаетъ хвостъ, какъ у бумажнаго змѣя, и вдругъ, принявъ ликъ ея возлюбленнаго, она отдѣляется отъ неба и падаетъ на нее, покрывая собою ея дрожащее тѣло; уста Нэи нѣжно касаются ея поблекшаго лица. Вѣжды Тхи-Тэмъ смыкаются; но она продолжаетъ слышать неземную, опьяняющую музыку, а голоса всего рисоваго поля поютъ торжественный, свадебный гимнъ . . .

* * *

Два дня спустя старѣйшины деревни пришли навѣстить сторожей, и на вышкѣ Тхи-Тэмъ нашли ея маленькій трупъ; лицо усопшей дышало невыразимымъ блаженствомъ . . . Вскорѣ прибѣжалъ и несчастный, обезумѣвшій отъ горя, Нэи. Рыдая, рассказалъ онъ,

какъ догадался, что Тхи-Тэмъ больна, ибо послѣднія ночи она не зажигала своего фонаря, и какъ онъ запустилъ къ ней на вышку змѣя со своимъ изображеніемъ, чтобы немного развлечь ее. Но увы! образъ его лишь защитилъ ея трупъ отъ знойныхъ лучей палящаго солнца да хищныхъ птицъ!..

Всѣ присутствующіе выразили свое восторженное удивленіе передъ стойкостью духа усопшей, и ея имя красуется съ тѣхъ поръ въ пагодѣ.

А Нэй добился разрѣшенія похоронить Тхи-Тэмъ въ рисовомъ полѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она умерла.

На могильномъ курганѣ онъ водрузилъ два высокихъ шеста, и привязалъ къ нимъ змѣй, на которомъ было нарисовано его изображеніе; къ хвосту змѣя онъ привѣсилъ нѣсколько бамбуковыхъ свирѣлей...

И вотъ, когда вѣтеръ проносится по рисовому полю, — свирѣли начинаютъ рыдать; а внизу, въ сырой землѣ, Тхи-Тэмъ чутко внимаетъ эоловой скорби возлюбленнаго.

Переводъ съ французскаго

Л. Кимбергъ.

МАТЬ.

I.

Кормлю младенца на крыльцѣ,
Когда закатъ румянитъ пашни.
День нынѣшній, какъ день вчерашній —
Все въ томъ же ласковомъ кольцѣ.
Грудь тяжела отъ молока,
Упрямый ротъ соски мнѣ ранитъ...
Какъ даль, почившая въ туманѣ,
Душа тиха и широка.
Душа свѣтла. Обѣтъ свершенъ.
Зерно возрастало и созрѣло.
Отъ боли извивалось тѣло,
Но свѣтель божески законъ.
Надъ сыномъ мысля объ отцѣ...
Мой милый другъ, мой другъ всегдашній,
Придешь ли ты? Темнѣютъ пашни,
И сынъ нашъ дремлетъ на крыльцѣ.

II.

Младши сынъ мой дремлетъ въ бѣломъ зноѣ,
Старшии рветъ фиалки у дороги.
Въ свѣтломъ кубкѣ, налитомъ весною,
Отстоится горькій хмель тревоги.
Вы возьмете кровь мою и силу
И уйдете каждый — къ присужденной...
Вѣдь и я душою опаленной
Вешнее богатство расточила.
Все равно мнѣ — сердце не тоскуетъ,
Для любви ни граней нѣтъ, ни цѣли.
Старшии сынъ уста цвѣтовъ цѣлуетъ,
Младши дремлетъ въ зыбкой колыбели.

III.

*Рядомъ со мною вы стройно растете,
Два молодыхъ деревца.
Такъ доведу въ неустанной заботъ
Тихіе дни до конца.
Можетъ быть, большаго я не сумью,
Пыли земной не стряхну:
Только осеннею тишью овью
Буйную вашу весну.
Не охранить вамъ меня отъ печали —
Путь мой задумчивъ и строгъ.
Сердцу вечернему вы даровали
Сладкое бремя тревогъ.*

Софія Дубнова-Эрлихъ.

МИРОВЫЕ КРИЗИСЫ, МИРНЫЕ И ВОЕННЫЕ.

Величайший во всей истории человечества кризисъ разрушенія и истребленія могъ быть порожденъ только силою такого же грандиознаго масштаба. Чья властная воля расколола на двѣ части нашъ Старый Свѣтъ и бросила ихъ въ бѣшеную борьбу, разрывающую самыя прочныя историческія связи и нити миллионовъ жизней, какъ бумажные документы и обѣщанія? Мы не дѣти, чтобы приписывать роль этого мрачнаго Провидѣнія какой-нибудь коронованной головѣ или вооруженной браунингомъ рукѣ юноши. Мы знаемъ имя того божества, которое непреложно, какъ Рокъ, царитъ надъ капиталистическимъ міромъ. Это стихійное, слѣпое божество называется — мировой рынокъ. Отъ него въ нашу эпоху зависить процвѣтаніе и кризисы, отъ него — миръ и война.

Къ нему и надо обратиться, чтобы въ основѣ уяснить происходящее и въ главномъ предвидѣть то, что за этимъ послѣдуетъ. Его надо понять, уловить законы его движенія, найти логику въ его неожиданностяхъ, правильность въ его катастрофахъ. Это возможно, это дѣлалось раньше и должно дѣлаться теперь, потому что страшное божество — все-же не болѣе, какъ механизмъ. Гигантскій, сложнѣйшій, развивающійся, но механизмъ, т. е. система, связи которой сравнительно просты, вполне доступны уже теперь анализу и изслѣдованію.

Часто противоплагаютъ механизмъ — организаци. Различіе, которое при этомъ имѣется въ виду, реально; но оно есть только различіе въ степени. Механизмъ есть тоже извѣстнымъ образомъ организованное сочетание частей. Сочетаніе, совершенно неорганизованное, не только не могло бы исполнять какой-либо определенной функции, — но просто не могло бы существовать, потому что было бы лишено всякаго сопротивленія внѣшнимъ силамъ, и слѣдовательно, немедленно распалось бы. Механизмъ есть низшая ступень организаци, гдѣ простота и элементарность связей соотвѣтствуетъ приблизительно уровню связей, изучаемыхъ механикой и физикой, вообще точными науками. И уровень этотъ, конечно, не является постояннымъ, а измѣняется съ развитіемъ науки. Во всѣхъ

наукахъ о жизни съ каждымъ годомъ новыя и новыя группы фактовъ переходятъ въ область „механическаго объясненія“, и это значитъ только — въ область точнаго изслѣдованія связей. Всякая организація, когда ея удалось изучить до конца, приобретаетъ для познавшаго ея характеръ „механизма“.

Теперь намъ надо понять механизмъ мирового рынка, т. е. его организационную связь, сводя ея къ возможно болѣе простымъ соотношеніямъ. Отсюда самъ собою вытекаетъ путь, которымъ мы пойдемъ, — порядокъ нашей работы.

Очевидно, мы должны начать съ простѣйшихъ, наименѣе осложненныхъ проявленій организационной связи мирового рынка; а это въ то же время и основныя, и наиболѣе обычныя ея проявленія — нормальная жизнь мирового рынка. Затѣмъ придется разсмотрѣть нарушенія этой нормальной жизни, начиная опять-таки съ тѣхъ изъ нихъ, которыя менѣе необычны и болѣе изучены; таковы мировые кризисы перепроизводства, катастрофы мирнаго времени. Послѣ этого можно будетъ перейти къ нынѣшней, впервые наблюдаемой, наиболѣе сложной въ своихъ проявленіяхъ катастрофѣ — мировой войнѣ.

Итакъ, первый вопросъ для выясненія механизма рынка въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ мирового рынка, касается его нормальныхъ и постоянныхъ функций въ жизни капитализма.

* * *

Рынокъ замѣняетъ общій организующій центръ для анархичной въ своемъ цѣломъ капиталистической системы. Онъ — мѣсто реализации всѣхъ товарныхъ стоимостей и специально прибавочной стоимости; отъ него исходятъ импульсы, приводящіе въ движеніе общественный капиталъ, — потому что только реализація дѣлаетъ возможнымъ это движеніе, а стоимости не реализованныя — капиталистически-мертвы. Онъ — и средоточіе всѣхъ общихъ противорѣчій капитализма, центръ общественной стихійности, господствующей надъ людьми.

Теорія рынка долгое время не привлекала усиленнаго вниманія экономистовъ. Буржуазно-классическая экономія ея почти не развивала. Напротивъ, за послѣднія десятилѣтія интересъ къ ней выступаетъ на первый планъ. Это различіе соотвѣтствуетъ двумъ фазамъ капитализма, изъ которыхъ первая характеризуется быстрымъ и легкимъ расширеніемъ рынка, вторая — возрастающимъ его стѣсненіемъ. Первая была по преимуществу эпохой завоевательнаго шествія капитала, когда огромное преобладаніе до-капиталистическихъ и полу-капиталистическихъ формъ открывало ему почти неограниченный просторъ для реализации производимыхъ стоимостей. Вторая начинается тогда, когда просторъ этотъ въ значительной

мѣръ исчерпанъ, и капиталъ, уже господствующій въ своихъ высшихъ формахъ, вынуждается все болѣе и болѣе искать условий реализаціи въ себѣ самомъ, въ своемъ „внутреннемъ рынкѣ“ въ точномъ смыслѣ этого слова.

Промышленные кризисы были тѣмъ практическимъ толчкомъ, который направилъ изслѣдованія экономистовъ на вопросъ о законахъ движенія рынка въ его цѣломъ, его расширенія и суженія. Теоріи рынковъ создавались для того, чтобы объяснить явленія кризисовъ. Такъ и теперь, гигантскій кризисъ, принявшій форму войны, вновь концентрируетъ вниманіе науки на условіяхъ бытія и развитія мирового рынка.

* * *

Основная, самая важная для теоріи черта рынка — это соотносительность его частей и ихъ цѣпная связь.

Каждая отрасль производства служитъ рынкомъ для другихъ и, въ свою очередь, находитъ въ нихъ свой рынокъ. Такъ, горное дѣло нуждается въ машинахъ, которыя покупаются у машиностроителей, и въ разныхъ матеріалахъ, покупаемыхъ у заводчиковъ химическаго производства, само же, въ свою очередь, поставляетъ металлы для первыхъ и разные минералы для вторыхъ; машины необходимы также для прочихъ отраслей промышленности, въ томъ числѣ — производящихъ предметы потребленія рабочихъ, а эти предметы потребленія имѣютъ свой рынокъ въ видѣ рабочей силы, занятой всѣми отраслями. Прядильное производство работаетъ главнымъ образомъ для ткацкаго, хлопковая плантаци для прядильнаго, и т. д. Благодаря такой связи, всякое расширение и всякое суженіе рынка распространяется какъ бы волнами среди капиталистической системы, и этимъ способомъ само себя во много разъ увеличиваетъ.

Напр., если для ситце-печатнаго производства спросъ расширился на миллионъ рублей, то отсюда на рынкѣ немедленно возникаетъ многомилліонная волна расширенія. Увеличивается сбытъ для ткацкаго производства, напр., на полъ-милліона рублей, для производства машинъ, примѣняемыхъ въ ситцепечатномъ и въ ткацкомъ дѣлѣ, на триста тысячъ, для химическаго производства, доставляющаго матеріалъ красокъ, на сто тысячъ; расширяется спросъ ткацкихъ фабрикъ на пряжу, а прядильныхъ на машины, хлопокъ, спросъ машинныхъ заводовъ на металлы, и т. д. Требуется добавочное количество рабочей силы во всѣхъ этихъ отрасляхъ, и соотвѣтственно возрастаетъ спросъ на предметы потребленія рабочихъ; а отсюда идетъ новая волна расширенія рынка, разумѣется, болѣе слабая, чѣмъ та первая, которою она была вызвана. Еще болѣе слабая волна можетъ при этомъ возникнуть оттого, что капиталисты, прибыль которыхъ растетъ, предъявляютъ повышенный спросъ на предметы своего личнаго потребленія. Совершенно такимъ же образомъ распространяются волны суженія рынка.

Разсматривая ближе эти цѣнные процессы, легко увидѣть существенную разницу между двумя группами отраслей производства: тѣми, которыя доставляютъ предметы потребления людей, и тѣми, которыя даютъ орудія и матеріалы для производства. Отрасли перваго рода отличаются тѣмъ, что каждая изъ нихъ можетъ самостоятельно явиться началомъ цѣлой волны расширения или сужения рынка, что и происходитъ каждый разъ при колебаніяхъ въ области потребления; вторыя же выступаютъ послѣдующими или конечными звеньями въ цѣпи измѣненія величины рынка: спросъ на машины можетъ увеличиться только при услови расширенія отраслей, пользующихся машинами, спросъ на пряжу — только при услови роста ткацкаго дѣла, и т. под. Здѣсь измѣненія рынка имѣютъ болѣе производный характеръ.

Лишь въ случаяхъ преобразованія техники, напр., введенія новыхъ машинъ, уменьшающихъ потребность въ рабочей силѣ, а значить, и спросъ на продукты со стороны рабочаго класса, исходная точка рыночной волны можетъ лежать въ сферѣ промышленности, производящей средства производства. Но тогда это, обыкновенно, волна суженія рынка, потому что капитализму свойственна техническая прогрессивность: машины вводятся лишь тогда, когда значительно сокращаютъ потребность въ живомъ трудѣ. Волны же расширенія при нормальныхъ условияхъ могутъ исходить только изъ области производства предметовъ потребления. Это обстоятельство необходимо замѣтить потому, что оно чрезвычайно важно для всей теоріи капиталистическаго развитія: основу возрастанія рынка въ его цѣломъ составляетъ ростъ потребительнаго рынка.

Зависимость рынка въ цѣломъ отъ потребительнаго рынка поддается даже, по крайней мѣрѣ, въ общей формѣ, математическому выраженію. Если мы знаемъ, какъ образуются „цѣны производства“ разныхъ товаровъ, то мы могли бы предсказать общій размѣръ волны расширенія или суженія рынка, возникающей изъ опредѣленнаго возрастанія или уменьшенія потребительнаго спроса*. Чтобы показать это, для упрощенія примемъ, что въ средней цѣнѣ каждаго товара доля прибыли составляетъ 10%, доля издержекъ на средства труда и на рабочую силу — 90%. Пусть растущій спросъ позволяетъ расширить производство тканей на миллионъ рублей. Для этого требуется, очевидно, добавочное количество матеріаловъ, орудій, предметовъ потребления рабочихъ, на 900.000 рублей. Но для ихъ производства, въ свою очередь, необходимо добавочное количество другихъ,

* „Цѣна производства“ составляется изъ средней суммы издержекъ производства товара плюсъ нормальная прибыль, и соответствуетъ, при обычныхъ условияхъ рынка, средней цѣнѣ товара. Въ каждомъ же отдѣльномъ случаѣ рыночная цѣна можетъ отклоняться отъ нея въ ту или другую сторону.

соответственныхъ средствъ производства и предметовъ потребления рабочихъ, на 90% отъ 900.000, т. е. на 810.000 руб.; они же, далѣе, обуславливаютъ расширение спроса еще на 90% своей цѣны, т. е. на 729.000 руб., и т. д., до безконечности, по закону геометрической прогрессии. Сумма же этой прогрессии, т. е. величина всей волны расширения рынка, будетъ $\frac{1.000.000 \cdot 100}{100 - 90}$, т. е. 10 миллионовъ.

Если бы доля прибыли въ средней цѣнѣ товаровъ была 5%, то расширение достигало бы, при томъ же начальномъ толчкѣ, 20 миллионовъ, если бы она была 4%, то — 25 миллионовъ, и т. п. Въ дѣйствительности же, конечно, дѣло гораздо сложнѣе, потому что доля прибыли въ цѣнахъ товаровъ далеко не такъ равномерна; но сущность изучаемой связи именно такова. И очевидно, что подобные расчеты можно отнести не только къ величинамъ измѣненія рынка, но и къ образующейся изъ нихъ „абсолютной“ его величинѣ въ данное время.

На упущеніи изъ виду этой связи построена извѣстная теорія рынковъ и кризисовъ г. Туганъ-Барановскаго. По его мнѣнію, рынокъ въ цѣломъ можетъ расширяться даже и при суженіи потребительнаго рынка: производство матеріаловъ и орудій труда растетъ въ силу развитія техники, повышающаго органической составъ капитала, тогда какъ рабочая сила, съ ея потребительнымъ спросомъ, все болѣе вытѣсняется изъ производства; тотъ и другой процессъ могутъ, какъ полагаетъ г. Туганъ-Барановскій, развиваться неограниченно, причемъ суженіе потребительнаго рынка все время будетъ болѣе чѣмъ покрываться расширеніемъ рынка средствъ производства, — и вообще этотъ послѣдній способенъ самъ для себя создавать новый и новый спросъ. Получается слѣдующая своеобразная картина. Уголь, желѣзо и машины производятся все въ большемъ и большемъ количествѣ лишь для того, чтобы послужить для дальнѣйшаго увеличенія производства угля, желѣза и машинъ, и т. д., безъ конца, безо всякаго отношенія къ размѣрамъ того спроса, который служитъ для удовлетворенія непосредственныхъ человѣческихъ потребностей; этотъ послѣдній можетъ сохраняться приблизительно на одномъ уровнѣ, или слабо возрастать, или, напротивъ, уменьшаться, не мѣшая первому процессу идти дальше и дальше.

Разъясняя и доказывая свою теорію при помощи разныхъ цифровыхъ схемъ, г. Туганъ-Барановскій приходитъ къ неизбѣжному и естественному вопросу:

„Не вызоветъ ли, однако, это относительное замѣщеніе человѣческаго потребления производительнымъ потребленіемъ средствъ производства образования избыточнаго продукта, не находящаго себѣ помѣщенія на рынкѣ,“ — и онъ отвѣчаетъ на это такъ:

„Совершенно очевидно, что ничего не стоитъ построить новую схему... и наглядно показать, что самое широкое замѣщеніе рабо-

чихъ машинами не въ силахъ само по себѣ сдѣлать какую-либо машину излишней и бесполезной. Пусть всѣ рабочіе вплоть до одного будутъ замѣщены машинами; въ такомъ случаѣ этотъ единственный рабочій будетъ приводить въ движеніе всю колоссальную массу машинъ и съ ихъ помощью производить новыя машины и предметы потребления капиталистическаго класса. Рабочій классъ исчезнетъ, но это нисколько не затруднитъ реализацію продуктовъ капиталистической промышленности. Капиталисты будутъ получать въ свое распоряженіе большую массу предметовъ потребления, и весь общественный продуктъ одного года будетъ поглощаться производствомъ и потребленіемъ капиталистовъ слѣдующаго года. Если же капиталисты, въ своей страсти къ накопленію, пожелаютъ сократить свое собственное потребленіе, то и это вполнѣ осуществимо; въ этомъ случаѣ сократится производство предметовъ потребления капиталистовъ, и еще большая часть общественнаго продукта будетъ состоять изъ средствъ производства, предназначенныхъ для дальнѣйшаго расширенія производства. Будутъ производиться, напр., уголь и желѣзо, которые будутъ идти на дальнѣйшее расширеніе производства угля и желѣза. Расширенное производство угля и желѣза за каждый послѣдующій годъ будетъ поглощать уголь и желѣзо, произведенные въ предыдущемъ году, и такъ до безконечности, пока не будутъ исчерпаны естественные запасы соответствующихъ минераловъ". (Туг.-Бар., „Теоретич. основы марксизма“, стр. 154—155.)

Въ схемахъ, которыми г. Туганъ-Барановскій доказываетъ правильность своей теории, всѣ средства труда и потребляемые продукты фигурируютъ лишь въ совершенно отвлеченной формѣ — ихъ денежныхъ цѣнъ. Эта безличная и безразличная форма капитала представляетъ конечную цѣль для капиталиста, и всецѣло заполняетъ буржуазное сознаніе. Благодаря этому г. Туганъ-Барановскій и не видитъ за нею реальныхъ элементовъ производства. А между тѣмъ стоитъ только отчетливо представить ихъ себѣ въ конкретномъ ихъ видѣ, т. е. прежде всего какъ настоящія машины, орудія, материалы, выполняющіе свою опредѣленную техническую функцію, — и все абстрактное построеніе разлетается въ прахъ. Тогда получается вотъ что.

Современный капитализмъ производитъ машины при помощи машинъ, но отнюдь не безъ всякаго смысла и технической связи. Однѣ машины служатъ для производства другихъ, — но другія уже не служатъ для производства третьихъ, а для производства предметовъ потребления. Гигантскія кузницы и литейныя мастерскія механической промышленности, ея различные станки и станины не только воспроизводятъ самихъ себя: оттуда выходятъ также ткацкіе и прядильные станки, различные аппараты для выработки пищевыхъ продуктовъ, машины, примѣняемыя при постройкѣ обитаемыхъ людьми зданій, приспособленія, посредствомъ которыхъ эти

зданія освѣщаются и отапливаются, напр., машины газовыхъ заводовъ, электрическихъ станцій, калориферы и пр.; далѣе, тамъ готовятся также локомотивы, пароходы, автомобили, телеграфные аппараты, и т. под. Такимъ образомъ, огромное большинство машинъ служить не для того, чтобы создавать новыя орудія и материалы труда, а для другихъ цѣлей, относящихся къ производству и транспорту предметовъ потребления. Очевидно, что спросъ на эти машины зависитъ всецѣло отъ измѣненія потребительнаго рынка. То же относится, конечно, къ различнымъ сырымъ и вспомогательнымъ материаламъ производства, какъ уголь, нефть и т. под.: значительная часть ихъ добывается ради ихъ примѣненія въ производствѣ продуктовъ, потребляемыхъ людьми непосредственно.

Такимъ образомъ, въ общественномъ раздѣленіи труда, производство, напр., тѣхъ машинъ, которыя примѣняются въ машиностроительной индустриі, вмѣстѣ съ производствомъ другихъ машинъ, предназначенныхъ для промышленныхъ отраслей, приготовляющихъ предметы потребления, и вмѣстѣ съ предприятиями этихъ послѣднихъ отраслей, образуютъ объективно одинъ, только разъединенный въ пространствѣ, техническій аппаратъ, производящій предметы человѣческаго потребления. Поэтому расширение спроса во всѣхъ областяхъ рынка необходимо опирается на расширение потребительнаго рынка, и внѣ связи съ нимъ невозможно. Безъ увеличеннаго потребления тканей невозможенъ ростъ производства различныхъ машинъ текстильной промышленности, а отъ него зависитъ извѣстная часть спроса на механизмы машиностроительной индустриі. Схемы г. Туганъ-Барановскаго игнорируютъ все это, потому что онъ, оперируя только съ рублями, интересующими капиталиста, не видитъ конкретнаго трудового процесса, и даже не интересуется реальнымъ примѣненіемъ тѣхъ средствъ производства, которыя скрыты отъ него фетишизмомъ денежныхъ цѣнъ.

Г. Туганъ-Барановскій упустилъ изъ виду весьма простую вещь: если съ помощью токарнаго станка можно производить не только прядильный, ткацкій станокъ, швейную машину, аппараты для химическихъ производствъ, части локомотива, велосипеда, аэроплана, но и другой токарный станокъ, то съ помощью прядильнаго станка или швейной машины или велосипеда никакъ нельзя производить ни токарнаго, ни ткацкаго станка, ни другихъ машинъ. Если ему кажется, что вообще машина способна рождать вообще другую машину, то лишь потому, что для него всякая машина тождественна съ той суммой рублей, которую она представляетъ; а въ этомъ видѣ, конечно, нельзя отличить токарнаго станка отъ ткацкаго.

Но, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ можно продать ткацкіе станки и замѣнить ихъ на вырученныя деньги токарными? Безъ сомнѣнія. Но въ системѣ производства отъ этого ровно ничего не измѣнится; тѣ же станки обоого рода будутъ существовать, какъ прежде, только переимѣнять владѣльцевъ.

Однако, можно и не возобновлять ткацкихъ станковъ по мѣрѣ ихъ изнашивания, а заказывать взаменъ ихъ токарные? И можно эти послѣдніе употреблять уже отнюдь не для приготовления увеличеннаго количества ткацкихъ станковъ, а исключительно для умноженія токарныхъ? Въ такомъ видѣ, идея г. Т.-Б. какъ будто исполнима. Но посмотрите, что получится.

Если посвятить токарный станокъ всецѣло размноженію его же рода, то до его кончины онъ успѣетъ послужить производству не одного и не двухъ, а во всякомъ случаѣ большаго числа такихъ же станковъ; какого именно — я, не будучи инженеромъ, не могу сказать, хотя бы съ приблизительной точностью; поэтому возьму неправдоподобно-малое число, хотя бы 10. Что касается нужныхъ для этого матеріаловъ, а также другихъ орудій, то они должны, очевидно, получиться путемъ аналогичныхъ замѣщеній въ другихъ отрасляхъ: сокращенія выдѣлки пряжи и усиленія выдѣлки желѣза, и т. под. — Итакъ, мы имѣемъ вмѣсто прежняго милліона ткацкихъ станковъ — милліонъ токарныхъ, и посредствомъ нихъ производимъ уже 10 милліоновъ новыхъ токарныхъ. Но эти послѣдніе опять не желаютъ ни бесплодно валяться въ складахъ, ни служить производству ткацкихъ станковъ, а предъявляютъ свои права на размноженіе, и въ той же пропорціи. Такимъ образомъ, слѣдующій техническій оборотъ этой формы капитала принесетъ намъ уже 100 милліоновъ станковъ, а еще слѣдующіе — милліардъ, 10, 100 милліардовъ, и т. д. Между тѣмъ, циклъ жизни такого станка въ работѣ измѣряется, если не мѣсяцами, то во всякомъ случаѣ минимальнымъ числомъ лѣтъ. Ариѳметическія таблицы г. Т.-Б., можетъ быть, и выдержать такое головокружительное развитіе; но реальный капитализмъ врядъ ли окажется способенъ послѣдовать за ними.

Намъ приходится говорить объ этихъ простыхъ вещахъ потому, что безъ пониманія роли потребительнаго рынка въ общей системѣ рынка совершенно нельзя постигнуть его механизма и связи его функций; а теорія г. Т.-Б., до послѣдняго времени весьма модная, съ успѣхомъ затемняетъ все это. Конечно, капиталистическая система анархична въ своемъ цѣломъ и полна противорѣчій; но она не является технически-безсмысленной; и изображать ее такую, значить — отрѣзывать путь къ ея пониманію.

Теорія г. Т.-Б. имѣетъ въ своей основѣ дѣйствительные факты, но неполно и неточно истолкованные. Капиталистическій прогрессъ техники соединенъ съ относительнымъ замѣщеніемъ рабочихъ машинами; но это не дѣлаетъ теоретически возможнымъ абсолютное устраненіе рабочаго класса и переменнаго капитала.

Какъ же именно вліяетъ это относительное замѣщеніе рабочихъ на движеніе рынка?

Какъ мы установили, рынокъ орудій и матеріаловъ производства зависитъ отъ рынка предметовъ потребленія; но это вовсе не означаетъ, что между ними должна быть прямая пропор-

циональность. Она существовала бы только при неподвижной технике, при неизменной повсюду производительности труда. Если же, напр., повышается производительность труда в ткацком деле, то происходит как бы перенесение части мертвого и живого труда из ткацких предприятий в те, которые для них готовят новыя, болѣе совершенныя орудия; и слѣдовательно, если расширяется спросъ на ткани, которые стали дешевле, то еще въ болѣе, сравнительно, мѣрѣ расширяется производство орудій для ихъ производства. Если мы представимъ техническую цѣпь предприятий, имѣющую конечнымъ назначеніемъ производство тканей, въ ея цѣломъ, то получится, примѣрно, такая картина: добываніе угля и желѣза для производства машинъ механическаго производства; приготовленіе самыхъ этихъ машинъ; затѣмъ производство при ихъ помощи станковъ прядильныхъ и ткацкихъ; затѣмъ ихъ примѣненіе — производство самыхъ тканей *. Очевидно, что съ прогрессомъ машиннаго производства все болѣе значительную часть этого цѣпного аппарата должны составлять его первыя звенья: элементы постоянного капитала въ общественной системѣ должны расти болѣе элементовъ переменнаго; другими словами, органический составъ общественнаго капитала повышается. При этомъ, какъ извѣстно, понижается обычный процентъ прибыли, т. е. относительная доля прибыли въ цѣнахъ производства. А мы уже видѣли, что чѣмъ меньше эта доля, тѣмъ сильнѣе растутъ волны расширения или суженія рынка; напр., когда эта доля — 10%, то увеличеніе потребительнаго спроса на миллионъ даетъ волну расширения въ 10 миллионѣвъ; а когда только 4%, то въ цѣлыхъ 25 милл. Слѣдовательно, съ прогрессомъ капитализма рынокъ въ цѣломъ растетъ относительно болѣе его потребительной части. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если на маломъ расширеніи потребительнаго рынка основывается сравнительно большое расширеніе рынка въ цѣломъ; но изъ этого не слѣдуетъ, что такое же — и даже неограниченное, расширеніе всего рынка можетъ получаться при суженіи рынка потребительнаго.

Итакъ, рынокъ — регуляторъ капиталистическаго производства — при всей своей анархичности имѣетъ вполне определенное строеніе. Основной его частью, къ которой тяготеютъ, и отъ которой въ конечномъ счетѣ зависятъ всѣ остальные, является потребительный рынокъ. Объединяющей формою служить цѣпная связь отраслей производства. Технический прогрессъ, измѣняя органический составъ общественнаго капитала, дѣлаетъ развитіе рынка неравномернымъ; но базисомъ расширенія рынка всегда остается ростъ непосредственнаго потребленія.

* Вполнѣ аналогичную цѣпь производства материаловъ мы, для краткости, опускаемъ.

* * *

Рынокъ управляетъ экономической жизнью общества путемъ реализаціи мѣновыхъ стоимостей. Продажа товаровъ есть тотъ способъ, посредствомъ котораго каждая хозяйственная клѣтка социального организма почерпаетъ изъ экономической среды энергію для дальнѣйшей жизни и развитія. Продажа товара — цѣль и предѣлъ производственного цикла въ каждомъ предпріятіи, а въ то же время и начало новаго цикла. Остановить реализацію — значило бы остановить самое движеніе капитала; когда она нарушается, становится недостаточной, тогда механизмъ современнаго общества испытываетъ потрясеніе, охватывается болѣзнью.

Поэтому главный вопросъ теории рынка — это вопросъ объ условіяхъ достаточной реализаціи стоимости производимыхъ товаровъ. Изслѣдуя его, надо прежде всего отрѣшиться отъ денежнаго фетишизма, и ни на минуту не упускать изъ виду, что объективно — деньги только посредникъ, при помощи котораго товары обмѣниваются на товары. Затѣмъ, — надо не упускать изъ виду конкретной формы товаровъ, ихъ „потребительной стоимости“, потому что она — необходимое условіе, отъ котораго зависитъ самая возможность реализаціи*.

Ради послѣдовательности, мы начнемъ анализъ съ положенія отдѣльнаго предпріянія на рынкѣ. Пусть это будетъ, положимъ, текстильное предпріяние, производящее ситець. Оно предъявляетъ спросъ на рабочую силу, на спеціальныя машины, на пряжу, а для машинъ также на уголь, смазочныя масла и т. под. Спросъ на рабочую силу сводится, въ свою очередь, къ спросу на предметы потребления рабочихъ. Слѣдовательно, въ самыхъ общихъ чертахъ отношеніе предпріянія къ рынку выражается формулой органическаго состава примѣняемаго въ немъ капитала; напр., въ данномъ случаѣ, положимъ, такую:

90.000 *c* (спросъ на элементы постояннаго капитала — орудія и матеріалы) + 10.000 *v* (спросъ на покупаемые за переменный капиталъ, въ видѣ заработной платы, предметы потребления рабочихъ) + 10.000 *m* (прибавочный трудъ въ самомъ предпріятіи) равняется 110.000 трудовыхъ единицъ, воплощенныхъ въ товарѣ предпріянія (предложеніе тканей, въ немъ произведенныхъ).

* Именно потребительную стоимость товаровъ или, точнѣе, характеръ ихъ общественной полезности упустилъ изъ виду въ своихъ многочисленныхъ схемахъ г. Туганъ-Барановскій. У него получается такъ, что, напр., при суженіи ткацкой промышленности производство ткацкихъ станковъ, скрывающихся отъ него подъ общимъ понятіемъ „машины“ или „средства производства“, можетъ все-таки расширяться. „Машины“ будутъ куплены „для производства новыхъ машинъ“. Какъ будто всѣ онѣ для такого дѣла годятся!

Хотя ситець можетъ потребляться рабочимъ, но практически удобнѣе игнорировать ту ничтожную долю спроса на него, которая будетъ предъявлена рабочими даннаго предприятия. Такимъ образомъ, надо считать, что спросъ и предложение здѣсь относятся вообще къ различнымъ областямъ производства; и внѣшнимъ образомъ независимое, „частное хозяйство“ находится на дѣлѣ въ полнѣйшей зависимости отъ цѣлаго ряда другихъ предприятий, а черезъ нихъ — отъ всей сѣти общественнаго раздѣленія труда.

Мы должны брать за исходную точку изслѣдованія состояніе равновѣсія общественной системы, при которомъ каждая часть ея находитъ достаточную опору для своего сохранения. Въ данномъ случаѣ приходится, значить, принять, что вплоть до взятаго нами момента предприятие находило достаточный рынокъ и для своего спроса, и для своего предложения. Но дѣйствительное равновѣсіе получается лишь при томъ условіи, что предприятие столько же беретъ, въ разныхъ формахъ, кристаллизованной трудовой энергіи общества, сколько само, въ свою очередь, ему даетъ. Для этого требуется, чтобы весь прибавочный трудъ шелъ на личное потребление капиталистовъ. Въ схему включается еще спросъ — 10.000 трудовыхъ единицъ — на предметы, потребляемые самими предпринимателями, главнымъ образомъ, очевидно, предметы роскоши. Примемъ, далѣе, для простоты расчетовъ, что строение всего общественнаго капитала, въ среднемъ, такое же, какъ въ нашемъ текстильномъ предприятии; напр., 900 миллионъ c + 100 миллионъ v + 100 миллионъ m , — и что при этомъ весь прибавочный продуктъ потребляется капиталистами, такъ что никакого накопленія не происходитъ. Тогда легко представить себѣ, а также изобразить въ числовыхъ схемахъ устойчивое распредѣленіе предприятий между разными отраслями, при чемъ однѣ покупаютъ продукты другихъ, другія — третьихъ, третьи — первыхъ и вторыхъ, и т. д., взаимно реализуя стоимости товаровъ безъ всякаго разстройства и задержки*.

Но какъ только на сцену выступаетъ капиталистическое накопленіе, дѣло усложняется. Предположимъ, что капиталисты потребляютъ только половину прибавочнаго продукта, т. е. 5% изъ 10% прибыли. Значить, слѣдующій циклъ производства начинается съ капиталомъ не въ 1.000, а уже въ 1.050 миллионъ. Если техника при этомъ не измѣняется, то органическій составъ общественнаго капитала останется тотъ же. Новый оборотъ капитала представится въ такомъ видѣ:

945 милл. c + 105 милл. v + 105 милл. m = 1.155 милл. труд. ед.

Чтобы накопленіе въ данныхъ размѣрахъ стало возможнымъ, для этого, какъ видимъ, въ предыдущемъ циклѣ необходимо было

* Такія схемы для разныхъ случаевъ простого и расширеннаго воспроизводства общественнаго капитала даны во II томѣ „Капитала“. Но Марксъ не считалъ алгебраическаго способа составленія схемъ-иллюстрацій методомъ разрѣшенія экономическихъ вопросовъ, какъ считаетъ г. Т.-Б.

произвести излишекъ орудій и матеріаловъ труда, равный по стоимости 45 милл., и жизненныхъ средствъ для рабочихъ, равный 5 милл. труд. единицъ; а слѣдовательно, предметы потребления высшихъ классовъ должны были быть произведены лишь въ количествѣ 50 милл. труд. единицъ. Въ этихъ соотношеніяхъ, между рынкомъ и потребностями производства оказалось бы несоотвѣтствие, болѣе или менѣе значительное. Напр., если бы средства производства были доставлены на рынокъ въ достаточномъ количествѣ для указанного нами накопленія, но предметовъ потребления рабочихъ было бы произведено не 105 милл., а попрежнему 100 милл. труд. единицъ, — то накопленія не могло бы произойти; тогда, изъ-за недостающихъ въ одной области пяти миллионныхъ единицъ продукта, въ другой области обнаружилось бы перепроизводство въ сорокъ пять миллионныхъ.

Но пусть накопленіе въ данномъ циклѣ произошло успѣшно и вполне пропорціонально для разныхъ областей производства; въ такомъ случаѣ, оно само по себѣ вынуждаетъ новое, и при томъ большее накопленіе въ слѣдующемъ циклѣ. Прибавочный продуктъ, равный по стоимости 105 миллионамъ, распределяется на основаніи предыдущаго теперь такимъ образомъ:

матеріалы и орудія труда (элементы постоянного капитала общества)	47 ¹ / ₄ милл.
средства потребления рабочихъ (элементы переменнаго капитала общества)	5 ¹ / ₄ .
средства потребления капиталистовъ	52 ¹ / ₂ .

Чтобы все это нашло себѣ мѣсто на рынкѣ, производство должно дальше расширяться уже на большую, чѣмъ въ первый разъ величину, соотвѣтствующую не 50 милл., а $47\frac{1}{4} + 5\frac{1}{4}$, т. е. $52\frac{1}{2}$ миллионамъ, а въ слѣдующемъ періодѣ обращенія на еще болѣе большую (по вычисленію, — $55\frac{1}{8}$ милл.), и т. д. Но имѣются ли при этомъ прогрессивномъ расширеніи необходимыя условія столь же успѣшной реализаціи? Скорѣе, наоборотъ, имѣются условія, приводящія съ наибольшей вѣроятностью къ ея нарушенію.

Потребленіе капиталистовъ должно все время возрастать пропорціонально общему расширенію производства. Между тѣмъ въ дѣйствительности, чѣмъ дальше идетъ накопленіе капитала и, значитъ, ростъ дохода, тѣмъ меньшую его долю капиталистъ склоненъ тратить на личное потребленіе, во-первыхъ, потому, что даже и самыя широкія потребности уже достаточно удовлетворяются этой меньшей долей, во-вторыхъ, потому, что капиталистическая борьба развиваетъ въ предпринимателѣ, какъ мы знаемъ, всего сильнѣе жажду дальнѣйшаго накопленія. Оно объективно является жизненной миссіей капитала, и неизбѣжно становится господствующей тенденціей въ хозяйствѣ. Если богачъ прежнихъ временъ изъ 100.000 дохода могъ тратить на личныя потребности 50.000, то нынѣшнему богачу съ миллиономъ дохода не только нѣтъ необходимости, но прямо-таки трудно довести эти потребности до уровня затратъ въ

500.000; часть дохода, присоединяемая къ капиталу, такимъ образомъ, должна возрасть *.

Слѣдовательно, даже при простомъ пропорціональномъ расширеніи производства, при неизмѣнной техникѣ, есть налицо условія, приводящія къ относительному суженію основной части рынка — спроса на предметы потребления. А каждое такое суженіе порождаетъ рядъ волнъ дальнѣйшаго сокращенія спроса, далеко превосходящихъ въ конечномъ результатѣ первоначальный толчекъ. Уже здѣсь обнаруживается внутренняя неустойчивость анархической производственной системы, внутренний порокъ, прогрессивно развивающій элементы ея общаго разстройства.

Еще сильнѣе и сложнѣе выступаютъ противорѣчивыя, разрушительныя тенденціи при измѣненіяхъ техники.

Каждый шагъ технического прогресса требуетъ новой формы равновѣсія для рынка. Соотношеніе частей рынка измѣняется. Если принять, что до момента, когда вводится усовершенствованіе, между ними имѣлось реальное соотвѣтствіе, то съ этого момента оно нарушается, и можетъ быть восстановлено лишь расширеніемъ системы въ цѣломъ—или же частичнымъ разрушеніемъ ея элементовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что введена машина, повышающая производительность труда, но расширения производства въ той отрасли, гдѣ она примѣняется, не послѣдовало. Тогда дѣло сводится къ тому, что уменьшается потребность капитала въ рабочей силѣ, а съ нею рыночный спросъ на предметы потребления рабочихъ. Но это сокращеніе потребительнаго рынка, въ свою очередь, какъ мы знаемъ, порождаетъ суженіе рынка орудій и матеріаловъ, употребляемыхъ въ производствѣ предметовъ потребления рабочихъ, а затѣмъ и тѣхъ, съ помощью которыхъ всѣ эти изготавляются; въ связи съ этимъ еще нѣкоторое уменьшеніе спроса на рабочую силу, и новая, болѣе слабая волна суженія рынка, и т. д. Тогда техническій прогрессъ превращается въ свою противоположность — въ пониженіе общей суммы производительныхъ силъ трудовой системы.

Но такой случай для капитализма все-же лишь исключеніе. Его техническій прогрессъ обычно сопровождается расширеніемъ производства въ затронутой этимъ прогрессомъ отрасли, и картина получается уже иная. Если, положимъ, новая система ткацкихъ станковъ позволяетъ удешевить ткань, и предприниматели, въ расчетѣ на болѣе большой спросъ, производятъ ее въ болѣемъ количествѣ,

* Слѣдуетъ замѣтить, что даже расходы, представляюще съ точки зрѣнія отдѣльнаго капиталиста издержки личнаго потребления, далеко не всегда оказываются таковыми съ точки зрѣнія общественной системы. Если, напр., онъ покупаетъ рѣдкую картину за 10.000, проигрываетъ на рулеткѣ или даритъ фавориткамъ сотни тысячъ, то это есть лишь перемѣшеніе правъ на прибавочную стоимость; и въ массѣ случаевъ тѣ же „затраченныя“ деньги продолжаютъ играть роль капитала, только въ другихъ рукахъ.

то, во-первыхъ, уменьшается или устраняется сокращеніе спроса на рабочую силу въ самомъ ткацкомъ дѣлѣ, во-вторыхъ, возрастаетъ спросъ въ отрасляхъ, доставляющихъ для него матеріалы и орудія, а въ связи съ этимъ, опять таки, въ извѣстной мѣрѣ и потребительный рынокъ, основанный на рабочей силѣ. Наконецъ, можетъ расширяться и спросъ на предметы потребления капиталистовъ, благодаря росту прибавочной стоимости. Весь процессъ протекаетъ въ видѣ ряда замирающихъ волнъ рынка, и можетъ завершиться новымъ его равновѣсіемъ, уже на болѣе широкой основѣ.

Однако, по мѣрѣ ускоренія технического прогресса, такой переходъ къ новому равновѣсію долженъ происходить все труднѣе и труднѣе. Когда повышается производительность труда въ отрасляхъ, приготавливающихъ матеріалы, орудія, машины, то противорѣчіе между различными сторонами процесса оказывается вообще глубже и острѣе, чѣмъ въ предыдущемъ нашемъ примѣрѣ. Пусть производство машинъ совершенствуется, и для прежняго ихъ количества требуется значительно меньше рабочихъ рукъ; между тѣмъ расширить ихъ производство можно только въ томъ случаѣ, если расширятся отрасли, въ которыхъ примѣняются эти машины. А для ихъ расширенія нужно, разумѣется, увеличеніе потребительнаго рынка, на который онѣ работаютъ; налицо же имѣется пока его суженіе, вызванное уменьшеніемъ спроса на рабочія руки въ машинномъ производствѣ. Значитъ, здѣсь необходимо сразу расширение нѣсколькихъ отраслей, кромѣ той, въ которой произошло техническое измѣненіе, — иначе соответствія между частями рынка не получается. Такое условіе далеко не всегда, конечно, само собою осуществляется; тутъ гораздо чаще въ систему рынка проникаетъ внутреннее противорѣчіе, которое, можетъ быть, не обнаружится немедленно, благодаря огромной величинѣ и сложности этой системы, благодаря длительности оборота общественнаго капитала, — но будетъ развиваться въ глубинѣ, чтобы затѣмъ вмѣстѣ съ другими накопляющимися противорѣчіями сказаться въ общемъ потрясеніи системы.

Надо прибавить, что съ прогрессомъ капитализма одна часть потребительнаго рынка, и часть очень большая — спросъ на предметы потребления капиталистовъ — становится все менѣе эластичной въ сторону расширенія (но не суженія). Благодаря централизациі капитала, численность класса капиталистовъ относительно уменьшается. Этому не могутъ воспрепятствовать даже кредитъ и акционерная форма предприятий, порождающе крупное и мелкое рентьерство, ибо при періодическихъ или случайныхъ потрясеніяхъ системы они же ведутъ къ тому, что гибнуть не единицы, а сразу множество представителей капитала. Понятно, что чѣмъ меньше численность класса, тѣмъ меньше онъ можетъ повліять на общую жизнь рынка, даже сравнительно сильно расширивъ свое потребление. Вдобавокъ, мотивомъ къ такому расширенію, сколько-нибудь общему

и значительному, можетъ быть только благоприятная конъюнктура, т. е. хорошая и легкая реализация; а нужда въ немъ для уравновѣшенія системы рынка возникаетъ, конечно, при условіяхъ прямо обратнаго характера, при неблагоприятномъ ходѣ дѣлъ, при стѣсненной реализаціи. Но какъ разъ тогда даетъ себя почувствовать большая эластичность этой области рынка въ смыслѣ ея способности къ суженію: такъ какъ основу ея составляютъ предметы роскоши, отъ которыхъ отказываться на время даже представителямъ капитала не такъ ужъ трудно, то это въ значительной мѣрѣ и происходитъ на дѣлѣ: прибавляется еще новая волна сокращенія рынка, стѣснение возрастаетъ.

Итакъ, если техническій прогрессъ шагъ за шагомъ создаетъ новыя трудности для процесса реализаціи, между тѣмъ какъ способность системы преодолевать ихъ своими внутренними средствами не увеличивается, а напротивъ, даже уменьшается, то очевидно, что накопленіе противорѣчій должно рано или поздно приводить къ состоянію болѣе или менѣе глубокой неприспособленности всей системы, къ серьезнымъ разрушительнымъ измѣненіямъ въ ея средѣ. Но тутъ капитализмъ, въ своемъ стихійномъ исканіи, находитъ еще одинъ путь къ восстановленію нарушеннаго равновѣсія. Это — внѣшніе рынки.

По точному смыслу понятія, внѣшнимъ рынкомъ для капитализма можетъ явиться, во-первыхъ, всякая другая экономическая организація, хотя бы такого же типа, но живущая самостоятельной жизнью, напр., — капитализмъ другой страны; во-вторыхъ, некапиталистическіе и полукапиталистическіе классы, хотя бы той же самой страны. Такъ, для русскаго капитализма внѣшнимъ рынкомъ служатъ и всѣ другія страны, въ которыя вывозятся русскіе товары, и въ самой Россіи — крестьянское хозяйство, уже денежное, мѣновое, но еще не развившееся въ настоящія капиталистическія формы*.

Но и внѣшніе рынки могутъ лишь временно поддержать нарушенное ходомъ развитія равновѣсіе капиталистической системы. Ихъ роль сводится къ расширенію, неизбѣжно все-таки ограниченному, той основы, на которой держится рынокъ въ цѣломъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть одно капиталистическое общество вступаетъ въ обмѣнъ съ другимъ такимъ же обществомъ. Что это значитъ? Только то, что образуется новая, болѣе обширная система капитализма, заключающая въ себѣ обѣ первоначально отдѣльныя. Безъ сомнѣнія, если каждая изъ нихъ найдетъ въ другой спросъ на излишки, не находяще сбыта въ ней самой, то это поможетъ имъ обѣимъ въ данный моментъ избѣгнуть рыночнаго разстройства и, можетъ быть, даже еще расширить свое производство,

* Въ этомъ послѣднемъ случаѣ обычное словоупотребленіе, основываясь на географической и политической связи, пользуется терминомъ „внутренній рынокъ страны“. Съ экономической точки зрѣнія этотъ терминъ, очевидно, неточенъ.

не выходя изъ границъ необходимаго соотвѣтствія между частями рынка. Но это дастъ лишь новый толчекъ и техническому прогрессу, и возрастанію производства орудій и матеріаловъ труда за предѣлы того, что допускается размѣрами медленнѣ растущаго потребительнаго рынка. Новое несоотвѣтствіе, болѣе значительное, чѣмъ прежде, начнетъ создаваться въ обѣихъ сѣранахъ одновременно; и если, благодаря обширности общаго рынка, оно долѣе останется скрытымъ, то зато окажется тѣмъ сильнѣе тогда, когда, наконецъ, пробьется наружу.

По существу, то же относится и къ внѣшнимъ рынкамъ экономически-нижшаго типа. Ихъ главная особенность состоитъ въ томъ, что они долѣе сохраняютъ свой „внѣшний“ для эксплуатации ихъ національнаго капитала характеръ, т. е. не такъ скоро увеличиваютъ его внутрення противорѣчя прибавленіемъ своихъ собственныхъ, какъ въ предыдущемъ случаѣ. Въ обществахъ, еще только выходящихъ на путь капиталистическаго развитія, основа рынка — область предметовъ потребления — относительно шире; поэтому тамъ техническій прогрессъ еще сравнительно долго не создаетъ большихъ трудностей для реализации. Кромѣ того — что особенно важно — капиталъ, эксплуатирующій эти внѣшніе рынки, можетъ направить ихъ развитіе такъ, какъ это требуется въ его интересахъ. Онъ наводняетъ ихъ именно тѣми товарами, для которыхъ у себя не находитъ достаточно сбыта, и этимъ препятствуетъ расширенію мѣстной промышленности соотвѣтственнаго характера, допускаетъ же только развитіе тѣхъ отраслей, съ которыми онъ не конкурируетъ, или которыя, напротивъ того, ему нужны; напр., индустриальный капиталъ экономической метрополи поощряетъ своимъ спросомъ производство сырыхъ матеріаловъ въ колоніяхъ*. Въ силу такихъ соотношеній, подобнаго рода внѣшніе рынки могутъ, такъ сказать, долѣе служить передовому капиталу, облегчая для него реализацію.

Но прогрессъ капитализма, не знающій остановокъ и все болѣе ускоряющійся, рано или поздно исчерпываетъ и эти рынки. Частью они просто становятся для него недостаточны, частью изъ „колоній“ превращаются въ конкурентовъ, переходя сами къ высшимъ формамъ капитала. Тогда явленія недостаточности рынка обостряются, и приводятъ ко все болѣшимъ нарушеніямъ всего социальнаго механизма, ко все болѣе растратѣ производительныхъ силъ общества, къ частнымъ, а потомъ и общимъ экономическимъ кризисамъ.

* Выраженія „внѣшний рынокъ“, „колонія“, „метрополія“ здѣсь берутся все время въ чисто-экономическомъ смыслѣ, который можетъ значительно не совпадать съ политическими дѣленіями. Напр., русское крестьянство, вовлеченное въ обмѣнъ и подчиненное власти торгово-ростовщическаго капитала, „внѣшний рынокъ“ для крупной промышленности самой Россіи, но также Германіи, Англии. До развитія крупнаго машиннаго производства въ Россіи, вся она была только „экономической колоніей“ капитала другихъ странъ, главнымъ образомъ — Германіи.

Итакъ, внѣшніе рынки имѣютъ для капитализма то объективное значение, что они позволяютъ ему продолжать свое развитие на болѣе широкой основѣ, дальше развернуть производительныя силы его міровой системы. Въ этомъ смыслѣ, они для него жизненно-необходимы. Въ ограниченной, изолированной странѣ капитализмъ не только развивался бы гораздо медленнѣе, но рисковалъ бы зачахнуть и выродиться, не успѣвши подготовить производственныхъ условій новой, высшей социальной формации.

Устранить же болѣзни и потрясенія капиталистической системы, зависящія отъ основнаго ея строения, внѣшніе рынки не могутъ, потому что этого строения они не измѣняютъ. Но они замедляютъ наступленіе кризисовъ и, увеличивая общую сумму силъ системы, позволяютъ легче справляться съ кризисами.

* * *

Прослѣдимъ теперь развитие и исходъ типичнаго, „мирнаго“ кризиса, протекающаго въ мировомъ масштабѣ.

Капитализмъ анархиченъ, неорганизованъ въ своемъ цѣломъ; но это цѣлое слагается изъ высоко организованныхъ элементовъ — отдѣльныхъ предприятий. Внутри ихъ царитъ техническая сознательность и планомѣрность, между ними — борьба, въ которой существованіе каждаго изъ нихъ находится подъ угрозою. Чтобы устоять въ борьбѣ, надо быть вооруженнымъ сильнѣе, чѣмъ другіе; побѣду обезпечиваетъ наибольшее накопленіе и болѣе совершенная техника. Стремленіе расширять предприятие и улучшать способы производства диктуется капиталисту властью рынка, силою конкуренціи. Подчиняясь ей, онъ планомѣрно и систематически дѣйствуетъ въ такомъ направленіи. Это относится къ каждому предпринимателю въ отдѣльности, а значитъ, и ко всѣмъ нимъ, вмѣстѣ взятымъ. На всемъ протяженіи экономической системы происходитъ постоянное расширеніе производства, наибольшее, какое капиталисты въ состояніи осуществить, и, равнымъ образомъ, наибольшее повышеніе техники, какое имъ удастся. То и другое ведетъ къ опредѣленному нарушенію равновѣсія — къ недостаточности рынка и перепроизводству.

Благодаря сложному, цѣпному строенію всего механизма, перепроизводство обнаруживается отнюдь не сразу, не тотчасъ послѣ объективнаго своего возникновенія; оно долго остается въ скрытомъ состояніи, накапливаясь до значительныхъ размѣровъ; и по этой причинѣ оно выступаетъ на сцену рѣзко и внезапно, принимая стихійно-грозную форму.

Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что текстильная промышленность уже дошла до предѣловъ насыщенія своего рынка, и что изъ производимаго ею въ данный моментъ продукта значительная часть на дѣлѣ окажется излишней, обреченной не найти сбыта. Очевидно,

что пока этотъ новый продуктъ еще не законченъ и не дошелъ до рынка, перепроизводство, динамически уже существующее, невидимо, недоступно для наблюдения. Но и когда продуктъ попалъ на рынокъ, положеніе вещей обрисовывается не такъ скоро. Непосредственно съ погребителемъ имѣютъ дѣло мелкіе торговцы, покупающіе у крупныхъ, въ свою очередь, дѣлающихъ закупки прямо у фабрикантовъ. Нужно время, чтобы мелкіе торговцы на дѣлѣ убѣдились въ чрезмѣрности своихъ запасовъ и перестали приобретать новые запасы у оптовыхъ торговцевъ; нужно затѣмъ время, чтобы и эти убѣдились въ сокращеніи спроса и приостановили операціи съ фабрикантами, и опять-таки время, чтобы фабриканты замедлили темпъ производства. Каждая слѣдующая стадія этого пути проходитъ быстрѣе предыдущей, но все же и послѣдняя изъ указанныхъ требуетъ по меньшей мѣрѣ недѣль, или даже мѣсяцевъ; ибо уже протекающій циклъ производства прерывать убыточно, а чисто-организационная сторона сокращенія дѣла, находящагося въ полномъ ходу, достаточно трудна и сложна.

Въ болѣе раннихъ кризисахъ — 30-хъ, 40-хъ годовъ прошлаго вѣка, крушеніе наступало именно на этой стадіи, — текстильная промышленность являлась его обычнымъ исходнымъ пунктомъ. Въ дальнѣйшемъ, развитіе производственнаго механизма перемѣщаетъ его центръ тяжести въ желѣзо-дѣлательную и каменноугольную промышленность, въ области, производящія средства производства; и позднѣйшіе кризисы поражаются уже тогда, когда первичная волна сокращенія достигаетъ этихъ, значительно болѣе удаленныхъ отъ непосредственно-потребительскаго рынка отраслей; а предшествующіе моменты протекаютъ въ видѣ частичныхъ заминокъ въ соответственныхъ сферахъ производства и обращенія. Здѣсь, такимъ образомъ, періодъ скрытаго перепроизводства еще продолжительнѣе, его накапливающаяся до взрыва величина еще больше. Отсюда — такая грандіозность кризисовъ 1873 и конца 90-хъ, начала 900-хъ годовъ.

Самый ходъ кризиса есть яркое выраженіе цѣпной связи рынка. Крушеніе распространяется съ одной отрасли на другую сообразно тому, какая для какой служить рынокомъ. Но каждый изъ этихъ этаповъ становится началомъ новой, вторичной волны: сокращеніе производства всюду немедленно уменьшаетъ потребительный рынокъ, создавая безработицу и побуждая даже капиталистовъ суживать свои потребности. Благодаря этимъ вторичнымъ волнамъ кризисъ растетъ лавино-образно, его разрушительная работа вначалѣ сама себя усиливаетъ и ускоряетъ.

Наконецъ, она все-же исчерпывается. Цѣною растраты нѣкоторой части накопленнаго общественнаго капитала, послѣ промежуточнаго періода зстоя, устанавливается равновѣсіе между производствомъ и рынокомъ. Реализація входитъ въ нормальныя условия, капиталы начинаютъ приносить надлежащую прибыль. Конкуренція

вступаетъ въ свои права, вызывая вновь неуклонно, шагъ за шагомъ, расширение производства, улучшение техники. Послѣднее находить въ кризисахъ особенно сильный стимулъ: съ внѣшней стороны, единственно-доступной буржуазному сознанию, главнымъ явленіемъ кризиса представляется паденіе цѣнъ на товары; и капиталисты усиленно ищутъ способовъ создать такое положеніе, при которомъ эти низкія цѣны ихъ бы не разоряли, — ищутъ усовершенствованій, удешевляющихъ производство. Новый промышленный циклъ развертывается въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ предыдущій, завершаясь въ свою очередь и новымъ, болѣе грандіознымъ кризисомъ.

Изложенная нами теорія рынковъ показываетъ, что основою для этого цикла долженъ служить расширенный, по сравнению съ началомъ предыдущаго цикла, потребительный рынокъ. Возможно ли это? Здѣсь возникаетъ слѣдующее возраженіе, формулированное г. Туганъ-Барановскимъ:

„Съ точки зрѣнія этой теоріи совершенно непонятенъ промышленный подъемъ, неизбежно слѣдующій за кризисомъ. Въдъ кризисъ и промышленный застой дѣлаютъ народную массу не богаче, а бѣднѣе; какимъ же образомъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ промышленнаго застоя, наступаетъ промышленный подъемъ, и рынокъ оказывается въ силахъ дать мѣсто гораздо большому количеству товаровъ, чѣмъ до кризиса? Если бы названная теорія была вѣрна, то слѣдовало бы ожидать, что капиталистическая промышленность совсѣмъ не будетъ идти впередъ. Всякая попытка расширить производство наталкивалась бы на стѣну народной бѣдности и, въ общемъ, капиталистическая промышленность пребывала бы въ состояніи хроническаго застоя“. (Туг.-Баран. „Осн. полит. эк.“, стр. 742.)

Кажущаяся логичность этого возраженія скрываетъ за собою рядъ неточностей и ошибокъ. Прежде всего, г. Туганъ-Барановскій сопоставляетъ въ двухъ промышленныхъ циклахъ не соответствующія одна другой, а разныя фазы: онъ указываетъ, что рынокъ во время процвѣтанія даетъ мѣсто большому количеству товаровъ, чѣмъ во время предыдущаго процвѣтанія, тогда какъ отъ кризиса и застоя народныя массы стали бѣднѣе. Но пока онъ бѣднѣе, т. е. въ теченіе кризиса и застоя спросъ на рынокъ дѣйствительно меньше, чѣмъ при прошломъ процвѣтаніи; а когда уже развился новый подъемъ, „народныя массы“ капиталистическаго общества вовсе не „бѣднѣе“, чѣмъ въ такой же фазѣ предшествующаго цикла: промышленность уже вновь успѣла втянуть большую часть безработной арміи; капиталисты и остальная буржуазія тоже, въ виду хорошихъ прибылей, увеличиваютъ свое потребленіе, которое они сократили во время кризиса и застоя. Критикъ не понялъ, что промышленный циклъ и есть циклъ обогащенія и обѣднѣнія „народныхъ массъ“ капитализма въ зависимости отъ хода производства.

Для г. Туганъ-Барановскаго, если „народныя массы“ обѣднѣли въ течение кризиса и застою, то онѣ и дальше остаются „обѣднѣвшими“. Между тѣмъ, по отношению къ пролетариату самыя эти понятія „бѣдности“ и „богатства“ теряютъ свой смыслъ: у рабочихъ нѣтъ ничего, кромѣ рабочей силы, и все его „богатство“ сводится къ возможности примѣнить ее въ производствѣ.

Но, въ чемъ главная ошибка г. Туганъ-Барановскаго, это въ томъ, что онъ не понимаетъ вообще того механизма, который ведетъ рынокъ отъ временнаго разстройства къ новому процвѣтанію, и потому г. Туганъ-Барановскій придумываетъ такой механизмъ именно въ видѣ фантастическаго производства машинъ и угля ради машинъ и угля. Дѣйствительность не нуждается въ такихъ утопическихъ методахъ, и путь ея несравненно проще. Чтобы понять его, надо имѣть въ виду слѣдующее:

Во-первыхъ, кризисъ не только стихійно возникаетъ вслѣдствие неорганизованности социальной системы, но еще болѣе стихійно протекаетъ, и въ своихъ размѣрахъ идетъ дальше, чѣмъ до восстановления простаго равновѣсія между основной — потребительной частью рынка и всѣми остальными его областями. Волны кризиса, усиленные общимъ потрясеніемъ кредита, съ особенной силой поражаютъ тѣ сферы производства, которыя зависятъ въ отношении спроса на ихъ продукты отъ наибольшаго числа другихъ отраслей, т. е. производство угля, желѣза, машинъ и другихъ средствъ производства. Здѣсь крушение получается относительно наибольшее, какъ результатъ наибольшаго числа ударовъ со всѣхъ сторонъ. Въ производствѣ средствъ потребления упадокъ относительно меньше, — но также неизбѣжно превосходитъ по размѣрамъ то непосредственное суженіе потребительнаго спроса, въ которомъ лежитъ начало кризиса; ибо непроданные большіе запасы продуктовъ заставляютъ до минимума сократить текущее производство, а въ иныхъ предпріятіяхъ и совсѣмъ временно его приостановить. Кризисъ, такимъ образомъ, рѣзко перевертываетъ все соотношение частей системы: потребительный спросъ къ моменту начала кризиса былъ недостаточенъ для предпріятій, его удовлетворяющихъ, а спросъ со стороны этихъ предпріятій недостаточенъ для предпріятій, доставляющихъ имъ орудія и материалы и т. д., въ извѣстной уже намъ цѣпной связи; теперь же, наоборотъ, какъ ни суженъ потребительный спросъ, но отрасли, его удовлетворяющія, сгузили свою работу еще сильнѣе (пока не растаютъ ихъ запасы, разумѣется), а отрасли, приготавлиющія для нихъ орудія и материалы — еще сравнительно сильнѣе и т. д.

Очевидно, что такое положеніе системы уже заключаетъ въ себѣ необходимыя условія для начала новаго поворота, къ подъему. Волна расширенія должна возникнуть приблизительно тогда, когда въ отрасляхъ, имѣющихъ дѣло съ потребителями, залежавшіяся товары будутъ въ наибольшей долѣ проданы, и явится необходи-

мость усилить производство, чтобы удовлетворять дальнѣйшій спросъ; это обнаружится, конечно, въ нѣкоторомъ повышении цѣнъ. Чтобы расширить работу, данныя группы предприятий принуждены будутъ сдѣлать заказы въ тѣхъ отрасляхъ, которыя доставляютъ имъ материалы и орудія, такъ что и тутъ начинается нѣкоторое оживление, и т. д. Каждый этапъ этой возвратной волны, въ свою очередь, порождаетъ извѣстное расширение потребительнаго рынка, а слѣдовательно, и производную волну подъема: увеличивается число занятыхъ рабочихъ, расширяется потребленіе буржуазіи; процессъ идетъ такимъ образомъ дальше и дальше, самъ себя непрерывно поддерживая и ускоряя, пока не приведетъ, наконецъ, черезъ новое процвѣтаніе къ неизбѣжному новому крушенію.

Въ стадіи подъемнаго движенія цѣпная связь рынка играетъ, какъ видимъ, совершенно такую же роль, какъ въ стадіи развивающагося крушенія; только, разумѣется, восстановительная работа выполняется гораздо медленнѣе, чѣмъ предыдущая разрушительная: всюду, въ природѣ и въ обществѣ, явленія дезорганизации могутъ протекать съ большей скоростью, чѣмъ соотвѣтственная творческая работа жизни.

Переходъ отъ кризиса къ оживленію облегчается еще одной, экономически очень важной особенностью кризиса: онъ есть своеобразная провѣрка и переоцѣнка капиталистическихъ цѣнностей. Онъ разрушаетъ менѣе жизнеспособныя предприятия; — а тѣ, которыя болѣе жизнеспособны, переживъ кризисъ, получаютъ больше простора для своего развитія, легко — часто за безцѣнокъ — собираютъ технические остатки капитала погибшихъ конкурентовъ, и тѣмъ шире развертываютъ свою жизнедѣятельность въ слѣдующемъ циклѣ.

Итакъ, ни общія причины кризисовъ перепроизводства, ни связь ихъ со стадіями процвѣтанія не представляютъ никакихъ принципиальныхъ загадокъ, разъ понято строеніе мірового рынка, анархическаго въ своемъ цѣломъ, организованнаго планомѣрно въ своихъ элементахъ, объединеннаго переплетающейся цѣпной связью своихъ отраслей.

* * *

Предыдущій анализъ объяснилъ намъ необходимую цикличность колебаній производственной системы капитализма. Но онъ никоимъ образомъ не даетъ указаній на правильную періодичность кризисовъ, на сколько-нибудь постоянную продолжительность промышленнаго цикла. Здѣсь легко установить только рядъ влияній, способныхъ вызывать удлиненіе этого цикла, и рядъ другихъ влияній, направленныхъ къ его сокращенію. Тѣ и другія при развитіи капитализма дѣйствуютъ одновременно.

Главное замедляющее условіе тутъ, несомнѣнно, возрастаніе самой системы, ея обширности и сложности: объединеніе различ-

ныхъ капиталистическихъ странъ, именно путемъ обмѣна и кредита, — открытие новыхъ внѣшнихъ рынковъ, — развитие колоній въ капиталистическомъ направленіи, увеличивающее богатство этихъ странъ и, значитъ, емкость ихъ рынковъ. Очевидно, что для расшатыванія гигантски выросшаго механизма — надо больше времени, его стихійное сопротивление внутреннимъ противорѣчіямъ сильнѣе. При нынѣшнемъ интернациональномъ капитализмѣ уже возникшій кризисъ требуетъ нѣсколько лѣтъ, чтобы обойти всѣ страны. Соответственно должны удлиниться и другія части промышленнаго цикла.

Въ ту же сторону дѣйствуетъ то усложненіе производственнаго аппарата, которое зависитъ отъ прогресса въ раздѣленіи труда между предприятиями, отъ ихъ специализации на отдѣльныхъ стадіяхъ производства тѣхъ или иныхъ товаровъ. Длиннѣе становится цѣпь связей производственнаго аппарата, отъ предприятий, работающихъ прямо на потребителя, до предприятий, приготовляющихъ основныя средства труда; продолжительнѣе ходъ волнъ рынка, распространяющихся по линіи этихъ связей.

Развитая система кредита оказываетъ замедляющее вліяніе на нѣкоторыя части промышленнаго цикла. Крушеніе наступаетъ не такъ быстро, благодаря поддержкѣ, которую въ теченіе извѣстнаго времени находятъ со стороны кредита предприятия, уже на дѣлѣ не имѣющія достаточнаго сбыта. Но самый путь къ перепроизводству можетъ даже ускоряться дѣйствіемъ этой могучей экономической силы, собирающей разрозненныя частицы капитала, чтобы въ экономически-сильныхъ предприятияхъ онѣ служили дальнѣйшему расширенію производства. Есть основанія думать, что второе, ускоряющее вліяніе кредита, вообще говоря, болѣе значительно. Однако, нельзя съ увѣренностью утверждать, чтобы онъ всегда вліялъ въ сторону сокращенія цикла.

Наиболѣе сильное дѣйствіе въ смыслѣ уменьшенія періода кризисовъ долженъ оказывать прогрессъ техники сообщеній и сношеній. Быстрый транспортъ людей и товаровъ, усовершенствованная почта, телеграфы, телефоны, а также развитіе прессы съ ея объявленіями, и т. под., чрезвычайно ускоряютъ капиталистическое обращеніе: съ одной стороны, гораздо меньше тратится времени на отысканіе сбыта, съ другой — на доставку продуктовъ къ ихъ рынку. Соответственно сокращаются, очевидно, и всѣ фазы цикла.

Въ этомъ же направленіи должна вліять интеграція предприятий*, которая другимъ способомъ уменьшаетъ продолжительность обращенія: благодаря ей, короче становится цѣпь связей экономического механизма, потому что нѣсколько звеньевъ сливаются въ одно.

* Интеграціей называется соединеніе дополняющихъ другъ друга, раньше специализированныхъ предприятий, напр., — прядильнаго, ткацкаго и ситцепечатнаго дѣла, или желѣзо-плавильнаго съ желѣзо-дѣлательнымъ и машиностроительнымъ, и т. под.

Итакъ, во всякомъ случаѣ, существуетъ нѣсколько различныхъ моментовъ, отъ которыхъ зависитъ длительность промышленнаго цикла, и величина которыхъ измѣняется въ ходѣ капиталистическаго развитія. Не противорѣчитъ ли этому отмѣченный экономистами прошлаго вѣка фактъ правильной періодичности кризисовъ? Не указываетъ ли онъ на какой-то основной, упущенный нами моментъ, который остается приблизительно постояннымъ, и по сравнению съ которымъ прочіе ничтожны? Едва ли это такъ.

Въ дѣйствительности, равномерная періодичность наблюдалась только для трехъ цикловъ, по 10—11 лѣтъ, между 1825—1857 годами. Дальше, если брать общіе міровые кризисы, о которыхъ только и должна тутъ идти рѣчь, выступаютъ новыя цифры — 16 и 27 лѣтъ. И можно думать, что приблизительное равенство упомянутыхъ трехъ периодовъ въ XIX вѣкѣ само — случайный историческій результатъ временнаго равновѣсія замедляющихъ и ускоряющихъ вліяній въ теченіе второго и третьяго изъ нихъ. Легко убѣдиться, насколько это вѣроятно.

Первый періодъ — между половиной 20-хъ и половиной 30-хъ годовъ — специальному объясненію не подлежитъ: само собой понятно, что если крушеніе бываетъ слѣдствіемъ накапливающихся противорѣчій неорганизованнаго аппарата, то процессъ этотъ требуетъ при данныхъ условияхъ какого-нибудь опредѣленнаго промежутка времени, который здѣсь фактически и оказался около 11 лѣтъ.

Второй періодъ — примѣрно, отъ 1836 до 1847 года — былъ эпохой значительнаго расширенія тогдашняго капиталистическаго міра, быстрого развитія капитализма въ Соед. Штатахъ, явившихся новымъ огромнымъ полемъ для міроваго капитала, а также усиленнаго использованія англійскимъ и отчасти французскимъ промышленнымъ капитализмомъ ближайшихъ „внѣшнихъ рынковъ“; таковыми являлись болѣе отсталыя страны Европы, готовившіяся вступить, въ свою очередь, на путь капиталистической жизни, особенно Германия, Австрія. Это возрастаніе размѣровъ міровой системы движенія капитала само по себѣ должно было бы, какъ мы видѣли, увеличить въ замѣтной степени продолжительность цикла. Но въ то же время происходило другое важное явленіе: впервые созданы были желѣзнодорожныя сѣти, пароходство распространилось широко на рѣкахъ и на морѣ, телеграфъ былъ проведенъ въ массѣ мѣстностей, и т. под.; стремительный прогрессъ путей транспорта и сношеній, который долженъ былъ сильно ускорить стихійное движеніе капитала. — Роль другихъ вліяній врядъ ли была тогда сколько-нибудь велика; а эти два, дѣйствуя въ противоположныя стороны, могли въ достаточной мѣрѣ уравновѣсить другъ друга, чтобы измѣненіе цикла не превзошло въ общемъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ — величины, математически говоря, все же далеко не ничтожной по сравнению съ 10-го-дичнымъ періодомъ.

Третій циклъ, отъ 1847 до 1857 года, характеризовался также одновременно и значительнымъ расширеніемъ мірового капиталистическаго механизма — выступленіе Германии, отчасти Австріи на путь промышленнаго капитализма, захватъ множества новыхъ колониальныхъ рынковъ, — и развитіемъ способовъ транспорта и сношеній: масса новыхъ желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, и т. под., а также техническое ихъ усовершенствованіе. Врядъ ли, однако, на этотъ разъ первое влияніе было бы достаточно уравновѣшено вторымъ, которое все же было относительно слабѣе, чѣмъ въ предыдущемъ періодѣ; но путь къ перепроизводству былъ, сверхъ того, ускоренъ открытіемъ новыхъ источниковъ золота, особенно въ Калифорніи; огромныя количества золота, проникшія оттуда въ систему обращенія, придали, какъ всегда, болѣе быстрый, лихорадочный темпъ движенію мірового капитала. Въ общемъ, оказалось опять достаточно десяти лѣтъ на весь пробѣгъ отъ кризиса до кризиса.

Въ дальнѣйшемъ, равновѣсіе замедляющихъ и ускоряющихъ моментовъ нарушается. Въ методахъ сообщенія и сношенія большихъ переворотовъ уже не происходитъ, а капиталистическій міръ продолжаетъ разрастаться такъ же быстро или еще быстрѣе, чѣмъ прежде: одна за другой вступаютъ на широкую дорогу капитализма новыя страны; колониальные захваты почти не оставляютъ свободнаго уголка на поверхности земли. Дифференціация производства между предпріятіями въ эту эпоху еще усиливается, усложняя систему и удлинняя цѣпныя связи рынка; интеграція лишь позже начинаетъ играть крупную роль. Слѣдующій періодъ достигаетъ уже 16 лѣтъ: 1857—1873 годъ.

Существуетъ, впрочемъ, и иной взглядъ относительно этого. Полагаютъ, что періодъ, собственно, не измѣнился, но что обычный міровой кризисъ перепроизводства былъ замѣненъ двумя частными кризисами — англійскимъ кризисомъ хлопчатобумажной промышленности, который былъ вызванъ войной въ Соед. Штатахъ, прекратившей подвозъ хлопка въ Англию, и американскимъ финансовымъ кризисомъ 1868 года, возникшимъ на основѣ биржевыхъ спекуляцій.

Но какъ ни были значительны и остры эти частные кризисы, стоитъ ихъ сопоставить съ гигантскимъ потрясеніемъ 1873 и послѣдующихъ годовъ, опустошавшимъ одну страну за другою, чтобы видѣть, насколько несоизмѣримы эти явленія, насколько искусственны попытки представить ихъ, какъ болѣе или менѣе эквивалентныя. Тутъ сказывается предвзятая мысль теоретиковъ, которые хотѣли во что бы то ни стало подогнуть факты подъ схему десятилѣтней періодичности — обобщенія трехъ фактовъ. При этомъ схема все равно не выдерживалась: между 1857 и 1873 годомъ оказывалось два періода, около 8 лѣтъ каждый — разница на 2 года (точнѣе даже — на $2\frac{1}{2}$ года) съ предыдущими циклами.

Въ наибольшемъ кажущемся противорѣчи съ нашей точкой зрѣнія стоитъ странный 7-лѣтній промежутокъ между послѣдними кризисами — 1900 и 1907 года. Допустить скачекъ отъ 27-лѣтняго до 7-лѣтняго періода, при неизмѣнности тенденцій мирового капитализма, при гигантской массивности его аппарата — слишкомъ трудно безъ насилия надъ теоріей. Но если присмотрѣться ближе къ общимъ кризисамъ, то само собой выступаетъ простое объяснение.

Кризисъ 1900 г., можно сказать, миновалъ Америку; напротивъ, кризисъ 1907 г. имѣлъ Америку своимъ центромъ и исходнымъ пунктомъ, въ Англию же и Германию проникъ путемъ отражения. Каждый изъ нихъ по глубинѣ и длительности уступаетъ кризису 1873 года. Между прочимъ, и этотъ послѣдній въ Англии и Америкѣ разразился, какъ промышленный кризисъ, лишь черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего начала. Америка же въ частности, благодаря своему географическому положенію, съ одной стороны, а также благодаря своей протекционной политикѣ, съ другой — до сихъ поръ представляетъ весьма самостоятельную область мирового капитализма. Это объясняетъ, почему въ 1900—1901 г.г. она могла избѣгнуть общаго потрясения; къ тому же именно начало 1900-хъ годовъ было для нея эпохою быстрого захвата и использования новыхъ рынковъ, отнятыхъ у Испани. Такимъ образомъ, для Америки развязка отдалилась на нѣсколько лѣтъ, и кризисъ 1900 г. не достигъ полного мирового масштаба. Тутъ обнаружилось временное „двоцентрие“ капитализма. Когда перепроизводство наступило въ Америкѣ — Европа уже успѣла оправиться; кризисъ перекинулся и туда, но также не могъ достигнуть глубины настоящаго мирового кризиса. Словомъ, передъ нами два, раздѣленныхъ 7-ю годами, завершения одного поступательнаго процесса, двѣ половины великаго кризиса, соответствующаго кризису 1873—1878 годовъ.

Вопросъ о правильной періодичности кризисовъ сохранялся въ политической экономіи до послѣдняго времени только по инерции, въ силу консерватизма научной мысли; въ самой же дѣйствительности устраненъ давно. А нашъ анализъ строения мирового рынка, также устраняющій этотъ вопросъ, и здѣсь согласуется съ нею.

Теперь, опираясь на выработанную и во многомъ проверенную точку зрѣнія, мы можемъ перейти къ изслѣдованію болѣе сложной и необычной болѣзни мирового капитализма, той, которая протекаетъ на нашихъ глазахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

А. Богдановъ.

КАНТЪ СЪ ГИНДЕНБУРГОМЪ, МАРКСЪ СЪ КАНТОМЪ.

(Изъ лѣтописи идейной реакціи.)

Капитуляція передъ идеализмомъ и метафизикой является типичнымъ симптомомъ всякой общественной реакціи.

Въ то время, какъ въ массахъ возрождаются и новымъ пламенемъ вспыхиваютъ отжившія вѣрованія, казалось бы, утратившія власть надъ умами, — среди „лучшихъ людей“, среди передовыхъ элементовъ нации начинается эра господства превзойденныхъ историческимъ развитіемъ теорій и методовъ мышления.

Нѣмецкіе, французскіе, итальянскіе клерикалы торжествуютъ по поводу давно уже не видѣннаго ими подъема народнаго мистицизма. Всякаго рода гадалки, хироманты и пророки дѣлаютъ отличныя дѣла. Во французской печати совершенно серьезно военные специалисты писали о невозможности иначе объяснить побѣду при Марнѣ, какъ непосредственнымъ вмѣшательствомъ Жанны д'Аркъ.

Въ то же время въ искусствѣ всѣхъ цивилизованныхъ націй воцаряется удручающее суздалство. Верхарны, Анатоли Франсы, Демели наряжаютъ свою музу въ мундиръ защитнаго цвѣта. Въ поэзіи, говоря словами старой пѣсни Беранже,

„Заглушить грозитъ насъ этотъ непрестанный
Грохотъ барабанный, грохотъ барабанный...“

Въ то же время въ научной литературѣ вновь воскресаютъ теоріи „расовой борьбы“; „истины“ меркантилизма и примитивнаго протекціонизма совершенно серьезно изрекаются экономистами. Символическій актъ преклоненія человѣческаго разума передъ одолѣвшими человѣчество силами прошлаго представляетъ дипломъ доктора философіи, выданный кенигсбергскимъ университетомъ маршалу Гинденбургу.

„Вы воплотили въ себѣ верховный нравственный законъ,“ — писали простершіеся во прахъ профессора, приобщая бравата генерала къ духовному ордену Канта.

Годъ назадъ мнѣ пришлось цитировать меланхолическое изречение одного консервативнаго швейцарскаго журналиста, только что совершившаго поѣздку по воюющимъ странамъ и такъ резюмировавшаго свои впечатлѣнія: „самое тягостное, что порождаетъ война,

западно-европейской культуры. Но мы все еще внутренне сопротивляемся внушениям мировой истории, все еще пытаемся отстоять свою „самобытность“, основная черта которой — наше безправие, безволие и беззаботность человека по отношению к самому себе, к ближнему, к живым интересам своей страны.

Я совершенно не могу понять, каким образом гг. российские философы, стремясь освободиться от немецкого засилья с такою же похвальной энергией красноречия, с какою в начале XIX века они освобождались от засилья французского, — не видят того, что на смену засилью немецкому неизбежно должно придти какое-либо иное? Ведь, пока мы будем такими, каковы есть, наша дружба с европейцем всегда будет опасной дружбой глиняного горшка с чугунным котлом.

„Хрѣнь рѣдьки не слаще“, говорит нам народъ, а почему же для философовъ хрѣнь слаще рѣдьки?

Для того, чтобы насъ не грабили, не унижали, не ѣздили верхомъ на нашихъ шеяхъ враги внѣшние и — особенно тяжелые — внутренніе враги, намъ необходимо заботиться не о мистической „последней свободѣ“, а о завоеваніи простѣйшихъ гражданскихъ правъ. Надо попытаться сдѣлать страну грамотной и въ буквальномъ и въ политическомъ смыслѣ, необходимо разбудить и воспитать ея волю къ жизни.

Я не думаю, чтобы для России было полезно то отношеніе къ ней, которое устанавливаетъ нашумѣвшая книга Стефена Грехэма; вѣдь ясно: книга эта встрѣчена съ восторгомъ только потому, что, рисуя насъ блаженными бездѣльниками, она позволяетъ английскому капиталисту разсматривать Русь, какъ Африку, Индію, какъ будущую его колонию.

* * *

Читатель, видимо, относится къ вопросу о цѣнности дѣйствительнаго и созерцательнаго отношенія къ жизни болѣе серьезно, чѣмъ литераторы, — читатель поставилъ предо мною линію вопросовъ, которые удобно соединяются въ одинъ рѣзкій вопросъ:

„Мощна ли Русь духовно или немошна?“

Прямой и точный отвѣтъ — все равно положительный или отрицательный — на вопросъ, поставленный столь круто, я считалъ бы непростительнымъ легкомысліемъ; въ лучшемъ случаѣ такой отвѣтъ выразилъ бы только единоличное мнѣніе нѣкоего человека, мнѣніе, не имѣющее особенно высокой цѣны. Величайшій нашъ гений Пушкинъ называлъ Русь „проклятой“, писалъ Вяземскому: „Я, конечно, презираю отечество мое съ головы до ногъ“; Лѣсковъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ русской жизни и психики, кричалъ, о русскомъ народѣ „дрянь родная“, „навозъ славянский“; можно напомнить еще не мало подобныхъ воплей отчаянія, вырвавшихся

изъ сердца лучшихъ русскихъ людей. Навсегда останется поучительнымъ скорбное письмо Чаадаева.

Всѣ эти возгласы тоски, гнѣва вызваны, несомнѣнно, заботою о родинѣ, любовью къ ней, всѣ они свидѣтельствуютъ о томъ, какъ трудно жить на Руси честному человѣку. Но честному человѣку вездѣ трудно живется и — въ свое время — точно такъ же мучительно стонали Байронъ, Гейне, Леонарди, Гюго.

Я, конечно, не стану отвѣчать на вопросъ — мощна Русь или немощна, но я не могу скрыть тревогъ и сомнѣній, которыя возбуждаетъ у меня дѣйствительность.

Меня — скажу прямо — возмущаетъ мишиловскій оптимизмъ неожиданныхъ „патріотовъ“, которые еще вчера были яростными нигилистами и, принося всякую дисциплину, всякую организацію въ жертву произволу человѣка „изъ подполья“, сѣяли въ мозгахъ русской молодежи болѣзненный „мистическій анархизмъ“, отвлекая ее отъ рѣшенія проблемъ общественнаго реальнаго бытія.

Въ той трагической позиціи, въ которую мы поставлены планетарной исторіей и нашимъ разгильдяйствомъ, — оптимизмъ Маниловыхъ не только не умѣстенъ, онъ — преступенъ. Я понимаю — есть моменты, когда всѣми средствами необходимо возбуждать бодрость духа, — но легкомыслие и ложь здѣсь также вредны, какъ патока при тифѣ. Надобно смотрѣть прямо въ глаза суровой правдѣ, — только знаніе этой правды можетъ возстановить нашу волю къ жизни, — волю издревле слабо организованную и еще болѣе расшатанную неисчислимыми несчастьями, которыя мы пережили за послѣднія 15 лѣтъ. Нужно бросить пророчества и дѣятельно приняться за изученіе своихъ силъ, за возрожденіе своей воли.

Съ того дня, какъ насъ лишили водки, мы начали опьяняться словами. Любовь къ слову, громкому и красному, всегда свойственна россиянамъ, но никогда еще словоблудіе не разливалось по Руси столь широкимъ потокомъ, какъ разлилось оно въ началѣ войны. Хвастовство русской мощью, „безкорыстіемъ русской души“ и прочими качествами, присущими исключительно намъ, — хвастовство въ стихахъ и прозѣ оглушало, словно московскій колокольню-мѣдный звонъ. И, какъ всегда, въ моменты катастрофъ, громче всѣхъ кричали жулики.

Теперь съ несомнѣнною выяснилось, что въ міровомъ несчастіи, наиболѣе трагическомъ именно для насъ, — мы обнаружили и обнаруживаемъ наименьшее количество гражданскихъ чувствъ и доблестей. Полагаю, нѣтъ надобности приводить доказательства социальнаго распада и гніенія, — доказательства эти у всѣхъ на глазахъ. Повсемѣстный взаимный грабежъ, безстыднѣйшее воровство, распутство, дикіе кутежи, — всѣ знаютъ объ этомъ. Наживая огромныя деньги безъ труда, безъ заботъ, люди болѣзненно стремятся къ развлеченіямъ; кабаки и театры биткомъ набиты, раз-

вилась маниакальная страсть покупать предметы роскоши, ювелиры торгуют великолѣпно.

Есть люди, которые, стремясь утѣшить себя и другихъ, говорятъ, что подобная же оргія царить и у нашихъ враговъ и у нашихъ союзниковъ. Напомню читателю мудрую русскую пословицу: „Чужой дуракъ — веселье, а свой — безчестье“.

Разумѣется, въ каждой странѣ довольно много безстыдниковъ и воровъ, которыхъ война жирно кормить и очень радуешь. Но у меня есть всѣ основанія быть убѣжденнымъ, что для гражданъ Западной Европы, друзей и враговъ нашихъ, понятие „отечество“ насыщено болѣе опредѣленнымъ и реальнымъ содержаніемъ, чѣмъ то содержание, которое влагаетъ въ понятие „отечество“ русский чело-вѣкъ, не гражданинъ и не хозяинъ въ своей странѣ, а просто — житель, всесторонне подчиненный стихійной волѣ начальства.

Нѣтъ, ужь если мы можемъ похвастаться чѣмъ-то предъ Европой, такъ это тѣмъ, что у насъ воруютъ безстыднѣе и больше.

* * *

Въ странѣ наблюдаются явные признаки духовной усталости понижения творческой энергии, и первымъ признакомъ этого я считаю отсутствие талантливыхъ людей почти во всѣхъ областяхъ дѣятельности, если исключить область науки.

Талантливость, это — пафосъ, повышенное, пламенное чувство любви, гнѣва, состраданія, ненависти, тоски; талантливость — напряженное стремленіе чело-вѣка къ борьбѣ, къ самозащитѣ и защитѣ людей отъ злыхъ началъ природы и социальной жизни.

Замѣтно, что каждый разъ, когда тотъ или иной коллективъ подвергается давленію извнѣ, переживаетъ трагические годы, онъ, сжимаясь, создаетъ, кристаллизуетъ внутри себя рядъ личностей, которыя являются выразителями его чувствъ, мыслей, цѣлей и настроеній. Такъ было въ годы Возрожденія, наканунѣ Великой революціи; Польша создала Мицкевича, Красинскаго и Словацкаго, въ пору величайшихъ несчастій своихъ, величайшаго угнетенія ея свободы, и всегда эпохи національныхъ и общественныхъ тревогъ являлись эпохами наиболѣе напряженнаго творчества, были богаты талантами.

Шекспиръ, какъ нельзя болѣе, на мѣстѣ въ бурное время Елизаветы, но спокойное устоявшееся тамбовское бытіе не можетъ создать ни Кромвеля, ни Наполеона, ни Свифта, хотя именно Свифтъ былъ бы чрезвычайно полезенъ Тамбову и Калугѣ нашихъ дней.

Жизнь нашей провинціи, все еще сонная, мечтательная, надѣющаяся на помощь откуда-то извнѣ, со стороны, — эта жизнь не можетъ вызвать ни пламенной любви, ни острой ненависти, ни гнѣва, ни состраданія. Она вызываетъ, — да и то въ лучшемъ случаѣ, — то русское лирическое безпокойство, которое такъ легко гасится кабакомъ и застольной болтовней.

Мы, русские, живемъ подъ давленіемъ, вполнѣ достаточнымъ для того, чтобы оно могло сплотить, сжать насъ во единое цѣлое, этотъ гнетъ долженъ бы выдѣлить изъ крови и нервовъ Россіи людей великаго гнѣва, скорби, любви, — людей пламеннаго чувства.

Не выдѣляетъ.

И это очень тревожно.

* * *

Я думаю, что причины „упадка духа“ нашего — естественны. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ народъ сдѣлалъ стихійную, но мощную попытку развязать себѣ руки, разжать уста. Попытка эта кончилась неудачей, но ее все-таки необходимо оцѣнить высоко, ибо она была первымъ за всю нашу исторію напряженіемъ воли всего народа. Затѣмъ всѣ мы снова свалились въ ту грязную яму, изъ которой Русь такъ долго и съ такимъ трудомъ пыталась вылѣзть. Это паденіе, увлекшее за собою почти всю демократическую интеллигенцію, создало въ странѣ тяжкую драму, социально-педагогическое значение которой до сей поры не оцѣнено и не понято, но, несомнѣнно, сильно подорвало духовную энергію страны.

Первымъ послѣдствіемъ реакціонной катастрофы было рѣзкое пониженіе вѣры въ свои силы, — вѣры, которая все-таки разрослась достаточно. Затѣмъ разразилась эпидемія самоубійствъ — она унесла изъ жизни не мало сотенъ чуткой и совѣстливой молодежи, а оставшіеся въ живыхъ заразились скептицизмомъ, который сказался и пониженіемъ личной морали, и беззаботностью къ общественнымъ вопросамъ.

Совершенно естественно, что ученики, видя учителей и вдохновителей своихъ ренегатами, перестаютъ вѣрить въ силу и правду тѣхъ ученій, которыя преподавались имъ годы и годы.

Процессъ, который мы переживаемъ за эти 10 лѣтъ, не является процессомъ роста души, расширенія и углубленія нашихъ міровоззрѣній, — это процессъ смарщиванія, суженія запросовъ къ жизни, къ себѣ самимъ, процессъ духовнаго одряхлѣнія. Дряхлость ясно выразилась и въ старческомъ смакованіи вопросовъ пола, религіи и въ нигилизмѣ социальномъ; объ этой дряхлости печально свидѣлствуетъ современная безкровная, красивенькая поэзія, современная литература чистенькихъ фразъ, крошечныхъ идей — литература, еще такъ недавно бывшая законной и единственной нашей гордостью.

И когда видишь это общее пониженіе талантливости въ странѣ, это отсутствіе паѳоса чувствъ, — невольно думается, что за 15 лѣтъ непрерывной драмы, въ которой живетъ Русь, мы устали, и энергія наша надолго израсходована.

Я хотѣлъ бы, чтобы меня убѣдили въ ошибку, ничто не помѣшаетъ мнѣ сознаться въ ней, если она будетъ доказана. Но

пока этого не сдѣлано, я — гражданинъ своей страны, — имѣю неоспоримое право говорить о моихъ тревогахъ и долженъ говорить о нихъ.

Каждый человекъ ответствененъ за тѣ мерзости, которыя творятся въ его домѣ, его городѣ, его странѣ.

Нехорошо мы живемъ, читатель, до ужаса нечистоплотно, нечестно и холодно мы живемъ.

Намъ необходимо сдѣлать нѣкое усилие воли, дабы встать на ноги и дружно взяться за дѣло самозащиты отъ враговъ ближайшихъ къ намъ.

М. Горькій.

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ ВЪ МИРОВОЙ ВОЙНѢ.

Въ предыдущей статьѣ было установлено, что источникъ и центръ мирового конфликта надо искать на Западѣ — въ столкновении интересовъ англо-французскаго и германскаго національнаго капитала¹. Тамъ, въ странахъ „высокаго капитализма“, финансовые и промышленные „короли“ не подѣлили мира въ экономической борьбѣ; и побѣжденный рублемъ бросился съ дубьемъ на счастливаго конкурента и побѣдителя. — Но каково же мѣсто нашей родины на этомъ, казалось бы, довольно чужомъ пиру? Почему Германия, съ крикомъ „Gott strafe England“, объявила войну Россіи? — Очевидно, въ Германіи не сомнѣвались, что Россія не можетъ не принять участія въ мировой схваткѣ; очевидно, тамъ понимали, что именно русскому народу придется вынести на себѣ главную тяжесть небывалой войны. Но почему?

Преслѣдуетъ ли Россія свои жизненные интересы, осуществляетъ ли насущныя историческія задачи въ настоящей войнѣ? Или дѣло не въ матеріальныхъ интересахъ, а въ нѣкоторыхъ невѣсомыхъ национально-государственныхъ благахъ, въ достиженіи нѣкоторыхъ цѣлей идеальнаго порядка? Или, наконецъ, дѣло въ вѣрности „клочку бумаги“, въ исполненіи договоровъ и союзныхъ обязательствъ?... Мы не задаемся цѣлью разсмотрѣть вопросъ во всемъ его объемѣ. Мы хотимъ только вкратцѣ взглянуть, каковы дѣйствительные реальные интересы Россіи въ мировой вооруженной борьбѣ. Что можетъ приобрести или что можетъ отстоять для себя Россія при полной побѣдѣ согласія?... Предпримемъ бѣглый обзоръ нашихъ экономическихъ интересовъ. Но сначала сдѣлаемъ необходимое замѣчаніе къ методологии и порядку изложения.

Понятіе „защиты нашихъ интересовъ“ можно конкретизировать, „развернуть“ и расчленивъ слѣдующимъ образомъ. Во-первыхъ, защищая интересы, можно стремиться лишь къ сохраненію прежнихъ нормъ и можно, наоборотъ, добиваться измѣненія ихъ въ

¹ См. „Лѣтопись“, Февраль 1916 г. „Русская публицистика о происхожденіи войны“.

свою пользу; въ первомъ случаѣ будетъ идти рѣчь о фактической оборонѣ, о защитѣ status quo, во второмъ случаѣ о фактическомъ нападении, о нарушении status quo въ своихъ интересахъ — независимо отъ того, кто является формальнымъ зачинщикомъ борьбы. Во-вторыхъ, можно защищать свои интересы у себя дома, можно стремиться стать въ своемъ домѣ полнымъ хозяиномъ и завести тамъ любые порядки; и можно имѣть интересы на сторонѣ и стремиться установить желаемые порядки въ чужихъ краяхъ (это можетъ быть и нападениемъ и обороной, и сохранениемъ и нарушением status quo). Въ третьихъ, надо установить, чьи именно интересы требуютъ отстаиванія тѣхъ или иныхъ нормъ; ибо современные нации-государства дѣлятся на классы, интересы которыхъ далеко не всегда совпадаютъ и очень часто противорѣчатъ другъ другу; такъ, напр., интересы нашихъ сельскохозяйственныхъ классовъ (помѣщиковъ и крестьянъ) требуютъ свободнаго ввоза дешевыхъ земледѣльческихъ машинъ и орудій, а интересы промышленнаго капитала требуютъ ограждения отъ иноземнаго засилья высокими таможенными ставками... Мы видимъ, что, говоря объ интересахъ Россіи въ настоящей войнѣ, мы должны вести разсужденіе въ трехъ различныхъ и независимыхъ другъ отъ друга плоскостяхъ. По меньшей мѣрѣ, мы должны твердо помнить обо всѣхъ этихъ особыхъ сторонахъ и граняхъ понятія „защиты интересовъ“. И въ нашемъ изложеніи, сообразно всему вышесказанному, мы будемъ придерживаться такого порядка. Сначала бросимъ бѣглый взглядъ на интересы Россіи въ другихъ странахъ, въ чужихъ краяхъ, во внѣшней политикѣ; а затѣмъ посмотримъ, какія нормы внутренней экономической политики наиболѣе соответствуютъ интересамъ Россіи, какіе порядки намъ нужны у себя дома. И во внѣшней и во внутренней политикѣ мы будемъ взвѣшивать интересы отдѣльныхъ классовъ. И, наконецъ, — для той и другой области экономической политики и для отдѣльныхъ классовъ, — мы постараемся уяснить, какую роль можетъ сыграть война, охраняя или измѣняя status quo Россіи. — Съ такими намѣреніями и съ такими предпосылками мы и приступимъ къ дѣлу.

Изъ предыдущей статьи было видно, что въ западныхъ передовыхъ странахъ дѣла внѣшней политики вершить всецѣло промышленно-финансовый капиталъ. Т. е. классомъ, заинтересованнымъ въ созданіи извѣстныхъ нормъ международныхъ экономическихъ отношеній, является тамъ буржуазія. Обращаясь къ интересамъ Россіи во внѣшнихъ областяхъ и странахъ, мы, естественно, должны прежде всего поинтересоваться, каковы интересы русскаго капитала на внѣшнихъ рынкахъ. Это значитъ, что мы прежде всего вступаемъ въ область русскаго имперіализма.

Русская промышленность работала на внѣшние рынки еще въ докапиталистическую эпоху. Въ 1793—4 гг. одного только полотна Россія экспортировала до 15 милл. аршинъ, на сумму (на наши

деньги) около 10 милл. руб.¹ Нашъ промышленный капитализмъ имѣлъ дѣло съ внѣшними рынками съ самаго дня своего возникновенія. И не только имѣлъ дѣло, но крайне интересовался ими и всегда выдавалъ завоеваніе ихъ за насущную государственную задачу. Уже давно русскій империализмъ, при всѣхъ своихъ количественныхъ и качественныхъ отличіяхъ отъ современнаго западнаго империализма, оказывалъ огромное вліяніе на нашу внѣшнюю политику. Интересы капитала играли рѣшающую роль въ нашихъ персидскихъ, турецкихъ, среднеазиатскихъ, дальневосточныхъ, да и нѣкоторыхъ европейскихъ войнахъ прошлаго и текущаго вѣка. — Нельзя сомнѣваться въ томъ, что „открытие“ внѣшнихъ рынковъ и созданіе тамъ для себя монополии всегда было выгодно и желательно для русской буржуазіи. Но можно ли допустить мысль, что въ этомъ заключается для нея какое-либо подобіе „жизненнаго интереса“, какъ это мы констатировали въ прошлый разъ для Англии и Франціи?

Двухъ отвѣтовъ тутъ быть не можетъ. Нашъ промышленный экспортъ до сихъ поръ ничтоженъ и до войны достигалъ всего 65—70 милл. руб. Ко всему нашему промышленному производству онъ составляетъ не болѣе одного процента¹; въ общей суммѣ нашего вывоза онъ совершенно незамѣтенъ, и его относительное значеніе за цѣлое столѣтіе почти не возросло: въ 1802—1804 гг. вывозъ готовыхъ издѣлій составлялъ 8,4% ко всему экспорту, въ 1850—55 гг. — 9,7%, въ 1881—1885 гг. — 2,0%, въ 1906—1910 гг. — 5,0%². И понятно, что изъ этихъ скромныхъ величинъ нашего промышленнаго экспорта далеко не все представляетъ изъ себя продуктъ крупнаго индустриальнаго капитала, дѣлающаго внѣшнюю политику... При такихъ условіяхъ, мы должны а priori предполагать, что для нашего капитала вообще — въ настоящій періодъ его развитія—внѣшніе рынки и империалистская политика не могутъ быть „насушной потребностью“, не могутъ считаться необходимымъ условіемъ здороваго роста отечественнаго капитализма. Но это должно не только предполагать, а и утверждать категорически.

Въ самомъ дѣлѣ, говоря о нашихъ насущныхъ интересахъ въ Персіи, Турціи, Китаѣ и т. д., мы вмѣстѣ съ тѣмъ не перестаемъ твердить, что насъ самихъ превращаютъ въ колонию. Какъ извѣстно, мы очень охотно готовы выдавать себя за объектъ эксплуатаціи; и наша національная гордость никогда не мѣшаетъ намъ преувеличивать нашу экономическую слабость. Но во всякомъ случаѣ мы отлично знаемъ, что необъятная аграрная Россія представляетъ со-

¹ См. М. Н. Покровский „Очеркъ ист. русск. культуры“, М. 1915, стр. 128.

² См. К. Дембовскій, „Внѣшняя торговля Россіи“, „Вѣстникъ Финансовъ“ № 31, 34 и 35, за 1915 г.

бой неисчерпаемый рынокъ для индустриальнаго капитала. Мы только всегда имѣемъ въ виду въ такихъ случаяхъ непремѣнно иностранный капиталъ, а не свой собственный. Дѣйствительно, вывозя на 70 милл. фабрикатовъ, мы ввозимъ ихъ на 400 милл. руб. Но это и значить, что для нашего промышленнаго капитала, для его могучаго развитія и процвѣтанія — имѣется неограниченный просторъ внутри страны, у себя дома, по сю сторону таможенныхъ загражденій. Ни одна страна въ мірѣ не имѣетъ такого огромнаго „внѣ-капиталистическаго дополненія“, такихъ колоссальныхъ и близкихъ, такъ хорошо огражденныхъ отъ иноземной конкуренціи колоній, какія имѣются къ услугамъ нашего молодого и сравнительно слабаго капитализма — въ видѣ нашихъ неизмѣримыхъ аграрныхъ областей со многими десятками миллионовъ населенія. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше увеличивается емкость русскаго рынка. Съ развитіемъ денежнаго хозяйства, съ несомнѣннымъ экономическимъ подъемомъ деревни за послѣднее десятилѣтіе — все болѣе тучной становится почва для нашего промышленнаго капитала; все легче становится ей поглотить безъ остатка весь его продуктъ, а въ придачу и огромный индустриальный импортъ отъ иноземныхъ „засильниковъ“.

Сомнѣній быть не можетъ: россійская буржуазія, подобно европейской, имѣетъ хорошіе аппетиты и большое пристрастіе къ расширенію рынка за счетъ чужихъ, отсталыхъ странъ; но, въ противоположность европейской, она не имѣетъ, въ этомъ никакого подобія насущной необходимости. Безразлично — пожелалъ бы русскій империализмъ добиваться новыхъ „сферъ вліянія“ и новаго болѣе выгоднаго status'a, или сталъ бы онъ вооруженной рукой защищать свои уже пріобрѣтенныя права и охранять свой старый status — онъ не имѣлъ бы того „историческаго оправданія“, какое имѣетъ империализмъ въ странахъ „высокаго капитализма“ . . .

Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что со всѣмъ этимъ не согласятся сами представители нашего національнаго капитала. Даже навѣрное не согласятся. Но смогутъ ли они не признать того, что для насъ гораздо важнѣе: что въ настоящей нашей войнѣ съ Германіей, какъ бы ни была она удачна, дѣйствительно не осуществляется никакихъ империалистскихъ задачъ. Экономическихъ интересовъ этой категоріи Россія въ этой войнѣ не имѣетъ. — Въ самомъ дѣлѣ, бросимъ взглядъ на интересы нашего капитала въ тѣхъ чужихъ краяхъ, которые являются объектами нашей активной внѣшней политики.

Начнемъ съ Дальняго Востока. — Китай, Манчжурія, Монголія, Корея представляютъ интересъ, главнымъ образомъ, для нашей мануфактуры. Заинтересованныя фирмы тутъ, можно сказать, наперечетъ, и потому говорить объ интересахъ на Дальнемъ Востокѣ нашего національнаго капитала совершенно не приходится. Но въспросъ въ томъ, что можетъ дать для заинтересованныхъ группъ настоящая война? — Если бы мы обратились къ исторіи нашихъ

дальневосточныхъ отношеній, то легко убѣдились бы, что интересы русскихъ промышленныхъ группъ никогда не сталкивались на Дальнемъ Востокѣ съ германскими интересами. Напротивъ, германскій капиталъ, въ своихъ интересахъ, доселѣ поощрялъ и поддерживалъ нашъ собственный *Drang nach Osten*¹. Если же мы обратимся къ свидѣтельству самихъ заинтересованныхъ группъ о современномъ положеніи дѣлъ, то увидимъ, что о Германіи, какъ о своемъ конкурентѣ на Дальнемъ Востокѣ, онѣ почти не упоминаютъ. Германия въ этихъ краяхъ еще совершенно ничтожная величина... „Главными конкурентами нашими въ собственномъ Китаѣ (какъ и въ Манчжуріи)... являются Англія, Америка, Японія и Индія“². Особенно же страшнымъ конкурентомъ-побѣдителемъ и хозяиномъ положенія на Дальнемъ Востокѣ — является, конечно, наша союзница Японія³.

Она рѣшительно вытѣсняла нашу мануфактуру съ ея китайскихъ и манчжурскихъ позицій до настоящей войны. Но не очевидно ли, что съ началомъ войны мы уже окончательно и добровольно уступили ихъ молодому, но энергичному японскому капиталу. Политика Японіи за время войны и, въ частности, ея знаменитые ультиматумы и директивы Китаю, не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что японскій капиталъ, именно благодаря русско-германской войнѣ, совершенно безпрепятственно станетъ полнымъ господиномъ на Дальнемъ Востокѣ. На русскомъ же дальневосточномъ „расширеніи“ именно эта война поставитъ крестъ⁴. ... Правда, та самая легкость, съ какой приносится эта жертва инымъ „национальнымъ благамъ“, достигаемымъ побѣдой надъ Германіей, уже сама по себѣ свидѣтельствуеетъ о томъ, какъ ничтожны интересы русскаго капитала на Дальнемъ Востокѣ. Но для насъ, собственно, важно здѣсь только то, что въ данномъ

¹ См. „Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ“. Изд. „Гранатъ“. Вып. 35 ст. М. Н. Покровскаго. „Внѣшняя политика Россіи“.

² См. Мин. Торг. и Пром. „Русская мануфактура и ея конкуренты на китайскомъ рынкѣ“. СПб. 1914.

³ См. Ник. Штейнфельдъ, „Мы и японцы въ Манчжуріи“. Харбинъ, 1913 г., а также К. Надеждинъ, „Экономич. стремл. Японіи въ Китаѣ“. „Новый Экономистъ“, № 15 за 1915 г.

⁴ Петроградское телеграфное агентство недавно сообщало объ опубликованіи обращенія японскаго анонимнаго общества въ Китаѣ къ японскому правительству, рекомендующаго Японіи использовать благоприятный моментъ для укрѣпленія положенія въ Китаѣ. Дальневосточная печать, со словъ „Рек. D. news“, приводит текстъ этого обращенія:

„Въ виду особой заинтересованности Японіи, — говорится въ обращеніи, — въ сохраненіи порядка въ Китаѣ, державы признали за нею доминирующій голосъ въ китайскихъ дѣлахъ. Японское правительство должно, поэтому, немедленно предъявить Китаю третье предостереженіе.“

Съ началомъ войны въ Европѣ, никто не осмѣливается противостоятъ Японіи въ ея дѣйствіяхъ къ востоку отъ Суэцкаго канала. Поэтому, настоящій моментъ наиболѣе удобенъ для того, чтобы Японія перешла къ рѣшительной и опредѣленной программѣ своихъ дѣйствій и разъ навсегда разрѣшила такъ называемый китайскій вопросъ“. („Рѣчь“ 14 февр. 1916 г.)

случаѣ мы имѣемъ дѣло именно съ жертвой, а никакъ не съ выгодой. Не здѣсь, очевидно, реализуется наша национальная задача.

Пойдемъ дальше. — „Наши интересы“ въ Средней Ази, точнѣе — въ ея внѣшнихъ областяхъ, конечно, еще менѣе значительны, чѣмъ на Дальнемъ Востокѣ. Но каковы бы они ни были, въ данномъ случаѣ еще болѣе очевидно, что къ ограждению и укрѣпленію ихъ русско-германская война не можетъ имѣть ни малѣйшаго отношенія. Отъ Германии всѣ эти области настолько изолированы (по крайней мѣрѣ, до постройки багдадской и транс-персидскихъ желѣзныхъ дорогъ), что здѣсь германскій капиталъ не имѣетъ пока ни силы, ни интересовъ, ни претензій. Напротивъ, уже много десятилѣтій нашей политикѣ приходится здѣсь сталкиваться съ другой нашей могучей союзницей, съ Англией. Наше „движеніе“ на юго-востокъ извѣстно въ Англии, какъ „русскій походъ на Индію“, который вызывалъ тамъ отчасти искреннія опасенія за свои интересы среди нѣкоторыхъ группъ, отчасти же просто муссировался милитаристскими кругами Англии. Во всякомъ случаѣ, традиціонныя тренія на этой почвѣ не могли быть ликвидированы англо-русскимъ соглашеніемъ 1907 года, согласно которому русское правительство признало „Афганистанъ находящимся внѣ сферы русскаго влияния“... Какъ бы то ни было, но не защитой нашихъ матеріальныхъ интересовъ въ Средней Ази можетъ быть объяснено русско-германское столкновение¹.

Не много новаго можно сказать о положеніи русскаго капитала въ Персиі. Количественно онъ заинтересованъ въ персидскомъ рынкѣ приблизительно такъ же, какъ въ китайскомъ. Но здѣсь, кромѣ текстильныхъ фирмъ, считаетъ себя заинтересованной и русская металлургія — поскольку не изсякаютъ у насъ проекты постройки на персидской территоріи желѣзныхъ дорогъ, телеграфа и т. д. (въ 1910 г. истекъ срокъ англо-русской конвенціи 1885 года, въ силу которой стороны обязались ни сами не строить, ни другимъ не позволять строить жел. дороги въ Персиі). Кромѣ того, русская промышленность, не въ примѣръ другимъ своимъ внѣшнимъ рынкамъ, въ Персиі является гегемономъ. Вывозъ ея въ Персію, во-первыхъ, очень быстро растетъ (за послѣднее десятилѣтіе — больше, чѣмъ вдвое), во-вторыхъ, составляетъ больше половины всего персидскаго импорта и, въ третьихъ, вдвое превышаетъ импортъ въ Персію наиболѣе сильной конкурентки Россіи. Причины этого заключаются, помимо близости Персиі къ Россіи и ея малой территоріальной доступности для другихъ странъ, въ рядѣ искусственныхъ мѣръ, которыми форсируется русскій экспортъ: въ возвратѣ пошлинъ и акциза, въ запрещеніи транзита иностранныхъ товаровъ

¹ Интересный матеріалъ по данному вопросу читатель найдетъ въ указанной статьѣ г. Покровскаго, а также въ книгѣ М. П. Павловича „Великіе морскіе и жел.-дор. пути“ Гл. II. СПб. 1913.

черезъ Кавказъ (благодаря чему нѣмецкіе товары могутъ попадать въ Персію только путемъ почтовыхъ посылокъ)... Но намъ опять таки интересно, съ кѣмъ сталкивается и конкурируетъ русская промышленность въ Персіи и не стремится ли здѣсь что-либо разрѣшить русско-германскій вооруженный споръ? — Лучше всего отвѣтятъ цифры¹.

Изъ	Ввозъ въ Персію (тыс. руб.):	
	1910/11 г.	1913/14 г.
Россіи	39.521	64 060 ²
Великобританіи	24.140	32.032
Турши	2.748	4.021
Франціи	2.748	3.533
Германіи	2.506	5.468

Дѣло совершенно ясно. Столкновение на персидскомъ рынкѣ съ германской промышленностью, какъ съ серьезнымъ конкурентомъ, было бы возможно лишь въ далекомъ будущемъ. Сейчасъ интересы въ Персіи никакъ не могли бы заставить Германію думать о войнѣ съ Россіей, а русскую промышленность — защищаться тамъ вооруженной рукой. „Превентивность“ была бы здѣсь доведена до полного абсурда... Напротивъ, съ Англійей намъ всегда приходилось „дѣлить“ персидскіе интересы и „сферы вліянія“; притомъ, несомнѣнно, что наши экономическія завоеванія тамъ совершались именно за счетъ нашей союзницы. И данный экономическій конфликтъ еще ни въ какой мѣрѣ не изжитъ: настоящая война только вводитъ его въ новую фазу. То различіе „точекъ зрѣнія“, которое проявляется въ современной, „военной публицистикѣ“, достаточно ясно формулировалъ нашъ официальный экономистъ, проф. Мигулинъ: „Ради чего же легли, — спрашиваетъ онъ, — миллионы людей и истрачены десятки миллионъ рублей, разорено государство?... Утѣшаетъ ли насъ заявленіе англійскихъ министровъ въ палатѣ депутатовъ, что основой персидской политики является независимость и неприкосновенность Персіи... Стоитъ сѣру Асквиту или сѣру Эд. Грею сдѣлать подобное заявленіе о Персіи, и, конечно, начнется у насъ разговоръ, что цѣль Англійи не допустить Россію къ Персидскому заливу и... и комментарии излишни. Нѣтъ, необходимо, чтобы не могло быть и намека на подобную цѣль у Англійи, тогда и недоумѣнію не будетъ мѣста“³... Во всякомъ случаѣ, интересы русскаго капитала въ Персіи также, какъ видимъ, не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ русско-германскому конфликту.

* * *

Гораздо сложнѣе и интереснѣе обстоитъ дѣло на Ближнемъ

¹ См. „Экономическіе интересы Россіи въ Персіи“ Теръ-Гукасова, „Вѣстн. Фин.“ 1915, №№ 34 и 35. См. также Павловича, I. с.

² Изъ этой суммы половина приходится на сахаръ, не включенный экспортной статистикой въ число готовыхъ издѣлій.

³ „Чѣмъ объясняется успѣхъ германцевъ“, ст. П. Мигулина въ „Новомъ Экономистѣ“ отъ 16 янв. 1916 г.

Востокъ. — Правда, по существу и по тѣмъ выводамъ, къ какимъ оно обязываетъ, положеніе дѣлъ на Ближнемъ Востокѣ ничѣмъ не отличается отъ вышеописаннаго. Мы должны твердо помнить, что „внѣшніе“ „жизненные интересы“ нашего капитала суть простая фикція, а разговоры о нихъ суть просто непомятая алчность, не имѣющая ничего общаго даже съ „жизненными“ империалистскими интересами англо-французскаго или германскаго капитала; въ частности же, наши торгово-промышленные интересы на всемъ Ближнемъ Востокѣ значительно меньше, чѣмъ въ одной Персіи. Русский ближне-восточный империализмъ всегда имѣлъ не экономическій, не „матеріальный“, а скорѣе чисто политическій, „духовный“, славянско-византійскій характеръ. И лучшимъ доказательствомъ — съ одной стороны, ничтожности нашихъ матеріальныхъ интересовъ на Ближнемъ Востокѣ, а съ другой — ихъ полной неприкосновенности къ русско-германской войнѣ — служить то обстоятельство, что ближневосточная проблема, въ ея современной постановкѣ, выплыла лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала войны, лишь со времени выступления Турціи. Къ объясненію генезиса русско-германскаго конфликта эту проблему притянуть никакъ нельзя. — Тѣмъ не менѣе — вѣдь настроенія мѣняются, а аппетитъ растетъ при ѣдѣ — въ настоящее время ближневосточная проблема приобрѣла большую практическую важность и не менѣй теоретическій интересъ. Изъ самыхъ официальныхъ и высокоавторитетныхъ сферъ сквозь всю толщу обывательскихъ массъ успѣла просочиться та истина, что „важнѣйшая наша историческая задача — на Ближнемъ Востокѣ“: уже это одно способно призвать къ особому вниманію всякаго, кому дороги судьбы народа, — ибо послѣдствія всего этого могутъ быть чрезвычайны. Но и самая постановка вопроса въ литературѣ заслуживаетъ нашего вниманія, — ибо едва ли когда до сихъ поръ убожество нашей общественной мысли достигало такихъ смѣхотворныхъ размѣровъ, и едва ли смѣхъ надъ собственнымъ убожествомъ когда-либо былъ такъ горекъ и такъ дорого стоилъ...

До первой балканской войны (1912 г.) Оттоманская имперія, можно сказать, почти олицетворяла собой весь Ближній Востокъ. И вотъ какой рынокъ она представляла собой для величайшихъ странъ Европы:

Изъ	Было ввезено въ Турцію:		1908--9 г.	
	1905--6 г.			
	въ фун. ст.	въ %	въ фун. ст.	въ %
Англія	9.642	35,05	8.257	30,00
Германія	1.163	4,22	1.698	6,16
Россія	1.597	5,80	2.188	7,94

Товарный экспортъ въ Турцію какъ изъ Россіи, такъ и изъ Германіи очень невеликъ. Господиномъ положенія тамъ еще является Англія; бороться приходится именно съ ней и именно у нея отвоевывать прочныя позиціи на Ближнемъ Востокѣ. — Но мы видимъ, что эта

борьба идетъ крайне успѣшно; и русская, и германская промышленность укрѣпляются въ Турци за счетъ английской. Британская гегемонія тамъ быстро ликвидируется. И въ данномъ случаѣ между Россіей и Германіей уже явно былъ возможенъ въ будущемъ, явно готовился конфликтъ — изъ-за англійскаго наслѣдства¹. Конфликтъ этотъ нельзя считать болѣе острымъ, чѣмъ англо-русскій антагонизмъ въ Персіи и Средней Ази; вооруженное столкновение здѣсь могло бы такъ же мало быть обоснованнымъ, какъ и тамъ. Но все же борьба національнаго капитала Россіи и Германіи здѣсь, несомнѣнно, назрѣвала. — Не она ли проявилась „превентивно“ въ настоящей войнѣ?..

Увы! близко былъ локоть, но укусить не удалось. На „противорѣчие интересовъ“ мы, наконецъ, напали. Но русско-германская война ведется при такихъ условіяхъ, что вопросъ — не тутъ ли зарыта собака — можетъ имѣть лишь риторическое значеніе. Вѣдь не ведетъ же въ самомъ дѣлѣ Англія Россію къ дѣлежу... англійскаго наслѣдства на Ближнемъ Востокѣ. Вѣдь надо думать — наоборотъ: Англія стремится приобрести въ войнѣ новыя жизненныя силы, и сама не прочь получить въ Турци русско-германское наслѣдство. Вполнѣ естественно, что съ началомъ войны англійская печать, — какъ сообщаетъ тотъ же официальный авторъ, проф. Мигулинъ, — заговорила о сохраненіи Турци и о „необходимости только изгнать турокъ изъ Европы и освободить отъ турецкаго владычества Аравію, Сирію, Палестину, Месопотамію, т. е. области, въ которыхъ Великобританія такъ или иначе заинтересована“. Но „почему же, — восклицаетъ проф. Мигулинъ, — германское наслѣдство въ Турци (Персидскій заливъ, Месопотамія, портъ Александретта, вообще районъ Багдадской ж. д.) должна получить Англія, которая безсильна противъ Германіи, а не Россія, на долю которой выпало сокрушить германскую мощь?.. Почему же добытое Россіей должна получить не она сама, а кто-то другой? Казалось бы, довольно и того, что въ случаѣ разгрома Германіи наибольшія выгоды получатъ наши союзники: такъ складываются обстоятельства. Настоящія компенсации на наши усилія мы можемъ получить только въ турецкомъ наслѣдствѣ Германіи“². — Мы совершенно ясно видимъ, какъ нашъ возможный въ будущемъ конфликтъ съ Германіей изъ-за англійскаго наслѣдства „превращается въ собственную противоположность“; онъ становится дѣйствительнымъ, настоящимъ и... довольно много общающимся.

Проф. Мигулинъ, въ цитированныхъ словахъ, въ сущности, лишь взыскуетъ справедливости и ратуетъ за свое право. Его побужденія и чувства вполнѣ понятны, и его разсужденія въ плоскости

¹ См. М. Покровскій „Русскій империализмъ въ прошломъ и настоящемъ“. „Просвѣщеніе“ № 1, 1914 г.

² См. П. Мигулинъ „Завѣщанныя предками задачи“, Нов. Экон., № 45 за 1915 г.

этики, въ сущности, совершенно правильны. Но официальный экономистъ и не пытается объяснить, у кого и какіе именно интересы существуютъ во всѣхъ этихъ Александреттахъ, Аравіяхъ и Месопотаміяхъ, кому и зачѣмъ именно онѣ нужны... Это тоже вполне понятно. Ибо онѣ дѣйствительно никому въ Россіи не нужны. И отъ стремления въ эти области недаромъ предостерегаютъ другіе идеологи русскаго имперіализма и капитала. Кромѣ затрудненій и опасностей они тутъ ничего не сулятъ. — Наиболѣе близкая и болѣе „несомнѣнная“ для насъ турецкая область — это, конечно, Армения. Но вотъ г. Милюковъ, съ „русской точки зрѣнія“ считаетъ невыгоднымъ и опаснымъ даже присоединеніе Малой Арменіи; и вполне правильныя его соображенія таковы: такое „рѣшеніе армянскаго вопроса“ широко открываетъ Арменію международному соперничеству, какъ экономическому, такъ и политическому... Связь съ Россіей неизбежно становится менѣе тѣсной. Въ то же время обязанность защищать расширенную Арменію дѣлается болѣе тяжелой. И, наконецъ, появленіе Россіи въ Средиземномъ морѣ ставитъ новыя задачи русскому военному флоту, не оправдываемыя современнымъ состояніемъ русской внѣшней торговли. Все это не можетъ не отражаться на отягощеніи русскаго плательщика, совершенно не пропорционально выгодамъ, которыя Россія можетъ непосредственно извлечь изъ такого расширенія своей сферы вліянія“¹. — Малоазіатскія территориальныя приобрѣтенія, какъ видимъ, признаются ненужными и вредными самими импералистами. Но въ чемъ же тогда „общепризнанная“ „важнѣйшая историческая задача на Ближнемъ Востокѣ“?

* * *

Всѣмъ извѣстно, что она заключается въ приобрѣтеніи Константинополя (съ Hinterland'омъ) и проливовъ. По словамъ проф. Мигулина, это для насъ — „кардинальный вопросъ; въ Россіи нѣтъ на этотъ счетъ разныхъ мнѣній“. „Обладаніе проливами и вообще то радикальное рѣшеніе ближневосточной проблемы съ русской точки зрѣнія только одно можетъ вообще оправдать огромныя жертвы, приносимыя Россіей въ этой войнѣ“, — такъ формулируетъ г. Струве единодушное мнѣніе нашего національ-либерализма... „Кардиналенъ“ вопросъ или нѣтъ, но мы видимъ, что чиновные писатели и „отвѣтственные“ руководители общественнаго мнѣнія ставятъ его кардинально. — Понимаютъ ли и раздѣляютъ ли все это наши союзники? Мы видимъ, что относительно судьбы Турціи существуетъ особая „англійская точка зрѣнія“. И если вѣрить проф. Мигулину, въ кардинальномъ вопросѣ еще не все окончательно ясно. „Наши союзники, — пишетъ онъ, — должны понять и оставить старое рутинное предубѣжденіе кротивъ мысли о господ-

¹ См. сб. „Чего ждетъ Россія отъ войны“, стр. 61.

ствѣ Россіи на берегахъ Босфора“... Эта рутинѣ, мать всѣхъ пороковъ. Въ самомъ дѣлѣ, „въ Гос. Думѣ, — пишетъ проф. Мигулинъ, — прямо было понято заявленіе правительства въ томъ смыслѣ, что между Россіей и ея союзниками существуетъ определенное соглашеніе, по крайней мѣрѣ, о проливахъ Мраморнаго моря и Константинополя. Изъ словъ Эд. Грея можно заключить, что такого соглашения нѣтъ, и что вопросъ будетъ предметомъ особаго обсуждения при выработкѣ условий мира. Общество наше заволновалось... Заключая военный союзъ и обязуясь вести войну до конца, до полного пораженія врага... союзныя правительства должны заранее (хотя бы и секретно) договориться о главнѣйшихъ и основныхъ пунктахъ приемлемаго мира, чтобы потомъ не было разногласій и чтобы побѣдители не подвергались опасности столкновений между собой какъ въ периодѣ войны, такъ и послѣ ея окончанія. Иначе побѣда легко можетъ свестись къ поражению. Свидѣтелями этого мы были такъ еще недавно во время балканской войны. И немыслимо допустить, чтобы министры одной союзной державы говорили по кардинальному вопросу одно, а министры другой — другое. Это, конечно, можетъ привести къ настоящей смутѣ“¹.

Положеніе, какъ видимъ, нелегкое. На пути — скалы и тайныя мели, а въ перспективѣ — бури. Слѣдовало ожидать, что хоть тутъ-то наше общественное мнѣніе мобилизуетъ всѣ свои духовныя силы, кликнетъ кличъ всѣмъ своимъ ученымъ и мудрецамъ и, по крайней мѣрѣ, докажетъ всему свѣту, сдѣлаетъ яснымъ, какъ день, кому, почему и для чего намъ необходимы Константинополь и проливы. Увы! мнѣ уже приходилось писать, что большей беспомощности, чѣмъ въ этомъ кардинальномъ вопросѣ, наша общественная мысль, пожалуй, нигдѣ не обнаруживала... Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ лидеры общественнаго мнѣнія вообще не даютъ никакихъ объясненій: въ Константинополѣ и проливахъ — „наша важнѣйшая историческая задача“, „насушная потребность“, „жизненный интересъ“ — и дальше ни съ мѣста. При попыткахъ же болѣе солиднаго обоснованія, болѣе конкретныхъ разьясненій получается неразбериха, подобная вавилонскому столпотворенію.

Были попытки экономического объясненія. „Могутъ сказать, — говоритъ цитированный официальный экономистъ, проф. Мигулинъ, что экономическое значеніе собственно Константинополя для Россіи, особенно въ ближайшее время, не особенно велико. Какъ столица Оттоманской имперіи, выжимавшая оттуда (изъ страны) всѣ соки, Константинополь представлялся доселѣ богатымъ торговымъ городомъ. Какъ портъ на берегу Босфора послѣ разрушенія Турецкой имперіи, какъ простой русской городъ, Константинополь не можетъ не потерять своего прежняго значенія. Политически Константинополь въ рукахъ Россіи вызоветъ извѣстное недовольство

¹ „Нов. Эконом.“, № 8 за 1915 г., стр. 5.

противъ насъ со стороны Греціи (прежде всего), Болгаріи, Румыни и отчасти Итали. Но это все не возраженіе противъ занятія Россіей Царь-града: экономическія выгоды наши достигаются занятіемъ проливовъ¹. — Итакъ, самостоятельнаго экономического значенія Константинополь не имѣетъ: жизненный экономическій интересъ заключается въ обладаніи проливами. Ясно, что рѣчь идетъ, слѣдовательно, не объ обычныхъ стремленіяхъ современнаго „высокаго“ империализма, не объ „открытіи“ или завоеваніи рынковъ, а объ обезпеченіи торговыхъ путей, выходовъ къ свободному морю. Вотъ гдѣ наша насущная потребность.

Однако, въ литературѣ уже встрѣчалось и то мнѣніе, что для свободы выхода въ Средиземное море совершенно не обязательно владѣніе проливами. Не только естественныя морскія сообщенія — Дарданеллы, Зундъ, Бельты, Гибралтаръ, — но и искусственныя сооруженія — Суэцъ, Панамскій каналъ — всегда открыты для свободнаго торговаго плаванія въ интересахъ международной торговли и для взаимныхъ выгодъ участвующихъ въ нихъ странъ. Въ мирное время эта свобода сообщенія никогда не нарушалась: слѣдовательно, и впредь путь черезъ Дарданеллы, столь важный для русской торговли, можетъ быть въ ея распоряженіи безо всякаго приобрѣтенія проливовъ въ собственность, безъ всякихъ жертвъ, безъ „опасности столкновеній“ съ союзниками, безъ „извѣстнаго недовольства“ со стороны Греціи, Болгаріи, Румыни, Итали. Для мирнаго времени это можетъ быть достигнуто и сохраненіемъ Турціи, и „нейтрализаціей“ проливовъ, и предоставленіемъ ихъ во владѣніе любого изъ названныхъ государствъ.

При такихъ условіяхъ изъ стремленія къ свободному морю еще совершенно не вытекаетъ необходимость завоеванія проливовъ. И естественно, что, наткнувшись на этотъ простой фактъ, империалистская мысль бросается въ другую сторону. Приобрѣтеніе проливовъ необходимо для обезпеченія торговыхъ путей на случай войны. Но это называется — изъ огня въ полымя. Не ясно ли, въ самомъ дѣлѣ, что если въ мирное время пути гарантированы и при чужихъ, и при нейтральныхъ проливахъ, то въ военное время ихъ никакъ не можетъ гарантировать и полное обладаніе проливомъ: ибо, блокада проливовъ доступна самому микроскопическому врагу. Г. Струве, правда, назвалъ это „совершеннымъ вздоромъ“. Однако, я имѣю тутъ весьма авторитетнаго союзника въ лицѣ того же проф. Мигулина: „Какую пользу, — пишетъ онъ, — даютъ проливы, если за ними находится Архипелагъ, гдѣ постановкой минъ загражденія и дюжиной миноносцевъ можно остановить выходъ изъ Дарданеллъ

¹ Со времени Кучукъ-Кайнарджійскаго (1774) или во всякомъ случаѣ со времени Адрианопольскаго (1829 г.) мира — Босфоръ и Дарданеллы были открыты для торговаго флота.

такъ же хорошо, какъ и въ самомъ Дарданелльскомъ проливѣ¹. Поэтому проф. Мигулинъ, какъ мы уже видѣли, стоитъ за раздѣлъ Турши и за присоединеніе къ Россіи Малой Азіи и Александретты. У проф. Мигулина имѣется не мало единомышленниковъ, вродѣ гг. Плетнева и Арктура². Но мы помнимъ, что писалъ на этотъ счетъ г. Милюковъ, который также далеко не одинокъ въ средѣ имперіалистовъ. Но только г. Милюковъ недостаточно послѣдователенъ, когда онъ считаетъ опаснымъ присоединеніе Малой Арменіи и настаиваетъ на присоединеніи проливовъ. Послѣдовательнѣе его ген. А. Н. Куропаткинъ, который изъ аналогичныхъ соображеній дѣлаетъ тотъ выводъ, что Россіи „не только не выгодно присоединять къ себѣ Константинополь и Дарданеллы, но такое присоединеніе неизбежно ослабитъ ее и создастъ опасность долгой вооруженной борьбы за удержаніе этого опаснаго пріобрѣтенія³. „Расширеніе“ въ Азіи, какъ видимъ, считается ненужнымъ, непосильнымъ и опаснымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что одни проливы сами по себѣ торговаго пути совершенно не обезпечиваютъ, и ихъ завоеваніе экономическаго значенія не имѣютъ.

Признаетъ это и г. Струве. Но для военнаго времени, въ видѣ дополненія къ проливамъ, онъ вмѣсто присоединенія азиатской Турши предусматриваетъ другой остроумный выходъ: союзъ съ Англійей и Франціей. Съ такими союзниками, говоритъ онъ, и во время войны мы можемъ пользоваться проливами. Комбинація — трудно постижимая. Вѣдь если проливы, какъ теперь, будутъ въ чьемъ либо владѣніи и будутъ, слѣдовательно, укрѣплены, то союзный англо-французскій флотъ, конечно, не откроетъ намъ проливы, какъ не открылъ въ настоящей войнѣ. Если же проливы будутъ нейтральны или не будутъ укрѣплены, то не будетъ ли достаточно и одного союза съ Англійей и Франціей, безъ всѣхъ тѣхъ „огромныхъ жертвъ“, какия, по словамъ г. Струве, теперь приносятъ Россія? Чей же флотъ, въ самомъ дѣлѣ, послѣ разгрома и обезвреженія австро-германскаго союза, осмѣлится запереть намъ проходъ?..

Нѣтъ, обосновать присоединеніе проливовъ интересами отечественной торговли и промышленности дѣло совершенно безнадежное. И совсѣмъ не мудро, что общественная мысль гораздо охотнѣе и чаще бросается въ третью сторону — „духовно“-политическую. И совсѣмъ не удивительно, что типичнѣйшій представитель „дѣловой“ Россіи, идейный лидеръ финансово-бюрократическихъ круговъ, проф. Мигулинъ, ищетъ обоснованія и предлога въ далекой ему области — поэзіи: „Россія единомудушна, — восклицаетъ

¹ „Новый Экономистъ“, № 45 за 1915 г., стр. 3.

² См. Арктуръ „Основные вопросы внѣшней политики Россіи“. Г. Плетневъ полагаетъ, что Россія должна овладѣть Анатолиемъ, армянскимъ плато, частью Месопотаміи, Александреттой и Смирной.

³ „Задачи русской арміи“. СПб. 1910. Т. II. См. сб. „Россія“, „Царьградъ и проливы“, подъ ред. Р. Е. Стрѣльцова. П. 1914.

онъ, — въ вопросѣ о Царь-градѣ! Къ нему мы стремимся со временъ Святослова, изъ за него пролили цѣлыя моря крови. О немъ мечтали отъ поколѣнія къ поколѣнію. Царь-градъ сталъ символомъ русскаго величія, — выполнения нашей исторической мисси! Это греза русскаго народа, это его поэтическая мечта. Отказаться отъ Царь-града Россія не можетъ“. — Вотъ это другое дѣло. Когда передъ нами не финансистъ, а Тиртей, то споры бесполезны. Во всякомъ случаѣ, въ области поэзии мы за проф. Мигулинымъ не послѣдуемъ. Да и, очевидно, я тутъ и не силенъ, ибо до сихъ поръ я ошибочно приписывалъ русскому народу, изъ поколѣнія къ поколѣнію, совсѣмъ другія грезы и мечты.

Бросается наша жадная общественная мысль и еще въ одну сторону — въ область чистой и узкой стратегии. Вотъ почему необходимы Царь-градъ и проливы: „это, — по словамъ проф. Мигулина, — позволило бы упразднить всѣ наши крѣпости на Черномъ морѣ и сократить на немъ военный флотъ.“ Правильно: тогда всѣ крѣпости пришлось бы сооружать, въ чрезвычайно увеличенныхъ размѣрахъ, на Босфорѣ, Дарданеллахъ, а, по проекту самого автора, и въ малой Азии. Это-во первыхъ. Во-вторыхъ, согласно сообщенію П. Н. Милюкова, „русская точка зрѣнія“ имѣла въ области стратегии тотъ „общій смыслъ, что Черное море должно быть охраняемо отъ входа иностранныхъ военныхъ судовъ черезъ проливы, тогда какъ русскія военныя суда должны имѣть свободный выходъ“; эта точка зрѣнія была выработана и „неоднократно высказана“ еще въ расчетѣ на существованіе Турции, съ которымъ она вполнѣ совмѣстима. Присоединеніе проливовъ тутъ совершенно не при чемъ. Въ третьихъ, гдѣ же, наконецъ, источникъ этихъ усиленныхъ стратегическихъ заботъ? Съ кѣмъ же мы наконецъ такъ тщательно готовимъ войну, желая мира? — Присоединеніе Константинополя и проливовъ предполагаетъ раздѣлъ Турции и, во всякомъ случаѣ, полную ликвидацію австро-турко-германской военной мощи. Ужъ если мы раньше никогда не встрѣчались въ Средиземномъ морѣ съ „германскимъ міромъ“, то, конечно, не встрѣтимся и впредь, послѣ войны и его разгрома. Съ Англій же и Франціей у насъ будетъ союзъ. Очевидно, дѣло въ томъ „известномъ недовольствѣ противъ насъ со стороны Греціи, Болгаріи, Румыніи и Италіи“, о которомъ говорилъ проф. Мигулинъ. Итакъ: присоединеніе проливовъ нужно для защиты отъ этихъ государствъ, въ которыхъ вызоветъ недовольство присоединеніе проливовъ... Все ясно. Но вотъ опять немного путаетъ дѣло Евг. Трубецкой... „Неужели же — пишетъ онъ, — въ результатѣ той окончательной побѣды, на которую мы надѣемся, мы помиримся съ возможностью появленія у нашихъ черноморскихъ береговъ могущественной эскадры въ десятка два дредноутовъ?..“

Позвольте, но развѣ могутъ быть такія эскадры у балканскихъ государствъ? Вѣдь онѣ же могутъ быть только у нашихъ союзниковъ

и ни у кого больше... Вотъ она гдѣ — „настоящая смута“. Ничего тутъ не разберешь. Лучше оставимъ скорѣй, отъ грѣха, это дѣло.

* * *

Какъ бы то ни было, интересовъ капитала на Ближнемъ Востоке мы не обнаружили. Они такъ же ничтожны здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ русскаго имперіализма. И такъ же мало „ближневосточную проблему“ можно притянуть къ объясненію русско-германской войны, какъ и наши „интересы“ въ Персиі, Средней Азии и Китаѣ. — Но Ближнимъ Востокомъ, въ сущности, и кончаются сферы нашего имперіализма, за которыя теоретически мыслима борьба русскаго капитала съ германскимъ. Иныхъ внѣшнихъ сферъ столкновения физически не существуетъ. Правда, кромѣ столкновения двухъ имперіализмовъ, русскаго и германскаго, мыслимы еще внѣшніе интересы нашего капитала въ самой Германіи (или въ самой Австріи). Теоретически можно допустить, что экономическій интересъ Россіи въ настоящей войнѣ заключается въ установлении внутри Германіи извѣстныхъ нормъ, выгодныхъ для нашихъ промышленниковъ. Рѣчь идетъ, слѣдовательно, объ открытіи для насъ внутренняго германскаго промышленнаго рынка. Это, конечно, не менѣе желательно для нашего капитала, чѣмъ и монополизация, напр., китайскаго рынка. Однако, имѣетъ ли хоть тѣнь правдоподобія мысль о томъ, что въ возникновении русско-германской войны могла сыграть хоть какую-нибудь роль борьба „национальныхъ капиталовъ“ за внутренній германскій рынокъ?

На этомъ намъ нѣтъ нужды останавливаться. Отечественный промышленный капиталъ, вскормленный въ бюрократическихъ теплицахъ, при всѣхъ своихъ аппетитахъ, все же и не мечталъ о борьбѣ съ мировымъ гегемономъ въ его собственныхъ внутреннихъ покояхъ. Много у насъ пишется безразсудныхъ проектовъ, высказывается несбыточныхъ надеждъ, но объ укрѣпленіи на промышленномъ рынкѣ Германіи все же ничего доселѣ не было слышно. Уши намъ прожужжали совсѣмъ другія рѣчи — о томъ, какъ бы избавиться отъ германскаго засилья, отъ нѣмецкихъ издѣлій на собственномъ нашемъ рынкѣ (но объ этомъ мы поговоримъ потомъ). Германскій же протекціонизмъ, о которомъ мы слышали, какъ о злокозненномъ явленіи и источникъ засилья, былъ протекціонизмъ аграрный, но не промышленный. Послѣдній былъ интересенъ для странъ „высокаго капитализма“. У насъ же, въ молодой и отсталой странѣ, онъ до такой степени считался всегда различнымъ, что даже сами наши промышленники — ни въ обвинительныхъ актахъ противъ германской торговой политики, ни въ практическихъ своихъ планахъ и пожеланіяхъ — не могли придумать ничего сколько-нибудь существеннаго въ плоскости „открытія“ для насъ германскаго промышленнаго рынка¹. — Инте-

¹ Всѣ претензіи на русско-германскій торговый договоръ 1904 г., въ его части, касающейся нашего промышленнаго экспорта въ Германіи,

ресовъ, связанныхъ такъ или иначе съ войной и ея мыслимыми цѣлями, въ этой внѣшней области у нашего капитала еще меньше, чѣмъ въ перечисленныхъ выше.

Вообще же нашу экскурсию въ область внѣшнихъ интересовъ русскаго промышленнаго капитала можно резюмировать такъ. При наличности огромнаго рынка внутри государства и необъятныхъ внутреннихъ колоній, поглощающихъ полумиллиардный иностранный промышленный ввозъ, интересы нашего промышленнаго капитала на внѣшнихъ рынкахъ въ настоящій періодъ русскаго капитализма настолько ничтожны, что защита ихъ вооруженной силой можетъ представлять нѣкоторыя выгоды лишь для отдѣльныхъ группъ предприятий, но не представляетъ никакихъ выгодъ для всего національнаго капитала въ цѣломъ; въ настоящей же войнѣ съ Германіей совершенно не проявляется какой бы то ни было конфликтъ русско-германскихъ капиталистическихъ группъ; въ этой войнѣ нашъ национальный капиталъ не завоевывается, не закрѣпляетъ и не защищаетъ никакихъ своихъ интересовъ во внѣшнихъ областяхъ, а наоборотъ, въ интересахъ войны и иныхъ ея цѣлей, поступаетъ ими.

Теперь пойдѣмъ дальше.

* * *

Быть можетъ, какой-нибудь другой классъ отстаиваетъ свои внѣшніе экономическіе интересы въ войнѣ съ Германіей? Быть можетъ, гдѣ нибудь въ чужихъ краяхъ или на внутреннемъ германскомъ рынкѣ столкнулись между собою интересы русскихъ и нѣмецкихъ аграріевъ, крестьянъ или рабочихъ?

Вывоза огромныя массы хлѣба и сырья, мы, дѣйствительно, заинтересованы въ благоприятныхъ конъюнктурахъ для сельскохозяйственнаго экспорта на внѣшнихъ рынкахъ. И интересы нашихъ земледѣльческихъ классовъ, помѣщиковъ и крестьянъ, дѣйствительно, могутъ сталкиваться съ германскими — какъ внутри Германіи, которая является одной изъ главныхъ нашихъ покупательницъ, такъ и въ нѣкоторыхъ пограничныхъ съ ней странахъ и областяхъ, гдѣ она конкурируетъ съ нашимъ хлѣбомъ. При этомъ германскіе аграріи, въ цѣляхъ монополизации своего рынка и облегченія конкуренціи на чужихъ, примѣняютъ нѣкоторыя искусственныя мѣры, которыя дѣйствительно могутъ быть устранены въ результатѣ побѣды надъ Германіей: эти мѣры — огромныя таможенныя пошлины и вывозныя преміи. Поскольку Россія заинтересована въ сельско-

были формулированы такъ: „пониженіе пошлинъ на русскій необдѣланный лѣсъ при одновременномъ повышеніи ставокъ на обработанные лѣсные материалы вызвало расцвѣтъ германской лѣсообрабатывающей промышленности и нанесло тяжелый ущербъ таковой же русской.“ См. сб. „Къ вопр. о торг. догов. съ Герм.“, Харьковъ 1913. Ст. Д. Пискунова „Обществ. мнѣніе о новомъ торг. догов. съ Герм.“ стр. 50.

хозяйственномъ экспортѣ, постольку въ настоящей войнѣ она дѣйствительно можетъ добиться нѣкоторыхъ болѣе выгодныхъ для себя нормъ на внѣшнихъ рынкахъ. И намъ, не меньше чѣмъ о Царьградѣ и проливахъ, твердятъ съ начала войны о тѣхъ національныхъ благахъ, какія приобрѣтемъ мы, сокрушивъ германскій аграрный протекціонизмъ.

Подробнѣе я разсматривалъ этотъ вопросъ въ другомъ мѣстѣ. Сейчасъ намъ достаточно коснуться его въ двухъ словахъ. Въ договорѣ 1904 г. говорятъ намъ: „Россия понесла крупное поражение. Поражение это особенно чувствительно въ отношеніи нѣкоторыхъ сторонъ нашего сельскаго хозяйства: хотя повышение пошлинъ на пшеницу и не вызвало уменьшенія нашего экспорта этого хлѣба въ Германію, но, несомнѣнно, высокія пошлины оказали понижающее вліяніе на уровень нашихъ пшеничныхъ цѣнъ; повышенныя пошлины на рожь и овесъ, въ связи съ системой вывозныхъ свидѣтельствъ, вызвали значительное сокращеніе нашего вывоза этихъ хлѣбовъ, а также муки не только въ Германію, но и въ другія страны, бывшія раньше постоянными нашими рынками этихъ продуктовъ; пониженіе пошлинъ на ячмень, жмыхи и отруби при запрещеніи ввоза въ Германію скота и при затрудненномъ ввозѣ мяса вызвало оттокъ этихъ кормовыхъ средствъ въ Германію, усилило германское скотоводство и затруднило нашъ переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ хозяйства“? ¹ — Вотъ сводка мнѣній заинтересованныхъ сельскохозяйственныхъ группъ о сущности ихъ конфликта съ германскими аграріями; согласно этимъ мнѣніямъ, „наши интересы“ въ настоящей войнѣ заключаются въ рѣзкомъ пониженіи или отмѣнѣ германскихъ аграрныхъ пошлинъ, а также системы вывозныхъ премій. — Насколько неосновательна и недобросовѣстна приведенная аргументація, мы можемъ убѣдиться съ чрезвычайной легкостью. Вотъ цифры ²:

Цѣны въ % къ среднимъ за 10-лѣтіе 1900—1909 гг.

Годы.	Рожь.		Овесъ.		Ячмень.		Пшеница.		Всѣ хлѣба.	
	Мѣстн.	Вывозн.	Мѣстн.	Вывозн.	Мѣстн.	Вывозн.	Мѣстн.	Вывозн.	Мѣстн.	Вывозн.
1901—1904	85	88	92	93	90	90	86	89	89	90
1905—1908	120	114	113	109	113	112	114	111	115	112
1909—1912	109	106	111	114	112	118	108	113	110	113

Послѣ повышенія германскихъ пошлинъ, ни мѣстныя, ни (еще менѣе и тѣмъ интереснѣе) экспортныя цѣны не только не упали, но чрезвычайно возросли. Огромная германская пошлина, которая немногимъ меньше французской, въ подавляющей своей части ложится на своего же внутренняго потребителя. Отъ аграрнаго протекціонизма стонутъ народныя массы Германіи, Австріи, Франціи, Итали. На русскаго же экспортера германская пошлина ложится

¹ См. сб. „Къ вопросу о торг. догов. съ Герм.“, стр. 49.

² См. Труды ком. по изученію соврем. дороговизны при Об-вѣ А. И. Чудрова, вып. I, стр. 272.

въ размѣрѣ 2,5—5 коп., — въ то время какъ мѣстныя цѣны на пшеницу выросли у насъ съ 1904 года на 15—25 коп. съ пуда¹. Это уже достаточно, чтобы видѣть, насколько безразличны въ дѣйствительности германскія пошлины для русскаго „сельскаго хозяйства“, для экспортеровъ, помѣщиковъ и крестьянъ. Лучшей конъюнктуры имъ и желать нельзя. И не юнкерскому протекционизму омрачить ихъ безоблачный горизонтъ.

Но приведенныя цифры объ огромномъ ростѣ хлѣбныхъ цѣнъ вскрываютъ передъ нами цѣнность всѣхъ прочихъ перечисленныхъ обвиненій, жалобъ и вождельнй. Цифры эти свидѣтельствуютъ объ огромномъ ростѣ нашего внутренняго сельскохозяйственнаго рынка. Цѣны растутъ, несмотря на цѣлый рядъ хорошихъ и рекордныхъ урожаевъ послѣднихъ лѣтъ. Въ связи съ этимъ и находится относительное сокращение нашего с.-х. экспорта и вытѣснение русскаго хлѣба съ западныхъ потребительныхъ рынковъ. Германскія вывозныя свидѣтельства могутъ тутъ играть роль злополучнаго стрѣлочника, но никакъ не больше. Конкурировать съ нашимъ хлѣбомъ въ западныхъ странахъ мы успѣшно могли до тѣхъ поръ, пока онъ былъ дешевъ и не былъ такъ нуженъ намъ самимъ. То обстоятельство, что экспортъ въ Германию русской пшеницы, согласно цитированному обвинительному акту, все же не сократился, надо приписывать исключительно благоприятнымъ урожаямъ и надо считать, во всякомъ случаѣ, временнымъ явленіемъ. Сокращение с.-х. экспорта лежитъ въ самой природѣ капиталистическаго развитія страны.

Впрочемъ, мы видимъ, что жадность нашихъ аграріевъ и послушныхъ имъ экономистовъ, совершенно не оставила мѣста сколько-нибудь членораздѣльной мысли: они жалуются не только на повышение, но и на понижение пошлинъ (на кормовыя средства), не только на сокращение экспорта, но и на „оттокъ“ с.-х. продуктовъ въ Германию. Ну, что-жъ, пусть они, побѣдивъ Германию, „диктуютъ“ ей требованіе закрыть рынокъ для русскіхъ продуктовъ... Что же касается затрудненій, чинимыхъ отсутствіемъ „кормовыхъ“ пошлинъ, для нашего перехода къ болѣе интенсивнымъ системамъ, то не въ серьезной бы прессѣ печатать эту юмористику и не г-ну бы Туганъ-Барановскому (ему имя также легіонъ) повторять это въ своей военной демагогии. Вѣдь для интенсификаціи, помимо знаній и капитала, нуженъ не заграничный экспортъ самъ по себѣ, а только извѣстный уровень цѣнъ. А кому же неизвѣстно, что цѣны на продукты животноводства у насъ обогнали даже огромный ростъ хлѣбныхъ цѣнъ? Хлѣбомъ мы еще кое-какъ питались. Но мясо, масло, яйца, молоко? развѣ только во время войны они превратились въ предметы роскоши?

¹ Мы беремъ повышение цѣнъ со времени договора 1914 до періода, предшествовавшаго войнѣ. О современныхъ цѣнахъ не приходится и говорить.

Нѣтъ, нашимъ сельско-хозяйственнымъ классамъ, заинтересованнымъ въ высокихъ цѣнахъ, нѣтъ никакой нужды приводить къ покорности нѣмецкихъ юнкеровъ военной силой. Мало того, „открытие“ безошлиннаго экспорта вообще не можетъ для нихъ считаться сколько-нибудь существенной задачей экономической политики. И безъ того дѣло обстоитъ для нихъ сейчасъ вполнѣ благополучно, а въ будущемъ — совершенно независимо отъ условий германскаго рынка — сулить еще большія блага.

Но таковы интересы, или, вѣрнѣе, таково отсутствіе „интересовъ въ войнѣ“ нашихъ аграріевъ и „продающихъ“ группъ крестьянъ. А каковы же здѣсь позиціи другихъ классовъ? Какъ могутъ они оцѣнить задачу ликвидаціи германскихъ с.-х. пошлинъ, если это обѣщаетъ (правда, само по себѣ, очень небольшое) поднятіе цѣнъ и новое вздорожаніе жизни? — Это невыгодно промышленникамъ, ибо грозитъ понизить реальную заработную плату и повысить денежную. Это находится въ полномъ противорѣчьи съ интересами всего рабочаго класса, ибо повышеніе денежной платы всегда отстаетъ отъ паденія реальной, а у насъ — въ особенности. Это невыгодно всему городскому населенію, всѣмъ потребителямъ, кромѣ самихъ продавцовъ, всей странѣ, кромѣ ничтожнаго меньшинства аграріевъ и грессбауэровъ.

Правда, уничтоженіе аграрнаго протекціонизма — не только германскаго, но и „союзнаго“ (кромѣ Англии) есть высоко прогрессивная задача. Съ ней, дѣйствительно, связаны кровные интересы народэвъ, но — это интересы *самой демократіи аграрно-протекціонистскихъ государствъ*. Для Россіи же, въ настоящей войнѣ, такого „интереса“ нѣтъ. И охватываетъ чувство глубочайшаго недоумѣнія, просто, можно сказать, оторопь беретъ, когда виднѣйшій „аграрный“ теоретикъ социаль-демократіи называетъ такую точку зрѣнія — „барскимъ отношеніемъ къ текущимъ интересамъ народныхъ массъ“¹. Указанія на блестящую с.-х. конъюнктуру въ настоящемъ и на полное аннулированіе роли германскихъ пошлинъ (ростомъ внутренняго рынка) въ будущемъ — встрѣчаются имъ заявленіемъ: „а пока крестьяне могутъ и поголодать“. Выводъ одинъ — желательно еще взвинтить цѣны... Интересы крупной буржуазіи доселѣ славились у насъ особо искусной защитой; надъ ней не мало потрудились свѣтила нашей экономической науки, „преодолѣвшія“ марксизмъ. Нынѣ крупная буржуазія можетъ позавидовать мелкой: способы защиты ея интересовъ, какъ будто еще болѣе усовершенствованы марксистскимъ ученымъ... Давно ли прошло время, когда вышеприведенныя соображенія П. П. Масловъ, конечно, назвалъ бы не барскими, а пролетарскими. Неужели и онъ „преодолѣлъ“?

¹ См. П. П. Масловъ „Война и демократія“, М. 1916, стр. 10—11.

* * *

Итакъ, ни одинъ классъ Россіи не преслѣдуетъ въ настоящей войнѣ никакихъ своихъ дѣйствительныхъ материальныхъ интересовъ — ни въ какихъ внѣшнихъ странахъ и областяхъ. Въ чужихъ предѣлахъ у Россіи нѣтъ интересовъ, которые она могла бы отвоевать, укрѣпить и защитить побѣдой надъ Германіей. Здѣсь — только жертвы, но не материальныя выгоды.

Это вполне естественно. Вѣдь мы же ведемъ оборонительную войну. И, конечно, если въ ней искать интересовъ, то они должны быть скорѣе внутренними, а не внѣшними. Естественно а priori ожидать, что они заключаются въ полномъ господствѣ „национальнаго начала“ въ родной странѣ, въ огражденіи ея полной экономической „независимости“, въ полной возможности установить любые порядки у себя дома, а вовсе не въ достиженіи того или иного status'a въ чужихъ краяхъ. — Въ слѣдующій разъ мы и посмотримъ, какихъ же именно порядковъ требуютъ „наши интересы“ внутри страны, и что намъ дастъ для ихъ защиты побѣда надъ врагомъ.

Ник. Сухановъ.

ДВѢ ДИНАСТІИ.

(КРУПНЫ И ГОГЕНЦОЛЛЕРНЫ.)

§ 1. Германскія побѣды и нѣмецкая всенная индустрія.

Нѣмецкая военная индустрія обнаружила чрезвычайное могущество въ войнѣ 1914—1915 гг. Эта индустрія развернула въ периодъ кампаніи такую силу, которая захватила врасплохъ всѣхъ противниковъ Германіи и явилась для послѣднихъ полной неожиданностью. Когда въ бояхъ на линіи Дунаецъ — Горлице въ маѣ 1915 г., бояхъ, предшествовавшихъ отступленію русскихъ войскъ къ Сану и очищенію Галиціи, нѣмецкія войска неожиданно выпустили только за четыре часа наиболѣе энергичной бомбардировки, предшествовавшей штурму противъ нашей 3-й арміи, 700.000 снарядовъ, русское официальное сообщеніе, опубликованное въ нашей и европейской прессѣ*, объясняло этотъ казавшійся экстраординарнымъ эпизодъ тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣмцы использовали въ этихъ битвахъ всѣ свои запасы снарядовъ, находившіеся въ Краковѣ и нѣсколькихъ другихъ крѣпостяхъ. Вся французская и англійская пресса подхватила это объясненіе и обстоятельно комментировала его. Русская пресса сообщила, что 700.000 снарядовъ, выпущенныхъ нѣмцами только за 4 часа противъ нашей 3-й арміи, представляютъ собой грузъ, который для своей доставки требовалъ значительно болѣе 1.000 вагоновъ. Это количество снарядовъ въ 2 раза превосходитъ „большой боевой“ комплектъ большой и хорошо снабженной крѣпости, рассчитанный на полугодовую осаду. Въ общемъ, при атакѣ русскихъ крѣпостей на линіи Дунаецъ — Горлице непріятель затратилъ по 10 снарядовъ средняго калибра, вѣсомъ около 20 пудовъ, на cadaго нашего стрѣлка, занимающаго 1½ шага по фронту окопа. Цитируя всѣ эти данныя изъ русскихъ источниковъ, многіе французскіе и англійскіе военные критики въ полномъ согласіи съ своими русскими коллегами приходили къ заключенію, что никакое изобиліе заводовъ, изготовляю-

* См. „Рѣчь“ 18 мая 1915, Temps 1 июня и другія газеты за тѣ же даты.

шихъ снаряды, не позволить нѣмцамъ развивать такую же силу огня въ послѣдующихъ бояхъ, и что германскій генеральный штабъ, вѣрный своей наклонности къ bluff'у, пустилъ попросту въ ходъ послѣдніе запасы снарядовъ, взятыхъ въ Краковѣ и другихъ крѣпостяхъ, чтобы „оглушить“ русскую армію и произвести впечатлѣніе на весь міръ. Послѣдующія сообщенія показали, какъ горько ошибались военные критики, недооцѣнивъ могущества германской военной индустріи, которая по позднѣйшимъ официальнымъ даннымъ англійскаго правительства въ первые же дни войны начала изготовлять ежедневно по 250.000 снарядовъ, въ то время какъ англійская индустрія изготовляла въ началѣ войны всего 10.000 снарядовъ въ мѣсяць. 250.000 снарядовъ въ день — одной этой цифры было достаточно, чтобы понять всѣ событія нынѣшней войны, но союзникамъ понадобилось цѣлыхъ десять мѣсяцевъ, чтобы узнать этотъ простой фактъ и затѣмъ осмыслить его. Только послѣ того какъ благодаря событіямъ на Галиційскомъ и польскомъ театрѣ войны обнаружилось воочию даже для слѣпцовъ, что нѣмцы заимствуютъ миллионы и миллионы своихъ снарядовъ не изъ крѣпостей, а изъ фабрикъ, которыя рабстаютъ день и ночь для ихъ войскъ и прежде всего изъ заводовъ Тиссена, Эргарта и особенно Крупна, гдѣ при адскомъ шумѣ машинъ и грохотѣ испытуемыхъ орудій десятки тысячъ рабочихъ одновременно изготовляютъ въ различныхъ мастерскихъ сотни тысячъ снарядовъ.

Въ май 1915 началось отступление русскихъ войскъ изъ Галиціи подъ ураганомъ нѣмецкихъ разрывныхъ и таранящихъ снарядовъ, а въ юнѣ 1915 г., т. е. почти черезъ годъ послѣ начала войны, англійскій министръ военныхъ снаряженій Ллойдъ-Джорджъ внесъ въ палату общинъ свой билль о „мобилизаціи промышленности“. Съ этого же момента Франція и Россія въ свою очередь принимаютъ самыя энергичныя мѣры для мобилизаціи своей промышленности, иначе говоря, для приспособленія всѣхъ подходящихъ фабрикъ и заводовъ для нуждъ войны, а также для созданія новыхъ сотенъ и тысячъ военныхъ фабрикъ и заводовъ. Только съ этого момента союзники поняли, что исторія нынѣшней войны есть исторія вооруженія, техническаго оборудованія арміи, исторія военныхъ припасовъ, что невозможно объяснить себѣ ни одного эпизода этой гигантской и длительной схватки, ни одной операци, ни одного наступленія или отступленія, не ища причинъ того или другаго исхода кровавой битвы въ сравнительномъ количествѣ военныхъ припасовъ, которымъ и обладали обѣ сражающіяся стороны, что артиллерія, снабженная безграничнымъ количествомъ снарядовъ, является царицей современнаго сраженія, въ то время какъ иѣхота является въ большинствѣ случаевъ лишь его жертвой, что, наконецъ, Марсъ совершенно безпомощенъ безъ Вулкана, бога огня и металлургіи, играющаго пер-

венствующую роль въ нынѣшней войнѣ. Вотъ почему изученіе военной индустріи Германіи представляетъ громаднѣйшій интересъ для тѣхъ, кто желаетъ понять характеръ нынѣшней войны, всѣ событія на поляхъ битвъ, современниками коихъ мы являемся. Ибо, конечно, не въ томъ, что было сдѣлано въ Германіи во время самой войны, не въ этой промышленной мобилизаціи, объявленной уже черезъ шесть дней послѣ военной мобилизаціи, не въ этихъ „военныхъ банкахъ“ и „военно-промышленныхъ совѣтахъ“, появившихся чуть ли не на седьмой день войны, а прежде всего въ томъ, что существовало въ Германіи наканунѣ войны, лежитъ основная причина чрезвычайной мощи, обнаруженной нѣмецкой имперіей въ борьбѣ съ могучими противниками.

Въ чемъ же заключался тотъ страшный аппаратъ, съ помощью котораго германскій генеральный штабъ надѣялся быстро раздавить Бельгію, Францію, Россію, Сербію и осуществить въ результатѣ невиданныхъ побѣдъ грандіозные планы нѣмецкой велико-державной политики?

Наканунѣ войны въ Германіи имѣлись слѣдующія казенныя военныя учрежденія: 6 арсеналовъ, т. е. учреждений, гдѣ сохраняются, исправляются и изготовляются военныя орудія, снаряды, для арміи и флота, именно въ крѣпости Шпандау, въ Мюнхенѣ, Данцигѣ, Страсбургѣ, Дрезденѣ и Линшадтѣ; 4 оружейныхъ заводовъ — въ Шпандау, Амбергѣ, Данцигѣ и Эрфуртѣ; 2 завода для литья снарядовъ въ Ингольштадтѣ и Зигбургѣ; 2 патронныхъ — въ Шпандау и Дрезденѣ, 4 пороховыхъ — въ Шпандау, Ганау, Ингольштадтѣ и Гнашвицѣ.

Но подобно тому, какъ мы это наблюдаемъ въ Англии и Франціи, притомъ въ несравненно болѣе рельефной формѣ, чѣмъ въ обѣихъ этихъ странахъ, частная военная индустрія въ Германіи, по своему развитію, по размѣрамъ своего производства, далеко опередила казенную военную промышленность. Производство этихъ частныхъ фирмъ въ мирное время и особенно въ военное время достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ. Но рекордъ въ этомъ отношеніи побилъ заводъ Круппа, давно являющійся величайшей въ мірѣ военной фабрикой.

Чтобы подчеркнуть, какую роль играли эти заводы въ нынѣшней войнѣ, достаточно отмѣтить тотъ фактъ, что, какъ только была объявлена мобилизація въ Германіи, въ числѣ нѣсколькихъ свѣдущихъ лицъ, приглашенныхъ правительствомъ для помощи ему въ руководствѣ войной, находился д-ръ Густавъ Круппъ фонъ-Болень, директоръ заводовъ Круппа, на котораго и была возложена миссія доставки для арміи въ теченіе войны всѣхъ необходимыхъ военныхъ припасовъ*.

* Вмѣстѣ съ директоромъ крупповскихъ заводовъ были приглашены для помощи правительству, между прочимъ, слѣдующія лица:

Что такое заводы Круппа, какіе узы соединяють ихъ съ династіей Гогенцоллерновъ, съ металлургической промышленностью Германіи, съ ея крупными банками, наконецъ, съ военной индустріей и милитаризмомъ въ другихъ странахъ — вопросъ, на который мы постараемся отвѣтить въ нашей статьѣ.

Многимъ памятна еще напумѣвшая въ свое время рѣчь Вильгельма на празднованіи столѣтія (1912) со дня рожденія Альфреда Круппа, родоначальника этой пушечной династіи, рѣчь, въ которой Вильгельмъ съ присущимъ ему пафосомъ говорилъ о томъ, что исторія крупповской фирмы связана съ исторіей современной Германіи и что благодаря ея пушкамъ были одержаны нѣмецкія побѣды надъ Австріей и Франціей.

И въ самомъ дѣлѣ, кто не знаетъ, какую роль сыгралъ царь желѣза, всемірный поставщикъ смерти, Круппъ не только въ побѣдахъ Пруссіи въ 1871 г. надъ Франціей Наполеона III, но и въ тѣхъ событіяхъ, которыя разыгрались прежде всего въ началѣ нынѣшней войны въ Бельгии и Эльзасъ-Лотарингіи, въ бояхъ при Шарлеруа, Моранжѣ и т. д., а затѣмъ въ Галиціи, Польшѣ, Сербіи.

Всѣ нынѣшнія, побѣды были выкованы молотами Берты Круппъ, а ея циклопы трудились для германскаго имперіализма не меньше самого Вильгельма. Эссенъ, а не Берлинъ, Берта Круппъ, а не Гинденбургъ или самъ кайзеръ заставили капитулировать Варшаву, Брестъ-Литовскъ, Ковно. Подобно тому, какъ это было въ 1870 г., верховная власть германской имперіи находится нынѣ въ Эссенѣ, а не въ Берлинѣ.

§ 2. Исторія крупповскихъ заводовъ въ цифрахъ. Крупповская фирма и металлургія.

Было бы ошибочно предполагать, будто крупповскіе заводы являются единственными, доставляющими оружіе Германіи. Не только сами размѣры и значеніе крупповскихъ заводовъ, но не

Альбертъ Балэнъ, директоръ Гамбургско-Американской линіи, для закупки съѣстныхъ припасовъ и всякой провизіи для армии и флота, тайный совѣтникъ Землингеръ, президентъ Южно-германской федераціи текстильной индустри — для закупки хлопка, котораго онъ успѣлъ ввести въ Германію въ колоссальномъ количествѣ подъ равнодушными взглядами союзниковъ, плохо понимавшихъ характеръ нынѣшней войны и уяснившихъ себѣ значеніе хлопка для Германіи только послѣ сенсационныхъ статей знаменитаго англійскаго ученаго William Ramsay (хлопокъ былъ объявленъ военной контрабандой только 22 августа 1915 г., т. е. черезъ годъ послѣ начала войны); далѣе д-ръ Вальтеръ Ратенау, банкиръ и директоръ германской электрической компаніи, назначенный шефомъ отдѣленія для покупки сырыхъ материаловъ при военномъ министерствѣ. Уже одни эти имена показываютъ, какъ ясно, въ отличіе отъ союзныхъ правительствъ, понимало германское правительство индустриальный, промышленный характеръ начинающейся войны.

въ малой мѣрѣ и скандальная хроника крупновскаго дома, прикосновенность самого кайзера къ дивидендамъ этой фирмы, дебаты о заводахъ Круппа въ нѣмецкомъ рейхстагѣ въ 1903 г., обнаружившіе съ достаточной ясностью заинтересованность прусскаго правительства въ доходахъ заводовъ Круппа, пресловутыя разоблаченія Либкнехта въ 1913 г. и пр., являются причиной того, что, когда говорятъ о нѣмецкой военной индустрии, имѣютъ въ виду прежде всего заводы Круппа.

Исторія крупновской фирмы крайне любопытна, и въ ней отражается эволюція германскаго милитаризма, колоссальное развитіе послѣдняго въ теченіе послѣдняго столѣтія.

Вотъ какъ росло число рабочихъ, занятыхъ этой фирмою со времени ея основанія:

Годы.	Рабочій персоналъ.	Годы.	Рабочій персоналъ.
1810	4	1885	22 000
1827	6	1902	44.000
1845	130	1906	58.000
1862	2.000	1913	80.000
1873	9.000		

Чтобы приковать эту громадную массу рабочихъ съ ихъ семьями къ своимъ заводамъ, фирма Круппа начала съ 1873 г. практиковать систему государственнаго социализма, которая съ каждымъ годомъ принимала все болѣе широкіе размѣры. Вначалѣ были выстроены фирмой спеціальныя рабочіе дома, гдѣ персоналъ заводовъ имѣлъ свои квартиры, затѣмъ были учреждены рабочія пенсіи, сберегательныя кассы и т. д. Такимъ образомъ, рабочіе заводовъ желѣзными узами связывались съ династіей Круппа и становились въ полную зависимость отъ послѣдней. Скоро фирма стала строить для своихъ рабочихъ церкви, госпитали, школы, библиотеки и т. д. Къ 31 іюля 1914 г., т. е. въ моментъ объявленія войны, рабочія колоніи заводовъ Круппа вмѣщали 11.600 пролетарскихъ семействъ, а рабочія казармы — 28.000 холостыхъ пролетаріевъ.

Слѣдующія цифры показываютъ, что сдѣлала фирма Круппа, чтобы держать рабочихъ въ своихъ рукахъ:

Рабочія пенсіи для вдовъ и сиротъ	29.960.593	марки.
„ пенсіи служащимъ	11.351.086	„
„ благотвор. учрежденія для рабочихъ и дома инвалидовъ	7.800.000	„
„ госпитали для рабочихъ	640.000	„

Вдова рабочаго получаетъ въ качествѣ пенсіи половину заработка покойнаго мужа и $\frac{1}{3}$ на каждого ребенка. Сироты получаютъ $\frac{1}{3}$ заработка отца, какое бы ни было ихъ число.

Слѣдующая таблица показываетъ, какъ росли расходы фирмы Круппа на всѣ эти филантропическія начинанія, съ 1903 (смерть Альфреда Круппа) до 1913 г.:

Годы.	Обязательное страхованіе.	Различи. благ. учрежденія.	Итогъ.
Въ милліонахъ марокъ.			
1903—1904	2.125	3.329	5.364
1904—1905	2.643	3.891	6.534
1905—1906	3.127	5.418	8.545
1906—1907	3.391	4.775	8.166
1907—1908	3.566	5.032	8.598
1908—1909	3.954	5.284	9.239
1909—1910	4.354	5.482	9.837
1910—1911	4.224	6.429	10.652
1911—1912	4.455	7.051	11.505
1912—1913	4.907	14.792	19.698

Итакъ, за послѣднія десять лѣтъ наканунѣ войны фирма Круппа израсходовала на страхованіе рабочихъ и всякаго рода филантропическія учрежденія для послѣднихъ около 100 милліоновъ марокъ. Возможно ли найти другую военную фирму въ мірѣ и вообще какое бы то ни было промышленное учрежденіе на земномъ шарѣ, которое такъ „пеклось“ бы о своихъ рабочихъ?

Всѣ цифры эти крайне поучительны, ибо они характеризуютъ не только знаменитую военную фирму, которая въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ военныхъ заводовъ Франціи, Россіи и другихъ странъ, но и весь социальный укладъ современной Германіи, устой и ея милитаристической и великодержавной политики, которая могла такъ успѣшно развиваться, только опираясь на оппортунистическое настроеніе широкихъ слоевъ рабочаго класса германской имперіи.

Наканунѣ войны, въ 1913 г. фирма Круппа занимала 80.000 рабочихъ. На земномъ шарѣ нѣтъ другого промышленнаго учрежденія, которое имѣло бы столько рабочихъ. Если считать въ среднемъ на рабочаго семью въ четыре души (жена и двое дѣтей), мы получимъ, что больше 300.000 человекъ зависѣло наканунѣ войны всецѣло отъ фирмы Круппа. Весь городъ Эссенъ, который насчитываетъ болѣе 259.000 душъ и является главнымъ центромъ рейнско-вестфальской металлургической промышленности, принадлежитъ династіи Круппа.

Эта исторія въ цифрахъ крайне поучительна. Ибо исторія крупповской династіи—это не только современная исторія военной Германіи, это вмѣстѣ съ тѣмъ исторія поразительно быстрого развитія современнаго милитаризма во всѣхъ странахъ. Фирма, имѣвшая 2.000 рабочихъ до 1866, 9.000 рабочихъ послѣ войны 1871 г., занимала въ 1914 г. уже 80.000 человекъ. И это несмотря на то, что рядомъ не только въ самой Германіи, но и во всѣхъ остальныхъ странахъ, во Франціи, Англии, Австріи, Италіи создались, развивались и въ теченіе короткаго времени удваивали, утраивали свои чудовищные обороты другіе пушечные заводы, конкурировавшіе съ Круппомъ, хотя и не успѣвавшіе пере-

гнать знаменитую фирму в борьбѣ за внѣшніе и внутренніе рынки. Съ какой же быстротой долженъ былъ развиваться современный милитаризмъ, чтобы давать работу всей этой военной индустріи, съ каждымъ годомъ все увеличивавшей число занятыхъ ею рабочихъ и распредѣлявшей все болѣе высокіе дивиденды своимъ акционерамъ.

Нужно было бы посвятить цѣлый томъ, чтобы дать болѣе или менѣе подробное описание заводовъ Круппа. Чтобы дать нѣкоторое представление о размѣрахъ крупновскихъ заводовъ въ Эссенѣ, достаточно указать, что только артиллерійское отдѣленіе состоитъ изъ 40 отдѣльныхъ зданій, изъ которыхъ въ пятнадцати приготавливаются дула пушекъ, въ пятнадцати — лафеты для полевой и морской артиллеріи, въ семи — орудія различныхъ калибровъ, и т. д., что желѣзнодорожная линія, функционирующая внутри заводовъ и связывающая отдѣльныя зданія, занимаетъ протяженіе въ 91 километръ. По этой широко-колейной желѣзнодорожной линіи движется 952 вагона съ 19 локомотивами. Въ 1913 г. заводы Круппа употребили слѣдующее количество сырыхъ матеріаловъ: (въ тоннахъ)

Желѣза	1.100.000
Угля	1.530.000
Кокса	1.558.000
Брикета	40.000
Руды	2.500.000

Въ томъ же 1913 г. мастерскія завода поглотили для своихъ работъ 63.200.000 кубическихъ метра воды и 16.100.000 кубическихъ метра газа.

Всѣхъ, интересующихся болѣе подробными данными объ этой знаменитой фирмѣ, мы отсылаемъ къ официальнымъ изданіямъ, публикуемымъ самой фирмой, къ прекрасной, хотя уже устарѣвшей книгѣ Huret: Rhin Westphalie Paris (1907), къ многочисленнымъ монографіямъ объ этой фирмѣ, удостоившейся даже такихъ специальныхъ трудовъ, какъ „Тайная исторія Берты Круппъ по документамъ баронессы Алтавилла“, Генри Фишера, книги, вышедшей во время войны и имѣвшей большой успѣхъ въ Англии, Франціи и С.-Штатахъ. Мы же ограничимся сейчасъ для нашихъ читателей нѣкоторыми свѣдѣніями, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ нашей работѣ и проливаютъ свѣтъ на двойственный характеръ нѣмецкой военной индустріи, съ одной стороны, на ея своеобразный интернаціональный характеръ, съ другой — на ея тѣсную связь не только съ „національными“ интересами и задачами Германіи или Пруссіи, но и попросту съ династическими интересами правящей Германіей императорской фамилии.

Прежде всего, говоря о крупновскихъ заводахъ, мы должны подчеркнуть одно обстоятельство, которое совершенно упускаютъ

изъ виду многие писатели, посвятившіе монографіи, отдѣльныя статьи или цѣлыя главы своихъ книгъ знаменитой крупповской фирмѣ. Даже такой внимательный и тонкій наблюдатель, какъ Jules Huret, на протяжении 40 страницъ, посвященныхъ имъ въ упомянутой книгѣ заводамъ Круппа, говоритъ о послѣднихъ исключительно, какъ о военныхъ и прежде всего пушечныхъ заводахъ. Такъ же характеризуютъ эти заводы и многие другіе наблюдатели и изслѣдователи знаменитыхъ заводовъ. Между тѣмъ крупповская фирма и по своему происхожденію и по характеру своихъ работъ является прежде всего грандіозной металлургической, собственно стале-литейной фирмой. На крупповскихъ заводахъ приготавливаются въ громадномъ количествѣ локомотивы, вагоны, динамо-машины, паровые молоты, желѣзные мосты, рельсы, стальные шины, колесныя ступицы, оси, всякаго рода пружины, котельное желѣзо. Эссенскіе заводы приготавливаютъ также весь матеріалъ и машины, необходимыя для сооружения торговыхъ судовъ. Здѣсь же выдѣлываются всякаго рода цилиндры, плющильныя машины, разнообразныя стальные инструменты и т. д.

То обстоятельство, что первый въ мірѣ военный заводъ является прежде всего заводомъ металлургическимъ, ясно показываетъ на тѣсную связь современнаго милитаризма именно съ металлургической промышленностью, империалистической политики съ такъ называемой рельсовой политикой.

§ 3. Патриотизмъ Альфреда Круппа. Его троекратныя предложенія французскому правительству.

Пушечная династія, утвердившаяся въ Эссенѣ, центрѣ военной мощи германской имперіи, ведетъ свое историческое начало отъ Фридриха Круппа, умершаго въ бѣдности. Онъ первый сталъ заниматься вопросомъ о стали, но его изысканія не шли дальше теоретическихъ открытій. Его сынъ Альфредъ, родившійся въ 1812 г., былъ болѣе отца надѣленъ практическими талантами. Скоро послѣ того, какъ сынъ взялъ въ свои руки дѣло отца, маленькая мастерская, гдѣ въ 1827 г. работало всего 6 человекъ, превратилась въ большой заводъ, занимавшій въ 1845 г. 130 человекъ, большое для той эпохи количество персонала. Въ 1847 г. Альфредъ Круппъ соорудилъ первую пушечку изъ литой стали вѣсомъ въ 3 фунта. Его попытка убѣдить прусское правительство обзавестись стальной артиллеріей не увѣнчалась успѣхомъ. Тогда Круппъ, какъ истый родоначальникъ пушечной династіи, какъ настоящій праотецъ будущаго интернаціональнаго треста вооруженій, треста, для котораго главнымъ девизомъ является принципъ: „Гдѣ дивидендъ, тамъ и отечество“, предложилъ свое открытіе французскому правительству. Въ 1849 г. французское

правительство одобрило изысканія Альфреда Круппа и вступило съ нимъ письменно въ переговоры по поводу его опытовъ. Послѣ этого пушечная карьера Круппа была уже обезпечена. Въ 1851 г. Круппъ экспонировалъ на лондонской выставкѣ первую пушку изъ литой стали. Эта выставка сдѣлала имя Круппа извѣстнымъ во всей Европѣ.

Черезъ десять лѣтъ въ 1861 г. прусскій принцъ заказываетъ Круппу 300 полевыхъ пушекъ. И въ это же время Альфредъ Круппъ, какъ добрый патріотъ и хорошій коммерсантъ, снова обращается къ французскому правительству съ предложеніемъ своихъ услугъ и старается добиться у Наполеона III заказовъ на стальные пушки. Эта попытка не даетъ практическихъ результатовъ, ввиду противодействія со стороны представителей французской военной индустріи, пускающихъ въ ходъ взятки и всякаго рода интриги, чтобы не дать ходу во Франціи затѣямъ Круппа. Послѣ выставки 1867 г., на которой Круппъ экспонировалъ свою новую пушку, великій нѣмецкій патріотъ снова, уже въ 3-й разъ, обратился съ предложеніемъ своихъ услугъ въ французское военное министерство. Дѣло опять было передано въ одинъ изъ тѣхъ специальныхъ комитетовъ, которые членъ французскаго парламента депутатъ Калвадоса г. Энжеранъ характеризовалъ недавно какъ одинъ изъ главныхъ факторовъ французскихъ пораженій. Какъ рассказываетъ Луи Рейбо въ своей книгѣ „Желѣзо и уголь“ (Louis Reybaud. Le fer et la houille. 1874), комитетъ раскритиковалъ крупповскую пушку, хотя и призналъ ея превосходство надъ французскими орудіями и распорядился надписать на папѣ, заключавшей всѣ документы по дѣлу Круппа, сакраментальныя слова „Rien à faire“ („Оставить безъ послѣдствій“). А черезъ нѣсколько лѣтъ пушки, по поводу которыхъ были произнесены эти вѣщія слова, были обращены дулами на Парижъ, и подъ грохотомъ ихъ выстрѣловъ Національное Собраніе вотировало прелиминари рокового для Франціи франкфуртскаго договора.

§ 4. Гогенцоллерны и Круппы. Вильгельмъ I и Круппъ. Вильгельмъ II и Берта Круппъ.

Послѣ 1866 г. начинается новая эра въ исторіи крупповской фирмы. Въ ту пору нѣмецкіе банки далеко не были такъ могущественны, какъ теперь, интернаціональный финансовый капиталъ не игралъ той роли въ развитіи военной индустріи, какою онъ игралъ нынѣ, между тѣмъ для расширенія своего предпріятія Круппъ нуждался въ громадныхъ для той эпохи суммахъ. Самые прозорливые финансисты не предвидѣли той колоссальной роли, какую скоро начнетъ играть военная индустрія въ экономикѣ страны, имъ и не снились тѣ дивиденды,

которые скоро начали давать пушечные заводы. Въ этотъ важный переходный моментъ, когда фирма нѣсколько разъ стояла передъ перспективой банкротства, на помощь Круппу пришелъ самъ король Вильгельмъ I, который вложилъ въ дѣло Круппа свой личный капиталъ въ 5 милліоновъ таллеровъ *. Такимъ образомъ будущій императоръ Германии сдѣлался акціонеромъ пушечной фирмы, и съ этого момента обѣ династіи Гогенцоллерновъ и Круппа связываются другъ съ другомъ неразрывными финансовыми узами.

Не составляетъ тайны, что нынѣшній императоръ Вильгельмъ очень близко къ сердцу принималъ интересы всѣхъ членовъ крупповской „династіи“. Когда въ 1902 г. Фридрихъ Круппъ трагически покончилъ свои счеты съ жизнью, германскій императоръ выступилъ на защиту поруганной чести покойнаго предпринимателя и очень живо полемизировалъ съ социалистическими газетами. Императоръ не забылъ и семьи второго „пушечнаго короля“. На правахъ своего человѣка, онъ всегда дѣлилъ съ госпожей Вертой Круппъ, по мужу Боленъ Альбахъ, всѣ ея фамиліныя горести и радости. И вся нѣмецкая пресса писала о патетическихъ рѣчахъ, которыя Вильгельмъ произнесъ въ роскошной Эссенской виллѣ г-жи Круппъ во время юбилейныхъ празднествъ по случаю „столѣтія фирмы“. И несомнѣнно, что не какія-либо „интимныя“ узы, а прежде всего очень важные матеріальные интересы лежатъ въ основѣ той прочной связи, которая въ теченіе послѣднихъ 50-ти лѣтъ соединяла династію Гогенцоллерновъ съ фамиліей Круппа.

Въ 1906 г. Вильгельмъ II самъ выбралъ своей пріемной дочери Бертѣ Круппъ подходящаго мужа въ лицѣ секретаря посольства барона фонъ Боленъ Альбахъ. Въ 1909 г. мужъ Берты Круппъ былъ избранъ президентомъ администраціи заводовъ, и назначеніе это обозначало фактическій переходъ заводовъ въ собственность императора, этого отнынѣ крупнѣйшаго изъ пушечныхъ и металлургическихъ бароновъ Германіи. Само собой разумѣется, что приглашеніе Боленъ Альбаха въ числѣ свидующихъ людей въ высшій комитетъ при правительствѣ по оборонѣ страны и передача директору крупповскихъ заводовъ дѣла снабженія всей германской арміи въ періодъ войны боевыми припасами, не обошлись безъ вліянія Вильгельма II.

Послѣ войны 1871 г. наряду съ Круппомъ создаются и растутъ новыя военныя фирмы, какъ, напримѣръ, Тиссена, Эргарта, которыя ведутъ ожесточенную борьбу противъ Круппа, сманиваютъ у фирмы ея лучшихъ рабочихъ, ея лучшихъ инженеровъ. Постепенно могучія финансовыя учрежденія Германіи начинаютъ

* 15 милліоновъ марокъ — большая сумма по тому времени.

все болѣе и болѣе интересоваться военной индустріей. Dresdener Bank, Deutsche Bank, Bank für Handel und Industrie, Diskonto Gesellschaft, Блейхредеръ и другіе банки, необычайно расширившіе свои операціи послѣ войны 1871 г., покупаютъ акціи Круппа, но одновременно оказываютъ самую энергичную финансовую поддержку Тиссену, Эргарту и другимъ военнымъ фирмамъ, которыя въ области ново-изобрѣтеній часто опережаютъ Круппа.

Европейская и, въ частности, русская пресса не разъ писала о могуществѣ и богатствѣ фирмы Круппа, объ ея громадныхъ кояхъ, желѣзныхъ рудникахъ, о ея судостроительныхъ верфяхъ въ Килѣ, такъ что на этой сторонѣ излишне останавливаться. Нѣтъ ни одного промышленнаго учрежденія въ мірѣ, которое пользовалось бы такимъ громаднымъ именемъ и признанной „славой“. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій эта фирма снабжала артиллеріей и блиндажемъ не только армію всѣхъ германскихъ государствъ, но и многихъ другихъ странъ. Китай, Японія, Южно-американскія государства, Испанія, Бельгія, Швеція, Голландія, Турція, Балканскія страны и т. д. каждый годъ тратили миллионы и миллионы рублей на заказы заводамъ Круппа. Удивительно ли, что доходы этой фирмы росли съ каждымъ годомъ. Въ 1912 г. доходы фирмы превысили на 35 милл. марокъ доходы предшествующаго года.

Однако, неизвѣстно — какова была бы въ эту эпоху страшной конкуренціи рядомъ съ такими соперниками, какъ Эргартъ, судьба фирмы Круппа, если бы династія Гогенцоллерновъ не была такъ заинтересована въ процвѣтаніи этой фирмы. Гогенцоллерны, владѣвшіе уже фабриками, изготовлявшими военное сукно, не только поддерживали фирму Круппа своими капиталами, но и отдавали ей главные правительственные заказы на пушки и другое оружіе. Само собой разумѣется, что и многіе финансисты, стоявшіе во главѣ важнѣйшихъ банковъ Германіи, признавая преимущество пушекъ Эргарта надъ пушками Круппа, все же оказывали самую энергичную поддержку заводамъ, въ которыхъ былъ лично заинтересованъ императоръ, зная, что эти заводы всегда будутъ имѣть громадные заказы не только въ самой Германіи, но и за границей. Вильгельмъ снисходитъ до того, что посылаетъ личное письмо за собственноручной подписью султану Абдуль-Гамиду и рекомендуетъ послѣднему крупновскія пушки, сердечно благодаря своего августѣйшаго друга за сдѣланные уже раньше заказы. Въ результатѣ, Вильгельмъ II получаетъ заказъ на 2¹/₂ миллиона турецкихъ фунтовъ, т. е. приблизительно на 60 милл. франковъ (Victor Berard. La France et Guillaume II). Понятно, что военная фирма, имѣющая такого дѣятельнаго агента, можетъ сдѣлать хорошія дѣла и обезпечить высокіе дивиденды всѣмъ своимъ акціонерамъ, которымъ нечего опасаться за свои

капиталы. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ самые осторожные финансисты могутъ безбоязненно вкладывать свои миллионы въ крупновскія предприятия.

Въ совѣтъ администраціи заводовъ Круппа входили наканунѣ войны представители всѣхъ большихъ нѣмецкихъ банковъ, именно: Diskonto-Gesellschaft, Dresdener Bank, Bleichroder, Allgemeine Schaffhausener Bank, Norddeutscher Bank, затѣмъ персонально богатѣйшіе банкиры Гагенъ, Баронъ Оппенгеймъ изъ Кельна, отставной вице-адмиралъ фонъ Гансъ-Саксъ, наконецъ, крупнѣйшій магнатъ и капиталистъ Германии князь Гвидо-Генкель фонъ Дон-нерсмаркъ, личное имущество котораго опредѣлялось въ 1913 г. въ 319 миллионъ франковъ.

Но въ отличіе отъ всѣхъ другихъ могучихъ военныхъ фирмъ фирма Круппа разсматривалась какъ пользующаяся специальнымъ благоволеніемъ императора. Это обнаружилось во время знаменитыхъ процессовъ 1913—1914 г. при допросахъ чиновниковъ, канцеляріи военнаго и морского министерствъ, обвиненныхъ въ передачѣ тайныхъ документовъ представителямъ фирмы Круппа. Съ помощью этихъ тайныхъ документовъ фирма Круппа узнавала секреты своихъ конкурентовъ Тиссена, Эргарта и другихъ военныхъ заводовъ, всѣ схемы и конструкціи которыхъ, представленныя министерству, фирма старалась выкрасть, чтобы снять копию.

Чиновники и офицеры, выдававшіе крупновскимъ управляющимъ секреты, приносившіе послѣднимъ на домъ интендантскія книги, копии схемъ, конструкцій, довольствовались въ награду за свои услуги грошами. Ничтожность размѣра получаемыхъ суммъ (10, 20 марокъ, приличный ужинъ и билетъ въ театръ) была главнымъ оправдательнымъ аргументомъ въ устахъ подсудимыхъ, доказательствомъ невиновности въ предъявленномъ имъ обвиненіи. „Мы не брали подкупа“ — оправдывались подсудимые. Это было невинное угощеніе. Для фирмы Круппа не существуетъ государственныхъ секретовъ. Интересы Круппа и государства, по моему мнѣнію, совпадали. Мы знали, что императоръ близокъ къ Круппу, что военное министерство ему благоволяетъ, что Круппъ пользуется исключительными привилегіями при поставкахъ и что, наконецъ, его служащіе днюютъ и ночуютъ въ министерскихъ канцеляріяхъ и могутъ узнать любой секретъ помимо насъ. Чего же скрывать“.

§ 5. Конкуренты Круппа: Эргартъ и Тиссенъ. Отношеніе Вильгельма II къ конкурентамъ Круппа. Жалобы Тиссена.

Я указалъ, что, кромѣ Круппа, въ Германіи существуютъ еще двѣ фирмы, пользующіяся широкой извѣстностью за границей. Знаменитый конкурентъ Круппа, Эргартъ, имѣетъ главныя отдѣ-

ленія въ Дюссельдорфѣ (пушки, снаряды, шрапнель, ружейные патроны), Рейсхольцѣ (тяжелыя орудія, паровыя котлы) въ Соммерда (ружья, артиллерійскія ракеты), въ Эйсенахѣ. Полигонъ Эргарта въ Люнебургѣ (Ганноверъ), гдѣ находится и его пиротехническая фабрика — тянется въ длину на 10 километровъ, шириной въ 1 километръ. Фирма Эргарта пользуется большимъ реноме въ кругахъ специалистовъ, среди которыхъ многіе считаютъ ее несравненно выше, чѣмъ заводы Круппа, придерживающіеся рутины. Извѣстно, что многіе инженеры Круппа въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій перешли къ Эргарту, увѣренные, что здѣсь они скорѣе сумѣютъ примѣнить свои способности къ изобрѣтеніямъ. Именно потому, что фирма Круппа, благодаря поддержкѣ династии, пользуется извѣстнаго рода монополіей въ военныхъ заказахъ имперіи или во всякомъ случаѣ получаетъ львиную долю этихъ заказовъ, ея заводы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отстаютъ отъ другихъ заводовъ Германіи, болѣе смѣло идущихъ по пути ново-изобрѣтеній. Гидравлическіе тормазы, изобрѣтенныя Эргартомъ, его способы изготовленія снарядовъ играли большую роль въ развитіи современной артиллеріи. Фирма Эргарта имѣетъ много заказовъ отъ иностранныхъ правительствъ. Такъ, въ 1906 г. китайское правительство заказало Эргарту на 20 милліоновъ марокъ горныхъ пушекъ. Фирма получаетъ заказы отъ Норвегіи, Бельгіи, Аргентины, Швейцаріи. Эргартъ получалъ заказы и отъ русскаго правительства, для котораго онъ приготавливалъ пушки, снаряды, трубы безъ шва для миноносокъ.

Долгое время фирма Эргарта не могла добиться никакихъ заказовъ отъ германскаго правительства и въ этомъ отношеніи вся исторія фирмы Эргарта есть исторія борьбы съ всемогущимъ Круппомъ. Невозможно понять исторію развитія германской артиллеріи, не ознакомившись съ дѣющимся десятилѣтія поединкомъ между Круппомъ и Эргартомъ. Послѣднему удалось добиться признанія своихъ изобрѣтеній и введенія послѣднихъ (гидравлическаго тормазы въ артиллеріи) только благодаря поддержкѣ рейхстага. Во время преній въ германскомъ рейхстагѣ въ 1903 г. было обнаружено, что за ту самую единицу вѣса вполне готовой пушки, за которую Эргартъ запрашивалъ 1.200 марокъ, правительство платило Круппу 4.200 марокъ. Въ концѣ концовъ, послѣ десятилѣтней борьбы, послѣ шума, поднятаго въ рейхстагѣ*, Эргартъ добился незначительной части заказовъ отъ правительства.

Та же самая исторія, что съ заводами Эргарта, имѣла мѣсто и по отношенію къ заводамъ Тиссена, главнаго металлургическаго короля Германіи. Тиссенъ долгое время не могъ добиться зака-

* Такимъ образомъ первыя дебаты въ рейхстагѣ о фирмѣ Круппа имѣли мѣсто не въ 1913 г. въ связи съ разоблаченіями Либкнехта, какъ полагаютъ нѣкоторые, а за десять лѣтъ до того.

зовъ отъ правительства не только на пушки, но и на доставку желѣзныхъ мостовъ, рельсъ и т. д., такъ какъ на законномъ основаніи въ Германіи невозможно покровительствовать одному гражданину въ ущербъ другому. Тиссенъ не разъ обращался къ прусскому правительству съ запросомъ: „Какой сталью вы пользуетесь? Поставьте ваши условия, я заранѣе подчиняюсь имъ“. И Тиссенъ получалъ отвѣтъ: „Обратитесь къ Круппу“. Само собой разумѣется, что послѣдній не торопился дать какія-либо свѣдѣнія своему конкуренту.

Благодаря поддержкѣ со стороны центра, Тиссенъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ въ католическихъ кругахъ Германіи, въ виду его громадныхъ пожертвованій на церковныя дѣла, добился того, что вопросъ объ исключительномъ и „скандальномъ“ предоставленіи всѣхъ правительственныхъ заказовъ Круппу былъ поставленъ въ рейхстагъ въ 1903 г., и въ концѣ концовъ и Тиссенъ и Эргартъ начали получать свою, хотя и очень малую по сравненію съ крупповской, долю въ правительственныхъ заказахъ на пушки, ружья и т. д.

Тиссенъ разказалъ французскому писателю слѣдующій эпизодъ:

„Эргарта стремились разорить. Было сдѣлано все, чтобы его обезкуражить. Онъ боролся съ поразительной энергіей. На выставкѣ въ Дюссельдорфѣ Эргартъ экспонировалъ удивительныя вещи, которыя могли бы разубѣдить самаго предубѣжденнаго человѣка. Явился императоръ, остался полчаса въ павильонѣ Круппа и даже не вошелъ въ отдѣленіе, гдѣ были поставлены экспонаты Эргарта...“

Конечно, Тиссенъ объяснилъ это странное поведение Вильгельма II несамостоятельностью прусскаго короля, вліяніемъ на послѣдняго окружающей камарильи, связями Круппа съ императорскимъ дворомъ и въ особенности желаніемъ прусскаго короля — лютеранина — и всей высшей прусской бюрократіи покровительствовать прежде всего заводчикамъ протестантскаго вѣроисповѣданія въ ущербъ католикамъ Тиссену, Эргарту и другимъ. Однако, ясно, что дѣло не въ зависимости Вильгельма отъ окружающей его камарильи и не въ его религіозныхъ взглядахъ. Вильгельмъ II показалъ себя и достаточно самостоятельнымъ человѣкомъ, и достаточно свободнымъ отъ религіозныхъ предрасудковъ, и въ особенности крайне любознательнымъ во всемъ, что касается военнаго дѣла, чтобы можно было согласиться съ объясненіемъ Тиссена относительно причинъ демонстративной выходки Вильгельма противъ Эргарта на выставкѣ въ Дюссельдорфѣ, съ этимъ нежеланіемъ императора даже взглянуть на ново-изобрѣтенія одного изъ его подданныхъ, причемъ пользующагося такой

* Jules Huret. Rhin et Westphalie. Paris 1907. Стр. 239--240.

извѣстностью даже въ Китаѣ, не говоря уже объ Аргентинѣ, Бразилии и. т. д.

Дѣло объясняется гораздо проще, именно заинтересованностью династии Гегенцоллерновъ въ дѣлахъ фирмы Круппа.

§ 6. Фирма Круппа и внѣшняя политика Германіи. Круппъ и балканскія династіи. Крупповскій скандалъ въ Бельгіи. Путиловскій инцидентъ.

Кромѣ нѣкоторыхъ вліятельныхъ частныхъ лицъ, крупныхъ магнатовъ Германіи наряду съ Вильгельмомъ II, королями баварскими, саксонскимъ и др. въ числѣ владѣльцевъ акцій фирмы Круппъ имѣется и нѣсколько иностранныхъ коронованныхъ лицъ. Такъ, извѣстно, что покойный румынскій король Карлъ, отстаивавшій въ началѣ войны на экстраординарномъ совѣтѣ въ Синаѣ идею вмѣшательства Румыніи на сторонѣ центральныхъ державъ, имѣлъ много акцій заводовъ Круппа. И уже до нынѣшней войны автору этихъ строкъ не разъ приходилось слышать изъ освѣдомленныхъ источниковъ, что въ числѣ акціонеровъ Круппа числятся также короли греческій и болгарскій*. Можетъ быть и это обстоятельство играло нѣкоторую роль въ той политикѣ, которую три балканскихъ короля, два Фердинанда и одинъ Константинъ, на свой страхъ черезъ головы своихъ народовъ вели на Балканахъ послѣднее время. Какъ бы то ни было эти три акціонера крупповскихъ заводовъ, связанныхъ сверхъ того близкими родственными узами съ правящими въ центральныхъ державахъ династіями, дѣйствовали все время такъ, какъ будто ихъ соединяла какая то невидимая нить.

Такова эта фирма Круппа, которая играетъ не малую роль во внѣшней политикѣ имперіи и которая пользуется столь безпримѣрнымъ вліяніемъ въ германскій имперіи, что многіе государственные чиновники уподобляютъ ее самому *Vaterland* и повинуются ея агентамъ чуть ли не какъ своему начальнику.

Мирабо когда-то сказалъ, что для Пруссіи война была

* Любопытно, что послѣ того какъ Болгарія объявила войну Сербіи и вступила такимъ образомъ въ союзъ съ центральными державами и Турціей, нѣкоторыя болгарскія газеты доказывали невозможность вмѣшательства Румыніи противъ Болгаріи, а стало быть и противъ центральныхъ державъ ссылкой именно на то обстоятельство, что у короля Карла было много крупповскихъ акцій, которыя, по наследству, перешли къ его сыну, королю Фердинанду Румынскому. Само собой разумѣется, что болгарскія газеты не стали доискиваться, имѣются ли и въ какомъ количествѣ тѣ же акціи у Фердинанда Болгарскаго и какую роль играло это обстоятельство въ германофильскихъ симпатіяхъ принца Кобургскаго.

торговлей, „національной индустріей“. Если это опредѣленіе не-вѣрно въ примѣненіи къ цѣлой странѣ, къ Германіи вообще, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что для прусской династіи Гогенцоллерновъ, стоявшей позади Круппа, для важнѣйшихъ нѣмецкихъ банковъ, вложившихъ громадныя капиталы и въ эссенскіе заводы, и въ заводы Тиссена, Эргарта, въ Deutsche Waffen und Munition Fabriken in Berlin — милитаризмъ и война дѣйствительно являются національной индустріей.

И тѣмъ не менѣе эту нѣмецкую индустрію, которая сыграла такую колоссальную роль въ нынѣшней войнѣ, энергично поддерживали своими заказами не только турки, болгары, аргентинцы и т. д., но и сербы, бельгийцы, русскіе, японцы и другіе противники Германіи на полѣ брани.

Наканунѣ войны нѣмецкая военная индустрія пользовалась особымъ благоволеніемъ нашего правительства. Въ дѣлѣ сооруженій, интересующихъ наше морское вѣдомство, Франція получила въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ 1913 г. заказовъ на 57 милліоновъ руб., Англія за этотъ же періодъ на 67 милл. рублей, а Германія на 69 милл. рублей. Что касается Бельгии, то и эта несчастная страна имѣла въ 1913 г. свой „крупповскій скандалъ“. Дѣло заключалось въ покупкѣ бельгійскимъ правительствомъ у Круппа пушекъ въ 280 милим. для защиты Шельды въ тотъ самый моментъ, когда германское правительство замѣняло на своихъ броненосцахъ орудія въ 280 милим. орудіями въ 305 милим. Во время дебатовъ въ бельгійскомъ парламентѣ въ сентябрѣ 1913 г. было указано ораторами оппозиціи, что 8 орудій, купленныхъ у Круппа за 5.000.000 франковъ, совершенно бесполезны съ военной точки зрѣнія для Бельгии, что само германское правительство отказалось отъ предложеннаго Бельгій образца орудій, что для доставки этихъ орудій въ Антверпенѣ пришлось бы выстроить спеціальную желѣзную дорогу, и что вся эта исторія обошлась безъ подкупа Круппомъ нѣкоторыхъ бельгійскихъ чиновниковъ и офицеровъ. И дѣйствительно въ связи съ этимъ дѣломъ многіе бельгійскіе офицеры были отставлены по распоряженію свыше или вынуждены сами подать въ отставку. Этотъ крупповскій скандалъ вызвалъ такую сенсацію въ Бельгій, что правительство должно было учредить особую слѣдственную комиссію по вопросу о покупкѣ у Круппа орудія въ 280 милим. Бельгійскія газеты „Independance belge“, „Soir“ и другія посвятили самыя обстоятельныя статьи этому вопросу, но въ русской прессѣ вся эта исторія прошла незамѣченной.

Зато многимъ нашимъ соотечественникамъ хорошо пзвѣстенъ и памятенъ до сихъ поръ пресловутый Путиловскій инцидентъ, разразившійся въ февралѣ 1914 г., вызвавшій сенсацію въ русской прессѣ, необычайную тревогу во Франціи и интерпелляцію по этому вопросу во французской палатѣ депутатовъ (см. Journal

Officiel. Chambre des Deputés Seance du 19 Mars 1914). Сущность инцидента сводилась къ слѣдующему. Въ концѣ января 1914 г. англо-германскій Синдикатъ, въ который входили, съ одной стороны, Круппъ и Deutsche Bank, съ другой — англійская фирма Виккерса и Максима предложили Путиловскимъ заводамъ авансъ въ 20 милл. рублей. Было очевидно, что Круппъ стремился овладѣть большинствомъ акцій Путиловскихъ заводовъ и взять въ свои руки эти заводы, на которыхъ до сихъ поръ орудія приготовлялись при содѣйствіи фирмы Крезо и французскаго персонала, доставляемаго этой фирмой. Этотъ инцидентъ вызвалъ такое волненіе въ правящихъ кругахъ Франціи, что нѣкоторыя газеты стали писать о возможности разрыва франко-русскаго союза, въ случаѣ перехода Путиловскихъ заводовъ къ Круппу; русскія газеты, въ свою очередь, посвятили въ тотъ моментъ не мало статей этому скандалу. Какъ извѣстно, вся эта исторія разыгралась въ тотъ моментъ, когда Делькассе находился въ Петербургѣ, и французское правительство спѣшно затребовало у него самыя точныя свѣдѣнія о всемъ этомъ дѣлѣ.

На фонѣ заводовъ Круппа выдѣляется палаццо, въ которомъ находится такъ называемый Essener Hof. Тамъ фирма принимаетъ и угощаетъ своихъ гостей, представителей различныхъ странъ, дающихъ заказы фирмѣ. Въ палаццо гремитъ музыка, даются роскошныя обѣды. Приѣмъ гостей обходится ежегодно въ 500.000 марокъ. Вотъ какъ Jules Huret* описываетъ обѣдъ въ этомъ любопытномъ отелѣ:

„Лица, приглашаемая самимъ заводомъ, обѣдаютъ въ специальной залѣ, находящейся рядомъ съ общимъ салономъ для ѣды. Въ хорошую погоду обѣдаютъ на открытой верандѣ, выходящей въ садъ... Турки, болгары, сербы, японцы, чилійцы, аргентинцы, филиппинцы, встрѣчаются здѣсь другъ съ другомъ...

„Сюда пріѣзжаютъ также скандинавцы, русскіе, бельгійцы. Въ концѣ обѣда послѣ того какъ французскія вина разгорячили головы, голоса повышаются, и всѣ эти враги пьютъ на средства принцессы какъ братья, среди дыма сигаръ и взрывовъ смѣха, совершенно забывъ о причинахъ, которыя ихъ привели сюда. Можетъ быть, эти люди будутъ когда-либо убивать другъ друга съ помощью тѣхъ же заказанныхъ ими пушекъ, за изготовленіемъ которыхъ они слѣдятъ здѣсь. Но пока сталь не охладилась, они „пьянствуютъ“, по выраженію Вильгельма, употребленному имъ въ разговорѣ съ Жюль Симономъ“.

Если мы въ дополненіе къ этой картинѣ, нарисованной Huret въ 1907 г., прибавимъ, что позднѣйшія разоблаченія доказали связь фирмы Берты Круппъ съ Путиловскими заводами въ Россіи, съ русскимъ обществомъ *Para-bellum* въ Петербургѣ, съ военными

* Jules Huret Rhin et Westphalie, стр. 334.

фабриками въ Бельгiи и т. д., что заводы Круппа какъ разъ наканунѣ войны пытались приобрести французскія военныя фабрики въ Лапалиссѣ, мы увидимъ, что фирма Круппа является идеальной военной фабрикой, своеобразнымъ пушечнымъ интернационаломъ, вооружавшимъ всѣ страны, даже и тѣ, которыя завтра могли вступить въ бой съ Германiей, но въ то же время не забывавшимъ ни на минуту интересовъ германскаго имперiализма и прежде всего династiи Гогенцоллерновъ. И если Вильгельмъ II находилъ для себя выгоднымъ усиливать вооруженiя Бельгiи, Японiи, Россiи, снабжая русскую армию крупповскими пушками и усиливая нашъ балтiйскiй флотъ военными судами, выстроенными въ Эльбингѣ и на другихъ верфяхъ Германiи, то нельзя сказать, чтобы съ точки зрѣнiя национальной обороны Россiя и Бельгiя много выиграли отъ этихъ комбинацiй, ибо военная мощь государства заключается не въ пушкахъ и снарядахъ, которые можно закупить въ какомъ угодно количествѣ въ мирное время хотя бы даже у завтрашняго врага, а въ той индустриальной энергiи, которую въ состоянiи развить данная страна, индустриальной энергiи, являющейся если не единственнымъ, то во всякомъ случаѣ важнейшимъ факторомъ побѣды въ современной войнѣ.

§ 7. Война и крупповскiе доходы. — Слухи о мирѣ и паденiе курса военныхъ бумагъ. — Война до конца. — Военные заводы и банки.

Само собой разумѣется, что во время войны посреди всеобщаго разрушенiя и ужаса доходы фирмы Круппа возросли въ громадной пропорцiи. Заводы Круппа съ самаго начала войны увеличили число своихъ рабочихъ съ 80.000 до 120.000, т. е. на 50%. Они значительно сократили производство всякаго рода машинъ, паровыхъ молотовъ и т. д., сосредоточились почти исключительно на выдѣлкѣ орудiй, снарядовъ и вообще всякаго рода принадлежностей военнаго аппарата германской армiи.

По официальнымъ сообщенiямъ фирмы Круппа, опубликованнымъ въ Эссенѣ въ ноябрѣ 1915 г., фирма реализовала въ 1914—1915 г. 86.400.000 марокъ чистой прибыли вмѣсто 33.900.000 чистой прибыли предшествующаго 1913—1914 г. Такимъ образомъ, чистый доходъ отъ эксплуатацiи заводовъ въ годъ войны увеличился на 52.500.000 марокъ по сравненiю съ 1913—1914 г., т. е. на 150%.

Изъ внимательнаго чтенiя отчетовъ о доходахъ фирмы Круппа за годъ войны можно заключить, что въ дѣйствительности доходы фирмы выше опубликованныхъ въ печати къ всеобщему свѣдѣнiю.

Доходы крупповскихъ заводовъ за время войны должны быть колоссальны, если принять во вниманiе, что съ самаго начала военныхъ дѣйствiй нѣмецкiя войска захватили въ свои руки бо-

гатѣйшія угольные копи въ Бельгіи и желѣзные рудники во Франціи и между прочимъ знаменитый французскій бассейнъ Брией. Запасы угля и желѣза въ Бельгіи и Франціи достались заводамъ Вильгельма, если не даромъ, во всякомъ случаѣ не по рыночной цѣнѣ.

Акціи Круппа никогда не котируются на биржѣ, потому что Гогенполлерны, семья Круппа и финансовыя учрежденія, владѣющія этими драгоцѣнными бумагами, не стануть выпускать ихъ изъ своихъ рукъ. Болѣе того, счастливые владѣльцы крупновскихъ акцій, вѣроятно, льстятъ себя надеждой, что когда враги Германіи будутъ окончательно побѣждены и вынуждены уплатить не малую контрибуцію побѣдителю, нѣкоторая часть этой контрибуціи пойдетъ, какъ это случилось послѣ войны 1871 г., на щедрое вознагражденіе фирмы Круппа за исполненные заказы, на новое расширеніе и оборудованіе этихъ заводовъ, столь содѣйствовавшихъ побѣдѣ Германіи.

Имѣются также облигаціи крупновскихъ заводовъ 4⁰/₁₀₀ и 4¹/₂⁰/₁₀₀. Но и объ этихъ облигаціяхъ теперь ничего не услышишь, ибо владѣльцы ихъ не желаютъ теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, разставаться съ этими бумагами. Акціонеры заводовъ Круппа получили въ нынѣшнемъ 1914—1915 г. тотъ же дивидендъ, что и въ предшествующемъ, именно 12⁰/₁₀₀. Остальная наличность предназначается на финансовую консолидацію фирмы и на различныя благотворительныя учрежденія при заводахъ. Такъ, значительная сумма въ 23.700.000 марокъ изъ чистаго дохода назначена на созданіе крупновскаго фонда въ пользу дѣтей многочисленныхъ семействъ, кормильцы которыхъ убиты на войнѣ или тяжело ранены. Главный акціонеръ крупновскихъ заводовъ, Вильгельмъ II умѣетъ показать нѣмецкимъ пролетаріямъ, что онъ не только хорошій полководецъ, но и добрый хозяинъ, заботящійся о своихъ рабочихъ.

И соглашаясь уступить изъ своихъ доходовъ большую долю чѣмъ въ предшествующіе годы, въ пользу рабочаго персонала своихъ заводовъ, а особенно пострадавшихъ отъ войны семей, Вильгельмъ этимъ даетъ понять, что онъ готовъ какъ можно дальше пойти по пути государственнаго социализма, заботъ объ улучшеніи экономическаго положенія нѣмецкихъ рабочихъ, повышенія ихъ заработной платы, улучшенія ихъ жилищныхъ условий и т. д.

Само собой разумѣется, что не только фирма Круппа нажилась благодаря войнѣ.

Насколько въ Германіи многія промышленныя фирмы были заинтересованы въ продолженіи войны, видно изъ того пониженія курса, которое потерпѣли многія биржевыя бумаги, какъ только распространился слухъ о близкомъ мирѣ. „Berliner Tageblatt“ 29 октября 1913 г. и „Frankfurter Zeitung“, отъ 30 октября сообщили, что на биржѣ всѣ военныя цѣнности (акціи и обли-

гади пушечныхъ, пороховыхъ, ружейныхъ, динамитныхъ и др. заводовъ, желѣзо-дѣлательныхъ, стале-литейныхъ и т. д.) необычайно понизились, между тѣмъ какъ мирныя цѣнности (акціи мореходныхъ компаній, колониальныхъ желѣзныхъ дорогъ и т. д.) съ такой же быстротой и неожиданностью поднялись.

Однѣ газеты объясняли это неожиданное пониженіе военныхъ бумагъ поѣздкой въ Гаагу нѣмецкаго министра колоній Салфа, въ сопровожденіи Вольфа-Меттерника, бывшаго германскаго посланника въ Лондонѣ, другіе поѣздкой князя Бюлова въ Швейцарію и его свиданіемъ съ представителемъ папы, третью сообщеніями объ успѣхахъ австро-германскихъ войскъ съ Сербіей, успѣхами, которые, якобы, должны были привести къ немедленному миру. Итакъ, одни только слухи о близкомъ мирѣ вызвали панику на биржѣ относительно опредѣленныхъ бумагъ и вели къ пониженію курса металлургическихъ и другихъ акцій.

Очевидно, что цѣлый рядъ предприятий наживался на войнѣ. И дѣйствительно, относительно нѣмецкихъ фабрикъ, работавшихъ на армію, извѣстно, что ихъ прибыль была очень значительна и для этой прибыли во время войны былъ придуманъ особый терминъ, — „Kriegsgewinn“. Слѣдуя — правда очень робко — примѣру англійскаго правительства, вотировавшаго билль Ллойда Джорджа объ ограниченіи прибыли военныхъ фабрикъ, рейхстагъ принялъ въ маѣ 1915 г. пожеланіе объ обложеніи по достиженіи мира военной прибыли особо усиленнымъ сборомъ на уплату вызванныхъ войной издержекъ.

Германскіе металлургическіе и пушечные бароны, всѣ эти Тиссены, Эргарты, Круппы, Ротвеллеры и другіе должны были наживать десятки милліоновъ марокъ каждый мѣсяць, и неудивительно, что эти самоотверженные патріоты требуютъ войны до конца, до полного разгрома Россіи, до захвата Парижа, до овладѣнія Египтомъ.

Здѣсь на военныхъ заводахъ Германіи, на всѣхъ ея фабрикахъ, работающих на армію, происходитъ теперь настоящая пляска милліоновъ, и здѣсь же ядро и оплотъ германскаго промышленнаго патріотизма, понимаемаго въ смыслѣ затягиванія войны выставленіемъ все далѣе идущихъ цѣлей.

Характерную особенность нѣмецкихъ военныхъ и вообще работающих на армію предприятий представляетъ ихъ тѣсная зависимость отъ крупныхъ финансовыхъ учрежденій, отъ главныхъ банковъ Германіи. Г. Лурье въ своихъ статьяхъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, и въ „Вѣстникѣ Европы“ приводитъ любопытную справку о роли банковъ въ нѣмецкой индустри въ моментъ войны. Оказывается, Geschäfts-stelle „военнаго центра каучуковой промышленности находится въ конторѣ Deutsche Bank, военнаго центра кожаной индустри въ конторѣ Kommers und k. Diskonto Bank, военнаго центра металлической индустри въ банкѣ Del-

bruck und K^o, химической тамъ же, джутовой въ конторѣ Diskonto-Gesellschaft“. Такимъ образомъ, мы видимъ, что главные квартиры военно-промышленныхъ центровъ всѣхъ мобилизованныхъ отраслей нѣмецкой индустриі помѣщаются въ конторахъ важнѣйшихъ нѣмецкихъ банковъ. Да и самъ, главный военный центръ (Kriegsausschuss der Deutscher Industrie) германской индустриі, созданный 8 августа 1914 г. путемъ слиянія двухъ крупнѣйшихъ организацій нѣмецкихъ промышленниковъ: Bund der Industriellen и Zentralverband der Deutschen Industrie находится подъ фактическимъ контролемъ консорціума десяти важнѣйшихъ нѣмецкихъ банковъ.

Эта тѣсная связь между военной индустрией и важнѣйшими банками Германіи составляетъ характерную особенность нѣмецкаго империализма. Реальная связь такого влиятельнаго фактора во внутренней и внѣшней политикѣ Германіи какъ полу-автократическая династія Гогенцоллерновъ съ заводами Круппа, съ фабриками, выдѣлывающими военное сукно, и т. п. — заинтересованность имперской фамилиі въ повышеніи дивидендовъ пушечныхъ заводовъ уже сама по себѣ представляла крайне опасное явленіе для сохраненія международнаго мира. Подчиненіе же цѣлаго ряда военныхъ фабрикъ или вообще предпріятій, связанныхъ такъ или иначе съ арміей, власти крупныхъ банковъ, владѣвшихъ миллиардами марокъ и искавшихъ все новаго и новаго приложения свободнымъ капиталамъ, должна была придать германской военной индустриі, индустриі боевой по существу, особенно агрессивный характеръ въ смыслѣ направленія внѣшней политики Германіи.

Само собой разумѣется, что этимъ самымъ мы не думаемъ утверждать, будто среди тысячъ военныхъ заводовъ, существующихъ на земномъ шарѣ, именно нѣмецкіе и только послѣдніе были заинтересованы въ войнѣ, въ обостреніи международныхъ конфликтовъ. Марксъ указалъ намъ методъ, какимъ надлежитъ изучать законы и тенденции, проявляющіеся и дѣйствующіе съ желѣзной необходимостью въ капиталистическомъ строѣ. „Болѣ развитая въ промышленномъ отношеніи страна только показываетъ менѣ развитымъ странамъ картину ихъ собственной будущности“ — писалъ Марксъ. Болѣ крупные и по своимъ размѣрамъ и по вложеннымъ въ нихъ капиталамъ нѣмецкіе военные заводы лишь въ болѣ яркой формѣ проявляютъ намъ тѣ законы и тенденции, которые выражаются въ дѣятельности и эволюціи болѣ отсталыхъ, менѣ крупныхъ заводовъ Франціи, Англіи, Италиі и т. д.

Мих. Павловичъ.

ПИСЬМА Л. Н. ТОЛСТОГО.

Г-ну Файвелю Гецу.

Я прочелъ тогда же всѣ книги, которыя вы отдавали мнѣ, и прочелъ теперь ваше письмо. Во-первыхъ, вы приписываете моему (да и всякому) слову значеніе, котораго оно не имѣетъ и сотой доли, во-2-хъ, вы невольнo переносите воображеніемъ въ меня всю ту страстность желанія улучшения матеріальнаго положенія Евреевъ и возмущенія за переносимыя ими гоненія, которыя сами испытываете.

Я жалѣю о стѣсненіяхъ, которымъ подвергаются Евреи, считаю ихъ не только несправедливыми и жестокими, но и безумными; но предметъ этотъ не занимаетъ (меня) исключительно, или предпочтительно передъ другими изъ моихъ чувствъ и мыслей. Есть много предметовъ, болѣе волнующихъ меня, чѣмъ этотъ. И потому я бы не могъ ничего написать объ этомъ предметѣ такого, чтобы тронуло людей. Думаю я объ Еврейскомъ вопросѣ то, въ чемъ еще больше подтвердило меня чтеніе вашихъ статей объ еврейской этикѣ, что нравственное ученіе Евреевъ и практика ихъ жизни стоитъ, безъ сравненія, выше нравственнаго ученія и практики жизни нашего quasi христіанскаго общества — признающаго изъ христіанскаго ученія только выдуманная богословами теорія покаянія и искупленія, освобождающія ихъ отъ всѣхъ нравственныхъ обязанностей, и что поэтому Еврейство, держашееся нравственныхъ основъ, кот(орыя) оно исповѣдуетъ, во всемъ, что составляетъ цѣли стремленій нашего общества, беретъ верхъ надъ quasi христіанскими людьми, неимѣющими никакихъ нравственныхъ основъ, и что отъ этого происходятъ зависть, ненависть и гоненія.

Поэтому я думаю тоже, что гоненія эти никакъ не прекратятся, какъ въ Америкѣ не прекратятся гоненія на лучшихъ, болѣе дешевыхъ и трудолюбивыхъ работниковъ, чѣмъ американцы — китайцевъ. Американцы очень хорошо знаютъ, что, изгоняя китайцевъ, они отступаютъ отъ основныхъ принциповъ равенства и свободы кот(орые) исповѣдуютъ, но дѣло касается ихъ шкуры и они топчутъ ногами принципы, исповѣдуемые ими на словахъ. Точно такъ же у

насъ, съ тою разницею, что у насъ даже и не профессируютъ принциповъ равенства и свободы, и потому и подъ ноги топтать нечего. Евреи, въ умѣнии достигать того, что составляетъ цѣль стремления большинства, несомнѣнно превосходятъ quasi-христіанъ, и потому насколько есть возможность quasi-христіане всегда будутъ въ этомъ имъ препятствовать. Такъ и дѣлаютъ и будутъ дѣлать и перестанутъ только тогда, когда усвоятъ истинныя христіанскія основы жизни, оставляющія далеко за собой архаическіе отжитки; еврейскія основы нравственности — тѣ самыя, во имя которыхъ и происходятъ теперешнія гоненія, какъ и сказано, что нищіе города твоего имѣютъ первенство передъ нищими чужого города и если кто-нибудь готовъ убить тебя, то предупреди и убей его и т. п. Очень, очень жалѣю что моя болѣзнь сдѣлала вамъ столько хлопотъ и лишила меня случая познакомиться съ вами. Пожалуйста, не сердитесь на меня, если содержаніе моего письма не отвѣтитъ вашимъ ожиданіямъ, и постарайтесь перенестись въ меня, чтобы увидѣть, что я и не могу иначе относиться къ этому вопросу.

Пожалуйста, напишите мнѣ и скажите, что дѣлать съ тѣми книгами, которыя вы оставили у меня.

Я все еще слабъ и нездоровъ, но если бы вы нашли нужнымъ видѣться, то я могу принять васъ.

Полагаю, однако, что свиданіе наше не измѣнитъ отношенія моего къ занимающему васъ вопросу. Еще разъ прошу васъ вызвать въ себѣ добрыя ко мнѣ чувства, остаюсь съ уваженіемъ и желаніемъ вамъ успокоенія.

Л. Толстой.

20-V-90 г.

Благодарю васъ за присылку книгъ, я прочту ихъ.

Впрочемъ, въ предпоследнемъ письмѣ вашемъ, писанномъ изъ Ясенковъ, вы вполне отвѣтили, или скорѣе объяснили мнѣ мою ошибку о степени высоты требованій Еврейской этики, указавъ на различіе того, что требуется отъ всѣхъ, и того идеала совершенства, кот(орый) представляется тѣмъ, кот(орые) въ силахъ идти къ нему. Я составилъ мое мнѣніе тогда преимущественно по вашей же книгѣ объ Евр(ейской) этикѣ и очень радъ былъ разубѣдиться въ этомъ. Радъ потому, что для меня равенство всѣхъ людей — аксиома, безъ кот(орой) я не могъ бы мыслить. То, что заложено въ сердцѣ одного человека, лежитъ и въ сознаниіи всякаго другого, и то, что лежитъ въ сознаниіи одного народа, то лежитъ и въ сознаниіи всякаго другого. Смотрятъ только люди и народы съ разныхъ сторонъ. Высота же ихъ, или низость, — уровень ихъ одинъ и тотъ же. И потому я

теоретически признавалъ всегда то, что вся высота христанскаго учения доступна всякому народу, тѣмъ болѣе Еврейскому, изъ к(отораго) оно вышло. Мѣшаетъ этому, я думаю, преимущественно та исключительность, та особенная миссия, к(оторую) приписываютъ себѣ Евреи. Знать свою миссию народу, какъ человѣку свое призваніе, не только не нужно, но вредно. Человѣкъ и народъ долженъ всѣми силами дѣлать то, что составляетъ его призваніе, а не опредѣлять его, такъ какъ опредѣлить его и нельзя до самой смерти. — Призваніе опредѣляется послѣ смерти. Послѣдніе часы, минуты могутъ придать смыслъ всей предшествующей дѣятельности или погубить ее, — и потому, пока живъ, ни на минуту не надо отвлекаться разсужденіями праздными о томъ, въ чемъ состоитъ моя миссія, — отъ исполненія ея; кромѣ того, разсужденія о миссии Еврейства, обособляя Еврейство, дѣлаютъ его отталкивающимъ, для меня, по крайней мѣрѣ. Какъ противно, отвратительно Англосаксонство, Германство, Славянство (въ особенности мнѣ славянство), такъ противно Еврейство, какъ какое-то созннное обособленное начало, возведшее его самозванно въ какую-то должность и чинъ.

Есть люди болѣе или менѣе разумные (и потому свободные) и добрые — и чѣмъ они разумнѣе и добрѣе, тѣмъ они тѣснѣе, органичнѣе сливаются другъ съ другомъ воедино, будь они Германцы, Англосаксонцы, Евреи или Славяне, тѣмъ они дороже другъ другу; чѣмъ они менѣе разумны и добры, тѣмъ болѣе они распадаются и становятся ненавистными другъ другу. И потому кажется, что и Еврею, и Германцу, и Русскому больше нечего дѣлать и не къ чему иному стремиться какъ къ тому, чтобы быть какъ можно разумнѣе и добрѣе, забывая о своемъ Славянствѣ или Еврействѣ, что и давайте съ вами дѣлать.

Л. Толстой.

5—VI.—90.

Очень сожалѣю, любезный Файвель Бенцеловичъ, что запрещеніе помѣшало протесту* быть напечатаннымъ. Можетъ быть онъ дождется лучшихъ временъ и въ то время еще разрастется подписями.

Очень вамъ благодаренъ за присланныя мнѣ книги; я прочелъ ихъ и много узналъ изъ нихъ. Мнѣ очень радостно было узнать изъ нихъ, что этическое ученіе Евреевъ гораздо выше, чѣмъ то, кот(орое) я предполагалъ. Христанское ученіе устанавливаетъ равен-

* Рѣчь идетъ о протестѣ противъ антисемитскаго движенія въ печати, составленномъ В. С. Соловьевымъ въ маѣ 1890 г., который Л. Н. Толстой подписалъ первымъ. Текстъ протеста напечатанъ въ приложеніи къ брошюрѣ Ф. Геца „Объ отношеніи Вл. С. Соловьева къ еврейскому вопросу“. Второе изданіе. Москва. 1902 г.

ство и братство всѣхъ людей и потому предположеніе о томъ, что какіе нибудь люди могутъ быть обижены въ самыхъ важныхъ людскихъ свойствахъ, въ сознаниіи нравственнаго идеала, есть нехристианское понятіе. И потому чѣмъ выше понимаешь нравственное ученіе другихъ людей или народовъ, тѣмъ это радостнѣе для христианина.

Очень вамъ благодаренъ за эти книги и теперь возвращаю ихъ.

Желаю вамъ всего хорошаго, а главное освобожденія, или скорѣе превозможенія сознания обиды, кот(орую) терпитъ вашъ народъ. Это сознание должно быть очень мучительно и отравляетъ жизнь. Я думаю, что можно превозмочь это чувство — прощеніемъ и любовью къ врагамъ, и отъ всей души желаю вамъ этого.

22—XI—90.

Любящій васъ Л. Толстой.

Файвель Бенцеловичъ.

Хотя я и не могъ успѣть отвѣтить вамъ до 5-го, т. к. получилъ ваше письмо (заказное) 4-го, я и не нуждался въ этомъ, п. ч. вполне предоставляю вамъ печатать мои письма, увѣренный въ томъ, что напечатаете ихъ если не вполне, то такъ, что пропущенное не измѣнитъ сущность мысли, к(акъ) я хотѣлъ выразить. Благодарю васъ за присланныя книги. Я прочелъ въ нихъ то, что меня интересовало, и нашелъ въ нихъ много интереснаго. Желаю успѣха вашему изданію въ смыслѣ воздѣйствія на умы и души людей въ духѣ умиротворенія и единенія. Если увидите Соловьева, передайте ему мой привѣтъ и извиненія, что не отвѣчаю ему.

Желаю вамъ всего лучшаго.

Левъ Толстой.

11—II—91.

Любезный и уважаемый Г-нъ Гець.

Очень радъ случаю, напомнившему мнѣ мою обязанность сердечно благодарить васъ за ваше любезное содѣйствіе мнѣ по переводу письма о Г. Дж(оржѣ).

Очень бы желалъ быть вамъ чѣмъ нибудь полезнымъ и потому очень радъ тому, что письма мои могутъ вамъ пригодиться. Печатайте ихъ гдѣ и какъ хотите. Жалѣю только о томъ, что не могу болѣе сильно и внушительно выразить мое отвращеніе къ приемамъ, употребляемымъ русскимъ правительствомъ по отношенію къ Евреямъ, и мое недоумѣвающее удивленіе передъ той глупостью и нецѣлесообразностью этихъ приемовъ, отставшихъ на нѣсколько вѣковъ отъ своего времени.

Съ совершеннымъ уваженіемъ Левъ Толстой.

1 Юня 1894 г.

Ф. Гецу.

1 декабря 09 года.

Ясная Поляна.

Очень благодарен Вам за готовность помочь мне.

Очень обяжете меня, выслав мне хотя некоторые из перечисленных вами книг наиболее содержательных. Постараюсь не задержать их и вернуть их вам в сохранности.

Уважающий вас Левъ Толстой.

Получил от вас все три партии книг, за которые очень благодарю вас. Думаю, что воспользуюсь ими, сейчас же очень занятъ.

12 января 1910 года.

Ясная Поляна.

Левъ Толстой.

Очень вам благодарен за вашу любезную присылку мне книг о Талмудѣ. Мне очень совѣтно, что я напрасно утрудил вас. Я чувствую себя не в силах заниматься теперь этимъ предметомъ и поэтому съ благодарностью возвращаю ваши книги и еще разъ прошу извините меня за доставленное вамъ беспокойство.

Съ совершеннымъ уваженіемъ Левъ Толстой.

17 марта 1910.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КРИЗИСЪ ВЪ КИТАѢ.

Уже болѣе трехъ мѣсяцевъ прошло съ того момента, какъ Юаншикай въ отвѣтъ на повторную просьбу „народныхъ представителей“ заявилъ торжественно, что онъ „не можетъ противиться волѣ народа, единогласно избравшаго его императоромъ“. Въ исторіи молодой китайской республики, казалось, была уже дописана послѣдняя глава; революционный циклъ былъ, казалось, законченъ. Въ концѣ января Юаншикай долженъ былъ формально возложить на свою голову корону и начать собою новую императорскую династію. Диктаторъ и его сторонники, очевидно, признали моментъ подходящимъ для завершения государственнаго переворота, явившагося естественнымъ выводомъ изъ пораженія, понесеннаго въ 1913 г. второй китайской революціей. Но судя по тому, что происходитъ на Дальнемъ Востокѣ сейчасъ, расчетъ Юаншикай оказался ошибочнымъ. Его планъ встрѣтилъ сопротивление какъ внутри страны, — со стороны революціонеровъ въ южныхъ провинціяхъ и приверженцевъ манчжурской династіи въ сѣверныхъ, — такъ и внѣ ея, со стороны европейскихъ державъ, которыя были доселѣ весьма благосклонны къ Юаншикаю.

Попытка монархической реставраціи вызвала, такимъ образомъ, вновь наружу всѣ тѣ силы, взаимодействіемъ которыхъ создалась за послѣдніе годы исторія Китая. Своимъ возвышеніемъ Юаншикай былъ обязанъ въ первую очередь успѣшной антиманчжурской революціи, расчистившей ему дорогу къ верховной власти. Но учесть въ свою пользу результаты этой революціи помогла ему не столько общественная реакція въ самомъ Китаѣ, сколько поддержка европейскаго капитала и защищающая его интересы европейская дипломатія. Въ этой реакціонной роли европейскаго капитала — характернѣйшая черта китайской революціи: вмѣшательство капиталистическихъ интересовъ въ пользу реакціи проявилось въ Китаѣ съ особенной отчетливостію и съ полной откровенностію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить основные этапы исторіи послѣдняго революціоннаго движенія въ Китаѣ.

Революція 1911 г., какъ и предшествовавшая ей борьба за конституцію 1909—1910 гг., была направлена непосредственно противъ монархіи. Но наряду съ прочими мотивами анти-монар-

хического настроенія не малую роль игралъ въ этой борьбѣ и мотивъ патріотическій. Династія за послѣднія десятилѣтія потеряла послѣдніе остатки своей популярности не только потому, что она являлась тормазомъ для внутренняго развитія страны, но и потому, что она оказалась не въ силахъ помѣшать расширенію богатствъ страны иноземцами.

Если въ началѣ XX столѣтія Китай не былъ еще подѣленъ европейцами, то этимъ онъ былъ обязанъ исключительно соревнованію самихъ европейскихъ державъ между собою, а отнюдь не своей способности къ сопротивленію. Не говоря уже о Россіи и Японіи, Германія, Англія, Франція, Соединенные Штаты, даже Италія и Бельгія считали себя прямо заинтересованными въ томъ, чтобы гегемонія въ Китаѣ не досталась ни одной изъ прочихъ державъ-соперницъ. Всѣ они смотрѣли на Китай какъ на страну, которая должна быть и для нихъ открыта, изъ которой и онѣ имѣютъ право извлечь нѣчто въ свою пользу. Съ торговой и промышленной точки зрѣнія Китай представлялъ собою, казалось, богатства неисчерпаемыя. Ни одна изъ капиталистическихъ державъ не могла согласиться на то, чтобы ее отъ эксплуатаціи этихъ богатствъ устранили. Между тѣмъ всякій, хотя бы и частичный, раздѣлъ Китая означалъ бы суженіе поля возможной эксплуатаціи.

Правда, державы, участвующія въ раздѣлѣ, могли бы въ извѣстной мѣрѣ возмѣстить это суженіе большей интенсивностью эксплуатаціи доставшагося имъ района. Но въ общемъ, такая замѣна, устраняющая возможность конкуренціи, могла быть выгодна лишь для болѣе отсталыхъ странъ; для передовыхъ капиталистическихъ государствъ гораздо больше обѣщало свободное соревнованіе на почвѣ „недѣлимаго“ Китая. А съ другой стороны раздѣлъ представлялъ невѣроятныя трудности въ силу крайней сложности и „черезполостности“ экономическихъ интересовъ отдельныхъ европейскихъ государствъ.

Таковы были основныя причины, остановившія начавшійся, было, на окраинахъ процессъ распада китайской территоріи. Сопротивленіе Китая играло среди этихъ причинъ самую ничтожную роль. Державы, отказавшіяся (по меньшей мѣрѣ временно) отъ раздѣла, признавшія его для себя сейчасъ невыгоднымъ, пришли вмѣстѣ съ тѣмъ къ извѣстному компромиссу, къ извѣстному соглашенію о совмѣстной эксплуатаціи китайскихъ богатствъ. Изъ этого соглашенія вытекло, какъ одно изъ его послѣдствій, и образованіе знаменитаго консорціума, рѣшившаго взять въ свои руки экономическую и административную реорганизацію Китая. Въ консорціумъ вошли сначала государства, наиболѣе богатые капиталами, — Англія, Франція, Германія, Соединенные Штаты, затѣмъ, уже во время революціи, къ нимъ примкнули Россія и Японія, не пожелавшія остаться въ сторонѣ отъ организаціи

грозившей фактически взять Китай въ свои руки. Такимъ образомъ, Китай, избѣжавшій раздѣла, попалъ подъ своеобразный коллективный протекторатъ великихъ державъ, — протекторатъ, необходимымъ дополненіемъ къ которому было признаніе за отдѣльными членами консорціума извѣстныхъ „сферъ вліянія“.

Таково было международное положеніе Китая къ моменту революціи. Вполнѣ естественно, что борьба противъ стараго порядка, доведшаго Китай до такого положенія, должна была проходить не только подъ знаменемъ народнаго суверенитета, но и подъ знаменемъ національнаго возрожденія. Китайскіе революціонеры 1911 г. не были врагами европейской культуры; наоборотъ, они стремились приобщить Китай къ ней. За немногими исключеніями они не были по существу и врагами капиталистическаго прогресса Китая; отдѣльнымъ ихъ заявленіямъ социально-реакціоннаго характера можетъ быть противопоставлена ихъ широкая программа развитія желѣзно-дорожнаго строительства, торговаго судоходства и т. д. Они сознавали, вѣроятно, необходимость воспользоваться на первыхъ порахъ помощью европейскаго капитала въ дѣлѣ реорганизаціи страны. Но ихъ конечнымъ идеаломъ было, несомнѣнно, освобожденіе Китая отъ этой достаточно тягостной зависимости, созданіе такихъ условій, при которыхъ для Китая открылась бы возможность самостоятельнаго экономическаго и политическаго развитія. Можно было сказать заранѣе, что при такихъ настроеніяхъ революціонеровъ дѣло революціи не должно было вызвать сочувствія со стороны консорціума.

Однако, успѣхъ революціи былъ такъ всеобъемлющъ, что на первыхъ порахъ европейскія державы готовы были какъ будто примириться съ фактомъ и приспособиться къ новымъ условіямъ. Революція началась 10-го октября 1911 г. въ Ву-чанѣ, въ началѣ ноября въ рукахъ революціонеровъ былъ уже Шанхай, въ началѣ декабря Нанкинъ. Въ серединѣ декабря собраніемъ делегатовъ отъ возставшихъ провинцій Китай былъ провозглашенъ федеративной республикой, а 29-го декабря эта республика имѣла уже президента — извѣстнаго революціонера Сунъ-ятъ-Сена — и вице-президента — мятежнаго генерала Ли-юанъ-хуна.

Пекинское правительство держало еще номинально въ своихъ рукахъ часть сѣверныхъ провинцій, но для борьбы съ отпавшимъ югомъ у него, явнымъ образомъ, не было силъ. Династія настолько дискредитировала себя за послѣдніе годы своего правленія, что отъ нея отвернулись въ часъ опасности даже самые умѣренные элементы. Рядъ конституціонныхъ уступокъ не помогъ дѣлу. Довѣріе къ двору было потеряно окончательно, и сторонники монархіи, несомнѣнно, очень многочисленные, особенно на отсталомъ сѣверѣ, почти ничѣмъ на эти уступки не откликнулись. Имъ, конечно, были далеко не по вкусу федеративно-республиканскіе идеалы южныхъ революціонеровъ. Но вокругъ манчжурской

династии, безнадежно погибшей въ общемъ мнѣнii, они не могли объединиться, иного объединяющаго центра пока не было, и примиренiе съ республикой казалось имъ, очевидно, для даннаго момента наилучшимъ исходомъ. Потомъ, конечно, они рассчитывали придать постепенно этой республикѣ форму болѣе соответствующую своимъ вкусамъ, и освободить ее отъ того отпечатка послѣдовательнаго демократизма, какой она приняла въ рукахъ революционеровъ. Какъ бы то ни было, въ концѣ 1911 г. единственной властью въ Китаѣ, казавшейся болѣе или менѣе прочной, была власть революціоннаго нанкинскаго правительства, и представители консорціума начали уже съ нимъ переговоры о необходимомъ для реорганизаціи Китая займѣ.

Но въ это время на пекинскомъ горизонтѣ появилась новая звѣзда: возвращенный изъ опалы старый дѣятель монархіи, предатель реформатора Канъ-ю-веля—Юаншикай. Онъ былъ вызванъ въ Пекинъ для защиты монархіи и былъ назначенъ первымъ министромъ и командующимъ войсками вѣрнаго династii сѣвера. Поскольку у двора еще оставались кое-какія силы, онѣ всѣ были сосредоточены въ рукахъ Юаншикай. Но Юаншикай прекрасно понималъ безнадежность попытки защищать монархію. Объединеніе консервативныхъ элементовъ было, конечно, возможно, и Юаншикай дѣлалъ въ этомъ направленіи все, что отъ него зависѣло. Однако, старой династii это не могло уже помочь: Юаншикай самъ мечталъ стать въ центрѣ неизбежнаго реакціоннаго движенія, онъ мечталъ, что реакціонная волна вознесетъ его на вершину власти. Какъ показали дальнѣйшія событія, онъ былъ вполне правъ въ своей оцѣнкѣ положенія. Консервативныя силы, растерянные старой монархіей, уже очень скоро оказались сгруппированными вокругъ новаго диктатора. Не менѣе правильно оцѣнивалъ Юаншикай и возможную роль европейскаго капитала. Безъ поддержки этого капитала онъ былъ бы не въ состоянii справиться съ революционерами, несмотря на все сочувствіе умѣренныхъ элементовъ. Поэтому второй задачей Юаншикай было привлечь на свою сторону консорціумъ. Горячую поддержку онъ встрѣтилъ въ этомъ со стороны русской дипломатii, какъ разъ въ это время добившейся принятія въ консорціумъ Россii. Русская дипломатія руководствовалась въ данномъ вопросѣ отнюдь не интересами русскаго капитала, фактически въ китайскихъ займахъ не участвовавшаго; ея стремленіе не допустить въ Китаѣ утвержденія республики объяснялось мотивами иного порядка. Во всякомъ случаѣ, консорціумъ съ охотой пошелъ навстрѣчу желаніямъ Россii и Юаншикай. Появленіе у власти Юаншикай освобождало европейскихъ капиталистовъ отъ печальной необходимости поддерживать явно стремящихся освободиться отъ европейскаго протектората революционеровъ, оно раскрывало передъ европейскимъ капиталомъ перспективы дальнѣйшей эксплуатаціи

страны, эксплуатаціи, быть можетъ, даже болѣе интенсивной, чѣмъ при старомъ порядкѣ. Ибо въ Юаншикаѣ, пришедшемъ къ власти при содѣйствіи консорціума, представители консорціума уже заранѣе видѣли простую игрушку, исполняющую всѣ велѣнія капитала.

Такимъ образомъ, побѣдители-республиканцы въ Нанкинѣ оказались безъ денегъ. Юаншикаю деньги были общаны. Его дальнѣйшій планъ дѣйствій былъ совершенно ясенъ. Онъ долженъ былъ устранить императора, императрицу и прочихъ представителей династии. Это было не трудно, такъ какъ фактически они были всецѣло въ его рукахъ. 12 февраля 1912 г. императоромъ былъ подписанъ эдиктъ объ отреченіи и о передачѣ всѣхъ полномочій по организаціи республики Юаншикаю. Затѣмъ Юаншикай долженъ былъ такъ или иначе добиться признанія своей диктатуры со стороны революціоннаго юга. Силою оружія достигнуть этого онъ не могъ, но онъ располагалъ силою денегъ и поддержкой европейскихъ державъ, и южане должны были волею-неволею пойти на компромиссъ съ нимъ. Для демократическихъ элементовъ юга компромиссъ съ Юаншикаемъ, которому они до вѣряли очень мало, былъ очень тяжелъ. Но и на югѣ, конечно, изъ общей массы сторонниковъ революціи постепенно выдѣлялись болѣе умѣренныя общественныя группы, предпочитающія на посту президента республики стараго мандарина Юаншикаю вѣчному эмигранту Сунъ-ятъ-Сену. Въ 1913 г. торговая буржуазія юга, поддерживавшая революцію 1911 г., оказалась уже на сторонѣ диктатора. Какъ бы то ни было, компромиссъ былъ заключенъ еще до отреченія династии. 13 февраля Сунъ-ятъ-Сенъ подалъ въ отставку, а 15 февраля нанкинское революціонное собраніе избрало временнымъ президентомъ республики Юаншикаю.

На первыхъ порахъ Юаншикай былъ очень остороженъ. Онъ назначилъ министровъ-южанъ, оставивъ власть надъ южными войсками въ рукахъ революціонера Хуанъ-сина. Въ одномъ пунктѣ онъ, однако, былъ твердъ: онъ отказался переѣхать самъ въ мятежный Нанкинъ и настоялъ на перенесеніи мѣстопробыванія временнаго правительства въ Пекинъ. Правда, уже очень скоро начались тренія изъ за состава кабинета между президентомъ и организовавшими партію Куо-минъ-танъ революціонерами; правда, Юаншикай постепенно перераспредѣлялъ мятежныя войска и устранялъ неугодныхъ ему генераловъ. Но все же вплоть до созыва парламента онъ держался относительно корректно, и партійная борьба протекла въ мирныхъ формахъ. Мирно прошли и выборы въ первый парламентъ, давшіе Куо-минъ-танъ абсолютное большинство въ сенатѣ и господствующее положеніе въ палатѣ представителей. Лишь съ начала 1913 г. Юаншикай началъ дѣйствовать болѣе рѣшительно. Въ это время онъ, совер-

шенно игнорируя парламентъ, заключилъ заемъ у консорціума и получилъ необходимыя для него деньги. Протесты парламента, съ одной стороны, не желавшаго, чтобы деньги попали въ безконтрольное распоряженіе президента, съ другой стороны, находившаго, что условія займа закабаляютъ Китай иностранцамъ, не привели ни къ чему. Къ этому времени консолидировалась умѣренная партія, на поддержку которой Юаншикай могъ рассчитывать въ странѣ и въ парламентѣ; къ этому времени, наконецъ, онъ закончилъ перегруппировку войскъ, раздробившую революціонныя силы. Въ апрѣлѣ 1913 г. было уже ясно, что Юаншикай стремится къ полновластію, что его поддерживаетъ въ этомъ консорціумъ, что парламентская оппозиція безсильна ему на этомъ пути противодействовать. Дѣятели Куо-минъ-танъ съ Сунъ-ятъ-Сеномъ и Хуанъ-синомъ въ главѣ подняли тогда противъ зарождающагося новаго деспотизма новое возстаніе въ долинѣ Янцзе. Но эта вторая революція застала Юаншикаю уже во всѣхъ отношеніяхъ подготовленнымъ и была довольно быстро подавлена. Вожди революціи бѣжали въ Японію и за ихъ головы была назначена награда.

Разгромъ революціи 1913 г. окончательно расчистилъ Юаншикаю путь къ диктатурѣ. Многие представители Куо-минъ-танъ сами покинули парламентъ изъ страха передъ всемогущимъ президентомъ. Въ октябрѣ Юаншикай произвелъ „чистку“ парламента, удаливъ изъ него всѣхъ, кто состоялъ когда-либо въ спискахъ Куо-минъ-танъ. Одновременно онъ закрылъ всѣ мѣстныя организаціи партіи. Съ этого момента, собственно говоря, можно уже говорить о полновластіи Юаншикай. Разбивъ революціонную партію, онъ безъ труда справился со слабыми протестами умѣренно-конституціонныхъ элементовъ, поддерживавшихъ его въ борьбѣ съ Сунъ-ятъ-Сеномъ и Хуанъ-синомъ, но теперь находившихъ, что Юаншикай идетъ уже слишкомъ далеко назадъ. Дальнѣйшая исторія китайской республики — это лишь исторія постепенной ликвидаціи пріобрѣтенной революціонной поры. Къ 1915 г. Юаншикай освободился уже и отъ остатковъ парламента, замѣнивъ его составленнымъ изъ его сторонниковъ совѣтомъ, онъ освободился даже отъ созданныхъ еще въ 1909 г. провинціальныхъ собраній: по существу, онъ былъ давно пожизненнымъ и неограниченнымъ правителемъ Китая.

При такихъ условіяхъ вопросъ о замѣнѣ республики монархіей долженъ былъ представиться вопросомъ чисто формальнымъ. Тому, что попытка Юаншикай вызвала новое республиканское возстаніе, не приходится все же удивляться. Но чѣмъ объяснить тотъ неожиданный фактъ, что на возстановленіе имперіи наложили свое veto тѣ самые европейцы, которымъ Юаншикай въ значительной мѣрѣ обязанъ своимъ возвышеніемъ?

Врядъ-ли можно считать это veto признакомъ какого-то

поворота въ отношеніи представителей европейскаго капитала и европейской дипломатіи къ Юаншикаю и къ китайской республикѣ. Вѣдь державы согласія вовсе не требуютъ возстановленія республики, давно уже не существующей. Еще въ сентябрѣ 1915 г. консорціумъ народовъ передалъ Юаншикаю 12.000.000 франковъ. Онѣ требуютъ просто сохраненія status quo, т. е. монархіи безъ ея формальныхъ атрибутовъ. Всякое измѣненіе status quo грозитъ всевозможными внутренними и внѣшними осложненіями. А державы согласія въ данный моментъ слишкомъ заняты борьбою съ Германіей, и учесть въ свою пользу эти осложненія могла бы изъ нихъ лишь одна Японія. Европейская война вообще развязала руки Японіи по отношенію къ Китаю. Уже въ началѣ 1915 г. Японія, пользуясь удобнымъ моментомъ, предъявила Китаю рядъ далеко идущихъ требованій какъ экономическаго, такъ и политическаго характера. Ихъ полное удовлетвореніе означало бы не только расширеніе японской „сферы вліянія“ въ Китаѣ (въ эту сферу вліянія должны были войти Манчжурія и восточная Монголія, Шандунъ и Фуцзянь), но полное подчиненіе Китая японскому протекторату. Въ знаменитой пятой группѣ требованій Японія настаивала на назначеніи японцевъ въ качествѣ административныхъ, финансовыхъ и военныхъ совѣтниковъ въ китайскія министерства, на отказѣ Китая отъ выдачи концессій безъ согласія Японіи, на допущеніи совмѣстнаго японо-китайскаго управленія полиціей въ извѣстныхъ пунктахъ, на созданіи китайскаго арсенала, подчиненнаго японо-китайскому управленію, и т. п. Китай подъ протекторатомъ Японіи — это путало, конечно, всѣ китайскіе планы европейцевъ, пожалуй, еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ китайская революція. И европейцы не могли не протестовать.

Повидимому, только этотъ протестъ, заявленный въ достаточно вѣской формѣ Грэмъ, — за которымъ стояли въ данномъ случаѣ не только Англія, Франція и Россія, но и Соединенные Штаты, — заставили Японію отказаться весной 1915 г. отъ проекта протектората. Но никто не могъ ручаться, что при первомъ удобномъ случаѣ, — а смута, вызванная возстановленіемъ монархіи, конечно, явилась бы такимъ удобнымъ случаемъ, — Японія не предъявитъ вновь своихъ требованій, ссылаясь на неспособность китайскаго правительства поддерживать порядокъ въ странѣ.

Предупредить внутренній кризисъ въ Китаѣ, грозившій повести къ крайне невыгодному сейчасъ для европейцевъ международному кризису, и стремились, вѣроятно, державы согласія, „настоятельно совѣтуя“ Юаншикаю отложить возстановленіе монархіи. Отъ участія въ этомъ коллективномъ представленіи не сочла удобнымъ уклониться и Японія*.

* Судя по неофициальнымъ свѣдѣніямъ, это не помѣшало Японіи все же воспользоваться броженіемъ въ Китаѣ и предъявить вновь Юаншикаю требованія пятой группы.

Задумавъ короноваться императоромъ, Юаншикай считалъ, вѣроятно, что это не вызоветъ сколько-нибудь серьезнаго противодѣйствія, что почва уже достаточно подготовлена для переворота. Въ дѣйствительности, его положеніе оказалось весьма и весьма затруднительнымъ. Вновь онъ имѣетъ противъ себя, какъ въ 1913 г., революціонные элементы юга, во главѣ которыхъ стоитъ незаурядный политическій дѣятель Китая генераль Теаи-Ао. Но въ отличіе отъ 1913 г. онъ не можетъ рассчитывать сейчасъ ни на поддержку партій старой династїи, ни на умѣренно-конституціонныя группы, которыя онъ оттолкнулъ отъ себя своей рутинно-реакціонной политикой, не давшей Китаю ничего новаго по сравнению съ политикой манчжурской имперїи, ни на финансовое содѣйствіе европейцевъ. Въ полномъ торжествѣ южной революціи послѣ произведеннаго Юаншикаемъ такъ недавно разгрома общественныхъ организацій и органовъ мѣстнаго самоуправленія, можно, конечно, сомнѣваться. Тѣмъ не менѣе весьма вѣроятно, что отъ возстановленія имперїи въ свою пользу, пока только отероченнаго, Юаншикаю придется и вовсе отказаться; весьма вѣроятно, что его карьера достигла уже своего высшаго пункта. Конечно, чтобы сохранить за собою власть, Юаншикай, если ему будетъ грозить серьезная опасность, можетъ пойти даже на прямое предательство, отдавшись подъ протекторатъ Японїи. Но безъ посторонней помощи имперїя Юаншикай имѣетъ сейчасъ повидимому, гораздо меньше шансовъ на осуществленіе, чѣмъ можно было ожидать послѣ его успѣховъ 1913—1914 гг.

В. Волгинъ.

КОНГРЕССЪ ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ.

(Парижъ, 25—29 декабря 1915 г.)

Возвращаясь съ послѣдняго засѣданія международнаго социалистическаго бюро въ Брюсселѣ за четыре дня до начала войны, Эдуардъ Вальянъ сказалъ одному изъ своихъ спутниковъ.

— Вы увидите... Мси друзья,—я ихъ хорошо знаю,—если война къ несчастью вспыхнетъ, будутъ всѣ свирѣпыми патриотами.

Старый коммунаръ дѣйствительно зналъ своихъ друзей, но чего онъ не зналъ, такъ это, очевидно, того, какъ самъ онъ, Вальянъ, будетъ себя вести, когда міровая война станетъ совершившимся фактомъ.

Всѣмъ извѣстны активность и настойчивость, проявленныя

французскими социалистами до начала войны съ цѣлью оказать воздѣйствіе на французское правительство въ желательномъ для нихъ смыслѣ. Парламентская группа засѣдала ежедневно, каждыи день посылала делегаціи минисграмъ, дѣлая все, что въ ея силахъ, чтобы отдалить надвигающуюся грозу. Особенно рѣзкую позицію занялъ Жанъ Жоресъ. Въ бичующихъ статьяхъ, въ опредѣленно рѣзкихъ выраженіяхъ онъ заявлялъ, что необходимо во что бы то ни стало избѣжать конфликта. Его воинственная позиция вызвала бѣшеную ненависть со стороны реакціонеровъ, и рука наемнаго убійцы положила конецъ рѣчамъ выдающагося трибуна французской и международной рабочей демократіи. *

Только впоследствии стало извѣстно, что на другой день послѣ смерти Жореса, т. е. 1-го августа, въ Парижѣ пріѣхалъ секретарь нѣмецкой парламентской фракціи депутатъ Мюллеръ для того, чтобы столковаться съ французскими социалистами объ единообразной тактикѣ въ обоихъ парламентахъ. Протоколы засѣданія фракціи, гдѣ присутствовалъ Мюллеръ, до сихъ поръ не опубликованы, и поэтому детали переговоровъ неизвѣстны. Но изъ тѣхъ сообщеній, которыя проникли въ печать, изъ дискуссій, которыя имѣли мѣсто на французскомъ социалистическомъ конгрессѣ, положеніе выясняется слѣдующимъ образомъ. Мюллеръ предложилъ французскимъ социалистамъ выработать однородную декларацію для одновременнаго оглашенія ея въ Палатѣ Депутатовъ и рейхстагѣ. Мюллеръ далѣе заявилъ, что большинство депутатовъ рейхстага стоитъ за то, чтобы вотировать противъ кредита и что въ самомъ крайнемъ случаѣ фракція въ цѣломъ воздержится отъ голосованія. Французская социалистическая парламентская фракція отвѣтила Мюллеру — и это 1-го августа! — что она находится въ другомъ положеніи, чѣмъ нѣмецкіе социалисты, и что она будетъ голосовать за военные кредиты. Мюллеръ былъ отправленъ на автомобиль до границы, а потомъ, какъ всѣмъ извѣстно, 4-го августа въ Палатѣ Депутатовъ и рейхстагѣ французскіе и нѣмецкіе социалисты одновременно голосовали за военные кредиты.

Въ настоящее время послѣ семнадцати мѣсяцевъ войны, французская социалистическая партія впервые собрала свои порѣдѣвшіе батальоны для того, чтобы произвести имъ смотръ и обсудить, нужно ли продолжать ту линію поведенія, которую центральныя учрежденія партіи повели съ первыхъ шаговъ войны. А ряды партіи сильно порѣдѣли. Около 65% членовъ партіи мобилизовано, и довольно значительный процентъ изъ нихъ уже погибли на войнѣ. Всеобщая мобилизація совершенно разбила и дезорганизовала партію. Только въ началѣ 1915 г. отдѣльныя федераціи начали проявлять признаки жизни, но онѣ, какъ и вся партія, никакой социалистической работы не вели, все вниманіе социалистовъ сосредоточилось на одномъ вопросѣ — на національ-

ной оборонѣ. Изъ всей партіи остались только ея центральныя учреждения (парламентская группа, административная комиссія), и эти учреждения опредѣляли въ продолженіе семнадцати мѣсяцевъ линію поведенія всей партіи. Благодаря тому, что французская социалистическая партія имѣетъ большое парламентское представительство (100 депутатовъ), голова партіи продолжала существовать и функционировать тогда, какъ тѣло ея, подъ ударами военной грозы, почти захирѣло. Немногія уцѣлѣвшія партійныя ячейки занимались исключительно вопросами взаимопомощи и поддерживали постоянныя сношенія со своими мобилизованными членами, находящимися на фронтѣ.

Послѣ возвращенія правительства въ Парижъ, послѣ того, какъ выяснилось, что линія фронта зафиксирована и нѣтъ непосредственной опасности для Парижа, постоянная административная комиссія начала списываться съ провинціальными организациями, чтобы выяснить размѣры ихъ потерь. Прошло семнадцать мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ парламентская группа вотировала много разъ военные кредиты, постоянная административная комиссія и L'Humanité вели политику священнаго единенія, министры-социалисты, засѣдая въ правительствѣ, вотировали часто съ правительствомъ противъ социалистической фракціи. Необходимо было подвести итоги всей этой работы. Конгрессъ, собственно, и долженъ былъ всесторонне освѣтить положеніе партіи во время этой войны и дать отвѣтъ на тѣ вопросы, которые возникали у очень и очень многихъ: — вытекаетъ ли тактика центральныя учреждений партіи изъ тѣхъ обязательствъ, которыя она на себя взяла на международныхъ конгрессахъ рабочей демократіи?

* * *

На конгрессѣ намѣтились довольно ясно три теченія: крайняя правая, центръ и крайняя лѣвая. Въ самой крайней правой были два оттѣнка, — ультра-правыхъ и просто правыхъ. Ультра-правую позицію занимали Гедъ, Альбертъ Тома, Самба, Комперъ Морель, Марсель Кашенъ и др., на болѣе умѣренной точкѣ зрѣнія стояли Ренодель, Бедусъ и др.

Съ самаго начала открытія конгресса, когда началось чтеніе отчетовъ — парламентской фракціи, административной комиссіи, L'Humanité, кассира и т. д., — было страшное нетерпѣніе. Делегаты хотѣли возможно скорѣе перейти къ центральному вопросу: война и социализмъ. Поэтому первыя засѣданія прошли при шумѣ, и когда кончились эти доклады, было рѣшено не вести преній по каждому докладу отдѣльно, а перейти немедленно къ центральному вопросу порядка дня. Но тутъ же оказалось, что записалось около пятидесяти ораторовъ и что необходимо во что бы то ни стало сократить это число. Соглашеніе произошло на томъ,

что правые будутъ имѣть восемь ораторовъ, центръ семь, а крайняя лѣвая — четыре.

Первымъ говорилъ Комперъ Морель. Его рѣчь, хорошо построенная и произнесенная съ большимъ подъемомъ, сводилась къ одному: у союзниковъ гораздо больше людей, чѣмъ у центральныхъ имперій, больше золота въ банкахъ, больше съѣстныхъ припасовъ, въ ихъ рукахъ открытый путь въ Америку, громадное пространство, засѣянное зерновыми продуктами, — и побѣда математически доказана. Кромѣ этой арифметической части его рѣчи было и нѣчто другое — совершенно новое: Комперъ Морель, одинъ изъ видныхъ гедистовъ, заявилъ на конгрессѣ, что онъ ошибся въ нѣмецкомъ социализмѣ — не въ социалистахъ, а въ социализмѣ! — и что необходимо будетъ изъ этого сдѣлать соответствующіе выводы. Для Компера Мореля возстановленіе интернаціонала абсолютно невысказано, это вопросъ, который станетъ послѣ войны, и тогда мы его будемъ рѣшать. Въ настоящее же время передъ французскими социалистами, какъ и передъ всей французской націей, стоитъ одна задача: „идти до конца“.

Другой ораторъ большинства, депутатъ Грусье, пошелъ еще дальше Компера Мореля: онъ утверждалъ, что у нѣмецкихъ социалистовъ совершенно другая концепція права, чѣмъ у социалистовъ французскихъ, и что французовъ обманывали на международныхъ конгрессахъ, неправильно переводя резолюціи. Его страстная рѣчь вся сводилась къ одному: передъ французскими социалистами стоятъ особыя задачи, которыя не стоятъ передъ социалистами другихъ странъ, и поэтомъ уявляется абсолютно бесполезнымъ и глубоко вреднымъ всякая встрѣча сейчасъ съ нѣмецкими социалистами и даже социалистами нейтральныхъ странъ, ибо социалисты нейтральныхъ странъ почти всѣ стоятъ на точкѣ зрѣнія германскихъ социалистовъ, вліяніе которыхъ очень велико даже во время войны.

Наиболѣе любопытной была рѣчь Альберта Тома. Онъ, ближайшій сотрудникъ *Socialistische Monatsheft*, бывшій въ очень близкихъ духовныхъ сношеніяхъ съ германскими ревизионистами, началъ свою рѣчь съ заявленія, что онъ, Тома, понимаетъ тяжелое положеніе, въ которое попало не только меньшинство германской социаль-демократіи, но и большинство ея. Это введеніе было рассчитано на колеблющійся центръ для того, чтобы ему показать, что никакого враждебнаго отношенія къ германской социаль-демократіи у оратора нѣтъ. Затѣмъ, Тома, какъ и всѣ ораторы большинства, остановился на вопросѣ о виновникахъ войны. Надо сказать, что три четверти времени всѣ ораторы говорили на эту тему. Дипломатическія разноцвѣтныя книги все время цитировались съ трибуны, какъ послѣднее слово социалистической истины, изъ которой дѣлались всѣ логическіе выводы. Альбертъ Тома настолько убѣжденъ въ правильности сво-

ей точки зрѣнія по вопросу объ отвѣтственности за войну, что всякое другое мнѣніе считаетъ явно нѣмецкаго происхожденія.

Очень любопытно было также выступленіе делегата Макара, который явился на конгрессъ прямо изъ траншей въ формѣ капитана. Макара-сѣверянинъ, заслужившій свои галуны во время войны, пламенный поклонникъ Геда, въ какомъ то экстазѣ говорилъ о необходимости идти „до конца“. Въ его рѣчи слышался прежде всего протестъ чловѣка, очагъ котораго занять непріателемъ, который находится ежедневно лицомъ къ лицу съ непріятельской арміей. Въ его рѣчи кипѣла ненависть къ „42“, удушающимъ газамъ и вообще ко всему нѣмецкому, зато съ какой любовью онъ говорилъ о траншеяхъ, о жизни на фронтѣ, о миломъ товарищѣ пулеметѣ (*notre petite camarade mitrailleuse*) и высокихъ цѣляхъ освободительной войны.

Болѣе осторожно, но по существу то же самое, говорили Ренодель и Бедусъ. Пьеръ Ренодель оказался послѣ смерти Жореса руководителемъ французской социалистической партіи.

Онъ говорилъ на конгрессѣ шесть часовъ. Если взять всю эту шестичасовую рѣчь и проанализировать ея содержаніе, то мы увидимъ, что основная мысль Реноделя заключалась въ томъ, что союзники войны не хотѣли, войны не искали, тогда какъ Австрія и Германія спровоцировали европейскую катастрофу и именно потому, что союзники абсолютно — ни прямо, ни косвенно не виновны въ этой войнѣ, именно поэтому французская социалистическая партія должна была занять съ первыхъ шаговъ войны совершенно опредѣленную ясную и боевую позицію противъ центральныхъ имперій.

Цитируя желтую книгу, Ренодель доказывалъ, что Франція и союзники сдѣлали все, что въ ихъ силахъ было возможно для того, чтобы предостеречь надвигающуюся катастрофу. Но теперь, когда катастрофа разразилась, самое главное — это поддержать моральный духъ народа и всѣ разговоры только подрываютъ этотъ духъ. „Въ самомъ дѣлѣ. Что значатъ ваши сомнѣнія относительно исключительной отвѣтственности центральныхъ имперій? Вѣдь это зарождаетъ въ народныхъ массахъ сомнѣніе въ правотѣ своего дѣла, сомнѣніе въ томъ, что онъ борется за идеаль, а всякое такое сомнѣніе уменьшаетъ моральный духъ сражающихся и понижаетъ его боевую готовность“.

Исходя изъ этой же точки зрѣнія, Ренодель противился и восстановленію интернаціональныхъ связей. Восстановленіе интернаціональныхъ связей при данныхъ условіяхъ, это значитъ — сомнѣніе въ возможности разрѣшить конфликтъ военнымъ путемъ, это значитъ возложить надежды на окончаніе войны, на завершеніе мірового конфликта, не на силу союзныхъ армій, а на какую то другую силу. И опять при французскомъ харак-

терѣ, при его экстравагантности, бурной воспламеняемости движеніе внутри страны можетъ быстро обогнать то движеніе, которое намѣчается по ту сторону Рейна, и мы этимъ опять таки ослабимъ силу сопротивленія французской арміи“. Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе рѣчи Реноделя. Всѣ вопросы внѣшней и внутренней политики подчиняются одному основному вопросу поддержанія боевого духа въ народныхъ массахъ, при чемъ духъ этотъ, по словамъ Реноделя, долженъ быть обязательно духомъ военнымъ. Ренодель, правда, не говорилъ или по крайней мѣрѣ не повторялъ фразы „до конца“, онъ болѣе осторожно говорилъ объ Интернаціоналѣ, онъ болѣе осторожно или, если хотите менѣе часто, повторялъ фразу объ уничтоженіи прусскаго милитаризма, но по существу въ основѣ своей, онъ стоялъ на одной позиціи съ предыдущими ораторами.

Ораторы центра Моранжъ, Мистраль, Лонге, Жоберъ, Рафе, Дюжансъ, Майерасъ, Шонсэ и, главнымъ образомъ, Пресманъ, подвергли критикѣ всю концепцію большинства. Въ четырехъ пунктахъ центръ не былъ согласенъ съ большинствомъ: — въ вопросѣ объ отвѣтственности, о цѣляхъ войны, о мирѣ и о восстановленіи Интернаціонала. Но прежде всего, тѣ и другіе исходили изъ точки зрѣнія защиты страны, при чемъ по этому вопросу у нихъ намѣтились слѣдующія любопытныя разногласія. Въ то время, какъ большинство устами Реноделя твердило, что они являются условными оборонцами, т. е. стоять за національную оборону только въ томъ случаѣ, если Франція является жертвой въ войнѣ, если она обороняется — центръ въ лицѣ Мистрала, Моранжа, Лонге развивалъ ту точку зрѣнія, что право ли или виновато мое отечество — я съ нимъ. Эта точка зрѣнія логически вытекаетъ для нихъ изъ желанія возможно скорѣе восстановить прерванныя интернаціональныя связи. Какъ это ни странно, но защитниками германской социаль-демократіи и даже большинства германской социаль-демократіи является именно этотъ центръ. Они разсуждали такимъ образомъ: германская социаль-демократія, поставленная передъ проблемой міровой войны, когда самому существованію Германіи грозитъ опасность, германская социаль-демократія — независимо отъ формы правленія своей страны — должна была встать на защиту своей родины такъ же, какъ они, французы, встали на защиту своей. Не нужно забывать, прибавляли эти ораторы, что если для Франціи побѣда Германіи является пониженіемъ ея цивилизаціи, ея свободъ, то то же самое можно сказать по отношенію къ Германіи при побѣдѣ болѣе отсталой Россіи. Здѣсь они ссылались на примѣръ франко-прусской войны, когда республиканцы и социалисты принимали участіе въ войнѣ, несмотря на то, что нападающей стороною была Франція. Стоя сами на почвѣ національной обороны, они признавали это право и за социалистами другихъ странъ, при чемъ черезъ этотъ

мость они приходили къ восстановленію Интернаціонала, ибо въ противномъ случаѣ, если бы они такъ же, какъ и большинство, не признавали за нѣмецкими социалистами права защиты ихъ страны, то они должны были логически отказаться отъ восстановленія интернаціональныхъ связей.

Любопытную рѣчь произнесъ представитель федераціи Верхней Вьены депутатъ Пресманъ. Пресманъ еще сравнительно молодой человѣкъ, ему 37 лѣтъ, онъ по профессіи маляръ по фарфору. Это одинъ изъ видныхъ марксистовъ партіи.

„Не будемъ поднимать вопроса объ отвѣтственности до окончанія войны, — говорилъ Пресманъ, — ибо если взяться за основательное изученіе международной политики послѣднихъ лѣтъ, то мы увидимъ всю однобокость и всю поверхностность взгляда теоріи исключительной отвѣтственности центральныхъ имперій. Не нужно забывать, что изъ желтой книги, какъ это прекрасно извѣстно моимъ коллегамъ по парламенту, исчезло нѣсколько очень важныхъ документовъ, и потому не будемъ считать разноцвѣтныя книги послѣднимъ словомъ истины. Я уже не говорю о тѣхъ документахъ, которые были опубликованы за границей (дѣло идетъ о докладахъ бельгійскихъ посланниковъ своему правительству, найденныхъ въ Брюсселѣ и опубликованныхъ въ Германіи), ибо я не хотѣлъ бы поднимать этого вопроса безъ разрѣшенія ораторовъ большинства. Я не хотѣлъ бы читать выдержекъ изъ этого документа безъ согласія Реноделя и другихъ ораторовъ“.

(Ренодель съ мѣста смущенно: „Не думаю, чтобы это нужно было читать здѣсь. Можно это передать въ комиссію и, если комиссія найдетъ нужнымъ, тогда можно будетъ это прочесть“.)

Пресманъ ехидно: „Я ничего не имѣю противъ того, чтобы не читать этихъ документовъ, и поэтому-то я умоляю конгрессъ поменьше говорить объ односторонней отвѣтственности“.

Переходя затѣмъ къ цѣлямъ войны, Пресманъ указалъ на ту странную концепцію, которая возникла въ партіи и нашла свое выраженіе въ формулѣ уничтоженія „прусскаго милитаризма“. „До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, до войны — мы полагали, что милитаризмъ можетъ быть уничтоженъ вмѣстѣ съ капитализмомъ, что милитаризмъ является только одной изъ формъ капиталистическаго строя и что его исчезновеніе абсолютно немислимо безъ измѣненія основъ современнаго общества. Мы до сихъ поръ думали и учили другихъ, что войны порождаются экономическимъ соперничествомъ современныхъ государствъ, а между тѣмъ центральныя учрежденія партіи создали новую теорію объ уничтоженіи оружіемъ прусскаго милитаризма и что военная побѣда можетъ привести къ послѣдней войнѣ. Вся эта теорія является прямой противоположностью тому, чему мы учили и что мы проповѣдовали до этой войны“.

Для Пресмана, который не вѣрить въ послѣднюю войну, для него важнѣе всего ликвидировать эту войну съ наименьшимъ экономическимъ и моральнымъ истощеніемъ Франціи. Вотъ почему онъ настаивалъ, какъ и другіе ораторы центра, на томъ, чтобы Франція и вообще союзники прислушивались къ предложеніямъ о мирѣ, откуда бы эти предложенія ни исходили.

Если бы центръ развивалъ только эту точку зрѣнія и послѣдовательно проводилъ бы эти свои взгляды въ жизнь, то французская социалистическая партія должна была бы серьезно считаться съ этой группой, имѣвшей на конгрессѣ больше трети делегатовъ, но слабость центра заключалась въ томъ, что онъ сгруппировалъ въ себѣ самихъ разношерстныхъ делегатовъ. Съ одной стороны, Пресманъ, который въ настоящее время стоитъ на той позиціи, на которой стояли Каутскій и Гаазе въ началѣ войны, а съ другой стороны, мы тамъ имѣли цѣлый рядъ другихъ теченій, которыя объединены недовольствомъ партинныхъ верховъ. Когда ораторы большинства ставили вопросъ: „Интернаціоналъ или національная оборона“, тогда ораторы центра отвѣчали, что они хотятъ возстановленіе Интернаціонала для національной обороны; въ эту группу входили сторонники и противники пребыванія социалистовъ въ министерствѣ, сторонники немедленнаго возстановленія Интернаціонала и сторонники возстановленія Интернаціонала при опредѣленныхъ гарантіяхъ, тѣ, кто считалъ необходимымъ силою оружія отнять „Эльзасъ-Лотарингію“, и тѣ, кто полагали, что нужно предоставить Эльзасъ-Лотарингіи рѣшить самой этотъ вопросъ, и т. д. Однимъ словомъ, въ центрѣ сгруппировались всѣ недовольные элементы, стоящіе на точкѣ зрѣнія національной обороны, стоящіе за вотированіе военныхъ кредитовъ, высказывающіеся за священное единеніе, но отдѣлившіеся отъ большинства изъ-за преувеличеній патріотическаго стиля. Что объединяло еще всѣ эти разношерстные элементы, всю эту „оппозицію“ — это разочарованіе въ возможности разрѣшить конфликтъ исключительно военнымъ путемъ.

Крайняя лѣвая была гораздо менѣе многочисленна, но преимущество ея состояло въ томъ, что она была однородна по своему составу. Въ манифестѣ, который былъ выпущенъ до конгресса циммервальдцами, позиція партіи, начиная съ 4-го августа, подвергнута жестокой критикѣ. Ссылаясь на резолюцію національныхъ и международныхъ конгрессовъ (Штутгартъ, Копенгагенъ, Базель), на рѣчи Вальяна, и другихъ представителей французскаго социализма, циммервальдцы доказываютъ, что уже съ первыхъ дней войны партія забыла и отреклась отъ своего социалистическаго долга. Шагъ за шагомъ разбираютъ этотъ манифестъ, поведеніе партіи за послѣдніе 16 мѣсяцевъ, и приходятъ къ тому заключенію, что нужно самымъ кореннымъ образомъ измѣнить линію поведенія.

Ораторы крайней лѣвой Бурдеронъ, Лоріе Гро и Штакельбергъ подробно развили эту точку зрѣнія. Для Бурдерона совершенно непонятна вся та идеологія, которая была создана во время войны. Онъ, старый рабочій, состоящій членомъ партіи больше 25 лѣтъ, онъ никакъ не можетъ понять, какимъ образомъ социалисты могутъ заключить священное единеніе, какимъ образомъ возможно сотрудничество классовъ и полный отказъ отъ своихъ принциповъ. Бурдеронъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ внутреннюю политику за послѣдніе шестнадцать мѣсяцевъ (дороговизна жизни, цензура, военныя поставки и пр.) и на рядѣ конкретныхъ примѣровъ онъ доказываетъ, какую великую отвѣтственность взяла на себя французская социалистическая партія своимъ министеріализмомъ. Второй ораторъ крайней лѣвой Гро заявилъ прямо: „Мы пойдемъ безъ нашихъ министровъ, — а если наши депутаты идутъ съ министрами, то и безъ нашихъ депутатовъ — по тому пути, который былъ намѣченъ пиммервальдской конференціей“.

Заявленіе это шокируетъ правыхъ и центръ.

Въ противоположность ораторамъ центра, которые критиковали отдѣльные поступки, частности въ позиціи большинства пиммервальдцы поставили вопросъ ребромъ о необходимости отказаться безоговорочно отъ позиціи, занятой въ началѣ войны. Эта рѣзкая постановка вопроса не понравилась и центру. Во главѣ центра, какъ я уже указывалъ, стояли, главнымъ образомъ, депутаты, и совершенно, очевидно, что они не могли присоединиться къ предложенію, осуждающему ихъ шестнадцатимѣсячную дѣятельность.

Такимъ образомъ, передъ конгрессомъ было три теченія, и задача партійныхъ дипломатовъ заключалась въ томъ, чтобы какъ-нибудь ихъ сочетать воедино.

Двадцать четыре часа засѣдала комиссія, назначенная конгрессомъ, пока она не добилаь единогласія. Изъ взаимныхъ уступокъ въ результатѣ этой долгой работы и получился тотъ манифестъ, который еще до своего рожденія былъ названъ „бѣлымъ негромъ“.

Когда докладчикъ комисіи Ренодель прочелъ эту километрическую резолюцію и заявилъ, что она принята всѣми, кромѣ пиммервальдцевъ, на лицахъ делегатовъ центра выразилось крайнее изумленіе. Но тутъ на трибуну поднялся Лонге и разъяснилъ, что въ виду обстоятельствъ военнаго времени и желая добиться единой резолюціи, всѣ теченія столковались между собой, сдѣлавъ другъ другу взаимныя уступки.

Въ четырехъ пунктахъ, какъ мы указывали выше, „оппозиція“, какъ извѣстно, не была согласна съ большинствомъ въ вопросѣ объ отвѣтственности, о цѣляхъ войны, о возстановленіи Интернаціонала и объ Эльзасъ-Лотарингіи. И по всѣмъ этимъ

вопросамъ резолюція говоритъ какъ разъ обратное тому, на чемъ настаивала такъ называемая оппозиція, представленная Лонге, Пресманомъ и др. Чтобы не спорить объ отвѣтственности, вопросъ былъ совершенно устраненъ, но зато осталось, что Франція вступила въ войну подъ ударомъ грубѣйшаго нападенія. Чтобы дать удовлетвореніе Лонге, манифестъ говоритъ о томъ, что длительный миръ, согласно Марксу, долженъ быть построенъ на справедливости и правѣ. Что касается Эльзась-Лотарингіи, то тутъ вопросъ разрѣшенъ чрезвычайно остроумно. Манифестъ заявляетъ, что Эльзась-Лотарингія должна быть возвращена Франціи, и что послѣ этого Франція будетъ достаточно справедлива и предусмотрительна и предоставитъ населенію Эльзась-Лотарингіи снова подтвердить свою принадлежность къ французской націи. Если побѣда союзниковъ, говоритъ резолюція, можетъ разрѣшить эти моральныя и территориальныя проблемы, то есть дѣлѣй рядъ другихъ вопросовъ, для которыхъ необходимо содѣйствіе не только нейтральныхъ, но и враждебныхъ народовъ. Дальше резолюція говоритъ, что союзники, эти чемпионы права, должны заняться организаціей постояннаго мира посредствомъ обязательнаго арбитража, ограниченія вооруженій, демократическаго контроля договоровъ, уничтоженія тайной дипломатіи, націонализаціи военной индустріи и организаціи военныхъ и экономическихъ мѣръ противъ народовъ, не подчиняющихся рѣшеніямъ международнаго суда.

Правда, манифестъ говоритъ, что войны порождаются капитализмомъ (уступка оппозиціи), но тутъ же прибавляетъ, что побѣдоносный миръ можетъ уничтожить войны, навязавъ прусскому милитаризму, самому опасному изъ всѣхъ милитаризмовъ, систему обязательнаго арбитража, чѣмъ удастся добиться, что эта война будетъ послѣдней войной. Резолюція требуетъ не только побѣдоноснаго мира, но и помощи со стороны нѣмецкаго народа тѣмъ задачамъ, которыя ставятъ передъ собой союзники. Въ переводѣ на простой языкъ — это значить, что нѣмцамъ предлагается во время войны совершить революцію, что же касается союзниковъ, то вѣдь Англія сдѣлала свою революцію въ XVII вѣкѣ, Франція въ концѣ XVIII, а Россія...

Манифестъ не только требуетъ активной помощи со стороны нѣмецкаго народа, а ставитъ въ зависимость отъ этой помощи и свое желаніе возобновить интернаціональныя связи. Нѣмецкой социаль-демократіи предлагается произвести рядъ рѣшительныхъ дѣйствій вмѣстѣ съ большинствомъ или противъ него и только послѣ этого возобновленіе сношеній „сможетъ быть разсматриваемо“. Манифестъ прибавляетъ, что онъ надѣется, что связи интернаціональныя будутъ восстановлены и что меньшинство германской социаль-демократіи спасетъ честь международнаго социализма, подготавливая возрожденіе и спасеніе нѣмецкаго народа.

Конгрессъ попытался единой резолюціей связать нарастающее недовольствіе, задушить внутри организаціи прорывающіеся протесты противъ націоналистической политики. Но онъ этимъ достигъ другого: усиленія крайняго лѣваго крыла, съ одной стороны, и неизбѣжности для отдѣльныхъ федерацій расколиться для того, чтобы получить свободу дѣйствій, — съ другой.

А. Лозовскій.

ИТАЛЬЯНСКІЙ КЛЕРИКАЛИЗМЪ И ВОЙНА.

(Письмо изъ Рима.)

Годъ закончившійся и годъ начинающійся благоприятны для папы. Папа снова на гребнѣ и говоритъ со своей кафедры съ авторитетомъ, который уже долгое время за нимъ не признавался*, — эти слова виднаго парламентарія и блестящаго публициста Клаудіо Тревеса врядъ ли отважится оспаривать и самый пылкій изъ апологетовъ-опинимистовъ современной войны.

И дѣйствительно, газетная хроника всего міра не перестаетъ пестрить именами папы и Ватикана. Интервью съ „наслѣдникомъ Петра“ становится — даже на фонѣ всесвѣтнаго пожара — цѣлымъ политическимъ событіемъ: комментаріи, нападки, опроверженія, заявленія сынятся безъ конца. Папская „allocuzione“ — публичные рѣчи — выслушиваются со вниманіемъ не меньшимъ, чѣмъ рѣчи первыхъ министровъ. Папа и миръ — эти два слова тѣсно переплелись между собой въ сознанія многомилліоннаго католичества. Много скорбныхъ материнскихъ взоровъ съ вѣрой и упованіемъ устремлены къ „ватиканскому плѣннику“, который одинъ только призванъ вернуть миръ міру сему... Въ дипломатическомъ свѣтѣ замелькали имена кардиналовъ, развѣзжающихъ съ какими-то „миссіями“. Швейцарская откровенно-германофильская католическая Neue Zürcher Nachrichten пускаетъ сенсационный слухъ, что въ извѣстномъ лондонскомъ договорѣ союзниковъ существуетъ специальный пунктъ о недопущеніи папы на будущій мирный конгрессъ, — слухъ, безразлично, вѣренъ онъ или нѣтъ — свидѣтельствуетъ все о томъ же нарастаніи ватиканскаго вліянія. Оно настолько очевидно, что пробуждаетъ во многихъ пылкихъ католическихъ сердцахъ мечты о возобновеніи свѣтской власти церкви... Для освободительной войны, призванной покончить со всякой тьмой и скверной, результатъ — пусть только идейный, а не матеріальный, — яѣсколько неожиданный... Тѣмъ болѣе, что объективно война поставила католицизмъ въ необычайно трудное положеніе, имѣющее нѣкоторыя черты сходства съ пере-

* „Critica Sociale“ № 1, 1916. — Il Papa in voga. — Claudio Treves.

живаемой социализмом трагедией: универсальная, общечеловеческая идеология столкнулась с партикулярной, национальной. Как же разрешила это противоречие католическая церковь? Ея глава и представитель не нашел болѣе доступнаго выхода, чѣмъ объявить себя нейтральной державой на манеръ какой-нибудь Голландии или Швейцарии!.. Во всѣхъ рѣчахъ и посланіяхъ по поводу войны, вы встрѣтите у Бенедикта XV обязательную фразу осужденія войны, этой „бойни, достойной наиболѣе варварскихъ вѣковъ“, слова о мирѣ, о грядущемъ благоденствіи народовъ — неизбѣжная дань догмѣ, а большая часть заполнена дипломатическими выраженіями, оглядками на обѣ стороны, какъ бы не сказать чего лишняго, да жалобами на его, папы, стѣснительное положеніе... Если сохранились еще въ католициствѣ чистые сердцемъ, полные горячей вѣрой идеалисты тина аббата Пьера, героя „Рима“ Э. Золя, — какой жгучій стыдъ, какое горькое и скорбное чувство должно наполнить ихъ сердца при взглядѣ на „святѣйшій престолъ“!..

Столкновеніе католической и національно-государственной идеологии, о которомъ мы говорили выше, отнюдь не является продуктомъ современной войны: она лишь обострила давно назрѣвшую коллизію между вѣрою „добраго католика“ и чувствомъ, „добраго патриота“. Живущій и дѣйствующій католицизмъ уже раньше нашелъ примирительный „синтезъ“ въ приспособленіи къ свѣтско-государственной „подлости“. Не во всѣхъ странахъ этотъ процессъ совершался въ одинаковыхъ размѣрахъ и формахъ, и наибольшія трудности ему пришлось преодолѣть въ Италіи.

„Римскій вопросъ“, знаменитая брешь, пробитая 20-го сентября 1871 года итальянскими войсками въ римской Porta-Pia, — нанесла папѣ такой ударъ, который, казалось, никогда не будетъ забытъ; казалось немислимымъ какое бы то ни было сотрудничество между Ватиканомъ, католической церковью и итальянскимъ государствомъ...

Догма, традиція, оскорбленное достоинство толкали къ крайней непримиримости, къ недопущенію и мысли о сотрудничествѣ со свѣтской властью, о томъ, что папа можетъ стать „капелланомъ Савойскаго дома“. Но основная масса населенія чувствовала себя итальянской, въ той или иной формѣ принимала участіе въ борьбѣ за осуществленіе національныхъ идеаловъ, была заинтересована въ жизни и процвѣтаніи новаго государства — и въ этомъ таилась огромная опасность для католицизма. „Вражда Ватикана къ объединенію Италіи, трудность для итальянцевъ быть въ одно и то же время добрыми католиками и хорошими гражданами, распространеніе индифферентизма (религіознаго), вообще обмірщеніе („laicizzazione“) жизни, — все это оторвало отъ церкви большое количество ея сыновъ“, — говорятъ вниматель-

ные и добросовѣстные наблюдатели итальянской жизни". Слишкомъ много тутъ было поставлено на карту, слишкомъ великъ былъ рискъ оставаться непримиримыми „бойкотистами“. И Ватиканъ вмѣстѣ со всѣмъ клиромъ затѣваетъ по отношенію къ Итали двойную игру: съ одной стороны — рѣзкія манифестаціи непримиримости съ символическимъ самозатворничествомъ папы во главѣ, негодование на „узурпаторовъ“, запрещеніе „вѣрующимъ сынамъ“ принимать участіе въ политическихъ выборахъ (энциклика 1895 г. „non expedit“), а съ другой — стремленіе проникнуть во всѣ поры жизни государства — отъ организаціи дешеваго кредита и рабочаго союза, участія въ коммунахъ, до освященія броненосцевъ, пушекъ, памятниковъ монархамъ и... парламентской дѣятельности. Этой модернизациі католичества въ Итали сильно способствовало появленіе новаго и опаснаго врага — социализма.

По концепціи крупнѣйшаго изъ папъ эпохи объединенной Итали, Льва XIII, необходимъ союзъ церкви и государства на предметъ одолѣнія ихъ общаго врага: въ то время какъ государство присущими ему средствами подавляетъ социалистическую пропаганду, церковь, со своей стороны, истребляетъ зло въ корнѣ пользуясь своей властью надъ умами и душами людей. „Левъ XIII противорѣчилъ себѣ, когда проповѣдывалъ подчиненіе власти, въ то время какъ онъ самъ нападалъ на итальянское государство“, — говорятъ авторы цитированной нами книги **. Въ подобнаго рода противорѣчіяхъ всегда таятся зародыши компромисса и, дѣйствительно, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, при всей „видимости“ враждебной непримиримости, между Ватиканомъ и Квириналомъ появились незримыя, но ощутительныя связующія нити. Они нужны другъ другу — церкви папъ и кардиналовъ и государство финансовой и промышленной буржуазіи... Болѣе близкое и детальное разсмотрѣніе этого, если не симбіоза, то во всякомъ случаѣ контакта, вывело бы насъ за рамки нашей небольшой статьи. Мы ограничиваемся лишь констатированіемъ извѣстнаго всякому наблюдателю Итали факта, что здѣшній „непримиримый“ католицизмъ, въ сущности, является сильной политической партией, близкой къ консервативно-монархическимъ элементамъ свѣтскаго государства и активно-враждебной социалистически-республиканской демократіи. Несмотря на папское non expedit, участіе католиковъ въ выборахъ весьма значительно; отказываясь, большей частью, отъ выставленія своихъ кандидатовъ (хотя въ парламентѣ уже образовалась небольшая католическая группа, правда, внѣшне не признаваемая „непримиримыми“, которые говорили, что нѣтъ депутатовъ-католиковъ, а есть като-

* Bolton King e Thomas Okey. „L'Italia d'oggi“ 2-a edizione italiana. 1902. Bari.

** Ibid. См. главу: „I cattolici“ (42—88).

лики депутаты), они всегда поддерживают консерваторов против крайней лѣвой. Большею частью это дѣлается тихо и подпольно, но нерѣдки случаи открытых выступлений. Такъ, на однихъ выборахъ въ Кремонѣ выступилъ священникъ донъ Балдори, заявившій, что социалистическаго кандидата надо провалить, чтобы „предотвратить безчужденность и безрелигиозность“. Другой въ Туринѣ, этой цитадели социализма, призывалъ католиковъ къ урнамъ, говоря, что никакое напское veto не можетъ помѣшать тому, чтобы приносили воду для тушенія горящаго дома. Даже демократы изъ „христианскихъ социалистовъ“ впадаютъ въ священный ужасъ передъ „краснымъ призракомъ“... Въ общемъ, политическая поддержка клерикализмомъ правыхъ партій уже теперь представляетъ собой крупное и серьезное явление, опасные размѣры котораго еще болѣе увеличатся при ожидаемой отмѣнѣ поп ехредит. Немудрено, что въ крайнемъ лѣвомъ лагерѣ это вызвало уже давно мысль о созданіи антиклерикальнаго блока*.

Но подойдемъ къ нашей основной темѣ — позиціи мѣстныхъ клерикаловъ въ итапо-австрийской войнѣ. То обстоятельство, что до вступленія Италіи, въ знаменитый періодъ салаандрианскаго нейтралитета, католики являлись противниками итальянскаго вмѣшательства — не должно было никого удивлять: позиція нейтралитета вполне отвѣчала и духу ученія и общей политической „ориентаціи“ итальянскаго клерикализма. Многие склонны были объяснять католическій „нейтрализмъ“ въ Италіи исключительно ватиканскими симпатіями къ „апостолическому монарху“ Францу-Иосифу и его могущественному союзнику... Что нейтралитетская пропаганда итальянскихъ клерикаловъ принимала порой откровенный германфильскій характеръ — отрицать нельзя; недавно разбиравшееся дѣло редактора „Messaggero“, обвиненнаго епископомъ Деббингомъ изъ Сутри въ клеветѣ, развернуло такую яркую картину боевой нѣмецкой пропаганды — вплоть до служенія молебновъ за ниспосланіе побѣды германо-австрийскому оружію, что слушатели только ахали (судь оправдалъ редактора, возложивъ всѣ судебныя издержки на епископа). Тѣмъ не менѣе, сводить весь „нейтрализмъ“ итальянскихъ католиковъ къ германфильству — пріемъ, врядъ ли добросовѣстный. Не надо забывать, что они высказались противъ вмѣшательства Италіи и въ первые дни возникновенія міровой войны, т. е. когда вопросъ шелъ о томъ, идти ли рядомъ съ Австріей и Германіей, чего, напр., усиленно добивались итальянскіе націоналисты, черезъ пару мѣсяцевъ повернувшіе фронтъ... Такъ, на католическомъ собраніи въ Миланѣ, состоявшемся 25 сентября 1914 года, на которомъ присутствовали виднѣйшіе дѣятели этого теченія, была принята еданогласно резолюція, первый пунктъ которой гласилъ:

* Dott. Napoleone Colajanni. „I partiti politici in Italia. Roma 1912. стр. 53.

„Члены и приверженцы миланскихъ католическихъ ассоціаціи, считая, что агрессивный характеръ войны, объявленной центральными державами державамъ двойственного союза, независимо отъ всякаго изслѣдованія мотивовъ, его обусловившихъ, является передъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ исчерпывающимъ объясненіемъ невмѣшательства Итали на сторонѣ германскихъ и австро-венгерскихъ войскъ и т. д. и т. д. (слѣдуетъ рядъ дальнѣйшихъ пунктовъ), — подтверждаютъ свое намѣреніе присоединиться съ обновленной вѣрой и сознаниемъ къ наиболее строгому нейтралитету, разсматривая его, какъ путь наиболее вѣрный для обезпеченія истинныхъ итальянскихъ интересовъ и т. д...*.

Точно также въ дѣломъ рядѣ другихъ общественныхъ доказательствъ католическія организаціи выступали съ принципиальной и національно-патріотической аргументаціей въ пользу нейтралитета, съ германофильствомъ ничего общаго не имѣющей.

Бурные майскіе дни, выведшіе страну изъ состоянія нейтралитета, поставили передъ итальянскими католиками вопросъ не о принципиальномъ, а о дѣйственномъ, активномъ „пріятіи“ или „непріятіи“ войны. Стать дѣликомъ на одну или другую точку зрѣнія католики не рѣшились: въ одномъ случаѣ пришлось бы пожертвовать догмой, въ другомъ — потерять доступъ къ массамъ... Ригористическій, послѣдовательный „бойкотизмъ“ никогда не былъ главнымъ орудіемъ въ рукахъ эластичнаго католицизма. И теперь, какъ всегда, онъ предпочелъ остаться тѣмъ же двуликимъ Янусомъ, какимъ уже давно сдѣлала его идущая своей неутомимой поступью жизнь... На вопросъ: какъ относятся итальянскіе католики къ войнѣ? — можно получить два рѣзко противоположные и одинаково обоснованные отвѣта.

„Наши католики противъ войны. Они считаютъ ее грѣхомъ, преступленіемъ, позоромъ, нарушеніемъ всѣхъ божескихъ и челоувѣческихъ правилъ. Какъ вѣрные сыны церкви, они идутъ въ этомъ отношеніи за ея главой папой, осудившимъ войну“. — „Что вы! итальянскіе католики добрые патріоты! Они служатъ въ войскахъ, совершаютъ геройскіе подвиги, работаютъ въ мирномъ тылу, говорятъ патріотическія рѣчи, пишутъ патріотическія статьи! Наши священники вдохновляютъ солдатъ, наши депутаты голосуютъ кредиты и довѣріе правительству войны!“ — „Все это дѣлается только изъ дисциплины! Въ дѣйствительности, мы работали только въ пользу мира и благоденствія народовъ, а не для войны!“ Весь этотъ діалогъ можно переложить на языкъ фатовъ: вы можете встрѣтить въ Итали католическую газету, которая, заявляя, что она противъ войны, снимаетъ съ себя вся-

* Полностью резол. см. книгу: Giuseppe Fasciulli „La volontà d'Italia“, 1915, Firenze, стр. 115—116 въ этой кн. собраны очень цѣнные документы-резолуціи различныхъ обществ. организацій и партій по отношенію къ войнѣ.

кую отвѣтственность даже за официальные сообщения („L'Unita Cattolica“), а въ другой клерикальной газетѣ вы читаете горячее увѣщеваніе подписываться на національный заемъ, какъ на патриотическое дѣло, отъ котораго не вправѣ уклониться и тотъ, кто былъ противъ вмѣшательства Итали. „Теперь нѣтъ ни нейтраллистовъ, ни интервентистовъ, а есть только итальянцы“, — говорятъ намъ „Corriere d'Italia“, „L'Italia“ и многія другія католическія газеты. На поверхности политической жизни — въ печати, парламентѣ и т. п. — преобладаютъ католики-патріоты, „непримиримые“ же въ меньшинствѣ, они группируются возлѣ Ватикана, гдѣ дѣлается „высокая политика“. Не надо думать, что это враждующія теченія: они прекрасно уживаются рядомъ, они необходимы другъ другу. Мало того, они не отграничены рѣзко другъ отъ друга; „непримиримый“ списокъ не откажется отъ приглашенія властей присутствовать на патриотическомъ торжествѣ, а модернизированнаго типа священникъ не преминетъ „разъяснить“ жалующемуся на тяготы войны мужику, что ее хотѣли социалисты и прочіе безбожники...

Католики — величайшіе въ мірѣ „легалисты“ и „использователи возможностей“. Война являетъ собой такую соблазнительную „возможность“ для уловленія душъ, что у добраго католика не можетъ возникнуть сомнѣнія о допустимости патриотическихъ „средствъ“ для достиженія „цѣли“.

„Съ социалистической стороны намъ бросается обвиненіе, что мы, присоединяясь къ национальной политикѣ, жертвуемъ нашими основными принципами, — говорилъ 4 декабря въ парламентѣ католическій депутатъ Филиппо Меда, — вѣрно, что принципы христіанства осуждаютъ всякое насиліе и вражду, но они не предписываютъ ни подвергаться насилію, когда оно обнаруживается, ни давать дорогу распространенію ненависти; напротивъ, они совѣтуютъ людямъ, народу, государствамъ примѣнять право, которое социально превращается въ обязанность — силой возстановлять справедливость“... Вооруженные этой своеобразной „христіанской“ идеологіей, специально выработанной для нуждъ военнаго времени, итальянскіе клерикалы-патріоты съ жаромъ принялись за работу. Организационно-пропагандистская работа католиковъ значительно усилилась за время войны. Недавно папой одобренъ новый статутъ вліятельнѣйшей организаціи: „Unione popolare fra i cattolici italiani“. Сущность реформированья устава сводится къ тому, чтобы освободить „Союзъ“ отъ чисто конфессиональнаго характера, усиливъ политическій. Мѣстнымъ организаціямъ предоставляется значительная свобода дѣйствій во всѣхъ областяхъ общественной жизни, — отъ религіозной пропаганды, рабочихъ организацій, женскихъ и юношескихъ кружковъ, до избирательныхъ коллегій. Въ сопроводительномъ циркулярѣ президента союза графа Делла Торре говорится о важности переживаемаго историческаго мо-

мента: „Обязанность католиковъ въ защитѣ и пропагандѣ собственныхъ идеаловъ и собственной вѣры въ пользу религии и отечества“. И добрые католики рьяно осуществляютъ этотъ завѣтъ .. Особенной силы, остроты и „пикантности“ достигаетъ эта „пропаганда собственныхъ идеаловъ“ въ арміи.

Въ засѣданіи парламента 10 декабря депутатъ Дугони (соціалистъ) запросилъ министра внутреннихъ дѣлъ, „одобряется ли систематическая клерикальная спекуляція въ арміи и госпиталяхъ, совершаемая, въ особенности, военными священниками и дамами изъ Краснаго Креста?“ Товарищъ министра Челезіа заявилъ, что онъ исключаетъ такую возможность и удостовѣряетъ, что священники и дамы даютъ лишь доказательства своего самопожертвованія. Въ отвѣтъ на это заявленіе Дугони сказалъ, что онъ своимъ запросомъ отнюдь не имѣтъ виду отрицать заслугъ Краснаго Креста. Онъ только сожалѣетъ и осуждаетъ клерикальную пропаганду, которую ведутъ названные элементы въ арміи. Въ одномъ изъ госпиталей Рима, напр., нѣкоторыя дамы распространяютъ медалионы съ изображеніемъ папы и надписью: „Это вапъ истинный государь!“ („Questo è il vero vostro sovrano“). Точно также раздаются солдатамъ иконки, молитвенники и пр. Эти заявленія вызвали цѣлую бурю; правые и католики кричали: „Вы лжете!“ „Неправда!“ Дѣло чуть не дошло до дуэли... Челезіа и на этотъ разъ ограничился шаблонной фразой о томъ, что теперь де нѣтъ ни клерикаловъ ни антиклерикаловъ... Этотъ парламентскій инцидентъ побудилъ соціалистическую печать къ документированью запроса Дугони, и теперь, изо дня въ день, въ рядѣ газетъ съ „Avanti“ во главѣ, печатаются всевозможные матеріалы, подтверждающее прочное существованіе „неблагородной спекуляціи“. Съ частью этого матеріала мы познакомимъ читателей.

Особенно многочисленны письма раненыхъ солдатъ изъ различныхъ госпиталей, въ общей формѣ подтверждающихъ существованіе пропаганды. Одинъ пишетъ изъ Турина: „... Прямого давленія нѣтъ, но есть непрямо: приглашаютъ къ исповѣди и отказывающихся разспрашиваютъ о причинахъ... Раздаютъ образки и молитвенники, дважды въ день устраиваются богослуженія, для чтенія даютъ книжки религіознаго содержанія. Эту пропаганду облегчаетъ то обстоятельство, что священники обладаютъ офицерскимъ чиномъ“... А другой, изъ Кіети, сообщаетъ о болѣе „прямомъ“ давленіи: „Священникъ заявилъ тремъ солдатамъ, не посѣщающимъ мессъ, что посѣщеніе составляетъ „военную обязанность“ („è un obbligo militare“) и пригрозилъ, въ видѣ наказанія, лишеніемъ... утренняго кофе. Правда, кофе насъ не лишили, — сообщаетъ солдатъ, — но важенъ самый фактъ существованія непозволительныхъ угрозъ“. Солдатъ, побывавшій въ трехъ госпиталяхъ, пишетъ, что „всюду командуютъ попы. Въ одномъ — ежевечернее обязательное посѣщеніе мессы, въ другомъ — по вос-

кресеньямъ. Кто отказывается, лишень права въ теченіе дня подняться съ постели. Кто рискуеть заявить о своемъ свободомыслии, тому угрожаетъ немедленное возвращеніе на фронтъ безъ разрѣшенія съѣздить попрощаться съ родными. Раздаются иконки, молитвы, брошюры и т. п.“ То же самое подтверждаютъ и частныя лица, посѣщающія госпитали. Такъ, одна учительница пишетъ въ „Avanti“: „Я не социалистка, но какъ сторонница свободомыслия не могу пройти молчаніемъ мимо наблюденнаго мной. Военные госпитали (въ Миланѣ) превратились въ филиальныя отдѣленія монастырей. Больные осаждаются ханжескими наставленіями священниковъ и монахинь... „Avanti“ запрещень. У кого находятъ — наказываютъ. Свободно пропускаются лишь: клерикальная „L'Italia“ и порнографическая „Sigaretta“. Если солдатъ хочеть имѣть за собой хорошій уходъ, онъ долженъ прикидываться религіознымъ. У кроватей больныхъ развѣшаны образки, амулеты и т. п. И въ изобиліи циркулируютъ брошюры клерикальнаго содержанія... Разскажите объ этомъ въ „Avanti“, кричите, какъ можно сильнѣй!...“ Изъ другихъ мѣстъ сообщаютъ, какъ комитеты гражданской помощи организовали посылку рождественскихъ подарковъ на фронтъ, за упаковку которыхъ принялись католическія дамы; въ результатъ, солдаты получили, вмѣстѣ съ рубашками и лакомствами, портреты папы, образки, брошюры и т. п. Каково, однако, содержаніе всего этого добра? Вотъ „молитва Иисусу Распятому“ („Divozione a Gesu Crocifisso“), въ которой говорится объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ Христу „нечестивцами, богохульниками и неблагодарными“, изгнавшими его изъ школъ, семействъ и общества... А вотъ брошюра „Враги итальянскаго народа“, распространяемая во флорентійскихъ госпиталяхъ. Вся она переполнена злобными черносотенными выпадами противъ социалистовъ, евреевъ, массоновъ. Тамъ, между прочимъ, говорится, что Мадзини стоялъ во главѣ всѣхъ политическихъ разбоевъ своего времени, а Гарибальди—неблагодарный шутъ и нахальный лгунъ...

Преобладаютъ, однако, произведенія не столь откровенныя, а представляющія собой болѣе или менѣе удачный „синтезъ“ патриотизма съ клерикализмомъ. Въ общемъ, авторы всѣхъ этихъ листовокъ примѣняются къ вкусамъ аудиторіи и стараются удовлетворять различные спросы. Такъ, въ Савонѣ раненымъ раздають съ одной стороны — патриотическіе стихи, съ другой — папифистскія молитвы. Вотъ пѣсня — „Inno alla vergine santissima“ — („Гимнъ святѣйшей дѣвѣ“); въ подзаголовкѣ сказано — „для пѣнія во время войны“. Вотъ начало: „Дѣва Марія, прими подъ свой покровъ армію, вѣрную тебѣ; защити ее, о Милосердная Мать, отъ варварской орды, надменной и жестокой; благослови, о Мать, итальянскую добродѣтель, и дай восторжествовать нашимъ отрядамъ во имя твоего Иисуса. Твое изображеніе, какъ

небесный щитъ, горитъ на сердцѣ твоихъ солдатъ, оно спасетъ ихъ отъ гибельныхъ вражьихъ пуль измѣнниковъ“ и т. д. А вотъ молитва за миръ, — обращеніе къ „*Re pacifico*“ — въ которой говорится о прекращеніи „всечеловѣческой бойни — во имя милосердія къ столькимъ матерямъ, скорбящимъ за сыновей своихъ, къ столькимъ сиротамъ, лишеннымъ отцовъ“ и т. п. Въ нѣкоторыхъ посылкахъ, полученныхъ отъ католическихъ благотворительницъ, солдаты нашли изображенія Мадонны съ патриотической молитвой о томъ, „чтобы пули нашихъ ружей достигали вражескихъ груди“... Есть открытки, изображающія освободительное шествіе латинскихъ легионовъ за Альпы, вправленное въ трехцвѣтную ленту. Внизу надпись-молитва: „О, небесная Мать, знающая наши тревоги, защити этого сына, борющагося за святое дѣло, и сохрани его для твоей религіи и нашей любви“. Интереснѣе всего открытка съ молитвой, изданная „христіанскимъ обществомъ“ въ Кремонѣ. На ней изображенъ Христосъ, текстъ же молитвы таковъ: „Память о Рождествѣ (война Итало-австрийская, 1915 года). Защити и сохрани, о Господи, Твоего ничтожнаго раба отъ столькихъ опасностей жизни и подъ защитой Твоей милости направь его дорогой мира къ отечеству. Аминь. Ave Maria“. Молитва, какъ молитва... Но замѣчательнъ тотъ фактъ, что она напечатана рядомъ по-итальянски и по-нѣмецки... Газета, приведшая этотъ любопытный документъ, справедливо отмѣтила всю щекотливость положенія того, къ кому обращены на разныхъ — и при томъ вражьихъ — языкахъ эти одинаковыя молитвы... Рекордъ, однако, побилъ „векселя Лурдской Мадонны“; въ одномъ городкѣ провинціи Пьяченца всѣ семейства получили приглашенія записываться въ общество Лурдской Мадонны. Мотивировка слѣдующая: „Отцы, матери, жены, братья, сестры, дѣти — всѣ, имѣющія своихъ дорогихъ подъ ружьемъ! Вы столько разъ общались: — Если нашъ бѣдный солдатъ возвратится, мы пожертвуемъ сто, тысячу лиръ... Почему же вамъ не пообщаться какихъ-нибудь 15—20 лиръ для Лурдскаго Грота, если вашъ близкій вернется здоровымъ? Идите же записываться въ „*Ria Associazione della V. U. di Lourdes*. — Я вамъ дамъ записку, которую вы отправите вашему солдату, чтобы онъ ее подписалъ. Также и вы подпишите общаніе. Эти бумаги, запечатывая въ серебряномъ сердцѣ съ именемъ вашего солдата, будутъ поставлены въ руки Лурдской Мадонны“.

Текстъ солдатскаго обязательства таковъ: „Непорочная Дѣва, пошли какъ можно скорѣе, миръ и спаси меня отъ вражеской напасти... Вспомни, что дома меня ждуть мои дорогіе родные, которые вмѣстѣ со мной просятъ Тебя, чтобы я скоро вернулся въ ихъ объятія. Я бѣдный солдатъ, надѣюсь на Тебя и вѣрую въ Тебя. Общаю, по возвращеніи, жить добрымъ христіаниномъ и не стыдятся обнаруживать это; общаю также положить къ Тво-

имъ стопамъ... лиръ... Но если Господь рѣшитъ иначе, сдѣлай такъ, чтобы кровь, пролитая мной за отечество, искупила мои вины, такъ чтобы я могъ въ вѣчности, съ пальмой мученичества, всегда возносить Тебѣ хвалы въ рай. Подпись... Чинъ... Принадлежность къ полку... Ротѣ... Взводу..."

Приблизительно такой же „бланкъ“ для заполнения прилагается и для родныхъ...

Можно бы привести еще рядъ документовъ, свидѣтельствующихъ объ использованіи клерикалами войны. Но и приведеннаго достаточно, чтобы понять всю горечь справедливаго упрека, который мы встрѣчаемъ въ письмѣ одного раненаго солдата:

„Послѣ того, какъ мы подвергали нашу жизнь крайнимъ опасностямъ, послѣ долгихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ между жизнью и смертью, мы, возвратившись, имѣемъ утѣшеніе видѣть утвердившуюся на пролитой нами крови клерикальную пропаганду“.

И печальнѣе всего то обстоятельство, что вся эта, по выраженію Дугони, *ignobile speculazione* („неблагородная спекуляція“) не встрѣчаетъ энергичнаго отпора. Какъ мы видѣли выше, представитель правительства въ парламентѣ лишь „отписался“ патриотической фразой. Его защитники указываютъ на то, что оно де бессильно тутъ что-нибудь предпринять — не допускать священнослужителей въ армию оно вѣдь не можетъ... Эти защитники забываютъ, однако, что застраховать армию отъ социалистической пропаганды правительство смогло: не только на фронтѣ, но и во всѣхъ прилегающихъ къ нему провинціяхъ (такъ наз. „zona di guerra“) ввозъ „Avanti“ запрещенъ... * Да и вообще, смѣшно говорить о „бессилии“ государственной власти въ области „искорененія“ и „пресѣченія“ — да еще во время войны, при исключительныхъ диктаторскихъ полномочіяхъ! Другой вопросъ — о цѣлесообразности запрещеній, но вѣдь это относится и къ запрещенію социалистически-республиканской пропаганды... Вполнѣ понятно, что въ столь трудное время правительство предпочитаетъ „не видѣть“ и „не связываться“ съ клерикалами, оно не прочь и пофлиртовать съ ними... Болѣе страннымъ кажется съ перваго взгляда молчаніе массоновъ и масонскихъ партій, весь *raison d'être* существованія которыхъ заключается въ борьбѣ съ клерикализмомъ. Они не хотѣли подрывать „единства націи“... Поэтому, они были безмолвными зрителями въ парламентѣ, когда Дугони дѣлалъ свой запросъ, поэтому они очень вяло и неохотно ведутъ въ своей печати хронику клерикальной пропаганды... Открытая борьба социалистовъ противъ „спекуляціи“ побуждаетъ

* Недавно въ одной почтенной русской газетѣ ея корреспондентъ изъ Италіи изобразилъ цѣлую идиллію — какъ, молъ, въ Италіи солдатъ остается вольнымъ гражданиномъ и никто не посягаетъ на его взгляды — читай, что хочешь и т. п. Дидактика вещь полезная, но нельзя же до безчувствія!

и массово-интервентисткіе элементы отъ времени до времени заговорить о „клерикальной опасности“, вынести резолюцію по частному поводу — какъ, напр., сдѣлала флорентійская группа реформистовъ, потребовавшая изъятія изъ госпиталей цитированной выше брошюры, гдѣ шельмуются Гарибальди и Мадзини... Но дѣлается все это какъ бы нехотя и съ гораздо меньшимъ „энтузіазмомъ“, чѣмъ атаки на социалистовъ... Въ этомъ ослабленіи антиклерикальной активности буржуазныхъ слоевъ населенія повинна не одна лишь политика... Подъ вліяніемъ войны совершается много „переоцѣнокъ цѣнностей“. Сдвигъ въ сторону мистики и религіозности несомнѣненъ (недаромъ такъ тонко „принюхивающійся“ къ общественнымъ настроеніямъ Габріэль д'Аннунціо заявилъ себя католикомъ). „Въ либеральныхъ кругахъ... говорится о крушеніи свободомыслія, о возвращеніи къ церкви, о его соглашеніи съ государствомъ. Открытъ цѣлый крестовый походъ въ пользу церкви. „Тribuna“ признаетъ, что „іезуитское воспитаніе — наилучшее“, — такъ говоритъ о современныхъ итальянскихъ настроеніяхъ старый республиканецъ Преда*. „Во время войны Джордано Бруно терять свои права“, — вторитъ ему Тревесъ и приводитъ любопытныя цифры изъ одной книжки**, гдѣ говорится: „Въ критикѣ рационализма теперь встрѣчаются демократы и іезуиты... Въ нѣкоторомъ отношеніи массонство есть интимнѣйшій союзникъ церкви... Церкви нечего бояться массонства: они могутъ сотрудничать и сотрудничаютъ, чтобы спасти нѣчто общее, являющееся условіемъ существованія обоихъ... Вотъ почему папа, хочеть онъ этого или нѣтъ, вышелъ изъ нейтралитета и идейно занялъ позицію, благоприятную Соглашенію; вотъ почему мы видимъ сегодня союзниками церковь и массонство — противъ Германіи, социализма и классовой борьбы. Они надѣются, что война ликвидируетъ социализмъ“... Если это звучитъ еще парадоксомъ, если нѣтъ достаточныхъ основаній говорить о союзѣ массонства и церкви, какъ о законченномъ процессѣ, — то во всякомъ случаѣ тенденція здѣсь отмѣчена правильно: новая полоса исторіи, прологомъ которой является война, будетъ характеризоваться „баррикадой“, по одну сторону которой находится рабочій классъ, а по другую его враги — отъ клерикаловъ до атео-вольтерьянской буржуазіи всѣхъ калибровъ... Клерикализмъ стремится захватить въ свои руки обѣ стороны, онъ усиленно работаетъ и въ низахъ. Война создаетъ для него благоприятную почву... Въ „Avanti“ было напечатано замѣчательное письмо социалиста-солдата изъ рабочихъ по поводу клерикальной пропаганды: „Не надо все приписывать только кознямъ клерикаловъ. Ихъ успѣхъ

* „La Rivista Popolare“ № 23, 15 дек. 1915.

** Mario Massioli: Il papa in guerra. Bologna.

объясняется невѣжествомъ массъ, видящихъ въ войнѣ вмѣшательство потустороннихъ силъ... Имъ благоприятствуетъ и инстинктъ страха, съ особой силой пробуждающійся на фронтѣ... Говорю это не изъ книжекъ, а какъ рабочій-солдатъ, самъ пережившій моментъ страшнаго духовнаго кризиса, который не забудется всю жизнь". И права „L'Unita Catholica“, которая, полемизируя съ „Avanti“, указывала, что въ моменты горя и безнадежности чело-вѣкъ изъ простонародья часто не находитъ другого утѣшенія, чѣмъ въ словѣ священника и монахини — „въ этомъ печальномъ и эгоистическомъ мирѣ“...

Но—одно изъ многихъ противорѣчій современнаго общества!—тѣ же условія, которыя благоприятствуютъ мракобѣсію, создаютъ почву и для пропаганды другой, инымъ свѣтомъ озаренной, идеологии...

„Отъ этой войны больше всѣхъ партій выиграютъ католики и социалисты“, — сказалъ недавно въ итальянскомъ парламентѣ деп. Н. Колаянни, — суровый противникъ обѣихъ партій.

Январь, 1916.

Раф. Григорьевъ.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

ЗАМѢТКИ О МОЛОДЫХЪ.

ЧАПЫГИНЪ, НИКАНДРОВЪ, ЗАМЯТИНЪ.

Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Старинная монета.

Правды! Только правды! Ничего,
кромѣ правды!

Душа нашихъ дней.

I.

Есть художники, которые не производятъ сильнаго впечатлѣнія при первомъ знакомствѣ; но, рано или поздно, они заставляютъ говорить о себѣ; ихъ не скоро признаютъ, но, признавъ, не развѣнчиваютъ; расцвѣтаютъ они медленно, но не скоро и отцвѣтутъ; они никогда не бываютъ модными, но кругъ читателей своихъ расширяютъ непрестанно. Таковъ, изъ тенерешнихъ, Бунинъ. Принадлежитъ къ нимъ и Чапыгинъ.

Чапыгина съ натяжкой можно назвать „молодымъ“. Началъ писать онъ давно, что-то около пятнадцати лѣтъ назадъ. Но первую книгу свою („Нелюдимые“) выпустилъ лишь въ 1913 г. Годомъ позже появился „Бѣлый скитъ“ — вторая его книга. Обѣ онѣ прошли незамѣченными; что жъ дѣлать! — такова судьба многихъ хорошихъ произведеній: не любитъ нынѣшній читатель серьезной литературы — да проститъ онъ намъ эту откровенность! А Чапыгинъ серьезенъ. Никогда не улыбнется, не пошутитъ, не станетъ рассказывать анекдотовъ. Лежитъ на его писаніяхъ печать какой-то суровости. Видно: литература для него не приятная полезность, которою можно позабавиться на досугѣ, а дѣло важное, глубокое, сердечное. Все это подкупаетъ; заставляетъ съ особеннымъ вниманіемъ отнестись къ писателю. Вспоминается при этомъ, что Чапыгинъ — изъ олонецкихъ крестьянъ, самоучка, гдѣ-то въ глубокихъ низинахъ жизни прошедшій жестокую школу; онъ сумѣлъ пробиться къ вершинамъ современной культуры — развѣ для одного этого подвига не надобно большого богатства духа?

* * *

Съ интересомъ раскрылъ я книгу — и повѣяло на меня роднымъ колоритомъ, знакомымъ, русскимъ, всероссійскимъ. Но въ

какихъ безрадостныхъ формахъ! На первыхъ же страницахъ, вмѣсто привѣтствія — вопль о помощи. „Спаси, заступись!“ — молитъ женщина, обнимая колѣни перваго встрѣчнаго; за нею погоня — улюлюкають, травятъ — настигаютъ ее какіе-то рослые парни и бьютъ смертнымъ боемъ. Я подумалъ: картина эта случайна, вотъ сейчасъ услышу что-нибудь хорошее, красивое. Но дальше я прочелъ, какъ къ подростку Федькѣ пришла за хлѣбомъ больная старуха мать, а Федька обругалъ ее чертовкой, старой совой, толкнулъ кулакомъ въ спину и выгналъ вонъ, пригрозивъ: „Убью, не приходи!“ Въ третьемъ разказѣ увидѣлъ я, какъ отецъ колотилъ сынишку кулаками: „Я тебѣ заворочу щетину, дьяволь!“ а мальчишка, увертываясь, шарилъ руками по полу, ища ножа, чтобы сунуть его отцу подъ ребра; ножа онъ не нашелъ и, выскочивъ за дверь, сталъ щепать дерево, чтобы, приперевъ отца въ избушкѣ, сжечь его живьемъ. Этотъ же самый подростокъ, бродя зимою съ такимъ же, какъ онъ, по лѣсу, покинулъ своего заснуваго спутника, безъ хлѣба и компаса, безоружнаго, на голодную смерть, и, уходя, злорадно думалъ: „Недолго побѣгаешь здѣсь, присмирѣешь!“ Все это разказывается убѣдительно-ярко, съ скрытой какой-то горечью, сжато, безъ лишнихъ словъ. Съ безпощадной внимательностью, словно анатомъ, старающій добратся до скрытыхъ гнойниковъ, копитися авторъ въ душахъ своихъ героевъ; только съ душой онъ хочетъ имѣть дѣло, ничто другое его не интересуетъ, и всѣ почти разказы Чапыгина — суть, въ сущности, разказы о душѣ, включенные въ рамку быта, о душѣ простой, варварски изуродованной, первобытно наивной и въ этой первобытности временами чудовищно-безобразной.

Нѣкоторые разказы свои онъ посвятилъ изображенію дѣтей. Подолгу останавливается около нихъ, изучаетъ, изслѣдуетъ; въ усиленномъ вниманіи, съ которымъ онъ слѣдитъ за ребятами, чутся не то испугъ, не то недоумѣвающій вопросъ, точно художникъ боится повѣрить самому себѣ: такъ пугающе-невѣроятны эти дѣтскія души. Въ разказѣ „Миного“ онъ подробно, точно въ душу, разглядываетъ подростка Федьку (того самаго, что пригрозилъ матери: „Убью“). Федька упалъ какъ-то съ крыши, очнулся въ больничной палатѣ, и когда надъ нимъ участливо склонилось свѣтлое лицо сестры милосердія и онъ услышалъ ласковый голосъ: „Болитъ голова?“, то, вмѣсто отвѣта на ласку, выплюнулъ ей въ лицо: „Уйди, сволочь!“ Чиня какъ-то трубу, подвѣшенный въ люлькѣ, онъ съ улицы сквозь стекла замѣтилъ въ квартирѣ красивую женщину и воспылалъ къ ней тяжелой страстью, подолгу мечтая о ея нѣжныхъ костяхъ и мягкомъ тѣлѣ. Не щадя своей жизни, пробрался въ эту квартиру, чтобы прижаться къ лакомому тѣлу, и наткнулся на бѣлую мраморную статую. Быть можетъ, это была та самая Венера Милосская, передъ ко-

торой часами въ восторженномъ одъиенннн проставвалъ Глѣбъ Успенскій. Федька съ голоднымъ вниманемъ трепетной рукой проводилъ по гладкимъ холоднымъ формамъ, а потомъ разбилъ статую молоткомъ: статуя была холодна, а онъ шелъ къ живой, горячей, полнокровной.

Чуть ли не въ каждомъ разсказѣ Чапыгина кого-нибудь бьютъ, надъ кѣмъ-нибудь издѣваются, кто-нибудь погибаетъ. „По-мо-ги-те!“ — это можно было бы эпиграфомъ поставить ко всей книгѣ, написанной съ такимъ умѣнемъ подмѣчать и изображать, которому могъ бы позавидовать иной изъ нашихъ прославленныхъ беллетристовъ. Этотъ писатель съ крупнымъ дарованемъ, съ немалымъ запасомъ житейскихъ наблюденій, словно специально своей избралъ изображеніе людей, потерявшихъ или теряющихъ обликъ человѣческой. Его „герои“ — либо какіе-то кентавры, въ которыхъ человѣческое не отдѣлилось отъ звѣринаго („Лѣсной пѣстунъ“, „Миного“), либо слабые, безвольные, по безволію своему способные на любое злодѣйство, угодничество или подхалимство („Послѣдняя дорога“, „Квартира“, „Барыни“, „Навожденіе“), либо осатанѣлые отъ окружающаго ужаса, выжившіе изъ ума религиозные фанатики, творящіе новый ужасъ во имя грядущаго спасенія („Прозрѣніе“). И если встрѣтится хоть одно лицо, не утратившее Божія подобія, то это такая рѣдкость, такое невиданное зрѣлище, что съ трудомъ вѣришь автору: откуда такіе то здѣсь могли явиться? Къ счастью, попадаются и такіе. Вся же книга цѣликомъ — жестокая, безрадостная, мрачная, но въ мрачности своей убѣдительно яркая; ее не отбросишь въ сторону уже по одному тому, что написана она настоящимъ художникомъ. Мы можемъ его не любить, можемъ съ нимъ не соглашаться — но не признать его, а, слѣдовательно, его правды, мы не можемъ.

Все, что сказано было про первую книгу Чапыгина, еще съ большимъ основаніемъ можно сказать про „Бѣлый скитъ“ — большую повѣсть II тома.

Послѣ Бунинской „Деревни“, повѣсть эта — самое сильное, что сказала о деревнѣ наша беллетристика. И здѣсь, какъ въ разсказахъ первой книги, видимъ мы звѣрей, похожихъ на людей, и людей, которыхъ съ трудомъ отличишь отъ звѣря; явлены они въ окруженіи деревенскаго быта, зарисованнаго мастерски, мѣтко и увѣренно, хотя по чапыгински скупо и суховато. И чѣмъ увѣреннѣе ходитъ здѣсь кисть художника, чѣмъ эстетически безупречнѣй выводитъ она свои узоры, тѣмъ страшнѣй становится повѣсть, тѣмъ ярче глядитъ съ ея страницъ трепетная современность, деревенская наша Русь, все еще не разгаданная, пугающая и привлекательная вмѣстѣ.

Опять новыми красками, по-новому возникаетъ передъ глазами все та же наша родная темь, исконное наше одичаніе, гру-

бость, безсердечіе. За убитаго пса рѣшается человѣкъ на братоубійство; возгласъ: „Афоньку Крена бью-уть“ дѣлаетъ здѣсь радостными лица, освѣщаетъ ихъ улыбками, а у какой-то женщины исторгаетъ молитвенное: „Ну дай-то, Господи!“ и народъ скопомъ бѣжитъ смотрѣть, какъ будутъ убивать Афоньку Крена; братъ предаетъ родного брата; измѣннически захвативъ односельчанина, парни распяливаютъ его на жерди и бросаютъ въ лѣсу на съѣденіе оводамъ; здѣсь охотникъ дѣлаетъ на ружейномъ стволѣ зарубки, ведя число убитаго звѣря, а вперемежку съ десятками медвѣдей, лосей, волковъ, куницъ, отмѣчены (также десятками) убитые люди; молодой, на утро послѣ свадьбы, затягиваетъ больную жену въ хомутъ и хлещетъ ее кнутомъ до кровавыхъ ранъ, до безпамятства, — и властно царитъ надъ этимъ адомъ кромѣшнымъ одна заповѣдь: „У звѣрей, дружокъ, сказъ одинъ: ты меня подмялъ — ѣшь, не брезгуй, держи крѣпкс, а нѣтъ, выглезну я, тебя слопаю!“

И когда прочтешь эту повѣсть, съ ея кровью, смертоубійствами, слезами и дикостью, то понятной станетъ пѣсня, сложенная народомъ, которую вложилъ авторъ въ уста слѣпому пѣвцу...

Ты спали все земное, Вседержитель,
 Что бѣ безсмертное сторицей посвятъ,
 Изошелъ я черную, грѣшную землю,
 Гнусь, бездушныя твари живутъ тамъ!
 Звѣри люты поселились — не люди...
 По долинамъ лежатъ тамъ кости мертвыхъ,
 Надъ горами человѣчьимъ смородомъ доносить.

И все-таки, сквозь этотъ хаосъ безчеловѣчья свѣтятъ какія-то исканія, живутъ стремленія уйти отъ нечестивости и грѣха. Тотъ самый обросшій волосами богатырь, Афонька Крень, который отмѣчалъ на стволѣ ружья смерти звѣриныя, да заодно и человѣчьи, мечталъ уйти въ скиты, отрясти прахъ грѣха отъ ногъ своихъ. Засунувъ въ горячую печь родного брата своего, онъ пошелъ спасаться, забрелъ въ болото, и медленно осѣдала топь подъ тяжестью его тѣла, а вокругъ звенѣли невѣдомые звонкіе колокола и маячили передъ глазами снѣжно-бѣлыя стѣны недостижимой обители.

Въ этомъ силачѣ, котораго не могли сломить ни пуля, ни звѣрь, ни люди, авторъ далъ какъ бы символъ нашего народа, безмѣрно могучаго, медлительно тяжелаго, крѣпкими нитями связаннаго землей и лѣсомъ, слѣпотаго, темнаго, жестокаго въ своей наивности и вмѣстѣ съ тѣмъ несущаго въ глубинахъ души смутную тягу къ высокому и прекрасному, свѣтлую мечту о „Бѣломъ скитѣ“, гдѣ онъ отмоется отъ крови и зла и утвердитъ (наконецъ-то) жизнь истинно праведную.

Ново ли все это? Увы! нѣтъ. Все старое, знакомое, слышали мы это не однажды. Жестокій быть; равнодушіе къ жизни

и смерти; холодность къ ближнему, „человѣкъ человеку волкъ“, — и тьма непроглядная, — все это родное, не деревенское только, а общее наше руссiйское, истинно-русское. При этомъ важная черта: прежніе художники показывали намъ мерзкій бытъ нашъ и человѣка, какъ невольную жертву его; они съ незабываемой остротой запечатлѣли язвы социальнаго строя, бытовой нашей некультурности. Нынѣшніе пошли дальше, они шире и глубже стали трактовать наболѣвшую тему; они увидѣли, что не вся вина на „бытъ“; есть кое-что и на человѣкѣ; отъ нечестивости быта обратились они къ нашему духовному „безобразію“, ибо вѣками варварства отдаетъ и отъ нашей души, отъ нашей психологіи, мужицкой, господской, или интеллигентской — безразлично. Не только матеріальной, мы и духовной подлинной культуры лишены — вотъ что говорятъ наши художники, и это куда страшнѣй пресловутой нашей отсталости, о которой твердимъ мы каждодневно. Прежде думали: мы-то хороши, бытъ нашъ плохъ. Теперь все опредѣленнѣе встаетъ передъ нами истина болѣе горькая и потому, быть можетъ, болѣе цѣлительная. Бытъ плохъ — да; но и сами то мы далеко не славны.

Правдивость до изступленія, до жестокости до самобичеванія — этими словами хочется охарактеризовать молодую нашу литературу, посвященную деревнѣ, т. е. въ концѣ концовъ всей Россіи, всѣмъ намъ, русской душѣ — ибо русская душа все-таки, душа деревенская.

Безбоязненная, ничего не щадящая правдивость отчетливо чувствуется въ Чапыгинѣ. Этотъ художникъ считается только со своей натурой; не признавая никакихъ требованій, кромѣ тѣхъ, какія налагаютъ на него законы его искусства, онъ не исказитъ набрасываемаго на полотно образа въ угоду внѣшнимъ вліяніямъ, не пожертвуетъ ни однимъ штрихомъ во имя какихъ-нибудь личныхъ или общественныхъ симпатій. Реализмъ его — чистый, безпримѣсный, не связанный ни идеологіей, ни направленствомъ; потому то изображеніе деревни, сдѣланное имъ, — почти совершенно. Черезъ много лѣтъ, когда исчезнутъ запечатлѣнные имъ душевные недуги, „Бѣлый скитъ“ будетъ читаться и перечитываться. Повѣсть погоряетъ болѣзненную остроту современности; но тѣмъ ярче выступятъ ея художественныя достоинства.

II.

Безъ большого труда можно было бы показать, какъ въ нашей мысли и въ нашемъ искусствѣ „тмы низкихъ истинъ“ вытѣсняють мало-по-малу всяческіе „возвышающіе обманы“. Кажется даже: чѣмъ злѣй правда и безжалостнѣй — тѣмъ болѣе

жадно мы къ ней принимаемъ, точно истомленный больной къ лекарству, отъ котораго ждетъ исцѣленія.

Каждая новая книга приноситъ съ собой новый образецъ не то обличающаго, не то покаяннаго свойства. Это есть даже въ Никандровѣ, писателѣ, нисколько не похожемъ на Чапыгина. Никандровъ жизнерадостенъ, любитъ посмѣяться при случаѣ, и нѣтъ въ немъ никакой суровости; онъ не скупъ на слова и краски, пишетъ размашисто, весело, хотя тяжеловато, съ грузной фундаментальностью, щедро разсыпаетъ характерныя словечки, которыя гдѣ-то слышалъ, мѣткія наблюдения, остроумныя фразы. Много въ немъ хорошаго юмора и нерѣдко бываетъ онъ сентиментальнымъ. Цѣлый рассказъ „Бывшій студентъ“ написалъ онъ для заключительнаго аккорда, чрезвычайно трогательнаго, надъ которымъ, вѣроятно, упадетъ не одна читательская слезинка. И въ рассказѣ „Искусство“, еще болѣе чувствительномъ, авторъ „со слезой“ вырисовываетъ нѣкаго педагога, влюбленнаго въ красоту; сердце педагога сжимается отъ жалости къ дѣтишкамъ, ввергнутымъ въ жестокую тюрьму-школу, и съ какимъ умилениемъ, съ какимъ нескрываемымъ восторгомъ шагъ за шагомъ слѣдитъ авторъ, какъ нѣжнѣютъ закрубѣлыя дѣтскія души подъ благодѣтельнымъ воздѣйствіемъ прекраснаго учителя. А когда дѣтишекъ окончательно покорило искусство, — нѣкоторые изъ нихъ заплакали отъ восторга и даже учитель готовъ былъ отъ счастья рыдать на глазахъ у всѣхъ, а самъ авторъ, едва сдерживая слезы умиленія, кончаетъ рассказъ восхитительными словами о безпредѣльномъ мирѣ, о прекрасныхъ даляхъ, которыя открываются передъ нами. Но эти чувствительные рассказы не принадлежатъ къ лучшимъ вещамъ Никандрова. Они лишь отбѣиваютъ, еще болѣе выдѣляютъ главное произведеніе его, поистинѣ замѣчательное — „Во всемъ дворѣ первая“, которое написано уже безо всякихъ сантиментовъ.

Вещица эта небольшая, но стоитъ иной крупной. Здѣсь глазамъ нашимъ открыто жилище одной лишь семьи; мы слышимъ рѣчи нѣсколькихъ человѣкъ; временами слѣвемся, по временамъ сердимся, но постоянно восхищаемся наблюдательностью автора, мѣткостью характеристикъ, тонкимъ знаніемъ дѣтскихъ душъ и душъ взрослыхъ, мастерской законченностью всей картины. Точно живая (хочется сказать: „ярче, чѣмъ живая“) носится въ полубезумномъ своемъ рвеніи женщина; весь миръ кажется ей вражескимъ станомъ, у котораго одна забота: какъ бы унижить ее, обезличить, оскорбить; она до чахотки довела себя, изъ силъ выбиваясь, чтобы быть во всемъ дворѣ „первой“. Съ грустнымъ смѣхомъ слѣдимъ мы за торопливыми движеніями этого человѣка, временами хорошаго, временами невыразимо злого: влюбленная въ свою мечту быть первой, сытой, довольной, она этой мечтѣ готова принести въ жертву даже своихъ любимыхъ дѣтей,

которыхъ терзаетъ безпощадно — и развѣ можетъ въ ея несчастномъ, неразвитомъ мозгу явиться мысль о томъ, что кромѣ зла ничего она своимъ дѣтямъ не причиняетъ.

Но значеніе этой картинки заключается не въ характерѣ этой женщины, какъ то зря сжегшей свою жизнь. Съ этой картины глядитъ на насъ социальная группа, цѣлый бытъ — вновь присутствуемъ мы передъ экспериментомъ, производимымъ авторомъ надъ чьей-то коллективной душой; опять разоблаченіе чьего-то „нутра“, опять правдивость до обличенія, до сатирическаго подъема. Какъ и на страницахъ Чапыгина, мелкаютъ у Никандрова пинки и подзатыльники съ той же темнотой, съ той же жестокостью, душевной застенчивостью, подъ тотъ же самый каннибальскій припѣвъ: „человѣкъ человѣку волкъ“. Здѣсь видимъ, какъ шестилѣтняя дѣвочка, съ большими, умными, испуганными глазами, при приближеніи матери, молить: „Ой, мамочка, милая, золотая, не бей!“ и вслѣдъ за мольбой тяжелый кулакъ матери падаетъ какъ разъ между ея слабенькими лопатками: „что-то хрястнуло въ ней“ — добавляетъ авторъ; этого самаго ребенка яростно хлещетъ отецъ, заноса ремень выше головы; ребенокъ судорожно бьется, зажатый отповыми колыньями, а мать, наблюдая, какъ на заголенной спинѣ вскипаютъ одна за другой фіолетовыя полосы, говоритъ:

— Такъ, такъ. Бей ее, стерву, хорошенько, чтобъ она чувствовала, что я ея мать!“

Дѣтей, этихъ нѣжныхъ цвѣтовъ будущаго, видимъ мы здѣсь запуганными и забытыми, каждую минуту ожидающими удара; сызмальства отравлены они безсердечностью среды, тупостью родителей, безнадежностью жалкаго быта, душнаго, нищенски примитивнаго, еще болѣе несчастнаго, чѣмъ бытъ голодной деревни. Хиленькіе, вялые, съ первыми проблесками мысли наталкиваются они на людскую отчужденность: растущіе безъ ласки, они не любятъ никого и ничего, слѣдые, холодные, маленькіе звѣрьки, которые растутъ какъ бы для того, чтобы сызнова продѣлать тяжкій жизненный путь своихъ несчастныхъ родителей. Въ рассказѣ есть потрясающія страницы, когда чахоточная женщина умираетъ медленной смертью. Она перестала быть страшной, не можетъ неожиданно оба кулака съ размаху бросить на голову ребенка, больная, валется она на постели, и дѣти мучительно мстятъ ей за все старое. „Они становились около кровати, выжидали, когда къ ней приступить кашель и, копируя ея мученія, сами принимались корчиться, кашлять, давиться, хрипѣть“.

Семилѣтняя дѣвочка, желая сдѣлать больно умирающей, цѣлыми часами пѣла лѣнивымъ голосомъ:

— Мама паскудная... Мама завзятая... Мама вонючая...
Мама паршивая...

И болтала подь столомъ длинными ногами.

Мать съ плачемъ кричала изъ комнаты.

— Пусть Богъ дастъ тебѣ такую грызоту отъ твоихъ дѣтей, какъ ты сейчасъ грызешь меня!.. Пусть у тебя кишки повылазятъ вмѣстѣ съ голосомъ твоимъ! Пусть у тебя душа выскочить.

— Мама поганая... Мама заклятая...

— Пусть тебя черная болѣзнь схватить!.. Пусть тебя Богъ замучить!.. Пусть я въ послѣдній разъ тебя вижу!.. Пусть твоего званія больше не будетъ на свѣтѣ!..

Въ отвѣтъ на это Маруся вставала, хитро водила выразительными глазами, прислушивалась, нѣтъ ли въ общей галлерей постороннихъ, шла тихо, какъ кошка, въ комнату, приближалась къ самой постели матери и негромко произносила:

— Чтобъ ты умерла! Весь дворъ знаетъ, что у тебя чахотка!

И странно, безъ улыбки на лицѣ, хохотала, отходя назадъ...

Вотъ какую жестокость нашелъ въ дѣтяхъ Никандровъ, нашелъ вопреки своей сантиментальной, розоватой душѣ. Мы мирились съ безсердечіемъ взрослыхъ, думая: дѣти не будутъ похожими на отцовъ. Но явился художникъ и показалъ намъ, что „будущіе“ перещеголяютъ со временемъ „настоящихъ“. Россія прошлаго была невыносима: сегодняшняя Русь — безобразна, одна осталась надежда на завтрашній день, но, оказывается, что надежда эта ровно ни на чемъ не основана.

О, конечно, здѣсь не вся правда, а только часть правды, но развѣ она становится отъ этого менѣе значительной? И развѣ не знаменательно, что если молодой и талантливый художникъ напишетъ прекрасное произведение, то въ произведении этомъ онъ въ тысячу первый разъ, по-новому, съ новыхъ сторонъ, въ новомъ освѣщеніи отразитъ все ту же старую, больную, вѣчную тему о порокахъ нашей коллективной, всероссийской души, о духовномъ нашемъ кретинизмѣ? Чапыгинъ показалъ намъ это въ своей деревнѣ, Никандровъ — въ пригородной слободѣ. Эту же тему отразилъ третій изъ „молодыхъ“ — Евгеній Замятинъ, авторъ недавно вышедшей книги повѣстей и рассказовъ „Уѣздное“.

III.

Яркостью рисунка съ первыхъ же страницъ плѣняетъ Замятинъ. Пишетъ онъ кратко и рѣзко — точно изъ камня высѣкаетъ контуры. Правда, въ этой краткости замѣтно подражаніе — на Ремизовѣ оттачивалъ свой стиль Замятинъ. Но „Ремизовское“ онъ не просто перенялъ, а перевоплотилъ такъ, что „чу-

жое“ стало для него своимъ, хотя и напоминающимъ учителя, но не умаляющимъ достоинствъ ученика. Похожій на Ремизова, Замятинъ не теряетъ собственного лица, остается самимъ собою. Въ будущемъ ему придется, конечно, совершенствоваться и изощрять свою форму, дальше и дальше уходя отъ оригинала, послужившаго ей образцомъ; къ этому будетъ толкать жизнерадостная, оптимистическая природа его души, столь же мало похожая на духовную природу Ремизова, сколь мало день походитъ на ночь.

Замятинъ съ легкостью удивительной, безъ всякаго усилия, точно играя, одну фигуру за другой выводитъ на страницы своихъ повѣстей, и хотя фигуры эти временами невѣроятны — онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь убѣдительны, тѣлесны, плотски какъ-то осязательны, что видишь ихъ, ощущаешь, чувствуешь, и какія же могутъ быть сомнѣнія въ существованіи того, что толчется передъ глазами! Въ „Узѣдномъ“, напр., показываетъ онъ намъ молодого парня, у котораго „тяжкія желѣзныя челюсти, широченный четырехугольный ротъ и узенькій лобъ: какъ есть уютъ, носикомъ къверху“, и мы слышимъ его тяжелыя, какъ камни, слова, видимъ костистую, крѣпкую фигуру.

Изъ этого героя узѣднаго романа прямо-таки выпираетъ звѣриное, животное его естество. Но такъ же точно выпираетъ это естество изъ другихъ героевъ Замятина. Замятинъ — художникъ плоти, живой твари, всего, что дышетъ, размножается, плодится. Онъ остро ощущаетъ это земное, плодоносящее; часто говоритъ объ этомъ, любитъ этимъ, случая не упустить, чтобы не остановиться на этомъ лишній разъ.

Люди вообще удаются ему. Онъ умѣетъ находить краткія и выразительныя слова, соберетъ ихъ въ пару строчекъ — и живой человекъ возникаетъ передъ нами, характерный, особенный, на другихъ не похожій. Вотъ, мимоходомъ, набрасываетъ онъ портретъ кучера Ермошки: „кучерявый, силища, чортъ, и черный весь — цыганъ онъ былъ, что ли. Закопченный какой-то, приземистый, весь, какъ узелъ изъ хорошей веревки“. А когда наблюдаемъ, какъ этотъ самый Ермошка гдѣ-нибудь въ уголку (чтобы другіе не видѣли) съ грубой нѣжностью отогрѣваетъ дыханіемъ озябшаго цыпленка (цыплятъ да лошадей любилъ онъ), мы чувствуемъ его душу, несложную, простую, первобытно-хорошую.

Краткость и выразительность не измѣняютъ Замятину на протяженіи всей книги. Это позволяетъ ему втиснуть въ нее цѣлое море людей, и нѣтъ возможности (да и нужды) перечислить всѣхъ двуногихъ, которые пьянствуютъ, безобразничаютъ, томятся, подличаютъ на его страницахъ. Только подивиться можно наблюдательности и званіямъ, которыми располагаетъ молодой писатель. Отъ знанія, вѣроятна, и увѣренность его, сдѣлать и

яркость. Если онъ рисуетъ какого-то дьяконка, сквернословия, пьянчужку и плясуна, у котораго коротенькія ножки и маленькіе глаза, какъ вишенки (ходитъ онъ „вилая задомъ“), то въ этомъ дьяконкѣ нѣтъ ни единой фальшивой черты, и занесенный (опять-таки мимоходомъ) на страницы повѣсти, живетъ онъ своей незабывливой жизнью, потный, смѣшливый, веселый. Приѣхалъ въ „Алатырь“ военный судъ. Предсѣдатель — старичекъ-полковникъ: „худой, съ сѣдымъ бобрикомъ, желудкомъ страдалъ“. Въ исправниковомъ кабинетѣ идетъ допросъ обвиняемыхъ, а полковникъ „съ тоской вслушивается въ себя внутрь: въ животѣ глухо урчитъ“. Кромѣ этихъ словъ о полковникѣ больше ничего мы не слышимъ, но странная вещь: оживаетъ онъ въ нашемъ сознани; это „тоскливое прислушиваніе“ во время допроса, когда рѣшалась судьба человѣка, развѣ не открываетъ какое-то окошечко въ окостенѣвшую душу стараго предсѣдателя военного суда?

Ощущеніе плоти дѣлаетъ полнокровными рассказы Замятина. Оттого-то у него такъ ярки краски, такъ пышны формы; ему любы здоровые, крѣпкіе, расцвѣтшіе люди, румяныя щеки, блестящіе глаза. Для него во всемъ этомъ большая радость и большая красота. Природа не занимаетъ виднаго мѣста въ его вещахъ — Замятинъ городской человѣкъ, душная, пыльная провинція, уѣздный городокъ — вотъ его царство; но въ немъ живетъ любовь къ простору, къ зеленымъ, къ небесной сини, и если (случайно) уйдетъ онъ за городъ, въ деревню, въ лѣсъ, то и здѣсь сразу находятъ нужныя, настоящія, подходящія слова (въ рассказахъ „Чрево“, „Кряжи“). И любитъ онъ человѣка сравнивать съ живымъ кускомъ природы. „Дѣвушка, вся наливная, какъ спѣлая рожь“. А въ другомъ мѣстѣ зарисовываетъ фигурку дѣвушки-прислуги: „Приносила на подносѣ ясноглазая Дашутка, свѣжая — ну, вотъ, послѣ дождя травка“. Больше объ этой Дашуткѣ во всей книгѣ ни полслова, а вся она помнится, точно живая.

Временами, при чтеніи, удивляешься: изображаетъ, напримѣръ, авторъ отвратительную сцену — и не дрогнетъ кисть въ его рукѣ, не намекнетъ даже, что ему сцена эта отвратительна; пріятеля своего предастъ Барыба — и здѣсь авторъ бровью не дрогнетъ, только ухмыляется; показываетъ намъ дикое занятіе монаховъ въ кельѣ: пари держать, въ чей стаканъ съ чаемъ первая муха угодитъ; сидятъ наклонившись, не дышатъ, потные, красные, изнемогаютъ отъ бездвижности — а авторъ все тотъ же, съ улыбкой вырисовываетъ свои картинки. И чтобы онъ ни рассказывалъ: странное или смѣшное, глупое или глубокомысленное, умника ли изображалъ, или дурака сверхъестественнаго — всегда онъ ровень, добродушенъ, съ усмѣшкой на губахъ, не презрительной, не насмѣшливой, а ласковой, мягкой-то, любовной.

Вѣдь такъ онъ изобразилъ свое „Уѣздное“, что тошно на него смотрѣть, мертвечиной несетъ отъ этого соннаго царства безпросвѣтной глупости и пошлости. Гдѣ жъ и разсердиться, какъ не тутъ, гдѣ жъ не бить направо и налево за глупость, за лѣнь, за пошлость? О, попади въ это „Уѣздное“, напримѣръ, Саша Черный, какія свирѣпо-жалющія слова сказалъ бы онъ о герояхъ Замятина! Но въ Замятинѣ нѣтъ сатирической злости. Онъ знаетъ, конечно, что уѣздники его — глупый и несчастный народъ, но вотъ, подите же: любить онъ ихъ такихъ, несчастненькихъ.

И плохи-то они (знаетъ онъ это прекрасно), скабрезники, завистники, злюки, безсовѣстные и такъ далѣе, и такъ далѣе. Но человѣки они, и за одно это готовъ онъ простить имъ многое. Тошно ему отъ ихъ быта, на фонѣ чудесной природы сколько грязи они развели, сколько подлостей натворили, глупостей сколько надѣлали — все это съ улыбочкой, ласково покажетъ намъ Замятинъ, до самыхъ мелкихъ черточекъ обнажить и пошлость, и подлость, и глупость, а гдѣ-то въ уголкахъ отгнѣнить, вмѣстѣ съ тѣмъ, что кромѣ всего прочаго — жалокъ и несчастенъ этотъ народъ. Симпатія къ человѣку грязному, пришибленному, даже одичалому, сквозитъ на его страницахъ. Добродушная ласковость смягчаетъ острую непривлекательность его персонажей. Материаломъ онъ располагаетъ, достойнымъ сатирической плети, распоряжается имъ иной разъ не хуже сатирика, но изъ-подъ кисти его вмѣсто сатиры получается чуть-чуть не идиллія. И все-таки, его любвеобильное сердце не мѣшаетъ ему рисовать эту непривлекательность во всей ея ужасающей наготѣ, безжалостно правдиво, не смягчая ни единой черты, не сглаживая ни одного остраго угла, не дѣлая даже попытокъ хоть сколько-нибудь приукрасить, охорошить созданные имъ образы уѣздныхъ дикарей и дикарокъ.

Прочтешь его книжку, полюбишься пестротой красокъ, стилизованной корявостью языка (Замятинъ говоритъ языкомъ среды, которую живописуетъ; владѣетъ онъ этимъ языкомъ превосходно), — а когда, дочитавъ, отложишь книгу въ сторону, то оказывается, что всѣхъ этихъ своихъ уѣздныхъ монстровъ — толстухъ и лѣнтяевъ, преступниковъ и пьянчужекъ — авторъ вывелъ не спроста; за уродливыми ихъ лицами почуется что-то большое, не беллетристическое. Изъ-за шутокъ да смѣшковъ, изъ-за каррикатурныхъ рожъ провинціальныхъ уродовъ, изъ-за пьяной-распьяной монастырской вельи или домика алатырскаго исправника — глядитъ на насъ какой-то коллективный ликъ, что-то милое и противное вмѣстѣ, привычное, родное, — и такое ненавистное, проклятое, тягостное, — что вновь придвигаешь книгу и всматриваешься: случайно, или умышленно? Простое ли незамысловатое балагурство, или каррикатура, сатира, обличеніе?

* * *

„Уѣздное“ — повѣсть о похожденияхъ нѣкаго глупаго-преглупаго парня, лѣтя и мерзавца. Видимъ мы Барыбу вначалѣ уѣздникомъ-школьникомъ (мимоходомъ съ педагогикой уѣздной знакомимся); потомъ Барыба состоитъ въ любовникахъ при купчихѣ, которая „отъ перекорма ходить не могла“, даже въ баню, около дома, на дрожкахъ ѣздила: вскорѣ прогнала Барыбу купчиха, приревновавъ его къ дѣвчончкѣ-стряпухѣ, которую изнасиловалъ Барыба; видимъ мы затѣмъ Барыбу въ роли лжесвидѣтеля — должность такую ему предоставилъ х.датай Моргуновъ; шатается Барыба отъ бездѣля къ монахамъ — вмѣстѣ съ нимъ у монашковъ пьянственныхъ побываемъ; въ трактирѣ Барыба заглянетъ — съ новыми уѣздными героями познакоимся — цѣлую галерею уѣздниковъ такимъ способомъ показываетъ намъ авторъ, повѣствуя о своемъ героѣ.

Состоитъ повѣсть изъ двадцати шести маленькихъ главокъ — и каждая глава — какъ акварель. Просматриваются акварельки безъ труда — и не замѣтишь, какъ до конца доберешься. Иныя фигуры остановить вниманіе: ну, и уроды! — гдѣ такихъ высмотрѣлъ авторъ; надъ иными посмѣешься, другихъ — побранишь, инымъ посочувствуешь, — а какъ дочитаешь повѣсть до конца, то окажется, что Анфимъ Барыба тутъ не при чемъ, Анфимъ Барыба — предлогъ, и рѣчь къ повѣсти идетъ вовсе не объ Анфимкѣ; маленькія главки одна за другою сливаются въ одну большую главу, растворяются, тонутъ въ общей, единственной картинѣ — и имя этой картинѣ — Русь, уѣздная, темная, провинціальная Россія.

Да, Русь, „съ одного боку“, конечно, потому-то такая уродлива, карикатурная, маловѣроятная. Но такъ и нужно, пожалуй. Безъ преувеличеній, безъ гиперболизма не было бы вѣдь и „Мертвыхъ душъ“. Пусть преувеличенія, пусть шаржъ — но вѣдь изъ шаржа этого глядитъ правда, такая убѣдительная, явственная, безспорная. Повѣсти о какомъ-то уѣздномъ кретинѣ, ворѣ и лжесвидѣтелѣ, или о томъ, какъ алатырскіе обыватели съ тоски и бездѣля валомъ повалили къ князю-почтмейстеру зубрить всемірный языкъ эсперанто (мечта такая была у почтмейстера — всѣхъ людей одному языку научить) — выростають въ картину нравовъ, которая наводитъ на широкія обобщенія, навѣваетъ грустныя мысли, вызываетъ въ памяти иныя имена, которыя другими лишь словами говорили то же самое, все о той же вѣчной темѣ, волновавшей крупнѣйшихъ художниковъ прошлаго и которая дѣлается главной, чуть ли не единственной темой сегодняшней нашей литературы.

* * *

Чапыгинскіе мужики, пригородные мѣшане Никандрога, уѣздные обыватели Замятинъ — да вѣдь это вся почти Русь, съ трехъ

концовъ сразу! Различны социальныя пласты, изображенныя художниками; несходны и художническія темпераменты авторовъ, различно социальное ихъ положеніе, — и, тѣмъ не мѣнѣе, чуть ли не одними глазами посмотрили они на Россію, одни и тѣ же пороки отразили въ своихъ произведеніяхъ, одинъ и тотъ же діагнозъ поставили о состояніи нашей души. Непохожіе, чужіе другъ другу, — они точно условились, не щадя никого — говорить правду, только правду, ничего, кромѣ правды.

Это не случайно. Глубокій смыслъ заключенъ въ постоянномъ вѣзвратѣ художества къ воплощенію черныхъ сторонъ нашего духа. Ощувивъ въ себѣ залежи всяческой скверны, народная душа пытается обьективировать эту скверну въ искусствѣ, чтобы тѣмъ легче отъ нея избавиться. Въ обьективированіи духовной порочности нашей — весь паѳосъ современной нашей литературы, подлинное горѣніе ея, величайшія ея достижения. И хочетъ ли она того, или не хочетъ — ея паѳосъ самобичеванія совершаетъ огромную исцѣляющую работу — ибо кто станетъ отрицать за искусствомъ великую цѣлительную силу?

Вячеславъ Полонскій.

О МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРѢ.

XVIII вѣкъ — начало сословнаго раскола въ сферѣ „музыкальныхъ увеселеній“ русскаго народа и общества. До этого времени — царь и придворные, городская улица и захолустная деревня питались, если можно такъ выразиться, съ одного музыкальнаго стола: искусство скомороховъ и бытовая пѣсня обьединили сословныя полюсы, придавали „музыкальной жизни“ нѣкую общій фонъ, характеръ нѣкоей „всенародности“. Начавшееся въ XVIII вѣкъ „вліяніе Запада“ уже не носило такого всенароднаго характера: западная музыка и сами представители ея съ первыхъ же шаговъ на русскую почву явились предметомъ роскоши, развлеченіемъ слишкомъ дорогимъ, по цѣнѣ недоступными не только „народу“, но и среднему классу городскихъ жителей, — поэтому въ теченіе многихъ десятилѣтій истиннаго вліянія органическаго воздѣйствія на художественныя элементы музыкальнаго творчества, Западъ не имѣлъ и не могъ имѣть. Расширялись лишь пространственно предѣлы доступности культурно-музыкальныхъ достиженій Запада, и то крайне медленно, съ несомнѣннымъ вліяніемъ на это расширение чисто случайныхъ обстоятельствъ: появлялись на горизонтѣ „пріѣзжіе, бассисты“, „славные гарфенисты“ съ нѣмецкими и итальянскими именами; издавались Веверами и Герстенбергами музыкальные ежемѣсячники (вродѣ: „Санктпетербургскій Музыкальный Магазинъ для клавибордовъ или

пiano-форте, посвященный женскому полу и любителям сего инструмента“), существовавшие въ большинствѣ случаевъ всего нѣсколько мѣсяцевъ и прекращавшіе выходъ, не достигнувъ двузначнаго числа выпусковъ; нарождались даже подобія музыкальныхъ школъ, но все втуне — не было налицо сколько нибудь значительнаго спроса на заморскую музыку, и она ютилась у двора и около десятка-другого „меценатовъ“, не прививаясь къ русской почвѣ, не пуская въ ней глубокихъ корней. И лишь тогда, когда въ „общество“ были снова занесены забытые родные напѣвы, оплодотворившіе собою культурную пустыню музыкальнаго города, когда заморское искусство стало къ нимъ приспособляться, интересъ къ музыкѣ сталъ возрастать, достигъ стадіи протеста противъ иноземнаго засилья, и благополучно миновавъ нынѣ эту бурную полосу, ассимилировавъ „національную самобытность“ и „иноземную культуру“, сталъ достояніемъ широкихъ слоевъ общества.

Не скажу, однако, чтобы наша музыкальная дѣйствительность радовала взоръ великолѣпиемъ своимъ и давала намъ право почитать на лаврахъ. Правда, мы имѣемъ „консерваторіи“ даже въ провинціи, не говоря уже о безчисленныхъ частныхъ школахъ и провинціальныхъ отдѣленіяхъ Имп. Рус. Муз. Об-ва; у насъ имѣется налицо постоянная періодическая музыкальная пресса; музыкально-ножныя и книжныя издательства, десятковъ-другой перво-классныхъ авторскихъ и исполнительскихъ именъ, облетѣвшихъ всю „заграницу“, — но по существу все это только „блестящее начало“, только созрѣвшая почва для приложенія широкой инициативы и самодѣятельности, — плоды ея лишь въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, на которое мы и обязаны устремить съ надеждою и сознаниемъ отвѣтственности наши взоры.

Современная русская музыкальная школа?.. да, она не уступаетъ во многомъ тѣмъ образцамъ, по которымъ была нѣкогда создана. Достаточно ли этого? Нѣтъ ли у нея своихъ собственныхъ, назрѣвшихъ, неотложныхъ проблемъ, подлежащихъ немедленному разрѣшенію? Конкретно: удовлетворительно ли даваемое ею русскому юношеству знаніе родной музыкальной старины и народнаго творчества? Достаточно ли просторъ даетъ она индивидуальности ученика, не поработаетъ ли его фантазію насильственнымъ ввѣдреніемъ отжившихъ цѣнностей? Подымаетъ ли его обще-культурный уровень до сознательнаго отношенія къ своей специальности? Увы, — на всѣ эти вопросы приходится дать опредѣленно-отрицательный отвѣтъ. Если подчасъ и выходятъ изъ стѣнъ ея истинно-культурные музыкальные дѣятели — не ея въ томъ вина, не она создаетъ ихъ, — они приходятъ туда лишь за специальной муштровкой, технической выучкой и выходятъ нерѣдко разочарованными даже въ этой узкой сторонѣ дѣла: достаточно указать на то, что „автотипидакты“ выполняютъ

собою составъ специальныхъ „комиссій“, занимаютъ отвѣтственные „критическіе“ посты въ общей прессѣ, представляютъ подавляющее большинство на всяческихъ „съѣздахъ“ и т. д., и т. д., а педагогическій персоналъ и мѣста за дирижерскими пультами до сего дня пополняются культурными иностранцами...

Музыкальная пресса?.. Да, отдѣлъ „Театръ и Музыка“ ведется каждою провинціальною газетою, не говоря уже о столичныхъ; издаются всяческіе еженедѣльники, посвященные музыкѣ и музыкальному театру, специально недавно появился на нашемъ горизонтѣ первый „толстый“ журналъ музыкальнаго искусства „Музыкальный Современникъ“, съ которымъ не смогутъ конкурировать ни по содержанию, ни по внѣшности лучшія специальные заграничныя изданія. И однако? Тому же „Музыкальному Современнику“ съ первыхъ же выпусковъ „Хроники“ пришлось учредить „Лѣтопись музыкальныхъ вандализмовъ“, наполнить отдѣлъ „Среди печати“ образцами безграмотности россійскихъ музыкальныхъ рецензентовъ, отгрызаться ежеминутно отъ индивидовъ, не могущихъ слышать о „музыкальной культурѣ“ безъ пѣны у рта.

Газетная критика?.. Намъ памятенъ великолѣпный жестъ одного изъ лучшихъ представителей ея, сказавшаго однажды (по поводу „Прометей“ Скрябина): „когда же, наконецъ, „критика“ путемъ критики собственныхъ приѣмовъ аргументаціи придетъ къ сознанію необходимости покончить самоубійствомъ?“ Это, дѣйствительно, единственный исходъ, скорѣйшаго наступленія коего можно отъ души пожелать современной газетной критикѣ, почти сплошь бездарной, невѣжественной и далеко не безпристрастной. Что касается „Еженедѣльниковъ“, то они занимаются пропагандой своихъ узкихъ кружковыхъ интересовъ и, не претендуя ни внѣшностью своею, ни содержаниемъ на широкіе круги читателей, кое-какъ влачатъ свое обычно-недолголѣтнее сѣренькое существованье...

„Музыкальный Современникъ“?.. Да, выходя въ свѣтъ первыхъ 5 книгъ его и видимый успѣхъ журнала указываютъ, что „приспѣло время“, что у насъ есть кому, о чемъ и для кого писать. Последняя книга его, посвященная цѣликомъ Скрябину (томъ въ 200 съ лишкомъ стр. больш. формата), является цѣннымъ вкладомъ въ отечественную музыкальную литературу. Однако... ненормальнымъ является уже само положеніе этого журнала-уникума, сгруппировавшаго около себя все музыкально-культурное, безъ внутренней координаціи, необходимой при современной пестротѣ и сложности музыкальной жизни.

Предоставляя проф. Ляпунову редактировать переписку Римскаго-Корсакова съ Балакиревымъ, проф. Витолу — высказаться о книгѣ Арнольда Шенберга, Энгелью — о „чаекомъ музыкаль-

номъ образованіи“, В. Пасхалову — о создавшей цѣлую эпоху книгъ С. И. Танѣва („Подвижной контрапунктъ строгаго письма“), редакция журнала врядъ ли можетъ рассчитывать на то, что читателю всѣ эти матеріалы будутъ поднесены въ желательной ему формѣ. Вынужденная безпартійность „Музыкальнаго Современника“ — далеко не положительное качество для предстоящей ему работы — видѣренія основъ музыкальной культуры въ русское общество.

О музыкальныхъ издательствахъ и вообще о рынкѣ музыкальномъ лучше умолчать, дабы не портить крови себѣ и другимъ. а авторскія и исполнительскія имена, кромѣ принадлежащихъ уже исторіи, находятся въ столь тѣсной зависимости отъ условій этого рокового элемента нашей музыкальной жизни, что, не вскрывая всѣхъ его прелестей, невозможно даже объяснить читателю многихъ до-нельзя странныхъ явленій. Взгляните, въ какомъ нелѣпомъ и недостойномъ нарядѣ предстаетъ передъ публикою часто талантливая и въ массѣ, несомнѣнно, даровитая молодежь, полюбуйте, наконецъ, на „стариковъ“, напр., на безобиднаго и сладкогласнаго „пѣвца любви, пѣвца своей печали“ Гречанинова, щеголяющаго нынѣ въ архискрябинскомъ одѣяніи и пишущемъ даже „церковную музыку“ съ аккомпаниментомъ легкомысленно-шебечущаго оркестра.

И это — у самыхъ очаговъ музыкальной культуры. Что же творится въ отдаленной периферіи? А вотъ что: въ каждомъ домѣ, въ каждой семьѣ имѣются налицо музыкальные инструменты. рѣже. сколько-нибудь приличные, ноты къ нимъ. Самые распространенные изъ этихъ музыкальныхъ орудій: — балалайка, гитара, граммофонъ и фортепиано. Благороднѣйшій изъ инструментовъ, человѣчскій голосъ, въ постыдномъ забросѣ, имѣя его постоянно „при себѣ“, большинство людей въ трезвомъ видѣ имъ совсѣмъ не пользуются. Струнные смычковаго типа — въ умѣренномъ количествѣ, изъ духовыхъ — наиболѣе распространена флейта.

Посмотримъ, что даетъ каждое изъ этихъ музыкальныхъ орудій.

Широкое распространѣніе андреевской балалайки — симптомъ и показатель, во всякомъ случаѣ, антикультурности, ибо этотъ „инструментъ“ даже при идеальномъ владѣніи техникою его отерываетъ поле лишь для очень дешевой виртуозности и до сей поры не имѣетъ, какъ „сольный“ инструментъ маломальски приличной „литературы“. Балалаечный ансамбль могъ бы еще изрѣдка пригодиться для какихъ-либо специфическихъ тембровыхъ эфф. ктовъ (не болѣе того), являясь же замѣстителемъ хора и оркестра. онъ, несомнѣнно, развращаетъ музыкальный вкусъ до систематической привычки слышать то, что хочется, идеализируя всяческую дребедень до полной удовлетворенности впечатлѣніемъ... очень характеренъ въ этомъ смыслѣ примѣръ

съ львовскимъ гимномъ: балалаечники, преодолевшіе безъ гармонического искаженія эту несложную пьесу, исполняютъ ее буквально „вдохновенно“, такъ импонируютъ имъ преодоленные „трудности“ — послушайте, однако, что получается со стороны: грубѣйшая карриатура, до нельзя смѣхотворная, и диву даешься — неужели же эти, иной разъ бородатые, субъекты не чувствуютъ всего ужаса тренькающей молитвы?

. Въ результатъ — полюбуйтесь на студенческие музыкальные кружки, почитайте студенческие литературно-художественные сборники, посмотрите, на какомъ низкомъ уровнѣ стоятъ музыкальные вкусы этой корпорации, ежегодно поставляющей нашему обществу „молодые культурныя силы“.

Гитара вполне заслуживаетъ того, чтобы имѣющіе ее отнеслись болѣе внимательно къ ея техническимъ и художественнымъ средствамъ: для аккомпанимента домашнему сольному пѣнію, но и для сольнаго даже исполненія этотъ инструментъ открываетъ значительныя возможности. У него есть большая и интересная литература, правда, не оригинальная (большею частью фортепианныя и иныя транскрипціи). Въ испанскомъ строѣ при одиннадцати струнахъ возможно исполненіе весьма обширнаго репертуара безъ искаженія его въ гармоническомъ и иныхъ смыслахъ. Бѣда лишь въ томъ, что обычно ограничиваются весьма поверхностнымъ знакомствомъ съ гитарною техникой, а какой же инструментъ, даже самый совершенный, не наложить при такомъ отношеніи къ нему рокового шаблона на исполнителя? Мнѣ приходилось слышать не разъ столь художественное исполненіе на гитарѣ пьесъ большой технической трудности, что я положительно убѣжденъ въ цѣломъ рядѣ преимуществъ этого инструмента даже передъ фотепіано. Во-первыхъ, живой тонъ, непосредственно изъ-подъ рукъ исполнителя, во-вторыхъ, возможность богатѣйшей игры тембрами и главное: возможность внесенія корректива въ темперованную систему въ смѣнѣ гармоній. Размѣръ инструмента и его невысокая въ общемъ цѣна — тоже значительныя преимущества, ибо я думаю нѣтъ человѣка, которому онъ не пришелся бы и по комнатѣ и по карману.

Граммофонъ?.. какъ великолѣпна была идея его творца, и во что обратился онъ въ рукахъ акціонерныхъ компаній въ условіяхъ современнаго рынка! Если бы сочетать конструкцію Пате съ недостающимъ этой фирмѣ приличнымъ репертуаромъ и ввести на каждой пластинкѣ точныя указанія для установки ея на данную быстроту вращенія — мы имѣли бы въ рукахъ могучее орудіе демократизаціи музыкальнаго искусства, распространенія его лучшихъ образцовъ въ широкихъ кругахъ населенія... А теперь?

Не лучшая участь и фотепіано въ музыкальномъ обиходѣ

современности: взгляните на витрины нотныхъ магазиновъ, — какія имена, какія обложки, какая музыка ими прикрыта! И все это изо дня въ день массами засоряетъ музыкальные вкусы рядового обывателя къ вѣщему благополучію гг. музыкальныхъ издателей, ибо цѣны на всю эту сенсационную дребедень — непомѣрныя: какой-нибудь модный вальсъ стоитъ вдвое дороже клавира Моцартовскаго Requiem'a...

Еще одинъ показатель: чистая музыка пропагандируется, главнымъ образомъ, камерными и симфоническими собраніями, затѣмъ слѣдуютъ самостоятельныя выступленія инструментальныхъ солистовъ; пѣвцы и театры несутъ въ публику уже образцы искусства „синтетическаго“. Посѣщаемость тѣхъ или иныхъ концертовъ возрастаетъ у насъ по мѣрѣ приближенія къ „синтетическому полюсу“. Еще не такъ давно провинція отъликала горячо лишь на великопостныя гастроли пѣвцовъ-фаворитовъ, и лишь въ самое послѣднее время, благодаря густой сѣти отдѣлений И. Р. М. О., камерные вечера стали посѣщаться охотно, такъ что въ иныхъ провинціальныхъ городахъ отдѣленіямъ удается имѣть полный абонементъ на всю залу и разовыхъ билетовъ почти не достать. Такихъ городовъ, однако, — разъ, два да и обчелся...

Такова дѣйствительность... Какими путями уйти отъ нея къ лучшему? Путей много, была бы охота твердо вступить на тотъ или иной. Напримѣръ, у насъ весьма и весьма недооцѣниваютъ значеніе не исполняемой, но слушаемой музыки на развитіе музыкальнаго вкуса: несравнимо полезнѣе систематически посѣщать хорошіе концерты, чѣмъ самому копаться въ произведеніяхъ, превосходящихъ по технику „домашнія средства“ любителя; продуктивнѣе въ сто разъ начать обученіе ребенка музыкѣ уже послѣ того, какъ у него налицо значительный запасъ музыкальныхъ впечатлѣній, чѣмъ посадить его за инструментъ до пробужденія въ немъ музыкальной фантазіи и потребности воплощенія звуковыхъ образовъ самостоятельно. Если при этомъ оградить и взрослому и ребенка отъ сомнительныхъ въ художественномъ отношеніи музыкальныхъ развлеченій (наипаче отъ андреевской балабайки) и ввести въ обиходъ чтеніе популярныхъ очерковъ изъ исторіи музыки (содержащей любопытнѣйшія даже для дѣтей страницы), біографическаго матеріала изъ жизни выдающихся музыкантовъ etc..., уже столь несложныя мѣры въ короткій срокъ дадутъ великолѣпные результаты и слѣдующее поколѣніе русскихъ людей будетъ несравненно болѣе культурнымъ въ музыкальномъ отношеніи.

Ars.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Весны, собственно, не было, но была оттепель... Весна въ природѣ создается силами, надъ которыми человѣкъ не властенъ. Политическая весна также доселѣ всегда возникала независимо отъ воли тѣхъ, кто сейчасъ монополюно представляетъ „русское общество“. Политическая весна всегда создавалась силами внѣшними для этихъ группъ. Въ послѣднія недѣли передъ созывомъ Думы эти силы были попрежнему безъ движенія, и весны не было.

Но была оттепель. Къ тому были солидныя основанія въ политической атмосферѣ. Въ самомъ дѣлѣ — за послѣдніе мѣсяцы желающіе могли наблюдать у насъ еще небывалую мобилизацію высшихъ чиновъ правительства. Смѣны были такъ быстры и неожиданны, что и старые служаки французскихъ министерствъ, пожалуй, не запомнятъ такого калейдоскопа калифовъ на часъ. Явленіе это получило у насъ весьма мѣткую кличку: это, говорятъ, ужъ не мобилизація, а министерская чехарда... Министры у насъ, какъ извѣстно, всѣ одного цвѣта. Если присяжные „политики“ и различаютъ цвѣта, то больше здѣсь дѣйствуетъ игра воображенія; для трезваго же обывательскаго взгляда, для его испытанной и многотерпѣливой шкуры едва замѣтны лишь различныя министерскіе оттѣнки. Но въ чехардѣ нынче участвуютъ министры всѣхъ оттѣнковъ. Этимъ пользуется П. Н. Милюковъ для того, чтобы оспаривать у тѣхъ, кто постарше его, и даже совсѣмъ у старцевъ часть лавровъ за устройство чехарды. Еще бы! Свалился несконный врагъ и сокрушитель народнаго представительства. Можно ли сомнѣваться, что причиной могла быть только работа „прогрессивнаго“ блока, невидная обывателю и недоступная его уму? Штюмеръ, конечно, есть Штюмеръ. Но вѣдь Горемыкина-то все-таки нѣтъ. И тутъ же, наконецъ, опубликованъ указъ о четвертой сессіи. Развѣ недостаточно, чтобы „разрѣшить“ нудное затишье, разсѣять безысходную тоску?

Духъ Горемыкина воплотился въ Штюмеръ дѣликомъ. Впечатлѣніе отъ его рѣчи было такъ опредѣленно, декларація настолько не допускала различныхъ толкованій, что даже г. Милюковъ, такой невзыскательный и малотребовательный, еще не сбросившій своей *bonne mine* отъ „побѣды“ надъ бывшимъ премьеромъ, — закончилъ свою рѣчь, въ полномъ минорѣ, словами: „наканунѣ событий, быть можетъ, рѣшающихъ, я проникнуть большею тревогою, чѣмъ когда-либо прежде, и схожу съ этой кафедръ безъ отвѣта, безъ надежды получить его отъ теперешняго кабинета“. — Вся „думская“ позиція Горемыкина-Штюмера состоитъ, собственно, въ томъ, что главы кабинета, съ чрезвычайной послѣдовательностью, держатся въ Думѣ не какъ въ государственномъ учрежденіи, должествующемъ вѣдать высшую политику страны, а какъ въ свѣтскомъ салонѣ, на раутѣ, на банкетѣ;

Но во всякомъ случаѣ нельзя не подивиться тому искусству, той законченности, съ какой ведетъ правительство свою линію въ Гос. Думѣ.

Въ отвѣтъ на грозныя интерпелляціи, на краснорѣчиво обоснованныя рѣчи о величайшихъ опасностяхъ для государства — Горемыкинъ любезно предлагалъ чашку чая. Штюмеръ, освѣдомленный о твердой рѣшимости „блока“ принести его кабинетъ въ жертву побѣдѣ, предлагаетъ свое пониманіе „основъ народной мысли“ и глубоко жизненную программу. „Историческіе устои, въ которыхъ росло и развивалось государство российское, неизблемы, — говорилъ въ своей деклараціи новый премьеръ. — Но связи, основанныя на обычаяхъ и вообще на томъ, что входитъ въ представленіе о русскихъ народныхъ правахъ, опредѣленно замѣняются связями, вытекающими, главнымъ образомъ, изъ интересовъ экономическихъ. Грядущее обѣщаетъ намъ сильную и бодрую Россію, но сложится она путями, которые потребуютъ къ себѣ, съ одной стороны, бережнаго, а съ другой — въ высшей степени осмотрительнаго отношенія... Война пробудила силы народа и оживила его творческія стремленія. На обязанности нашей лежитъ забота о томъ, чтобы путемъ широкаго развитія сельскохозяйственнаго, техническаго и профессиональнаго образованія углубить эти творческія стремленія... Трудъ, трезвость и побѣда — таковы основы народной мысли“. Что же касается „различія мнѣній думскихъ группъ“, то оно „правительству въ значительной мѣрѣ извѣстно“; но „что изъ этихъ мнѣній

можетъ быть принято правительствомъ, и что нѣтъ“ — премьеръ „счелъ бы несвоевременнымъ устанавливать“; да это и совершенные пустяки: „патріотизмъ, господа члены Гос. Думы, — лучший путеводитель даже тамъ, гдѣ партійная страстность, презрѣвъ великія государственной необходимости, соблазняетъ отдаться голосу чувства. Вашъ патріотизмъ подсказываетъ вамъ, въ какомъ направленіи слѣдуетъ вамъ идти, чтобы не отягчать, а наоборотъ всячески облегчать положеніе родной земли въ эпоху столь сложную и при обстоятельствахъ столь исключительныхъ“. — Любопытно было бы посмотреть, кто бы нашелся опровергнуть все это! „Прогрессивный“ блокъ, конечно, и не думалъ опровергать. Онъ пошелъ „по своему собственному пути“.

Прежде всего, декларация „блока“ содержитъ рядъ тяжкихъ обвиненій противъ правительства... „Не сознавшее необходимости національнаго сплоченія“, оно „отвергло мысль всей страны о созданіи всероссійскаго союза обороны“. „Неумѣлыя дѣйствія власти вызываютъ разстройство экономического организма страны, препятствуютъ наилучшему использованию ея природныхъ богатствъ. Отсутствие предусмотрительности и заблаговременно собранныхъ данныхъ о наличныхъ запасахъ, разрозненные заботы объ арміи и о населеніи, произвольныя и невязанныя между собой распоряженія обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ властей, глубокое разстройство подвоза, непомерный ростъ цѣнъ, неправильно появляющіеся и исчезающіе съ рынка продукты первой необходимости, наконецъ, развившіяся на этой почвѣ злоупотребленія и лихоимство, — все это создало картину возбужденія, вовсе не оправдываемаго дѣйствительностью. Положеніе еще осложнилось подозрительнымъ отношеніемъ власти ко всякимъ общественнымъ начинаніямъ и систематическими препятствіями на пути развитія экономическихъ союзовъ взаимопомощи въ средѣ населенія“.

Но что же дѣлать и чѣмъ помочь? — „Прогрессивный“ блокъ, конечно, ставитъ на очередь всѣ тѣ реформы, которыя были выдвинуты еще до войны: городское и земское положеніе, волостное земство, кооперативный законъ, законъ о профессиональныхъ и другихъ экономическихъ союзахъ, содѣйствующихъ борьбѣ съ дороговизной; кромѣ того — легализація и развитіе дѣятельности „Земгора“, военно-промышленныхъ комитетовъ, упроченіе трезвости и т. д. Все это должно быть разработано усилиями третьяковскаго большинства и проведено черезъ верхнюю палату. Но центръ программы не въ этомъ:

„Во главу мѣрь, необходимыхъ для стройной организаціи страны, большинство Государственной Думы продолжаетъ ставить созданіе правительства изъ лицъ способныхъ и знающихъ, сильныхъ довѣріемъ страны, готовыхъ рѣшительно и смѣлѣе примѣнившіеся доселѣ способы управленія и могущихъ работать въ согласіи съ народнымъ представительствомъ, административныя и

законодательныя мѣропріятыя которыхъ могли бы содѣйствовать объединенію страны вокругъ объединенной власти“.

Но какъ же надлежитъ это понимать? — По идимому, блокъ, говоря отъ имени страны, не сомнѣвается, что его собственный составъ и примыкающія группы пользуются довѣріемъ страны. Иная „ситуація“ не мыслима. Что же, блокъ считаетъ нужнымъ самъ выдвинуть правительственный составъ и взять на себя великое бремя власти?.. Сохрани Богъ! „Всеобщее желаніе, предупреждаетъ онъ, чтобы страна могла довѣрять своему правительству, было ложно истолковано, какъ лозунгъ борьбы за власть“. Но позвольте, вѣдь не хотятъ же они сказать послѣ всѣхъ выше приведенныхъ обвиненій существующей власти, что дѣло въ странѣ, а не въ правительствѣ, и пусть страна довѣряетъ всякому правительству, лишь бы была едина? Чего же хотятъ они? Или они надѣются, что до добра ихъ доведетъ продолженіе современной „чехарды“?

Можетъ быть, они стремятся, по крайней мѣрѣ, „развязать“ общественныя силы и въ интересахъ народной самодѣятельности стремятся дать намъ свободу? Помилуй Богъ! Нигдѣ никто въ предѣлахъ „блока“ объ этомъ и не заикался. Но какъ же, наконецъ, формулируется въ ихъ глазахъ политическая проблема и ихъ собственная конкретная задача момента? Вѣроятно, объ этомъ говорятъ заключительныя слова деклараціи:

Единственный путь.

Оставляя отвѣтственность за промедленіе (въ созывѣ Думы) на правительствѣ, которое въ минуты величайшей опасности лишило страну необходимой поддержки ея законныхъ представителей, большинство Государственной Думы еще разъ настойчиво напоминаетъ, что опасность, грозящая нашей родинѣ, отнюдь не миновала, что средства борьбы съ нею продолжаютъ бессистемно и безцѣльно расточаться или остаются неиспользованными, что нужны величайшая бдительность и энергія для исправленія сдѣланныхъ ошибокъ, и что путь къ этому исправленію только одинъ... (Шидловскій дѣлаетъ полуоборотъ, и послѣднія слова произноситъ, обращаясь къ правительственнымъ скамьямъ, смотря въ упоръ на Штюрмера). Это тотъ путь искренняго, — не на словахъ, а на дѣлѣ, — обращенія къ силамъ русской общественности, который уже полгода назадъ въ полномъ согласіи со страной указанъ значительнымъ большинствомъ Государственной Думы.

Нужны ли комментаріи къ этимъ золотымъ словамъ! Raison d'être и задача „блока“, не „ложно“, а правильно истолкованная, заключается въ томъ, чтобы „еще разъ настойчиво напомнить“ о фактахъ, „указанныхъ полгода назадъ въ полномъ согласіи со страной“. И на правительствѣ лежитъ тягчайшая отвѣтственность за то, что оно не дало блоку „напомнить“ объ этихъ фактахъ раньше и тѣмъ привело страну чуть не на край гибели. На цитированныхъ словахъ деклараціи и закончилось историческое засѣданіе. Встрѣча состоялась.

Затѣмъ разошлись въ разныя стороны и обратились къ привычному очередному дѣламъ. Незыблемая вѣдомственная работа

.
.
.
.
.
нопрежнему определяется своими особыми законами, не имѣющими никакой связи съ думскими „напоминаніями“, „вопросами“, „запросами“, всенародными громовыми рѣчами, закулисными „ходами“ и кулуарными сплетнями.

Дума же, исполнивъ свои обязанности по части „напоминанія“, покончила тѣмъ самымъ съ общеполитической проблемой и не вспоминаетъ о ней. Началась „органическая работа“, т. е. работа по укрѣпленію существующаго курса „штопаньемъ дыръ“. Третьеюньское большинство уже успѣло за четвертую „военную“ сессию подарить насъ закономъ о цензурѣ, ухудшившимъ положеніе печати. Не мало полезныхъ заплатъ будетъ положено на незабронированныя части бюджета. Чтобы дать патріотическое дѣло верхней палатѣ, будутъ проведены еще нѣкоторые изъ намѣченныхъ законовъ, достойныхъ того же третьеюньскаго большинства, именуемаго нынѣ „прогрессивнымъ блокомъ“.

Праздники кончились. Вошла въ обычную норму психологія людей, которые чего-то ждали, которые забавляли себя вопросомъ, „какъ они встрѣтятся“. Надежды (на новыя „напоминанія“) снова рухнули. Прежняя нудная, разлагающая атмосфера снова царитъ въ Таврическомъ дворцѣ и въ „передовомъ обществѣ“. Правда, шума, суетни, обличеній, разоблаченій, предупрежденій „еще“ и „еще разъ“ — хоть отбавляй. Но атмосферы все это не освѣжаетъ. Слишкомъ еще близко „напоминаніе“ со стороны власти, какъ умѣетъ она встрѣчать эти проявленія „политической борьбы“. Снова мракъ безъ просвѣта и стѣна безъ выхода.

Но какія же силы способны положить конецъ нашему внутреннему кризису? — Быть можетъ, группы и слои „прогрессивнаго блока“ вообще не суть политическая величина и вообще не имѣютъ средствъ двинуть событія? Такъ утверждалъ въ Думѣ, напр., Марковъ 2-й: у крайнихъ лѣвыхъ, говорилъ онъ, еще есть въ распоряженіи реальная сила, а у „блока“ — одни только слова. Такъ ли это? Объективно — это ни въ какомъ случаѣ не такъ. Наша „мобилизованная“ буржуазія есть огромная реальная сила. У нея нѣтъ политическаго воспитанія и недостаточно государственнаго смысла. Но, объективно, она могла бы стоять въ центрѣ нашей политической жизни, могла бы не давать поводовъ вспоминать о театрѣ маріонетокъ. И даже въ предѣлахъ существующей парламентской борьбы она могла бы сыграть рѣшающую роль въ разрѣшеніи кризиса.

Однако, передъ нами, субъективно, дряблая обыватель-

ская масса, доведенная до состоянія общественнаго маразма. На психику дѣйствуютъ уже только чрезвычайныя ощущенія. И только чрезвычайныя внѣшнія событія, повидимому, нынѣ могутъ разрѣшить положеніе.

„Гг., — говорилъ недавно въ Думѣ депутатъ Шингаревъ, — насъ, великую Россію всегда учили съ боемъ. Выучила насъ послѣ удѣльныхъ княжествъ татарская разруха, учило насъ смутное время и борьба Минина, училъ насъ Петръ въ борьбѣ со шведами, учились мы въ первую великую Отечественную войну. Послѣ Крымской войны и развала государственнаго строя того времени мы получили освобожденіе крестьянъ, эпоху великихъ реформъ. Послѣ японской войны мы приобрѣли начала конституціи. Послѣ этой войны русскій народъ долженъ приобрести свободу. Въ самомъ дѣлѣ, гг., какая власть можетъ управлять страной безъ народнаго довѣрія безъ нравственнаго авторитета, безъ союза съ населеніемъ? Какая власть можетъ управлять страной, гдѣ не доблесть, не талантъ, не доброе имя, не знанія служатъ причиной призыва къ власти, а случай, фаворитизмъ и больше ничего.“

Правда, въ разсужденіяхъ почтеннаго депутата — не все логически и исторически благополучно. Въ Отечественную войну (какъ и въ благоразумно пропущенную Турецкую 1877 г.) не насъ, а мы учили съ боемъ; и естественно, что пользы отсюда, согласно схемѣ Шингарева, наша общественность не извлекла. Непонятно, почему и „послѣ этой войны русскій народъ долженъ приобрести свободу“: настоящее положеніе дѣлъ говорить именно о томъ, что власть у насъ можетъ управлять страной безъ народнаго довѣрія. Но правильно разсуждаетъ ден. Шингаревъ: русское „общество“ не выучить безъ боя.

. у насъ привилась и укоренилась кличка „пораженцы“. Употребляется она въ разныхъ смыслахъ и нерѣдко разсылается по противоположнымъ адресамъ. Называютъ такъ людей, желающихъ военнаго пораженія Россіи; называютъ такъ „интернаціоналистовъ“, стремящихся къ скорѣйшему прекращенію войны, независимо отъ военныхъ усилій: называютъ и тѣхъ, кто своей дезорганизующей дѣятельностью создаетъ условія для пораженія Россіи. Но, думается, не менѣе, а болѣе справедливой была бы эта кличка по отношенію къ четвертой категоріи людей — именно тѣхъ, кто не иначе, какъ съ боемъ учится общественному долгу и политическому уму-разуму.

Когда началась у насъ „мобилизація промышленности“? Когда зашевелилась наша буржуазія? Когда началась и кончилась эпоха „московскихъ резолюцій“? Когда, за весь военный періодъ, мы пережили эпоху весны и были „наканунѣ“?... Вотъ, гдѣ, пожалуй, истинный смыслъ „пораженства“ и его истинные представители. Патріотическіе порывы нашей передовой буржуазіи, ея гражданскія чувства, ея политическая энергія просыпаются только тогда, когда Ганнибаль ломится въ ворота; и на

Ганнибала спекулируетъ все ихъ современное „движеніе“. Девизъ ихъ — безъ боя ни шагу... Не будетъ, должно быть, и нынѣ иного конца маразму. Рискнетъ ли теперь кто-нибудь опровергать схему депутата Шингарева? Но вмѣстѣ съ тѣмъ — понимаемъ ли мы, русскіе граждане, весь ея ужасающій трагизмъ!..

* * *

Надо, однако, признать, что положеніе нашей прогрессивной буржуазіи дѣйствительно чрезвычайно трудное. Оно стало таковымъ съ самаго начала войны, и дальнѣйшія событія не облегчали его, а все болѣе запутывали; и они дѣлали его все болѣе и болѣе ложнымъ. Борьба на два фронта, несомнѣнно, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, которое связываетъ руки и, по существу своему, обрекаетъ наше общество на перманентное состояніе трагика, кричащаго: „держите меня!“ „Держать“ должна внѣшняя опасность, задачи войны, которыя выставляются, какъ главнѣйшія, очередныя задачи; дѣйствительнымъ же объектомъ текущей политической борьбы являются для нашей прогрессивной буржуазіи именно внутреннія „цитадели“, — и на дѣлѣ именно эта борьба составляетъ все содержаніе „политическаго момента“. Такого положенія нѣтъ ни въ одной воюющей странѣ: такія задачи не стоятъ передъ обществомъ нигдѣ на Западѣ; вездѣ стоятъ на очереди лишь „заплаты“, а не коренной пересмотръ „всей системы управленія“.

Наша либеральная буржуазія и до войны вела посильную борьбу съ „режимомъ“, и до войны признавая его несостоятельнымъ. Но съ началомъ войны г. Милуковъ провозгласилъ, что „долгъ оппозиціи — не дѣлать оппозиціи во время войны“. Несостоятельному режиму былъ данъ кредитъ (всякаго рода), была оказана единодушная поддержка для одолѣнія внѣшняго врага. Этотъ выходъ былъ въ глазахъ „общества“, несомнѣнно, зломъ, но — наименьшимъ и необходимымъ. Позиція „оппозиціи“ была вполне послѣдовательна и, естественно, вытекала изъ ея отношенія къ внѣшнимъ событіямъ. — Но за длинный рядъ мѣсяцевъ, при тѣхъ же объективныхъ условіяхъ, подъ вліяніемъ „науки съ боемъ“, настроеніе нашей буржуазіи радикально видоизмѣнилось, и „очередная задача“ раздвоилась. Нынѣ уже снова поставлена во весь ростъ наша вѣковая внутренняя проблема.

Правда, вопросъ теперь получилъ совершенно своеобразную постановку: о внутреннихъ задачахъ у насъ говорятъ не иначе, какъ для войны. „Все для войны“. Мало того, — даже лѣвыя наши группы, имѣющія голосъ въ „обществѣ“, съ начала войны даютъ намъ совершенно новое пониманіе ихъ общественныхъ воззрѣній и задачъ: „внутреннее устройство“ утратило свое самостоятельное значеніе и стало лишь средствомъ организаци

внѣшней побѣды: демократизація для обороны. Или, — какъ говорилъ въ Думѣ лѣвый депутатъ Бурьяновъ. — „борьба за политическое освобожденіе Россіи есть главное условіе успѣха въ защитѣ отъ внѣшней опасности“. — Однако, не ясно ли, что все это гладко лишь на словахъ и болѣе чѣмъ рискованно на дѣлѣ. Во время катастрофы предлагается рѣшить вѣковую задачу, о которую разбились цѣлыя поколѣнія. Во время пожара, для его успѣшной ликвидаціи, надо перестроить домъ изъ болѣе огнеупорнаго материала, а предварительно добыть на то права, .

Тутъ дѣйствительно есть надъ чѣмъ стать втупикъ. Словесный мостъ — отъ переустройства къ побѣдѣ — совершенно не разрѣшаетъ дѣйствительной ложности положенія. Онъ ни въ какой мѣрѣ не развязываетъ рукъ нашей либеральной буржуазіи.

Вѣдь если въ былыя времена надлежащая постановка политической проблемы была для нея просто неносильна, то теперь она стала и крайне опасной. Если раньше либеральная буржуазія не умѣла взять быка за рога, то теперь она не смѣетъ этого. Ей попрежнему хочется власти, но теперь власть колетъ чрезвычайно больно. Умѣнья бороться за власть сейчасъ не прибавилось; но взять сейчасъ власть для побѣды — для этого должна быть такая рѣшимость, такое мужество, какихъ заимствовать, пожалуй, и неоткуда. Ни у кого вѣдь не можетъ быть данныхъ, что „система управленія“ самого блока способна обезпечить желанную полную побѣду: но для всѣхъ во всякомъ случаѣ, ясно, что самый процессъ всей современной внутренней борьбы, привлекая къ ней всѣ общественныя силы, далеко не укрѣпляетъ дѣйствующаго военно-оборонительнаго аппарата. Потому-то нѣкогда и культивировался такъ лозунгъ единенія съ дѣйствующею властью; потому-то и провозглашался отказъ оппозиціи отъ оппозиціи.

Если при такихъ условіяхъ говорить, что внѣшняя задача неразрѣшима безъ предварительнаго рѣшенія внутренней, то передъ нами просто безнадежный взглядъ на внѣшнія событія. Для внутренней же проблемы теоретически мыслимъ только одинъ выходъ: узаконить иное отношеніе къ внѣшнимъ событіямъ, чѣмъ то, какое свойственно всей Думѣ — отъ Маркова 2-го до Бурьянова. Но совершенно ясно, что это лишь теоретически мыслимо, практически же совершенно абсурдно: ибо внѣшняя задача, какъ бы что ни было, на первомъ планѣ... При такихъ исключительно трудныхъ условіяхъ наше „общество“ силою вещей топталось бы на мѣстѣ, если бы было и не такимъ, каково оно есть.

Текущая парламентская сессія прекрасно продемонстрировала эту ложность положенія нашей буржуазіи. Внѣшнимъ событіямъ, войнѣ и отношенію къ ней — при „встрѣчѣ“ было удѣлено, ко-

нечно, особое вниманіе. И, конечно, въ устахъ правительства война играла роль громоотвода или... „чашки чая“. Что, въ самомъ дѣлѣ, могла тутъ противопоставить думская „оппозиція“?

„Война до рѣшительной побѣды, — заключилъ свою декларацию министр-президентъ, — единственное, что должно руководить всѣми нашими помыслами, стремленіями и дѣйствіями. Во имя этого мы должны изыскать пути къ тому, чтобы никакія внутреннія разногласія не смущали нашей душевной бодрости. Будемъ учиться бодрости у нашихъ сыновей и братьевъ, которые делятъ миръ своимъ мужествомъ и спокойствіемъ героевъ тамъ, на передовыхъ позиціяхъ, подъ вражескимъ огнемъ. Не будемъ разсѣивать нашего вниманія. Событія слишкомъ огромны“.

Г. Дума могла только подписаться подъ лозунгомъ — „все для войны“; и даже, согласно обычаю либеральныхъ круговъ, борясь съ воображаемымъ „правымъ“ германофильствомъ и демонстрируя передъ правыми же свой патриотизмъ, прогрессивный блокъ особо подчеркнул свое отношеніе ко всякаго рода „нацистскимъ“ тенденціямъ... „Путь къ побѣдѣ будетъ пройденъ до конца“; Дума „съ негодованіемъ отвергаетъ всякую мысль о преждевременномъ окончаніи войны, непрочномъ и временномъ компромиссѣ“. — Въ такомъ настроеніи Дума совершенно единодушна. Единственнымъ диссонансомъ можетъ считаться выступленіе с.-д. Чхеидзе, рѣчь котораго газета „Рѣчь“ справедливо назвала умѣреннѣйшей и корректнѣйшей рѣчью социалиста-антимилитариста. „Одно, — говорилъ Чхеидзе, — выяснилось въ достаточной степени — это то, что человѣчество за все время своей исторіи не было еще свидѣтелемъ такой лжи и лицемерія, которыя наблюдаются въ настоящее время. Куда дѣвались тѣ великіе лозунги, во имя которыхъ война была провозглашена?“ И Чхеидзе напоминаетъ объ иныхъ лозунгахъ, провозглашенныхъ на социалистической „циммервальдской конференціи“, гдѣ „интернационалисты“ постановили бороться за немедленное прекращеніе кровавой борьбы народовъ, протестовали противъ военныхъ насилій и противъ рѣшенія международныхъ споровъ методомъ войны.

Однако „военной“ позиціи с.-д. депутата не раздѣлили даже его собствкные бывшіе коллеги. Вслѣдъ за Пуришкевичемъ, который опровергалъ Чхеидзе доводами Плеханова, депутаты Маньковъ и Бурьяновъ, бывшіе члены с.-д. фракціи, въ вопросѣ о войнѣ и побѣдѣ, присоединились ко всей Думѣ. Они сообщили, что „димервальдская конференція“ интернационалистовъ для нихъ совершенно не авторитетна и, „выражая, по ихъ словамъ, взгляды огромнаго количества русской социаль-демократіи“, они призывали „демократію къ рѣшительной побѣдѣ надъ внѣшнимъ врагомъ и надъ внутренними препятствіями, мѣшающими побѣдѣ и свободной жизни Россіи“... Националистская позиція Думы въ вопросахъ войны и мира — совершенно естественна и необходима. Она, въ сущности, и не нуждается въ особомъ обоснованіи: ибо она коренится въ самой природѣ воззрѣній и въ самой психологіи гражданъ, связанныхъ всѣмъ своимъ жизненнымъ укладомъ, всѣми своими интересами съ основами современнаго общественнаго порядка.

* * *

А тѣмъ временемъ — все же „такъ жить нельзя“. Правда, газеты единодушно отмѣчали, что думскія пренія по смѣтѣ наиболѣе одіознаго министерства (внутреннихъ дѣлъ) уже „не дали ничего новаго“, ничего не прибавили „къ нарисованной уже кар-

тинѣ, сущность которой остается неизмѣнной — не только въ общемъ, но и въ подробностяхъ“ (Рѣчь, 2 марта). Дѣйствительно, мы притерпѣлись, привыкли и вышколены на диво. Всѣ факты и „штрихи“ кажутся старыми. Давнымъ давно вошли мы въ ту стадію, когда ни одинъ анекдотъ уже не вызываетъ апріорныхъ сомнѣній. И немудрено, что передъ журнальнымъ „внутреннимъ обозрѣвателемъ“ встаетъ вопросъ, какіе же, въ концѣ концовъ, факты нашей внутренней жизни подлежатъ обозрѣнію? Стоитъ ли вообще касаться этихъ фактовъ? Способны ли они внести хоть что-нибудь новое въ трафаретную, давно переваренную и болѣе не дѣйствующую на насъ оцѣнку явленій?..

Правда, „Рѣчь“ снова хочетъ увѣрить, утѣшить, усыпить обывателя тѣмъ,

„что у Гос Думы есть свой планъ, и что отъ осуществления этого плана не могутъ отклонить ее никакія постороннія интриги, никакія хитрыя западни и ловушки. Гос. Дума идетъ своимъ путемъ, и скоро всей странѣ станетъ ясно, что съ появленіемъ прогрессивнаго блока, въ парламентской жизни очень многое перемѣнилось, что кончилось безкомпромиссное топтанье на мѣстѣ, замѣнившись равнымъ и спокойнымъ шагомъ впередъ, къ достиженію намѣченной цѣли“.

Еще бы, блокъ создалъ и блокомъ управляетъ П. Н. Милюковъ, который, по словамъ Маркова 2-го, „какъ былъ высѣченъ изъ камня кадетъ, такъ и остался имъ“. У Думы есть свой планъ, блокъ равнымъ шагомъ идетъ къ своей цѣли. И пусть не клеветаютъ на него тѣ, кто, какъ Марковъ 2-й, не читалъ блокового соглашения. Депутатъ Савенко разсѣялъ клевету и напомнилъ обывателю, что онъ

не найдетъ въ программѣ блока ни отвѣтнаго министерства, ни отчужденія земель, ни общаго избирательнаго права, ни даже еврейскаго равноправія. По еврейскому вопросу сказано буквально слѣ-

дующее: дальнѣйшіе шаги къ отмѣнѣ черты еврейской осѣдлости, облегченію доступа въ учебныя заведенія, отмѣнѣ стѣсненій въ выборѣ профессіи, восстановленію еврейской печати. Вотъ и все.

Вотъ и все. Какъ былъ высѣченъ изъ камня кадетъ, такъ и остался. 29 февраля утѣшалъ и усыплялъ онъ обывателя думскимъ „планомъ“ и близкимъ „достиженіемъ намѣченной цѣли“. А на другой день, 1-го марта, онъ снова суетъ въ руки обывателю разбитое корыто.

Простыя истины, давнымъ давно извѣстныя. И въ самой Гос. Думѣ изъ года въ годъ эти рѣчи неизмѣнно повторяются. Много уже мѣнялось за время существованія Гос. Думы руководителей вѣдомствъ, но курсъ оставался неизмѣннымъ и въ отвѣтъ на горячія рѣчи, на страстные обвиненія, раздавались лишь варіаціи на одну основную тему, столь рѣзко поставленную А. А. Макаровымъ: такъ было, такъ будетъ! („Рѣчь“).

Вотъ и все. Такъ было, и такъ будетъ.

Лѣтописецъ.

НЕДОСѢВЪ И СЕЛЬСКІЕ ХОЗЯЕВА.

Вопросъ о „недосѣвѣ“ и о паденіи хлѣбной продукціи страны сталъ очередною проблемой нашего тыла. И немудрено. Подобно тому, какъ всякое количество можетъ перейти въ качество, наша дороговизна уже перешла въ „продовольственный вопросъ“, а послѣдній нынѣ готовъ перейти въ проблему добыванія насущнаго хлѣба для самихъ обитателей житницы Европы. Официальными органами, — земствами, вѣдомствомъ сельскаго хозяйства, Гос. Думой, — зарегистрировано рѣзкое паденіе нашего сельскаго хозяйства и сокращеніе посѣвныхъ площадей. По даннымъ вѣдомства земледѣлія недосѣвы на 1916 годъ опредѣлились по отдѣльнымъ районамъ такими цифрами: *

Осталось незасѣянной % обычной площади.

въ Донской обл.	37	въ Астраханск. г. (Чернояр. у.).	50
„ Самарской губ. (Новоуз. у.).	23	„ Ставропольск. губ.	26
„ Саратовск. губ. (Камыш. у.).	23	„ Харьковск. губ. (Купянск. у.).	35
„ Саратовск. губ. (Щарицк. у.).	50	„ Полтавск. губ. (Полтавск. у.).	38
„ Воронеж. губ. (Богучар. у.).	33	„ Екатериносл. губ. (Алекс. у.).	40
„ Воронежской губ. (Новохо-		„ Херсонск. губ. (Тирасп. у.).	43
перскій у.).	25—33	„ Таврич. губ. (Симфероп. у.).	50

Слѣдующая сплошная область недосѣва отмѣчена въ юго-восточной Россіи и въ Приуральѣ — въ Оренбургской губ. до 20%, а въ Пермскомъ Зауральѣ до 40%.

Какъ видимъ, рѣчь идетъ о крайне сильномъ подрывѣ

* См. „Торг.-Пром. Газета“, № 25 за 1916 г.

производства, отмѣченномъ официальными данными по всей земледѣльческой Россіи.

Относительно причинъ недосѣва встрѣчаются слѣдующія указанія: сокращеніе сельскохозяйственнаго кредита Государственнымъ Банкомъ и банками коммерческими, опасеніе реквизиціи по цѣнамъ ниже издержекъ производства, неблагоприятная погода въ концѣ лѣта 1915 г. (дожди затянули уборку), недостатокъ рабочаго скота вслѣдствіе мобилизацій, наконецъ, недостатокъ наемныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ („рабочихъ рукъ“) и повышение заработной платы („цѣны на рабочія руки“). Какъ видитъ читатель, недостатокъ рабочихъ и повышение заработной платы, — вовсе не единственная причина недосѣва. Что же касается заработной платы, то о повышеніи ея можно судить разнo. Напримѣръ, „цѣны на рабочія руки“ въ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, по словамъ корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей“, установились „небывало высокія“: въ іюнѣ, во время сѣнокоса, платили мужчинѣ 2 р., а женщинѣ 1 р. 20 к.; во время жнитва цѣны поднялись мужчинѣ до 2 р. 50 к. и женщинѣ до 1 р. 50 к. Можетъ быть, читатель найдетъ, что такія цѣны вовсе не высокі для моментовъ исключительнаго напряженія, — для жнитвы и сѣнокоса, — но, очевидно, сельскіе хозяева и либеральная газета держатся иного мнѣнія...

Извѣстія о недосѣвѣ, какъ мы видѣли, идутъ, главнымъ образомъ, изъ губерній многоземельныхъ, — южныхъ, юговосточныхъ, восточныхъ и сибирскихъ; отсюда же идутъ и самыя настойчивыя жалобы на недостатокъ наемныхъ рабочихъ и на повышение заработной платы. Начинается изысканіе способовъ къ привлеченію рабочихъ. Иногда проекты носятъ вполне определенный характеръ: привозъ китайцевъ и корейцевъ (сѣздъ землевладельцевъ Николаевского у. Самарской губ. и самарское губернское земское собраніе), требованіе доставить плѣнныхъ и т. п.; въ Крыму, по газетнымъ извѣстіямъ, „возникъ даже своеобразный планъ прикрѣпленія рабочихъ къ хозяину“ (Р. В. 10 дек. 1915 г.). Но значительно чаще проекты и резолюціи говорятъ о мѣрахъ, которыя соотвѣтствуютъ, — по крайней мѣрѣ по внѣшности, — запросамъ болѣе прогрессивнымъ: „объединеніе сельскихъ хозяевъ“, „организація рабочей силы“, „снабжение населенія рабочими руками“ и т. п.; сверхъ того, очень распространено требованіе увеличить отпускъ плѣнныхъ на сельско-хозяйственныя работы.

Автору настоящей статьи случилось присутствовать на сѣздѣ сельскихъ хозяевъ уѣзда, сильно пострадавшаго отъ недосѣва. И думается, что читателю не безынтересно будетъ ознакомиться съ тѣмъ конкретнымъ содержаніемъ, которое заключается въ такихъ формулахъ общаго характера, какъ „объединеніе сельскихъ хозяевъ“ или „организація рабочей силы“, когда эти формулы исходятъ отъ хозяевъ.

Съѣздъ, о которомъ идетъ рѣчь, состоялся въ гор. Покровскѣ Новоузенскаго уѣзда. Самарской губерніи; но по характеру своихъ сужденій и по составу участниковъ, онъ имѣлъ далеко не одно только мѣстное значеніе. Напротивъ, онъ долженъ быть признанъ крайне характернымъ для всей современной постановки въ нашемъ обществѣ вновь возникшей всероссійской экономической проблемы. Съ этой современной ея постановкой мы вполне можемъ ознакомиться по нижеслѣдующему описанію съѣзда въ бывшей Покровской Слободѣ.

Послѣ перваго інформаціоннаго доклада руководителя самарской земской статистики, извѣстнаго Г. И. Баскина, второй докладчикъ, кievскій профессоръ Кованько, говорилъ о позиціи сельско-хозяйственной Россіи при заключеніи мира съ Германіей: нужно требовать уничтоженія германцами хлѣбныхъ пошлинъ и вывозныхъ свидѣтельствъ, а потому сейчасъ нужна „война до конца, во что бы то ни стало, во имя экономической борьбы“. Рѣчь профессора имѣла шумный успѣхъ. Въ отвѣтъ на аплодисменты предсѣдатель собранія, профессоръ Воблѣй, между прочимъ признался, что имъ, кievскимъ профессорамъ, съ самаго начала войны было извѣстно, что у германцевъ хлѣба достаточно. Отмѣчаю это признаніе для сопоставленія съ кампаніей либеральныхъ газетъ по данному вопросу.

Свой собственный докладъ проф. Воблѣй началъ съ указанія на великое значеніе урожая для Россіи: урожай является основой государственнаго бюджета, международнаго торговаго баланса и спроса на продукты промышленности; забылъ только указать на роль урожая въ народномъ питаніи. Это отчасти случайность: привыкъ человекъ говорить только передъ городской буржуазной аудиторіей. Но отчасти и не случайность: въ дальнѣйшимъ изложеніи профессоръ выдвинулъ необходимость помощи „прежде всего крупнымъ посѣвщикамъ“. Только такіе посѣвщики не ускользаютъ изъ поля зрѣнія представителя нашей науки; а для владѣльца тысячь десятинъ урожай, какъ основа личнаго питанія, дѣйствительно не имѣетъ значенія. Крупнымъ посѣвщикамъ проф. Воблѣй рекомендовалъ организоваться въ сельскіе и волостные комитеты по обмѣненію полей съ уѣзднымъ комитетомъ въ центрѣ, и съ агентами на мѣстахъ выхода рабочихъ; задача комитетовъ, прежде всего, устранить конкуренцію между хозяевами при наймѣ рабочихъ, — „гибельную для хозяевъ“. Далѣе, для борьбы съ недосѣвомъ желательна единая организація на весь пострадавшій районъ. Но гдѣ достать „рабочія руки“? Прежде всего, — нашимъ плѣннымъ плохо живется въ Германіи, поэтому нужно принудить работать германскихъ плѣнныхъ. Трудоспособныхъ бѣженцевъ нужно лишить пайка; создать уѣздныя мастерскія для починки машинъ (машинныя товарищества); ввести общественныя за-

пашки; организовать рабочія дружины изъ учащихся, которые успѣли уже убѣдиться, что физическій трудъ оплачивается выше интеллигентнаго; при уѣздныхъ комитетахъ необходимы подвижные рабочіе отряды; и вообще, должна быть организована „армія труда“, подобно тому какъ существуетъ армія для борьбы съ непріателемъ.

Рѣчь Воблаго имѣла еще большій успѣхъ, чѣмъ рѣчь Кованько.

Слѣдующій докладчикъ, В. П. Милютинъ, нѣсколько расколодилъ настроеніе. Онъ говорилъ что военноплѣнные уже почти использованы, и на нихъ нечего особенно разчитывать; ихъ трудъ — подневольный, сопряженный съ нежелательными репрессіями, „рабскій“; бѣженцы — на 90% нетрудоспособны; можно надѣяться только на вольныхъ рабочихъ. Необходимо поэтому урегулированіе рабочаго рынка, такъ какъ бѣда не въ недостаткѣ рабочихъ вообще, а въ дезорганизациі найма. У насъ уже имѣются биржи труда; теперь образовалось всероссійское бюро труда земскаго и городского союзомъ; въ мѣстахъ найма сельскихъ рабочихъ необходимо учредить отдѣленія или конторы городскихъ биржъ труда.

Какъ я сказала, настроеніе съезда опредѣлилось уже послѣ профессорскихъ докладовъ; но болѣе яркую формулировку получило оно въ докладѣ мѣстнаго крестьянскаго (Дергачевскаго) сельско-хозяйственнаго общества. Дергачевцы жалуются, что ѣздили и въ Петроградъ съ хлопотами о доставленіи „рабочихъ рукъ“, но безуспѣшно. Плѣнные работаютъ плохо: уходятъ съ работъ и, „къ сожалѣнію, безнаказанно“; представители военнаго вѣдомства, завѣдующіе плѣнными, стоятъ на ихъ сторонѣ. Поэтому необходимо: 1) Завѣдываніе военноплѣнными передать въ министерство земледѣлія; 2) создать для распредѣленія ихъ особый комитетъ изъ представителей отъ сельскихъ обществъ, кредитныхъ товариществъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ; 3) для понужденія плѣнныхъ къ работѣ учредить спеціальныя комитеты стражниковъ; 4) за уклоненіе отъ работы ввести наказаніе военноплѣнныхъ по законамъ военнаго времени.

Встрѣченный горячими аплодисментами огромнаго большинства собранія (человѣкъ около 300) докладъ дергачевцевъ явился переходомъ отъ изложенія взглядовъ наѣзжихъ горожанъ къ высказываніямъ „людей земли“, то есть къ преніямъ. Первымъ говорилъ крестьянинъ Диденко, начавшій рѣчь съ протеста противъ предложенія проф. Воблаго помогать въ первую очередь только крупнымъ посѣвщикамъ: мелкіе хозяева, вслѣдствіе мобилизаций, также нуждаются въ трудѣ военноплѣнныхъ, и профессоръ напрасно думаетъ, что „бѣднота все выносить на своемъ горбу“. Далѣе Диденко жаловался на плѣнныхъ.

— Противъ нихъ нужны принудительныя мѣры. У меня

былъ одинъ, — не работникъ, а нахлѣбникъ. Я работаю, а онъ еще спать: раньше восхода солнца не выльзеть, а потомъ еще начнетъ умываться! Угрозъ не боится. Не работникъ, а мученье. Я жаловался уполномоченному, а тотъ меня же началъ пушить въ присутствіи плѣннаго...

Послѣ Диденко беретъ слово крупный помѣщикъ Петровъ:

— „Докладъ дергачевцевъ — жизненный, правдивый. Исходъ для насъ одинъ — побольше военноплѣнныхъ! Это важно для сбора хлѣбовъ не только на 1916, но и на 1917 годъ, — запашка подъ яровыя у насъ производится съ осени. Были и у меня плѣнные господа австрійцы. Я говорю „господа“, потому что не они у насъ, а я у нихъ былъ въ плѣну. Добыть плѣнныхъ — полдѣла: нужно создать условия, чтобы они насъ не объѣдали. Военное вѣдомство требуетъ для нихъ мяса, — они у меня все мясо поѣли. Пришли оборванные, грязные. Я послалъ ихъ въ баню, а они и бани-то должно быть никогда не видали: залѣзли въ чанъ (смѣхъ). Было у меня ихъ 90 человекъ. Вижу: работа плохая. А прогнать — некому работать. Сталъ бить рублемъ: вмѣсто 6 рублей мѣсяцъ платить 75 копеекъ въ день. Стали было работать лучше; но потомъ прослышали, что плата у насъ 3—4 рубля въ день, и требуютъ прибавки. Я не могъ увеличить плату, чтобы не внести разврата въ другія хозяйства. Тогда они стали сказываться больными; пришлось каждый день возить въ больницу по 20 человекъ, на двухъ фурахъ, — чего это стоить? — Разъ меня не было на хуторѣ; возвращаюсь — 30 австрійцевъ ушли; 12 вернулись, а 18 — совсѣмъ ушли. Дѣти говорятъ, что приказчикъ ихъ побилъ. Я этого не люблю, спрашиваю приказчика. Онъ объясняетъ, что они отказались работать, потому что въ этотъ день именинникъ какой-то Францъ Іосифовичъ, — чортъ его не видалъ! (Смѣхъ.) Можетъ быть и правда, одного побилъ, — не могъ же побить всѣхъ! А ушли восемнадцать! Послалъ я за стражникомъ — толку не вышло. Вдругъ узнаю, что эти господа австрійцы уже работаютъ у моего сосѣда. Я написалъ уполномоченному, что такія явленія съ плѣнными не допустимы: и съ вольными рабочими это былъ вредъ, плѣнныхъ ужъ нужно заставить. Уполномоченный отвѣтилъ: вы плохо кормите. Пишу: пріѣзжайте, посмотрите! Слѣдовало бы военноплѣнныхъ отдавать въ распоряженіе не военнымъ уполномоченнымъ, а людямъ земли, которые ихъ и распредѣляли бы.“

Сообщивъ далѣе, что уполномоченнаго по завѣдыванію австрійскими плѣнными крестьяне называютъ „австрійскимъ уполномоченнымъ“, Петровъ долго еще говорилъ, при сочувственныхъ возгласахъ слушателей, противъ этого уполномоченнаго. Но послѣдующіе ораторы указывали, что уполномоченный исполнялъ только требованія военнаго вѣдомства, и что нужно передать завѣдываніе плѣнными въ другія руки.

Своеобразные выводы сдѣлали „люди земли“ изъ нѣкоторыхъ указаній докладчика Милютинна. Послѣдній, какъ на явленіе отрицательное, указывалъ на репрессіи противъ плѣнныхъ, примѣнявшіяся въ Саратовской губерніи. А у новоузенцевъ это лишь увеличило досаду на то, что у нихъ съ плѣнными обращались слишкомъ гуманно. Указаніе же Милютинна на то, что одними плѣнными да бѣженцами не восполнишь недостатка въ пришлыхъ рабочихъ, дало лишнюю опору лицамъ, агитировавшимъ въ пользу принудительнаго труда киргизовъ.

Молодой крестьянинъ, повидимому, изъ небогатыхъ, поставилъ вопросъ: нельзя ли привлечь киргизовъ? Они хорошіе работники, но бездѣльничаютъ, не хотятъ наниматься. Нельзя ли ихъ понудить, мобилизовать на работу къ намъ? Другой ораторъ подхватываетъ это предложеніе, указывая, что „киргизовъ миллионы, они ничего не дѣлаютъ: скотоводствомъ заняты женщины. „Намъ нужно мобилизовать ихъ“, — закончилъ ораторъ. (Крики: правильно! Очень горячіе аплодисменты.)

Крестьянинъ Поповъ, отвѣчая на предложенія докладчиковъ, призналъ полезность комитетовъ для найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, — но какъ ихъ устроить?

— Вольные рабочіе нарушаютъ договоръ. Киргизъ тоже: захотѣлъ — и бросилъ работу. Сельско-хозяйственные рабочіе должны быть приравнены къ казеннымъ рабочимъ и подвергаться ответственности за уходъ. У насъ есть губернаторскій циркуляръ, гдѣ этотъ вопросъ разрѣшенъ. Вздумалъ у меня однажды киргизъ-пастухъ оставить мѣсто. Я къ уряднику. Тотъ пригрозилъ тремя мѣсяцами тюрьмы, и киргизъ остался. А не пригрозилъ урядникъ, — еще двое собрались было уходить. На русскихъ же рабочихъ я пробовалъ составлять протоколы, — никакого наказанія за уходъ не было. Необходимо обязать рабочихъ не переходить отъ одного хозяина къ другому.

Другіе ораторы, болѣе интеллигентные, старались установить то положеніе, что опасность отъ недосѣва является государственной опасностью, а потому государство обязано дать рабочія руки, — все равно какія, на достаточный срокъ и немедленно, при чемъ необходимо изыскать мѣры принужденія рабочихъ. Первое изъ этихъ положеній вошло и въ резолюцію, принятую съѣздомъ: ожидаемый громаднѣй недосѣвъ „угрожаетъ государственной оборонѣ“, и государство должно „принять неотложныя мѣры“.

Относительно резолюціи по рабочему вопросу нужно сказать, что выработана она была во время перерыва наиболѣе интеллигентными членами съѣзда, съ участіемъ профессоровъ Воблаю и Кованько. Задачей составителей резолюціи было найти способъ, съ одной стороны, удовлетворить собраніе, а съ другой — остаться въ предѣлахъ приличія передъ посторонней публикой, передъ

будущими читателями резолюціи. Именно этой задачей и объясняется, что, напримѣръ, въ резолюціи о военнопленныхъ не говорится ни о запрещеніи имъ умываться, ни о правѣ приказчиковъ на кулачную расправу съ ними. Въмѣсто этого говорится объ учрежденіи сельскихъ, волостныхъ и уѣздныхъ комитетовъ по обмѣненію, въ задачу которыхъ входитъ и „распредѣленіе“ пленныхъ, а затѣмъ — о передачѣ пленныхъ изъ военнаго вѣдомства въ вѣдомство министерства земледѣлія (оно, дескать, стоитъ ближе къ сельскому хозяйству), а также о томъ, чтобы „обратить вниманіе на повышение производительности труда пленныхъ“* (очевидно, подразумѣвается дергачевскій проектъ особыхъ командъ стражниковъ).

Вмѣсто закрѣпощенія киргизовъ въ проектѣ резолюціи говорилось лишь объ учрежденіи биржъ труда въ мѣстахъ ихъ найма. Эта формула вызвала протесты, какъ недостаточная. Предложено было вставить: „принять мѣры къ мобилизаціи киргизовъ“.

Тутъ одинъ земскій гласный, лично не заинтересованный, какъ посѣщикъ, возразилъ:

— Это значитъ возродить крѣпостное право!

Поднялся шумъ. Собраніе, очевидно, обидѣлось. Горячо апплодировали возраженію:

— Это — не крѣпостное право, а государственная необходимость, въ виду особыхъ условій момента!

У лицъ, предлагавшихъ принудительныя работы или „мобилизацію труда“, не являлось мысли, что въ первую очередь такой „мобилизаціи“ во имя „государственной необходимости“ должны бы подвергнуться, по Новоузенскому уѣзду, сами же новоузенскіе хозяева. Какъ-то само собой разумѣлось, что „мобилизація“ должна быть произведена среди постороннихъ лицъ, гдѣ-нибудь за предѣлами уѣзда, а мобилизуемые должны поступить въ распоряженіе хозяевъ этого уѣзда.

Вопросъ о киргизахъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Кто-то сказалъ: „заплатите имъ хорошо, киргизы и сами явятся“. Но этотъ голосъ потонулъ въ дружныхъ крикахъ о необходимости принудительнаго труда. Предсѣдатель собранія профессоръ Воблый, вѣрный задачѣ сохранить внѣшнее приличіе, предложилъ формулу: „принять мѣры къ привлеченію киргизовъ къ сельскому хозяйству“. За эту формулу, скрывающую отъ посторонняго взгляда сущность дѣла, но понятную участникамъ съѣзда, встало подавляющее большинство собранія.

Проявилось на съѣздѣ и оппозиціонное настроеніе новоузенскихъ хозяевъ. По ихъ мнѣнію, высказанному въ резолюціи, упрядоченіе сельскаго хозяйства и устраненіе недосѣва было бы

* Въ резолюціи, напечатанной въ мѣстной газетѣ, этой фразы уже не оказалось.

облегчено „осуществленіемъ неотложныхъ реформъ въ областяхъ государственной и общественной жизни на бессловныхъ началахъ и привлеченіемъ къ управленію лицъ, облеченныхъ довѣріемъ населенія“*.

Любопытно, что послѣ всѣхъ крѣпостническихъ рѣчей, которыя встрѣчали сочувствіе большинства собранія, съѣздъ неожиданно принялъ предложенную И. И. Пустовойтовымъ резолюцію, — просить Гос. Думу о скорѣйшемъ внесеніи законопроекта объ охранѣ труда рабочихъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Что разумѣлъ съѣздъ подъ „охраной труда“? Боюсь, что многие участники съѣзда, по примѣру дергачевцевъ, представляли себѣ эту охрану въ видѣ особыхъ командъ стражниковъ, предупреждающихъ переходъ рабочихъ отъ одного хозяина къ другому. Во всякомъ случаѣ, принятіе этой резолюціи лишь усиливаетъ несоотвѣтствіе между дѣйствительными желаніями съѣзда и его резолюціями. Резолюціи пишутся для публики; а для начальства посылаются въ Петроградъ особая депутація, которая негласно выскажетъ тамъ дѣйствительныя пожеланія хозяевъ.

А между тѣмъ наступаетъ время ярового сѣва. Осимый недосѣвъ будетъ не удвоенъ, а по меньшей мѣрѣ утроенъ. Ибо яровой сѣвъ преобладаетъ въ южныхъ и юго-восточныхъ земледѣльческихъ областяхъ, а факторы недосѣва за зиму значительно усилились... Что же сдѣлано, что дѣлается и что можетъ быть вообще сдѣлано для предотвращения тѣхъ опасностей, какія каждому изъ насъ казались невѣроятными еще годъ назадъ? Нашимъ официальнымъ органамъ принадлежитъ честь констатирования настоящаго положенія вещей. Но и самыя искусныя административныя мѣры были бы безсильны противъ такого рода экономическихъ явленій... А наша „общественность“... мы только что видѣли, куда направляетъ она взоры, о чемъ она мечтаетъ, чего жаждетъ въ часъ испытанія... Придется и недосѣвъ считать явленіемъ „стихійнымъ“, не подлежащимъ устраненію до лучшихъ дней.

М. С. Ал—ровъ.

О ВНѢШКОЛЬНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ.

Еще недавно внѣшкольная просвѣтительная дѣятельность не пользовалась особымъ вниманіемъ общества. Она казалась ни-

* Корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ отъ себя еще немножко прикрасилъ резолюцію; онъ говоритъ, что съѣздъ выразилъ готовность мобилизовать хозяйство „при условіи осуществленія реформъ и привлеченія къ управленію лицъ, пользующихся довѣріемъ страны“. Та-

чтожнымъ привѣскомъ, придаткомъ къ школь, благотворительностью въ сферѣ народнаго образованія. Воскресныя школы для взрослыхъ, народныя чтенія, народныя университеты возникали и создавались безъ всякой системы, въ нихъ принимали участие люди мало опытные, часто очень далекие отъ пониманія истинныхъ задачъ внѣшкольнаго просвѣщенія. Немудрено поэтому, что оно представляло „рядъ опытовъ филантропіи и диллетантизма и существовало какъ-то сбоку общей системы образованія“ (Езерскій). Политическія условія внутренней жизни страны также не благоприятствовали развитію просвѣтительной работы въ народныхъ массахъ. Естественно, что только въ моменты тяжелыхъ государственныхъ испытаній и связаннаго съ ними подъема общественной инициативы ослабѣвали реакціонныя тиски, и вопросъ о культурномъ уровнѣ населенія ставился особенно остро.

Вопросъ этотъ поднимался и въ 60-хъ годахъ — послѣ Крымской кампаніи, и въ 1905 году — послѣ Японской войны, и, наконецъ, въ 1915 году — въ разгаръ войны съ центральными государствами Европы. Каждый разъ обнаруживалась наша культурная отсталость, и каждый разъ лучше люди страны выдвигали лозунгъ демократизаціи просвѣщенія и культуры. И въ переживаемый нами моментъ со стихійной силой снова выдвигается этотъ лозунгъ и на этотъ разъ онъ встрѣчаетъ иное къ себѣ отношеніе въ различныхъ группахъ общества, чѣмъ раньше. Съ этимъ лозунгомъ не связываются какія-либо политическія цѣли, — конечно, постольку, поскольку въ нашихъ правовыхъ условіяхъ всякій экономическій и культурный фактъ не становится фактомъ политическаго значенія. Теперь за внѣшкольное просвѣщеніе народа энергично берется земство, кооперативы и... правительство въ лицѣ двухъ министерствъ — народн. просв. и внутр. дѣлъ. Теперь въ самихъ народныхъ массахъ наблюдается необыкновенное стремленіе къ просвѣщенію, и по своей интенсивности, быть можетъ, даже большее, чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ — сопоставленіе, страшное для однихъ и радостное для другихъ...

И въ первый разъ въ исторіи русскаго народнаго образованія поставленъ на очередь вопросъ о внѣшкольномъ просвѣщеніи, какъ о задачѣ самостоятельной, не связанной со школьнымъ образованіемъ. 1915 годъ въ этомъ отношеніи является годомъ замѣчательнѣйшимъ. Никогда такъ много не говорилось о внѣшкольномъ образованіи на земскихъ собраніяхъ, никогда такъ много не писалось на эту тему. Рѣдкое земство не внесло (за исключеніемъ „единственнаго въ своемъ родѣ“ — бессарабскаго) въ смѣты 1915 и 1916 годовъ большихъ ассигнованій на устрой-

кимъ образомъ крѣпостническая тенденція, запрятанная составителями резолюціи въ формулу мобилизаціи сельскаго хозяйства, превращается въ передачу либеральнаго корреспондента въ свою противоположность!

ство народныхъ домовъ, курсовъ, народныхъ чтеній и т. п. Былъ созванъ рядъ совѣщаній — въ Харьковѣ, Петроградѣ, Ярославлѣ, Уфѣ, Перми, Нижнемъ Новгородѣ, Москвѣ, Твери и др. мѣстахъ — для обсужденія очередныхъ задачъ въ этой области. Большое вниманіе привлекъ къ себѣ московскій съѣздъ по организаціи народнаго театра. Многіе кооперативные съѣзды (астраханскій, одесскій, костромской и др.) касались вопросовъ внѣшкольнаго просвѣщенія. Теорія и практикѣ послѣдняго посвященъ рядъ статей въ земской и педагогической прессѣ; вышло много книгъ, отмѣтимъ, напримѣръ, цѣнныя книги Мединскаго, Звягинцева, Дьякова и др.

Самое представленіе о задачахъ внѣшкольнаго образованія стало инымъ. Теперь о немъ говорится не какъ о дополненіи къ школѣ, а какъ о самостоятельной, весьма важной, если не самой важной, отрасли народнаго образованія. Совершенно опредѣленно устанавливается характеръ зависимости между школой и внѣшкольными организаціями, — эта зависимость не обратная, какъ это представлялось многимъ, а прямая, т. е. чѣмъ лучше поставлена школа и чѣмъ больше она даетъ, тѣмъ больше интеллектуальныхъ потребностей у окончившихъ ее, а, слѣдовательно, тѣмъ больше необходимость въ удовлетвореніи ихъ.

Какъ-то сразу стало ясно многимъ, что школьное образованіе есть только небольшая доля въ томъ огромномъ дѣлѣ, которое именуется народнымъ просвѣщеніемъ. И несмотря на то, что мы далеко еще не довели нашего школьнаго воспитанія и просвѣщенія до нужной высоты, приходится констатировать, что „школьный періодъ въ исторіи нашего народнаго образованія уже закончился“ (Б. И. Сыромятниковъ). И причина этого, между прочимъ, въ томъ, что на школу постепенно стали взваливать все больше и больше задачъ, справляться съ которыми она уже не была въ силахъ, она оказалась несостоятельной въ борьбѣ съ темнотою и невѣжествомъ страны, такъ какъ работы было слишкомъ много, а она была одинока. Отъ школы требовалось, чтобы она была универсальнымъ разсадникомъ культуры, всевозможныя внѣшкольныя работы требовались отъ нея. По справедливому замѣчанію г. Сыромятникова, „народный учитель при этомъ становился ходячей энциклопедіей, мастеромъ на всѣ руки, который долженъ все знать, все умѣть, все исполнить. Онъ долженъ былъ устраивать народныя чтенія, вести воскресныя повторительныя занятія со взрослыми и подростками, завѣдывать пришкольною библіотекой, устраивать всевозможныя экскурсіи, изучать мѣстную культуру (родиновѣдѣніе), развивать эстетическіе вкусы населенія (хоровое пѣніе, спектакли, лѣпка, рисованіе), проводить въ школѣ, согласно послѣднему требованію нѣмецкой педагогики, трудовое начало, распространять гигиеническія, сельско-хозяйственныя знанія, быть живымъ проводникомъ кооперативныхъ идей, проповѣдывать трезвость, сберегательныя кассы, хуторское хозяйство и пр.“

Такимъ образомъ, дѣйствительно, внѣшкольное образованіе „паразитировало“ на школьномъ, и это вело къ тому, что оба вида народнаго просвѣщенія хирѣли: не достигалась даже элементарная грамотность, по крайней мѣрѣ, такъ называемый рецидивъ безграмотности сталъ обычнымъ явленіемъ. Сами учителя стали все чаще и чаще высказываться очень пессимистически о своей работѣ. На московскомъ уѣздномъ учительскомъ съѣздѣ въ 1914 году одинъ изъ докладчиковъ, г. Коршевъ, заявилъ, что „жизнь простого народа попрежнему отличается безпросвѣтной темнотой, чрезвычайной косностью, происходящей вслѣдствіе крайней узости и бѣдности умственнаго кругозора... Черезъ 3—5 лѣтъ по выходѣ изъ школы, ученикъ, чутко воспринимавшій школьное преподаваніе, дѣлается совершенно неузнаваемымъ“. Такіе отзывы далеко не единичны.

Итакъ, совершенно очевидно, кризисъ народнаго школьнаго образованія вызванъ прежде всего культурнымъ одиночествомъ ея. Это главная причина, но не единственная: малая подготовленность народныхъ учителей, тяжелыя матеріальныя, правовыя и др. условія ихъ жизни, общее направленіе политики мин. нар. просв. и многое другое способствовало худосочию школы. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что одна школа не можетъ взять на себя задачу просвѣщенія народа, что нужна еще внѣшкольная работа, независимо отъ школы. И принципъ равноцѣнности обоихъ видовъ народнаго образованія признается теперь всѣми. Нѣкоторые работники внѣшкольнаго образованія идутъ дальше, полагая, что „значеніе его слѣдуетъ признать несравненно большимъ, нежели значеніе школы“ (Медынскій), что „понятіе внѣшкольнаго просвѣщенія гораздо шире и преслѣдуетъ совершенно инныя задачи, чѣмъ школа“ (Б. И. Сыромятниковъ).

Изъ всѣхъ формъ внѣшкольнаго образованія (библиотеки, народныя чтенія, лекціи, школы для взрослыхъ, музеи, народные дома, театры и пр.) наибольшее вниманіе общественныхъ организацій — земствъ и кооперативовъ привлекаетъ къ себѣ народный домъ. Ему были посвящены многія статьи въ газетахъ и журналахъ, громадное количество докладовъ на земскихъ собраніяхъ. Вниманіе земствъ къ народнымъ домамъ выразилось въ рядѣ большихъ ассигновокъ на ихъ организацію.

Такъ, пензенское земство отпустило изъ страхового капитала 25.000 р. на огнестойкіе народные дома, московское губернское земство ассигновало 100.000 руб. на выдачу пособій на постройку и наемъ помѣщеній народныхъ домовъ и др. нужды внѣшкольнаго образованія, вятскимъ земствомъ было ассигновано на 1915 г. на народные дома 105.000 руб., екатеринославское земство отпустило 200.000 р. на выдачу безпроцентныхъ ссудъ для постройки народныхъ домовъ и т. д. (См. „Школа и Жизнь“, № 1 за 1916 г.)

Самарская губ. земск. управа въ своемъ докладѣ объ организаціи народныхъ домовъ исчисляетъ расходы на нихъ въ количествѣ 4.990.000, на которые должно быть открыто 677 народныхъ домовъ. Не имѣя возможности затратить такую сумму, земство намѣрено встать на путь субсидирования мѣстныхъ обществъ кооперативовъ, органовъ земскаго и

сельскаго самоуправленія и пр. Начало подобному фонду уже положено ассигнованіемъ 42.000 руб. на выдачу долгосрочныхъ и безвозвратныхъ ссудъ (Русск. Вѣд. № 25, 1916 г.).

Идея народнаго дома, какъ формы земской дѣятельности, появилась не болѣе пяти лѣтъ тому назадъ, но на такое всеобщее признаніе, какое она получила въ 1914 и особенно 1915 году, никто до войны не надѣялся. Теперь же одинъ изъ извѣстныхъ „вѣшкольниковъ“, — Е. Н. Медынский пишетъ: „Годъ войны былъ въ то же время годомъ нашего возрожденія — и какъ бы символомъ этого возрожденія служить народный домъ. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, — Россія покроется густою сѣтью народныхъ домовъ, которые, какъ знаменіе свободной, организованной и просвѣщенной въ будущемъ Россіи, возникли на пожарахъ 1915 года“.

Народные дома существовали и раньше. Но это — въ особенности дома попечительства о народной трезвости — были мѣста разумныхъ и не разумныхъ „развлеченій“, въ лучшемъ случаѣ, это было помѣщеніе, гдѣ находили себѣ прибѣжище, — библиотека, театр, зала для чтенія. Это дома для народа, а не народные дома. Тотъ народный домъ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, есть „центръ всей мѣстной общественной и духовной жизни“, онъ становится „школой общественности для населенія, крестьянскимъ или рабочимъ клубомъ, населеніе не только посѣщаетъ этотъ домъ, но и управляетъ имъ*“. Народный домъ, въ новомъ его видѣ, долженъ сосредоточить въ себѣ различныя просвѣтительныя (библиотека, читальня, аудиторія, театр, ясли, книжный складъ и др.), и экономическія (потребительная лавка, сельско-хозяйственный складъ, кредитное товарищество, и т. п.) учрежденія.

По проекту, выработанному въ 1914 году Киевскимъ губ. земствомъ, планомѣрная вѣшкольная работа немыслима безъ сѣти народныхъ домовъ. Земство должно разработать планъ такой сѣти и приступить къ ея осуществленію, отдавая предпочтеніе тѣмъ пунктамъ, „изъ которыхъ будетъ обезпечено поступленіе нѣкоторыхъ суммъ изъ мѣстныхъ средствъ на устройство и содержаніе народнаго дома“. Такимъ образомъ, не отказываясь отъ самостоятельной земской инициативы, земство надѣется на самодѣятельность, на организацію на мѣстахъ. Какъ кievское, такъ и многія другія земства заговорили о самодѣятельности самаго населенія въ дѣлѣ организаціи народныхъ домовъ, находя, что въ дѣятельности своей земства „должны опираться на организованныя силы мѣстнаго населенія“**. Объ этой самодѣятельности говорилось очень много и въ земской прессѣ. Какъ пони-

* „Народные дома и земство“, ст. Медынскаго. Земское дѣло № 13—14.

** Вѣшкольная коммиссія московскаго уѣзднаго земства.

мается эта самодѣятельность, пока трудно установить, но, повидимому, каждый, кто объ этомъ говоритъ, вкладываетъ въ это понятіе свое содержаніе. Даже прогрессивная „Школа и Жизнь“, заявивъ, что „внѣшкольное образованіе мыслимо только въ атмосферѣ свободы и самодѣятельности“, спѣшитъ оградить себя отъ опаснаго толкованія этой фразы, говоря, что „на первыхъ порахъ можно ожидать развитія кружковщины, но эта „дѣтская болѣзнь“ пройдетъ со временемъ“*.

Движеніе въ пользу народныхъ домовъ заслуживаетъ всяческаго вниманія общественныхъ дѣятелей, ибо только при живомъ участіи мѣстныхъ культурныхъ силъ, при активной поддержкѣ общественныхъ организацій, народный домъ изъ орудія прогресса не превратится въ орудіе развращенія народнаго. Движеніе это для нашей народной жизни новое, радостное, но мы слишкомъ хорошо знаемъ условія нашей жизни, чтобы повѣрить въ то, чтобы это новое и свѣтлое дѣло не наткнулось на цѣлый рядъ препятствій...

Въ связи съ вопросомъ о народномъ домѣ и другія формы внѣшкольной работы привлекаютъ къ себѣ большее, чѣмъ когда-либо вниманіе. И дѣйствительно, при организаціи мѣстнымъ населеніемъ самоуправляющагося народнаго дома, почти всѣ внѣшколь-

* „Школа и Жизнь“ № 50, 1915.

ныя организаци сосредоточатся въ немъ. И театръ, — интересъ къ которому чрезвычайно возросъ, и народныя чтенія, и школы для взрослыхъ, и даже народный университетъ могутъ находиться въ народномъ домѣ, ибо въ той постановкѣ, которая придана вопросу о народномъ домѣ, онъ является символомъ стремящейся къ своему осознанію и самостоятельности народной мысли. За послѣднее время, пожалуй, наибольшее вниманіе вызвалъ народный театръ. Въ Москвѣ на рождественскихъ каникулахъ съ большимъ успѣхомъ прошелъ съѣздъ дѣятелей народнаго театра. Задачи народнаго театра опредѣлены достаточно ясно въ резолюціи, принятой по предложенію демократической рабочей группы: „Народный театръ является самодовлѣющей эстетической художественной цѣнностью и есть въ то же время средство воспитанія массъ на основахъ широкой общественности, идейности и самостоятельности“. Большинство докладчиковъ отмѣчало административный гнетъ надъ народными театрами, и цѣлый рядъ резолюцій принять на тему объ отмѣнѣ всевозможныхъ запрещеній и ограниченій.

Снова оживляется захирѣвшее, было, благодаря извѣстному циркуляру Кассо. библиотечное дѣло. Этотъ циркуляръ имѣлъ громаднѣйшее значеніе въ дѣлѣ уничтоженія земскаго библиотечнаго дѣла. Достаточно указать, что благодаря кассовскимъ правиламъ о библиотекахъ, въ Уфимской губ. было закрыто 664 библиотеки, въ Вятской — 220, въ Киевской — 100 Павленковскихъ библиотекъ, въ Нижегородскомъ уѣздѣ инспекторъ народныхъ училищъ извѣлъ изъ библиотекъ отъ 30 до 53% книгъ и т. п. Съ изданіемъ новыхъ правилъ гр. Игнатъева, кстати сказать, весьма мало удовлетворившихъ кого бы то ни было, дѣло нѣсколько улучшилось.

Народныя чтенія организовывались въ 1914—15 годахъ далеко въ большемъ масштабѣ, чѣмъ прежде. Въ Уфимской губерніи они даже приняли „массовый характеръ“. По далеко неполнымъ даннымъ управъ ихъ было организовано за годъ въ Уфимской губ. — 833 въ 178 пунктахъ, въ Пермской — 5.959 въ 720 пунктахъ, въ Нижегородской — 694 въ 285 пунктахъ и т. п.

* * *

Приведенные выше факты и цифры устанавливаютъ съ несомнѣнностью фактъ оживленія, расширения и самоопредѣленія въ области внѣшкольнаго образованія. Выше было сказано, что нѣкоторые проекты внѣшкольнаго просвѣщенія создались даже въ нѣдрахъ правительственныхъ канцелярій. Въ этомъ отношеніи весьма показательной является позиція мин. нар. просв., отношеніе котораго къ внѣшкольному образованію достаточно характеризовалось дѣятельностью инспекторовъ народныхъ училищъ и вообще

училищной инспекціи, дѣятельностью, которая до послѣдняго времени была направлена противъ внѣшкольныхъ организацій. Г. Звягинцевымъ * собранъ любопытный матеріалъ по этому вопросу, приведенный въ его статьѣ: „Инспекція народныхъ училищъ и внѣшкольное образованіе“. Инспекція вездѣ ставитъ препятствія для организаціи чтеній, библиотекъ, спектаклей и т. д. Нѣкоторые примѣры покажутъ, какъ далеко въ этомъ отношеніи заходили нѣкоторые инспектора.

Въ Городищенскомъ уѣздѣ инспекторъ изъ одного земскаго списка книгъ для народн. библиотекъ, состоящаго изъ 340 книгъ, исключилъ 135, т. е. 40%. Исключены: Толстой — „Воскресеніе“, Шиллеръ — „Разбойники“, Вишперъ — „Учебникъ древней исторіи“, Лопъ, — „Весѣда съ крестьянами объ ослѣ“, Михайловъ, „Совѣты матерямъ объ уходѣ за грудными дѣтьми“, Недригайловъ, „Что нужно знать о холерѣ?“ и др. Къ отдѣлу „Обществ. науки“ имѣется общее заключеніе: „исключаются всѣ книги, кромѣ шестого номера (по списку)“.

(„Вятская Рѣчь“ 1913 г. № 242.)

Инспекторъ Бѣлозерскаго уѣзда, Новгород. губ., потребовалъ отъ земской управы подробныхъ свѣдѣній о каждой книгѣ (года изд., типографіи, гдѣ она печаталась, и т. д.), мотивировавъ это требованіе тѣмъ, что „за отсутствіемъ этихъ свѣдѣній онъ лишень возможности не только просмотрѣть, но и приобрести неизвѣстныя ему книги для просмотра“. Въ числѣ неизвѣстныхъ книгъ оказались: Бичеръ Стоу, „Хижина дяди Тома“, Свифтъ — „Путешествіе Гулливера“, Евг. Туръ — „Катакомбы“, отдѣльныя произведенія Мамина-Сибиряка, Диккенса, М. Твэна и др. По полученіи свѣдѣній онъ распорядился изъять рядъ книгъ. (Докладъ управы.)

Выше нами было уже указано, къ чему привело это усердное исполненіе Кассовскаго циркуляра. Библиотеки закрывались, разорялись, внѣшкольному просвѣщенію наносился чувствительнѣйшій ударъ.

Дѣлу развитія народныхъ чтеній инспектора всячески мѣшали прежде всего прямымъ запрещеніемъ тѣхъ или другихъ лекцій. Здѣсь интересно отмѣтить, что явочный порядокъ, устанавливаемый правилами 4 марта 1906 года, фактически мѣстной администраціей отмѣненъ. Въмѣсто одного лишь требованія о заблаговременномъ увѣдомленіи полиціи о чтеніи, лекторѣ и темѣ, мѣстная училищная администрація выставляетъ обязательнымъ условіемъ разрѣшеніе полиціи, нѣкоторые инспектора запрещали самыя невинныя чтенія. Во многихъ случаяхъ инспекція возставала противъ участія учителей въ драматическихъ представленіяхъ въ качествѣ артистовъ.

Такъ, въ 1910 году инспекторъ Днѣпровскаго уѣзда, Таврич. губ. разослалъ учителямъ циркулярное распоряженіе слѣдующаго содержанія: „До свѣдѣнія моего доведено, что нѣкоторые учаще исполняютъ актерскія роли въ общественныхъ спектакляхъ. Въ виду того, что выступленія на сценѣ могутъ подрывать престижъ учащихся въ глазахъ

* „Русская школа“, 1915 г., № 1.

ихъ воспитанниковъ, прошу гг. учащихся вѣреннаго мѣ района не участвовать въ качествѣ исполнителей въ концертахъ, спектакляхъ и тому под. общественныхъ увеселеніяхъ. („Рус. Вѣд.“ 1910 г. мартъ.)

Таково было отношеніе того органа мин. нар. проsv., — училищной инспекціи, — который непосредственно соприкасается съ внѣшкольной дѣятельностью земствъ и др. обществ. организацій.

Въ настоящее время тутъ можно, впрочемъ, отмѣтить нѣкоторый „сдвигъ“. Почти не слышно о конфликтахъ на мѣстахъ, а въ объяснительной запискѣ къ смѣтѣ мин. нар. проsv. на 1916 годъ нѣсколько страницъ отводится аргументированію въ пользу необходимости внѣшкольнаго образованія и даже высказывается такая смѣлая для мин. нар. проsv. мысль, что внѣшкольное просвѣщеніе „не можетъ быть дѣломъ исключительно только вѣдомства мин. нар. проsv., но должно быть дѣломъ мѣстныхъ общественныхъ организацій съ участіемъ лишь представителей вѣдомства, съ ихъ доброжелательной помощью и при извѣстной степени контроля*.

Не менѣе характеренъ послѣдній циркуляръ гр. Игнатьева о внѣшкольной образовательной работѣ. Отмѣчая „небывалый“ въ населеніи спросъ на книги и газеты, министръ обращается къ мѣстнымъ лицамъ и учреждениямъ за содѣйствіемъ въ дѣлѣ удовлетворенія вновь возникшихъ потребностей.

„... Трудность для большинства населенія отыскать популярную книгу, — говорится въ циркулярѣ, — создаетъ обязанность не только для вѣдомства просвѣщенія, но и всѣхъ интеллигентныхъ силъ страны придти въ этомъ отношеніи на помощь къ народу и отвѣтить на его запросы сообщеніемъ свѣдѣній, правильно освѣщающихъ совершающіяся событія, а равно охранить то бодрое увѣренное въ себѣ настроеніе, какое нынѣ наблюдается повсюду, и укрѣпить общепатріотической подъемъ народнаго духа“.

Министерство считаетъ поэтому необходимымъ безотлагательно приступить къ организаціи народныхъ чтеній по вопросамъ, связаннымъ съ войной, а также чтеній историческаго и географическаго содержанія въ особенности о славянахъ и о союзныхъ намъ народахъ.

Чтенія эти будутъ способствовать развитію частной и общественной инициативы къ удовлетворенію нуждъ военнаго времени. Своевременно также позаботиться объ ознакомленіи народа съ кооперативными организаціями. („Бирж. Вѣд.“ 21 янв. 1916 г.)

Было бы, конечно, верхомъ наивности думать, что мин. нар. проsv. пойдетъ теперь навстрѣчу тѣмъ проектамъ организаціи народныхъ домовъ, которые выработаны прогрессивными земствами, что теперь внѣшкольное образованіе безъ помѣхъ со стороны мѣстной и центральной власти будетъ развиваться и расти.

.

* См. „Земское Дѣло“, 1915 г., № 24.

. Поэтому, еще рано было бы радоваться новымъ вѣяніямъ въ мин. нар. просв.

Допустимъ, однако, что внѣшкольная работа не будетъ встрѣчать болѣе тѣхъ помѣхъ, которыя она встрѣчала до сегодняшняго дня со стороны всяческой администраціи, — можетъ ли развиться она тогда такъ широко, какъ хотѣлось бы многимъ? Надо сказать прямо: при настоящемъ положеніи — нѣтъ. Ибо „мало людей“. Для внѣшкольной работы нужны навыки, нужна подготовка, нужны спеціалисты-„внѣшкольники“. А у насъ это еще „музыка будущаго“. Уфимское земство проектируетъ создать земскій институтъ внѣшкольнаго образования, оно же организовало одни изъ первыхъ въ Россіи курсовъ для подготовки „внѣшкольниковъ“, подобные курсы организуются университетомъ Шанявскаго, но все это безконечно мало. И опять приходится вспомнить о народномъ учителѣ. Не дѣло школы вмѣщать въ себѣ безконечное количество постороннихъ ей задачъ, но народному учителю уже внѣ школы придется участвовать въ организаціи народныхъ домовъ. Примутъ участіе въ этой работѣ и кооперативы, дѣятельно работающіе и въ культурно просвѣтительной области. Одной изъ очередныхъ задачъ внѣшкольнаго образования является задача созданія кадровъ дѣятелей, которые вложили бы душу живую и мысль честную въ дѣло борьбы съ національнымъ нашимъ невѣжествомъ и темнотою.

Ад. Бѣльскій.

ЦЕРКОВНЫЯ ДѢЛА.

Начало текущаго года отмѣчается видимымъ оживленіемъ церковныхъ интересовъ и реформаторскимъ сдвигомъ въ православной церкви. Наклонъ въ эту сторону обозначился сразу же послѣ ухода съ оберъ-прокурорскаго поста В. К. Саблера; но болѣе реальныя формы онъ принялъ съ назначеніемъ на петроградскую кафедру новаго митрополита Питирима. Бывшій петроградскій митрополитъ Владиміръ не склоненъ былъ къ реформаторскимъ шагамъ. Его дѣятельность на поприщѣ высшаго церковнаго управленія всегда носила консервативный отгѣнокъ и тѣсно связана была съ судьбою саблеровскаго режима. . . .

. Но тѣмъ не менѣе преобразовательное оживленіе въ церковныхъ кругахъ совпадаетъ именно съ перемѣной на митрополи.

Новый митрополитъ петроградскій Питиримъ сразу же заявилъ себя сторонникомъ общественности, что не такъ часто встрѣчается въ іерархической средѣ. Изъ какихъ бы мотивовъ ни вытекала эта позиція, но она оказала несомнѣнное вліяніе на

положеніе церковныхъ дѣлъ. Митр. Пителирмъ высказался рѣшительно противъ политиканства духовенства, вмѣшательства церкви въ политическую борьбу, чѣмъ отличалась предшествующая церковная политика, и за необходимость серьезныхъ церковныхъ реформъ, такъ упорно задержанныхъ до сихъ поръ. Старый церковный режимъ чуждался общественности, относился къ ней съ боязнью и подозрительностью. Изъ-за этого возникла вся упорная борьба противъ церковныхъ преобразованій, сопровождаемая, между прочимъ, походомъ противъ вмѣшательства Гос. Думы въ церковныя дѣла. Консервативные церковные круги, примакающіе и къ консервативному политическому міровоззрѣнію, отстаивали церковную обособленность во имя такихъ же соображеній, какъ правыя партіи отстаиваютъ прежній режимъ.

Однако, именно потому, что церковный консерватизмъ имѣетъ связь съ политическимъ, заявленія м. Пителирмы вызвали неудовольствіе правой печати и правыхъ группъ. Его аполитическая программа не понравилась тѣмъ, кто привыкъ при помощи духовенства дѣлать политику и пользоваться церковнымъ авторитетомъ для достиженія политическихъ цѣлей. Противъ митрополита началась кампанія въ правыхъ изданіяхъ, со всѣми присущими имъ приемами.

Реальнымъ проявленіемъ сдвига въ церковно-политическомъ курсѣ явились шаги къ сближенію духовнаго вѣдомства съ законодательными учрежденіями. Бюджетная коммиссія Гос. Думы въ засѣданіяхъ, посвященныхъ смѣтѣ Синода, высказала рядъ пожеланій о скорѣйшихъ церковныхъ преобразованіяхъ. Между прочимъ, изъ нихъ новымъ представляется пожеланіе о преобразованіи высшаго церковнаго управленія, впредь до коренного пересмотра вопроса, пока хотя бы примѣненіемъ выборнаго порядка избранія синодальныхъ членовъ. Вмѣсто практикуемаго вызова архіереевъ на сессіи предлагается періодически, чрезъ три года, созывать съѣзды архіереевъ и на нихъ избирать іерарховъ для присутствія въ синодѣ. Мысль эта, при своемъ осуществленіи, повела бы къ важнымъ результатамъ. Высшее церковное управленіе получило бы большую устойчивость и независимость отъ стороннихъ и случайныхъ вліяній, подъ воздѣйствіемъ которыхъ нерѣдко совершается вызовъ епископовъ въ синодъ. Опираясь на довѣріе избравшей ихъ среды, выборные члены чувствовали бы себя болѣе твердо и не столь подавлены были бы государственнымъ вліяніемъ. Оберъ-прокурорское давленіе, стѣсняющее церковную самостоятельность, неизбѣжно бы ослабѣло, чѣмъ внесли бы извѣстный коррективъ въ отношенія церкви и государства. Думскія пожеланія въ настоящій разъ встрѣчены были болѣе внимательно, чѣмъ прежде. На экстренномъ засѣданіи синода 17 января синодальный оберъ-прокуроръ А. Н. Волжинъ предложилъ принять мѣры для осуществленія хотя нѣкоторыхъ

изъ нихъ. Впрочемъ, энергія устремилась здѣсь по линіи наименьшаго сопротивленія. Щекотливые вопросы о высшемъ церковномъ управленіи синодъ обошелъ, а остановился, главнымъ образомъ, на реформѣ православнаго прихода, о которой также давно говорится въ обществѣ и законодательныхъ учрежденіяхъ. Приходскую реформу предположено выдвинуть въ первую очередь и даже, можетъ быть, провести въ настоящую сессию занятій законодательныхъ учреждений.

Вокругъ приходскаго вопроса и сосредоточились затѣмъ церковно-общественные интересы. О приходской реформѣ усиленно заговорила печать; но сенсацию произвела появившаяся въ „Новомъ Времени“ записка, подписанная митр. Питиримомъ.

На приходскомъ вопросѣ наглядно отразились всѣ колебанія церковной политики послѣднихъ лѣтъ. Идея приходской реформы возникла одновременно съ церковно-общественнымъ движеніемъ въ 1905—1906 гг., и возстановленіе православнаго прихода сдѣлалось основнымъ требованіемъ прогрессивныхъ церковныхъ элементовъ. Въ былое время приходъ былъ самоуправляющеюся единицей. Прихожане принимали ближайшее участіе въ приходской жизни. Они завѣдовали приходскимъ хозяйствомъ, избирали кандидатовъ на церковныя должности, устраивали разныя приходскія учрежденія. Приходская организація поддерживала сознание приходской солидарности, не только духовной, но и общественной и даже экономической. Въ старой Руси, напримѣръ, бывало, что приходская церковная казна играла роль ссудной кассы. Изъ нея выдавались ссуды нуждающимся, на льготныхъ условіяхъ, а иногда и безвозвратно. Приходская самостоятельность, съ одной стороны, сдерживала въ извѣстной мѣрѣ единовластіе епархіальныхъ начальниковъ, давая опору духовенству, а съ другой — поддерживала и вообще народное самосознаніе. Но потому именно она и не ужилась съ бюрократическимъ режимомъ, развившимся особенно съ XVIII стол. Въ настоящее время приходъ лишенъ всѣхъ главнѣйшихъ древнихъ правъ: права распоряжаться церковными средствами, права избранія клириковъ, права имѣть органы самоуправления, и даже права юридическаго лица. Хозяиномъ въ приходѣ теперь является представитель епархіальной власти — настоятель храма, а у прихожанъ осталось одно право выбора старосты, но и то почти аннулированное. Церковно-общественное мнѣніе въ 1905—1906 гг. сообразно съ этимъ и формулировало свои требованія возстановленія приходской общины, съ правами самоуправления, активнаго участія въ церковномъ хозяйствѣ и избранія клириковъ. Отраженіемъ пожеланій умѣренныхъ церковно-общественныхъ группъ явился составленный IV отдѣломъ предсоборнаго присутствія 1906 г. нормальный уставъ православнаго прихода. Но занятія названнаго присутствія были прерваны ранѣе ихъ окончанія, и при-

ходскій проектъ вмѣстѣ съ другими попалъ въ нѣдра синодальной канцелярии. Однако, онъ все-таки считался очереднымъ; но его стали теперь передѣлывать сообразно наступившему стремительному поправѣнню церковной политики. Приходскій проектъ передѣлывался нѣсколько разъ при оберъ-прокурорахъ Лукьяновѣ и Саблерѣ, особенно при послѣднемъ. Задачею передѣлокъ ставилось ограниченіе приходскаго самоуправления, главнымъ образомъ, въ области имущественной и избраніи клира. Изъ приходскаго завѣдыванія было изъято имущество церковное, распоряженіе которымъ оставлено попрежнему за агентами епархіальной власти; а этимъ для приходской дѣятельности связывались руки. Отстраненный отъ церковной кассы приходъ дѣлался хозяиномъ пустого двора и долженъ былъ вновь заводить свое хозяйство, а не получалъ правъ на прежнее приходское достояніе. Отъ участія же въ избраніи клириковъ саблеровскій проектъ совсѣмъ устранялъ прихожанъ. Въ такой формѣ приходскій проектъ вызвалъ недовольство общественнаго мнѣнія и потому, хотя онъ неоднократно вносился въ Гос. Думу, но всякій разъ брался назадъ, какъ, очевидно, непріемлемый. Ограничительныя тенденціи поддерживались консервативными церковными элементами, получившими преобладаніе въ церковной политикѣ въ эпоху общаго поворота вправо. Оберъ-прокуроръ В. К. Саблеръ былъ въ данномъ случаѣ выразителемъ опредѣленной партійной программы, враждебной всякой общественной самодѣятельности.

Записка митр. Питирима представляется любопытнымъ поворотомъ въ постановкѣ приходскаго вопроса. Она категорически осуждаетъ всѣ ограничительныя передѣлки проекта предсоборнаго присутствія 1906 г. и ставитъ этотъ проектъ выше всѣхъ другихъ по положеннымъ въ основу его принципамъ. Предоставленіе прихожанамъ правъ участія въ завѣдованіи церковнымъ имуществомъ и въ избраніи членовъ клира, по словамъ записки, есть необходимое условіе нормальной приходской жизни и необходимая уступка общественнымъ пожеланіямъ. Напротивъ, саблеровскій проектъ, устраняя прихожанъ отъ участія въ дѣлахъ прихода и лишая ихъ права подавать свой голосъ по насущѣйшимъ вопросамъ церковной жизни, „создаетъ непреодолимыя тренія между Думой и св. Синодомъ, столь нежелательныя въ переживаемое тяжелое время, и нисколько не послужитъ къ... умиротворенію церковной жизни, а къ наивѣщшему раздѣленію“.

Послѣ такой нелестной аттестаціи послѣдняго вѣдомственнаго проекта записка митр. Питирима, конечно, уже не настаиваетъ на его проведеніи. Она считаетъ возможнымъ сдѣлать всѣ уступки общественнымъ пожеланіямъ въ предѣлахъ проекта 1906 года и лишь по техническимъ соображеніямъ находить болѣе удобнымъ не перерабатывать вновь имѣющійся проектъ, а внести его въ Г. Думу въ существующемъ видѣ, предоставивъ

синодальному оберъ-прокурору принимать поправки, вносимыя членами Г. Думы, въ границахъ проекта 1906 г. Такимъ образомъ митр. Питиримъ существенно разошелся съ прежней іерархической позиціей и приблизился къ точкѣ зрѣнія общественной. Въ Г. Думѣ какъ разъ уже выдвигался въ 1913 году проектъ предсоборнаго присутствія въ качествѣ законодательнаго предположенія, и, стало быть, намѣчается возможность соглашения по приходскому вопросу, котораго до сихъ поръ добиться никакъ не удавалось.

Взгляды м. Питирима, однако, не приобрѣли еще господствующаго значенія въ духовныхъ кругахъ. Занятое имъ примирительное положеніе не нравится правымъ группамъ, а записка митрополита вызвала цѣлый походъ противъ него. Правая печать забила набатъ, что приходское самоуправленіе угрожаетъ государственнѣмъ устоямъ. Въ приходской общинѣ нѣкоторые правые публицисты констатировали зародышъ республики. Подкладка этого похода, конечно, вполне понятна.

При выборахъ въ 4-ю Думу мобилизація духовенства оказала большую услугу правымъ. Возрожденіе прихода, ставя духовенство въ связь съ прихожанами, дѣлаетъ его болѣе независимымъ и потому менѣе доступнымъ для давленія со стороны. Использовать духовенство для партійныхъ цѣлей будетъ уже труднѣе.

Агитація, повидимому, оказала свое воздѣйствіе, и противъ записки создалась сильная оппозиція въ церковныхъ и бюрократическихъ сферахъ. Отголоски возникшей борьбы отчасти проникли и въ общество. Съ церковной точки зрѣнія во всякомъ случаѣ, видимо, считается неудобнымъ отказаться отъ публично сдѣланнаго м. Питиримомъ заявленія. Поэтому, кажется, отказались отъ борьбы съ основными началами проекта 1906 г. и, если Госуд. Дума пожелаетъ возстановить его редакцію, то это не встрѣтитъ энергичныхъ возраженій. Иначе нельзя понять послѣдняго мѣропріятія синода по приходскому вопросу. Синодъ постановилъ обратиться къ епархіальнымъ архіереямъ съ указаціями подготовительныхъ дѣйствій къ введенію новаго закона объ устройствѣ приходской жизни, ссылаясь на внесенный въ Думу приходскій уставъ. Значить, предвидится реализація его въ законѣ, а такая реализація можетъ быть только при условіи измѣненія редакціи приходскаго проекта въ духѣ предположеній 1906 г. Окончательный исходъ дѣла много будетъ зависѣть отъ позиціи бюрократіи. Правые не даромъ стараются дать приходскому вопросу политическую постановку. Они рассчитываютъ этимъ возбудить опасенія правительства и тѣмъ затормозить приходскую реформу. Удастся ли такой пріемъ, — покажетъ будущее. По существу мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ проявленій обычнаго праваго политиканства. Привыкнувъ къ внесенію поли-

тики въ церковныя отношенія, правые элементы не могутъ отрѣшиться отъ политической оцѣнки церковно-общественнаго движенія, не смущаясь даже явнымъ противорѣчіемъ своей программѣ. Въ послѣдней значатся на первомъ мѣстѣ „исконныя“ русскія начала. А что „исконныя“ стараго русскаго самоуправляющагося прихода, столь же древняго, какъ русское христіанство?

Въ церковныхъ кругахъ, вслѣдъ за приходскимъ вопросомъ, ожидается, видимо, постановка и многихъ другихъ церковныхъ вопросовъ. Въ виду этого возобновилась затихшая было дѣятельность синодскаго предсоборнаго совѣщанія. Совѣщаніе это было образовано при В. К. Саблерѣ послѣ его перваго же заявленія въ Г. Думѣ о скоромъ созывѣ церковнаго собора. Теперь работы совѣщанія возобновились при пополненномъ составѣ членовъ; однако, справедливо высказывается сомнѣніе въ плодотворности его работы безъ кореннаго измѣненія его состава. Пока, впрочемъ, совѣщаніе занялось частнымъ вопросомъ о реформѣ церковнаго суда, оставивъ безъ пересмотра свои прежнія предположенія объ устройствѣ церковнаго управления. Послѣдній вопросъ весьма важенъ для самой судьбы церковныхъ преобразованій, потому что въ сущности безнадежно ждать церковныхъ реформъ безъ предварительнаго переустройства церковно-правительственнаго механизма. Едва ли какія-либо реформы осуществляются прежде, чѣмъ будетъ восстановлена соборность въ церкви, какъ первооснова церковной жизни. О скорѣйшемъ созывѣ собора и восстановленія соборности снова напоминаетъ и Госуд. Дума въ выработанной бюджетной комиссіей формулѣ перехода по смѣтѣ синода.

Что стоитъ на пути церковныхъ преобразованій? Косность ли церковныхъ элементовъ или политическія условія?.. Органический дефектъ существующаго церковнаго строя, отсутствіе соборности, обязанъ своимъ происхожденіемъ гораздо больше фактору государственному, чѣмъ церковному. Въ русской церкви соборность ослабѣла отчасти отъ мѣстныхъ церковныхъ условій. Большую роль сыграла огромность русскихъ епархій, затруднявшая созывы соборовъ, почему полные соборы созывались у насъ довольно рѣдко. Во-вторыхъ, оказалъ вліяніе на ослабленіе соборности и вельможный характеръ русскаго епископата, способствовавшій развитію іерархическаго единовластія въ ущербъ соборной свободѣ. Но ни то, ни другое обстоятельство соборности не подавляло окончательно, и при наличности ихъ обоихъ соборность существовала до реформы Петра Великаго. Рѣшающее вліяніе на судьбу соборности имѣлъ факторъ государственный, такъ какъ упразднила соборность именно петровская реформа, произведенная по государственной инициативѣ. Духовный Регламентъ Петра, учреждая синодъ, отмѣнилъ соборы и соборность, подѣляя предлогомъ якобы учрежденія постоянного „соборнаго правительства“.

Мѣропріятіе это было вполнѣ сознательнымъ. Государственная власть отмѣняла соборность изъ своихъ государственныхъ соображеній въ силу политическихъ мотивовъ, прописанныхъ довольно ясно въ томъ же Регламентѣ. Регламентъ говоритъ, что патріаршество отмѣняется въ виду его государственной опасности: простой народъ, не вѣдая различія чести царской и патріаршей, почитаетъ патріарха вторымъ государемъ, что можетъ повести къ опаснымъ явленіямъ при разногласіи царя съ патріархомъ. О соборности Регламентъ умалчивалъ, но изъ приведеннаго логически слѣдовало, что и соборность упразднилась по тому же соображенію. Соборность поддерживала церковную независимость, давала церковной власти опору, независимую отъ власти государственной. Поддерживая церковный авторитетъ, она ограничивала государственное вліяніе въ церковной сферѣ. Петровская реформа хотѣла подчинить церковное управленіе государственному руководству, взять въ государственныхъ руки церковное дѣло, — и соборность съ ней не уживалась. Для чего было государственной власти церковное подчиненіе — другой вопросъ; но оно было нужно не только *ad hoc*, для того момента, а и въ интересахъ дальнѣйшей государственной политики. Если бы не такъ, то что же мѣшало возстановить опять соборность, хотя бы и при синодѣ?

Во всякомъ случаѣ церковно-реформаторская проблема соприкасается съ политическими проблемами нашего времени и въ своей судьбѣ связывается съ ними. При существующей у насъ системѣ церковно-государственныхъ отношеній иначе и быть не можетъ. Союзъ церкви съ государствомъ учитывается какъ реальная величина въ политической конъюнктурѣ. А церковно-реформаторское движеніе хочетъ измѣнить соотношеніе союзныхъ сторонъ. Оно хочетъ подвести подъ церковь общественный фундаментъ и сдѣлать самостоятельными доселѣ несамостоятельное церковное начало.

Связь церковной проблемы съ общимъ политическимъ положеніемъ у насъ въ послѣдніе годы какъ бы подчеркивается оживленными преніями, бывающими всякій разъ при обсужденіи смѣты синода въ Гос. Думѣ. Трибуна Гос. Думы сдѣлалась едва ли и не единственною трибуною, съ которой раздается смѣлая критика церковныхъ порядковъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Г. Думѣ настойчиво высказывается цѣлый рядъ пожеланій относительно церковныхъ преобразованій. И въ нынѣшнемъ году докладчикомъ по смѣтѣ синода была сдѣлана довольно суровая критика духовнаго вѣдомства, поддержанная другими думскими ораторами, и высказано нѣсколько важныхъ замѣчаній относительно необходимыхъ реформъ.

Первый пунктъ формулы перехода, принятый Думой, говоритъ о необходимости, „чтобы, въ согласіи съ правилами св. апостоловъ

и св. вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, были приняты мѣры къ переустройству управленія русской православной церкви на началахъ соборности съ широкимъ примѣненіемъ предусмотрѣннаго тѣми же правилами мѣстнаго областного самоуправленія, и чтобы въ этихъ цѣляхъ возможно скорѣй былъ созванъ всероссийскій помѣстный соборъ“.

Не ограничиваясь этимъ общимъ пожеланіемъ, Г. Дума на этотъ разъ предлагаетъ и нѣкоторые конкретныя мѣропріятія, которыя должны хотя бы подготовить почву для будущей церковно-реформаторской работы. Существующій церковно-правительственный аппаратъ, видимо, не способенъ къ той дѣятельности, какая отъ него ожидается. Уже одна быстрая смѣна синодскихъ членовъ, не говоря о порядкѣ ихъ назначенія, препятствуетъ длительной работѣ въ опредѣленномъ направленіи. Бюджетная коммисія Г. Думы, обращая вниманіе на то, что устройство синода уклонилось и отъ существующихъ узаконеній, предлагаетъ произвести теперь же нѣкоторыя перемѣны, а именно: установить для членовъ синода трехлѣтній срокъ пребыванія въ синодѣ и сдѣлать ихъ выборными, предоставивъ избраніе съѣздамъ архіереевъ. Такой порядокъ былъ бы во всякомъ случаѣ коррективомъ къ бюрократической системѣ до ея коренного преобразованія.

Не рѣшаясь, какъ и всегда на коренныя преобразованія, Госуд. Дума въ формулѣ перехода указываетъ на необходимость нѣкоторыхъ частныхъ реформъ. Такова реформа церковнаго суда и бракоразводнаго процесса. А впредь до прекращенія многочисленныхъ уклоненій отъ церковной нормы, Дума требуетъ, по крайней мѣрѣ, прекратить противную канонамъ и вредную для церковной жизни практику переводовъ епископовъ и митрополитовъ съ кафедръ на кафедру, а тѣмъ болѣе помимо церковной власти.

Думскія пренія вскрыли, насколько неотдѣлима у насъ церковная политика отъ общей, и заставили подчеркнуть въ самой формулѣ перехода недопустимость подчиненія церкви политическимъ интересамъ. Пока на церковь будутъ смотрѣть, какъ на политическую силу, готовую къ услугамъ господствующей надъ ней государственности, церковная разруха будетъ только расти и шириться, несмотря ни на какія обѣщанія оберъ-прокуроровъ. Само собою ясно, что политическія услуги церкви нужны для партійныхъ и классовыхъ цѣлей: а такая политика способна лишь уронить еще болѣе достоинство церковной организаціи. Однако, думская формула въ данный моментъ имѣетъ скорѣе академическое значеніе. Наличная государственность, конечно, не откажется отъ политическихъ услугъ церкви, такъ какъ это одна изъ главнѣйшихъ точекъ опоры стараго порядка, борющагося съ общественными требованіями нашихъ дней. Надо поэтому сначала одержать побѣду такъ сказать на другихъ фронтахъ, чтобы подался и церковный фронтъ. А способна ли на такія побѣды Г. Дума?

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что общественные элементы начинаютъ проявлять все энергичнѣе инициативу въ церковныхъ дѣлахъ и ставятъ на очередь вопросы церковнаго устройства.

Дѣловыя думскія соображенія были дополнены при преніяхъ выступлениями отдѣльныхъ ораторовъ, характеризовавшихъ разныя стороны церковнаго положенія. Е. П. Ковалевскій говорилъ, что Дума уже устала „взывать“ къ духовному вѣдомству, кажется, больше другихъ испытывающему русское „законодательное долготерпѣніе“!.. В. Н. Львовъ напоминалъ слова покойнаго В. А. Караулова, что „св. синодъ есть пышная декорация“, добавивъ, что за послѣднее время не только синодъ, а и оберъ-прокуратура сдѣлалась декорацией,
. Въ центральномъ церковномъ управленіи, по словамъ Львова, „царитъ анархія и хаосъ“. Дошло до того, что приходится съ сожалѣніемъ вспоминать даже о К. П. Побѣдоносцевѣ. При желѣзномъ Побѣдоносцевѣ былъ, по крайней мѣрѣ порядокъ. Побѣдоносцевская система, конечно, антиобщественна и антицерковна, но она опредѣлена. Между прочимъ, Побѣдоносцевъ, грудью отстаивавшій старый порядокъ, былъ во всякомъ случаѣ настолько уменъ, что понималъ бесплодность половинчатыхъ мѣропріятій. Возражая противъ собора и патриаршества, онъ говорилъ, что если уже вступать на путь реформъ, то не въ духѣ іерархическихъ желаній, а въ духѣ церковно-общественныхъ требованій. Яркую картину внутренняго распада нарисовалъ М. И. Скобелевъ. Исходя въ общемъ изъ убѣжденія, что церковь должна быть отдѣлена отъ государства, депутатъ не безъ негодованія отмѣтилъ, до чего довелъ существующій режимъ даже господствующую церковь.

А. Вильскій.

О ТРАДИЦИЯХЪ.

Въ декабрьской книжкѣ нашего журнала было помѣшено „письмо въ редакцію“, разсматривающее нѣкоторые вопросы современности въ національно-патриотическомъ освѣщеніи. Разсужденія автора письма, въ высшей степени непритязательныя и, такъ сказать, обывательскія, пріоткрываютъ отчасти тотъ первоисточникъ, тотъ родникъ народной души, которымъ питается славянофильство съ его по-нѣмецки ухищренными умствованиями, нерѣдко затемняющими подлинную суть дѣла. Съ другой стороны, выводы нашего корреспондента, — въ особенности, его критическія замѣчанія по поводу позиціи лѣваго патриотизма, — представляются намъ совершенно правильными и при иномъ, отнюдь не славянофильскомъ, подходѣ къ проблемѣ текущаго момента. Мы сочли, поэтому, возможнымъ дать мѣсто письму, отмѣтивъ въ примѣчаніи наше несогласіе съ славянофильскими воззрѣніями автора.

Къ нашему изумленію, это письмо — и не столько даже самое письмо, сколько его помѣщение съ примѣчаніемъ редакціи — навлекло на насъ громы негодованія. Обозрѣватели и фельетонисты прогрессивной прессы усмотрѣли въ нашемъ поступкѣ нарушеніе священныхъ завѣтовъ толстой журналистики.

Принявъ, однако, во вниманіе ту, поистинѣ, кинематографическую быстроту, съ которой работаетъ мысль газетнаго труженика въ наше отвѣтственное военное время, мы были склонны думать, что люди, имѣющие болѣе досуга для размышленій, легко разберутся въ этомъ несложномъ происшествіи и, если это ужъ такъ нужно, безъ труда припомнятъ соответствующіе прецеденты и традиции.

Какъ оказывается, мы ошиблись. Нѣкоторые солидные сотрудники нѣкоторыхъ солидныхъ журналовъ повторили и усугубили упреки газетныхъ обозрѣвателей. Особенно выдается въ этомъ отношеніи глубоко прочувствованная статья А. Н. Потресова, помѣщенная въ 1 книжкѣ „Ежемесячнаго журнала“ за текущій годъ. Авторъ достигаетъ мѣстами почти ювеналовскихъ вершинъ обличительнаго пафоса, почти изгоевской силы патриотическаго негодованія. Въ нашемъ примѣчаніи къ письму онъ усматриваетъ „моральную безответственность“, недопустимую „увертливость“ редакціи: „захотѣли лягнуть, но не рѣшились открыто“, пишетъ краснорѣчи-

вый публицистъ, „а заранѣе приготовили себѣ ту нору, куда можно безнаказанно юркнуть, — рыцари съ опущеннымъ забраломъ, герои экивоковъ и всякой оговорки!“... „У насъ нѣтъ традицій! У насъ нѣтъ культуры и ея хранимыхъ цѣнностей!“ — гремитъ далѣе почтенный народный трибунъ.

Въ столь же возвышенномъ и повышенномъ тонѣ характеризуется А. Н. Потресовымъ и самое содержаніе письма. Но эта сторона дѣла насъ мало трогаетъ. По части идейнаго содержанія передовая интеллигенція нашихъ дней обнаруживаетъ небывалую широту взглядовъ: крайнія лѣвыя фирмы бойко торгуютъ махровыми цвѣтами шовинизма, подъ скромнымъ флагомъ обороны провозится бурно-пламенный имперіализмъ, кроткій фиговый листокъ „самозащиты“ прикрываетъ жажду довести до конца самая каннибальскія тенденции современности. Однако, чѣмъ свободнѣе содержаніе, тѣмъ строже формы, тѣмъ обязательнѣе традиціонно-прогрессивные флаги, фирмы и фиговые листки. Эту священную традицію мы безспорно нарушили: мы дали мѣсто статьѣ, называющей вещи ихъ настоящими именами, — тѣми самыми именами, которыми называли бы ихъ и мы, если бы имѣли возможность съ достаточной полнотой развить свою собственную точку зрѣнія.

О какой же „безотвѣтственности“, о какой „безопасной норѣ“ говорить нашъ суровый обличитель? Отъ кого мы прятались? Ясно, во всякомъ случаѣ, что не отъ суда общественнаго мнѣнія; передъ этимъ послѣднимъ наше „забрало“ открыто, передъ нимъ мы отвѣчаемъ за все, напечатанное въ нашемъ журналѣ.

Трудно повѣрить, чтобы, при такой несложности положенія, жертвой добросовѣстной ошибки могли стать литераторы, столь многоопытные, какъ нѣкоторые изъ нашихъ оппонентовъ. Невольно является мысль: ужъ не прикрываетъ ли негодование, инсценированное въ такихъ благородныхъ тонахъ, простой спекуляціи на наивность читателя? Читатель, незнакомый съ обстановкой современнаго журнальнаго дѣла, дѣйствительно можетъ испытывать нѣкоторое недоумѣніе. Вы принимаете на себя отвѣтственность за выводы вашего корреспондента? — размышляетъ онъ. — Прекрасно. Но все же ваша точка зрѣнія не совпадаетъ съ точкой зрѣнія письма, какъ сами вы признаетесь въ примѣчаніи. Развѣ это не „экивокъ“? Слыхано ли дѣло, чтобы въ журналѣ западническаго направленія печатались яро-славянофильскія статьи? Гдѣ тотъ прецедентъ, гдѣ та традиція, которая могла бы оправдать ваше поведение въ глазахъ чловѣка, дорожащаго культурой и ея хранимыми цѣнностями?

Не трудно было бы назвать очень древнія и очень почтенныя традиціи.

Мы могли бы сослаться, на примѣръ, на эллинскаго баснописца Эзопа, которому многіе компетентные изслѣдователи приписываютъ изобрѣтеніе, такъ называемаго, эзоповскаго языка, пользующагося

столь заслуженной славой и столь необходимого в нашей толстой журналистике.

Мы могли бы напомнить о „письмах темных людей“, авторы коих, как бы проникая вширь взором вглубь грядущих вьков, с величайшею точностью предвосхитили идею нашего письма в редакцию.

Мы боимся, однако, что эти авторитеты, несмотря на всю их гранитную солидность, не вполне соответствуют духу переживаемого нами военного времени. Древний грек Ээоп едва ли может импонировать русскому общественному мнению в виду той двусмысленной позиции, которую заняли его потомки по отношению к державам четверного согласия. Что же касается „писем темных людей“, то тут дело обстоит еще хуже: мы не рѣшаемся скрыть от читателя, что к составлению их причастны лица до нѣкоторой степени германскаго происхождения.

На наше счастье, русская культура дает нам возможность опереться на традицию, хотя и не столь древнюю, но все же обладающую болѣе чѣм полувѣковой мощностью. Мы имѣем в виду извѣстный радикальный журнал 60-х годов „Современник“, в нѣкоторых книжках котораго печатались консервативно-патриотическія статьи, замѣтки, стихотворения, подъ общимъ заголовкомъ „Свистокъ“. Традиція эта тѣмъ болѣе подходит къ случаю, что носитъ, такъ сказать, двусторонній характеръ, служить оплотомъ не только для насъ, но и для нашихъ критиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, то неистовство обличительныхъ эпитетовъ, которымъ блеснули нѣкоторые изъ нашихъ противниковъ, является совершенно безпримѣрнымъ въ прогрессивной литературѣ послѣдняго времени, но находить себѣ точный прецедентъ въ отзывахъ либерально-патриотической публицистики 60-хъ годовъ о „Свисткѣ“: „рыцарей свистопляски“ упрекали и въ грубомъ непониманіи великихъ задачъ времени, и въ хулиганскомъ неуваженіи къ гранитнымъ репутациямъ (по тогдашнему — „авторитетамъ“), и въ безотвѣстномъ моральномъ босачествѣ (по тогдашнему — „нигилизмѣ“).

Само собой разумѣется, мы какъ нельзя болѣе далеки отъ мысли сравнивать нашу скромную дѣятельность съ той выдающейся ролью, которую игралъ въ свое время „Современникъ“. Да и по существу задачи журналиста въ наши дни совсѣмъ не тѣ, что полвѣка тому назадъ. Однако, одна общая черта между генераціей и тогдашней эпохой имѣется. Теперь, какъ и тогда, национально-патриотическое самосознаніе нашего общества разбужено войной; теперь, какъ и тогда, передъ обществомъ встаетъ великая задача: теперь, какъ и тогда, единство общественнаго настроенія охраняется не только моральнымъ паевосомъ благородныхъ добровольцевъ, но и силами, гораздо болѣе могущественными. Естественно, что теперь, какъ и тогда, русский литераторъ, — будь онъ даже самый крайній западникъ, — не можетъ не испытывать порой жи-

вѣйшей потребности освѣтить тотъ или другой вопросъ въ духѣ нашихъ исконныхъ, национальныхъ началъ. Вотъ почему мы дали возможность высказаться на нашихъ страницахъ случайному корреспонденту изъ другого лагеря. Вотъ почему мы и теперь считаемъ полезнымъ напечатать письмо г-на В. Темнаго, рассматривающаго проблему патриотизма съ мистической точки зрѣнія.

Редакція.

РЕЛИГИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ.

(ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.)

Я — лѣвый, точнѣе, бывший лѣвый интеллигентъ. Текущая событія заставили меня взглянуть на міръ новыми глазами, по-новому оцѣнить наши национальныя традиціи. Неисповѣдимыми — поистинѣ, неисповѣдимыми — путями подходитъ наша родина къ осуществленію своего культурно-историческаго призванія. Наконецъ-то, послѣ столькихъ прискорбныхъ зигзаговъ, послѣ столькихъ тягостныхъ блужданій, наступаетъ какъ будто бы эпоха всеобщаго просвѣтленія. Национальное сознание перестаетъ быть удѣломъ одинокихъ мыслителей, не признаваемыхъ общественнымъ мнѣніемъ. Патриотизмъ — уже не привилегія компрометирующихъ его слугъ реакціи, но священное достояніе всего нашего общества, не исключая и лѣвыхъ его элементовъ. И вотъ, въ этотъ великій, торжественный моментъ никто изъ прогрессивныхъ писателей и дѣятелей даже и не заикается о самой глубокой и важной сторонѣ переживаемаго нами Возрожденія, о религіозной природѣ охватившаго насъ патриотическаго чувства. Объ этомъ заговорилъ, было, авторъ „Письма въ редакцію“, помѣщеннаго въ декабрьской книжкѣ вашего журнала, но и тотъ затронулъ тему крайне поверхностно и для многихъ совершенно невразумительно. Я надѣюсь, однако, что редакція „Лѣтописи“ сознаетъ всю важность проблемы, а потому удѣлитъ мѣсто этимъ строкамъ, цѣль которыхъ — поставить вопросъ со всею приличествующею ему серьезностью.

* * *

Какъ я только что отмѣтилъ, въ безчисленныхъ нашихъ попыткахъ обосновать и оправдать нашъ долгъ передъ отечествомъ, наше „прятіе войны до конца“, — игнорируется самая природа патриотизма. Казалось бы, прежде чѣмъ приступить къ обоснованію патриотизма, каждый долженъ спросить себя: возможно ли вообще обосновать патриотизмъ доводами разума? Возможно ли доказать, что отечественное государство должно быть тѣмъ высшимъ „цѣлымъ“, тѣмъ самодовлѣющимъ и сувереннымъ единеніемъ людей, которому мы всѣ призваны служить?

Какъ извѣстно, сила доказательствъ далеко не безгранична. „Доказать“ значить свести одно положеніе къ другому, болѣе общему; идя такимъ путемъ, мы приходимъ въ концѣ концовъ къ первичнымъ положеніямъ, къ такъ называемымъ „аксіомамъ“, которыя никакому доказательству не подлежатъ, а, напротивъ, сами являются основой всякаго возможнаго доказательства. Истинность аксіомъ для насъ самоочевидна, она непосредственно усматривается нашей познавательной интуиціей.

Подобнымъ же образомъ обстоитъ дѣло и въ области нашихъ идеаловъ, нашихъ вѣрованій, однимъ словомъ, въ области нашихъ „цѣнностей“. И здѣсь „доказательство“, „обоснование“, „оправданіе“ есть лишь сведеніе низшихъ и подчиненныхъ началъ къ высшимъ и самодовлѣющимъ. И здѣсь есть свои аксіомы, свои „категорическіе императивы“, не опирающіеся ни на какое доказательство, не нуждающіеся ни въ какомъ оправданіи, но непосредственно диктуемые намъ моральнымъ сознаніемъ, или же чувствомъ религиознымъ, интуиціей мистической.

Попытки обосновать познавательныя аксіомы неизбежно увлекаютъ насъ въ такъ называемые „порочные круги“ т. е. мы вынуждены молчаливо предполагать то, что должно быть доказано, и такимъ образомъ грѣшимъ противъ логики, — но только противъ нея. Попытки обосновать верховныя „цѣнности“ грѣшатъ сверхъ того противъ Духа святого, оскорбляютъ наше религиозно-нравственное сознание, расшатываютъ и принижаютъ ту цѣнность, которую стараются укрѣпить и возвысить. Такъ напримѣръ, съ легкой руки Бентама долгое время было въ модѣ „сводить“ альтруизмъ къ эгоизму, обосновывать любовь къ ближнему, чувство коллективной солидарности соображеніями личной выгоды. Философская критика давно уже разоблачила тѣ порочные круги, въ которыхъ запуталась мысль Бентама и его послѣдователей. Но аргументація сторонниковъ этого ученія не только логически ошибочна, — она, сверхъ того, несостоятельна нравственно: въ ней есть что-то безнадежно смердяковское, что-то глубоко опошляющее и предметъ доказательства и, прежде всего, самое орудіе доказательства — разумъ человѣческій. Вотъ почему философія Бентама, несмотря на всѣ ея благія намѣренія, возбуждаетъ почти брезгливость во всякомъ человѣкѣ, способномъ глубоко мыслить и чувствовать, какъ бы ни были его убѣжденія; вспомнимъ, напримѣръ, какъ пренебрежительно третируетъ Бентама Марксъ.

Но развѣ не тотъ же Бентамъ воскресаетъ нынѣ въ столь популярныхъ опытахъ экономическаго оправданія войны? Мы должны довести войну до конца, проповѣдуютъ наши лѣвые и крайніе лѣвые публицисты, ибо успѣхъ Германіи грозитъ намъ раззорительнымъ торговымъ договоромъ, въ то время какъ пораженіе Германіи сулитъ неисчислимыя выгоды. Меня не интересуетъ здѣсь правильность или неправильность этихъ расчетовъ;

спрашиваю: допустимы ли они, вообще, въ качествѣ оправданія войны, „адекватны“ ли они своему предмету? Допустимо ли, чтобы въ странѣ — я уже не говорю „христіанской“, а хоть мало-мальски поднявшейся подъ уровнемъ людоѣдства, — принесеніе въ жертву сотенъ тысячъ, а, быть можетъ, и милліоновъ молодыхъ жизней обосновывалось и оправдывалось тѣмъ, что оставшіеся въ живыхъ извлекутъ изъ этихъ смертей хозяйственныя выгоды?

Для того чтобы яснѣе представить, насколько чудовищно такое „обоснованіе“, я прошу читателя произвести надъ собой небольшой психологическій опытъ. Пусть всѣ условія проблемы остаются тѣми же самыми, и отпадаетъ лишь одно: честь родины. Пусть, напримѣръ, какой-нибудь ученый совершенно неопровержимо докажетъ, что Россія достигнетъ величайшаго экономическаго и политическаго процвѣтанія, быстро догонитъ и обгонитъ самыя передовыя страны міра, если мы рѣшимся вырѣзать населеніе 2—3 нашихъ губерній. Всякій изъ насъ съ ужасомъ и отвращеніемъ отвернулся бы, конечно, отъ подобнаго проэкта, совершенно независимо отъ его большей или меньшей обоснованности. Никто, даже самый отъявленный материалистъ, не призналъ бы, конечно, возможнымъ строить благополучіе одной части гражданъ на костяхъ и крови другой.

Не очевидно ли, что, пока мы еще не превратились въ каннибаловъ, мы не можемъ обосновывать нашего „пріятія“ войны никакими экономическими соображеніями, никакими перспективами хозяйственнаго развитія. Выгода, которую мы надѣемся извлечь изъ побѣды, можетъ разсматриваться лишь какъ пріятный результатъ нашего исполненія долга передъ отечествомъ, но отнюдь не какъ его оправданіе. Намъ повелѣваетъ бороться до конца, до полной побѣды надъ врагомъ, не какой либо смердяковскій расчетецъ или балансикъ выгодъ и убытковъ, а единственно оскорбленное достоинство нашего отечества, его поруганная непріятельскимъ вторженіемъ честь, т. е. та священная, религіозная идея отечества, которая вздымается высоко надъ выгодами или интересами, желаніями или чувствами каждаго отдѣльнаго гражданина и даже всѣхъ насъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Судьба бельгийцевъ еще нагляднѣе показываетъ, насколько мало общаго имѣетъ отечество, какъ мистическая цѣнность, съ личной совокупностью гражданъ, съ ихъ нуждами, интересами и правами. Всѣ мы знаемъ, какому разгрому подверглась Бельгія во время непріятельскаго нашествія. Но, конечно, еще несравненно большія опустошенія должна претерпѣть эта несчастная страна при изгнаніи изъ нея непріятели. Союзники вынуждены будутъ буквально вспахать всю почву маленькаго королевства тяжелыми снарядами, ибо нѣтъ иного способа выбить нѣмцевъ изъ тѣхъ безчисленныхъ, укрѣпленныхъ бетономъ, окоповъ, которыми они из-

рыли оккупированную страну. Освобожденная Бельгия будет представлять собой груды развалин, ужасную пустыню, среди которой истомленным, обнищавшим бѣженцамъ придется, вернувшись на свои пепелища, заново строить жизнь. — Тѣмъ же менѣе очищение Бельгии отъ германскихъ полчищъ и сами бельгійскіе патриоты и ихъ могущественные союзники ставятъ непремѣннымъ предварительнымъ условіемъ какихъ бы то ни было мирныхъ переговоровъ.

Тщетно пытались бы мы „объяснить“ этотъ, поистинѣ, священный порывъ патриотизма какими-либо соображеніями пользы и выгоды, какими-либо естественными чувствами любви къ людямъ съ ихъ земными интересами, потребностями, запросами. Только исторія религиозныхъ преслѣдованій можетъ дать намъ примѣры энтузіазма, столь же возвышеннаго, столь же безкорыстнаго, столь же отрѣшеннаго отъ земли. Христіанская община, обрекающая себя въ полномъ своемъ составѣ на мучительную смерть за отказъ вкусить идоложертвенное мясо — вотъ истинный прообразъ героической Бельгии. Какъ мистическая небесная церковь не гибнетъ со смертью всѣхъ вѣрующихъ въ нее людей, но вѣнчается прославленіемъ ихъ мученической кончиной, — такъ и мистическая идея государства-отечества получаетъ лишь новый ореолъ, новую нетлѣнную красоту, когда всѣ граждане, составляющіе земное тѣло отечества, падаютъ священной жертвой на алтарѣ патриотизма.

Какъ же можемъ мы говорить о „прятіи войны до конца“, не сходя съ нашей земной, ограниченной, съ нашей только-человѣческой точки зрѣнія? Вѣдь большаго паденія, большаго духовнаго одичанія нельзя себѣ и представить! Только безумецъ или нравственный уродъ, только Поприщинъ или Смердяковъ способенъ помыслить, что его разумъ въ силахъ оправдать, что его совѣсть полномочна освятить тѣ рѣки крови и потоки слезъ, которые уже пролились и еще прольются во славу священнаго принципа суверенности государствъ.

Любовь къ отечеству сверхразумна и сверхнравственна, т. е. божественна, мистична по самому существу своему. *Atonn sacré de la patrie*“, поется въ національномъ гимнѣ французовъ. *Sacré*, по-латыни „*sacer*“, означаетъ и „священный“ и „страшный“, — да и по-французски слово это говоритъ намъ не только о святинѣ, но также о проклятій. „Священный страхъ“, трепетъ восторга и содроганіе ужаса, — вотъ то чувство, которое всегда рождаетъ въ насъ созерцаніе Божества. Въ этомъ сочетаніи, казалось бы, несомѣстимыхъ чувствъ и приоткрываются нашей душѣ темныя глубины тайнъ Господнихъ; здѣсь основное отличіе могучаго мистическаго вдохновенія отъ нашего земнаго энтузіазма, не омраченнаго никакими тайнами, яркаго и яснаго, разумнаго и нравственнаго, но — увы! — хрупкаго и непрочнаго, какъ все человѣческое.

А между тѣмъ какимъ шумомъ наполнялъ Европу этотъ земной

энтузиазмъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ! Какимъ близкимъ казалось ему окончательное торжество свободы и разума! Объединение всего культурнаго человѣчества въ одно свободно и разумно организованное цѣлое, построение этой, по выраженію Достоевскаго, „вавилонской башни“ социализма, вотъ-вотъ готово было осуществиться... — Но грянула священная война, — и гдѣ вы, строители башни вавилонской? Смѣшались языки ваши, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ должно было увѣнчаться зданіе всечеловѣческаго единства, умираете вы теперь за разъединение людей, за мистическое начало самодержавія отдѣльныхъ отечествъ!

Надо, впрочемъ, отмѣтить, что нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ поняли, повидимому, пророческое иносказаніе Достоевскаго слишкомъ буквально. Такъ, инымъ представляется, что пока европейскіе народы говорятъ на разныхъ языкахъ, пока они не ввели во всеобщее употребленіе эсперанто, политически объединить ихъ въ одно цѣлое невозможно даже съ чисто человѣческой точки зрѣнія. Это, разумѣется, наивное заблужденіе. Если бы наши предки были столь же прозорливы, какъ современные публицисты, мы и по сію пору не состояли бы гражданами государства Россійскаго, но, въ качествѣ „москвитовъ“, вели войны съ татарами, мордвой, черемисами и прочими большими и малыми народностями, входящими нынѣ въ составъ нашего обширнаго и славнаго отечества. Конечно, нашъ способъ объединения національностей не можетъ быть названъ идеальнымъ. Но вотъ уже не одно столѣтіе существуетъ въ Европѣ страна „Швейцарія“, населенная французами, нѣмцами и итальянцами, которые прекрасно уживаются между собой, образуютъ очень прочное политическое единство, и, несмотря на это, обнаруживаютъ поразительное равнодушіе къ эсперанто.

Въ томъ то и сказывается мистичность любви къ отечеству, что она не только сверхморальна въ высшихъ своихъ проявленіяхъ, но и сверхразумна, т. е., на нашъ человѣческій взглядъ, какъ бы безсодержательна въ своемъ предметѣ. Она, очевидно, не связана съ психическимъ или культурнымъ единствомъ тѣхъ или другихъ этническихъ группъ, ибо бесконечно различны, напримѣръ, психическія и культурныя особенности финновъ и грузинъ, латышей и якутовъ, великороссовъ и калмыковъ. А если мы припишемъ чувству культурнаго единства всеобъемлющую силу, способность охватить высшимъ синтезомъ всѣ эти различія, то станетъ непонятнымъ, почему же оно не въ состояніи включить въ свои любвеобильныя объятія народы Западной Европы, гораздо болѣе близкіе другъ къ другу въ культурномъ отношеніи.

Нѣтъ, на аргументахъ отъ „эсперанто“ и тому подобныхъ наивностей мы далеко не уйдемъ. Знаменательно именно то, что все, доступное нашему естественному чувству симпатіи, — любовь къ живымъ конкретнымъ людямъ, къ ихъ духовному складу, къ ихъ формамъ жизни, — все это совершенно ничтожно передъ святыней

любви къ отечеству, все это мы безъ малѣйшаго колебанія приносимъ въ жертву чистой идеѣ государственнаго суверенитета. А между тѣмъ, само государство — носитель священнаго суверенитета — нашему эвклидовскому разуму представляется результатомъ слѣпой игры историческихъ силъ, продуктомъ столкновения страстей и интересовъ, отнюдь не священныхъ, нерѣдко очень низменныхъ, и всегда человѣческихъ, слишкомъ человѣческихъ, по своему происхожденію. Вѣдь извѣстно, что въ построеніи государствъ не малую роль играли и насильственныя присоединенія, и династическія комбинаціи, и дипломатическія интриги. Распределеніе человѣчества по государствамъ носить поэтому печать явной случайности, или, лучше сказать, стихійности, и никоимъ образомъ не можетъ быть обосновано ни національными, ни культурными, ни хозяйственными, ни какими-либо иными разумными соображеніями или принципами. И, однако, такъ велика преданность людей этому ускользящему отъ ихъ разума началу, этому неуловимому для ихъ чувства предмету, что въ періоды военныхъ катастрофъ служеніе государству въ рошочкѣ размалываетъ скрижали человѣческихъ цѣнностей, что въ душѣ человѣка не остается уже ничего человѣческаго, и побѣдно звучитъ тамъ одинъ только сверхчеловѣческій голосъ мистическаго вдохновения, которому „все дозволено“, передъ которымъ почти-тельно отступаютъ заповѣди земной чести и совѣсти.

Съ другой стороны, вовсе не тѣмъ было вызвано крушеніе социалистической „башни вавилонской“, что планъ ея плохо продуманъ, что еще не созрѣли условия для ея осуществленія. Наоборотъ, въ современномъ обиходѣ немного найдется идей, обоснованныхъ столь основательно. Написаны цѣлыя горы книгъ, въ которыхъ очень убѣдительно доказывается, что общественно-хозяйственная жизнь культурныхъ народовъ уже теперь едина, уже переросла рамки государственныхъ и классовыхъ ограниченій, что сама европейская война вызвана не чѣмъ инымъ, какъ столкновениемъ потребностей хозяйственнаго развитія съ его государственно-классовыми оковами. И едва ли можно отрицать, что съ точки зрѣнія чисто человѣческихъ понятій и чувствъ нѣтъ задачи болѣе высокой, болѣе достойной всякихъ жертвъ, чѣмъ всемірное устроеніе человѣчества на началахъ свободы и разума. Ибо здѣсь люди жертвуютъ собой не во имя того, чтобы другіе, вполне подобные имъ, люди повысили свое благосостояніе за ихъ счетъ, а во имя полнаго преображенія жизни, во имя созданія новаго человѣчества, болѣе высокаго по самому типу своему.

Въ противовѣсъ современнымъ публицистамъ, мудрый Достоевскій усматривалъ слабую сторону социализма отнюдь не въ его необоснованности, а въ его, такъ сказать, чрезмѣрной обоснованности, въ его слишкомъ идеальномъ совпадении съ запросами разума и моральнаго сознанія. Какъ человѣкъ глубоко религіозный, Достоевскій не вѣрилъ въ силу земнаго энтузіазма человѣч-

ности, онъ пророчески предвидѣлъ, что даже въ Западной Европѣ, не говоря уже о нашемъ отечествѣ, идея свободы и гармонии не устоитъ подъ напоромъ мистическаго чувства, требующаго чуда, тайны и авторитета.

Пророчество Достоевскаго исполнилось. Будущій историкъ прослѣдитъ, какъ въ процессѣ европейской войны, — по мѣрѣ выявленія ея священнаго смысла, — гасли одна за другой идеи, заимствованныя изъ стараго мировоззрѣнія. Первоначально война была провозглашена „освободительной“. Мы воюемъ не съ нѣмецкимъ народомъ, а съ нѣмецкимъ правительствомъ, писали демократическія и нѣкоторыя буржуазныя газеты союзниковъ; низвергнувъ прусскій милитаризмъ, мы покончимъ съ милитаризмомъ вообще, учредимъ „Соединенные Штаты Европы“, утвердимъ на незыблемыхъ основаніяхъ принципы демократизма! Что осталось теперь отъ этихъ лозунговъ? Только одно: рѣшимость довести войну до полного разгрома нѣмцевъ. Но уже не во имя „Соединенныхъ Штатовъ Европы“ ведется теперь борьба, а во имя самодержавія каждаго изъ отечествъ. Начало это, осознанное какъ высшая религиозная цѣнность, похоронило идею соединенныхъ штатовъ, идею преодоленія милитаризма, заставило европейскіе народы, въ интересахъ усовершенствованія государственной обороны, все дальше и дальше отклоняться отъ принциповъ демократіи. Параллельно съ этимъ крушеніемъ завѣтовъ рационализма растетъ религиозное сознание. Въ Англіи умами овладѣлъ Апокалипсисъ и нѣтъ темы болѣе популярной, чѣмъ „церковь и война“. Франція, гдѣ еще такъ недавно ни одно оффиціальное учрежденіе не могло заикнуться о религіи, гдѣ школьники изучали правила свѣтской морали на мѣсто закона Божія, — эта свободомыслящая Франція нынѣ совершенно измѣнила ликъ свой. Ея военныя госпитали уподобились монастырямъ: проповѣди священнослужителей и ихъ благочестивыхъ духовныхъ дочерей, молитвенники, всевозможныя священныя изображения, амулеты врачуютъ духъ раненаго воина съ меньшей энергіей, чѣмъ медикаменты тѣло; даже солдаты, оставшіеся свободомыслящими, вынуждены порой выполнять церковныя обряды изъ опасенія оскорбить чувства окружающихъ, — такъ великъ религиозный подъемъ.

Однако, католичество съ его традиціями международности, съ его сверхгосударственными претензіями не можетъ, не отрекаясь отъ себя самого, насытить религиозныхъ алканій современности, сущность которыхъ — мистическое воспріятіе идеи государства. Протестантизмъ, вообще, враждебенъ подлинной мистикѣ по своей основной тенденціи. Только нашей православной церкви по плечу та задача, которую ставить передъ христіанствомъ новая эпоха европейской исторіи. Наша церковность искони неразрывно слита съ нашей государственностью. Нигдѣ мистическая природа государства не была осознана такъ глубоко, какъ въ русской церкви. Нынѣ эта наша національная идея, — идея религиозной общественности, идея

теократического государства, — готовится выполнить свое всемирно-историческое призвание, свершить свое побѣдное шествие по градамъ и весямъ духовно опустошенной Европы. Съ Востока свѣтъ!

И вотъ въ моментъ этого величайшаго историческаго перелома мы, лѣвые патриоты, обнаруживаемъ поразительное легкомыслие. Когда группа московскихъ философовъ сдѣлала попытку, — правда, не совсѣмъ удачную, — осмыслить совершающіяся событія, мы съ обычнымъ презрѣніемъ отвернулись отъ этой „реакціонной“, „славянофильской“ идеологии. Но мы отнюдь не отвернулись отъ тѣхъ фактовъ, которые эта идеология осмысливаетъ. Нѣтъ, мы всячески стараемся подчинить ихъ себѣ, стать во главѣ патриотическаго движенія, руководить имъ. Каково же наше собственное пониманіе его смысла? Нѣсколько наспѣхъ состряпанныхъ лозунговъ, нѣсколько фразъ объ экономическомъ преуспѣяніи нашего отечества послѣ побѣды, о необходимости бороться до конца, чтобы покончить съ милитаризмомъ, о грядущихъ успѣхахъ демократіи, — вотъ и весь нашъ багажъ. Въ эти принципиально несостоятельныя теоріи мы и сами уже перестали вѣрить, но все еще повторяемъ ихъ, ибо намъ лѣнь, да и недосугъ замѣнить ихъ чѣмъ-либо лучше. Всякія разсмотрѣнія по существу мы откладываемъ до окончанія войны, а теперь намъ страшно некогда. Мы „организуемъ побѣду“... въ глубокомъ тылу. Устно и письменно, въ стихахъ и прозѣ призываемъ мы вѣрныхъ сыновъ нашей родины мужественно держаться до конца, мы „поднимаемъ духъ“ борцовъ, и въ этомъ видимъ свое общественное призваніе. Оставленные дома вслѣдствіе преклоннаго возраста или физическихъ немощей, мы почему-то увѣрены, что обладаемъ большей бодростью и крѣпостью духа, чѣмъ тѣ молодые и сильные, которые несутъ военную страду.

Я боюсь, что мы ошибаемся, что наша суетливая тыловая дѣятельность очень напоминаетъ работу тѣхъ мухъ, которая такъ усердно „пахали“. Я боюсь, что младше члены нашихъ семей, вернувшись съ фронта, заклеятъ насъ презрительнымъ укоромъ, „насмѣшкой горькою обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ“.

Напрасно вы думали, скажутъ они, что мы нуждались въ вашихъ поощрительныхъ возгласахъ, чтобы мужественно бороться, — мы вовсе не такъ слабы. И напрасно вамъ казалось, что къ грохоту нашихъ военныхъ барабановъ могутъ хоть что-нибудь прибавить ваши издали несущіеся голоса, — они вовсе не такъ сильны. Стихийное чувство, гораздо болѣе мощное, чѣмъ всѣ ваши разглагольствованія, заставляло насъ грудью отстаивать родину. Но у насъ не было досуга, чтобы дать себѣ отчетъ въ этомъ чувствѣ, чтобы вдуматься въ смыслъ нашихъ ратныхъ подвиговъ. Въ этомъ мы ожидали помощи отъ васъ, отцовъ и старшихъ братьевъ нашихъ. И вы увѣряли насъ, что успѣшное окончаніе войны сокрушитъ навсегда милитаризмъ и принесетъ намъ неисчислимыя вы-

годы, цѣлыя горы всяческаго благополучія. — Вотъ мы вернулись, увѣнчанные лаврами, но не видимъ, чтобы исполнилось хоть что-нибудь изъ обѣщаннаго, не замѣчаемъ, чтобы хоть сколько-нибудь приблизился тотъ рай земной, который вы намъ сулили. Впрочемъ, не вы ли, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, призывали насъ идти къ землѣ обѣтованной совсѣмъ иными путями? Не компасу, а флюгеру подобно учене ваше: не цѣль и путь къ цѣли указываетъ оно кормчему, а лишь направление вѣтра, гоняющаго волны морскія то въ ту, то въ другую сторону!

Нѣтъ, не „послѣ войны“, а именно теперь, пока еще такъ ярко горитъ стихійное патриотическое чувство, необходимо осмыслить и закрѣпить его, необходимо всѣми силами способствовать его религиозному осознанію. Надо воспитать въ душѣ народа готовность самоотверженно и безкорыстно служить священному суверенитету отечества, благоговѣнно нести ради него величайшія лишения не только во время войны, но и послѣ ея окончанія, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Нація должна проникнуться сознаніемъ, что подвиги преданности родному государству, какъ и всякое религиозное служеніе, вознаграждаются не суетнымъ земнымъ раемъ, а лишь нетлѣннымъ раемъ небеснымъ.

Иначе возстанутъ призраки прошлаго, возгорится борьба, и уже не кроткія хоругви священнаго патриотизма будутъ рѣять надъ легионами, а гнѣвнымъ пламенемъ вспыхнуть снова нынѣ забытыя знамена гордыни человѣческой. Но и тогда едва ли возродится организующая сила нашихъ прежнихъ идей: такъ опорочили, такъ опошили мы ихъ усерднымъ приспособленіемъ къ нуждамъ текущаго времени. Стихійной бурей пронесется взрывъ посѣяннаго нами отчаянія и, ничего не создавъ, но многое опустошивъ, замретъ въ безсильныхъ конвульсіяхъ.

Однако, ничто не въ состояніи убѣдить насъ въ нелѣпости нашего намѣренія строить священный градъ Божій по чертежамъ башни вавилонской. Когда намъ указываютъ на неумѣстность нашей „позиціи“, когда намъ даютъ понять, что наша реалистическая поддержка унижаетъ религиозное чувство патриотизма, мы приходимъ въ благородное негодованіе, мы вламываемся въ амбицію, кричимъ о неуваженіи къ нашимъ незапятнаннымъ репутаціямъ, къ нашимъ великимъ традиціямъ — этой красѣ и гордости родной культуры.

Боже, какъ все это мизерно! История не знаетъ репутаціи, болѣе незапятнанной, чѣмъ репутація римской матроны. Но надвинулись времена упадка, — и женщинами легкаго поведенія стали матроны доблестнѣйшихъ римскихъ семействъ, вплоть до самой жены Цезаря, которая, по римской поговоркѣ, „выше подозрѣній“. Неужели же проституція перестаетъ быть порокомъ и превращается въ образецъ женской благодѣтели, разъ она освящена репутаціей римской матроны?

Не о своихъ репутаціяхъ надлежитъ помышлять намъ, лѣвымъ и бывшимъ лѣвымъ интеллигентамъ, а безбоязненно, безъ постыдныхъ опасеній („что скажутъ“?), вскрыть подлинный смыслъ того патристическаго чувства, которое насъ охватило. И, если тщательно испытавъ себя, мы найдемъ, что наше увлечение поверхностно, что мы просто захвачены общимъ потокомъ, что мы отдаемся могучей волнѣ изъ страха остаться одинокими, по привычкѣ играть общественную роль; если мы найдемъ, что въ душѣ нашей нѣтъ еще новой вѣры и живы старые боги, — тогда мы обязаны отойти въ сторону. Мы должны понять, что, истолковывая чуждыя намъ стремления въ духѣ нашихъ привычныхъ идей, мы совершаемъ двойное предательство: мы протитуируемъ наше собственное учение, превращая его въ смердяковскую разсудительность передъ лицомъ трагедіи, — и оскорбляемъ невѣдомаго намъ Бога, которому такъ лицомъ рно тщимся послужить нашимъ іудинымъ лобзаніемъ.

Но если мы, дѣйствительно, обрѣли новую вѣру, то отбросимъ же ложный стыдъ передъ самими собой — этотъ позорнѣйшій изъ всѣхъ видовъ трусости — и скажемъ просто и мужественно: Мы вѣруемъ. Не какъ канибалы, мечтающіе утучнить себя и своихъ потомковъ трупами павшихъ братьевъ, а какъ смиренные рабы Господни приемлемъ мы войну, — да свершится великій и страшный судъ Божій.

Василій Темный.

ПО РОССИИ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПРОВИНЦИИ.

Усложнение продовольственного кризиса. — Сахарные, мучные и горнопромышленные короли. — Состоятельное крестьянство в роли спекулянтов. — Городъ и деревня. — Кто именно богатѣетъ в деревнѣ? — Нѣчто о реквизиции труда. — Рабочая жизнь.

За истекшій мѣсяцъ продовольственный вопросъ занялъ в провинции еще болѣе почетное мѣсто, чѣмъ в декабрѣ и январѣ. Онъ окончательно отстранилъ на задній планъ политическіе и общественные интересы и сосредоточилъ на себѣ все внимание администрации и всѣ помыслы общественныхъ учреждений. Петроградъ толкуетъ о прогрессивномъ блокѣ, о кандидатахъ в министры, о планахъ оппозиціи, о шансахъ реакціи. Провинция, наскоро проглядѣвъ газетныя сообщенія и убѣдившись, что на политическомъ фронтѣ попрежнему безъ перемѣнъ, спѣшитъ перейти къ своей основной, неизмѣнной темѣ: „какъ прокормиться?“ Провинціальныя газеты переполнены письмами в редакцію, жалобными корреспонденціями съ мѣстъ, дебатами городскихъ думъ, сообщеніями многочисленныхъ комитетовъ, — и всѣ эти документы вращаются исключительно около однихъ и тѣхъ же сюжетовъ — сахарный голодъ, мучной голодъ, мясной голодъ, угольный голодъ и т. д. Говорить о голодѣ стало специальностью всякаго общественного дѣятеля, и священной обязанностью редактора, фельетониста и хроникера. Даже уѣзднымъ исправникамъ пришлось заняться экономикой, — а это уже говорить многое. Продовольственный кризисъ, какъ злокачественная язва, расплзается по всѣмъ угламъ Россійской имперіи, поражая даже такія мѣста, которыя искони снабжали Россію хлѣбомъ, мясомъ и сахаромъ. И борьба съ нимъ начинаетъ переходить в основныя стадіи, приводя къ столкновению уже не посредника и покупателя, какъ это было в первое время кампаніи, а производителя и покупателя.

Напомнимъ первоначальныя фазы этого явленія. Отчасти благодаря плохой организаци нашей желѣзнодорожной сѣти, отчасти благодаря вошедшей в пословицу подкупности путейскихъ чиновъ, — съ осени прошлаго года начался транспортный кризисъ. Чья вина была здѣсь больше — центрального ли вѣдомства, не умѣющаго установить цѣлесообразнаго плана товарнаго движенія, или

мѣстныхъ исполнителей, слишкомъ легко поддающихся искушениямъ, судить трудно. Не подлежитъ сомнѣнью лишь одинъ фактъ, а именно, — что и вдохновители и исполнители, выражаясь казеннымъ стилемъ, оказались не на высотѣ задачи и общими усилиями привели страну къ полному разстройству товарообмѣна. Разстройство это остается налицо и до сихъ поръ и, подобно перемежающейся лихорадкѣ, то уступаетъ усиленнымъ дозамъ административнаго хинина, то сразу дѣлаетъ скачекъ вверхъ и достигаетъ размѣровъ, явно угрожающихъ народному здравью. Путемъ экстренныхъ мѣръ вродѣ временной приостановки пассажирскаго движенія удается снабжить продуктами столицы; тѣмъ временемъ кризисъ почему то перекидывается на провинцію, а когда начинаютъ лѣчить провинцію, транспортный кризисъ опять подкрадывается къ столицамъ.

Эта история очень старая и насчитываетъ уже больше шести мѣсяцевъ, но подобно любви, смерти и другимъ неодолимымъ и разсудку непостижимымъ явлениямъ, остается она для російскаго обывателя вѣчно новой. Было бы утомительно перечислять факты, подтверждающе эту истину: то, о чемъ ежедневно трубятъ столичная и провинціальная пресса, въ одинаковой степени извѣстно обитателямъ захолустнѣйшихъ угловъ. Было бы столь же утомительно повѣствовать о карахъ, ежедневно ниспосылаемыхъ начальственной рукой на головы желѣзнодорожныхъ чиновниковъ: онѣ такъ же многочисленны, какъ малоуспѣшны. Достаточно сказать, что за истекшій мѣсяцъ наряду съ квашеной капустой и солдатскими сапогами на желѣзныхъ дорогахъ стали затериваться... ихъ высокопревосходительства: въ концѣ февраля нѣкій министръ (и при томъ не бывший, а настоящій) былъ завезенъ, какъ сообщаютъ „Рус. Вѣд.“, вмѣсто Черкасъ въ Кіевъ. Очевидно, съ желѣзнодорожнымъ движеніемъ творится что-то стихійное, неодолимое; и единственная мораль, которую можно высказать по этому поводу, исчерпывается, повидимому, словами Виргилія, сказанными имъ Данте при посѣщеніи пятаго круга ада: „посмотри и пройди мимо“.

Нарушеніе товарообмѣна вызвало, однако, новую болѣзнь, приобрѣтшую вскорѣ совершенно самостоятельное значеніе. Читатель догадывается, конечно, что я имѣю въ виду спекуляцію. Для людей, отличающихся прокурорскимъ уклономъ мысли, при этомъ словѣ прежде всего встаетъ вопросъ о виновности. Въ предыдущемъ обзорѣ мы уже говорили, въ какія дебри завела эта исправительно-карательная точка зрѣнія ретивыхъ сторонниковъ административнаго воздѣйствія. Провинціальныя Юпитеры, совершенно не разбираясь въ общихъ причинахъ спекуляціи, устремили свою карающую длань на тѣхъ, кто всего яснѣе и примѣтнѣе спекулировалъ, т. е. на торговцевъ оптовыхъ, розничныхъ и базарныхъ. Предполагалось, что спасительный страхъ сразу излѣчитъ коммерсантовъ отъ грѣшныхъ помысловъ и что неукоснительные

Держиморды приведутъ экономическія затрудненія къ быстрому и благополучному окончанію. Губернскія и уѣздныя каталажки сразу наполнились исправляемыми грѣшниками, а стѣны частныхъ и общественныхъ учреждений запестрѣли таксами. Но и это ни къ чему не привело.

Подъ конецъ даже въ административныхъ кругахъ стали сомнѣваться въ цѣлесообразности карательно-запретительныхъ методовъ, и за истекшіе полтора мѣсяца не только земства и города, но и главноуполномоченные отъ министерствъ стали молить подлежащія сферы объ избавленіи отъ таксъ и фиксированныхъ цѣнъ. Конечно, въ объясненіи этой неудачи можно было бы привести не мало резоновъ, не только обще-экономическаго свойства. Можно было бы указать, напр., на то, что дѣйствія главноуполномоченныхъ не обнаруживали никакого общаго плана и что тактика губернаторовъ сводилась не столько къ опредѣленной системѣ дѣйствій, сколько къ лихимъ атакамъ и случайнымъ вылазкамъ; можно было бы, далѣе, напомнить, что при выработкѣ таксъ и твердыхъ цѣнъ мнѣніе широкихъ демократическихъ массъ населенія, которыхъ это касается, вѣдь, всего ближе, не принималось въ расчетъ, а ихъ содѣйствіе признавалось администраціей излишнимъ;

Но всѣ эти соображенія представляютъ въ данный моментъ скорѣе историческій интересъ. Суть въ томъ, что административные способы борьбы съ дороговизной и спекуляціей не удалась. Спекуляція за истекшіе 1 $\frac{1}{2}$ мѣсяца не только не утратила своей остроты, а, напротивъ, расширилась и укоренилась.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно обнаружилось и то явленіе, о которомъ мы упомянули въ самомъ началѣ статьи: спекулянтами оказались не только посредники, но и производители. Врядъ ли, конечно, можно думать, что производители согрѣшили лишь въ самый послѣдній моментъ, поддавались дурному примѣру купцовъ и барышниковъ. Спекулировали они, конечно, и раньше; но дѣлали они это менѣе явно, болѣе ловкими способами, а когда по ихъ адресу раздавались обвиненія, то имъ всегда приходилъ на помощь жизненный громоотводъ — транспортная неурядица. Во всемъ было виновато путейское вѣдомство: исправьте его — и сами собой установятся нормальныя цѣны. Но когда положеніе вещей стало настолько серьезно, что начало отражаться на издержкахъ предпріятій, — доброе согласіе гг. промышленниковъ нарушилось, они начали взаимно изобличать другъ друга, и сахарные короли метнули стрѣлу въ угольныхъ королей, а угольные короли излили чашу ярости на сахарныхъ королей и мукомольныхъ крезовъ. Интересы отдѣльныхъ торгово-промышленныхъ группъ пришли въ

конфликтъ и вызвали цѣлый рядъ крайне интересныхъ разоблаченій. Въ результатѣ этой борьбы выяснилось, что транспортная неурядица является во многихъ случаяхъ скорѣе поводомъ и предлогомъ, чѣмъ истинной причиной бѣшено растущей дороговизны.

Въ первую очередь на скамьѣ подсудимыхъ оказались банки. Не проходитъ ни одного продовольственнаго совѣщанія безъ того, чтобы не раздалось обвиненій по ихъ адресу. Банки спекулируютъ хлѣбомъ, мясомъ, топливомъ, сырьемъ. Съ самыхъ противоположныхъ концовъ Россіи слышенъ вопль о банковскомъ засильѣ. Такъ, напр.:

Въ Томскѣ городской думой установленъ фактъ широкой спекуляціи при закупкѣ мяса, въ которой принимаютъ дѣятельное участие банки. Банки снабжаютъ скупщиковъ деньгами и гарантируютъ получение вагоновъ, несмотря на общую затруднительность товарнаго движенія. Скупщики отправляютъ ежедневно до 10-ти вагоновъ мяса, .

Дума постановила бороться всѣми мѣрами противъ вредной и позорной дѣятельности банковъ и путейскаго вѣдомства. (Д. В. 21 янв.)

А совѣщаніе съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи тоже присоединяется къ общему хору и, сдѣлавъ благородное лицо, заявляетъ:

Должны быть приняты рѣшительныя мѣры противъ спекуляціи частныхъ лицъ и въ особенности банковъ, необходимо установить постоянное наблюдение за складами ихъ. („Ю. Кр.“)

Вслѣдъ за банками наступаетъ очередь промышленныхъ синдикатовъ и вообще заводчиковъ, — и кievскій областной съѣздъ военно-промышленныхъ комитетовъ выдвигаетъ вопросъ о „Продаметѣ“, находящемся, какъ извѣстно, въ тѣсной связи со съездомъ горнопромышленниковъ юга Россіи — съ тѣмъ самымъ съездомъ, который, какъ мы видѣли, столь рѣшительно и безповоротно осуждаетъ скверны банковской спекуляціи. Киевскій съѣздъ военно-промышленныхъ комитетовъ — учрежденіе, состоящее въ своемъ большинствѣ изъ представителей промышленности и торговли и цензоваго земства и, слѣдовательно, по самому своему составу далекое отъ какой бы то ни было односторонней придиричivosti. Тѣмъ большаго интереса заслуживаетъ вынесенная имъ резолюція:

На состоявшемся въ Киевѣ областномъ съѣздѣ представителей военно-промышленныхъ комитетовъ кievскаго района выяснено, что тѣ громадныя затрудненія въ дѣлѣ закупки сырья, которыя приходится испытывать военно-промышленнымъ организациямъ, обусловливались, главнымъ образомъ, послѣдствіями дѣятельности синдикатовъ, въ особенности синдиката „Продамета“.

Съѣздъ постановилъ поручить представителямъ мѣстныхъ военно-промышленныхъ комитетовъ поднять на петроградскомъ военно-промышленномъ съѣздѣ вопросъ о парализованіи вредной дѣятельности синдикатовъ, а также довести объ этой дѣятельности до свѣдѣнія Государственной Думы („Р. Сл.“ 18 февр.)

Какъ видите, обвиненіе поставлено широко: въ хозяйственной разрухѣ повинны не только мелкія путейскія сошки, а и тѣ могу-

щественныя организаци, которыя сосредоточили въ своихъ рукахъ выработку сырья — т. е. непосредственные производители. Киевскій областной съѣздъ заинтересовался, главнымъ образомъ, горной промышленностью. Факты показываютъ, что тѣ же неутѣшительные выводы, — только на этотъ разъ не въ связи съ поставками на армию, а въ связи съ продовольствіемъ гражданскаго населенія, — приходится сдѣлать и по отношенію къ дѣятелямъ другихъ отраслей обрабатывающей индустрии.

Особенно поучительными являются какъ разъ тѣ районы, въ которыхъ, казалось бы, по ихъ естественнымъ условіямъ не можетъ быть недостатка въ предметахъ продовольствія. Харьковская и Киевская губернии, Донецкій бассейнъ и Область Войска Донскаго числятся во всѣхъ географіяхъ, какъ главные пункты сахароварнаго производства, родина лучшаго мясного скота и районы наилучшихъ урожаевъ хлѣба. А между тѣмъ Харьковъ сидитъ безъ рафинада. Совѣтъ съѣзда горнопромышленниковъ на основаніи полученныхъ имъ данныхъ предрекаетъ, что въ ближайшемъ будущемъ, если только не будутъ приняты экстренныя мѣры, горнопромышленныхъ рабочихъ Донецкаго бассейна постигнетъ сахарный голодъ, мучной голодъ и мясной голодъ („Юж. Кр.“). А для городовъ Донской Области эти три вида голода являются уже не будущимъ, а настоящимъ. Сахарозаводчики и мукомолы не выпускаютъ продуктовъ на рынокъ, находя установленныя таксы для себя разорительными, и въ подаваемыхъ ими докладныхъ запискахъ единогласно вопіютъ о поправаніи вѣчныхъ началъ права и справедливости.

Если послушать самихъ мукомоловъ, то положеніе ихъ чрезвычайно грустное — почти отчаянное. „Благодаря постановленіямъ продовольственной комиссіи“, пишутъ въ своей запискѣ ростовскіе мукомолы, „искусственно создавались пониженныя цѣны на муку, не соответствовавшія цѣнамъ на зерно, и давали ростовскимъ мельницамъ при продажѣ по нимъ въ Ростовѣ убытка противъ себѣ-стоимости около 2 р. на каждый пятипудовый мѣшокъ“ („Юж. Кр.“). И они-все таки продавали, дабы не оставить населеніе безъ пищи! — восклицаетъ читатель. — О, благородныя жертвы долга, о самолюбивые радѣтели отечественнаго благополучія! Но не растрчивайте вашихъ восторговъ на однихъ только ростовскихъ мукомоловъ, читатель! Приберегите частицу вашей душевной теплоты и для другихъ рыцарей идеи, мужественно стоявшихъ на своемъ посту и безропотно выносившихъ гоненія мачехи-судьбы. На совѣщаніи сахарозаводчиковъ, состоявшемся въ Харьковѣ 11 февраля подъ председательствомъ губернатора Л. Оболенскаго, эти стоические люди перечислили всѣ бѣды, которыя имъ угрожали и угрожаютъ: дороговизну рабочихъ рукъ, своекорыстную политику путейцевъ и горнопромышленниковъ, оставляющихъ ихъ заводы безъ угля, и т. д.

Въ концѣ засѣданія совѣщаніе коснулось весьма интереснаго и важнаго вопроса о перспективахъ сахарнаго дѣла. По

общему мнѣнію, сахарная кампанія нынѣшняго года кончится болѣе или менѣе благополучно. Но будущій годъ представляется для сахаро-заводчиковъ особенно тяжелымъ. („Южн. Кр.“ 13 февр.)

Да, тяжелъ былъ истекшій годъ, а будущій будетъ еще тяжелѣе...

Но все-таки они не бѣгутъ отъ вѣреннаго имъ отечествомъ дѣла, а соглашаются вести его и дальше, во имя интересовъ обожасемой родины. Не таксировать нужно такихъ людей, а заживо заносить въ святцы, раздавая ихъ портреты ученикамъ начальныхъ школъ и увѣковѣчивая ихъ именемъ главныя улицы спасенныхъ ими городовъ и селеній.

Но — какъ примирить съ этимъ „страшно-ужаснымъ“ положеніемъ исторіи феноменальныхъ обогаченій, которыя рассказываютъ о мукомолахъ мѣстные люди? И что подумать о такихъ вотъ телеграммахъ:

Кіевъ, 22, П. Товарищество одесскаго сахаро-рафинаднаго завода при основномъ капиталѣ въ 1.500.000 рублей получило въ послѣднемъ отчетномъ году 780.000 рублей прибыли (,Русск. Сл.“)

или:

Яркой иллюстращей неосновательности жалобъ сахарозаводчиковъ на „плохія дѣла“ можетъ служить состоявшееся на-дняхъ въ Кіевѣ общее собраніе акционеровъ Александровскаго товарищества сахарныхъ заводовъ, принадлежащихъ ранѣе Бродскому, а теперь Русскому для внѣшней торговли банку.

За отчетный годъ, до сентября 1915 г., товарищество на основной капиталъ въ 20 миллионѣвъ получило чистой прибыли свыше 7 миллионѣвъ. Прибыль эта значительно ниже дѣйствительной, такъ какъ стоимость непроданнаго сахара установлена по пониженнымъ противъ существующихъ цѣнамъ, и, кромѣ того, большія суммы списаны на амортизацію имущества.

Директоръ-распорядитель товарищества, управляющій киевскаго отдѣленія Русскаго для внѣшней торговли банка Добрый, кромѣ жалованья въ 36.000 рублей въ годъ, получилъ „тантьему“ въ 160.000 рублей. Остальные 4 члена правленія — Давыдовъ, Гольденбергъ, Френкель и баронъ Гинцбургъ, — кромѣ жалованья по 12.000 рублей, получили тантьемы по 84.000 рублей. Всего правленіе за годъ получило 588.000 рублей. Въ то же время на пенсіи служащимъ отчислено только 1.780 рублей.

Отчетный годъ окончился въ сентябрѣ. Именно съ этого мѣсяца товарищество, вслѣдствіе вздорожанія сахара, стало получать особенно крупныя доходы, но они въ отчетъ минувшаго года не входятъ.

Принадлежащее также Русскому для внѣшней торговли банку Корюковское товарищество сахарныхъ заводовъ за отчетный годъ на основной капиталъ въ 3 миллионѣвъ получило прибыли полтора миллионѣвъ (,Русск. Сл.“)

Харьковъ, 24, П. Товарищество харьковскаго сахарорафинаднаго завода при с. Малой Даниловкѣ, Харьковскаго уѣзда, закончило операционный годъ при основномъ капиталѣ въ 2.400.000 рублей съ прибылью въ 1.458.818 рублей. Изъ этой колоссальной прибыли директоръ-распорядитель М. Д. Баренбургъ получилъ „тантьему“ въ 145.881 р. 80 коп., директора правленія — 30.000 рублей. На долю пайщиковъ осталось чистой прибыли 768.000 рублей. На каждый свой пай, стоимостью въ 480 рублей, пайщики получили дивиденда по 160 рублей или 32%. Въ числѣ директоровъ правленія харьковскаго завода состоитъ графиня М. И. Мусина-Пушкина.

или:

Московский сахарорафинадный заводъ въ истекшемъ операционномъ году получилъ прибыли 788.642 рубля, что при основномъ въ 1.500.000 рублей составляетъ 52%. Въ дивидендъ пайщикамъ отчислено 225.000 рублей (15%). Сравнительно скромный размѣръ дивиденда пайщиковъ объясняется тѣмъ, что изъ прибыли отчислено 100.000 рублей на расходы по покупкѣ шалыгинскаго завода. Вопросъ о размѣрѣ вознагражденія директорамъ правленія опубликованный заводомъ отчетъ скромно обходитъ. Въ отчетѣ лишь значится, что „въ вознагражденіе правленію и служащимъ“ отчисляется 147.315 рублей. Львиная доля этого отчисления осталась, конечно, въ карманахъ правленія. („Русск. Сл.“)

Очевидно, положеніе мукомоловъ и сахарозаводчиковъ наряду съ грустными обнаруживаетъ и отрадныя стороны.

Въ сущности, этихъ отрадныхъ сторонъ даже больше, чѣмъ грустныхъ, и если бы гг. промышленники изложили ихъ съ такой же исчерпывающей полнотой, съ какой они излагаютъ свои скорби и огорченія, то, пожалуй, многие изъ обывателей Россійской Имперіи захотѣли бы взяться за ихъ самоотверженную работу. И даже, пожалуй, тогда вышелъ бы вопросъ о сугубомъ обложеніи прибыли, заработанной на недоѣданіи массъ населенія.

Къ счастью, у гг. мукомоловъ и сахарозаводчиковъ есть влиятельные и просвѣщенные друзья, которые понимаютъ, что мужество и стойкость, какъ и всякія вообще добродѣтели, имѣютъ неоспоримое право на премию. Они сдерживаютъ порывы завистливой толпы и исправляютъ обиды, причиненныя законсѣлымъ обывателемъ. Вотъ, напр., ростовское (на Дону) совѣщаніе при городской управѣ, принявъ въ расчетъ всѣ условия военнаго времени, рѣшаетъ повысить цѣну 1-го сорта муки до 13 р. 75 к. за пятипудовый мѣшокъ. Мукомолы ѣдутъ въ Петроградъ, излагаютъ тамъ единственно-правильный взглядъ на вещи и, въ результатѣ, петроградское продовольственное совѣщаніе повышаетъ цѣну еще на 1 рубль на мѣшокъ. Пусть ростовскіе гласные указываютъ, что „въ то время какъ въ Ростовѣ нѣтъ зерна, сосѣднія станицы забиты хлѣбомъ, а въ банкахъ зерна хранится до 12 мил. пуд.“ („Ростов. Рѣчь“.) Пусть пылкіе члены ростовской продовольственной комиссіи выносятъ резолюціи вродѣ слѣдующихъ:

Совѣщаніе высказывается въ томъ смыслѣ, что поднятіе цѣнъ на муку петроградскимъ продовольственнымъ комитетомъ есть не что иное, какъ пощечина ростовскому самоуправленію. Поэтому нужно идти напроломъ и поднять голосъ свой въ защиту интересовъ населенія отъ посягательствъ группы ростовскихъ спекулянтовъ, которые прибѣгаютъ даже къ преступнымъ мѣрамъ для достиженія поднятія цѣнъ на продукты.

Совѣщаніе постановило просить городского голову собрать немедленно чрезвычайное засѣданіе думы и, обсудивъ на немъ создавшееся положеніе, командировать, минуя Новочеркасскъ, къ министру внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія представителей города, которые указали бы на опасность создашагося положенія и просили бы понизить до прежней нормы таксу на муку. („Рост. Рѣчь“.)

Пусть, наконецъ, гласный Лосевъ патетически восклицаетъ, что „послѣ этого намъ всякій обыватель имѣетъ право плюнуть

въ лицо“. Всѣ эти тирады, резолюци, чрезвычайные послы и даже илевки гласнымъ въ физиономію не могутъ поколебать принципа, гласящаго, что мужество и стойкость должны быть вознаграждены.

Сахарозаводчики тоже нашли вліятельнаго и просвѣщеннаго человѣка, который въ трудную минуту жизни оберегъ или, по крайней мѣрѣ постарался оберечь ихъ отъ грозившей несправедливости. Изъ Кіева пишутъ:

Центральное бюро по объединенію закупокъ, по предложенію председателя бюро Суковкина, признало цѣлесообразной закупку государствомъ всего свободнаго сахара текущей кампаніи и согласилось, что доводы сахарозаводчиковъ о необходимости сравнять предѣльные цѣны сахара юго-западнаго края съ предѣльными цѣнами Заднѣпровья заслуживаютъ уваженія, равно какъ и предложеніе сахарозаводчиковъ повысить цѣны на сахаръ, сообразно повышенію цѣнъ, для Петрограда при закупкѣ черезъ градоначальника. Всѣ эти соображенія рѣшено представить на усмотрѣніе особаго совѣщанія по продовольственному дѣлу въ Петроградѣ („Ю. Кр.“ 18 февр.).

Такъ кончилась на югѣ Россіи борьба противъ мукомоловъ и сахарозаводчиковъ. Потребитель протестуетъ, жалуется, негодуетъ, и цѣны „выравниваются“, приспособляясь къ наивысшему существующему въ странѣ уровню. Мы нисколько не удивимся, если черезъ двѣ недѣли російскія цѣны на сахаръ, муку и мясо будутъ уравниены съ цѣнами Якутской области, а еще черезъ двѣ недѣли за образецъ справедливыхъ цѣнъ будетъ взята пустыня Сахара и полярный полюсъ.

Какъ мы видимъ, въ развитіи дороговизны намѣчаются совершенно ясно послѣдовательные, смѣняющіе другъ друга фазисы. Сначала — разстройство транспорта и борьба съ путейскимъ вѣдомствомъ; потомъ спекуляція посредниковъ и борьба съ продавцами; наконецъ, — спекуляція заводчиковъ, вырабатывающихъ сырье и продукты питания, и борьба съ производителемъ. Но что такое, въ концѣ концовъ, всѣ эти спекулирующіе банки, горнопромышленники, сахарозаводчики, мукомолы?

Начать борьбу съ ними — значитъ начать борьбу со всѣмъ укладомъ современной экономической жизни, покоящимся на свободной конкуренціи. Никакая фиксація, никакія твердыя цѣны не помогутъ, если не будетъ регулировано веденіе предпріятій, если не будетъ установленъ контроль надъ самымъ процессомъ производства.

Затрудненія усиливаются еще и тѣмъ, что въ ряды производителей-спекулянтовъ вступилъ за послѣднее время хозяйственный мужичокъ хлѣбородныхъ губерній и крупный помѣщикъ. Это явленіе настолько интересное, что на немъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Пишущему эти строки пришлось побывать въ четырехъ губер-

нияхъ, поставляющихъ хлѣбъ на внутренний рынокъ: въ Харьковской, Курской, Саратовской и Самарской.

Въ трехъ первыхъ губернияхъ и — въ меньшей степени — въ четвертой замѣчается одно и то же: начиная съ декабря, крестьянинъ сталъ придерживать хлѣбъ, дожидаясь болѣе выгодныхъ цѣнъ. По отношенію къ мелкимъ посѣвщикамъ это понятно: менѣе нуждаясь въ деньгахъ, чѣмъ раньше, получая чрезвычайно высокую по сравненію съ прежнимъ заработную плату, они просто увеличили собственное потребление, перестали недоѣдать и нужный имъ хлѣбъ оставили дома. Но у посѣвщиковъ болѣе крупныхъ причины, заставляющія „попридержать“ и „повременить“, были нѣсколько иного свойства. Въ нихъ проснулся коммерсантъ. „Представьте себѣ окружающую сейчасъ крестьянина атмосферу“, рассказывалъ мнѣ г. Т., кооперативный дѣятель одного захолустнаго, но большого села Изюмскаго у. Харьковской губ. „Крестьянинъ ежедневно возитъ хлѣбъ на станцію. Со всѣхъ сторонъ онъ слышитъ о сказочныхъ барышахъ, о состояніяхъ, наживаемыхъ въ нѣсколько дней. Съ каждой недѣлей хлѣбныя цѣны скачутъ вверхъ и создаютъ настроеніе бѣшеной погони за золотомъ. По селамъ рыщутъ скупщики, перебивая другъ у друга продавцовъ. Вполнѣ естественно, что, въ концѣ концовъ, крестьянинъ спрашиваетъ себя: если можно имѣть, то почему же нельзя мнѣ? И начинаетъ выжидать болѣе выгодныхъ цѣнъ“.

Такимъ образомъ и въ крестьянскую среду — въ ту, конечно, которая имѣетъ что продать, — вносится завезенный скупщикомъ и коммерсантомъ духъ спекуляціи. Особенно ярко выявляется онъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходитъ закупка хлѣба большими партиями. Вотъ, напр. село Базарный Карабулакъ, Аткарскаго у. Саратовской губ. Здѣсь имѣется кредитное товарищество и два частныхъ банка;

..... второе тоже скупаютъ хлѣбъ, но ужъ для частныхъ лицъ.

По словамъ г. Г., весьма виднаго мѣстнаго кооператора, въ тяготеющихъ къ этому селу волостяхъ имѣется хлѣбныхъ запасовъ по самой скромной оцѣнкѣ около 2-хъ милл. пудовъ. Операции по скупкѣ начались въ концѣ ноября; цѣна хлѣба была фиксирована въ 80 к. за пудъ, и крестьяне везли хлѣбъ большими партиями. Затѣмъ вскорѣ цѣна была поднята до 1 р. Привозъ нѣсколько уменьшился. Еще черезъ двѣ недѣли цѣна была установлена въ 1 р. 10 к. — и привозъ сократился на половину. Въ срединѣ января цѣна была поднята до 1 р. 20 к. — и привозъ прекратился совсѣмъ. Г-нъ Г. сталъ разъѣзжать по селамъ и пытался уговорить крестьянъ бросить выжидательную тактику. Но всѣ его усилія встрѣтили рѣшительный отпоръ. „Твердая цѣны — одна видимость“, говорили крестьяне. „Въ первый разъ вотъ тоже показывали бумажку, говорили, что больше 80 к. не получишь; а потомъ до 1 руб. 20 коп. дошло. Нѣтъ, ужъ мы лучше по-

временіиъ. Вотъ когда дойдетъ до 2 р. за пудъ — тогда поведемъ“. — „Но вѣдь у васъ будутъ тогда силой реквизируютъ хлѣбъ“. — „Ну что же, пускай реквизируютъ; но только добровольно отдать мы не согласны“. Какъ въ концѣ концовъ разрѣшилось это положеніе, — я не знаю; въ тотъ моментъ, когда мнѣ пришлось быть въ Б. Карабулакѣ, дипломатическіе переговоры были прерваны, и добровольнаго соглашения между представителями главноуполномоченнаго и крестьянами какъ будто не предвидѣлось.

Въ Курской губ. намѣчается та же тенденція, усиленная, впрочемъ, тактикой мѣстнаго главноуполномоченнаго, г. Раппа; приемы его борьбы съ торговцами, напоминающія похождения г. Кошура-Мосальскаго, привели къ тому, что собственники мѣстныхъ мукомольи и крупорушекъ прекратили закупку хлѣба и гречи,

Если мы припомнимъ, что Курскъ является однимъ изъ большихъ центровъ производства гречневой крупы, и что изъ размолотой тамъ крупы только 3⁰/₀ потребляется городомъ, а остальные 97⁰/₀ поступаютъ на обще-россійскій рынокъ — то создавшееся тамъ положеніе приводитъ къ довольно грустнымъ выводамъ. Однако, даетъ себя знать и выжидательное настроеніе крестьянъ.

„Мужикъ другой пошелъ“, рассказываютъ мѣстные обыватели. „Прежде, бывало, привозить хлѣбъ прямо въ лавку — бери, Иванъ Алексѣичъ, деньги, молъ, нужны; а теперь сперва походить по базару, разузнать цѣны и ужъ потомъ не продешевить — нѣтъ!“ И чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе даетъ себя знать это стремленіе обождать, повременить, добиться болѣе выгодныхъ цѣнъ. Выжидательное настроеніе понемногу докатывается и до крестьянъ Самарской губернии, но здѣсь пока оно еще не выразилось такъ ярко, какъ въ Харьковской, Саратовской и Курской губ. Однако, и здѣсь уже намѣчаются подобныя же явленія, какъ видно, напр., изъ слѣдующаго.

На самарской биржѣ объявлены твердыя цѣны на пшеницу: переродъ — 1 р. 93 коп., русская — 1 р. 65 коп. за пудъ. Крестьяне, привезшие на рынокъ хлѣбъ, продавать по этой цѣнѣ пшеницу отказались и отправились къ губернатору съ жалобой. Губернаторъ отвѣтилъ, что цѣны установлены особымъ совѣщаніемъ, и онъ отмѣнить ихъ не можетъ. Въ связи съ этимъ, на биржѣ состоялось совѣщаніе мукомоловъ и хлѣботорговцевъ. Постановлено просить председателя биржи Башкирова лично ходатайствовать передъ министромъ земледѣлія А. Н. Наумовымъ объ установленіи въ Самарѣ цѣнъ на пшеницу: на переродъ — 2 руб., на русскую — 1 р. 80 к. за пудъ. („Рѣчь“.)

Всѣ эти факты должны быть, конечно, пополнены точными цифрами, прежде чѣмъ имъ можно будетъ придать всероссійскій масштабъ. Тѣмъ не менѣе, ихъ нельзя признать случайными, исключительными: если въ четырехъ различныхъ губерніяхъ, поставленныхъ въ совершенно иныя экономическія условія, наблюдается одно и то же явленіе — значитъ, мы имѣемъ дѣло съ какой-то общей причиной, совершенно независимой отъ мѣстныхъ особенностей. Какъ только крестьянинъ ощутилъ почву подъ ногами и вышелъ

изъ-подъ привычнаго голоднаго ярма, — онъ сразу почувствовалъ себя предпринимателемъ и сразу же усвоилъ коммерческіе навыки. Да и почему бы ему не быть предпринимателемъ и, разъ ставъ таковымъ, не приобщиться къ спекуляціи? Вѣдь мы же знаемъ, что ни французскіе крестьяне, ни англійскіе и американскіе фермеры не грѣшатъ излишествомъ альтруизма; и разъ условия жизни даютъ возможность русскому хлѣборобу приблизиться къ положенію его западныхъ коллегъ, есть всѣ основанія думать, что въ своей дѣятельности онъ проявитъ тѣ же склонности и обнаружить тѣ же приемы. А если такъ, то подмѣченная нами тенденція общается въ ближайшіе мѣсяцы еще болѣе усилиться и еще ярче выявиться.

Итакъ, что же происходитъ? На самой верхушкѣ спекулятивной пирамиды помѣстились банки, вздувая цѣны на все, что попадетъ въ сферу ихъ воздѣйствія; подъ ними въ томъ же духѣ работаютъ производители сырья и пищевыхъ продуктовъ; а еще ниже, въ самомъ основаніи пирамиды, взвинчиваютъ цѣны помѣщики и состоятельные крестьяне. Дороговизна растетъ съ ужающей быстротой, и всѣ границы, которыя раньше ставила ей конкуренція, сняты отчасти транспортной неурядицей, отчасти подпольными соглашениями крупныхъ синдикатовъ. Спекулятивная пирамида давить все сильнѣе и всей тяжестью своей обрушивается на тѣ демократическія — главнымъ образомъ рабочія — массы, которымъ нечего вынести на рынокъ, кромѣ своего труда.

. и къ столкновениямъ между потребителемъ и торговцемъ-посредникомъ, между покупателемъ и собственниками промышленныхъ предприятий прибавляется еще новый и, можетъ быть, самый опасный конфликтъ — конфликтъ сѣверной и центральной Россіи, покупающей хлѣбъ, съ южной и юго-восточной Россіей, производящей хлѣбъ. Эти или сходные конфликты старыми способами разрѣшить нельзя: приходится вплотную подойти не только къ вопросу о контролѣ надъ распредѣленіемъ,

.
.
.
.
.
.
.
.
.
.

Кромѣ только что отмѣченной нами темы провинція подсказываетъ и рядъ другихъ, весьма любопытныхъ. Взять хотя бы такую, какъ относительная состоятельность города и деревни. Городъ — мы говоримъ въ данномъ случаѣ не о его верхахъ, а о его обывательскихъ низахъ — въ прошлыя времена былъ несомнѣнно богаче деревни. Городъ прямо или косвенно высасывалъ мужика; мужикъ приходилъ къ нему на поклонъ и безпрекословно отдавалъ тре-

буемое. Теперь роли того и другого изменились. Городской обыватель очутился на зыбкой топи, а мужикъ всталъ на твердый грунтъ. Это сказывается не только въ томъ фактѣ, что мужикъ расширилъ свое потребление, а городъ его сократилъ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ, не менѣе показательныхъ явленияхъ.

Городъ точно такъ же, какъ и деревня, переживаетъ кооперативную горячку: нѣтъ почти ни одного губернскаго центра, гдѣ за истекше 3 мѣсяца не народилось бы „Самопомощи“, „Объединенія“, „Кооперации“. Потребительскія организациі растутъ, какъ грибы, и объединяютъ вокругъ себя чрезвычайно внушительныя, по провинциальному масштабу, массы городской демократии. Но городъ объединѣлъ, и первое требование организующихся потребителей — это понизить размѣръ пая, уменьшить вступной взносъ, допустить рассрочку. Организаторы кооперативнаго дѣла въ городахъ единодушно указываютъ, что это — главная трудность, съ которой имъ приходится считаться. Напротивъ, въ деревнѣ за деньгами не стоятъ: пай, и довольно высокые, покупаются безъ всякихъ нареканий и вступные взносы уплачиваются наличными. Напр., по произведенному въ Самарской губ. подсчету выяснилось, что средній размѣръ пая въ деревнѣ выше, чѣмъ средній размѣръ пая въ городѣ — положение, совершенно обратное тому, какое наблюдалось до войны. Такіе же отзывы приходится слышать и отъ мѣстныхъ людей другихъ районовъ. Городъ въ общемъ и цѣломъ объединѣлъ, и чувствуетъ себя много неувереннѣе, чѣмъ деревня. Но значить ли это, что въ деревнѣ окончательно утвердилось благополучіе?

На этотъ вопросъ объективныя данныя какъ будто подсказываютъ утвердительный отвѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ есть мѣсто сомнѣнію, когда вы собственными глазами видите на курскомъ базарѣ бабу, взваливающую на сани только что купленный шкапъ — гардеробъ, или мужика, присматривающаго мягкіе стулья? Что сказать, напр., когда вы видите, какъ губернский лавочникъ отпускаетъ человѣку въ армякѣ осетрину, и при томъ по сверхъ-столичнымъ цѣнамъ; какъ не умилиться душой, когда въ сельской потребилковкѣ вы лицецрѣете на полкахъ какао и духи отъ Ралле и узнаете, что все это раскупается мѣстнымъ крестьянскимъ населеніемъ? Что сказать о такомъ, на примѣръ, мелкомъ фактѣ, который случайно, какъ обычную вещь, передаютъ вамъ въ селѣ Б. Карабулакѣ (Сар. губ.): жилъ былъ крестьянинъ-кожевенникъ, прирабатывавшій на землѣ. Былъ онъ почти неграмотный, самага средняго достатка, а за полтора года войны такъ нажился, что купилъ себѣ брилліантовое кольцо и ознаменовалъ вѣнецъ своей карьеры... покупкой ложи на Шаляпина и путешествіемъ всей семьей въ Москву? А когда провинціальныя торговцы хоромъ васъ увѣряютъ, что крестьянинъ спрашиваетъ не что подешевле, а что получше, и не морщась увозитъ въ подарокъ женѣ четырехрублевыя матери, то всякія сомнѣнія какъ будто исче-

заютъ. Цифры, въ свою очередь, даютъ неоспоримое, повидимому, подтвержденіе этому благополучію. Задайте вопросъ о благосостояніи деревни любому дѣятелю кредитныхъ товариществъ — и онъ тутъ же подавить васъ цифрами, показывающими, что за истекшій годъ вклады въ товарищества возросли вдвое и втрое, и что многія изъ кредитныхъ товариществъ несутъ убытки благодаря излишнему количеству денегъ, которыя некуда размѣстить. Харьковская, Саратовская, Курская, Самарская губ., — всюду одно и то же. Обывательскіе рассказы подтверждаются статистическими данными.

Откуда же появилось это благополучіе? Вамъ приводятъ обычно четыре главныя причины: запрещеніе водки, казенныя пайки солдатскимъ семьямъ, повышенныя заработки и повышенныя цѣны на хлѣбъ. По отношенію къ состоятельной группѣ крестьянства онѣ, конечно, достаточно вѣски, чтобы объяснить быстрое накопленіе свободной наличности. Но съ группами менѣе состоятельными вопросъ обстоитъ сложнѣе. Экономія на водкѣ даетъ въ среднемъ (по указан. губерніямъ) отъ 50 до 60 руб. на семью, — сумма не Богъ вѣсть какая. Казенныя пайки даютъ нѣчто, но опять-таки не слишкомъ много. Повышенная оплата труда въ значительной степени поглощается дороговизной необходимыхъ предметовъ; а что касается высокиx цѣнъ на хлѣбъ, то въ малосѣющихъ хозяйствахъ даже при хорошемъ урожаѣ хлѣба на продажу почти не остается. Въ общемъ и цѣломъ, указанные поступления могутъ объяснить расширеніе потребностей, улучшенное питаніе, даже сорокакопеечный ситецъ, даже осетрину на масленицѣ, но для покупки 5—10 паевъ въ кооперативъ и для сторублевыхъ и двухсотрублевыхъ взносовъ въ кредитное товарищество они все же недостаточны. Приходится допустить, что въ крестьянскій оборотъ попали какія-то экстраординарныя суммы изъ экстраординарныхъ источниковъ.

Тогда на память приходятъ другіе факты. Вѣдь значительная площадь хлѣбовъ въ истекшемъ году осталась незасѣянной, и, слѣдовательно, сѣмена очутились „въ экономіи“. Сократилась запашка — слѣдовательно площадь арендуемой земли: арендная плата, на югѣ весьма высокая, тоже осталась въ крестьянскомъ карманѣ. Во многихъ мѣстахъ реквизированъ скотъ — и полученныя за него деньги опять-таки поступили въ свободную наличность. Наконецъ, въ тѣхъ хозяйствахъ, которыя остались безъ главы семьи и которымъ стало не подъ силу обрабатывать прежнюю площадь запашки, была за ненадобностью ликвидирована часть рабочаго скота. И когда мы вспомнимъ все это, насъ перестанетъ удивлять тотъ фактъ, что въ эпоху крестьянскаго благополучія въ Саратовской губ., напримѣръ, рабочий скотъ сократился почти на 4⁰/₀ и въ большинствѣ уѣздовъ незначительно уменьшилось количество коровъ и очень значительно (на 10⁰/₀) число овецъ (См. Милозоровъ, „Крестьянское и частновладѣльческое хозяйство Саратов. губ. послѣ

года войны“.) Въ Самарской губ. (гдѣ точныхъ цифръ на зтотъ счетъ еще не имѣется) агрономы констатируютъ усиленную распродажу лошадей и коровъ, имѣвшую мѣсто зимой этого года. А нѣкоторые изъ нихъ имѣли случай убѣдиться на мѣстѣ, что вносимыя въ кредитныя товарищества суммы были получены отъ продажи рабочаго скота. Данныя эти до нѣкоторой степени выясняютъ источникъ экстраординарныхъ крестьянскихъ полученныхъ. Это не есть плюсъ бюджета, не есть усиление хозяйства, а просто-на-просто переводъ на деньги оборотнаго капитала. Исчисляемая рублями зажиточность малосѣющихъ семей увеличилась; исчисляемая рабочимъ скотомъ и вообще хозяйственной производительностью, она не только не увеличилась, а уменьшилась, ибо проданный скотъ придется въ будущемъ покупать по повышеннымъ цѣнамъ.

Факты, подтверждающие это положеніе, пока, конечно, разрознены и не даютъ возможности сдѣлать окончательный выводъ. Тѣмъ не менѣе они нѣсколько подрываютъ ту оптимистическую картину, которую создаютъ внѣшнія впечатлѣнія и рассказы провинціальныхъ обывателей. Да, обогащеніе происходитъ, — но не общее, а только опредѣленныхъ крестьянскихъ группъ; и, быть можетъ, осетрина, какао, парфюмерія и лучшаго сорта галантерея маскируютъ собою процессы совершенно иного порядка, — съ одной стороны, трату оборотныхъ средствъ хозяйства, съ другой — дальнѣйшее разложеніе крестьянской среды. Въ то время какъ мальчикъ въ штанахъ шьетъ себѣ эту принадлежность изъ первосортной матеріи, мальчикъ безъ штановъ приближается къ моменту, когда потеряетъ и верхнюю часть своего костюма.

А что мальчику безъ штановъ предстоитъ въ близкомъ будущемъ пережить неприятныя минуты, — въ этомъ не можетъ быть сомнѣній. Деревня, вѣдь, ставитъ теперь на очередь новый и весьма любопытный вопросъ. „Помилуйте, — говорилъ мнѣ скромный, благообразный хозяйственный мужичокъ въ одномъ селѣ Харьковской губерніи, — у насъ вонъ хотятъ реквизиловать хлѣбъ по казенной цѣнѣ. А насчетъ рабочаго-то они спросили? Я ему сейчасъ 30 цѣлковыхъ плачу, а завтра можетъ быть онъ и всѣ сорокъ запроситъ. Меня таксой душать, а онъ себѣ форситъ на вольной волюшкѣ. И выходитъ, извините за выраженіе, одна не тактичность. Если ты хлѣбъ реквизируешь — реквизируй и трудъ. Мнѣ такса — ему такса“. Такса на трудъ, принудительный трудъ, — эта идея, закопшившаяся въ головѣ культурнаго харьковскаго мужичка, бродитъ въ деревнѣ у очень и очень многихъ. Ее выражали, почти въ такихъ же словахъ и съ такимъ же обоснованіемъ, и курскіе помѣщики, возмущенные безпримѣрнымъ ростомъ цѣнъ на рабочія руки, и культурные земскіе, гласные и даже профессора. На состоявшемся въ февралѣ сельско-хозяйственномъ съѣздѣ въ селѣ Покровскомъ (около Саратова) и помѣщики, и крестьяне (безхозяйныхъ, надо полагать, среди этихъ крестьянъ не

было) обрушились всей силой краснорѣчія и всѣми таблицами статистики на безсовѣстныхъ домогательства с.-х. рабочихъ. О желательности „воздѣйствія“ было сказано очень много, хотя, впрочемъ, участники съезда пришли къ заключенію, что пока что воздѣйствовать можно только на военноплѣнныхъ. Въ защиту свободнаго труда не раздалось ни одного слова.

.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.

Стан. Вольскій.

БИБЛЮГРАФІЯ.

„Самозащита“. *Марксистскій сборникъ. I.* Петроградъ 1916. 143 стр.
Цѣна 1 р. 25 коп.

„Въ этомъ сборникѣ, — говорятъ авторы, — встрѣтились тѣ изъ марксистовъ, для кого идея интернационализма и идея замозащиты страны не являются понятіями, другъ друга исключаящими, а наоборотъ — представляютъ то единство, которое опредѣляетъ на ближайшее время линію ихъ практической политики“. Судя по приведеннымъ словамъ, имѣются и какіе-то другіе марксисты, для которыхъ идея самозащиты страны, очевидно, представляетъ существенныя отличія отъ идеи служенія международнымъ классовымъ принципамъ. Но любопытно — во всей книгѣ нѣтъ ни одной ссылки на литературу такихъ марксистовъ: весь сборникъ представляетъ собой „самозащиту“ отъ какого-то невидимаго читателю врага, которому можно приписать ровно столько нелѣпостей, сколько вытерпитъ бумага. И дѣйствительно, приписываютъ не стѣсняясь.

Резюме всего сборника на первой же страницѣ дала Вѣра Засуличъ въ слѣдующихъ словахъ: „Съ самаго начала войны я желала и продолжаю желать возможно болѣе полного пораженія Германіи. И не одна только любовь къ родной странѣ внушаетъ мнѣ это желаніе... Я раздѣляю взглядъ Плеханова на тѣ (неблагоприятныя экономическія) условия, въ которыя поставила бы ее рѣшительная побѣда Германіи“.

Обоснованіе приведенныхъ тезисовъ идетъ въ сборникѣ по двумъ указаннымъ направленіямъ: одно ведется въ плоскости идеи отечества, другое — въ плоскости матеріальнаго вреда отъ пораженія. Однако, правильно отмѣтилъ одинъ рецензентъ „Самозащиты“ (г. Изгоевъ) ея основной источникъ: „Сначала разгорается чувство, а затѣмъ послушный ему разумъ начинаетъ подводить основанія подъ дѣйствія, вызванныя этимъ чувствомъ; само собой разумѣется, что трудно требовать совершенства отъ такихъ теорій, особенно въ первые дни ихъ жизни; рѣжутъ глаза бѣлыя нитки, которыми сшиты разнородныя части, сплосъ и рядомъ фразы и реторика возмѣщаютъ слабость аргументаціи“. Такъ писалъ рецензентъ, восторженно принявшій брошюру Плеханова. И въ правотѣ его мы не замедлимъ убѣдиться.

Центральное мѣсто среди статей, исходящихъ изъ „идеи отечества“, занимаетъ статья А. Н. Потресова „О патриотизмѣ и международнойности“. „Миръ нарушенъ, — пишетъ онъ, — интернаціональ въ развалинахъ; сейчасъ воюють не только правительства, сейчасъ — не

за страхъ, а за совѣсть — воюють и народы, и трудящійся народъ... въ первую голову". Что же тому причиной? Авторъ даетъ „не подлежащій сомнѣнію отвѣтъ: идея отечества". Прекрасно. Теперь надо только доказать то, что для автора не подлежитъ сомнѣнію: во-первыхъ, его „за совѣсть", а во-вторыхъ, „идею отечества, какъ основной стимуль. Пока г. Потресовъ говоритъ о „любви, объ активной любви къ цѣлому (своей наци-государству. Н. С.), которая и есть патриотизмъ" — онъ стоитъ на правильномъ и весьма плодотворномъ для него пути: по этому пути онъ скоро пришелъ бы къ „категорическому императиву", за которымъ уже никакихъ аргументовъ быть не можетъ, и его дѣло было бы сдѣлано. Но авторъ рѣшительно сбился съ этого пути и немедленно заплутался. Патриотизмъ, изслѣдуетъ онъ, есть „возросшее сцѣпленіе частей внутри (національно-государственнаго) цѣлага". Но чему обязано своимъ существованіемъ это „возросшее сцѣпленіе"? Оказывается — „превращенію обывателей въ гражданъ", т. е. классовымъ завоеваніямъ демократіи: „ибо даже въ прусской Германіи, при всемъ безсиліи ея парламента и безправіи ея, демократія отвоєвала себѣ право на жизнь и общественность, т. е. на самодѣятельность населенія... съ ея неизмѣннымъ организующимъ творчествомъ. Вотъ эта-то общественность... и совершила чудо претворенія бывшей человѣческой „пыли" въ разслоенную на классы и группы, но плотную ткань новѣйшаго общественнаго организма"...

Читатель прежде всего не можетъ не быть глубоко разочарованъ: отечество — это, оказывается, просто „система прибрѣтенныхъ правъ", „развившаяся до гигантскихъ размѣровъ общественность" и самодѣятельность; защита отечества, слѣдовательно, есть просто защита собственнаго благополучія, добытыхъ благъ; а патриотизмъ, заставляющій за совѣсть воевать и погибать народы, есть просто результатъ боязни потерять эти блага. А затѣмъ читатель не можетъ не усомниться и въ логической состоятельности всей концепціи г. Потресова: вѣдь онъ взялъ не крайній изъ мыслимыхъ случаевъ (полу-абсолютистскую Германію) и на немъ остановился. Вѣдь по его теоріи выходитъ, что гдѣ нѣтъ завоеваній, правъ, общественности, самодѣятельности, тамъ нѣтъ и патриотизма. А если такъ, то нѣтъ тамъ и войны „за совѣсть", исходящей отъ идеи отечества. Если же допустить, что въ одномъ мѣстѣ народъ воюетъ не за совѣсть, то отчего же не допустить возможности того же и въ другомъ? И вся теорія рушится. А если бы даже она и не рухнула, то какой практический смыслъ она, со всѣми выводами „марксистскаго сборника", при такихъ условіяхъ можетъ имѣть для насъ? Какой смыслъ имѣють упреки Потресова, что „мы съ своей стороны еще не дошли и до черты патриотизма, какъ массоваго, общественнаго явленія, какъ активнаго гражданскаго чувства"? Вѣдь марксисты же учили, что сознаніе опредѣляется бытіемъ... Вотъ въ какія дебри заводятъ умствованія въ дѣлахъ вѣры, стремленіе объяснить отъ ума порывы сердца.

Не въ состояніи вывести автора изъ этихъ дебрей и вся его дальнѣйшая схоластика о „международной властной волѣ", которая мыслима лишь какъ доразвившійся до своего отрицанія національно-государственный — пролетарскій и иной патриотизмъ, какъ вершина, вѣнчающая цѣлую гору гражданскихъ переживаній въ національно-государ-

ственномъ масштабѣ“. Не помогаютъ дѣлу и разсужденія въ той же плоскости двухъ другихъ авторовъ, Ив. Кубикова и Вл. Вольскаго; статьи ихъ не болѣе убѣдительны, но еще менѣе содержательны. Въ своей аргументаціи они, съ одной стороны, охотно обращаются къ поэзіи, что въ ихъ положеніи вполне естественно и законно; съ другой же стороны, они стараются обосновать нашу любовь къ отечеству хозяйственнымъ ущербомъ при поражении, утратой экономическихъ благъ, которая грозитъ намъ точно такъ же, какъ европейцамъ — утрата завоеванныхъ правъ. Экономическому обоснованію, однако, посвящены спеціальныя статьи, къ которымъ мы сейчасъ перейдемъ.

Но нельзя пройти мимо нѣкоторыхъ чертъ, свойственныхъ выше-разсмотрѣннымъ „марксистскимъ“ произведеніямъ.

Это — не всегда добросовѣстное отношеніе къ фактамъ и къ противникамъ. Въ позиціи послѣднихъ, о которой вообще публика, не по ихъ винѣ, имѣетъ очень смутное представленіе, А. Н. Потресовъ не согласенъ видѣть что-либо, кромѣ „традиционной русской отсебятины“ „мертвыхъ объятий азиатчины“. И онъ тщательно умалчиваетъ о томъ, что позиція эта не носитъ въ себѣ рѣшительно никакихъ признаковъ самобытности, что на Западѣ никакъ не меньше „доктринеровъ и твердокаменныхъ“, не могущихъ вмѣстѣ благихъ порывовъ участниковъ „марксистскаго сборника“. Умалчиваютъ всѣ они и о томъ, что особенно много несогласныхъ именно въ Германіи, гдѣ ихъ „движеніе“ особенно сильно. — Но этого мало. А. Потресовъ совершенно нестаетъ вспоминать о поэтѣ Гейне, который идеализировалъ завоевателя-корсиканца, а также о „восточныхъ мелодіяхъ“ на тему о „нашествіи иноплеменныхъ“. А г. Вл. Вольскій уже окончательно напускаетъ на себя видъ оскорбленной невинности и вѣщаетъ такъ: „только тѣ, кто не вѣрятъ въ народъ и боятся его (отлично нынче выражаются марксисты. Н. С.), могутъ или, вѣрнѣе, хотятъ надѣяться на то, что свободу могутъ подарить странѣ иноземныя арміи и что всѣмъ, даже зрячимъ, остается только отойти къ сторонкѣ и ждать дальнѣйшихъ событій.“ — Подобныя выходки заслуживаютъ самаго рѣзкаго протеста. Куда мѣтять почтенные авторы? Гдѣ они видѣли такихъ?

Экономическое обоснованіе взяли на себя П. П. Масловъ и Анъ. — Сравнительно съ извѣстными положеніями Плеханова (о задержкѣ развитія капитализма, пролетариата и пролетарскаго движенія), а также со своими собственными прежними положеніями, Масловъ здѣсь не даетъ ничего новаго. Основные тезисы сборника о самозащитѣ онъ доказываетъ тѣмъ, что „при побѣдѣ Германіи для ея развитаго капитализма уничтоженіе русской промышленности и превращеніе России въ Ирландію довольно легко. Путемъ уничтоженія нѣкоторыхъ таможенныхъ пошлинъ, германская синдицированная промышленность можетъ быстро уничтожить въ России соответствующія отрасли“. Насчетъ слабости, неспособности къ конкуренціи и полной зависимости наше промышленности отъ высоты таможеннаго тарифа мы слышимъ, изъ другихъ сферъ, постоянно. Здравомыслящіе люди уже давно привыкли относиться къ такимъ жалобамъ и воплямъ болѣе чѣмъ скептически. Во всякомъ случаѣ, вмѣсто того, чтобы ихъ голословно повторять, не-

обходимо было бы сдѣлать хоть какую-нибудь попытку ихъ доказать. Къ сожалѣнію, въ статьѣ Маслова нѣтъ имъ никакого обоснованія, никакихъ фактическихъ данныхъ и цифръ. Въмѣсто того имѣется чисто агитационный матеріалъ изъ области германской рабочей политики. И есть просто ужъ совсѣмъ непонятное утверждение, что „Германия по отношенію къ Россіи установила бы такія экономическія отношенія (!) при которыхъ, наводняя Россію при помощи синдикатовъ избытками своей промышленности, она покупала бы по дешевымъ цѣнамъ русское сырье, т. е. убивала бы и промышленность и сельское хозяйство.“ (!). — Еще меньше матеріала и вообще аргументовъ въ статьѣ г. Ана, чисто агитационной и полемической (съ невидимымъ врагомъ). Онъ также, но уже въ плоскости экономики и матеріальныхъ выгодъ, проводитъ грань между западомъ и востокомъ. „Кто изъ насъ, — спрашиваетъ Аня, — стоитъ на почвѣ марксизма, — российскіе или зап.-европейскіе с.-д.? Безусловно послѣдніе. Въдъ марксизмъ исходитъ не изъ политическихъ, а изъ экономическихъ соображеній;... для него вопросы о побѣдѣ и пораженіи являются вопросами усиленія или ослабленія пролетарскаго движенія“; поражение разрушить „базисъ классовой борьбы и задержать экономическое развитіе всего общества въ цѣломъ.“ Вотъ поистинѣ международный марксизмъ въ пониманіи одной героини Гл. Успенскаго, всю жизнь повторившей одну фразу: „въ карманъ-то въ карманъ-то норови поболь!“ — Таково обоснованіе новыхъ „марксистскихъ“ тезисовъ съ двухъ сторонъ — отъ „отечества“ и отъ матеріальныхъ выгодъ.

Далѣе, г. Дмитриевъ посвящаетъ уже болѣе академическую статью состоянію народнаго хозяйства, въ началѣ 2-го года войны, съ точки зрѣнія интересовъ армии и тыла. Статья эта слишкомъ невелика для того, чтобы назвать ее обстоятельной. Тѣмъ не менѣе она могла бы найти мѣсто и на страницахъ какого-либо солиднаго органа, вроде „Вѣстника Финансовъ“.

Затѣмъ, исходя изъ выше уже „доказанныхъ“ принциповъ, Евгений Маевскій даетъ обзоръ политической жизни — съ выводами о должной роли въ ней „цензурной Россіи“ и демократіи: „рабочая демократія — и это въ ея интересахъ, ибо это въ интересахъ обороны страны — должна вывести буржуазную оппозицію изъ тупика“. — И, наконецъ, В. Левицкій, въ силу тѣхъ же принциповъ, пишетъ объ организаціи общественныхъ силъ и о мобилизаціи пролетариата: „движеніе, ставящее себѣ широкія общенациональныя задачи и охватывающее различные классы общества, которые испытываютъ сильный гражданскій подъемъ въ силу величія этихъ задачъ, одно только способно вывести Россію изъ тѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ затрудненій, въ которыхъ она очутилась.“

Заключительныя статьи гг. Бибика и Львова-Рогачевскаго являются уже плодами чисто поэтическаго вдохновенія. Первая изъ нихъ претендуетъ безъ достаточныхъ основаній на краснорѣчіе Леонида Андреева военной эпохи; но не можетъ быть и рѣчи о ея претензіяхъ на какой-либо политическій смыслъ. Вторая взываетъ къ древней доблести и находитъ достойный подражанія примѣръ въ русскомъ же обществѣ эпохи „чудеснаго похода и вѣчной памяти двѣнадцатаго года“.

Таковъ „марксистскій“ сборникъ. Теоретическимъ содержаніемъ

онъ, какъ видимъ, слишкомъ небогатъ. И можно лишь удивляться, какъ рѣшились люди выступить на столь ответственномъ посту, въ форменномъ платьѣ, съ такимъ микроскопическимъ багажомъ. Но это все же цѣнный историческій документъ. Будущій историкъ общественныхъ настроеній найдетъ въ современной литературѣ удивительные памятники того, что называли въ нашу эпоху гражданской доблестью, героизмомъ, патриотизмомъ, истиной, справедливостью. Историкъ „движенія“ найдетъ въ „Самозащитѣ“ аналогичный матеріалъ о томъ, что называлось въ нашу эпоху марксизмомъ.

Ник. Сухановъ.

ВНУТРЕННЯЯ СЕКРЕЦІЯ.

Проф. д-ръ Артуръ Бидль (Artur Biedl.) *Внутренняя секреція, ея физиологическія основы и значеніе для патологии.* Томъ первый. 131 рис. въ текстѣ и 20 рис. на отд. табл.; 482 стр. + XII. Ц. 4 р. Томъ второй. 56 рис. въ текстѣ и 13 на отд. табл.; 384 стр. + IV. Ц. 3 р. 25 к. Перев. со 2-го нѣм. изд. П. Вакса, дополненія проф. Репрева, предисловіе проф. Пальтауфъ. Изд. „Практическая медицина“, Птрг. 1915.

Новыя идеи въ медицинѣ. Сборникъ 3-й. *Внутренняя секреція.* Статьи И. С. Цитовича, Г. Перитца, Ф. Крауса, 123 стр. Изд. „Образованіе“, Ц. 80 к. Птрг. 1914.

А. В. Палладинъ. *О химическомъ взаимодействіи органовъ человѣка (внутренняя секреція).* 58 стр. Изд. А. С. Панафидиной, Ц. 25 к. Птрг. 1913.

Наряду съ органами, значеніе которыхъ для организма человѣка и животныхъ сравнительно давно установлено, каковы, наприм., сердце, мозгъ, почки и др., существуютъ органы, функція которыхъ почти до самаго послѣдняго времени оставалась, да во многомъ и остается, неясной, загадочной. Къ такимъ органамъ относятся такъ называемыя „кровяныя“ железы, безъ выводного протока, продуктъ дѣятельности которыхъ поступаетъ прямо въ кровь, — щитовидная железа, околощитовидныя железы, надпочечныя, мозговой придатокъ, и нѣкоторыя другія. Правда, давно уже дѣлались догадки о вліяніи тѣхъ или другихъ кровяныхъ железъ на отдаленныя отъ нихъ органы, но пока не были примѣнены методы экспериментальнаго изслѣдованія, до тѣхъ поръ какихъ-либо безусловныхъ фактовъ не имѣлось. Зависимость между отдѣльными органами считалась исключительно нервной, о химическомъ взаимодействіи органовъ почти не подозревали. Знаменитый Кювье вполне опредѣленно заявлялъ: „Нервная система — это и есть собственно все животное; остальное же существуетъ только затѣмъ, чтобы ей служить“. Но постепенно стали накапливаться факты, которые объяснить дѣятельностью одной нервной системы становилось невозможнымъ.

Въ 1849 году геттингенскій профессоръ Бертольдъ впервые на опытѣ показалъ, какое вліяніе можетъ оказывать выдѣленіе железы на самые отдаленныя органы. Онъ удалялъ у пѣтуховъ яичко съ его обычнаго мѣста и пересаживалъ на другое мѣсто тѣла; если оно тамъ приживлялось, то пѣтухи оставались самцами въ смыслѣ голоса, поло-

вого чувства, страсти бороться и т. п. Не то, какъ извѣстно, происходитъ съ кастрированными пѣтухами — каплунами. Отсюда Бертольдъ сдѣлалъ выводъ, что половыя железы вырабатываютъ какія-то вещества, влияющія на другіе органы только черезъ кровь, такъ какъ благодаря операци нервной связъ была уже нарушена.

Лишь сорокъ лѣтъ спустя былъ добытъ другой опытный фактъ, подтвердившій мысль Бертольда. Въ засѣданіи парижскаго биологическаго общества 1-го іюня 1889 года всемірно-извѣстный ученый Броунъ-Секаръ доложилъ объ изумительномъ дѣйствіи такъ называемыхъ тестикулярныхъ вытяжекъ (т. е. вытяжекъ изъ половыхъ железъ самцовъ нѣкоторыхъ животныхъ). Послѣ семи впрыскиваній этой вытяжки, этотъ 72-лѣтній старикъ, не могшій работать въ своей лабораторіи и полчаса стоя, утомлявшійся до изнеможенія послѣ трехъ часовъ какой бы то ни было работы, страдавшій сонливостью и бессонницей, ослабленіемъ кишечника и всей мышечной системы, получилъ возможность работать по нѣскольку часовъ не садясь, появился сонъ, крѣпкій и спокойный, словомъ, наступило полное возстановленіе силъ. Такъ экспериментально Броунъ-Секаръ было доказана высказанная имъ еще въ 1869 году мысль, что „всѣ железы отдають крови полезныя и необходимыя вещества, отсутствіе которыхъ можетъ вызывать болѣзненные явленія“. Этимъ и было положено начало ученія о влияніи железъ на организмъ черезъ кровь, т. е. не исключительно черезъ нервную систему, и былъ поставленъ на очередь вопросъ о внутренней секретіи.

Послѣднія 20 лѣтъ въ области ученія о внутренней секретіи принесли много новыхъ фактовъ, и вопросъ о загадочныхъ органахъ чело­вѣческаго организма въ значительной степени перестаетъ уже быть вопросомъ. Въ связи съ этимъ измѣнились взгляды ученыхъ на взаимодѣйствіе различныхъ органовъ между собою. „20 лѣтъ тому назадъ, — пишетъ проф. Видль, — знали только нервную связъ между органами... Раньше всякая связъ между органами считалась нервной, теперь даже нервная связъ считается химической“.

Ученіе о химическомъ взаимодѣйствіи органовъ, т. е. о внутренней секретіи, было представлено въ видѣ болѣе или менѣе стройной теории учеными Старлингомъ и Байлисомъ и было подкрѣплено цѣлымъ рядомъ экспериментальныхъ данныхъ Видля, Баумана, Цыбульскаго и мн. др. Существенныя положенія этой теории слѣдующія: нѣкоторые органы и ткани могутъ выдѣлять прямо въ кровь особыя вещества, которыя производятъ на многіе отдаленныя ткани или органы влияние. Эти вещества предложено назвать гормонами (отъ греч. *гормао* — раздражаю). Гормоны могутъ оказывать на какую-либо часть тѣла животнаго двоякаго рода дѣйствіе — или усиливать его работу или тормозить ее. Въ послѣднемъ случаѣ гормоны называются тормозящими. Сущность теории станетъ вполне ясной, если мы рассмотримъ тѣ факты, на которые она опирается.

Наиболѣе извѣстнымъ изъ таинственныхъ органовъ чело­вѣческаго тѣла является щитовидная железа, расположенная на боковыхъ поверхностяхъ гортани. Уже давно предполагалась кака­я-то связъ между этой железой и многими другими органами тѣла. Но только послѣ опытовъ оперативнаго удаленія щитовидной железы было выяснено, какое значеніе она имѣетъ. Операци, произведенныя въ большомъ ко-

личествъ, привели вначалѣ къ выводу, что полное удаление щитовидной железы ведетъ къ тяжелымъ заболѣваніямъ и часто смерти. Однако, послѣ открытія въ 1880 году такъ называемыхъ околощитовидныхъ железъ изученіе функцій щитовидной железы встало на твердую почву. Оказалось, что околощитовидныя железки, — маленькія, незамѣтныя тѣльца, — обладаютъ совершенно другими свойствами, чѣмъ щитовидная железа, и что удаленіе ихъ-то и ведетъ къ смерти. Множествомъ экспериментовъ было доказано, выяснено, что удаленіе или недоразвитіе этихъ железъ ведетъ къ болѣзненнымъ явленіямъ (судороги и др.) и даже смерти. Поэтому слѣдуетъ ихъ разсматривать отдѣльно.

Значеніе щитовидной железы лучше всего выяснилось изъ наблюденія тѣхъ явленій, которыя наступаютъ послѣ оперативнаго ея удаленія. Опыты Гофмейстера, Эйзельберга, Бидля и др. дали обширный матеріалъ, который позволилъ установить съ несомнѣнностью характеръ вліянія щитовидной железы на организмъ животныхъ. При ея удаленіи у молодыхъ особей наблюдалась задержка въ ростѣ, апатія и рядъ другихъ измѣненій въ организмѣ. Взрослыя животныя сильно худѣютъ, и часто наступаетъ смерть при явленіяхъ сильнаго истощенія. Аналогичныя явленія наблюдаются и у людей. При изсѣченіи щитовидной железы у дѣтей также сильно замедляется ростъ въ длину, тогда какъ ростъ въ ширину совершается нормально; половая зрѣлость наступаетъ съ сильнымъ запозданіемъ. Наряду съ физическимъ недоразвитіемъ наблюдается и недоразвитіе психическое, проявляющееся, какъ на малой подвижности, такъ и ослабленіи интеллекта. Такія дѣти производятъ впечатлѣніе кретиновъ. При оперированіи взрослыхъ, конечно, не наблюдается явленій со стороны роста, и на первый планъ выдвигаются явленія нервного характера: уменьшеніе подвижности, уменьшеніе умственныхъ силъ, апатія. Происходитъ также рядъ внѣшнихъ физическихъ измѣненій — кожа дѣлается особенно бѣлой, восковидной, сухой, появляются отеки и припухлости и т. д. По даннымъ нѣкоторыхъ ученыхъ, человѣкъ безъ щитовидной железы можетъ прожить довольно долго, какъ максимальный срокъ указывается — семь лѣтъ (по Кохеру). При операціяхъ удаленія зоба, представляющаго ненормально увеличенную щитовидную железу, обязательно оставляютъ часть ткани ея; въ такомъ случаѣ указанныхъ выше тяжелыхъ явленій не наблюдается.

Особенно важное значеніе приобрѣтаютъ опыты надъ щитовидной железой въ связи съ такъ называемымъ эндемическимъ кретинизмомъ, такъ какъ теперь всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что безъ поврежденія дѣятельности ея не можетъ быть кретинизма. Симптомы этой болѣзни въ общемъ тѣ же, что и въ случаяхъ оперативнаго удаленія щитовидной железы: задержка роста, недоразвитіе половыхъ органовъ, пониженіе умственной дѣятельности, идиотизмъ. Кретинизмъ — явленіе широко распространенное. Проф. Бидль даетъ слѣдующія цифры: въ 1883 году кретиновъ насчитывали въ Италіи 12.882, въ Австріи — 12.815, во Франціи въ 1873 году было 120.000 кретиновъ. Въ 1908 году въ Австріи было ихъ 17.286, — въ среднемъ — 64 человѣка на 100.000.

Естественно, что съ развитіемъ ученія о внутренней секреціи стали стремиться опредѣлить химическій составъ веществъ, выдѣляемыхъ железой. Бауману принадлежитъ заслуга установленія факта находенія

въ щитовидной железнѣ значительнаго количества юда. Юдь можно найти почти во всѣхъ человѣческихъ органахъ, но щитовидная железа богаче юдомъ чѣмъ другіе органы — разъ въ 8—9. Вещество железы, содержащее юдь, было названо юдотиринномъ (тиреоидиномъ).

Лѣчение послѣдствій какъ оперативнаго удаленія щитовидной железы, такъ и ея природнаго недостатка или недоразвитія и заключается въ восполненіи искусственнымъ путемъ недостающихъ секретовъ. Такъ, примѣняютъ сушенныя железы овецъ или телятъ или жидкія и сухія вытяжки, а также юдотиринъ въ смѣси съ сахаромъ. Постоянное введеніе въ организмъ препаратовъ щитовидной железы можетъ замѣнить недостающую железу. Успѣшныхъ результатовъ достигли при лѣченіи эндемическаго кретинизма; такъ, въ Штирии лѣченіе кретиновъ таблетками щитовидной железы, производимое съ 1907 года на государственный счетъ, дало очень удовлетворительный результатъ.

Таковы послѣдствія недостаточной дѣятельности или отсутствія щитовидной железы. Противоположные результаты получаются при чрезмерномъ развитіи ея дѣятельности. Еще въ 1840 году Базедовъ описалъ болѣзнь, характеризующуюся тремя слѣдующими признаками — выпячиваніемъ глазъ, зобомъ и сердцебиеніемъ. Состояніе организма, въ общемъ, даетъ при Базедовой болѣзни прямо противоположное такому при пониженной работѣ щитовидной железы: нервная система чрезвычайно возбудима, живая фантазія, психическое возбужденіе вплоть до галлюцинацій, ненормально большой аппетитъ и т. д. Естественно, что и методы лѣченія противоположны: лучше результаты даетъ операція, изсѣченіе щитовидной железы. Другой болѣзнью, зависящей отъ чрезмернаго роста железы, является — зобъ.

Таинственными органами долгое время считались и надпочечныя железы. Въ 1716 году Академія въ Бордо даже объявила тему на премию: „Каково назначеніе надпочечныхъ железъ?“ Судья, 29-лѣтній Монтескье, не могъ присудить премии, и свой отзывъ о представленныхъ на премию сочиненіяхъ закончилъ слѣдующими словами: „случай, быть можетъ, когда-нибудь сдѣлаетъ то, чего не могли сдѣлать всѣ старанія“. Понадобилось много лѣтъ, прежде чѣмъ такой случай произошелъ. Въ 1855 году появилось описаніе новой болѣзни, сдѣланное Томасомъ Аддисономъ: симптомы этой болѣзни состоятъ въ слабости сердца, разстройствѣхъ обмена веществъ, мышечной слабости, окрашиваніи кожи въ бронзовый цвѣтъ; болѣзнь эта часто заканчивалась бурными проявленіями — конвульсіями и др., ведущими къ смерти. При вскрытіи людей, умершихъ отъ этой болѣзни, Аддисонъ находилъ тяжелое, по большей части, туберкулезное воспаленіе надпочечниковъ. Отсюда имъ былъ сдѣланъ выводъ о громадномъ значеніи этихъ железъ для организма. Послѣ Аддисона Броуиъ-Секаръ описалъ опыты оперативнаго удаленія надпочечниковъ. Послѣ операціи животныя неминуемо умирали. Стали дѣлать операцію въ два приема, т. е. удаляли сперва одну, потомъ другую надпочечную железу. Отравленія организма сильно разстраивались, и животное въ концѣ концовъ все же погибало. При этомъ наблюдались характерные признаки Аддисоновой болѣзни, что подтвердило мысль Аддисона о важности этихъ железъ для организма. Факты эти привели къ убѣжденію, что надпочечники также выделяютъ какой-то внутренній секретъ, какіе-то гормоны, безъ которыхъ

невозможно правильное функционирование организма. Попытки выделить один из этих гормонов увенчались успехом: в 1901 году Такамина и Альдрих почти одновременно и независимо друг от друга выделили деятельное начало секрета надпочечников, которое было названо *адреналином*: Штольц получил его искусственно. Благодаря работам английского физиолога Ланглей было установлено, что адреналин действует избирательно на симпатическую нервную систему (т. е. систему, не зависящую непосредственно от спинно-мозговой нервной системы; Ланглей предложил назвать ее автономной, что теперь и принято). Благодаря этим открытиям стало ясно, какое значение имеют надпочечные железы, вырабатывающие этот гормон. Их выделения действуют на симпатическую нервную систему, а через нее на мышцы, не подчиненные нашей воле, мышцы кишек, стенок артерии и т. д. Адреналину надпочечников мы обязаны тем, что напряжение кровеносных сосудов поддерживается на известной высоте и т. д.

Благодаря исследованиям последнего двадцатилетия срывается завеса таинственности и с других загадочных органов. Так, выясняется значение мозгового придатка (гипофиза) — и здесь оперативное удаление явилось одним из лучших способов выяснить значение этого органа для организма; более точно определяется характер и происхождение внутренней секреции половых желез; устанавливается существование внутренней секреции и у других органов с наружной секрецией, как, наприм., у поджелудочной железы и т. д. Так, постепенно, „разоблачается“ роль различных таинственных органов, причем все несомненно становится фактом существования химической связи между органами наряду со связью исключительно нервной. Не будет преувеличением сказать, что учение о внутренней секреции вносит дальний переворот в обычные представления физиологов на жизнь организма животных и в будущем, быть может, подарит нам, благодаря координированной работе ученых всего мира, открытиями еще более замечательными.

* * *

Русская популярная литература не богата сочинениями по внутренней секреции. Для неподготовленного читателя написана А. В. Палладиным очень хорошая популярная брошюра, вышедшая в серии „Библиотека натуралиста“. В ней дается вполне научное и стоящее на уровне современных взглядов изложение учения о внутренней секреции. Хотя брошюра вышла за два года до выхода русского издания книги проф. Видля, однако, автор ее несомненно использовал немецкое издание названной книги. Язык брошюры прост и ясен. Цена очень невысока. Во всяком случае, эта небольшая книжечка не может быть ничем заменена, и дает для широкой публики, в сущности, материала не многим меньше, чем даже третий выпуск „Новых идей в медицине“, целиком посвященный внутренней секреции. Отметим, что и названный сборник не содержит в себя таких статей, которые были бы недоступны лицам с элементарной естественно-исторической подготовкой. Очень интересна помещенная в нем прекрасная статья И. С. Циговича, где сжато и популярно изложено самое существенное в учении о внутренней секреции.

Особнякомъ стоитъ книга проф. Бидля, выходъ которой на русскомъ языкѣ является до нѣкоторой степени событиемъ. Бидль не только собиратель фактовъ, онъ самъ чрезвычайно много работалъ въ данной области. Въ то же время онъ подвелъ итогъ многолѣтней работы своихъ предшественниковъ и всюду даетъ исторію того или иного вопроса. Русское издание дополнено проф. Репревымъ, давшимъ цѣлый рядъ указаній критическаго характера и подведшимъ нѣкоторый итогъ работамъ русскихъ ученыхъ, произведенія которыхъ проф. Бидлю не всегда были извѣстны. Проф. Репревъ не только дополняетъ, но часто даетъ иное освѣщеніе тому или другому спорному вопросу, наприм., хотя бы по вопросу о роли и значеніи спермина. О значительности работы, совершенной проф. Репревымъ, говоритъ уже то обстоятельство, что его дополненія занимаютъ около 150 страницъ, т. е. несущую часть всей книги. Несмотря на то, что книга проф. Бидля предназначается преимущественно для медиковъ, она будетъ встрѣчена съ большимъ интересомъ всякимъ естествоиспытателемъ, такъ какъ авторъ не остановился только на патологіи, а расширилъ рамки своего произведенія, придавъ ему характеръ общебиологическаго изслѣдованія.

Въ заключение отмѣтимъ маленькую деталь. Проф. Репревъ въ предисловіи, помѣченномъ въ августѣ 1914 года, „приноситъ глубокоуважаемому проф. Бидлю самую глубокую и горячую признательность“ за рѣшеніе воспользоваться „этимъ замѣчательнымъ по полнотѣ изложенія и систематизаціи капитальнымъ трудомъ“. Въ то время, когда писалось предисловіе, взаимное озлобленіе воюющихъ народовъ уже достигло значительной силы, и тѣмъ трогательнѣе звучитъ эта братская благодарность, посылаемая русскимъ ученымъ своему иноземному собрату.

А. Пинкевичъ.

* * *

Гюлистанъ. *Альманахъ I.* 1916 г.
Цѣна 2 р. 10 к.

Вновь возникшіе въ Москвѣ альманахи „Гюлистанъ“ (ихъ предполагается цѣлая серія) имѣютъ, по видимому, своей цѣлью объединить около себя группу молодыхъ московскихъ поэтовъ, являющихся послѣдними отпрысками, когда-то воинствующаго, а нынѣ уравновѣшенно-академическаго, символизма.

А. Глоба, Б. и В. Шманкевичи, С. Петяевъ, Ю. Ульяновъ, С. Молдавскій, Т. Чурилинъ — все это имена, въ литературѣ пока мало кому извѣстныя. Правда, среди нихъ, какъ развѣсистые дубы среди мелкой поросли, красуются: — В. Брюсовъ, В. Ивановъ и Ф. Соллогубъ, — но эти основоположники русскаго символизма и „декадент-

ства“ помѣщены въ сборникъ больше „для показу“ и играютъ тамъ роль „генераловъ“ на замоскворѣцкой свадьбѣ. Объ нихъ, въ сущности, сказать новаго нечего: — генералы какъ генералы, со всѣми подобающими ихъ чину и званію поэтическими заслугами и художественными регалиями. Стихи ихъ, помѣщенные въ сборникъ, не прибавляютъ рѣшительно ничего новаго къ литературной репутации авторовъ. Гораздо интереснѣй и показателнѣй — съ точки зрѣнія дальнѣйшихъ судебъ русскаго символизма — сгруппировавшаяся около этихъ „генераловъ“ молодежь.

Прежде всего бросается въ глаза, что все это въ высшей степени благовоспитанные молодые люди, одѣтые по самой послѣдней картинкѣ литературной моды.

Тутъ и модное пушкинѣанство, и легкий налетъ футуризма (о, не бойтесь, вполне приличнаго!), и стилизация... стилизация на всѣ лады и размѣры, начиная со скандинавскихъ, кончая... киризскими. Помимо стилизации тутъ и „грѣзовыи туманъ“ и „эбенопѣнныи струи летейской тьмы“, „тимпаны“ съ „туманами“, „веранда“ съ „сарабандой“, „баядеры“, и экзотическое „трампли-оли-олидейса“, и „амбръ старинныхъ аромать“, и „лирный темпъ“ и „лотосъ“ съ „незабудкой“ — словомъ, вся парфюмерия современной поэзии, весь шикъ литературныхъ московскихъ салоновъ! Не хватаетъ только одного: — оригинальности и собственнаго поэтическаго лица... Это, конечно, пустякъ, но безъ него, увы, весь блескъ и изящество московскихъ эстетовъ — становится поддѣлкой подъ искусство, дешевой мишурой.

Да и поддѣлкой то, часто, не очень искусной!.. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно, претендуя на изящество, писать такіе, напримѣръ, стихи:

... „И съ гудѣньемъ пчелы
Слилъ сверканье пилы...“

(В. Шманкевичъ)

или такіе прозаизмы:

... „Что же дѣлать мнѣ, скажите,
не пригоденъ я къ борьбѣ...“

(В. Шманкевичъ)

или такіе, — поразительные по точности и красотѣ — сравненія и образы:

... „Глубокихъ копей долгій
рядъ,

То глазъ твоихъ далекій
взглядъ“...

или:

... „Въ глухихъ колодцахъ мнѣ
бродитъ (sic!)“

И воду росъ землистыхъ пить!..“

(В. Шманкевичъ.)

или:

.. „Съ грузомъ индѣйскихъ жемчужинъ
Здѣсь потопился корабль...“

Но это все еще полбѣды, а вотъ пора бы гг. эстетамъ знать, что вода не „ломааетъ“, а созидаетъ сталактиты, что „ровъ“ не можетъ мыть „края Стигійскихъ береговъ“,

и что никто никогда „не настраиваетъ“ флейты, хотя бы даже и въ стихахъ.

Справедливость заставляетъ, однако, сказать, что нѣкоторые изъ опытовъ стилизации вышли у москвичей — не плохо: такова, напримѣръ, пьеса „Каллостро“ А. Глобы и нѣкоторыя изъ его „киргизскихъ пѣсенъ“. Есть кой-что цѣнное у Т. Чурилина.

А въ общемъ:

... „На комариной
Пойте мнѣ флейтѣ“...

пишетъ В. Ивановъ, въ первыхъ же строкахъ сборника. И можно подумать, что это приглашение его относится какъ разъ къ молодымъ участникамъ альманаха — такъ близко опредѣляется этими строками все содержание ихъ комариной поэзии.

Если и послѣдующе альманахи будутъ столь же безкрылы и подражательны, — то можно будетъ только пожалѣть о печальной судьбѣ русскаго символизма, столь быстро выродившагося въ дурного тона эстетизмъ и посредственное версификаторство.

А. Серебровъ.

Софія Парнокъ. *Стихотворенія.*

Петр. 916 г. кв. скл. „Жизнь и Знаніе“. Стр. 77. Ц. 1 р. 25 к.

... „Да былъ ли день? И ночь
ли это?

Не сонъ ли чей-то смутный
мы?“... (стр. 5.)

... „Гдѣ море? Гдѣ небо? Вверху
ли, внизу?

По небу ль, по морю ль тебя я
везу,

Моя дорогая?“ (стр. 18.)

Не напоминаетъ ли это извѣстной пародіи Измайлова на стихи, кажется, И. Рукавишникова:

„Сплю или проснулся? Ночи
часъ, утра ли?

На плечахъ одна ли, двѣ ли головы?

Будто, какъ одна. Ужель одну
украли?

Гдѣ я? Ёду въ Вѣну или близъ
Невы?“...

Но это — так. А пророч.

Софья Парнокъ щеголяетъ самыми изысканными формами: въ книжечкѣ читатель найдетъ и сонетъ, и рондо, и рондель, и газели, и Алкеевы, и Сафическія строфы. Словомъ, надъ формой классическаго стиха поэтесса поработала — и кой-чего въ своей работѣ достигла. Но нельзя, чтобъ въ книгѣ изъ шестидесяти пьесокъ — не было ни одной строфы, которая бы остановила на себѣ вниманіе, на минуту бы хоть взволновало!

„Да, я одна. Въ часъ разставанія

Сиротство ты душѣ предрекъ.

Одна, какъ въ первый день созданія

Во всей вселенной человекъ!“..

Столь сильно, что ни трогаетъ, ни убѣждаетъ...

Даже стихи о „немъ“ — преобладающіе въ большой степени въ книгѣ — и тѣ не могли бы задѣть даже самые незащищенные нервы...

Мало умѣетъ поэтесса находить свои простыя, человѣческія слова...

И, увы, должно согласиться съ ней:

„Должно быть голосъ мой бездушень

И рѣчь умильная пуста...“

Должно быть!..

А писать сонетъ „недоказательно-канну, братоубийственному, упорному“ Фридриху Круппу — это уже просто неумно и смѣхотворно.

Н. Венгровъ.

Владимиръ Пруссакъ. *Цвѣты на свалкѣ.* Стихи. Петроградъ. 1915 г. Изд. автора. Ц. 1 р.

На первой страницѣ своей книги авторъ рекомендуетъ читателю:

„Я розовый бездѣльникъ“.

Дѣло, конечно, не въ томъ, что онъ розовый бездѣльникъ — между розовымъ и голубымъ бездѣльникомъ, на нашъ взглядъ, разница небольшая — и даже не въ томъ,

что онъ бездѣльникъ — бездѣльникомъ вездѣ очень много, — а въ томъ, что онъ сознательный, такъ сказать, убѣжденный бездѣльникъ. Онъ считаетъ себя вправѣ пройти по жизни безъ работы, безъ труда. Онъ даже въ своей наивности увѣряетъ:

„Я въ лѣсу построю теремъ,
Декламируя стихи“ —

и забываетъ, что теремъ одними стихами не построятся, что нужно еще таскать кирпичи или тесать бревна.

Но даже и въ стихахъ г. Пруссакъ не потрудился, не подумалъ о томъ, чтобъ найти свою форму, а взялъ готовую... у Игоря Сѣверянина. Откуда, какъ не изъ „несравненнаго Игоря“ эти шампанскія поэмы, поэтезы, взаиможажды, судьбосмѣхи, ласкословья, звуколаски и т. д. и т. д., и цѣлыя строфы, такія какъ:

„Потише, люди! Поэтъ въ ударѣ.
Онъ быстро нижетъ сплетенья

строкъ;

Онъ мчится съ Музой въ угарной парѣ;

Въ его движеньяхъ — всевластный рокъ“ (стр. 7)

и цѣлыя отдѣлы книги („Зазывъ“, „Мои знакомые“), въ которыхъ нѣтъ буквально ни одного самостоятельнаго слова? И эта своеобразная „пересадка“ Игоря Сѣверянина производится г. Пруссаккомъ съ такой поспѣшностью, что впопыхахъ онъ не замѣчаетъ, что рѣмы „demoiselle—новелль“, „колбасой—домой“, „гулкихъ — переулкахъ“ — скверныя, что „шишига“ мужского рода, а не женскаго (стр. 91) и т. д.

Всего этого, казалось бы, достаточно для того, чтобъ книгу г. Пруссакка признать безнадежно плохой. Однако, нѣкоторыя страницы книги все же останавливаютъ на себѣ вниманіе читателя и заставляютъ подозрѣвать, что у автора ихъ кое-что свое, что онъ бы могъ даже это высказать своими словами, простыми и искренними, если бы только онъ не лѣнился находить ихъ: а безъ этого, кажется, не сбываются даже его скромныя желанія:

... Хочу вѣнца хотя бы изъ картона,
... Хочу признанія, хотя бы на
недѣлю.

Д. Выгодскій.

„Недавнее“. Романъ Р. Григорьева.
Издание 1915 года. Стр. 185.
Цѣна 1 р. 25 к. Кн. б. М. В. По-
пова.

Изъ множества писателей, занимавшихся проблемой революціи, почти никому не удалось дать чего-нибудь цѣннаго нивѣ цѣломъ, ни даже въ деталяхъ. Можетъ быть потому, что вопросъ слишкомъ сложный, слишкомъ большой. И все же отдѣльныя картины, не требующія обобщенія и синтеза, могли бы представлять извѣстную цѣнность.

Эти попытки продолжаются... Григорьевъ въ своемъ романѣ „Недавнее“ занялся главнымъ образомъ проблемой „ухода“ интеллигенціи. Въ романѣ важны не личныя переживанія дѣйствующихъ лицъ, не мѣщанскій бытъ морально опустившейся интеллигенціи, а именно этотъ уходъ ея изъ рабочаго движенія.

Тысяча девятьсотъ пятый годъ являлся гранью въ сознаніи и дѣйствіи интеллигенціи. До этого года и въ теченіе его интеллигенція принимала живое участіе въ рабочемъ движеніи, потомъ начала отставать. Въ годы упадка еще многие поддерживали старую связь, еще продолжали дѣлать прежнее дѣло, но уже чувствовалось, что въ этомъ дѣлѣ нѣтъ живой души и не бурлитъ кровь. Потомъ отстали и послѣдніе попутчики.

Рабочее движеніе пошло своимъ путемъ, а интеллигенція болѣзненно искала своихъ дорогъ, принимаясь поочередно и за религію, и за проблемы пола, и за искусство. Многие изъ интеллигентовъ страдали отъ создавшейся отчужденности, отъ того, что порывали съ дѣломъ, дававшимъ содержание жизни и представлявшимъ большую цѣнность... Постепенно забывалась эта разорванная связь.

Люди покрывались цѣлымъ слоемъ привычекъ, потребностей, чуждыхъ прежнему, и незамѣтно опускались все глубже въ тину мѣщанства. Лишь въ нѣкоторыя минуты душевнаго покаянія бывшіе дѣятели чувствуютъ острые вспышки неувлеченности своей жизнью. Но и это случается далеко не со всѣми.

Авторъ развѣтываетъ передъ нами цѣлую галерею такихъ ушедшихъ изъ движенія интеллигентовъ. Здѣсь двѣ сестры Отаровы — Настя и Аня, и ихъ мужа — приватъ-доцентъ Георгій и адвокатъ Николай Николаевичъ.

У троихъ послѣднихъ нѣтъ даже сожалѣнія объ уходѣ. Они довольствуются своей личной жизнью: Аня — кухней, Кириой, удачами своего эгоиста-мужа, тотъ — своей профессорской дѣятельностью, Николай Николаевичъ — удачными выступленіями въ судѣ и игрой въ развратъ съ современными дѣвицами. Для этихъ трехъ дѣйствующихъ лицъ романа какъ-то дико и нелѣпо даже воспоминаніе о прошлой жизни — „Имѣемъ же мы право на личную жизнь“ — повторяютъ они... Это одна часть интеллигенціи, та часть, которая ушла безъ сожалѣнія и безъ воспоминаній.

Настя по временамъ страдаетъ отъ бездѣйствія, отъ мѣщанской обстановки, отъ пустоты жизни въ уютно обставленной квартирѣ. Но это страданіе скорѣе чисто внѣшнее, можетъ быть, только особое проявленіе нервнаго раздраженія.

Въ романѣ главное вниманіе уделено не перечисленнымъ лицамъ. Они являются лишь фономъ, на которомъ рельефно обрисованы переживанія третьей сестры — Варя. Варя пять лѣтъ прожила въ ссылкѣ въ Сибири и вернулась оттуда въ то время, когда жизнь во всѣхъ важнѣйшихъ проявленіяхъ рѣзко и глубоко измѣнилась... Въ этотъ періодъ произошли такія большія и глубокия измѣненія, что, несмотря на все желаніе, Варя не можетъ подойти къ новой жизни

слиться съ нею. Уйти въ личную мѣщанскую жизнь, какъ сдѣлали это ея сестры, она не можетъ — и мучительно ищетъ выхода изъ тупика... и находить его въ самоубійствѣ — но это не выходъ... это не рѣшеніе вопроса жизни... Люди созданы для жизни, для ея строительства, а не для проповѣди самоубійства и самоустраненія...

Ярко обрисованы Григорьевымъ годы безвременья и то молодое поколѣніе интеллигенціи, которое идетъ на смѣну бывшимъ дѣятелямъ. „Дѣятели“ опускаются все глубже и глубже въ тину мѣщанской пошлости, а на ихъ мѣсто приходитъ молодежь, которая по-своему ищетъ путей. У этой молодежи и другія потребности и другое отношеніе ко всѣмъ злободневнымъ вопросамъ. Она жадно ищетъ смысла жизни во всемъ: въ увеселеніяхъ, въ спортѣ, въ искусствѣ, флиртѣ, въ чертовщинѣ и проблемахъ пола. Словомъ, во всемъ, что не связано съ общественностью.

Неспособная къ дѣйствію и мысли, пассивная въ общественномъ дѣлѣ, живущая лишь для себя, для своего тѣла—молодежь эпохи безвременья заполняетъ жизнь чѣмъ-то своимъ...

Эта молодежь можетъ на время увлечься студенческимъ движеніемъ, искать смысла и въ немъ, но все это безкровно, безжизненно, слабо и по размаху и по содержанию...

Это пародія на прошлое, а не выходъ на новую дорогу.

Одинъ изъ персонажей этого романа, характерный представитель молодежи — Владиміръ Отаровъ — какъ будто находить этотъ выходъ. Послѣ только что пережитой большой личной драмы, онъ случайно встрѣчается съ реальнымъ рабочимъ міромъ, не тѣмъ фантастическимъ, о которомъ живы воспоминанія въ ихъ семьѣ, а новымъ, дѣйствительнымъ, и въ поискахъ новой, другой, не похожей на прежнюю, жизни Владиміръ поступаетъ рабочимъ на фабрику...

Именно въ этой части романъ остроенъ слабѣ всего. Слишкомъ

искусственны, надуманны и поиски Владиміра, и даже самъ выходъ. Такіе безвольные, извращенные жизнью люди не могутъ рѣшиться на смѣлый шагъ, на такой рѣзкій разрывъ съ прошлымъ. Не хватить у нихъ на это ни воли, ни характера, ни силъ.

И эта часть романа, въ которой авторъ какъ будто хочетъ указать настоящий выходъ, дать рѣшеніе вопроса, звучитъ слабо и неубѣдительно и портитъ впечатлѣніе отъ несомнѣнно интереснаго и яркаго цѣлаго.

Р. Арскій.

Сереза Нестроевъ. Романъ Г. Чулкова.

Романъ этотъ имѣетъ всѣ данныя къ тому, чтобы читаться съ большимъ интересомъ. Въ немъ взята волнующая каждаго подлиннаго писателя эпоха—послѣреволюционные годы, въ романѣ рассказывается о фактахъ, привлекающихъ вниманіе — тутъ и клубъ юношей-самоубійцъ, и „инфернальная“ женщина, и опростившійся интеллигентъ, и столь излюбленные со временъ Достоевскаго ночные разговоры въ трактирѣ о судьбахъ Россіи, и дѣвочка, умирающая отъ чахотки и уязвленнаго самолюбія.

И все это группируется вокругъ Серезы Нестроева, встрѣчается ему на его длинномъ и скорбномъ пути — пути къ Богу. „Пустите дѣтей приходять ко Мнѣ“, такъ гласитъ евангельское изреченіе, взятое Чулковымъ въ видъ motto, являющееся идейнымъ центромъ романа.

Герой романа, полулюбоша-полумальчикъ Сереза Нестроевъ, изнемогаетъ отъ душевной борьбы, отъ томительнаго одиночества. Два начала борются въ его душѣ: дьявольское — сладострастія и порока, — и божеское. Онъ одинокъ въ своей борьбѣ: его родители — „узкіе позитивисты и матеріалисты“ — не понимаютъ душевныхъ мукъ юноши, его сверстники чужды ему. Сереза проходитъ сквозь рядъ мы-

тарствъ и искушений, отталкиваетъ отъ себя ядъ разврата, демона самоубійства, ложь позитивизма, и выходитъ на широкую дорогу богоискательства, богопознания. „Умудренный мукой“ — испытываетъ отъ нѣчто вродѣ озаренія, чудится ему, „что Кто-то стоитъ рядомъ, Кто-то положилъ ему руку на плечо“ и, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, „сердце его замерло въ непонятномъ блаженствѣ“. Такъ кончается этотъ романъ-повѣсть, такова его схема, сухой остовъ.

Романъ дѣлится на двѣ неравныя части — одна посвящена критикѣ и обличенію „лжеученій“ позитивизма, вторая, главная, — повѣди богоискательства.

Съ позитивизмомъ и материализмомъ Чулковъ расправляется быстро и безпоощдно. Правда, способъ борьбы онъ избралъ нѣсколько странный. Онъ обрисовалъ нѣсколько тупыхъ, ограниченныхъ людей, вывелъ нѣсколько каррикатурныхъ фигуръ, снабдилъ ихъ позитивистско-материалистическимъ міросозерцаніемъ, вложилъ въ ихъ уста завѣдомо пошлыя слова.

Повидимому, онъ намѣревался дать художественное доказательство неизбѣжной связи между позитивизмомъ и пошлостью, но, увы, это доказательство свелось на страницахъ романа лишь къ нѣсколькимъ сердитымъ замѣчаніямъ о томъ, что родители Сережи Нестроева „добродѣтельные и прѣсные“, что у нихъ въ семьѣ „искусствомъ не интересуются“, „Достоевскаго не любить“, предпочитаютъ „проклятымъ вопросамъ“ вопросы „насуточные“. Читая все это, невольно думаешь, что Чулковъ слишкомъ облегчилъ себѣ побѣду надъ позитивизмомъ.

Точно также безпомощна художественно и вторая часть романа, долженствующая убѣдить читателя въ психологической неизбѣжности прихода Сережи къ познанію Бога. Весь психологическій анализъ Чулкова сводится къ сухому изложенію ряда безжизненныхъ, скучноватыхъ мыслей, якобы пробѣгаю-

щихъ въ головѣ Сережи, къ нѣсколькимъ чисто протокольному характеру замѣчаніямъ. „И вотъ Сережа, извѣдавъ пороки, его соблазны и очарованіе, естественно долженъ былъ запутаться въ противорѣчій, ничѣмъ высшимъ не оправданныхъ“.

„Само собою разумѣется, что его ребяческое сердце не вынесло недѣтскихъ страстей и жизненныхъ событий“...

Такихъ сухихъ словъ въ романѣ больше, чѣмъ мыслей, а оторванныхъ отъ жизни мыслей больше, чѣмъ художественныхъ образовъ, синтезирующихъ художественно-реальную правду.

Авторъ претендуетъ, повидимому, на значительность, глубину, нѣкій синтезъ, на указаніе путеводнаго огня, на выявленіе умонастроенія эпохи. Въмѣсто отвѣта на эту претензію хочется, невольно, напомнить ему слова А. Бѣлаго, столь близко соприкасававшегося съ мистическимъ богоискательствомъ. „Мы глубоки. Часто мы такъ глубоки, что не можемъ воплотить глубину нашей души въ чѣмъ-то конкретномъ... Мы рабы слова... Глубина наша — чисто словесное пьянство. Довольно глубокихъ словъ; довольно проклятыхъ вопросовъ“.

Мих. Левидовъ.

24-й альманахъ изд. „Шиповникъ“.

Пѣтрг., 1916. Ц. 1. 75 к.

Десять новыхъ сборниковъ „Шиповника“ занято произведеніями, широкому читателю уже извѣстными — пьесами Л. Андреева — „Тотъ, кто получаетъ пощечины“ и С. Шиманскаго „Кровь“.

Новая пьеса Л. Андреева названа имъ „представленіемъ въ 4-хъ дѣйствіяхъ“, — повидимому, авторъ затруднялся, къ какому виду драматическаго творчества ее отнести. Дѣйствительно, — это не драма въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, не трагедія, не комедія и не мелодрама, хотя именно къ мелодрамѣ, если не требовать отъ послѣдней

обязательного сопровождения музыкой, „представление“ это ближе всего. И, может быть, если бы автор поставил себя целью дать настоящую мелодраму, это удалось бы ему в высокой степени, ибо тогда свойственные его творчеству пафосъ, густая красочность и нѣкоторый схематизм построений нашли бы себя весьма плодотворное примѣненіе.

Въ данной пьесѣ, однако, Л. Андреевъ не отрѣшился окончательно отъ той, весьма запутанной символизации, которая характерна для него, какъ автора „Черныхъ масокъ“ и „Моихъ записокъ“. И отъ пьесы, поэтому, получается двойственное впечатлѣніе — съ одной стороны эффектная мелодрама: циркъ, любовь клоуна къ цирковой наѣздницѣ, дочери (приемной) итальянскаго графа, продажа героини богачу барону, смерть ея и клоуна въ самый рѣшительный моментъ; съ другой — съ трудомъ распутоваемая трагическая символика: нѣкто, человекъ исключительный, можетъ быть, гениальный, идейно обокраденный, не понятый даже близкими людьми, бросаетъ все и уходитъ въ циркъ, гдѣ получаетъ пощечины и въ то же время издѣвается надъ пошлой толпой партера и униженіемъ своимъ мститъ ей, не понявшей его, не почувствовавшей въ немъ пророка.

Двѣ пьесы, двѣ драматическихъ идеи въ одномъ „представленіи“. И благодаря этому — отсутствіе цѣльнаго впечатлѣнія. Для драмы, для трагедіи здѣсь нѣтъ той причинности, той неумолимости въ развитіи событий, безъ которой нѣтъ настоящаго драматическаго произведенія. Для красочной, яркой мелодрамы слишкомъ много драматически непонятнаго.

Тѣмъ не менѣе пьеса написана ярко, съ той красотой діалога, которая присуща пьесамъ Л. Андреева. Фигуры, за исключеніемъ загадочнаго „Тота“, выуклы и ярки. Великолѣпно — зло и умно — написанъ графъ Манчини и баронъ Реньяръ. Первый — представителъ

захудалаго итальянскаго рода, аристократъ, помѣшанный на блескѣ своего имени, развратничающій, безпринципный старикъ, продающій свою приемную дочь богатому барону. Баронъ — олицетвореніе тупой буржуазіи, вѣрящей только во власть денегъ и на эти деньги покупающей себя красоту, разумъ, искусство. Это — одинъ изъ тѣхъ, кому даетъ свои пощечины Тотъ, одинъ изъ тѣхъ, кто нарядилъ „Аполлона парикмахеромъ, а Венерѣ далъ желтый билетъ“... Хорошъ папа Брике, владѣлецъ, директоръ цирка, добродушный угодникъ партера, его жена Зинида, смѣлая укротительница тигровъ и мн. др. Густо и сочно ложатся краски Андреева, и можно лишь пожалѣть о томъ, что авторъ не удержался отъ искушенія „усложнить“, а на самомъ дѣлѣ запутать яркую, красочную мелодраму.

Пьеса Шиманскаго — не пьеса для чтенія. Ея уголовная фабула, несомнѣнно, дѣлаетъ ее очень сценичной въ элементарномъ смыслѣ этого слова. Въ пьесѣ чрезвычайно много сценическихъ моментовъ. Но сценичность эта исключительно внѣшняя. Въ пьесѣ нѣтъ хорошаго діалога, нѣтъ рѣзко и опредѣленно очерченныхъ образовъ. Языкъ героевъ не выдержанъ. Въ чтеніи пьеса производитъ впечатлѣніе тѣхъ сенсационныхъ романовъ, которые ежедневно печатаются въ нѣкоторыхъ газетахъ въ качествѣ постояннаго „уголовнаго“ фельетона. На сценѣ, несомнѣнно, эта пьеса много выигрываетъ, ибо въ ней есть и дѣйствіе, и отдѣльныя „эффектныя“ мѣста. Вспомните, напримѣръ, заключительную сцену четвертаго дѣйствія, гдѣ проститутки подползаютъ къ трупу и грабятъ мертваго.

Кромѣ этихъ пьесъ въ сборникѣ помѣщенъ рассказъ А. Н. Толстого. Рассказъ этотъ отнюдь не можетъ быть названъ удачнымъ. А. Н. Толстой силенъ тамъ, гдѣ онъ описываетъ гримасы быта, — тамъ онъ особенный, ни на кого не похожій. Когда же онъ, какъ

напримѣръ, въ данномъ разсказѣ, начинаетъ писать высокимъ стилемъ, о тоскѣ по любви неосуществимой, которую онъ видитъ „во всемъ — въ звѣздахъ и воющихъ проволокахъ, въ вѣтрѣ, и въ ночи, въ слѣдахъ прохожаго“, — тогда это только скучно.

Ад. Б.

Эмль Верхарнъ. *Окровенная Бельгя.* Авториз. пер. съ франц. съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. Москва. 148 стр. Ц. 1 р.

Новая книжка Верхарна составила изъ трехъ стихотвореній и дюжины прозаическихъ отрывковъ, посвященныхъ „окровенной Бельги“. Это — страстные, изступленные гимны любви и ненависти: любви къ родной странѣ, къ ея культурѣ, ея быту, ея художественнымъ достиженіямъ, — ненависти къ ея опустошителямъ-германцамъ. Оба эти чувства неразрывно срослись въ душѣ автора. Ненавистью распаляетъ онъ свою любовь и любовно лелѣетъ свою ненависть, — жадно, почти сладострастно впитываетъ въ себя ужасные образы войны: дѣйствительныя звѣрства непрятельскаго вторженія и порожденныя имъ мрачныя, кроваво-садическія фантазмагорія сплетаются въ одинъ кошмарный клубокъ.

Великая ненависть, питаемая великой любовью, обладаетъ иногда могучей творческой силой, обостряетъ и напрягаетъ всѣ высшія способности человѣка. Но, очевидно, национальной ненависти не дано этой силы. Окровенная душа Верхарна съ ея гноемъ сочащимися ранами производитъ впечатлѣніе чуть ли не болѣе гнетущее, чѣмъ сама окровенная Бельгя. Распалась прекрасная и сложная духовная организація, исчезъ одинъ изъ благороднѣйшихъ рыцарей человѣчности, одинъ изъ самыхъ вдохновенныхъ провозвѣстниковъ „зорь“ грядущаго. Остались только обломки, только обезображенные войной развали-

ны прежняго Верхарна. Передъ нами почти безумецъ, одержимый маниакальной идеей, слѣпо-огульный какъ въ своихъ новыхъ страстяхъ, такъ и въ своей новой враждѣ.

Какъ-то совѣстно и неловко читать тѣ неумѣренные комплименты, которые расточаетъ намъ, русскимъ, Верхарнъ въ своемъ предисловіи. Онъ находитъ у насъ „довѣрчивую, трепетную искренность“ въ отношеніяхъ между людьми, „волнующую интенсивность самопожертвованія“, „утонченную сложность чувствъ“, „обаятельно естественную учтивость“ и, въ заключеніе, восклицаетъ: „поистинѣ Германия, со всей ея окаменѣлой организаціей и съ ея исключительными матерьяльными заботами кажется такой жалкой и убогой, когда взглянешь на нее при великолѣпномъ и ослѣпительномъ свѣтѣ Россіи“.

А вотъ какими штрихами набрасываетъ Верхарнъ образъ окаменѣлой Германии:

„Истинная Германия, — мы теперь въ этомъ непоколебимо и съ грустью убѣдились, — только случайно была страной Гёте, Бетховена, Гейне... Нѣмецъ — наименѣе поддающееся совершенствованію существо въ мірѣ... Нѣмецъ почти ничего не изобрѣтаетъ самъ и лишь разрабатываетъ чужія открытія... Нѣмцы не открыли въ наукѣ ни одного изъ великихъ путей, они пролагали лишь боковыя дорожки. Лейбницъ и Кантъ пристроились къ царственной дорогѣ Декарта... Если и существуетъ германская культура, то германской цивилизаціи — нѣтъ“ (стр. 97—103).

Почему же нѣмцы такъ неспособны къ творчеству? Вѣдь по своему расовому происхожденію они близкіе родственники и англичанъ, и голландцевъ и значительной части самихъ бельгийцевъ. Этотъ вопросъ разрѣшается Э. Верхарномъ подъ явнымъ гипнозомъ того „великолѣпнаго и ослѣпительнаго свѣта“, который такъ по-

разилъ его при посѣщеніи нашего отечества. Какъ оказывается, во всемъ виноваты хорошо извѣстные намъ „жидомасоны“.

„Нигдѣ семиты не устроились болѣе прочно, чѣмъ въ Германіи... Послѣ уничтоженія гетто, евреи направили свои усилія на развитіе свободныхъ городовъ: Любека, Гамбурга, Бремена. Франкфуртъ превратился въ родъ западнаго Иерусалима... въ концѣ концовъ они (евреи) добиваются того, что становятся близко къ императору, который выбираетъ изъ ихъ среды своихъ негласныхъ совѣтниковъ... За исключеніемъ газетъ католическаго центра, всѣ большія ежедневныя газеты Вѣны, Франкфурта, Берлина находятся въ рукахъ евреевъ... Эта пресса... работала надъ метаморфозой старой Германіи; она проповѣдывала идею единства Германіи, и она же добилась согласія Баваріи, Саксоніи и Виртемберга присоединиться къ единой Германіи... Она привила практическія и реалистическія понятія народу, склонному къ мечтѣ и идеализму. Она направила на путь завсѣваній и добычи; она вдохнула въ него неутомимую бдительность, безграничную любовь къ наживѣ, въ нужный моментъ смѣлость, неизсякаемое терпѣніе и непоколебимое упорство. Больше того: понятие, что все подлежитъ обмѣну, куплѣ и продажѣ, что все регулируется спросомъ и предложениемъ, что все — расчетъ и ничто не подлежитъ чувству, — понятія эти перешли мало-по-малу изъ еврейскаго мировоззрѣнія въ нѣмецкое... Германія стала страной едѣлокъ“.

Другими словами, германскій милитаризмъ германскій промышленный расцвѣтъ, вся культура и вся исторія Германіи второй половины 19 вѣка, — все это дѣло еврейскихъ рукъ, и самъ Бисмаркъ, объединитель нѣмецкаго отечества, не болѣе, какъ ставленникъ жидовскаго кагала.

Мы выписали этотъ дикій анти-семитическій бредъ не для того,

чтобы посмѣяться надъ Верхарномъ. Распадъ великой души — вовсе не веселое зрѣлище; и если этотъ свободный гордый умъ такъ трагически изнемогъ подъ бременемъ пережитыхъ ужасовъ, не намъ судить его, — на мѣстѣ Верхарна любой изъ насъ палъ бы, вѣроятно, еще ниже. Нельзя, однако, равнодушно проходить мимо такихъ катастрофъ. Духовное омертвене Верхарна — далеко не первый и уже, конечно, не послѣдній моральный триумфъ гения войны.

Съ арены военныхъ дѣйствій все глубже и глубже въ тылъ просачивается трупный ядъ, все сильнѣе и сильнѣе отравляетъ истоки европейской культуры. Вѣдь, тотъ же самый вздоръ о Лейбницѣ и Кантѣ, „пристроившихся къ царственной дорогѣ Декарта“, провозгласилъ недавно не кто иной, какъ Анри Бергсонъ*: творческая „инициатива“ во всѣхъ областяхъ научнаго и философскаго мышленія есть, будто бы, привилегія французовъ; нѣмцы и всѣ прочіе народы лишь разрабатывали и систематизировали интуици французскаго гения. Всѣ, пришибленные разгуломъ торжествующаго милитаризма, вдохновляются нынѣ національной идеей.

„Въ насъ совсѣмъ не было шовинизма“, — пишетъ Верхарнъ, „многие изъ насъ, часто лучше, жалѣли, что ихъ страна такъ мала. Однимъ хотѣлось быть французами, другимъ англичанами, нѣкоторые даже желали стать нѣмцами. Теперь все это исчезло: всѣ мы стали бельгійцами и только ими. И ими мы останемся до самой смерти. Мы вѣримъ въ свою страну, какъ вѣрующіе вѣрятъ въ небеса“.

Отнынѣ искусство, поэзія и вся вообще культура Бельгіи станутъ глубоко, сознательно національными, и Верхарнъ ожидаетъ отъ этого переворота великаго духовнаго расцвѣта.

* См. его статью „La Philosophie française“ въ Revue de Paris.

Мы видимъ, какія цѣнности уже принесть съ собой этотъ далеко еще не завершившійся переворотъ. Мы видимъ, какъ тончайшій мыслитель Франціи малюетъ грубую шовинистическую рекламу, — какъ благороднѣйшій художникъ Бельгіи проникается паэосомъ нашихъ нововременцевъ. Если таковы цвѣтки, то каковы же будутъ плоды культуры, озаренной свѣтомъ національнаго возрожденія? Поистинѣ, мы стоимъ въ преддверіи великой эпохи!

В. Базаровъ.

Екатерина Экъ. *Письма матери.*

Въ пользу жертвъ войны. Ц. 30 к. 1915 г.

Елена Кричевская. *„Письма о материнствѣ“.* Ц. 60 к. 1915 г.

Оба автора благоговѣнно относятся къ материнству. Считаютъ его дѣломъ первѣйшей важности, труднымъ и отвѣтственнымъ. Размышляютъ о немъ и плоды своихъ размышленій предлагаютъ вниманію другихъ матерей. Къ сожалѣнію, то главное, что могло бы мыслямъ этихъ „рядовыхъ“ матерей придать цѣнность — передача чужого конкретного опыта — отсутствуетъ. Остаются отвлеченныя положенія и общія разсужденія, которыя слишкомъ часто сбиваются на общія мѣста.

Г-жа Экъ въ своей маленькой книжечкѣ (32 стр.) касается „всего слегка“. Ея „двѣнадцать писемъ“ — цѣлая энциклопедія воспитанія, если судить по многочисленности затронутыхъ ею вопросовъ. Впрочемъ, вопросовъ нѣтъ, а имѣются только отвѣты или, вѣрнѣе, совѣты и рецепты. Г-жа Экъ мало аргументируетъ, но охотно предписываетъ. Рецепты ея порою доброкачественны, большею частью безвредны (не убивайте въ дѣтяхъ самостоятельность, обучайте ихъ искусствамъ, посылайте въ гимназію, когда они уже постарше, потому что они тамъ простуживаются и поддаются дурнымъ влияніямъ, матери, будьте честны съ собою и т. д.), а иногда весьма сомнительны. Такъ, матери, если она даже „убѣжденная атеист-

ка“, рекомендуется говорить съ дѣтьми такъ, какъ если бы она была вѣрующей, хотя г-жа Экъ сама подробно распространяется о томъ, какъ важенъ примѣръ въ воспитаніи правдивости и какъ чутки дѣти къ правдѣ. По своимъ темамъ авторъ порхаетъ съ легкостью мотылька. Разрѣшивъ „интимный“ и страшный вопросъ „о религиозныхъ вѣрованіяхъ“, она на стр. 23 ставитъ „важный и щекотливый“ вопросъ о происхожденіи человѣка и всего живущаго“. Уже на стр. 25 отвѣтъ готовъ: „Мнѣ лично вопросъ пола не представляется болѣе страшнымъ, чѣмъ, напримѣръ, вопросъ о религи. Я нахожу, что на все мать должна отвѣчать правдиво, примѣняясь къ возрасту и пониманію ребенка“... „Все сводится къ уму, сердечности и такту воспитательницы-матери“ (стр. 26). Г-жа Экъ, навѣрно, осталась довольна тѣмъ, какъ благополучно ей удалось выкарабкаться изъ „страшнаго“ вопроса пола. Приступала она къ нему не безъ трепета. По ея мнѣнію, „многого“ тутъ нельзя сказать „по причинамъ всѣмъ понятнымъ“. Кромѣ того г-жа Экъ знаетъ, что среди ея читательницъ найдутся такія, „которыя за личную обиду считаютъ“, если въ ихъ присутствіи этотъ вопросъ затрагивается. „Поэтому“, говоритъ она, „я лишь въ общихъ чертахъ и, стараясь не оскорбить ничьей скромности, затрону эту, на мой взглядъ, чрезвычайной важности сторону воспитанія“ (стр. 24).

Несомнѣнно, госпожѣ Экъ, которая въ дѣлѣ воспитанія отдаетъ предпочтеніе „высшему кругу“ передъ „среднимъ“ (стр. 5), удалось не оскорбить скромность читательницы даже изъ самаго высшаго круга, но, на нашъ взглядъ, при такихъ подходахъ къ темамъ скромнѣе было бы ихъ вовсе не тревожить.

Г-жа Кричевская гораздо смѣлѣе. Она не убоилась одиночества, когда въ 18 лѣтъ она одна изъ своихъ сверстницъ опредѣлила свой жизненный путь такъ: „Хочу быть хо-

рошей матерью своимъ будущимъ дѣтямъ, — и больше ничѣмъ“ (стр. 7). Въ своихъ письмахъ она поетъ гимнъ „творческому материнству“. Ей хочется, чтобъ ея письма попали въ руки дѣвушекъ — „имъ открытъ путь подготовки къ творческому материнству“. „Мы, радодыя современныя матери, должны освѣтить передъ ними всѣ терни пройденнаго нами пути, чтобы имъ, юнымъ, бодрымъ, радостнымъ легко было обойти ихъ...“ Но пока въ этихъ первыхъ двухъ изданныхъ письмахъ „терни“ еще не освѣщены, а имѣются лишь восторженныя описанія переживаній, вызванныхъ благоговѣніемъ передъ миссіей материнства и его огромной ролью въ будущемъ. Г-жа Кричевская думаетъ, что близко то время, „когда тысячи дѣвушекъ пойдутъ по пути творческаго материнства“ (32), когда онѣ найдутъ свое призваніе въ томъ, чтобы быть своимъ дѣтямъ — матерями, достойными этого имени. — Въ нашъ вѣкъ ребенка“ и „дни войны 1914—1915 гг. потребность въ этомъ назрѣла настолько, что требуетъ уже удовлетворенія“ (стр. 31).

Г-жа Кричевская ошибается. Не такъ ужъ вѣрно, что „нашъ вѣкъ — это вѣкъ ребенка“. Вѣрнѣе, что нашъ вѣкъ — это вѣкъ обездоленнаго ребенка. У обездоленнаго ребенка нѣтъ матери, и материнство, какъ творческий путь, для многихъ не дано нашему времени. Никогда жизнь не отрывала такъ безпощадно мать отъ ребенка, какъ сейчасъ. И о миссии творческаго материнства можно говорить лишь въ другой перспективѣ: материнство, вынесенное за предѣлы своей семьи, расширенное до любви и интереса не только къ своему ребенку, а къ дѣтямъ вообще, примѣненное не въ своей дѣтской, а въ дѣтскомъ коллективѣ, и тамъ осуществляемое, какъ призваніе, — вотъ чего требуетъ наше время, вотъ гдѣ нужны тѣ, кого манитъ „материнство, какъ творчество“..

Р. Е.

Н. И. Гаврилова и М. И. Стахорская. *Дневникъ матери. Записки о душевномъ развитіи ребенка отъ рожденія до семилѣтняго возраста.* Подъ ред. К. Н. Корнилова и Н. А. Рыбникова. Изд. „Практическаго знания“. 234 стр. + VIII. Ц. 1 р. 75 к. М. 1916.

Для всякаго воспитателя, стремящагося вести свое дѣло на психологической основѣ, громадное значеніе имѣютъ непосредственныя наблюденія надъ ребенкомъ въ его естественной обстановкѣ. Очевидно, что новыя педагогическія системы уже не могутъ создаваться умозрительно, — нужны длительное наблюденіе и многочисленныя опыты, планомерно поставленныя и систематически веденныя. Какъ это ни странно, такихъ систематическихъ наблюденій надъ развитіемъ дѣтской души до сихъ поръ опубликовано очень немного. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ знаменитая книга В. Прейера „Душа ребенка“, впервые вышедшая на русскомъ языкѣ 25 лѣтъ тому назадъ *. И до настоящаго времени эта книга является самой богатой непосредственными наблюденіями надъ ребенкомъ въ возрастѣ отъ рожденія до 3-хъ лѣтъ. Прекраснымъ дополненіемъ къ Прейеру служить „Психологія ранняго дѣтства до шестилѣтняго возраста“ супруговъ К. и В. Стернъ **. Кромѣ того, существуютъ книги Шинна (на англ. языкѣ), Диксъ (на нѣмец. яз.), Перэ, Селли (въ русск. пер.). Въ самое послѣднее время начали появляться аналогичныя сочиненія русскихъ авторовъ. Года два тому назадъ вышла книга Левоневскаго „Мой ребенокъ“, а въ самомъ началѣ текущаго года книга Гавриловой и Стахорской.

Названная книга является первымъ выпускомъ „Библиотеки Пе-

* Полный переводъ вышелъ только въ 1912 г. подъ редакціей Динзе. Изд. О. Богдановой. Ц. 2 р. 25 к.

** В. Стернъ. Психологія ранняго дѣтства. Изд. газеты „Школа и жизнь“, ц. 1 р. 50 к.

дагогического Музея Учительского Дома в Москве». Второй выпуск будет посвящен психологии школьного возраста, третий — психологии юности. В книгу два дневника — Гавриловой о ее сыне Левике (Львѣ), умершем в 2 года в 3 месяца и Стахорской о Масикѣ (Львѣ), записи о котором превращаются на 8-м году его жизни.

Выше было указано, что кроме книги Гавриловой и Стахорской на русском языке есть лишь записи г. Левоневского. — Таким образом, их «дневник» — есть первый случай опубликования на русском языке записей матери. Лишь в нашей художественной литературе мы имеем пример подобающего дневника, веденного графиней Марьей из «Войны и мира» Л. Толстого, где записывалось все то из дитячьей жизни, что для матери казалось замечательным, выражая характер дитя или наводя на общие мысли о приемах воспитания*.

Дневник Левика Гаврилова мать стала вести по мысли его дядюшки врача; решено было записывать наиболее выдающиеся события из жизни Левика, чтобы впоследствии он мог подробно ознакомиться с историей своего детства; «он мог бы увидеть, как его воспитывали», «он мог бы познакомиться с положительными методами и приемами и замечать все ошибки, чтобы избежать их при воспитании своих детей». Такую роль, поставленная госпожей Гавриловой. Не мудрствуя лукаво, записывалось все, что происходило с мальчиком. Какого-нибудь плана наблюдений у матери не было, отчет дневник прогрессирует, как научно-психологический материал; однако, его ценность очень велика, как непосредственного человеческого документа, для печати не предназна-

чавшегося. Воспитатели и психологи найдут в нем богатый материал для своих выводов.

Более плакативный характер имеют записи г-жи Стахорской, которая основательно подготовилась к своим наблюдениям и с самого начала работы имела в виду, что ее записи, в обработанном виде могут быть полезным материалом при изучении раннего детства. Дневник г-жи Стахорской удачно дополняет дневник г-жи Гавриловой: — здесь подробнее всего разработаны четвертый, пятый и следующие года. Записи сделаны методично, опубликовано лишь то, что имело какой-либо интерес для изучения психологии данного возраста. Приведены рисунки и первые сочинения по картинкам.

В обоих дневниках особенно много данных о развитии речи и представлений. Поднятые слова дитя приводятся, по возможности, очень точно, благодаря чему дневники читаются с большим интересом, особенно дневник Стахорской. Чтобы познакомиться читателю с характером записей последней, приведем некоторые записи из относящихся к последнему уже периоду.

10 ноября 1912 г. (4 г. 11 м.)

— Очень интересуюсь войной на Балканах. Много спрашиваешь о турках, о болгарях. «Кто из них лучше?» Когда я вырасту, я захочу воевать; правда, мама, воевать нехорошо».

27 ноября того же года.

Сегодня день его рождения, и когда няня пожелала ему — любить всех людей, когда он вырастет, Масик удивился и крикнул: «Я уже всех люблю и теперь!»

1 ноября 1914 года.

Меня поражает происшедшая в нем перемена; раньше (в прошлом году) мне не приходилось слышать от Масика, что он любит убивать, мучить людей. Наоборот, он был всегда очень

* Л. Н. Толстой. «Война и мир», эпизоды, ч. I, кн. XV. В 1-м изд. «Жизнь для жизни» стр. 480.

жалостливъ, никогда не обижалъ никого, и не могъ слышать разсказовъ, сказокъ, гдѣ проглядывала какая-нибудь жестокость. Теперь же онъ съ азартомъ разсказываетъ, что „надо нѣмцевъ всѣхъ поубивать: всѣхъ, всѣхъ бы я замучилъ нѣмцевъ“. Когда смотритъ на карту, самъ себя шепчетъ: „Ахъ, противные! У-у-у гадость эти нѣмцы, я бы ихъ! У-у всѣхъ бы убилъ, вотъ злые, гадкие“ и начинаеть въ порывѣ злобы бить кулаками по картѣ.

Редакторы приложили въ концѣ книги довольно подробное наставленіе: „какъ изучать ребенка?“ Такое добавленіе очень полезно, такъ какъ многія матери, дѣйствительно, не знаютъ, что же нужно наблюдать въ ихъ ребенкѣ.

А. Пинкевичъ.

Г. Цыперовичъ. *Синдикаты и тресты.* Изд. „Прибой“. Петроградъ. 1916. Цѣна 15 коп.

Авторъ задался цѣлью въ популярномъ и общедоступномъ видѣ изложить сущность новыхъ формъ объединения крупной промышленности, имѣющихъ цѣлью устранить взаимную конкуренцію и регулировать производство. Излагая причины возникновенія синдикатовъ, авторъ указываетъ, между прочимъ, на то, что одной изъ серьезныхъ причинъ, вызвавшихъ ихъ зарожденіе, является ростъ рабочаго движенія, и необходимость для промышленниковъ организовать для борьбы съ нимъ подъ лозунгомъ „капиталисты всѣхъ странъ, соединяйтесь“. Въ брошюрѣ описаны всѣ способы объединения капиталистовъ, отъ временныхъ соглашеній до почти полнаго слиянія предприятий, имѣющаго мѣсто въ трестахъ.

Далѣе въ брошюрѣ приводятся данныя относительно распространенія синдикатовъ и трестовъ въ промышленныхъ странахъ Европы и Америки. Въ Соедин. Штатахъ свыше 50% всей крупной промышленности объединено, а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности,

какъ, напр., въ нефтяномъ дѣлѣ, процентъ синдицированныхъ предприятий доходитъ до 90. Въ Россіи почти всѣ крупныя отрасли промышленности тоже объединены въ синдикаты. Это всѣмъ извѣстныя общества: Продаметъ, Продуголь, Кровля, Гвоздь и т. д.

Въ отдѣлѣ о предпринимательскомъ Интернационалѣ авторъ указываетъ на стремленія капиталистовъ регулировать не только внутренний, но и международный рынокъ. Брошюра написана, очевидно, до войны, такъ какъ авторъ ничего, не упоминаетъ о временномъ перерывѣ въ международныхъ отношеніяхъ капитала. Выводы автора, однако, безъ сомнѣнія, имѣютъ значеніе и для будущихъ, послѣвоенныхъ отношеній.

Въ концѣ книги авторъ излагаетъ отношеніе рабочаго класса къ синдикатамъ и трестамъ.

Брошюра Цыперовича читается легко и можетъ быть смѣло рекомендована для первоначальнаго ознакомленія съ сущностью новыхъ формъ капитализма.

Т. Гн.

Вивъ. *Трудъ и здоровье рабочихъ* (Гигиена промышленнаго труда). Съ 11-ю рисунками въ текстѣ. Изд. „Прибой“. Петроградъ 1916. Цѣна 35 коп.

Профессиональная гигиена, т. е. условия, въ которыхъ рабочимъ приходится трудиться, имѣютъ для нихъ громадное значеніе. Жизнь и здоровье рабочаго находится въ простой зависимости отъ продолжительности рабочаго дня, санитарнаго состоянія завода или мастерской, условий питанія и заработной платы. Поэтому рабочимъ необходимо детально ознакомиться съ тѣми требованиями, при которыхъ, по указаніямъ профессиональной гигиены, работа наименѣе вредно отражается на здоровьѣ.

Выясненію этихъ условий и посвящена книжка Вива. Въ обзорѣ разнаго рода производствъ авторъ указываетъ вредное влияніе на рабочихъ заводской пыли, ядовитыхъ

веществъ, жары, холода и сырости и т. д., и указываетъ способы, какъ это вредное влияние можно свести до минимальныхъ размѣровъ.

Слѣдующія главы книжки посвящены трудовымъ увѣчьямъ, рабочему дню, сверхурочнымъ и ночнымъ работамъ, при чемъ авторъ въ концѣ каждого отдѣла выставляетъ лозунги, за которые должны бороться рабочіе, чтобы трудъ ихъ происходилъ съ наименьшей опасностью для жизни.

Спеціальная глава посвящена женскому и дѣтскому труду. Охрана женскаго труда имѣетъ особо важное значение, такъ какъ отъ силы и здоровья женщины зависитъ здоровье всего поколѣнія. Въ дальнѣйшемъ идетъ выясненіе влияния на жизнь и здоровье рабочихъ жилищныхъ условий, питанія и заработной платы.

Послѣдняя глава посвящена выясненію того, что сдѣлано для охраны труда въ Россіи и за границей, и задачамъ фабричной инспекціи.

Книга Вива издана очень кстати; ознакомленіе съ элементарными требованиями гигиены для широкихъ массъ имѣетъ особо важное значение теперь, когда по „чрезвычайнымъ“ обстоятельствамъ отмѣнены всѣ законы по охранѣ труда и когда необычайная спѣшка на заводахъ и фабрикахъ позволяетъ, какъ промышленникамъ, такъ и фабричному надзору пренебрегать всѣми требованиями гигиены и санитаріи

Т. 36.

Л. Я. Гуревичъ. „Обзоръ дѣятельности городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ за первый годъ войны 1914—1915 г.“

Книга Л. Я. Гуревичъ представляетъ собой обзоръ и сводку дѣятельности городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ Петрограда, составленную по порученію Совѣта по призрѣнію семей запасныхъ, для представленія въ городскую думу.

Городскія попечительства о бѣдныхъ были организованы еще въ 1906 году и являлись по существу

органами мелкой городской единицы, учрежденными для разрѣшенія вопросовъ муниципальной благотворительности. Однако, до войны работа попечительствъ развивалась медленно и лишь съ августа 1914 года она стала на широкую дорогу.

Новый размахъ въ дѣятельности попечительствъ объясняется тѣмъ, что попечительскія организаціи широко стали привлекать со-трудниковъ, не стѣсняясь тѣми ограничительными правилами, которыя ставились уставомъ попечительствъ. Въ результатъ мы видимъ слѣдующую картину попечительской работы.

Число членовъ съ 400 человекъ, бывшихъ въ началѣ 1914 г., дошло до 2.397 человекъ. Бюджетъ 20 попечительствъ за годъ войны выражается въ суммѣ 1.980.667 р. Попечительства приняли за совершенно новые виды дѣятельности и въ нѣсколько разъ увеличили размѣры организацій, бывшихъ ранѣе. На попеченіи этихъ организацій находится 83.848 семей запасныхъ, и до 46.000 ихъ получали въ теченіе года различную помощь.

Любопытно, что, начавъ свою интенсивную работу въ спеціальной области помощи семьямъ запасныхъ, попечительства силою вещей были приведены къ необходимости создавать организаціи, обслуживающія широкіе слои населенія, на примѣръ, заняться продовольственнымъ вопросомъ, Биржей Труда, дешевыми столовыми, организаціей учреждений для дѣтей и т. д., и т. д., т. е. превратиться въ органы мелкой городской единицы, вѣдущіе вопросы муниципальной социальной политики.

Характерно, что интенсивную работу развили, главнымъ образомъ, тѣ попечительства, во главѣ которыхъ стояли прогрессивныя общественныя силы, сумѣвшія привлечь къ участию въ организаціяхъ демократическую часть населенія.

Наоборотъ, стародумцы - черносотенцы даже въ условіяхъ военнаго времени не сумѣли значительно

оживить работу попечительствъ. Это обстоятельство, послѣ черносотенной побѣды на городскихъ выборахъ, является серьезною опасностью для будущаго попечительства: новое стародумское большинство, навѣрное, „сократить“ работу попечительствъ и „устранить“ изъ нихъ демократические элементы, ибо участие города въ вопросахъ социальной политики совсѣмъ не соответствуетъ взглядамъ господъ стародумцевъ, крупныхъ цензовиковъ.

Книжка Л. Я. Гуревичъ, несомнѣнно, останется крайне цѣннымъ памятникомъ и документомъ, удостоверяющимъ всю величину значенія демократизации органовъ самоуправления и ихъ децентрализации для дѣйствительнаго развитія муниципальнаго дѣла.

М. Петровъ.

М. Г. Диканскій. „О русскихъ курортахъ“. По поводу перваго сѣзда по улучшенію отечественныхъ лечебныхъ мѣстностей. Петр. 1915 г. Ц. 50 к.

Авторъ начинаетъ съ того, что указываетъ на крайне незначительную посѣщаемость нашихъ курортовъ; въ среднемъ, въ Россіи ѣздитъ на курорты не болѣе 0,25% населенія; на Западѣ же лѣчебными мѣстами пользуется около 2% населенія. Половина всѣхъ ѣдущихъ на курорты россіянъ предпочитала заграничные курорты, оставляя тамъ ежегодно не менѣе 250.000.000 рублей. Самое любопытное въ этомъ обстоятельствѣ то, что отечественныя климатическія станции и лѣчебныя мѣста Крыма, Кавказа, Урала, Алтая и Сибири, Балтійскаго побережья и Астраханскихъ степей по своимъ естественнымъ даннымъ не только могутъ сравняться съ европейскими курортами, но во много разъ превосходятъ послѣдніе.

Отсталость нашего курортнаго дѣла всецѣло объясняется общими политическими и экономическими условіями Россіи. Курортный сѣздъ особенно цѣненъ былъ тѣмъ, что

показалъ совершенно первобытную культуру нашихъ курортовъ, не обладающихъ ни необходимыми путями сообщенія, ни благоустроенными жилищами, ни доброкачественными продуктами питанія, ни медицинской помощью, ни общимъ благоустройствомъ въ современномъ смыслѣ слова. Зато на курортахъ имѣется весьма суровая администрація и окружены курорты знаменитой „чертой“, за которую евреямъ входъ воспрещенъ.

Сѣздъ обнаружилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что судьба нашихъ еще въ сущности „молодыхъ“, несмотря на солидный возрастъ, курортовъ, находится подъ угрозой, ибо неправильная застройка курортныхъ поселеній и хроническое вырубаніе садовъ, ведетъ къ полному обезцѣненію поселеній, какъ курортныхъ мѣстъ.

Интересны выводы, къ которымъ пришелъ сѣздъ и отдѣльные докладчики. Съ одной стороны, было провозглашено требованіе предоставленія курортнымъ управленіямъ широкихъ правъ для регулированія планировки и застройки курортовъ; а съ другой — была признана необходимость учрежденія общественнаго управленія курортами. Также было признано, что курорты должны быть доступны всему населенію безъ различія вѣроисповѣданія и національности.

Брошюра М. Диканскаго ярко показываетъ, какъ велико значеніе общественной самодѣятельности и свободы во всѣхъ областяхъ жизни, будь она такъ специальна даже, какъ курорты. Призывая общество къ разрѣшенію курортнаго вопроса, авторъ, однако, ничуть не обольщается относительно возможныхъ и скорыхъ результатовъ и быстро возрожденія курортовъ; онъ признаетъ, „что главныя условія, опредѣляющія современное положеніе русскаго курортнаго дѣла, глубоко коренятся въ бытовомъ укладѣ русской жизни, въ ея гражданскихъ и правовыхъ формахъ“. А слѣдовательно и вполнѣ законченное и полное обновленіе нашей курортной

организации и культуры будет проведено лишь настолько, насколько радикально окажутся, в концѣ концов, преобразованы наши общія „громадскія и правовыя формы“.

Въ общемъ книжка М. Диканскаго поучительна и интересна.

М. Петровъ.

Календарь „Справочникъ Городскаго Дѣтеля на 1916 г.“ Составилъ Б. Б. Веселовскій. Изд. Журн. „Гор. Дѣло“ и „Земск. Дѣло“. Ц. 1 р. 50 к. Петроградъ 1916, стр. 448.

Типъ Календаря „Справочника Городскаго Дѣтеля“, выпускаемаго ежегодно журналомъ „Гор. Дѣло“, надо считать въ настоящее время окончательно установившимся. Это издание представляетъ собою, съ одной стороны, муниципальный календарь, содержащій свѣдѣнія текущаго характера, помѣщаемыя регулярно изъ года въ годъ (население, бюджеты и т. д.), а съ другой — это издание играетъ роль ежегодника, гдѣ имѣются материалы, мѣняющіеся изъ года въ годъ и рисующіе то одну, то другую сторону городского дѣла въ Россіи, отчасти и за границей, въ зависимости отъ остроты того или иного вопроса, поставленнаго на очередь въ нашей муниципальной жизни. Послѣдняго рода свѣдѣнія даются не только въ видѣ таблицъ, схемъ и обзоровъ, но и въ формѣ небольшихъ статей.

Въ Справочникѣ на 1916 годъ напечатаны слѣдующія статьи: „Объ организации мѣстнаго самоуправления на Западѣ“ — М. Н. Петрова, „О муниципальномъ образовании въ Германіи и Швейцаріи“ — Г. С. Михайлова и „Городскіе ломбарды“ — И. А. Кирилова. Много мѣста отведено вопросамъ: Города и война, Всероссійскому союзу городовъ и опыту муниципальной программы. Всѣ отмѣченныя выше темы безусловно интересны и вполне своевременны; уклониться отъ нихъ состави-

телю Календаря было, конечно, невозможно.

Вопросъ объ организации городского самоуправления на Западѣ тѣсно связанъ съ выдвинутой на очередь реформой нашего самоуправления, разрабатываемой по инициативѣ Госуд. Думы правительствомъ. Поэтому помѣщеніе въ Справочникѣ материаловъ по самоуправленію на Западѣ является вполне своевременнымъ. Особенно полезна „схема“ муниципальных системъ иностранныхъ государствъ. Приходится лишь пожалѣть, что система въ этой „схемѣ“ недостаточно выработана и не согласована съ системой, помѣщенной въ Справочникѣ статьи „Гор. самоуправленіе на Западѣ“.

Не менѣе своевременно было напечатать въ Справочникѣ свѣдѣнія о постановкѣ муниципального образования за границей и у насъ. Городское дѣло приобрѣло уже такие размѣры, что муниципальные работники непременно должны получать специальную теоретическую подготовку.

Чрезвычайно интересны данныя о положеніи городскихъ управленій въ связи съ войной. Хотя эти материалы и не являются исчерпывающими, но тѣмъ не менѣе они не теряютъ своего значенія, ибо пока единственные въ своемъ родѣ. Къ числу недочетовъ этого отдѣла надо отнести отсутствіе суммарныхъ подсчетовъ; нѣкоторыя части могли бы быть представлены въ табличной формѣ.

Заслуживаетъ быть отмѣченной попытка редакціи „Городскаго Дѣла“ выработать муниципальную программу, опытъ которой помѣщенъ въ Справочникѣ. Программа составлена специалистами различныхъ отраслей городского хозяйства. Недостаткомъ программы является несогласованность между собой отдѣльныхъ частей и, повидимому, чрезвычайно поспѣшная редакционная обработка, заставляющая желать много лучшаго. Во всякомъ случаѣ, мысль „Гор-

Дѣла“ положить начало построению муниципальной программы чрезвычайно цѣнная, и ея первый опытъ, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, долженъ оставить видный слѣдъ въ истории русской муниципальной жизни.

Интересенъ материалъ Справочника, относящийся ко Всероссийскому союзу городовъ. Этой организации, при всѣхъ ея дефектахъ, объясняемыхъ ценовымъ составомъ нашихъ городскихъ управлений, суждено сыграть большую роль въ развитии городского самоуправления въ России. Составитель, однако, сдѣлалъ большую ошибку, сосредоточивъ свое внимание главнымъ образомъ на фактической дѣятельности союза, оставивъ безъ вниманія основы организации его, права и правовую сущность союза. Справочникъ даетъ всѣ постановления городскихъ сѣздовъ, въ томъ числѣ знаменитыя, въ свое время „нелегальныя“ резолюции о созывѣ Государственной Думы, о правительствѣ, пользующемся „доверіемъ страны“, объ амнистии, о политическихъ свободахъ и равноправии, и о реформѣ городского самоуправления.

Обращаясь къ Справочнику въ его цѣломъ, мы вновь, какъ и при первыхъ отзывахъ, должны указать на недостаточно разработанную систему расположения матерьяла. Рекомендуемъ составителю Справочника серьезно заняться этимъ вопросомъ. Было бы полезно систему справочника подвергнуть коллективному обсужденію городскихъ дѣятелей.

Другимъ недостаткомъ Справочника является отсутствие во многихъ таблицахъ и свѣдѣніяхъ суммарной сводки, значительно затрудняющее пользование свѣдѣніями.

Заставляютъ желать лучшаго многія отдѣльныя части Справочника въ смыслѣ полноты и точности помѣщенныхъ свѣдѣній. Напримѣръ, перепутаны фамилии членовъ управы петроградской думы, названія нѣкоторыхъ муниципальных журналовъ, отсутствующи

годы основанія нѣкоторыхъ гор. кредитныхъ обществъ и т. д., и т. д. Досадны опечатки въ заголовкахъ и страницахъ оглавленія Справочника. Въ общемъ, намъ кажется, что въ отдѣлкѣ деталей составителямъ надо проявить болѣе тщательности. Но во всякомъ случаѣ, мы усиленно рекомендуемъ Справочникъ всѣмъ, кто интересуется не только вопросами городского самоуправления, но и общественно-экономическими явлениями вообще.

М. Петровъ.

Календарь „Справочникъ Земскаго Дѣятеля на 1916 годъ“. Изд. журналовъ „Городское Дѣло“ и „Земское Дѣло“. Ц. 1 р. 50 к. стр. 416.

Справочникъ Земскаго Дѣятеля въ общемъ, составленъ по тому же типу, что и Справочникъ Городскаго Дѣятеля. Однако, дѣятельность земствъ рисуется Справочникомъ болѣе выпукло, чѣмъ работа городовъ. Отдѣлы земскаго дѣла разбиты тщательно и подробно выдѣлены въ оглавленіи. Тогда какъ городской Справочникъ содержитъ лишь три рубрики муниципальной работы: благоустройство, финансы и внутренняя организация, въ земскомъ Справочникѣ мы насчитываемъ уже 7 отдѣловъ, со всѣхъ сторонъ освѣщающихъ жизнь русскаго земства.

Отчасти, быть можетъ, такая рельефность матеріаловъ земскаго справочника объясняется болѣе отчетливостью и большимъ развитіемъ земскаго хозяйства въ сравненіи съ хозяйствомъ городовъ. Но быть можетъ здѣсь есть и нѣкоторая вина составителей, заключающаяся въ томъ, что на составленіе городского Справочника не было удѣлено столько вниманія и силъ, сколько требовалось обстоятельствами дѣла.

Въ результатъ, Справочникъ Земскаго Дѣятеля производитъ болѣе выгодное впечатлѣніе, чѣмъ Справочникъ Городской.

Въ Справочникѣ Земскаго Дѣя-

теля (такъ же какъ и въ Справочникѣ Двѣтеля Городского) въ текущемъ году появилось нововведеніе: алфавитный указатель къ Справочникамъ за 6 лѣтъ. Такъ какъ многія свѣдѣнія въ Справочникахъ печатаются не регулярно и не повторяются, то подобный указатель совершенно необходимъ.

Составитель Справочника — Б. Б. Веселовскій — отмѣчаетъ паденіе отвѣтовъ, поступающихъ на анкету Редакціи какъ отъ земствъ, такъ и отъ городовъ. Количество отвѣтовъ въ 1915 году чуть-чуть не вдвое уменьшилось по сравнению съ тѣмъ, что было получено въ 1913 году. Земства и города дѣлаютъ большую ошибку, демонстрируя свою неаккуратность въ сообщеніи свѣдѣній, ибо собранный

и обработанный исчерпывающій фактический матеріалъ прежде всего необходимъ именно самимъ же органамъ самоуправления.

То обстоятельство, что составителю съ трудомъ удается собирать нужныя свѣдѣнія, заставляетъ насъ повторить уже высказанную однажды мысль, что изданіе Справочниковъ было бы чрезвычайно полезно поставить на общественную почву, передавъ въ руки самихъ городовъ и земствъ, и съ матеріальной и съ технической стороны гораздо болѣе приспособленныхъ къ осуществленію этой задачи, чѣмъ отдѣльныя лица, какъ бы послѣднія ни были энергичны и свѣдущи въ муниципальномъ дѣлѣ.

М. Петровъ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ февральской книгѣ „Лѣтописи“, къ сожалѣнію, были допущены слѣдующія досадныя опечатки:

Авторъ книги о „Всероссійскомъ Земскомъ Союзѣ“, проф. М. Д. Загряцковъ, вездѣ названъ М. Д. Зажецковымъ.

2) Авторъ рецензіи на книгу бар. Гинцбурга „О русскомъ стихосложеніи“, Д. Выгодскій, названъ Д. Высодскимъ.

3) На страницѣ 172, заголовокъ — вмѣсто „Проблема синтеза“, напечатано: „Проблема системы“.

4) На страницѣ 187, на 5-ой строчкѣ снизу и на страницѣ 190, на 2-ой строчкѣ сверху, вмѣсто „концерны“, напечатано „концерты“.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. Г., г. редакторъ.

Та опубликованное мною недавно въ петроградскихъ газетахъ обращеніе любезно откликнулись нѣкоторые издатели (въ томъ числѣ отзывчивые И. И. Горбуновъ и И. Д. Сытинъ) и частныя лица, которымъ спѣшу выразить свою искреннюю благодарность. Теперь позволяю себѣ черезъ посредство вашего журнала обратиться къ его читателямъ съ новымъ своимъ обращеніемъ.

Приступая къ составленію возможно полнаго и обширнаго „Обозрѣнія толстовской литературы“ (т. е. изданій всѣхъ писаній Л. Н. Толстого и литературы, касающейся его жизни), обращаюсь ко всѣмъ издателямъ, редакторамъ, и авторамъ, выпустившимъ въ свѣтъ какъ сочиненія и письма самого Льва Николаевича, такъ и всякаго рода книги и статьи о немъ — съ просьбой прислать мнѣ по одному экземпляру такихъ изданій.

Желательно получение не только книгъ и статей, непосредственно и исключительно касающихся Л. Н-ча, но и такихъ, въ которыхъ Л. Н-чу отведено лишь нѣсколько или же только одна глава.

Буду чрезвычайно благодаренъ всѣмъ, кто откликнется на это мое обращеніе, а особенно тѣмъ, кто пришлетъ мнѣ оттиски такихъ статей, и, главное, воспоминаній о Л. Н-чѣ, которыя не вышли въ отдѣльномъ изданіи, а были помѣщены только въ повременной печати.

Присланныя мнѣ изданія, по использованіи мною ихъ для „Обозрѣнія“, пополнять собранія толстовской литературы, находящіяся въ Рукописномъ Отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ (въ такъ наз. „Толстовской комнатѣ“) и въ Толстовскомъ Музеѣ въ Петроградѣ.

Адреса, по которымъ можно направлять изданія: 1) Петроградъ, В. О. Большой пр., д. 6, Толстовскій Музей, Константину Семеновичу Шохорь-Троцкому; или же 2) Москва, Лефертовскій переулокъ, д. 7 (близъ Нѣмецкой ул.), К. С. Шохорь-Троцкому (Телеф. 5. 72. 01).

Конст. Шохорь-Троцкій.

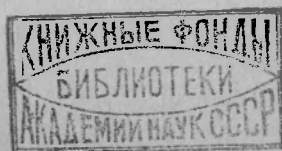
КНИГИ, ПОСТУПИВШИЯ ВЪ РЕ- ДАКЦІЮ.

- Айзманъ, Д.** *Вѣрность и др. рассказы.* Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1916. Стр. 260. Ц. 1 р. 25 к.
- Алавердянцъ, М. Я.** *Идеологи освобожденія турецкихъ армянъ:* романистъ Раффи, бытописатель Дзеренцъ, поэтъ С. Патканьянъ и публицистъ Гр. Арцруни. П. 1915. Стр. 24. Ц. 40 к.
- Биленкинъ, Александръ.** *Роза во льду.* Стихи. Изд-во. „Факель“. П. 1916. Стр. 60. Ц. 1 р.
- Вагнеръ, Германъ.** *Самая большая трава.* Пер. В. Величкиной. Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1916 Стр. 20. Ц. 5 к.
- Вагнеръ, Германъ.** *Финиковая роща.* Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1916. Стр. 21. Ц. 5 к.
- Водовозовъ, В.** *По сербской Македонии.* Путевыя замѣтки. (Отд. оттискъ изъ „Вѣстн. Евр., 1916 г. № 1.) П. 1916. Стр. 47.
- Вопросы теоріи и психологическаго творчества. Т. VII.** (Непер. изд., выходъ подъ ред. Б. А. Левина. Главн. скл. изд. въ кн. маг. „Новаго Времени“. Харьковъ. 1916. Стр. 261. Ц. 1 р. 75 к.
- Горькій, М.** *Лето,* Т. XIV. Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1916. Стр. 201. Ц. 1 р. 50 к.
- Додэ, А.** *Джэксъ и другіе рассказы.* Пер. и ред. А. П. Печковского. Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1916. Стр. 69. Ц. 40 к.
- Дорогая мѣста.** Подъ ред. И. А. Бѣлоусова. Изд. 2-е. Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1916. Стр. 169. Ц. 1 р. 10 к.
- Зеленая лампа.** *Литературный сборникъ. Кн. I.* Изд. М. И. Семенова. П. 1916. Стр. 190. Ц. 1 р. 50 к.
- Бараскевичъ, С.** *Кипарисный царь и др. рассказы.* Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1916. Стр. 256. Ц. 1 р. 25 к.
- Бъ еврейскому вопросу въ Польшѣ.** *Сборникъ статей съ пред. Н. Н. Полянского.* Скл. изд.: Кн. маг. и кн-во „Наука“. М. 1915. Стр. 258. Ц. 1 р. 50 к.
- Бовалевскій, Н. З.** *На подворной переписи.* (Замѣтки земскаго статистика.) Изд. „Агрономическаго Журнала“. Харьковъ. 1913. Стр. 30.
- Бонъ-Винеръ.** *Исторія стилей изящныхъ искусствъ.* Пер. подъ редакціей М. С. Сергѣева. 2-е испр. и дополн. изд. Кн во „Космосъ“. М. 1916. Стр. 308. Ц. 2 р. 75 к.
- Лермонтовъ, М. Ю.** *Ашикъ-Керибъ. Турецкая сказка.* Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1916. Стр. 18. Ц. 4 к.
- Лермонтовъ, М. Ю.** *Демонъ.* Восточная повѣсть. Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1916. Стр. 91. Ц. 8 к.
- Масловъ, П.** *Война и демократія.* Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1916. Стр. 54. Ц. 40 к.
- Масловъ, Семень.** *Наше сельское хозяйство и война.* Скл. изд. Москва, Моховая, 14. М. 1916. Стр. 58. Ц. 40 к.
- Масловъ, С.** *Развитіе производительныхъ силъ и война.* Стр. 12. Оттискъ изъ журн. „Вѣстн. Сельск. Хоз.“
- Недзѣльскій, Евгений.** *Радость въ страданіи.* Поэзія. Изд. автора. М. 1915. Стр. 46. Ц. 1 р.
- Обзоръ дѣятельности городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ за пер-**

- вый годъ войны 1914—1915 гг. Составила Л. Я. Гуревичъ. Изд. Совѣта по призрѣнню семей лицъ, призванныхъ на войну. П. 1915. Стр. 107.
- Озеровъ, Н. И.** *Очерки словесности.* Курсъ IV класса коммерческихъ училищъ. Кн-во бывш. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 299. Ц. 1 р. 20 к.
- „Очарованный Странникъ“.** *Альманахъ весенни.* 1916. Стр. 20. Ц. 35 к.
- Очеркъ дѣятельности петроградскаго городского комитета всероссийскаго союза городовъ.** Вып. I. П. 1916. Стр. 238.
- Панкратовъ, А. С.** *Встрѣчные люди.* Скл. изд.: Москва, Некрасовъ, Цвѣт. бульв. 12. Ярославль. 1916. Стр. 272. Ц. 1 р. 50 к.
- Панкхерстъ, Эвелина.** *Моя жизнь.* Записки суффражистки. Кн-во М. В. Попова. П. 1916. Стр. 263. Ц. 2 р.
- Парновъ, Софія.** *Стихотворенія.* Скл. изд.: Петроградъ, „Жизнь и Знаніе“. П. 1916. Стр. 77. Ц. 1 р. 25 к.
- Петроградская городская дума въ 1913—1915 гг.** (*Дѣятельность группы обновленія.*) Изд. группы обновленія. П. 1915. Стр. 253. Ц. 2 р. 50 к.
- Рославлевъ, Борисъ.** *„Смѣшныя картинки“.* Изд. оханскій уѣзд. ной зем. управы. Оханскъ. 1916. Стр. 59. Ц. 1 р.
- Сборникъ.** *„День торговыхъ служащихъ“.* Изд. Об-ва Вспоможения частному служебному труду. Н.-Новгородъ. 1916. Стр. 41. Ц. 30 к.
- Семенниковъ, В. П.** *Когда Радичевъ задумалъ „Путешествіе“?* Изд. Л. Э. Бухгеймъ. М. 1916. Стр. 46. Ц. 1 р.
- „Сполохи“.** *Книга X.* Скл. изд.: „Т-во М. О. Вольфъ“. М. 1916. Стр. 237. Ц. 1 р. 50 к.
- Студенчество жертвамъ войны.** Изд. Студ. Общ. Иск. и Изящн. Литературы при И. М. У., подъ ред. пр.-доц. гр. Ф. Г.-де-Ла-Барта (†) и Н. В. Самсонова. М. 1916. Стр. 141. Ц. 1 р. 25 к.
- Сухановъ, Ник.** *Къ кризису социализма.* (По поводу „военныхъ“ выступлений Г. В. Плеханова.) Скл. изд.: Петроградъ, Невскій, 66 кн. маг. б. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 48. Ц. 30 к.
- Тимковский, Н.** *Передъ жизнью.* Кн. X. *Разказы.* Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1916. Стр. 218. Ц. 1 р. 25 к.
- Толстой, гр. А. И.** *Земныя сокровища.* (*Дѣтъ жизни. Т. VIII. Романъ-хроника.*) Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1916. Стр. 183. Ц. 1 р. 25 к.
- Трубецкой, князь Е. Н.** *Умозрѣніе въ краскахъ.* Публичная лекція. Изд. автора. М. 1916. Стр. 44. Ц. 25 к.
- Тугендхольдъ, Е.** *Проблема войны въ мировомъ искусствѣ.* Изд. Т-ва Сытина. М. 1916. Стр. 167. Ц. 2 р. 50 к.
- Финансовый отчетъ Петроградскаго городского комитета всероссийскаго союза городовъ по 1 июля 1915 г.** П. 1915. Стр. 79.
- Черный, Борисъ.** *Третья тетрадь разказовъ.* Скл. изд.: Москва, Зубовскій бульваръ, д. Гипшусъ, кв. 53. М. 1916. Стр. 31. Ц. 25 к.
- Чернышевъ, В.** *Правильность и чистота русской рѣчи.* Опытъ русской стилистической грамматики. Изд. 3-е, сокращенное. Скл. изд. у автора. П. Васильевск Остр., 6 лин., д. 29. 1916. Стр. 264. Ц. 1 р. 50 к.
- Чужакъ, Н. Ф.** *Сибирскіе поэты и ихъ творчество.* Вып. I. Изд. 2-е. Кн-во „Ирисы.“ Иркутскъ. Стр. 64. Ц. 40 к.
- Чулковъ, Георгій.** *Сергея Нестроевъ.* Романъ. Кн-во: „Сѣверные дни“. М. 1916. Стр. 243. Ц. 1 р. 50 к.
- Шмелевъ, Ив.** *Догонимъ солнце.* (Драматическая сказка.) Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1916. Стр. 94. Ц. 60 к.
- Щепкина-Куперникъ, Т.** *Отзвуки войны.* Стихотворенія. Изд. Т-ва Сытина. М. 1915. Стр. 96. Ц. 50 к.
- Экъ, Еватерина.** *Письма матери.* Скл. изд. „Новые дни“. М. 1915. Стр. 32. Ц. 30 к.

Издатель А. Н. Тихоновъ.

Редакторъ А. Ѡ. Радзишевскій.

Русско - Азіатскій Банкъ.

ПРАВЛЕНІЕ въ Петроградѣ, Невскій, 62.

Складочный капиталъ Руб. 45.000.000
Командита Китайск. Прав. Куп. Таэлей 3.500.000
Запасные капиталы Руб. 23.300.000

ГОРОДСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ БАНКА въ ПЕТРОГРАДѢ
на Садовой ул. д. 48 (Близъ Сѣнной площади).

Отдѣленія и Агентства

въ Европейской и Азиатской Россіи и за границей:

Андижанъ, Армавиръ, Астрахань, Асхабадъ, Баку, Балашовъ, Барнаулъ, Батумъ, Бійскъ, Благовѣщенскъ, Бомбей, Борисоглѣбскъ, Бургурлиновка, Бухара, Бѣжецкъ, Верхнеудинскъ, Вильна, Витебскъ, Владивостокъ, Владикавказъ, Воронежъ, Вѣрный, Гомель, Гонконгъ, Дальній (Дайренъ), Дербентъ, Ейскъ, Екатеринбургъ, Екатеринодаръ, Елецъ, Ефремовъ, Иркутскъ, Йокагама, Казань, Калькутта, Кашгаръ, Керки, Кишиневъ, Козловъ, Кокандъ, Красноярскъ, Кронштадтъ, Куанчендзы, Кульджа, Кяхта, Либавъ, Лондонъ, Маргеланъ, Мариуполь, Мервъ, Минскъ, Москва, Наманганъ, Нижний-Новгородъ во время ярм., Николаевскъ Приморск., Новозыбковъ, Ново-Николаевскъ, Новороссійскъ, Новый Ургенчъ, Новочеркасскъ, Ньючангъ, Одесса, Омскъ, Орель, Парижъ, Пекинъ, Пенза, Петровскъ (Даг.), Покровская Слобода, Прилуки, Прохладная Ст., Рига, Рославль, Ростовъ на Дону, Рыбинскъ, Самара, Самаркандъ, Саратовъ, Семипалатинскъ, Срѣтенскъ, Старый Осколь, Ташкентъ, Тверь, Туапсе, Тяньдзинь, Хабаровскъ, Хайларъ, Ханькоу, Харбинъ, Харьковъ, Херсонъ, Чита, Чифу, Чугучакъ, Шанхай, Якутскъ.

Адресъ для телеграммъ: „СИНОУСЪ“

Банкъ имѣетъ корреспондентовъ во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи и за границей.

НОВЫЯ КНИГИ

Ник. Сухановъ.

Наши дѣвыя группы и война. (Цѣли войны и мотивы ея пріятія.) Изд. 4-е. Петроградъ. 1916 г. Цѣна 50 коп.

Еъ кризису социализма. (По поводу „военныхъ“ выступленій Г. В. Плеханова) 2-е изд. Петроградъ. 1916 г. Цѣна 30 коп.

Наши направленія. (Сборникъ статей о марксизмѣ и народничествѣ.) Петроградъ. 1916 г. Цѣна 80 коп.

Очерки по вопросамъ народнаго хозяйства (печатается). Петроградъ. 1916 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Складъ изданій въ книжн. магазинѣ Яснаго (бывш. М. В. Попова). Петроградъ, Невскій пр., 66.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Земельная рента и основы земельного обложения. Съ предисл. В. Чернова. Москва. 1908 г. Цѣна 85 коп.

Еъ вопросу объ эволюціи сельскаго хозяйства. (Соціальныя отношенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ Россіи). Москва. 1909 г. Цѣна 2 руб.

Складъ въ книжн. маг. „Наука“. Москва, Б. Никитская, 10.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

М. В. ПОПОВА, в. адъютантъ
М. А. Ясный.

Петроградъ, Невскій пр., 66.

Имѣются въ продажѣ:

А. Бибицъ. <i>Къ широкой дорогѣ</i> . Романъ.	Цѣна 1 р. 25 к.
Вл. Войтинскій. <i>Внѣ жизни</i> . Очеркъ тюрьмы и каторги	1 „ 25 „
Вл. Войтинскій. <i>Судь побѣдителей</i>	1 „ 50 „
Р. Григорьевъ. <i>Недавнее</i> . Романъ	2 „ — „
„ <i>На ущербъ</i> . Романъ	1 „ 50 „
Вл. Беренштамъ. <i>Изъ пережитаго</i>	1 „ 25 „
„ <i>Записки адвоката</i>	1 „ 25 „
Г. Добронравовъ. <i>Горькій цвѣтъ</i> . Разказы.	1 „ 50 „
Бор. Садовской. <i>Лебединые клики</i> . Повѣсти.	1 „ 25 „
„ <i>Адмиралтейская игла</i> . Раз- сказы	1 „ 25 „
Панкхерстъ. <i>Моя жизнь</i> . Записки суффра- жистки	1 „ 50 „
Г. В. Плехановъ. <i>О войнѣ</i>	— „ 75 „
Н. Сухановъ. <i>Наши львья группы и война</i> .	— „ 50 „
Готье, Теофиль. <i>Эмали и Камей</i> . Перев. Гумилева	1 „ 50 „
Гоберъ, Е. <i>Въ чужомъ пиру</i> . Романъ	1 „ 25 „
В. Ирецкій. <i>Суета</i> . Разказы	1 „ 25 „
М. М—скій. <i>Отъ бурсы до снятия сана</i> . Дневникъ священника	1 „ 25 „
Саввати. <i>Тетрадь въ сафьянѣ</i> . Повѣсть	1 „ — „
А. Свирскій. <i>Въ чертъ</i>	1 „ — „
Ю. Слезкинъ. <i>Помѣщикъ Галдинъ</i> . Повѣсть	1 „ 25 „
„ <i>Ольга Оргъ</i> . Романъ	1 „ 25 „
„ <i>Глупое сердце</i> . Разказы	1 „ 50 „
Гетчинсонъ. <i>Очерки первобытнаго міра</i>	1 „ 50 „
Э. Дюркгеймъ и Е. Дени. <i>Кто хотѣлъ войны</i>	— „ 60 „
„ <i>Въ тылу</i> “ Литературно-художественный альманахъ	2 „ — „
Ев. Замятинъ. <i>Угздное</i> . Повѣсти	1 „ — „
И. Кантъ. <i>Антропология</i>	2 „ 50 „
„ <i>Критика чистаго разума</i>	3 „ 50 „
„ <i>Критика способности сужденія</i> .	1 „ 50 „
Ланге. <i>Исторія материализма</i>	1 „ 50 „
О. Ранкъ. <i>Значеніе психоанализа въ на- укахъ о духѣ</i>	1 „ 50 „

Каталоги съ отзывами высылаются по требо-
ванію.

Въ провинцію книги высылаются наложен-
нымъ платежомъ.

Книжный магазинъ высылаетъ всѣ имѣю-
щіяся въ продажѣ книги.

„Иркутская Жизнь“. Большая политическая, литературная и экономическая газета. Открыта подписка на 1916 г. Свѣдѣнія съ войны передаются въ газету „Иркутская Жизнь“ по телеграфу собственными корреспондентами и Петроградскимъ телеграфнымъ агентствомъ. Подписная цѣна газеты: На годъ — 9 р.; на полгода — 4 р. 75 к.; на 3 мѣсяца — 2 р. 75 к.; на 1 мѣсяць — 1 р.

СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Открыта подписка на 1916 г. (Двадцать шестой годъ издания). Выходитъ въ Тобольскѣ три раза въ недѣлю; по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: На 1 годъ — 5 руб.; на $\frac{1}{2}$ — года 3 руб.; на 4 мѣс. — 2 руб.; на 3 мѣс. — 1 руб. 50 коп.; на 1 мѣс. — 60 коп. Мелкія суммы принимаются почтовыми марками. Иногородные адресуютъ: Тобольскъ. Редакція „Сибирск. Листка“. Редакт.-Изд. М. Н. Костюрина.

Открыта подписка на 1916 годъ на кооперативные журналы издания Московскаго Союза Потребительныхъ Обществъ.

I.

„Союзъ Потребителей“. Посвященный интересамъ русской кооперации вообще и потребителей въ особенности. Выходитъ 48 разъ въ годъ. Всѣ подписчики „Союза Потребителей“ получаютъ бесплатно: 1) Одинъ изъ двухъ популярныхъ кооперативныхъ журналовъ — „Объединеніе“ или „Общее дѣло“ по своему выбору и 2) Кооперативный настольный календарь на 1917 г. Подписная плата: за 1 г. — 5 р., за $\frac{1}{2}$ г. — 2 р. 60 к., за $\frac{1}{4}$ — 1 р. 40 к., за 1 м. — 50 к.

II.

„Объединеніе“. Общедоступный иллюстрированный кооперативный журналъ VI годъ издания. Бесплатное приложение: Кооперативный календарь на 1917 г. При отдѣльной подпискѣ подписная плата за годъ 1 р. 50 к.

III.

„Общее Дѣло“. Общедоступный иллюстрированный кооперативный журналъ членовъ потребительныхъ обществъ. Выходитъ два раза въ мѣсяць. Бесплатное приложение: Кооперативный настольный календарь на 1917 г. При отдѣльной подпискѣ за годъ 1 р. 50 к. Потребительныя Общества, желающія упрочить свое положеніе путемъ поднятія интереса къ Обществу въ средѣ членовъ и окрестнаго населенія, имѣютъ возможность это сдѣлать путемъ выписки за счетъ Общества и раздачи членамъ и покупателямъ журналовъ: городскія и рабочія о-ба — „Объединенія“, а сельскія — „Общаго дѣла“. При выпискѣ какого-либо изъ популярныхъ журналовъ по одному адресу въ большомъ количествѣ назначена льготная подписная плата. Отъ 2 до 5 экз. по 1 р. 40 к. за годов. экз., отъ 6 до 10 экз. 1 р. 20 к., отъ 11 до 20 экз. 1 р. 10 к., отъ 21 до 50 экз. 1 р., отъ 51 до 100 экз. по 95 к., отъ 101 до 200 экз. по 90 к., отъ 201 до 500 экз. по 85 к., отъ 501 до 1000 экз. по 80 к. Св. 1000 по 75 к. Подписная плата, начиная отъ 50 экзempl., можетъ быть вносима въ разсрочку по четвертямъ года. Подписка принимается: 1) въ конторѣ редакціи — Москва, Новая Переверденовка, с. д. 2) Киевъ, Агентура Московскаго Союза, Подоль, Воздвиженская, № 1. 3) Ростовъ-на-Дону, Агентура Союза, Старо-Почтовая, 98. 4) Одесса, Агентура Союза, ул. Кондратенко, № 29. 5) Рыбинскъ, Закупочн. пунктъ М. С., уг. Б. и Мал. Казанской, д. Соловьева. Въ лавкахъ потребительныхъ обществъ, въ кооперативныхъ союзахъ, земскихъ кассахъ мелкаго кредита, въ книжныхъ магазинахъ и черезъ почтовыя учрежденія.

СОСТОЯНІЕ СЧЕТОВЪ СИБИРСКАГО ТОРГОВАГО БАНКА

на 1-е декабря 1915 года.

Правленіе Банка — въ Петроградѣ.

Отдѣленія: въ Москвѣ, Аккерманѣ, Акмолинскѣ, Андижанѣ, Архангельскѣ, Барнаулѣ, Бирскѣ, Бисскѣ, Благовѣщенскѣ, Бухарѣ (Старой), Верхнеудинскѣ, Верхнеуральскѣ, Владивостокѣ, Вѣрномѣ, Вяткѣ, Екатеринбургѣ, Ирбитской Ярмаркѣ (съ 25 января по 24 февраля), Иркутскѣ, Каинскѣ и Камнѣ (Томской губ.), Кокандѣ, Красноярскѣ, Кунгурѣ, Курганѣ, Кустанаѣ, Миусинскѣ, Нижегородской Ярмаркѣ (съ 25 июля по 31 августа), Никольскѣ-Уссурийскомѣ, Ново-Николаевскѣ, Одессѣ, Омскѣ, Оренбургѣ, Орскѣ, Перми, Петропавловскѣ (Акмолинской обл.), Проскуровѣ, Рыбинскѣ, Самаркандѣ, Сарапулѣ, Семипалатинскѣ, Срѣтенскѣ, Стерлитамакѣ, Тобольскѣ, Томскѣ, Троицкосавскѣ, Троицкѣ (Оренбург. губ.), Тюмени, Уфѣ, Хабаровскѣ, Читѣ и Шадринскѣ.

Городскія отдѣленія: въ Петроградѣ — на Калашниковской Биржѣ и при Скотопро, мысленной и Мясной Биржѣ и въ Москвѣ — близъ Мясной Биржи, въ Гавриковомъ переулкѣ, въ Замоскворѣчѣ, на Кузнецкомъ мосту, на Преображенской площади, на Серпуховской пл., у Сухаревой Башни, на Таганской пл. и въ Марьиной Рощѣ.

Комиссіонеры: на Зѣѣ — пристани, въ Канскѣ (Енисейск. губ.), Котельничѣ, Николаевскѣ на Амурѣ, и Городскіе: въ Петроградѣ — на Смоленскомъ рынкѣ.

А К Т И В Ъ.

	Правленіе.		Отдѣленія.		В С Е Г О.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
Касса: наличность и текуще счета въ Госуд. и частныхъ Банкахъ	3.867.998	77	8.843.618	35	12.711.617	12
Учетъ векселей, торгов. обязат., тиражныхъ цѣнныхъ бум. и текущ. купоновъ	21.410.375	41	31.931.269	16	53.341.644	57
Суды подъ обезпеченіе	63.998.145	63	56.513.552	40	120.511.698	03
Покупка золота и драгоцѣн. металл.: принадл. Банку тратты на загр. мѣста и иностр. денежн. знаки	2.864.113	84	676.316	03	3.540.429	87
Цѣнныя бумаги, принадлежащія Банку	14.538.975	25	9.844.525	21	24.383.500	46
Счетъ Банка съ Отдѣленіями	—	—	37.293.755	42	37.293.755	42
Корреспонденты Банка:						
1. По ихъ счетамъ (лого)	3.846.688	08	10.869.947	56	174.716.635	64
2. По счетамъ Банка (postro): свободн. суммъ въ распоряженіи Банка	6.018.331	87	459.829	24	6.478.161	11
Простованные векселя и торгов. обязательства	73.065	22	1.014.954	15	1.088.019	37
Просроченныя суды	53.231	96	230.770	69	284.002	65
Текущіе расходы	953.884	34	2.274.103	99	3.227.983	33
Расходы, подлежащіе возврату	—	—	20.737	20	20.737	20
Недвижимое имущество	3.317.692	04	2.285.226	65	5.602.918	69
Движимое имущество, обезпеченіе и устройство	163.551	57	530.169	62	693.721	19
Переходящія суммы	2.505.928	05	3.024.925	17	5.530.853	22
И Т О Г О	283.611.982	03	165.813.700	84	449.425.682	87

П А С С И В Ъ.

Складочный капиталъ	20.000.000	—	—	—	20.000.000	—
Запасный капиталъ	10.000.000	—	—	—	10.000.000	—
Запасная прибыль	1.000.000	—	—	—	1.000.000	—
Запасный дивидендъ	4.000.000	—	—	—	4.000.000	—
Вклады: на текущіе счета, безсрочные и срочные	98.524.886	98	140.894.834	14	239.419.721	12
Капиталъ погаш. затратъ по недвиж. имущ. Банка	272.036	62	331.782	84	603.819	46
Долгъ Гос. Банку: 1) по спец. сч. подъ векс. и % бум.	—	—	178.000	—	178.000	—
2) по переучету векселей	—	—	3.381	—	3.381	—
Счетъ Банка съ Отдѣленіями	3.827.035	60	—	—	38.257.035	60
Корреспонденты Банка:						
1. По ихъ счетамъ (лого): свободныя суммы въ распоряженіи корреспондентовъ	53.103.966	92	3.762.058	62	55.866.025	54
2. По счетамъ Банка (postro): суммы, остающ. за Банкомъ	49.324.638	88	4.862.866	19	54.187.505	07
Акцептованныя тратты	138.427	85	1.114.298	77	1.252.726	62
Невыплаченный по акціямъ Банка дивидендъ	102.877	50	—	—	102.877	50
Проценты, подлежащ. уплатѣ по тек. сч. и вкладамъ	2.573.591	33	4.329.208	79	6.902.800	12
Полученныя % и комиссія за исключеніемъ % исчисленныхъ по вкладамъ и тек. счетамъ	5.038.161	26	3.394.716	23	8.432.877	49
Переходящія суммы	2.258.359	09	6.942.554	26	9.200.913	35
И Т О Г О	283.611.982	03	165.813.700	84	449.425.682	87

Цѣнности на храненіи 135.921.721 04 115.331.592 40 251.253.313 44
Векселя на комиссіи 6.803.953 08 16.340.688 24 23.144.641 37

Номинальная стоимость акцій Р. 250. Уплата дивиденда производится въ Правленіи Банка въ Петроградѣ и во всѣхъ его Отдѣленіяхъ.

И. Ив. № 438